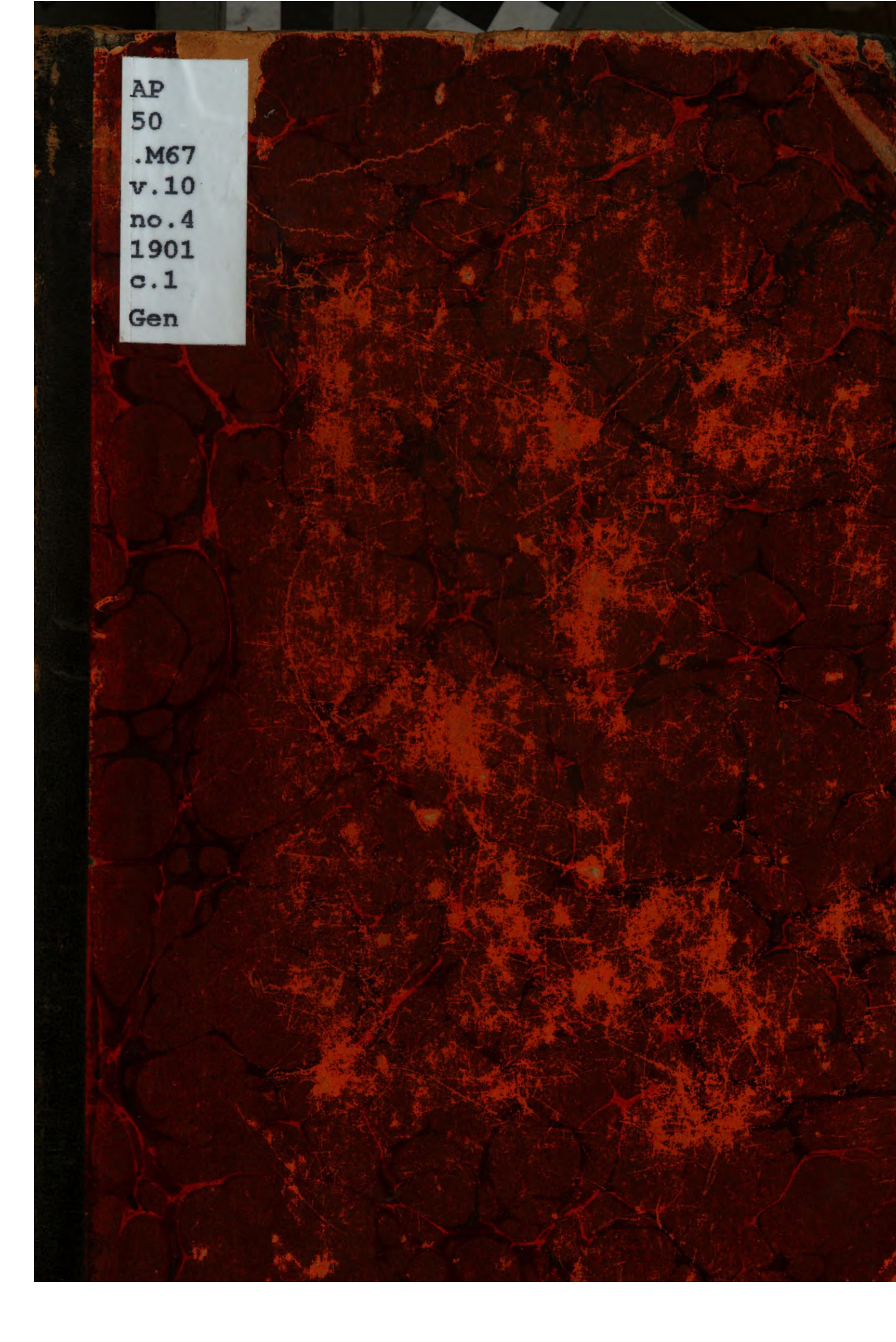

Годъ X-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

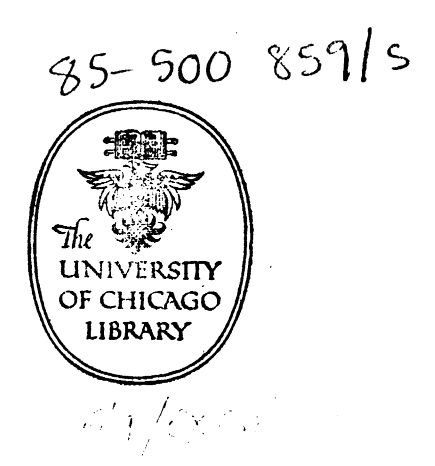
САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го марта 1901 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

КЪ ВОПРОСУ О РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

(Голосъ изъ провинціи).

Много надеждъ, частью преувеличенныхъ, частью слишкомъ смѣлыхъ, возбудилъ всюду вопросъ о реформѣ гимназій; общество, не имѣющее непосредственнаго соприкосновенія съ учебнымъ міромъ, ждетъ обновленія программъ, отмѣны классическаго гнета, облегченія доступа въ университеты, оздоровленія школы, единенія между нею и семьею; довольно одиноко раздаются голоса, утверждающіе, что и существующая школа была бы далеко не такъ тяжка и ненавистна, если бы составъ учителей былъ лучше, если бы тяжелое педагогическое поприще избиралось ими не столько въ силу университетскихъ обязательствъ или поуниверситетской голодовки, сколько по призванію; тѣ же голоса, въ качествѣ соотвѣтствующихъ мѣръ, рекомендуютъ устройство педагогическихъ семинарій, повышеніе образовательнаго ценза учителей, улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія, и многое другое, относящееся скорѣе къ мелочамъ учительскаго быта, чѣмъ къ сути дѣла.

Все это такъ, но и не такъ: нужны, несомнѣнно, и реформа школы, и новая постановка дѣла подготовленія учителей къ учительскому званію, и улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія; но никакое обновленіе ни школы, ни программъ, ни учительскаго персонала не помогутъ, если отношеніе къ реформѣ будетъ не искренно; если на школу не перестанутъ смотрѣть какъ на орудіе, которое можно ломать и передѣлывать согласно господствующимъ партійнымъ взглядамъ; если громогласно возвѣщенное дѣло обновленія школы будетъ лишь ширмой для понятныхъ манипуляцій и тайныхъ интригъ, направленныхъ къ сохраненію statu quo; если, наконецъ, не измѣнится взглядъ на учителя, какъ на раба, единственнымъ качествомъ котораго должны быть слѣпая исполнительность и полная безличность. Тогда теченіе школьной жизни, несмотря ни на какія реформы, останется мутнымъ, а царящій въ ней духъ противенъ обществу; устраненіе причинъ глубокой нелюбви, почти въ одинаковой мѣрѣ распространявшейся за истекшее тридцатилѣтіе и на классическія, и на реальныя школы, гораздо важнѣе программъ, важнѣе споровъ о классицизмѣ и

реализмѣ, важнѣе педагогической подготовки учителей. Это отвращеніе составляло доминирующую ноту въ отношеніяхъ учащихся, а часто и самихъ учащихъ къ школѣ, заглушало всякіе вопросы о программахъ, о древнихъ языкахъ, о дисциплинѣ, и было направлено главнымъ образомъ противу своеобразнаго, проникнутаго іезуитизмомъ духа школы, который налагалъ неизгладимую печать на все, начиная со зданія и сторожей при немъ.

Предшествовавшее деляновскому министерство графа Толстого *) было министерство суровое, часто жестокое и безжалостное, но проникнутое своеобразной, прямолинейной честностью. Графъ Толстой ломалъ и гнулъ безапелляціонно, по чувству долга, какъ бы въ силу предопредѣленія или тяжелаго, выпавшаго на его долю рока; въ его образѣ дѣйствій часто сквозитъ убѣжденный человѣкъ, но никогда онъ не опускался до хитростей, до лукавства и вилянья.

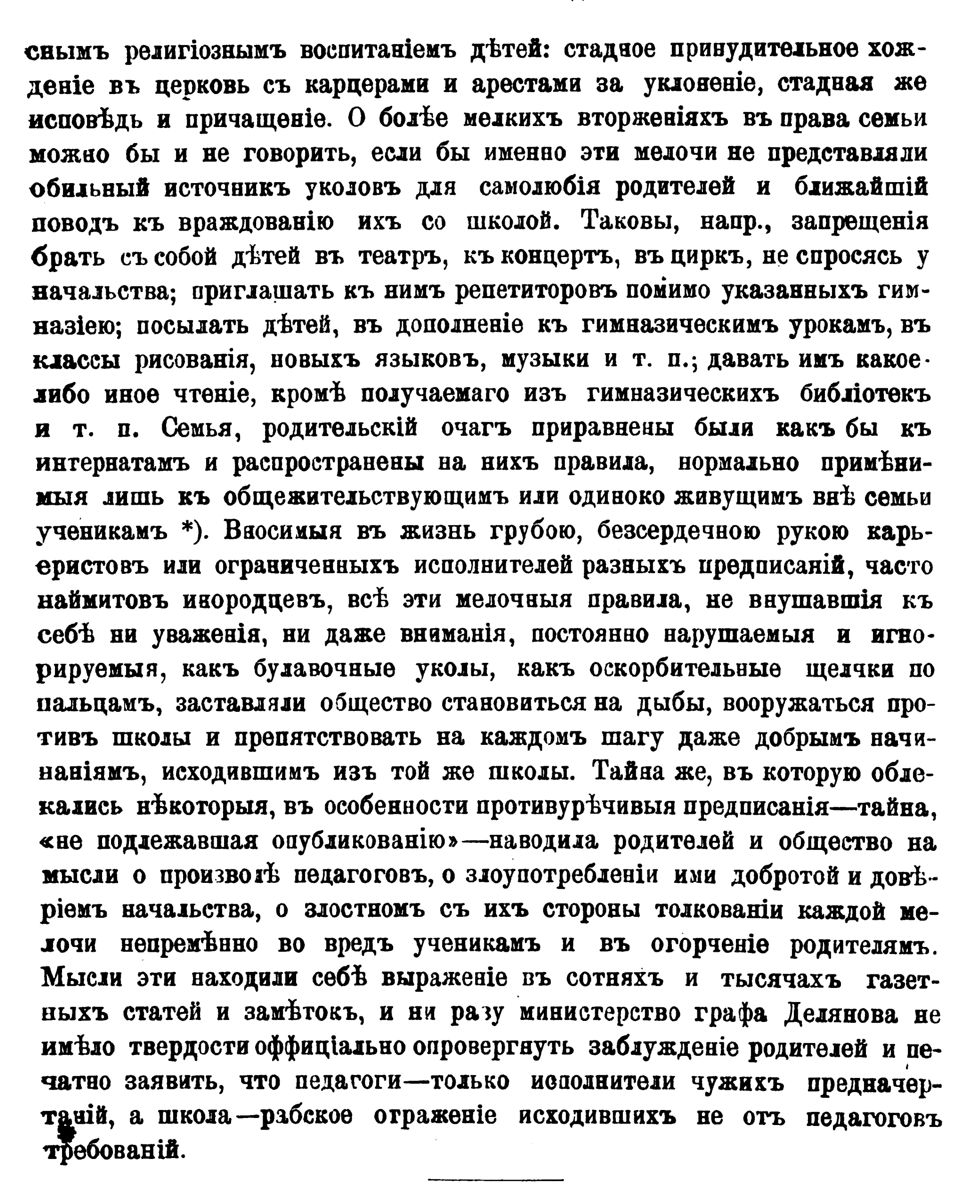
Министерство графа Делянова явилось прямой его противуположностью; бархатными лапками, нерѣдко съ чарующей любезностью, производилось обезличеніе русскаго юношества и налагались на школу тиски лицемѣрія и лжи; политика министерства народнаго просвѣщенія стала принципіально политикою задней мысли, неискренность, подъ маскою сердечности и добродушія, составляла отличительную черту большинства мѣропріятій. Особенно роковымъ для школы было двуличное отношеніе къ семьѣ: органы школьной власти никогда такъ много и любвеобильно не распространялись о необходимости единенія семьи и школы, какъ во времена графа Делянова, и никогда не дѣлалось такъ много во вредъ согласію, какъ именно при немъ. Дѣйствительно, цѣлый рядъ болѣе или менѣе секретныхъ мѣръ былъ направленъ къ удаленію дѣтей изъ подъ «вреднаго» вліянія родителей, къ подчиненію ихъ исключительно стадному режиму школы. Такъ, одно изъ первыхъ же распоряженій графа Делянова **) заключало въ себѣ, въ числѣ другихъ, весьма недвусмысленный параграфъ, предусматривавшій даже случаи *насильственнаго* удаленія учащихся изъ подъ родительскаго крова; «какъ ни высока идея родительскаго воспитанія,—говорится въ циркулярѣ,—но она нерѣдко разбивается о дѣйствительность»; школа «должна приходить въ этихъ случаяхъ на помощь семьѣ» и «располагать родителей помѣщать дѣтей на благоустроенныхъ ученическихъ квартирахъ, когда обстоятельства, въ которыхъ находятся сами родители, не соотвѣтствуютъ воспитательнымъ цѣлямъ». Что за личности являлись цѣнителями родительской способности или неспособности воспитывать своихъ дѣтей, мы увидимъ ниже.

Къ систематическимъ же проявленіямъ недовѣрія къ семьѣ принадлежитъ отторженіе отъ родителей права наблюдать за внѣклас-

---

*) Если не принимать въ разсчетъ кратковременнаго управленія барона Николаи и Сабурова.

**) Отъ 27 іюля 1884 г. за № 10.451.

сnымъ религіознымъ воспитаніемъ дѣтей: стадное принудительное хожденіе въ церковь съ карцерами и арестами за уклоненіе, стадная же исповѣдь и причащеніе. О болѣе мелкихъ вторженіяхъ въ права семьи можно бы и не говорить, если бы именно эти мелочи не представляли обильный источникъ уколовъ для самолюбія родителей и ближайшій поводъ къ враждованію ихъ со школой. Таковы, напр., запрещенія брать съ собой дѣтей въ театръ, къ концертъ, въ циркъ, не спросясь у начальства; приглашать къ нимъ репетиторовъ помимо указанныхъ гимназіею; посылать дѣтей, въ дополненіе къ гимназическимъ урокамъ, въ классы рисованія, новыхъ языковъ, музыки и т. п.; давать имъ какое-либо иное чтеніе, кромѣ получаемаго изъ гимназическихъ библіотекъ и т. п. Семья, родительскій очагъ приравнены были какъ бы къ интернатамъ и распространены на нихъ правила, нормально примѣнимыя лишь къ общежительствующимъ или одиноко живущимъ внѣ семьи ученикамъ *). Вносимыя въ жизнь грубою, безсердечною рукою карьеристовъ или ограниченныхъ исполнителей разныхъ предписаній, часто наймитовъ инородцевъ, всѣ эти мелочныя правила, не внушавшія къ себѣ ни уваженія, ни даже вниманія, постоянно нарушаемыя и игнорируемыя, какъ булавочные уколы, какъ оскорбительные щелчки по пальцамъ, заставляли общество становиться на дыбы, вооружаться противъ школы и препятствовать на каждомъ шагу даже добрымъ начинаніямъ, исходившимъ изъ той же школы. Тайна же, въ которую облекались нѣкоторыя, въ особенности противурѣчивыя предписанія—тайна, «не подлежавшая опубликованію»—наводила родителей и общество на мысли о произволѣ педагоговъ, о злоупотребленіи ими добротой и довѣріемъ начальства, о злостномъ съ ихъ стороны толкованіи каждой мелочи непремѣнно во вредъ ученикамъ и въ огорченіе родителямъ. Мысли эти находили себѣ выраженіе въ сотняхъ и тысячахъ газетныхъ статей и замѣтокъ, и ни разу министерство графа Делянова не имѣло твердости оффиціально опровергнуть заблужденіе родителей и печатно заявить, что педагоги—только исполнители чужихъ предначертаній, а школа—рабское отраженіе исходившихъ не отъ педагоговъ требованій.

Сообразно обстоятельствамъ и спросу не замедлили выработаться и соотвѣтствующіе типы директоровъ и учительскаго персонала.

Преобладавшій за истекшія тридцать лѣтъ типъ начальника гимназіи былъ директоръ-лукавецъ; преподавателя—педагогъ-трепетникъ. Можетъ быть, въ столицахъ обстоятельства слагались болѣе благопріятно для педагогическихъ корпорацій, но провинція, въ громадномъ большинствѣ, не знала другихъ типовъ; а такъ какъ «вся Россія» не

*) Смотри пропечатанныя во всѣхъ журналахъ для записыванія уроковъ «правила для учениковъ гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія».

столица, а провинція, то, слѣдовательно, и вся Россія не знала иныхъ типовъ.

Типъ директора-лукавца развился мало-по-малу въ силу логической необходимости, въ силу тѣхъ хитросплетеній и тисковъ, въ которые былъ поставленъ начальникъ заведенія безконечнымъ рядомъ секретнѣйшихъ распоряженій. Директоръ всегда долженъ былъ держаться на чеку, всегда помнить, что, будучи въ общеніи съ людьми, не принадлежащими къ учебной корпораціи, въ особенности-же съ родителями, онъ, по долгу службы, въ девяти случаяхъ изъ десяти, долженъ отрекаться отъ солидарности со своими подчиненными, вторить жалобамъ на нихъ родителей, представлять себя передъ публикою жертвою безвластія, преподавательскихъ интригъ, ихъ неспособности и произвола, въ силу которыхъ ни онъ, директоръ, ни власти предержащія, не могутъ провести въ школѣ ни единаго благого начинанія. Такъ, на жалобы родителей, что дѣтей ихъ, вопреки оффиціальнымъ программамъ, душатъ въ VII и VIII классахъ латинскою и греческою грамматикою, директоръ, подъ страхомъ нарушенія служебной тайны, не могъ отвѣтить правды; онъ вынужденъ былъ притворяться возмущеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удрученнымъ фактомъ своеволія преподавателей, долженъ былъ обѣщать задать имъ гонку, сообщить попечителю округа и т. п. Въ отвѣтъ на жалобы отцовъ и матерей или близкихъ родственниковъ, что классный наставникъ, инспекторъ или воспитатель являлись къ нимъ самозванно на квартиру, осматривали комнаты, перерывали книги, и этимъ самымъ наносили оскорбленіе респектабельности семьи, директоръ долженъ былъ разыгрывать подобныя вышеописанной комедіи, или обращать все въ шутку, объяснять «усердіемъ не по разуму» и отнюдь не заикаться, что онъ самъ же послалъ подвластное лицо для обревизованія «обстоятельствъ, въ которыхъ находятся родители, и соотвѣтствуютъ ли таковыя воспитательнымъ цѣлямъ школы».

Вдаваться съ родителями въ откровенности, оправдывать инкриминируемые поступки преподавателей, ссылаться на предписанія и прочее было бы для директора равносильно гибели собственной карьеры,— и онъ лукавилъ, такъ какъ своя рубашка ближе къ тѣлу, и велъ политику. Нѣкоторые директора, въ разговорахъ съ публикою, усваивали даже разъ на всегда вышеприведенную систему: при жалобахъ и нареканіяхъ на гимназическіе порядки валить все на неспособность и недобросовѣстность учителей, что не мѣшало имъ, однако, въ личныхъ и служебныхъ отношеніяхъ къ послѣднимъ, быть иногда весьма благодушными начальниками. Тѣ же не многіе директора, которые дѣйствовали напрямикъ, разъясняя публикѣ, при столкновеніяхъ, и свою собственную роль, и роль преподавателей, какъ исполнителей и строгихъ предписаній—всѣ они, такъ или иначе, рыли себѣ яму, въ которой хоронили затѣмъ или свои добрыя и честныя намѣренія, или свою службу и карьеру.

Тяжелый гнетъ двуличія, ложившійся невыносимымъ бременемъ въ особенности на плечи *молодыхъ* учителей, создалъ для учащаго персонала нашихъ гимназій своеобразное, почти безпримѣрное для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, положеніе: учитель сошелъ понемногу на степень *изгоя*, не имѣвшаго доступа ни въ какое общество, кромѣ замкнутаго въ самомъ себѣ учительскаго кружка. Положеніе это сложилось сравнительно недавно, причемъ поворотъ отъ предшествовавшаго, лучшаго, къ позднѣйшему, худшему, произошелъ необыкновенно быстро—въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ.

Еще въ шестидесятыхъ и самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, учителя были равноправными, а иногда даже передовыми членами общества; во всякомъ случаѣ въ нихъ видѣли представителей интеллигенціи. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ мы встрѣчаемъ ихъ уже на положеніи только *терпимыхъ*, а въ восьмидесятыхъ годахъ уже *изгоняемыхъ* представителей нелюбимаго вѣдомства. Начавшійся въ семидесятыхъ годахъ рѣзкій антагонизмъ школы и общества обострился до критическихъ размѣровъ, причемъ школа почти повсюду являлась въ роли торжествующаго, но глубоко презираемаго противника.

Что же произошло въ теченіе десятилѣтія 1874—1884 годовъ? Первымъ и главнымъ дѣломъ—превращеніе учителя въ безсловесное и безправное существо путемъ созданія безпримѣрной въ другихъ вѣдомствахъ пропасти между ближайшими начальствующими лицами и учителями; вторымъ—фактическое пониженіе нравственнаго ценза и облика учителя, искусственная и умышленная деморализація сословія, его закрѣпощеніе и порабощеніе, путемъ удаленія и изгнанія наиболѣе прямыхъ, честныхъ, самобытныхъ и не шедшихъ на компромиссъ людей. Естественно, что громадный нравственный ростъ прочихъ интеллигентныхъ слоевъ русскаго общества, прогрессирующая независимость ихъ міровоззрѣнія, возрастающая гуманность въ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ, стали въ разрѣзъ съ систематическимъ культомъ забитости, поощрявшемся въ учебномъ вѣдомствѣ и налагавшемъ на учителей печать духовнаго рабства. Другія причины, приводимыя обыкновенно въ оправданіе отчужденности учителей отъ общества, какъ-то: недостаточное матеріальное обезпеченіе, ненависть, питаемая къ классической школѣ—причины несущественныя; ибо, съ одной стороны, мы видимъ на положеніи равноправныхъ членовъ интеллигентнаго общества многихъ чиновниковъ и *всѣхъ* военныхъ, обезпеченныхъ гораздо хуже учителей, притомъ имѣющихъ, въ среднемъ, значительно низшій учительскаго образовательный цензъ; а съ другой стороны изгоями являлись не только учителя-классики, а безразлично *всѣ* учителя, *всѣхъ* предметовъ, оттѣнковъ и подраздѣленій. Принятые въ обществѣ, составляли исключеніе и всѣ были наперечетъ.

Въ интересахъ правды надо добавить, что не общество отъ учителей, а учителя *первые* стали сторониться отъ общества, причемъ

главный толчокъ къ отчужденности былъ данъ, опять-таки, неоднократно упоминавшимися выше секретными и несекретными распоряженіями и мѣропріятіями, шедшими въ разрѣзъ съ оффиціальными программами и правилами, и со взглядами общества на присущія ему родительскія права. Невозможность объясниться съ родителями откровенно, защитить свое имя и достоинство педагога ссылкою на такія распоряженія, огласка которыхъ составляла запретный плодъ, необходимость лгать, вывертываться и отмалчиваться заставляли наиболѣе симпатичныхъ, наиболѣе честныхъ тружениковъ на учительскомъ поприщѣ уходить въ свои раковины, замыкаться, избѣгать встрѣчъ съ родителями и представителями общества. Этимъ открывалась широкая дорога ловкачамъ, пройдохамъ, людямъ уклончивымъ и беззастѣнчивымъ, въ которыхъ, конечно, и среди учителей не было недостатка; имъ удавалось завоевывать симпатіи родителей и общества путемъ популярничанья, искуснаго вилянья между гласными и негласными предписаніями, путемъ порицанія своихъ болѣе прямыхъ и честныхъ коллегъ, на плечи которыхъ предусмотрительно сбрасывалось все «odium» школы. Оффиціально и полуоффиціально качества болѣе ловкаго меньшинства назывались «умѣньемъ обращаться съ родителями», также «внѣкласснымъ педагогическимъ тактомъ».

Такимъ образомъ весь педагогическій персоналъ гимназій оказывался разбитымъ на двѣ неравномѣрныя группы: *первую*—молчаливыхъ и пришибленныхъ исполнителей, на которыхъ обрушивалась и тяжесть противорѣчивыхъ, не подлежавшихъ огласкѣ мѣръ, и ненависть одураченнаго, сбитаго съ толку общества, и *вторую*—немногихъ ловкихъ преуспѣвавшихъ людей, которые, умѣло лавируя среди подводныхъ камней, успѣвали снискать себѣ среди общества широкую славу педагоговъ, опередившихъ свой вѣкъ, и въ то же время стать на хорошемъ счету по службѣ, въ качествѣ людей, обладающихъ всѣми необходимыми качествами для инсценированія школьнаго маскарада во всѣхъ его мелочахъ и подробностяхъ.

Нечего и говорить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководители учебныхъ заведеній выбирались именно изъ второй категоріи служащихъ, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшихъ двуличной политикѣ школы. Что касается первой категоріи, т. е. молчаливыхъ исполнителей, то она довольно скоро потеряла наиболѣе симпатичный свой контингентъ—людей, замкнувшихся въ сознаніи собственной правоты и смирившихся передъ безсиліемъ правды въ борьбѣ съ тенденціозной и завѣдомой ложью. Люди эти, какъ-бы увѣровавъ въ неизбѣжность и неотвратимость тяготѣвшаго надъ школою рока, старались вносить посильное добро суммированіемъ безконечно малыхъ и извнѣ незамѣтныхъ усилій къ облегченію зла, сознательно обрекая себя на второстепенныя служебныя роли. Но мало-по-малу ряды ихъ рѣдѣли, кратковременный типъ педагога-подвижника быстро исчезалъ подъ давленіемъ

обстоятельствъ, уступая мѣсто той массѣ обезличенныхъ тружениковъ, которыхъ мы выше назвали педагогами-трепетниками; а эти послѣдніе—печальные продукты деляновской школы—были въ то же время незамѣнимыми колесиками ея механизма: ибо послушными чернорабочими въ немъ могли быть только или люди съ разбитою волей и самолюбіемъ, или же добровольные мученики своего призванія и любви къ дѣтямъ.

Профанамъ можетъ показаться неяснымъ, какимъ образомъ достигались обезличеніе и трепетное настроеніе учительскихъ корпорацій, если члены ихъ чувствовали себя правыми de facto et de jure, добросовѣстно, тщательно исполняли свои обязанности и нравственно были безупречны. Бѣда въ томъ, что дѣятельность учителя рѣзко отличается отъ всякихъ другихъ дѣятельностей; во-первыхъ, вся она какъ бы соткана изъ мелочей, изъ не стоющихъ вниманія разрозненныхъ подробностей; каждая минута, каждый часъ разочтены впередъ и зарегистрированы въ прошломъ; звонки отсчитываютъ время, и что не сдѣлано сейчасъ, не можетъ быть наверстано иначе, какъ путемъ урѣзки дѣла, разверстаннаго на другіе сроки. Каждое лишнее слово со стороны учителя, каждая шалость со стороны учениковъ, случайное ихъ невниманіе, шаловливый нашедшій стихъ, удрученное настроеніе, болѣзни, даже *погода* тормозятъ нормальное теченіе работы и ложатся бременемъ на служебную репутацію учителя; а разъ упущенное нагнать уже невозможно, потому что все втиснуто въ рамки двухъ звонковъ. Строго размѣренное время—это та стихія, безъ которой немыслимо массовое обученіе, въ которой всегда, во всѣ времена придется вращаться учителямъ, и едва ли человѣчеству суждено придумать когда-либо иныя, болѣе удобныя для массоваго обученія внѣшнія регулирующія рамки. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ, но игнорируется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду прижать учителя: тогда дѣятельность его разсматривается внѣ времени и мѣста, какъ работа ученаго въ спокойномъ кабинетѣ, не стѣсненная ни часомъ, ни днемъ, ни временемъ года. Во-вторыхъ, то, что учитель *долженъ* сдѣлать, и то, что онъ *можетъ* сдѣлать, лишь въ малой степени зависитъ отъ его усердія, знаній, умѣнья, добросовѣстности и пр. Факторы, входящіе въ качествѣ составляющихъ въ результаты его работы, очень и очень сложны; о нѣкоторыхъ мы уже говорили выше и поговоримъ еще подробнѣе; главнѣйшіе же—объемъ программъ и внѣшняя поддержка ближайшаго начальства—совершенно внѣ власти учителя. Безобразнѣйшіе, въ смыслѣ преподавателей, педагоги, путемъ острастки, задавая лишь «отселева дотелева» и никогда не объясняя уроковъ, добиваются иной разъ блестящихъ казовыхъ результатовъ; а добросовѣстнѣйшіе труженники трепетно прозябаютъ въ вѣчномъ страхѣ, что ихъ уличатъ въ неумѣніи вести дѣло, въ неспособности поддер-

живать порядокъ въ классѣ, въ неисполнительности и даже «упорствованіи во злѣ»; и то, и другое въ зависимости отъ личнаго къ нимъ отношенія ближайшаго начальства. Внѣ этихъ условій могли бы стоять развѣ одни *геніальные* преподаватели; но о нихъ здѣсь не можетъ быть рѣчи: во-первыхъ, потому, что школа истекшаго тридцатилѣтія изгоняла ихъ изъ своихъ стѣнъ и имъ въ ней не было мѣста, а во-вторыхъ, геніальность—качество исключительное, мы же говоримъ о массѣ, а не объ исключеніяхъ.

Особенно дисциплина для средняго учителя бывала обстоятельствомъ одновременно и чрезвычайно важнымъ, и чрезвычайно шаткимъ; у многихъ весьма хорошихъ и толковыхъ преподавателей она держалась и держится только систематическою поддержкою начальства; безъ послѣдней рушится все—порядокъ, вниманіе, а вслѣдъ за ними, авторитетъ преподающаго и успѣхи класса. Лишеніе поддержки, а въ худшихъ случаяхъ, даже подстреканіе классовъ противу преподавателей, служило часто не маловажнымъ орудіемъ укрощенія строптивыхъ учителей.

Трепетное настроеніе учителя въ деляновской школѣ обусловливалось еще цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе или менѣе важныхъ обстоятельствъ; къ таковымъ принадлежали большинство, если не всѣ, кодексы случайныхъ правилъ, регламентировавшихъ дѣятельность преподавателей.

Укажемъ сначала на рядъ условій, сложившихся внѣ сознательнаго намѣренія внести деморализацію въ личный составъ учебныхъ корпорацій; таковы, напр., безчисленныя предписанія и предначертанія, свидѣтельствовавшія лишь о растерянности и поверхностности, съ которыми придумывались и приводились въ исполненіе различные палліативы для устраненія школьной неурядицы. Ни на іоту не мѣняя ни сути программъ, ни руководившаго школой направленія, эти палліативы служили какъ бы только отводомъ глазъ для публики, своего рода ширмой, въ цѣляхъ сложенія вины за полное банкротство школы на чужія, преимущественно безотвѣтныя учительскія плечи. Каждый такой палліативъ раздувался въ мѣру первостепенной важности и придавалась ему возможно широкая огласка; а между тѣмъ, строго говоря, всѣ эти мѣры носили либо временный, либо мѣстный характеръ, и почти всегда противорѣчили одна другой.

Таковы были, напр., предписанія выставлять возможно большее число отмѣтокъ и въ то же время разрабатывать новые уроки въ классѣ; обращать особое вниманіе на слабыхъ учениковъ и не терять времени на утомляющія вниманіе учениковъ безконечныя повторенія того же самаго; не задавать большихъ уроковъ на домъ и строго выполнять обширныя программы; принимать во вниманіе индивидуальныя особенности отдѣльныхъ учащихся и въ то же время неукоснительно подводить всѣхъ подъ одну мѣрку—все это, при переполненныхъ до-нельзя

классахъ, при необходимости соблюдать строжайшую дисциплину, подъ аккомпаниментъ неумолчныхъ фарисейскихъ взываній къ «мѣрамъ кротости», представляло рядъ сциллъ и харибдъ, среди которыхъ ни одинъ учитель не чувствовалъ себя безопаснымъ и увѣреннымъ въ добромъ отвѣтѣ не только передъ судомъ начальства, но и передъ собственною совѣстью. Такими-же палліативами, лихорадочно и эпидемически свирѣпствовавшими одно время въ школахъ, были пестрой чередой прошедшія передъ нашими глазами маніи военной гимнастики, военныхъ прогулокъ, духовыхъ оркестровъ, музыкальныхъ и литературныхъ вечеровъ, патріотическихъ чтеній и пр. и пр.; властно вторгавшіяся въ жизнь и дѣятельность учителя, отнимавшія и у него и учениковъ драгоцѣнное рабочее время, эти маніи служили не къ облегченію, а къ пущему обремененію учившихся, такъ какъ ни на іоту не уменьшали ни требованія ревизоровъ, ни на строчку не урѣзывали программы. А затѣмъ, отравивъ многое множество и учительскихъ, и ученическихъ существованій, всѣ эти маніи или сошли на нѣтъ, или приняли, въ концѣ концовъ, подобающіе имъ скромные размѣры.

Но, кромѣ перечисленныхъ *всероссійскихъ* палліативовъ, каждый ревизоръ, каждый «посѣтитель» школы, придумывалъ, въ качествѣ панацей, имѣвшихъ пересоздать всю школу, самостоятельные постулаты, обращавшіеся для учителя частью въ писанный, частью въ неписанный, но почти всегда фактически невыполнимый законъ, созданный какъ бы для того, чтобы учителя во всякую данную минуту можно было уловить и осудить.

Изъ числа подобныхъ постулатовъ многіе носили почти анекдотическій характеръ; главная соль ихъ заключалась въ томъ, что, будучи взаимно исключающими другъ друга, они издавались одновременно въ однихъ и тѣхъ же округахъ. Таковы были требованія «заставлять учениковъ давать возможно краткіе отвѣты» (для сбереженія времени, втройнѣ драгоцѣннаго при переполненныхъ классахъ), и «пріучать ихъ къ отвѣтамъ возможно полнымъ» (для развитія въ ученикахъ серьезности и обстоятельности); «непремѣнно вызывать отвѣчающаго ученика къ каѳедрѣ» (для устраненія соблазна къ подсказыванію и считыванію съ книги), и «ни въ какомъ случаѣ не вызывать учениковъ къ каѳедрѣ» (во избѣжаніе, будто бы, потери времени на хожденіе взадъ и впередъ по классу). Сюда же относились, совѣты учителямъ: непремѣнно ходить во время уроковъ вдоль скамеекъ, слѣдя за тѣмъ, чѣмъ заняты ученики, «въ особенности же за ихъ руками», и въ то же время «ни въ какомъ случаѣ не ходить по классу, а стоять на опредѣленномъ мѣстѣ, чтобы хожденіемъ не отвлекать вниманіе учащихся»; никоимъ образомъ не оставаться во время перемѣнъ въ корридорѣ и рекреаціонномъ залѣ, «дабы не стѣснять учащихся во время отдыха и въ играхъ», и непремѣнно проводить перемѣны у дверей очередного класса, «чтобы неотступно наблюдать за времяпрепровожденіемъ уча-

щихся и подавать имъ хорошій примѣръ точнымъ соблюденіемъ звонковъ». Встрѣчались одновременныя предписанія «не затягивать уроковъ дольше положеннаго времени и со звонкомъ выходить изъ класса» (чтобы не лишать учениковъ части отдыха), и «отнюдь не обрывать урокъ на полусловѣ, а непремѣнно придавать ему законченную форму, *не стѣсняяся звонкомъ*, дабы пріучать учениковъ къ выдержкѣ и терпѣнію».

Общая масса этихъ, частью письменныхъ, частью устныхъ, требованій и требованьицъ, которыя непосвященному могли бы показаться мелочными и не заслуживающими вниманія, имѣла слѣдствіемъ, что лицомъ къ лицу съ фактической и непоправимой малоуспѣшностью большинства учащихся въ классахъ, всякій учитель чувствовалъ за собой безконечное число незаполненныхъ и незаполнимыхъ пробѣловъ, подлежавшихъ устраненію и исправленію. Потому процедуру карательнаго свойства можно было продѣлать рѣшительно надъ всякимъ изъ преподавателей и относительно любого изъ нихъ собрать какой угодно ворохъ доказательствъ не только его служебной неисполнительности, но и полной педагогической несостоятельности; процедура эта фактически и выполнялась, когда почему-либо оказывалась надобность воздѣйствовать на чье-либо умонастроеніе; но до логическаго конца она доводилась очень рѣдко, если не считать случаевъ единичныхъ, исключительныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, естественнымъ послѣдствіемъ собранныхъ противъ преподавателя уликъ его неспособности вести дѣло преподаванія должно бы, казалось, являться предложеніе послѣднему избрать иной родъ дѣятельности; между тѣмъ карательныя мѣры лишь въ исключительныхъ, какъ мы сказали выше, случаяхъ, приводили къ оставленію службы учителями, оффиціально провозглашенными *негодными*, по той простой причинѣ, что нужны были вовсе не годность или негодность педагоговъ, а ихъ *трепетность*, дѣлавшая учителей послушными орудіями; трепетъ же гораздо успѣшнѣе нагонялся не *изгнаніемъ*, такъ какъ большинство *изгнанныхъ* учителей не имѣли, впослѣдствіи, основаній жаловаться на судьбу, толкнувшую ихъ на другую, лучшую и лучше оплачиваемую дорогу, а лишеніемъ классного наставничества, дополнительныхъ уроковъ, пособій; наконецъ, переводами изъ гимназіи въ гимназію ранѣе истеченія перваго пятилѣтія службы, чѣмъ еще недавно на много лѣтъ затягивалось полученіе преподавателями высшихъ окладовъ, дававшихся лишь за пятилѣтнюю службу при *одной* гимназіи. Однимъ словомъ, практиковалась система, въ просторѣчіи носящая названіе «битья по карману».

Но главнымъ и основнымъ орудіемъ деморализаціи преподавателя—притомъ деморализаціи сознательной, принципіальной—была постановка дѣла въ педагогическихъ совѣтахъ и хозяйственныхъ коми-

тетахъ, умѣлое участіе въ которыхъ являлось пробнымъ камнемъ гибкости, покладливости и «благонадежности» участниковъ; послѣдняя, т.-е. «благонадежность», понималась исключительно въ смыслѣ отсутствія протеста.

Для уясненія роли совѣтовъ и комитетовъ въ дѣлѣ деморализаціи преподавателя напомнимъ, что, по уставу, преподаватели черезъ посредство именно этихъ совѣтовъ и комитетовъ представляютъ изъ себя какъ бы главныхъ хозяевъ учебнаго заведенія; директоръ—только первый между равными, обладатель двухъ рѣшающихъ въ совѣтѣ голосовъ (вмѣсто одного); на директора, въ отличіе отъ преподавателей возложена обязанность опротестованія передъ окружнымъ начальствомъ постановленій совѣта по педагогическимъ вопросамъ и право самовластнаго рѣшенія нѣкоторыхъ разногласій хозяйственнаго порядка, однако подъ условіемъ немедленнаго оповѣщенія о томъ окружныхъ властей. Послѣднія же всячески и повсюду, по мѣрѣ силъ своихъ, старались поддерживать фикцію *необжалуемости* или, скорѣе, *неотмѣняемости* рѣшеній педагогическихъ совѣтовъ, а въ частности и хозяйственныхъ комитетовъ. Эти два контраста—широкія казовыя права, игра въ какой-то парламентаризмъ, бокъ-о-бокъ съ фактическимъ безправіемъ и полною безгласностью преподавателей, и были краеугольнымъ камнемъ деморализаціи учащихъ персоналовъ не только въ отдѣльныхъ гимназіяхъ, но и въ цѣлыхъ округахъ; въ одномъ меньше, въ другомъ больше, смотря по обстоятельствамъ.

Дѣло было обставлено, повидимому, вполнѣ искренно; окружныя власти поддерживали, какъ мы сказали выше, принципъ неотмѣняемости коллегіальныхъ рѣшеній совѣтовъ, а совѣты, съ своей стороны, проводили, по мѣрѣ силъ, руководившіе дѣйствіями начальства взгляды. Бѣда лишь въ томъ, что самый принципъ неотмѣняемости не выдерживалъ сколько-нибудь требовательной критики по двумъ весьма простымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что педагогическимъ совѣтамъ, какъ всякимъ учрежденіямъ человѣческаго ума и воли, свойственны ошибки и несовершенства, а во-вторыхъ, потому что въ тѣхъ же совѣтахъ, несмотря на несомнѣнную ловкость и приспособленность ихъ руководителей и воротилъ, нерѣдко рѣшались вещи въ смыслѣ, не всегда угодномъ и для округа удобномъ. Такія рѣшенія и постановленія—въ случаѣ ли обжалованія извнѣ, заинтересованными лицами, въ случаѣ ли наличности причинъ внутренняго или административнаго характера—почти никогда не отмѣнялись непосредственно соотвѣтствующими распоряженіями свыше, а посылались обратно въ гимназіи для перерѣшенія или переобсужденія совершенно независимо отъ законности или незаконности постановленій; вполнѣ законныя и правомѣрныя подвергались этой участи едва ли не чаще незакономѣрныхъ, ибо для вчинанія процедуры переобсужденія достаточно было самаго факта обжалованія, независимо отъ правильности или неправильности постановленія.

Казалось бы, что переобсужденіе, представляя одинъ изъ наиболѣе гуманныхъ способовъ воздѣйствія на провинившіеся совѣты, не могло, по существу, оказывать неблагопріятное вліяніе на моральный обликъ учебныхъ персоналовъ; на практикѣ, однако, дѣло обстояло иначе: въ ста случаяхъ противъ одного перерѣшенія предполагались непремѣнно въ *опредѣленномъ* смыслѣ, конфиденціально сообщавшемся руководителю совѣта, чѣмъ открывалась широкая дорога деморализаціи. Застращиванье строптивыхъ членовъ, назначеніе засѣданій украдкою (для устраненія несговорчивыхъ и неудобныхъ оппонентовъ), подтасовка голосовъ—всѣ мѣры считались дозволительными и законными, включительно до составленія протоколовъ фиктивныхъ засѣданій. Говорить о томъ, какими средствами собиралось затѣмъ требуемое число подписей, значило бы говорить о вещахъ и слишкомъ печальныхъ, и слишкомъ общеизвѣстныхъ. Не будемъ распространяться и о дальнѣйшихъ мытарствахъ лицъ, оказывавшихся до конца строптивыми; судьбы ихъ подчинялись воздѣйствіямъ вышеупомянутой системы битья по карману, число же становилось съ каждымъ днемъ все меньше и меньше: со вздорожаніемъ жизни матеріальныя воздѣйствія дѣлались все чувствительнѣе и личные составы совѣтовъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе блѣднѣли и обезцвѣчивались.

Надобность въ переобсужденіяхъ возникала особенно часто при пріемѣ учениковъ, при переводѣ ихъ изъ класса въ классъ и при выдачѣ абитуріентамъ аттестатовъ зрѣлости. Если присылались въ гимназію кандидаты, которые должны были «во что бы то ни стало благополучно выдержать экзаменъ», прелюдіей совѣтовъ являлись уже самые экзамены: практиковались перетасовка и подтасовка коммиссій, застращиванье строптивыхъ экзаменаторовъ, обходъ ихъ, своего рода «умыканіе» отъ нихъ письменныхъ работъ экзаменовавшихся, и многое другое въ томъ же духѣ. Въ результатѣ требуемый аттестатъ или переводъ изъ класса въ классъ являлся возмутительнѣйшимъ фактомъ— не самъ по себѣ, ибо отчего не сдѣлать иной разъ послабленіе—а по той безднѣ зла, которое приносилось многимъ невольнымъ участникамъ комедіи, желавшимъ твердо стоять на законной почвѣ; возмутительнымъ по тѣмъ средствамъ, которыми достигалась впередъ намѣченная цѣль, возмутительнымъ и по отношенію къ прочимъ экзаменовавшимся, которые выносили на своихъ плечахъ всѣ драконовскія строгости экзаменаціоннаго режима.

Едва ли не печальнѣе педагогическихъ совѣтовъ былъ процессъ деморализаціи учительскихъ составовъ путемъ засѣданія въ хозяйственныхъ комитетахъ гимназій. Къ концу деляновской эпохи, по хозяйственной части было достигнуто, впрочемъ, почти полное благополучіе: хозяйственные комитеты узнавали о состоявшихся расходахъ обязательно «post factum»; «протестантовъ» въ ихъ средѣ почти уже не встрѣчалось; уничтожили ихъ систематическія преслѣдованія всѣхъ,

осмѣливавшихся возвышать голосъ въ тѣхъ комитетахъ, преслѣдователи которыхъ бывали въ силѣ; называлось это «поддерживаніемъ авторитета власти», а также «укрѣпленіемъ основъ».

Но главное зло было не въ попустительствѣ и не въ потачкахъ съ естественными ихъ послѣдствіями, извѣстными подъ собирательнымъ названіемъ «нарушенія интересовъ казны»; ибо что значили сотни — пусть даже много сотенъ рублей — которыя могли незаконно перейти въ карманы начальниковъ учебныхъ заведеній, въ сравненіи съ нравственными пытками, разбитымъ будущимъ и обманутыми надеждами на поддержку закона людей, пытавшихся, въ силу наивной вѣры въ параграфы о своихъ правахъ и обязанностяхъ, сберечь эти «интересы казны»? Дѣйствительно, если не принимать въ разсчетъ нравственныхъ принциповъ, то, вѣдь, борцы за правду гибли за грошовые интересы: начальники заведеній были поставлены фактически въ такіе тиски, что безъ молчаливой санкціи предержащихъ властей не могли, даже путемъ наилукавѣйшей финансовой политики, укрывать въ свою пользу отъ казеннаго пирога болѣе пяти-шести жалкихъ сотенъ рублей ежегодно. Тѣ же предсѣдатели комитетовъ, которые въ вышеупомянутой санкціи были разъ навсегда увѣрены, не только не принимали лукавыхъ предосторожностей, но прямо въ глаза издѣвались надъ своими близорукими оппонентами.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему ближайшими руководителями деляновской школы не могли быть личности высоко честныя, свѣтлыя, прямыя, однимъ словомъ, *лучшіе люди.* Мы уже сказали выше, что преобладающимъ среди нихъ типомъ были лукавцы, — въ интересахъ правды добавимъ, что многіе изъ нихъ, карьеры ради, только надѣвали на себя *маску* лукавства, не имѣя къ избранной роли ни малѣйшихъ прирожденныхъ дарованій: отсюда двойственность, жалкая растерянность, безпринципность; съ другой стороны, наряду съ заурядными дюжинными личностями, встрѣчались великіе таланты въ области умѣлой школьной политики, и по отношенію къ этимъ послѣднимъ выработался характерный для господствовавшаго направленія взглядъ; такъ, одинъ изъ сошедшихъ уже въ настоящее время со сцены крупныхъ дѣятелей по министерству народнаго просвѣщенія, имѣлъ обыкновеніе выражаться о нѣкоторыхъ изъ своихъ подчиненныхъ слѣдующимъ образомъ: «такой-то порядочная гадина, но гимназія у него въ образцовомъ порядкѣ».

Не вдаваясь въ обсужденіе, насколько титулованіе руководителей учебныхъ заведеній «гадинами» было тактично или нетактично, справедливо или несправедливо, отмѣтимъ чрезвычайно характерный взглядъ, будто у человѣка-гадины подчиненная ему гимназія могла быть въ порядкѣ. Да, порядокъ несомнѣнно былъ, но порядокъ смерти, разложенія, ибо и смерть, и разложеніе дѣйствительно подчиняются извѣ-

стнымъ, строго опредѣленнымъ законамъ. Можно, однако, навѣрно сказать, что у директора-гадины инспекторъ былъ такая же гадина или полная безцвѣтность; что учительскій персоналъ былъ деморализованъ больше нормы; что лучшія, наиболѣе честныя, самобытныя и независимыя педагогическія силы изгнаны, опорочены, или же нравственно загублены; что ученики частью деморализованы не менѣе учителей; что ложь, притворство, двоедушіе царили среди нихъ открыто, не прячась и не скрываясь, а напротивъ, цинично требуя и добиваясь поощренія; что большинство учениковъ ненавидѣли гимназію, ненавидѣли страстно, глубоко, до самозабвенія, до готовности взрыва и скандала по любому, ничтожнѣйшему поводу. Наиболѣе испорченные элементы признавались въ такихъ гимназіяхъ наиболѣе благонадежными; наиболѣе честные, прямые—если и не подлежавшими поголовному изгнанію, то, во всякомъ случаѣ, строгому контролю и ежовымъ рукавицамъ.

Такъ какъ принципы деляновской политики внесли значительный сумбуръ въ представленія о качествахъ, необходимыхъ для руководствованія въ дѣлѣ воспитанія, остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько подольше. Почему, въ самомъ дѣлѣ, педагогъ, а тѣмъ болѣе педагогъ-руководитель, вноситъ смерть и разложеніе въ школу, если совокупность качествъ его какъ, *человѣка* выражается, краснорѣчивымъ терминомъ «гадина»?

Отвѣтить на этотъ вопросъ прямо довольно трудно: пришлось бы вытащить на свѣтъ Божій цѣлый арсеналъ общеизвѣстныхъ избитыхъ истинъ; потому постараемся отвѣтить обинякомъ.

Мы легко можемъ представить себѣ прекрасныхъ инженеровъ, механиковъ, агрономовъ, артистовъ, и многихъ другихъ выдающихся по своимъ спеціальностямъ дѣятелей, въ то же время стоящихъ, однако, нравственно на очень низкомъ уровнѣ; мосты, дороги, машины, акціонерныя общества, созданные и оборудованные ими, могутъ быть верхомъ совершенствъ; нечестное отношеніе виновниковъ вышеназванныхъ совершенствъ къ ближнимъ, равнымъ и подвластнымъ людямъ, т.-е. тому живому матеріалу, помощью котораго приходится работать надъ матеріаломъ мертвымъ, не можетъ помѣшать вполнѣ справедливой славѣ творцовъ идей или руководителей практическаго дѣла; этотъ живой матеріалъ, въ зависимости отъ личныхъ качествъ руководителя, можетъ, конечно, страдать или благоденствовать; но страданія его какъ бы попутныя, не имѣющія ничего общаго съ совершенствомъ или несовершенствомъ выполняемой работы.

Не то педагогъ; для него живой матеріалъ, т.-е. дѣти, юноши, родители—главный, существенный объектъ всѣхъ начинаній, труда и заботъ; онъ его формуетъ, заставляетъ страдать или радоваться, дѣлаетъ изъ него честныхъ людей или несчастныхъ; нечестное же отношеніе къ молодому, не установившемуся нѣжному и чуткому матеріалу, бываетъ главною причиною озлобленія, отчаянія, отрицательнаго отно-

шенія къ текущей дѣйствительности, а въ частныхъ случаяхъ и нравственной порчи.

Мало симпатичный, по временамъ даже отталкивающій обликъ деляновской школы и находилъ себѣ, главнымъ образомъ, объясненіе въ тѣхъ требованіяхъ, сообразно которымъ дѣлался выборъ и назначеніе лицъ. О характерѣ этихъ требованій люди, не причастные къ министерству народнаго просвѣщенія, могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе по единственному преданному гласности и однажды уже цитированному документу: разумѣемъ министерское распоряженіе отъ 26 іюля 1884 г. за № 10.451.

Упомянутымъ распоряженіемъ предписывалось класснымъ наставникамъ посѣщать учениковъ на квартирахъ у родственниковъ и знакомыхъ и еженедѣльно докладывать о вынесенныхъ впечатлѣніяхъ; педагогическимъ же совѣтамъ предоставлялось, на основаніи этихъ впечатлѣній, имѣть сужденіе о томъ, «не мѣшаютъ ли дѣлу разумнаго родительскаго воспитанія собственная неразвитость родителей, общественная служба, попеченія о хозяйствѣ, свѣтскія отношенія, развлеченія, горе и неудачи, заботы о насущномъ хлѣбѣ», и въ такихъ случаяхъ начальникъ заведенія имѣлъ обязанность «располагать родителей помѣщать дѣтей на благоустроенныхъ ученическихъ квартирахъ».

Вся вышеприведенная тирада звучитъ, на первый взглядъ, необыкновенно благонамѣренно и почти красиво; бѣда была лишь въ томъ, въ какой роли долженъ былъ являться въ постороннюю семью классный наставникъ ребенка или юноши, чтобы разузнать всѣ полагавшіяся, согласно циркуляру, подробности, и какого названія заслуживалъ онъ въ случаѣ успѣшнаго приведенія своей миссіи къ желанному концу? Объ этотъ щекотливый вопросъ разбивалась вся лицемѣрная красивость и кажущаяся цѣлесообразность циркуляра, о него же разбивалось и воспитательное значеніе школы, являвшейся, въ глазахъ учащихся и ихъ родителей, чѣмъ-то въ родѣ вспомогательной конторы сыскного отдѣленія.

Вообще секретными и несекретными циркулярами главная тяжесть «охраны» учащагося юношества возлагалась на плечи педагогическихъ составовъ учебныхъ заведеній, съ расширеніемъ компетентности отдѣльныхъ лицъ далеко за предѣлы стѣнъ учебныхъ заведеній. Повторялась, слѣдовательно, обычная ошибка: смѣшеніе двухъ элементовъ, экстерната съ интернатомъ, отождествленіе перваго съ послѣднимъ, вторженіе школы въ семью уже не въ качествѣ только регулятора учебныхъ занятій дѣтей, но и блюстителя корректности домашняго очага и всего семейнаго обихода учащихся. Сложилось странное, едва ли не безпримѣрное въ училищной практикѣ положеніе вещей: школа не должна была разсчитывать на помощь и предупрежденіе со стороны компетентныхъ учрежденій въ дѣлѣ борьбы съ превратными идеями, зарождавшимися внѣ предѣловъ школы, и извнѣ же въ нее входив-

шими; напротивъ того, отъ школы требовали политическаго розыска *внѣ ея стѣнъ* и грозили суровыми взысканіями за неумѣлый или неудачный сыскъ *). Получалось нѣчто совершенно несообразное: не спеціальные органы должны были предупреждать школьныя власти о возникновеніи «превратныхъ идей» въ соприкасающихся со школою внѣшнихъ сферахъ, а отъ школы требовалось активное обслѣдованіе этихъ сферъ и своевременное оповѣщеніе о томъ органовъ сыска.

Пользы подобный порядокъ вещей приносилъ очень мало; вредъ же для внѣшняго престижа школы былъ неисчислимъ. Онъ былъ бы, вѣроятно, еще больше, если бы общество почаще догадывалось объ истинномъ характерѣ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей учебнаго вѣдомства и не усматривало-бы въ дѣйствіяхъ ихъ одну только глупость, безтактность и нахальное вторженіе въ жизнь семьи.

Получались и еще нѣкоторые, довольно непредвидѣнные, но въ то же время вполнѣ естественные результаты...

Совокупность всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ условій не могла, конечно, ни способствовать нравственному подъему силъ учителя, ни облегчать ему борьбу съ многоразличными искушеніями на жизненномъ и служебномъ пути, изъ которыхъ къ наиболѣе невиннымъ принадлежало влеченіе къ вину. По этому поводу мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько парадоксальную, на первый взглядъ, мысль: пьянство въ учительской средѣ было признакомъ не безусловно отрицательнымъ; оно являлось своего рода протестомъ противу деморализаціи, послѣднею попыткою борьбы; виномъ скрашивалась тоскливая, безотрадная дѣйствительность, а чувство недовольства самимъ собой, хотя временно, но заглушалось. Если не допустить такого объясненія, пришлось бы допустить другое, еще болѣе парадоксальное: что образованіе, интеллигентный трудъ, постоянное общеніе съ людьми интеллектуально равными, что возня съ дѣтьми—ведутъ на дорогу къ пьянству; ибо, какъ это ни странно, но изъ всѣхъ интеллигентныхъ провинціальныхъ корпорацій *учительскія* принадлежали за послѣднее двадцатилѣтіе къ наиболѣе подверженнымъ слабости къ вину. Вино прибавляло храбрости, надежды выпутаться изъ тяжелыхъ нравственныхъ тисковъ, вселяло мужество сказать, иной разъ, опасную въ трезвомъ видѣ правду: въ пьяномъ она прощалась. Что вино дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, являлось признакомъ протеста, а не результатомъ долговременной привычки, видно изъ того, что слабости

---

*) «Начальники учебныхъ заведеній, такъ и инспекторы и классные наставники будутъ подлежать отвѣтственности, если во ввѣренномъ учебномъ заведеніи или классѣ обнаружится на ученикахъ пагубное вліяніе превратныхъ идей, внушаемыхъ злонамѣренными людьми, или если сами молодые люди примутъ участіе въ какихъ-либо преступныхъ дѣяніяхъ и таковые поступки ихъ не будутъ своевременно обнаружены учебнымъ заведеніемъ». (Циркул. предпис. отъ 26 іюля 1884 г. за № 10.451).

этой подпадали преимущественно люди молодые, приблизительно въ концѣ первой и началѣ второй трети служебной дѣятельности, когда ими начинало овладѣвать отчаяніе, безнадежность выпутаться изъ тисковъ всесильной лжи, страхъ передъ безотрадностью дальнѣйшаго существованія. Впослѣдствіи, когда острый періодъ отчаянія проходилъ, чувство нравственнаго гнета притуплялось, наступало успокоеніе, и съ нимъ возвращались трезвость и покорность судьбѣ. И дѣйствительно, молодому человѣку было надъ чѣмъ задуматься: вчера еще студентъ, равноправный съ медикомъ, съ юристомъ, съ инженеромъ; сегодня—учитель, вполнѣ безправный, обязанный лгать и притворяться, что вѣритъ лжи, изгой изъ общества, ненавистный представитель ненавистной школы; завтра—подложные протоколы, небывалыя хозяйственныя засѣданія, принудительныя перерѣшенія постановленій, фиктивные экзамены и пр. Для строптивыхъ—нещадное битье по карману, переводы изъ гимназіи въ гимназію, безчисленные уколы самолюбію и человѣческому достоинству.

Хотя мы имѣли въ виду не мартирологъ русскаго учителя, а русской школы и учащихся, оказалось, что очень трудно отдѣлить одно отъ другого, ибо учителя заставляли страдать учащихся, страдая сами, и много было перенесено горя и тяжелыхъ нравственныхъ страданій педагогическими персоналами гимназій, прежде чѣмъ они приняли удобный и согласный съ требованіями системы обликъ.

Страданія и учащихъ, и учащихся вытекали изъ той же основной причины: тенденціозной лжи и двуличныхъ отношеній. Эту ложь учащіеся чувствовали и понимали: одни инстинктивно, другіе благодаря разъясненіямъ стороннихъ школѣ людей, преимущественно родителей и родственниковъ. Потому валить причину ненависти къ школѣ исключительно на древніе языки крайне односторонне и предвзято, «der Ton macht die Muzik», говорятъ нѣмцы, а въ этомъ отношеніи тонъ школы былъ безусловно фальшивый.

Нельзя предвзято замалчивать тотъ несомнѣнный фактъ, что классическія гимназіи съ двумя древними языками не были новинкою въ Россіи; что онѣ существовали рядомъ съ полуклассическими гимназіями (съ однимъ древнимъ языкомъ) задолго до пресловутой реформы графа Толстого и вовсе не страдали недостаткомъ учащихся; иногда даже бывали переполнены по сравненію со своими менѣе классическими соперницами. Ненависти къ гимназіямъ съ обоими древними языками никто не питалъ; учили въ нихъ латинскому и греческому языкамъ, не мудрствуя лукаво, безъ непремѣнной политической или иной подкладки, а потому и воспитательное значеніе ихъ было несравненно выше, чѣмъ въ толстовскихъ и позднѣе деляновскихъ гимназіяхъ. Элементъ озлобленія отсутствовалъ также потому, что учащіеся и родители не испытывали въ отношеніяхъ къ себѣ со стороны школы ничего

недоговореннаго, таинственнаго, необъяснимаго; не видѣли постоянной розни между словомъ и дѣломъ, постояннаго насилія надъ взаимоотношеніями родителей и дѣтей. Главное—отсутствовала фальшъ. Была грубость, невоспитанность со стороны низшихъ служащихъ; бывали факты, хотя рѣдкіе, жестокихъ наказаній; но единенія между учащими, учащимися и обществомъ было несравненно больше, такъ какъ отношенія бывали откровенно грубы, откровенно невоспитаны, откровенно жестоки, но чаще откровенно просты и сердечны. Въ позднѣйшей жизни бывшіе ученики до-толстовской школы съ любовью прощали школѣ ея невольные грѣхи; большинство же учениковъ школы новой, пореформенной, въ особенности же деляновской, съ ненавистью вспоминали свои гимназическіе годы, ненавидя въ школѣ то залѣзанье въ душу, тотъ нравственный лицемѣрный гнетъ, показную корректность, показную набожность, показные мотивы разныхъ добродѣтелей, имѣвшіе въ виду одну общую, но никогда не достигавшую цѣль—показную «благонадежность» окружавшей школу атмосферы. Не смотря на всѣ казовыя усилія, атмосфера эта, по стольку, по скольку дѣло касалось учениковъ и ихъ родителей, сохраняла безусловно строптивый, непокорный и оппозиціонный обликъ: въ школу шли съ ненавистью, проходили ее съ ненавистью, и съ ненавистью же вспоминали позже.

Одною изъ основныхъ причинъ полнаго фіаско въ взятой на себя школою задачѣ была крайняя неумѣлость, съ которою руководители брались за проведеніе своей политической миссіи: все было шито бѣлыми нитками, грубо, на скорую руку; пытливые умы среди учениковъ скоро улавливали фальшь, просвѣщали другихъ и не мало способствовали водворенію того общеизвѣстнаго презрительно-гадливаго тона въ отношеніяхъ массъ учившихся къ учившимъ.

Школа не могла или не умѣла объяснить этимъ пытливымъ умамъ даже того, съ какою цѣлью ихъ мучатъ греками и латынью, къ чему Россіи классицизмъ, зачѣмъ возлагаютъ на дѣтей и юношей непосильное имъ бремя формальнаго изученія древнихъ языковъ. Оффиціальныя объясненія и оправданія, которыя приводимъ ниже, цѣликомъ заимствованы изъ офиціальныхъ же изданій *); онѣ не могли удовлетворить ни общества, ни учащихся, такъ какъ или были невразумительны, или же насквозь дышали фальшью; къ особенно фальшивымъ и по тону, и по притязаніямъ принадлежали всѣ объясненія, заключавшія въ себѣ ссылки на христіанство, на религію и, въ частности, на православіе. Такъ, на стр. 95 **) перваго изъ упомянутыхъ въ предыдущей выноскѣ изданій читаемъ:

«Греческій языкъ можетъ одинъ, при посредствѣ нашей православной церкви, служить живою связью между нашею ученою школою

*) Смотри Сборн. постановл. и распор. по гимназ. и прогимназ. изд. 1874 г.; сборн. Георгіевскаго изд. 1888 г. и др.

**) Объяснительная записка къ Уставу гимназій и прогимназій 1871 г.

и народною жизнью: *ибо даже и простолюдины наши не могутъ быть равнодушны къ тому, что учащееся въ гимназіяхъ юношество будетъ достигать возможности читать въ подлинникѣ Евангеліе, поученія великихъ святителей церкви или богослужебные каноны и другія церковныя пѣснопѣнія, вслѣдствіе чего и сама наша ученая школа съ теченіемъ времени станетъ дорога для народа*».

Между тѣмъ, именно учащемуся-то въ гимназіяхъ юношеству и нельзя давать читать въ подлинникѣ ни Евангелія, ни многихъ другихъ перечисленныхъ выше книгъ, такъ какъ безопасно могутъ браться за такое чтеніе лишь умы филологически, нравственно и религіозно окрѣпшіе и зрѣлые.

Не менѣе фальшивъ по тону—а по духу, пожалуй, даже неправославенъ—аргументъ въ пользу изученія древнихъ языковъ, находящійся на стр. 92 того же оффиціальнаго изданія: «но сверхъ того, какъ извѣстно, и само христіанское ученье было впервые раскрыто, разъяснено и проповѣдано міру на языкахъ греческомъ и латинскомъ». Отсюда уже очень недалеко до догмата римской церкви о достойномъ величія Бога прославленіи его только на трехъ языкахъ, латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ.

Крайне неудачна ссылка, изъ той же области церковно-религіозныхъ аргументовъ, на мнѣніе одного изъ нашихъ іерарховъ, митрополита Евгенія (1807), полагавшаго, что путемъ изученія и подражанія «красоты самаго обильнѣйшаго и прекраснѣйшаго языка въ свѣтѣ перешли бы сами собой въ нашъ языкъ, древнимъ родствомъ и всѣми отношеніями уже съ нимъ сопряженный» (рѣчь идетъ о греческомъ языкѣ; тамъ же, стр. 95). Подобныя заимствованныя красоты производятъ, какъ извѣстно, весьма сомнительный эффектъ и, во всякомъ случаѣ, не ведутъ къ очищенію и усовершенствованію языка.

Положительно смѣхотворна, въ качествѣ аргумента для *русскихъ* юношей, цитата изъ нѣмецкаго писателя Фарнгагена-фонъ-Энзе, будто «знаніе греческаго языка чрезвычайно помогло ему въ изученіи языка русскаго» (тамъ же, стр. 98). Не образцы ли русскаго языка въ статьяхъ для перевода на греческій языкъ имѣлось въ виду порекомендовать русскимъ дѣтямъ и юношамъ для самоусовершенствованія въ родномъ языкѣ?

Неосторожною, раскрывающею карты, представляется намъ ссылка на Густава Мюльмана, утверждавшаго, будто изученіе классической древности по подлинникамъ «есть въ высшей степени благотворное противоядіе возрастающему матеріализму нашего времени» (стр. 93). Различнаго наименованія охранительныя фирмы особенно злоупотребляли у насъ способомъ аргументаціи, заимствованнымъ у Густава Мюльмана, и нельзя сказать, чтобы съ пользою и успѣхомъ.

Что же касается приведенной тамъ же (стр. 54), въ качествѣ весьма важнаго доказательства, выдержки изъ журнала комитета, обсуждав-

шаго уставъ гимназій 1828 г., то она, при всей наивности и откровенности составителей, производитъ впечатлѣніе жалкой, хотя и не произвольной ироніи:

«Соединеніемъ сихъ важныхъ преимуществъ (самородной первообразности и возбужденія къ труду), наука древнихъ языковъ производитъ двѣ весьма важныя пользы. Во-первыхъ, она пріучаетъ умъ ко внимательности, къ трудолюбію, къ изысканію началъ первообразныхъ, не останавливаясь на поверхности и легкомъ подражаніи; во-вторыхъ она самою трудностью успѣховъ и тщетностью всѣхъ притязаній получить ихъ безъ труда, пріучаетъ къ скромности, какъ и всякое основательное ученіе; а скромность есть первый признакъ и первая потребность истиннаго просвѣщенія. Молодой гимназистъ, съ самыми лучшими дарованіями, окончивъ курсъ сей словесности въ гимназіи, не возомнитъ, что онъ знаетъ уже все, но будетъ знать столько, чтобы получить вкусъ и желаніе знать болѣе, *и чувство недостающаго усовершенія будетъ сопровождать его не только въ университетѣ, но и внѣ его*».

И дѣйствительно, *чувство недостающаго усовершенія* весьма стойко преслѣдовало нашихъ гимназистовъ на всемъ пути ихъ ученической и студенческой карьеры; даже настолько стойко, что профессора университетовъ въ одинъ голосъ жаловались на *недостающее усовершеніе* снабженныхъ аттестатами зрѣлости студентовъ.

Крайнею наивностью, съ точки зрѣнія аргументаціи въ пользу усиленія классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, поражаютъ также сѣтованія на пустованіе филологическихъ факультетовъ въ университетахъ, на недостатокъ учителей древнихъ языковъ, сѣтованія, повторящіяся на стр 8, 12, 96 *) и многихъ другихъ. Для уясненія характера ихъ приводимъ выписку, относящуюся къ стр. 96:

«Есть и еще одно обстоятельство, которое говоритъ въ пользу возможно бо́льшаго упроченія греческаго языка въ нашихъ гимназіяхъ. Успѣхъ гимназій главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ преуспѣянія историко-филологическихъ факультетовъ, ибо изъ 11 учителей, полагаемыхъ для каждой гимназіи штатами 1864 года, 9, или, если не считать учителей французскаго и нѣмецкаго языковъ, то 7, должны быть изъ окончившихъ курсъ университетскаго ученія по историко-филологическому факультету, а эти факультеты, какъ показалъ и опытъ сороковыхъ годовъ, могутъ тѣмъ болѣе процвѣтать по числу студентовъ и по успѣшности ихъ занятій, чѣмъ большее число лицъ будутъ изучать греческій языкъ въ гимназіяхъ. Такимъ образомъ въ сороковыхъ годахъ, когда у насъ изъ 74 гимназій было 45 (или болѣе 60% общаго ихъ числа) съ обоими древними языками, историко-филологическіе факультеты, по преимуществу приготовляющіе учителей для гимназій, были сравнительно весьма многолюдны, и начальники учебныхъ окру-

*) Смотри «Уставъ» изд. 1871 г.

товъ не встрѣчали такихъ затрудненій, какъ теперь, при замѣщеніи учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ вполнѣ достойными преподавателями».

Изъ вышеприведенной тирады, во-первыхъ, вытекало, что «затрудненія начальниковъ учебныхъ округовъ» разрѣшились бы проще всего *упраздненіемъ* преподаванія греческаго языка въ гимназіяхъ, и во-вторыхъ, что дѣти и юноши учились и корпѣли въ гимназіяхъ надъ изученіемъ древнихъ языковъ будто бы только для того, чтобы намучившись надъ ними и въ университетѣ, въ свою очередь мучить и учить другихъ. Что именно такой курьезный взглядъ на классицизмъ былъ весьма распространенъ среди учащихся и ихъ родителей (т.-е что древніе языки въ гимназіяхъ преподаются только въ интересахъ тѣхъ немногихъ дѣтей и юношей, которые въ будущемъ намѣрены идти въ учителя), не составляло ни для кого секрета, а неуклюжая оффиціальная аргументація тщательно поддерживала и тѣхъ, и другихъ въ ихъ странномъ заблужденіи.

Равнымъ образомъ ни для кого не составляетъ въ настоящее время тайны, что сангвиническія надежды авторовъ объяснительной къ уставу 1871 года записки на грядущее переполненіе филологическихъ факультетовъ въ результатѣ введенія во всѣ гимназіи греческаго языка, неоправдались и что факультеты эти пустуютъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

Кромѣ приведенныхъ выше доказательствъ пользы изученія въ гимназіяхъ обоихъ древнихъ языковъ, находимъ на страницахъ того же, неоднократно уже цитированнаго нами оффиціальнаго изданія, излюбленныя шаблонныя ссылки на «формальное развитіе ума», «эстетическое образованіе», «выработку характера», и пр. Не находимъ лишь одного, единственно, быть можетъ, убѣдительнаго аргумента: что гимназія, какъ преддверіе къ университету, должна знакомить своихъ питомцевъ съ начатками, по возможности, всѣхъ наукъ, чтобы облегчить сознательный выборъ спеціальности. Филологія, исторія, археологія—великіе пути, ведущіе человѣка къ познанію самого себя и своего прошлаго; потому гимназія должна вводить своихъ питомцевъ въ наиболѣе родные, въ наиболѣе близкіе намъ по духу уголки далекой старины, а также знакомить съ методами и средствами къ ея изслѣдованію.

Къ сожалѣнію, наша классическая школа добровольно лишила себя всѣхъ выгодъ подобной аргументаціи, изгнавъ изъ своихъ стѣнъ другую великую отрасль человѣческихъ знаній—естествознаніе; изгнала вопреки примѣру Германіи, на которую такъ любила ссылаться, ибо въ Германіи, классической странѣ классицизма, преподаваніе естествовѣдѣнія въ гимназіяхъ никогда не было прекращаемо.

Менѣе важно было изгнаніе начатковъ законовѣдѣнія, но все же, благодаря этимъ двумъ пробѣламъ, защитники греко-латинской школы не могли, какъ мы сказали выше, пустить въ ходъ лучшій и наудо-

бопонятнѣйшій изъ всѣхъ аргументовъ въ пользу классической средней школы: *необходимость, по возможности, всесторонняго характера гимназической подготовки, въ противуположность специализации наукъ въ университетѣ.*

Боязнь естествознанія и даже самаго упоминанія о немъ, ставилась многими сторонниками такъ называемаго классицизма въ связь съ опасеніемъ, какъ бы все учащееся юношество не увѣровало въ свое происхожденіе отъ обезьяны и тогда тѣмъ паче стало бы отвертываться отъ древнихъ языковъ, «ибо не учатся имъ вѣдь обезьяны».

Шаткость основаній, на которыхъ покоился весь строй классической школы, чувствовался всѣми; оффиціальною аргументаціею въ пользу классицизма избѣгали пользоваться даже оффиціальнѣйшіе защитники древнихъ языковъ, такъ что къ концу деляновской эпохи всѣ разсужденія о пользѣ древнихъ языковъ свелись уже къ единственной категорической и краткой формулѣ: «учись и не разсуждай, а то не получишь диплома». И учились дѣйствительно ради диплома.

Нечего и говорить, что подобное ученіе изъ подъ нравственной палки не могло содѣйствовать подъему престижа ни классицизма, ни гимназіи.

Но едва ли не болѣе всего вредила педагогическому авторитету школы та псевдо-религіозность и показная набожность, которыя эпидемически царили въ гимназіяхъ во времена графа Делянова. Начало злоупотребленію религіозными мотивами въ дѣлѣ гимназическаго воспитанія было, впрочемъ, положено еще при графѣ Толстомъ. Такъ, правила для учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, утвержденныя графомъ Толстымъ 4 мая 1874 года, начинаются такимъ вступленіемъ:

«Ученики гимназій и прогимназій должны постоянно имѣть въ виду цѣль ученія вообще и гимназическаго въ особенности, выраженную въ словахъ молитвы передъ ученіемъ»,—«возрасти (умственно и нравственно) Создателю нашему во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу». «Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ Христова ученія, они должны всѣми силами своей души стремиться къ совершенствованію своему во всѣхъ отношеніяхъ, по слову Спасителя»: «Будите вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Матѳ. V, 48). *Для достиженія столь высокой цѣли имъ предписываются къ непремѣнному руководству нижеслѣдующія, между прочимъ, правила».*

Это «*между прочимъ*» заключительной фразы дышитъ такою неуклюжею фальшью, что совершенно портитъ и уничтожаетъ хорошее впечатлѣніе, производимое первою половиною вступленія (до словъ «Проникаясь» и т. д.). Между тѣмъ это вступленіе и понынѣ полностью печатается во всѣхъ ученическихъ журналахъ для записыванія

уроковъ и по прежнему служитъ для учениковъ толчкомъ къ глумленію и шуткамъ.

Дѣйствительно, правила, которыя *между прочимъ* предписываются ученикамъ для того, чтобы быть «совершени яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть», переполнены такими мелочами, такими, съ позволенія сказать, не стоющими выѣденнаго яйца подробностями, что въ совокупности представляютъ какое-то легкомысленное глумленіе надъ святостью приводимаго во вступленіи евангельскаго текста. Но, можетъ быть, благодаря тѣмъ же правиламъ, злое начало показной набожности и лицемѣрной религіозности пользовалось въ министерство графа Толстого менѣе широкимъ распространеніемъ, чѣмъ впослѣдствіи, такъ какъ посѣщеніе общественнаго богослуженія и исполненіе многихъ другихъ религіозныхъ обрядностей предписывалось этими правилами также лишь «между прочимъ», благодаря чему забота о посѣщеніи приходящими гимназистами церкви, исполненіе въ строгости обряда говѣнья, и многое другое въ большинствѣ учебныхъ округовъ было, къ счастью, оставлено на отвѣтственности родителей и домашнихъ. Мы говоримъ *къ счастью*, потому что тотъ обрядно-религіозный пріемъ, который водворился въ гимназіяхъ въ министерство графа Делянова, былъ великимъ несчастіемъ для школы и много способствовалъ враждѣ къ ней и отчужденію отъ общества.

Столицы почти не знали того порядка, которымъ стала насаждаться религіозность въ провинціи. Со всего города, въ праздничные и воскресные дни, подъ страхомъ взысканій, стекались учащіеся въ гимназію, только не какъ въ будніе дни къ девяти, а къ десяти часамъ утра. Шли переклички, записи, соблюдался строгій предклассный порядокъ. Въ половинѣ одиннадцатаго длинной вереницей вели гимназію въ церковь, расположенную нерѣдко въ такой части города, откуда большинство учащихся только-что успѣли явиться. Въ церкви снова построеніе въ ряды, молитва подъ надзоромъ и по командѣ.

Обыкновенно одинъ изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ—иногда эту роль бралъ на себя инспекторъ гимназіи,—ставъ впереди, личнымъ примѣромъ давалъ знакъ къ колѣнопреклоненной молитвѣ и земнымъ поклонамъ. Въ ряду заправилъ зачастую бывали люди даже не искони православные: выкресты или-же перешедшіе въ православіе изъ лютеранства и католичества. Многіе изъ нихъ, изъ переусердія, доводили число колѣнопреклоненныхъ стояній во время обыкновенной обѣдни до шестнадцати *), кстати и некстати пользуясь своимъ пра-

*) 1) Во время молитвы за Царя при отпускѣ послѣ проскомидіи; 2) на литургіи оглашенныхъ при пятомъ и шестомъ прошеніяхъ великой ектеніи; 3) во время малаго входа; 4) при пѣніи стиховъ «пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу»; 5) при пѣніи трисвятаго; 6) во время чтенія Евангелія; 7) во время херувимской; 8) во время великаго выхода, при моленіи о Государѣ и царствующемъ домѣ; 9) во время пѣнія Символа-вѣры; 10) при пѣніи «Достойно и праведно есть покло-

вомъ повергнуть ницъ всю гимназію. Эти сигналисты внѣшнихъ проявленій молитвеннаго настроенія были живыми сколками тѣхъ звонковъ, которыми въ католической церкви подаются молящимся соотвѣтствующія напоминанія о торжественности приближающейся минуты.

Изъ переусердія затягивалось и хоровое пѣніе и чтеніе, такъ что ученики уходили изъ церкви въ часъ пополудни, а иногда и позже, ибо во многихъ церквахъ укоренился обычай заканчивать каждое богослуженіе краткимъ молебномъ (чаще всего богородичнымъ), съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому. Сверхъ того, во многихъ провинціальныхъ городахъ ученики отводились послѣ богослуженія обратно въ гимназію, гдѣ, послѣ новой переклички, производились судъ и расправа за неблагоговѣйное предстояніе въ церкви, а затѣмъ уже роспускъ по домамъ.

Праздничный день наполовину пропадалъ, частью въ ненужныхъ формальностяхъ и съ весьма сомнительной пользой для религіознаго настроенія юношества. Уклоняться отъ церковной повинности было почти невозможно; вольничавшимъ, опаздывавшимъ, грозили аресты, карцеры, пониженіе отмѣтокъ по поведенію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже приводъ въ церковь черезъ служителей или помощниковъ классныхъ наставниковъ. Тѣ же строгости, если не въ большей мѣрѣ, примѣнялись и во время говѣнія. Удивительно-ли послѣ того, что учащіеся въ большинствѣ относились къ обязательному посѣщенію церковныхъ богослуженій, какъ къ тягчайшему изъ насилій, что многіе добрые, скромные, вѣрующіе юноши выстаивали положенное въ церкви время съ ожесточеніемъ, стиснувъ зубы и съ явно написаннымъ на лицѣ выраженіемъ: «ни за что не буду молиться!»

Въ періодъ наибольшаго церковнаго прилежанія, т.-е. во второй половинѣ восьмидесятыхъ и первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ, порядокъ обязательнаго посѣщенія церковныхъ богослуженій примѣнялся и къ иновѣрцамъ, лютеранамъ, католикамъ и евреямъ. Подобно тому, какъ неправославные или не искони православные служащіе наиболѣе охотно брали на себя роль наблюдателей на православныхъ богослуженіяхъ, такъ православные чины министерства народнаго просвѣщенія водили учениковъ въ костелы, кирки, и посылались отъ времени до времени для провѣрки учащихся въ синагоги; кажется, только мечети были свободны отъ подневольныхъ посѣщеній учащимися.

Интересно, что иновѣрное общество гораздо легче и спокойнѣе относилось къ церковной повинности, чѣмъ православное. Обстоятельство

нятися»; 11) при пѣніи стиховъ «Тебѣ поемъ»; 12) во время ублаженія Богородицы («Достойно есть яко воистину...»); 13) во время пѣнія молитвы Господней; 14) при возгласѣ «со страхомъ Божіимъ и вѣрую приступите»; 15) во время послѣдняго явленія Св. Даровъ («всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»); 16) во время молитвы за Царя при концѣ обѣдни.

это въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать тому, что иновѣрное духовенство, постоянно находившееся въ большей или меньшей оппозиціи со школьными властями, старалось, по возможности, облегчать дѣтямъ исполненіе церковныхъ обрядностей, и ограничивало обязательныя для учащихся богослуженія краткими получасовыми службами въ ранніе утренніе часы, такъ что лишь въ исключительныхъ случаяхъ ученики-иновѣрцы не бывали свободны къ 10 часамъ праздничнаго утра; въ большинствѣ же еще гораздо раньше.

Зато православное общество, православные учащіеся съ величайшею горечью относились къ вторженію школы въ религіозную жизнь семьи, и стояніе въ церкви въ рядахъ, съ колѣнопреклоненіями и поклонами по сигналу, не считали молитвою, а церковной повинностью, норовя подъ разными предлогами ускользнуть въ другія церкви, подальше отъ казеннаго благочестія.

Это и совершенно понятно, если обратимъ вниманіе на то, какъ; грубо и неумѣло нарушался школьными постановленіями характеръ молитвы, стоянія въ церкви, говѣнія, вѣками установившійся въ православной церкви.

У насъ и интеллигентное, и не интеллигентное общество стоитъ въ церкви одинаково: сосредоточенно, серьезно, слушая церковную службу и отдаваясь, смотря по настроенію, кто молитвѣ, кто суетнымъ мыслямъ; одинаково чужды ему и показныя колѣнопреклоненія, остентаціонные массовые земные поклоны въ тактъ и по заказу, молитва по приводу или поневолѣ. Поклоны, колѣнопреклоненія имѣютъ у насъ преимущественно другое, покаянное значеніе, и ими православный людъ привыкъ отличать великопостное предстояніе въ церкви, влагая тогда въ эти внѣшніе знаки смиренія и уничиженія всю душу, отождествляя ихъ съ представленіемъ о своей грѣховности. Того своеобразнаго порядка предстоянія въ церкви, который былъ обязателенъ для дѣтей и юношей, мы напрасно стали бы искать даже въ полковыхъ (военныхъ) церквахъ, гдѣ, правда, солдатики чинно стоятъ рядами, но каждый изъ нихъ молится, крестится, становится на колѣни и кладетъ земные поклоны самостоятельно, въ минуты приподнятаго молитвеннаго настроенія.

Особенно болѣзненно отзывалось на учащихся и ихъ родителяхъ время говѣнія. Для средней православной семьи періодъ говѣнія—время серьезной, сосредоточенной духовной ломки; говѣютъ, какъ извѣстно, по-группно, по двое, по трое младшихъ членовъ семьи съ кѣмъ-либо изъ старшихъ; говѣльщиковъ окружаютъ своеобразнымъ ласковымъ почетомъ и вниманіемъ; въ церкви они становятся отдѣльно, подальше отъ развлекающаго сосѣдства, чтобы избѣгнуть соблазна и всего, что можетъ придать говѣнію стадный характеръ: такова всѣмъ знакомая картина говѣнія тамъ, гдѣ въ семьѣ нѣтъ учащихся, или гдѣ учащимся по той или другой причинѣ дается школой свобода на время говѣнія.

Гдѣ этой свободы не было, изъ года въ годъ повторялись слезныя просьбы матерей отпускать учащихся говѣть вмѣстѣ съ семьей. Не время говѣнія играло здѣсь роль, не желаніе родителей отвлекать дѣтей отъ уроковъ непремѣнно въ учебное время: въ просьбахъ родителей чувствовалось отвращеніе отъ стадности процесса, отъ принудительности и обязательности каждаго движенія, каждаго шага, подъ недовѣрчивымъ, пытливымъ взглядомъ наблюдателей, строго смотрѣвшихъ за непремѣннымъ исполненіемъ внѣшней формальности, совершенно равнодушныхъ къ душевному настроенію кающихся. Родители охотно вызывались сами говѣть въ назначенное гимназіей время, лишь бы дѣтямъ было дозволено говѣть вмѣстѣ съ ними и не въ назначенной гимназическимъ начальствомъ церкви; но къ просьбамъ ихъ снисходили очень и очень рѣдко, сообразуясь не столько съ внутреннимъ строемъ семьи (котораго школа, не смотря на своихъ соглядатаевъ, въ дѣйствительности не знала и знать не могла), сколько со служебнымъ или общественнымъ положеніемъ главы семьи.

Интереснѣе всего то, что во многихъ гимназіяхъ законоучители были противъ заведенной свѣтскимъ начальствомъ церковной повинности въ томъ утрированномъ видѣ, въ какомъ она существовала почти повсемѣстно; мы едва ли ошибемся, сказавъ, что къ числу ихъ принадлежали *всѣ* разумные, хорошо понимавшіе духъ православія священнослужители; только не всѣ выражали свои мысли открыто, изъ опасенія соблазна и неурядицы.

Итакъ, какъ мы уже сказали съ самаго начала, лѣченье нашей школы не можетъ ограничиться измѣненіемъ только программъ, или устройствомъ педагогическихъ семинарій для учителей. Конечно, спору нѣтъ, и программы, и семинаріи вопросъ важный и имъ давно бы пора заняться, но едва ли не важнѣе коренной переломъ въ отношеніяхъ школы какъ къ ученикамъ, такъ и къ учителямъ. Дѣйствительно, отчего такъ трудно было членамъ недавнихъ коммиссій столковаться по вопросу о реформѣ школы, отчего они такъ затруднялись рѣшить, какая именно нужна Россіи школа? Въ значительной мѣрѣ оттого, что всѣ чувствовали, что *система*—дѣло второстепенное, что нужна *правдивая, честная, искренняя* школа, *свободная* отъ партійныхъ цѣлей и лицемѣрнаго ломанья передъ публикой; школа гуманная по духу, а не въ угоду вліяніямъ минуты—не съ написанной на лбу готовностью по данному сигналу или тонкому намеку перескочить обратно отъ крайности потачекъ и послабленій къ крайности тяжелаго нравственнаго гнета. Честную же школу создаютъ не писанныя программы и присочиненныя къ нимъ системы, а люди—подборъ честныхъ, прямыхъ, не лукавыхъ, свѣтлыхъ душою и сердцемъ людей. Люди же, не программы, не системы, не учительскія семинаріи, создадутъ здоровую, живительную атмосферу въ школѣ и вокругъ школы.

Ѳ. П.

ЖУРАВЛИ.

Весенніе дни наступили,
Бѣгутъ и смѣются ручьи,
И крикомъ своимъ огласили
Небесную высь журавли.

Мнѣ кажется, крикъ ихъ далекій
Привѣтъ въ мою келью несетъ,
Гдѣ я короталъ, одинокій,
Изгнанья тяжелаго годъ.

Мнѣ слышится голосъ привѣтный
Друзей, что боролись со мной
За этотъ народъ, безотвѣтный
Подъ игомъ нужды вѣковой.

И, слыша призывные звуки,
Дрожитъ мое сердце опять,
И къ небу усталыя руки
Спѣшу я съ надеждой поднять

И я вопрошаю тревожно:
Съ какой они вѣстью летятъ?
И вѣрю мечтѣ невозможной,
И слезы невольно блестятъ...

Но мимо несутся станицы
Въ объятья зеленыхъ степей:
Не знаютъ счастливыя птицы
Неволи тяжелыхъ цѣпей!

В. Войновъ.

ЯНГЪ-ХУНЪ-ЦЗЫ (Заморскій чортъ).

Разсказъ Александры Викторовны Потаниной и В. Сѣрошевскаго.

Не нужно, надѣюсь, напоминать русскому читателю, кто такая Александра Викторовна Потанина. Ея путешествія по Монголіи и Китаю, ея литературные труды и ея трагическая кончина на обратномъ пути отъ границъ Тибета всѣмъ хорошо извѣстны. Предлагаемый разсказъ написанъ ею незадолго до смерти въ нѣдрахъ Небесной имперіи. Начала она его писать по пути изъ Пекина въ Чень-ту-фу. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ изъ этого города отъ 28-го февраля 1893 года она впервые сообщаетъ мнѣ о предпринятой ею работѣ и предлагаетъ мнѣ тутъ же, въ случаѣ, если силы измѣнятъ ей, рукопись исправить и издать, подписавъ ее двойнымъ моимъ и ея именемъ. Семь мѣсяцевъ спустя не стало Александры Викторовны. Мужъ ея Григорій Николаевичъ при свиданіи со мной въ Петербургѣ вручилъ мнѣ тетрадку бѣлой и желтой китайской бумаги, мелко исписанной карандашемъ.

Такъ какъ я собирался въ скоромъ времени лично посѣтить Китай, то и не торопился съ изданіемъ записокъ, разсчитывая добавить къ нимъ мои непосредственныя наблюденія. Теперь, когда надежды на путешествіе пришлось отложить на долго, я, думаю, не въ правѣ оттягивать исполненія желанія покойной авторши «Китайскихъ женщинъ».

Для отдѣлки и созданія нѣкоторыхъ сценъ, слегка только отмѣченныхъ въ разсказѣ, я пользовался указаніями, позаимствованными у путешественниковъ: Г. Ковалевскаго «Путешествіе въ Китай», П. Я. Пясецкаго «Путешествіе въ Китай», Ж. Симона въ русскомъ переводѣ «Серединное Царство» («La cité Chinoise»); Miss Gordon Cumming «Wanderings in China», E. Bard'a Les chinois ches eux», и другихъ.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

I.

Какъ жестоко посмѣялась надо мною судьба! Вѣдь такъ недавно еще я мечталъ о томъ, чтобы приносить пользу отечеству, работать на благо своихъ ближнихъ, мечталъ быть „свѣтильникомъ, поставленнымъ на горѣ“—и вотъ я сижу въ Застѣнномъ Китаѣ, совершенно отрѣзанный отъ русской жизни, а впереди у меня на много лѣтъ одно только сухое коммерческое дѣло.

Правда, эти годы дадутъ мнѣ средства встать, что называется, на ноги, но возможно, что я не буду уже въ состояніи избрать впослѣдствіи другую карьеру. На что буду я годенъ, проведя десять лѣтъ въ полной изолированности отъ всего европейскаго? Такъ раздумывалъ я. Господи, какъ научился я здѣсь цѣнить нашу европейскую обстановку, европейскую цивилизацію и наши знанія! Даже проклятая греческая грамматика, лишившая меня возможности поступить въ университетъ, въ сумеркахъ воспоминаній пріобрѣтаетъ свѣтлый ореолъ!

Однако, будетъ оплакивать свою судьбу, примусь за описаніе моей жизни и моихъ приключеній.

По пріѣздѣ въ Пекинъ, я жилъ нѣкоторое время въ посольствѣ и, правду сказать, страшно скучалъ. Я все еще чувствовалъ себя гимназистомъ и неловко мнѣ было среди этихъ важныхъ господъ и блестящихъ молодыхъ людей, секретарей и посольскихъ студентовъ. Графъ принялъ меня очень ласково, прочелъ письмо моего дяди и сказалъ улыбаясь.

— Милости просимъ... Пока не найдете квартиры и учителя, вы можете жить въ посольствѣ...

Относительно того и другого я долгое время былъ въ большомъ затрудненіи. Пекинъ производитъ впечатлѣніе огромнаго торговаго села, на нѣкоторыхъ улицахъ котораго происходитъ вѣчная ярмарка, а другія остаются круглый годъ тихими, пустынными и грязными закоулками. Жизнь европейцевъ сосредоточивается въ посольствахъ—уединенныхъ, красивыхъ, одноэтажныхъ зданіяхъ съ тяжелыми выгнутыми крышами. Они окружены высокими стѣнами и роскошными садами. Шумъ жизни проникаетъ туда въ видѣ чуть внятнаго лепета.

Мнѣ тамъ не нравилось. Къ тому же я не принадлежалъ ни къ посольству, ни къ миссіи и жить тамъ долго въ качествѣ гостя было неудобно. Квартиръ частныхъ въ Пекинѣ нѣтъ. Единственная французская гостинница—невѣроятно дорога. Наконецъ, начальникъ духовной миссіи, многоуважаемый от. Никонъ, принялъ во мнѣ участіе. Онъ рекомендовалъ мнѣ одного изъ своихъ прихожанъ грамотнаго албазинца. Албазинцы — это тѣ же китайцы, только православные. Больше двухсотъ лѣтъ тому назадъ былъ

взятъ китайскими войсками надъ Амуромъ пограничный русскій острогъ Албазинъ. Плѣнные въ числѣ нѣсколькихъ сотъ были приведены въ Пекинъ и представлены богдыхану, которому до того понравилась ихъ мужественная защита и военная выправка, что онъ приказалъ включить ихъ въ свою гвардію. Албазинцы со временемъ совсѣмъ окитаились, но остались православными. Когда умеръ находящійся въ ихъ числѣ священникъ, китайскій императоръ обратился въ 1715 г. съ письмомъ къ русскому царю, прося высылки новаго священника для своихъ православныхъ тѣлохранителей. Это и было началомъ постоянныхъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Каждые 20 лѣтъ, а впослѣдствіи каждые 10 лѣтъ высылался въ Пекинъ архимандритъ и священникъ съ причтомъ на смѣну прежняго. Китайское правительство отдало имъ въ вѣчное владѣніе кусокъ земли въ сѣверо-восточномъ углу манчжурскаго города. Тамъ же по близости, уже за городской стѣной, устроено православное кладбище.

„Ми-ло-вань-о"—такъ назывался мой новый знакомый (нѣкогда, по увѣренію отца Никона, Миловановъ),—по внѣшности ничѣмъ не напоминалъ о своемъ русскомъ происхожденіи. Но онъ жилъ долгое время въ Кяхтѣ, зналъ немного по-русски и пользовался репутаціей человѣка честнаго и добропорядочнаго. Отецъ Никонъ посовѣтовалъ мнѣ даже поселиться у него, ручаясь за мою безопасность.

— Только вы должны преобразить себя въ китайца и примѣниться во всемъ къ ихъ обычаямъ, исключая, конечно, языческихъ поклоненій... И косу совѣтовалъ бы я вамъ подцѣпить... шутилъ отецъ Никонъ.—За то вы гораздо скорѣе преуспѣете въ китайскомъ языкѣ, чѣмъ наши посольскіе студенты, которые по нѣскольку лѣтъ учатся и... ни аза въ глаза! За то у нихъ есть англійскіе рысаки и носятъ они крахмальныя манишки...

Проектъ отца Никона мнѣ понравился и даже разжегъ мое воображеніе. Нѣсколько дней спустя я поселился у моего учителя.

Улица, на которой мы жили, на окраинахъ Пекина, недалеко отъ миссіи, была очень пустынна и мирна, она представляла, что называется, заброшенный уголъ большого города. Огромныя деревья осѣняли старыя постройки, на черепичныхъ кровляхъ жилищъ росла трава. Мои хозяева занимали отдѣльный домъ. Съ улицы нужно было пройти въ вымощенный плитнякомъ квадратный дворъ, гдѣ два отдѣльныхъ строенія образовали уголъ, а два другіе угла образовала наружная каменная ограда двора и стѣны какого-то казеннаго зданія. Шумныя торговыя улицы были, впрочемъ, такъ близко, что гомонъ ихъ доходилъ къ намъ, точно глухой сдавленный гулъ морского прибоя. По временамъ тутъ же у воротъ рѣзко

раздавались громкія восклицанія продавцовъ, забредавшихъ и въ нашъ переулокъ.

Для меня привели въ порядокъ заброшенную комнату въ дальнемъ углу двора. Въ ней—кирпичный полъ, стѣны и потолокъ были когда-то оклеены обоями, окно, занимающее добрую половину выходящей на веранду стѣны, состояло изъ деревянной рѣшетки, затянутой бумагою. Печи въ моей комнатѣ не было и хотя зима здѣсь довольно мягкая, но отсутствіе огня давало себя непріятно чувствовать. Вообще китайскія жилища принадлежатъ къ южному типу, и приспособлены больше для лѣта. Печки въ жилыхъ комнатахъ—рѣдкость, ихъ замѣняютъ переносными жаровнями. Но денегъ, отпускаемыхъ моимъ дядей на обученіе меня китайскому языку, было недостаточно, чтобы я могъ позволить себѣ подобную роскошь. Сырой холодъ промозглыхъ, старыхъ стѣнъ былъ очень чувствителенъ. Особенно тяжело было вставать по утрамъ.

Просыпался я обыкновенно раньше восьми часовъ и сейчасъ же бѣжалъ въ хозяйскую кухню, гдѣ на очагѣ уже пылалъ каменный уголь и грѣлась вода для умыванія и чая. Китайцы встаютъ рано. Меня уже ждалъ противный, невѣроятно грязный старикашка, взятый хозяиномъ исключительно, повидимому, для меня. Имя его состояло изъ цѣлаго ряда отрывистыхъ звуковъ, похожихъ на удары трещетки. Къ счастью, китайцы въ будничномъ обиходѣ ограничиваются первымъ слогомъ своихъ именъ или просто титуломъ: сторожъ, поваръ, мальчикъ...

— Съ раннимъ утромъ, ласковый господинъ!—поздравлялъ меня слуга, кланяясь въ поясъ и подавая умывальный тазъ съ горячей водою.

— Съ раннимъ утромъ, престарѣлый поваръ Чангъ!—отвѣчалъ я единственную знакомую мнѣ пока китайскую фразу и принимался вытирать руки и лицо кускомъ фланели, смоченной въ лѣтней водѣ. Въ этомъ и состоитъ китайское омовеніе и я ограничивался имъ, рѣшивъ полностью слѣдовать китайскимъ обычаямъ.

На хозяйской половинѣ, завѣшенной синей бумазейной занавѣской, тоже шевелились. Обязательно высовывалась оттуда бритая головка восмилѣтняго мальчугана, подозрительно наблюдавшаго за мной, Маджи, и то и дѣло выходила и входила туда съ озабоченнымъ видомъ Ліенъ, дѣвушка, подростокъ, подавая то и другое одѣвавшимся тамъ родителямъ. Первое время моего пребыванія въ семьѣ Ми-ло-вань-о занавѣска въ моемъ присутствіи была постоянно опущена. Впослѣдствіи только я узналъ, что за ней находится *канъ*, поднятая надъ поломъ почти на два фута кирпичная платформа, подъ которой проходили дымовыя трубы очага. Такимъ образомъ тамъ было постоянно тепло и сухо. Тамъ спала семья, тамъ проводила все свое время мать семейства, госпожа Хань-Ми.

Самъ Ми обыкновенно вылѣзалъ немедленно изъ-подъ занавѣски, какъ только я кончалъ умываться. Видимо, онъ поджидалъ этого.

Онъ важно крестился на образа и говорилъ протяжно:

— Са-та-ла-сту!..

— Са-та-ла-сту!—отвѣчалъ я, зная еще изъ Кяхты, что это значитъ „здравствуй".

Мы пожимали другъ другу по-европейски руки и садились пить чай. Всегда къ тому времени, съ точностью часовъ, являлся разнощикъ съ горячими лепёшками. За чаемъ Мы вмѣстѣ съ Чангомъ обсуждали меню обѣда, въ чемъ со временемъ стала принимать изъ-за занавѣски участіе и госпожа Ми. Я вслушивался внимательно въ быстрые отрывистые звуки ихъ рѣчей и долго сокрушался, что никогда не буду въ состояніи ихъ познать. Затѣмъ Чангъ уходилъ съ корзинкой на базаръ, а мы принимались за урокъ. И такъ изо дня въ день.

Китайскій языкъ легкій и звучный, но грамота его головоломна. Она состоитъ изъ двадцати тысячъ слишкомъ знаковъ. Здѣсь всѣ грамотны, но мало такихъ, которые въ состояніе читать всякія книги. Мужикъ знаетъ нѣсколько тысячъ знаковъ, можетъ разбирать вывѣски, календари, сельскохозяйственныя книги, записывать необходимыя свѣдѣнія въ семейную книгу, которая въ Китаѣ замѣняетъ и метрическую книгу, и полицейскіе списки населенія. Въ Китаѣ нѣтъ паспортовъ; семейная книга замѣняетъ все и поэтому всякій долженъ быть грамотенъ, разъ желаетъ сдѣлаться семейнымъ.

Ремесленникъ долженъ знать больше знаковъ, чѣмъ мужикъ, потому что дѣятельность его сложнѣе; еще больше знаковъ знаетъ купецъ... Всѣ эти люди читаютъ нужныя имъ техническія произведенія, повѣстушки и романы, но философскія книги и классическія художественныя произведенія доступны только ученикамъ высшихъ школъ, академикамъ да литераторамъ... Въ этомъ китайцы не отличаются, впрочемъ, сильно отъ другихъ народовъ; за то страшно сильно отличаются ихъ азбука и ихъ механика письма. Буквы изображаютъ не звуки, какъ у насъ, а понятія. Они похожи на маленькіе ребусы, которые нужно коментировать и разгадывать. Еще одна странность: можно не умѣть говорить по-китайски и понимать до нѣкоторой степени китайскія книги. Послѣднее, впрочемъ, много труднѣе перваго.

Занимался я обыкновенно до обѣда, заучивалъ слова и составлялъ маленькія фразы. Ми очень ловко принялся за мое обученіе: онъ показывалъ предметъ, произносилъ названіе его и заставлялъ меня повторять до тѣхъ поръ, пока я не скажу правильно. Затѣмъ я списывалъ растрепанные китайскіе „дзырь",

т.-е. болѣе простые іероглифы, произносилъ громко ихъ китайское названіе, а Ми, тутъ же за особымъ столикомъ бойко переписывавшій свои бумаги, подходилъ по временамъ и исправлялъ мое писаніе. Я догадался, что онъ живетъ этой перепиской, которой онъ занимался очень усердно.

Семья Ми очень бѣдна. Мое пребываніе у нихъ прямо для нихъ находка. Обращеніе со мной Ми и всѣхъ его присныхъ иногда до боли льстиво-приторно и робко. Видимо, они старались угодить мнѣ и не знали, какъ лучше это сдѣлать. Незнаніе языка ставило меня внѣ ихъ наблюденій, они не знали какъ со мной быть, и внѣ ихъ жизни—я самъ не зналъ, что мнѣ дѣлать; я все время молчалъ и подчасъ меня давила невыносимая скука. Научныя сочиненія возбуждали во мнѣ отвращеніе, а романы, какъ суррогатъ жизни, я проглатывалъ въ одинъ присѣстъ. Здѣсь ихъ, впрочемъ, оказалось немного. Газеты и журналы разбирались въ посольствѣ на расхватъ. Беллетристическій отдѣлъ въ библіотекѣ былъ неважный. Я старался воздержаться отъ легкаго чтенія и углублялся съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и воздыханіемъ въ толстыя скучныя сочиненія по исторіи Китая, по его географіи и быту... Къ тому же ежедневно изучалъ англійскій языкъ по методу Плато-Рейсснера и убѣдился, что этотъ господинъ тщетно пробуетъ сдѣлать свой предметъ занимательнымъ! Къ вечеру мое настроеніе становилось мрачнѣе тучи!

Самой свѣтлой для меня минутой былъ всегда тотъ моментъ, когда я бралъ подъ мышку прочтенную повѣстушку и отправлялся въ посольство или миссію за новой. Я долго не рѣшался ходить по Пекину и меня кто-нибудь провожалъ, чаще всего Маджи. Мальчикъ ужасно не любилъ этихъ прогулокъ. Дѣло въ томъ, что несмотря на мой китайскій костюмъ и поддѣльную косу, китайцы сразу во мнѣ узнавали европейца. Синіе глаза и свѣтлыя брови выдавали меня. Прохожіе останавливались, иногда даже шли за мной, уличные мальчишки кричали: „янгъ-хунъ-цзы" (заморскій чортъ!), „хунъ-мао-дзей!" (рыжій разбойникъ) и, случалось, бросали камнями. Маджи въ такихъ случаяхъ старался держаться подальше, ускорялъ шаги до того, что я едва поспѣвалъ за нимъ. Между тѣмъ, мнѣ нельзя было отстать. Дѣло въ томъ, что мой провожатый, послѣ перваго же опыта, сталъ старательно избѣгать бойкихъ торговыхъ улицъ. Мы большею частью двигались по сложному лабиринту узкихъ пустыхъ переулковъ. Сознаюсь, когда я впервые очутился въ этихъ кривыхъ, каменныхъ щеляхъ, между двухъ глухихъ стѣнъ, безъ оконъ, гдѣ за рѣдкими воротами, прикрытыми большими деревянными ширмами, слышался сдавленный говоръ чуждыхъ голосовъ и непонятный шумъ какой-то работы, мнѣ стало очень жутко. Мнѣ казалось, что

рѣдкіе прохожіе, осматривающіе меня пристальнымъ взглядомъ, обязательно должны броситься на меня и схватить меня за горло. Выраженіе моего лица и мои движенія, повидимому, вызывали неменьшую тревогу въ прохожихъ; въ результатѣ мы, полные страха, расходились, прижавшись къ стѣнкѣ, на разстояніе двухъ аршинъ. Хуже было, когда въ воротахъ невзначай появлялись женскія, украшенныя цвѣтами головки или выскакивали оттуда дѣти. Тогда обыкновенно позади раздавался смѣхъ, восклицанія, обязательное „янгъ-хунъ-цзы!“ „хунъ-мао-дзей“! летѣли комки грязи, черепки и камни... Маджи исчезалъ, а я боялся ускорить шаги, чтобы за мной не погнались... Я сказалъ Ми, что не желаю больше ходить по переулкамъ; онъ сдѣлалъ сыну суровый выговоръ, но это не помогло. Ребенокъ, очевидно, стыдился ходить вмѣстѣ со мною...

Осеннія ненастья, впрочемъ, вскорѣ прекратили наши прогулки. Слякоть и непролазная грязь на улицахъ отбили всякую охоту къ движенію. А если случалась необходимость, то я уходилъ самъ, разсчитывая, что холодный дождевой душъ убилъ любопытство самыхъ завзятыхъ китайскихъ зѣвакъ. Я не ошибся, улицы были неузнаваемы. Даже самыя бойкія изъ нихъ показались мнѣ пустынными въ сравненіи съ обычной веселой сутолокой. Продавцы подъ огромными зонтиками уныло и хрипло выкликали свой товаръ, немногочисленные прохожіе съ зонтиками заткнутыми за воротники шубъ, торопливо пробирались гуськомъ по сухимъ тропамъ среди лужъ. Маленькія извощичьи телѣжки то и дѣло завязали въ ухабахъ, возбуждая крики ѣдущихъ сзади и впереди. Говоръ прохожихъ покрывала грубая ругань носильщиковъ, съ трудомъ плетущихся по щиколку въ густомъ вонючемъ мѣсивѣ уличнаго мусора съ тяжелыми намокшими паланкинами въ рукахъ. На меня, конечно, никто не обращалъ вниманія и я благополучно добирался въ миссію.

Отецъ Никонъ не похвалилъ меня впрочемъ; онъ находилъ, что для одинокихъ экскурсій по городу я черезчуръ еще мало знаю по-китайски.

— Вы все-таки, особенно въ сумерки... не ходите. А что вашъ сянь-шань? (учитель).

— Мой сянь-шань все пишетъ... Онъ, кажется, смирный и добрый человѣкъ...

— Да, онъ ничего... благочестивый. Одинъ у него недостатокъ—жена... язычница.

— Какъ язычница?

— Да вотъ—язычница!—вздохнулъ миссіонеръ.—Развѣ вы ее видѣли? Она важная барыня, изъ знатнаго китайскаго рода и Ми боится ея. Въ сущности, она всѣмъ домомъ заправляетъ.

Вотъ она ни сына, ни дочку въ школу не хочетъ послать. И тѣ не ходятъ! Грозили мы Ми, что лишимъ его въ посольствѣ заработка... Увертывается: маленькія говоритъ... А по-китайски, небось, ихъ учитъ?!

Я промолчалъ, но вспомнилъ, что Маджи дѣйствительно ежедневно куда-то исчезалъ, дѣвочку же учила мать. Я это слышалъ.

— Да и самъ сянь-шань тоже былъ нѣкогда чиновникомъ и не маленькимъ; управлялъ городомъ въ Монголіи... Только проворовался и выгнали его... Семья жены, по протекціи которой онъ получилъ тамъ мѣсто, отказала ему въ поддержкѣ, такъ какъ онъ въ томъ городѣ завелъ себѣ вторую гражданскую семью... Китаянкамъ вѣдь нельзя выѣзжать изъ Китая и всѣ китайцы на окраинахъ обзаводятся женами туземками... Этого они не считаютъ за грѣхъ... Да вотъ сянь-шань сдѣлалъ иной промахъ и отказалъ незаконнымъ своимъ дѣтямъ все нажитое на должности состояніе... Очевидно, разсчитывалъ, что родня настоящей жены выручитъ его, да тутъ и осѣкся... Не захотѣли они, чтобы наживался онъ для чужихъ... Вотъ и бѣдствуетъ... А самъ онъ ничего... богомольный!

На обратномъ пути, когда я шелъ, раздумывая обо всемъ услышанномъ, со мной случилось приключеніе, вполнѣ подтвердившее предостереженіе от. Никона. Въ сумеркахъ около опустѣвшихъ обжорныхъ рядовъ меня неожиданно окружила толпа нищихъ. Среди нихъ были прокаженные съ изъязвленными лицами, голые, вонючіе, лохматые, ужасные... Они вплотную обступили меня, выхватили у меня изъ рукъ узелокъ и, по всей вѣроятности, ограбили бы меня до тла, еслибъ не поспѣшило мнѣ на помощь нѣсколько прохожихъ. Страшные кощеи разбѣжались, но мои спасители, взглянувъ мнѣ въ лицо, тоже отвернулись съ насмѣшками и руганью...

— Хунъ-мао-дзей! (рыжій разбойникъ!).

Съ тѣхъ поръ я прочно засѣлъ дома и предался наблюденію надъ семейной жизнью моего сянь-шаня, которая, послѣ разсказа отца Никона, не казалась мнѣ уже такой мирной и простой, какъ вначалѣ. Холодъ заставлялъ меня все время проводить у нихъ. Они мало-по-малу привыкли ко мнѣ. Синяя занавѣска была, наконецъ, приподнята и я увидѣлъ тамъ желтую тщедушную женщину, сидящую съ поджатыми маленькими искалѣченными ногами и высоко поднятой на головѣ вычурной прической съ многочисленными булавками. Она важно возсѣдала съ работою въ рукахъ, съ шитьемъ, вязаніемъ или прялкой, и пристально глядѣла черными блестящими глазами на все, что происходило кругомъ. Иногда, впрочемъ, глаза эти туманились, лицо покрывалось мертвенной синевою, и проворныя трудолюбивыя руки то и дѣло

*

опускались безпомощно внизъ. Она тогда особенно раздражительно покрикивала на маленькую Ліенъ.

— Поворачивайся ты, больше-ногій „чедза-фу“ (носильщикъ)!—или: нѣжная „гань-чедзе“! (извощикъ) не прыгай, пожалуйста!

Дѣвочка послѣ того взглядывала жалобно на свои здоровыя ножки, затѣмъ на меня и краснѣла до слезъ. Очевидно, уцѣлѣвшія ступни ея казались ей, какъ и матери, несмываемымъ позоромъ. Ножки эти были, впрочемъ, не такъ уже велики и значительно болѣе шли къ тоненькой изящной фигуркѣ дѣвушки, чѣмъ отвратительныя копытца ея матери. Семейныя сцены супруговъ Ми-ловань-о тоже обыкновенно начинались или оканчивались ножками Ліенъ.

— Денегъ ты ей не припасъ, а ноги у ней ты оставилъ, какъ у твоихъ друзей варваровъ... Кто ее возметъ теперь изъ хорошаго общества такую замужъ?!. А ваши христіане развѣ женятся безъ приданнаго?!. Что? Да и не отдамъ я ее за христіанина... Будетъ съ меня тебя!..—кричала Хань-Ми.

Ми обыкновенно политично помалкивалъ и самое большее говорилъ мнѣ съ улыбкой на кяхтинско-русскомъ нарѣчіи:

— Са-та-ра́ ба-ба́ зэ-ла́!

Послѣ того мадамъ Хань-Ми величественно задергивала занавѣску и оттуда доносились къ намъ только всхлипыванія и причитанія въ родѣ:

— Извергъ... Безстыжій... драконъ... загубилъ!

„Совсѣмъ по-русски! Ни дать ни взять наша истеричная барыня!“—думалъ я. Дѣти подзывались матерью за занавѣску и мы оставались съ моимъ менторомъ въ неловкомъ „съ глазу па глазъ“. Кисточка Ми быстро-быстро бѣгала по бумагѣ, оставляя за собою сверху внизъ и справа налѣво ряды буквъ, похожихъ на раздавленныхъ насѣкомыхъ, а я углублялся въ мои фоліанты.

Я замѣтилъ, что такія сцены происходили довольно правильно на исходѣ мѣсяца, когда я еще не внесъ моей квартирной платы. Къ тому времени и пища ухудшалась, и учащались болѣзненные припадки госпожи Хань-Ми, отъ которыхъ она стонала и плакала точно маленькій ребенокъ.

Еще хуже стало, когда зимою у Ми окончилась переписка. Онъ поутру исчезалъ изъ дому и возвращался только поздно вечеромъ усталый и голодный. Иногда я его не видѣлъ по нѣскольку дней, такъ какъ онъ уходилъ до завтрака, а возвращался послѣ моего ухода къ себѣ. Онъ, видимо, тогда избѣгалъ меня. Мои уроки китайскаго языка страдали отъ этого, но Ми такъ виновато глядѣлъ на меня послѣ прогуловъ, что я не рѣшался его упрекать. Пища наша все ухудшалась. Часто обѣдалъ только я,

а члены семьи говорили, что имъ нельзя сегодня обѣдать, что они постятся по случаю годовщины смерти того или другого предка. Эти посты повторялись все чаще, точно моръ какой-то одновременно побилъ всѣхъ предковъ Ми.

Мои китайцы блѣднѣли. худѣли, но не жаловались. Слуга исчезъ и на каминѣ огонь топился все умѣреннѣе. Между тѣмъ, холода и сырость возрастали по мѣрѣ наступленія зимы. Время проходило крайне уныло. Я занимался въ одиночествѣ. Голубая занавѣска была постоянно опущена. Изъ-за нея то и дѣло вылетали вздохи и стоны госпожи Хань-Ми. Иногда слышался тамъ сдержанный говоръ разговаривающихъ дѣтей и я разбиралъ плаксивыя жалобы Маджи на голодъ и солидные доводы Ліенъ, успокаивавшей его разсказами, не имѣющими, впрочемъ, ничего общаго съ надеждой на пищу.

Но разъ вниманіе мое было привлечено болѣе крупной размолвкой жителей „кана“. Госпожа Хань-Ми что-то приказывала, чего Ліенъ, видимо, не хотѣла исполнить. Поминутно раздавались то гнѣвныя приказанія, то жалобные стоны матери, то сдавленныя всхлипыванія дѣвочки. Наконецъ, синяя ткань заколыхалась и тоненькая фигура дѣвушки стыдливо выскользнула изъ-подъ нея. Замѣтивъ мой взглядъ, она покраснѣла и робко прижалась къ стѣнѣ...

— Иди, иди! — приказывала мать.

— Чего тебѣ? — спросилъ я по-китайски.

Дѣвочка пугливо взглянула на меня большими проницательными глазами, но не отвѣчала.

— Иди... иди къ нему... ближе!.. — шипѣла Хань-Ми.

Дѣвочка сдѣлала нѣсколько шаговъ вдоль стѣны.

Я повторилъ вопросъ.

— Мать... проситъ... сапеки! (деньги)—сказала она тихо.

— Сколько?—спросилъ я смущенно. У меня ихъ было тоже немного.

— Сколько дать пожелаетъ безконечно великодушный господинъ... Щедрость его всѣмъ намъ хорошо извѣстна! Дѣвушка она молоденькая!... — быстро заговорила Хань-Ми, высовывая изъ-за занавѣски желто-синее исхудалое лицо.

Я поднялся, все это показалось мнѣ подозрительнымъ, даже отвратительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокая жалость охватила меня...

— Я не могу больше... Я уже столько дней не курила... Дай хоть на трубку старой, жалкой служанкѣ твоей!.. Я знаю, иностранный принцъ добръ, онъ дѣвочкѣ не сдѣлаетъ зла... Я только нарочно... — бормотала Хань-Ми, подобострастно вглядываясь въ мое лицо.

Я положилъ нѣсколько монетъ на столъ, свернулъ мои бумаги и ушелъ.

Съ тѣхъ поръ атаки на мой кошелекъ повторялись правильно каждые два, три дня. Только теперь Хань-Ми просила непосредственно. Она отдергивала занавѣску и то слезно умоляла, то грозила, что пошлетъ дѣвочку къ старику лавочнику на углу.

— Онъ ее хочетъ, старый песъ!... Онъ мнѣ говорилъ... Ахъ! какой онъ противный! Ужасно противный!..

— Вѣдь вы за эти деньги покупаете опій!—упрекалъ я ее.

— Да... опій!—соглашалась наивно она.

— Вамъ вредно... Опій отрава! Я не могу давать вамъ денегъ на вредное для васъ снадобье!..

Тогда она въ бѣшенствѣ бросалась на постель, проклинала все и вся и грозила убить себя.

— Какое вамъ дѣло до насъ жалкихъ сыновъ Серединной земли. Вы варваръ, богатый бѣлый варваръ... Что значитъ для васъ нѣсколько сапекъ... Я отдамъ ихъ вамъ... Не всегда же рокъ будетъ преслѣдовать насъ... Мои дѣти отдадутъ вамъ... Правда, Маджи... Пожалѣй, мальчикъ мой, свою мать... Скажи ему, что отдашь... Иди, Ліенъ, обними ноги достопочтеннаго, нѣжнаго господина!

Въ результатѣ я давалъ, опасаясь какой-либо дикой выходки со стороны изступленной женщины. Но все чаще и чаще подумывалъ я о необходимости оставить моего Сянь-шаня, или вообще устроиться иначе. Я написалъ дядѣ письмо съ изложеніемъ положенія дѣлъ и просилъ его, нельзя ли перевести меня на заводъ раньше года, съ тѣмъ, чтобы Сянь-шань получилъ тамъ тоже мѣсто и чтобы наши занятія по литературѣ, исторіи и китайскому языку не прекращались. Я прекрасно понималъ, что такого толковаго, знающаго преподавателя, къ тому же понимающаго по-русски, какъ Ми, доставилъ мнѣ только случай и что равнаго ему я не легко найду. Отецъ Никонъ поддержалъ меня въ этомъ мнѣніи:

— Да я кромѣ него не знаю, кого вамъ и посовѣтовать въ Сянъ-шани!... Вѣдь вотъ какъ ловко стали вы по-китайски объясняться... Я вамъ говорилъ, что Ми совсѣмъ надежный человѣкъ... Вотъ только жена его... Я, сознаюсь, думалъ даже, что вы на нихъ повліяете...

— Бѣдны они... очень бѣдны...—замѣтилъ я.

— Да бѣдны, потому порочны, суевѣрны...

— Но... дѣти!.. Чѣмъ же виноваты дѣти?!

— Ни въ школу они ихъ не посылаютъ, ни въ пріютъ не отдаютъ... Сами виноваты!..

Я замолкъ, но рѣшилъ, что не уйду отъ Ми, что не буду

причастенъ даже косвенно къ побѣдѣ надъ нимъ обстоятельствъ. Если и оставлю его, то впослѣдствіи, когда судьба улыбнется ему. Пока я продалъ кой-что въ посольствѣ изъ моего европейскаго гардероба и деньги рѣшилъ предложить въ займы Сянь-шаню.

Впрочемъ, онѣ ему не понадобились. Поздно вечеромъ онъ зашелъ ко мнѣ и сказалъ радостно, что теперь все будетъ хорошо, что онъ нашелъ работу въ англійскимъ посольствѣ. На завтра у насъ къ обѣду появилась свинина. Опять какой-то старикашка замѣнилъ у очага Ліенъ. Въ квартирѣ водворилось больше чистоты и порядка. Опять синяя занавѣска стала подыматься вверхъ и госпожа Хань-Ми важно возсѣдала съ рукодѣльемъ, слѣдила внимательнымъ взоромъ за поведеніемъ прислуги и дѣтей. Она только старательно избѣгала встрѣтиться глазами со мною.

Стало теплѣе; въ воздухѣ чувствовалось дыханіе весны, но грязь и вонь все еще удерживали меня дома. Къ тому же негдѣ было гулять, такъ какъ публичныхъ садовъ совершенно нѣтъ въ Пекинѣ, доступные же для публики сады при храмѣ Неба и Земли или при другихъ болѣе знаменитыхъ пагодахъ были черезчуръ удалены отъ нашего квартала.

— Слушайте, уважаемый Сянь-шань, не согласитесь ли вы, чтобы я занимался съ Маджи... Вѣдь хорошо бы мальчику знать русскую грамоту... Ему много легче было бы впослѣдствіи найти занятіе... Къ тому же я могъ бы учить его и рисованію...

— Достопочтенный И (такъ китайцы сокращали мое имя Иванъ), кто же станетъ отрицать пользу знанія! Я не посылалъ Маджи въ школу, потому что онъ былъ малъ и болѣзненъ, но дома...

Я взглянулъ на исхудалыя во время голода щечки мальчика и вспомнилъ, что онѣ не всегда были такія, между тѣмъ Маджи, по словамъ о. Никона, никогда не посѣщалъ миссіонерской школы.

Затѣмъ я невольно перевелъ глаза на госпожу Хань-Ми.

Веретено быстро вертѣлось въ ея рукахъ и она не глядѣла на насъ; сидѣвшая около нея Ліенъ тоже прилежно пряла, но по покраснѣвшимъ ея ушамъ я догадался, что она внимательно прислушивается къ нашему разговору.

Маджи вначалѣ былъ восхищенъ моимъ проектомъ и мы на слѣдующій же день принялись за уроки. Радость мальчика, впрочемъ, продолжалась не долго. Оказалось, что насколько для европейцевъ страшна китайская грамота, настолько же труденъ для китайскаго ума механизмъ нашего говора и чтенія.

Маджи, разбиравшій довольно бойко простѣйшія китайскія буквы, никакъ не бралъ въ толкъ нашихъ звукосочетаній. Сначала я пробовалъ учить его по звуковому методу, но наши согласные совершенно не доступны для произношенія врозь китайской гортанью. Ш, б, д,...—шипѣніе, бурленіе, возбуждали

сначала громкій всеобщій смѣхъ, а затѣмъ... уныніе, конечно— въ ученикѣ. Я перешелъ къ старому испытанному методу нашихъ дьячковъ и отставныхъ солдатъ. Дѣло какъ будто наладилось, мальчикъ быстро выучилъ названіе знаковъ, но сложеніе ихъ долго оставалось для него непреодолимой задачей.

— Бе-А!...—повторялъ онъ уныло...—Бе—А!

— Ба!—подсказывала иногда потихоньку изъ дальняго угла Ліенъ.

Такая невоздержанность вызывала обыкновенно рѣзкій выговоръ со стороны матери; я же не осмѣливался ни защищать дѣвочку, ни предложить ей учиться, тѣмъ болѣе, что Хань-Ми въ послѣднее время стала особенно бдительно и ревниво наблюдать за нами и не позволяла дѣвочкѣ даже приблизиться ко мнѣ. Сейчасъ же слѣдовалъ грозный окрикъ и... синяя занавѣсъ опускалась величаво на семейный очагъ. На помощь къ намъ пришли уроки рисованія. Маджи очень увлекался ими и дѣлалъ большіе успѣхи. Обѣ женщины съ любопытствомъ разсматривали нарисованныя имъ изображенія предметовъ, сравнивали ихъ съ образцами и дѣлали нерѣдко дѣльныя замѣчанія. Хань-Ми, какъ истая образованная китаянка, знала толкъ и, видимо, любила живопись. Когда мы съ Маджи попробовали писать акварельными красками, и мать и сестра не выдержали и, столпившись у стола, внимательно слѣдили за нашей работой. Глаза Ліенъ горѣли, и она то и дѣло восторженно восклицала, восхищалась или порицала неудачные мазки брата. Тогда я обратился къ Хань-Ми съ предложеніемъ позволить учиться и Ліенъ...

— Зачѣмъ ей... большеногой!—хмуро отвѣтила мать и отошла отъ стола.

Я не унимался и на слѣдующій день за обѣдомъ повторилъ мое предложеніе. Я сталъ доказывать, что и для Маджи будетъ лучше, если онъ будетъ заниматься въ обществѣ. Такъ какъ я недавно по собственному почину увеличилъ свою квартирную плату, то Ми привѣтливо улыбался и на все кивалъ утвердительно головою. Мать ворчала неохотно, но, въ концѣ концовъ, согласилась. Большая кухня Ми-ло-вань-о превратилась въ сплошную школу. По утру занимался я, изслѣдуя всѣ тайны и прелести китайской литературы и двадцати тысячъ ея знаковъ; послѣ обѣда же самъ превращался въ учителя, заставлялъ моихъ маленькихъ друзей произносить твердые русскіе звуки, затѣмъ училъ ихъ ариѳметикѣ, разсказывалъ кое-что изъ естественной исторіи, географіи, причемъ часто по этимъ вопросамъ возникали у насъ пренія съ почтенной Хань-Ми; она, напримѣръ, утверждала, что гортань прямо сообщается съ сердцемъ и что душа помѣщается въ печени. Наконецъ, мы рисовали всѣ вмѣстѣ прилежно и въ добромъ согласіи.

Время бѣжало; я сжился съ семьей моего Сянь-шаня. Они перестали меня чуждаться и даже часто обращались ко мнѣ съ жалобами другъ на друга или за совѣтомъ въ случаѣ какихъ-нибудь внутреннихъ неурядицъ. Въ средѣ ихъ я все продолжалъ дѣлать открытія; Хань-Ми по прежнему курила опій, но моего Сянь-шаня я встрѣтилъ неожиданно на улицѣ съ пріятелями, разодѣтаго и возбужденнаго.

— Это пригласилъ вашего ничтожнаго слугу купецъ въ ресторанъ обѣдать... Слабосильнымъ умомъ своимъ онъ помогъ ему въ одномъ дѣлѣ мало-мало... въ посольствѣ... И платье на неуклюжей спинѣ его не ему принадлежитъ, а нанятое... Не могъ же онъ пойти въ своихъ нищенскихъ лохмотьяхъ...—оправдывался Ми на слѣдующій день. Онъ не просилъ меня о тайнѣ, но, видимо, былъ доволенъ, что я не сказалъ никому изъ домашнихъ о нашей встрѣчѣ.

Пришелъ Новый Годъ. Весь Пекинъ украсился флагами и свѣжими цвѣтами, привезенными съ дальняго юга. Мы всѣ трое: я, Маджи и Ми, принесли ихъ съ базара цѣлую корзину.

Алтарь предковъ былъ красиво убранъ камеліями, розами и пахучими цвѣтущими вѣтками померанцеваго дерева. Плоды и яства были уставлены подъ нимъ на длинномъ жертвенномъ столѣ. Были зажжены благовонныя курительныя свѣчки. Ми прочелъ изъ семейной книги главу о самомъ знаменитомъ изъ его праотцевъ, который былъ губернаторомъ въ провинціи Шань-си и построилъ на собственный счетъ мостъ на рѣкѣ Хуанъ-хэ. Его имя и добродѣтели были увѣковѣчены на мраморной доскѣ, вдѣланной въ каменный сводъ того же моста.

Пообѣдавъ мы — трое мужчинъ — отправились гулять по городу. Вездѣ двигались толпы празднично одѣтаго народа. Синіе цвѣта преобладали и ярко-красные вѣера, фонари, пестрые зонтики, букеты цвѣтовъ красиво разнообразили эти синіе потоки возбужденныхъ, смѣющихся, горланящихъ людей. Колокольный звонъ и глубокіе звуки гонговъ покрывали гомонъ человѣческихъ голосовъ и лились непрерывной струей въ тепломъ, насыщенномъ мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ воздухѣ. Мы приняли участіе въ великолѣпной процессіи „Большого Дракона Благополучія" съ музыкой, знаменами и гирляндами цвѣтовъ. Вечеромъ мы были въ театрѣ, гдѣ животныя и чудовища „Земли, Воды и Неба" прошли передъ нами въ живописномъ нескончаемо длинномъ хороводѣ... Улицы были иллюминованы цвѣтными бумажными фонарями. На воздухъ то и дѣло взлетали ракеты, петарды съ трескомъ лопались подъ ногами смѣющейся толпы. Въ то же время госпожа Хань-Ми и Ліенъ угощали чаемъ и сластями у себя дома сосѣдокъ и сами посѣщали ихъ.

Мнѣ показалось послѣ этихъ праздниковъ, что моя отчужденность отъ общей жизни слабѣетъ, что я начинаю понимать и горе и радости этого огромнаго восточнаго муравейника странныхъ, желтолицыхъ, женоподобныхъ существъ... Многое непонятное и смѣшное стало для меня разумнымъ и осмысленнымъ...

Время бѣжало. Отвѣтъ отъ дяди все не приходилъ. За то срокъ моего пребыванія въ Пекинѣ близился къ концу. Я не безъ сожалѣнія подумывалъ о предстоящей разлукѣ съ семьей моего Сянь-шаня. Мои труды съ учениками, конечно, пропали бы, такъ какъ они не въ состояніи еще были читать самостоятельно по-русски и ничего еще почти не понимали. Да и самъ я чуть-чуть сталъ разбираться въ постройкѣ китайскихъ фразъ, въ мѣстничествѣ ихъ словъ, заступающемъ склоненіе и спряженіе, въ ритмѣ и удареніи ихъ рѣчи, совершенно мѣняющихъ значеніе однихъ и тѣхъ же звуковъ.

Улицы подсохли и я ежедневно ходилъ гулять съ Маджи, который уже пересталъ меня стыдиться. Мы посѣтили мало-по-малу разные закоулки и любопытные кварталы города, гдѣ ютились всевозможные ремесленники и художники. Всѣ они работали тутъ же, чуть не на улицѣ, у открытыхъ просторныхъ оконъ своихъ мастерскихъ. Можно было свободно наблюдать за процессомъ ихъ работъ, но зѣвакъ въ Китаѣ вообще мало: всѣ заняты, всѣ постоянно работаютъ... Оглушительный шумъ торговыхъ улицъ, крики продавцовъ, споры торгующихъ покупателей, звуки инструментовъ проходящихъ по улицамъ частенько похоронныхъ или свадебныхъ оркестровъ, удары молотковъ кующихъ въ мастерскихъ кузнецовъ, жужжаніе пилъ и токарныхъ станковъ — все это скоро сильно надоѣло мнѣ и я больше всего полюбилъ въ концѣ-концовъ прогулку по городской стѣнѣ. Тамъ гулъ города достигалъ только въ видѣ слабаго неустаннаго лепетанія.

Мы одни-одинешеньки шли по широкой, футовъ въ двадцать, вымощенной плитами воздушной улицѣ. Изъ щелей между камнями выростали тамъ и сямъ трава да цвѣты, черезъ каждыя нѣсколько сотъ саженей попадались маленькіе домики сторожей съ крохотными садиками и цвѣтниками и большія трехъ, четырехъэтажныя сторожевыя башни. При нашемъ приближеніи въ дверяхъ обыкновенно являлись мужчины или женщины и внимательно оглядывали насъ. Мы привѣтствовали ихъ обычнымъ поклономъ, потрясали сжатыми кулаками и шли дальше, придерживая другъ друга за руку. По обѣимъ сторонамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ за низкими рядами ровныхъ каменныхъ зубцовъ раскрывалась воздушная пропасть въ 60 слишкомъ футовъ глубиною. Стаи сизыхъ и бѣлыхъ голубей носились тамъ, взлетали и садились на зубчатый край. Маленькія свирѣли, искусно подвязанныя любителями къ крыльямъ

птицъ, наигрывали во время ихъ полета странныя, нѣжныя мелодіи. Внизу простирался огромный, какъ море, выстроенный въ одинъ уровень городъ, коверъ желобчатыхъ крышъ, голубыхъ, зеленыхъ, ржавыхъ, желтыхъ и кровяно-красныхъ, исчерченный вдоль и поперекъ сѣрой рѣшеткой улицъ. Манчжурскій городъ полонъ былъ садовъ, спрятанныхъ за высокими оградами. Самое большое скопленіе зелени видѣлось за двойной, розовой стѣной императорскаго города. Бѣлые и розовые фасады многочисленныхъ дворцовъ буквально утопали тамъ въ кудрявой листвѣ деревьевъ и всплывали надъ ней только тяжелыя, трехъэтажныя крыши со вздернутыми къ небу углами, крытыя ярко-желтой глазированной черепицей и блестящія въ лучахъ солнца, точно золотыя... Въ китайскомъ городѣ было менѣе зелени, но больше движенія. Далеко на югѣ въ синей дымкѣ красиво поднимались къ небу рогатыя колокольни храмовъ Неба и Земли и темнѣли безконечные сады...

II.

Наконецъ, пришло письмо отъ дядюшки.

— „Я радъ,—писалъ онъ между прочимъ,—что ты изучилъ китайскія мудрости раньше срока. Пенсію я приказалъ тебѣ, однако, выплатить за годъ. Пусть это будетъ для тебя наградою. Относительно твоего учителя я сообщилъ управляющему заводомъ Ѳомѣ Ѳомичу, чтобы онъ, коль-скоро тамъ окажется мѣсто, его пристроилъ... Онъ ему тогда и напишетъ. А ты, не мѣшкая, собирайся въ путь! Крестное Знамя да будетъ съ тобою... Во имя Отца и Сына и Святаго Духа — двигай! Благосклонный дядя Ѳедоръ".

Письмо поставило меня въ затруднительное положеніе. Уѣзжать одному за тридевять земель мнѣ ужасно не хотѣлось, а письмо отъ управляющаго все не приходило. Я медлилъ съ объявленіемъ Ми о своемъ отъѣздѣ, не желая напрасно огорчать моихъ китайскихъ друзей, на случай, если отвѣтъ управляющаго будетъ неблагопріятенъ. Тѣмъ не менѣе они что-то почуяли и Сянь-шань спросилъ меня неожиданно:

— Почтенный И получилъ письмо изъ Россіи... Можетъ быть, онъ скоро покинетъ ничтожныхъ своихъ сожителей!

— А вы почемъ знаете?

— Такъ! Почтенный ученикъ мой задумчивъ и не занимается уже такъ усердно!

Тогда я разсказалъ имъ все и мои проекты, и хлопоты о мѣстѣ для нихъ. Мое сообщеніе взволновало ихъ, но не скажу, чтобы особенно обрадовало. Въ глазахъ Сянь-шаня замелькали

даже какія-то подозрительныя искорки, хотя онъ въ то же время горячо благодарилъ меня за расположеніе.

— И хорошій, но И... европеецъ!.. Европейцы никогда не думаютъ о насъ, дѣтяхъ Земли и Неба!.. Они не знаютъ насъ!

Когда я попробовалъ поговорить съ нимъ о предстоящемъ намъ совмѣстномъ путешествіи, онъ ловко уклонился:

— Вѣдь это еще неизвѣстно... Вѣдь это только ваше доброе намѣреніе... Вотъ вамъ такъ слѣдуетъ укладываться.

Но я рѣшилъ дождаться отвѣта управляющаго. Деньги у меня были и я смѣло могъ прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ, не обращаясь ни къ кому за помощью.

Прежняя жизнь, впрочемъ, была уже нарушена; даже мои занятія съ Маджи и Ліенъ не проходили такъ оживленно и плодотворно. Наконецъ, пришло письмо съ частнымъ нарочнымъ китайскаго купеческаго дома изъ Хань-коу.

Ѳома Ѳомичъ предлагалъ Ми мѣсто старшаго смотрителя надъ чайными плантаціями съ жалованіемъ въ двадцать пять лянь ежемѣсячно, что на наши деньги составляетъ около 20 руб. серебромъ. На мой взглядъ жалованіе было очень умѣренно, но въ лицѣ Ми я замѣтилъ искреннюю радость.

— Хао! Хао! (хорошо) — сказалъ онъ, подымая большой палецъ.—И дѣйствительно жалѣетъ бѣдныхъ друзей своихъ!.. И— нашъ старшій братъ! Ми никогда этого не забудетъ!

Дѣти страшно обрадовались предстоящей поѣздкѣ и даже хмурная Хань-Ми прояснилась. Она подозвала къ себѣ Ліенъ и ласково стала поправлять ей прическу. Всякій разъ, когда почтенная дама хотѣла выразить мнѣ свое расположеніе, она ласкала при мнѣ дѣвочку и всякій разъ на миловидномъ личикѣ Ліенъ я замѣчалъ... испугъ.

Сборы наши продолжались недолго. Ми продалъ свою мебель, лишнія вещи и расплатился съ долгами. Затѣмъ, на мои уже деньги были куплены: одинъ мулъ для меня подъ сѣдло и телѣга да два упряжныхъ мула, да худенькая, запаленная лошаденка имъ въ подмогу.

Походная наша телѣга представляла полукруглый, крытый бамбуковыми цыновками кузовъ на двухъ огромнѣйшихъ, крѣпкихъ и неуклюжихъ, какъ Собакевичъ, колесахъ. Въ кибиткѣ помѣщалась Хань-Ми съ дѣтьми; Сянь-шань кучеромъ. Въ Китаѣ трудъ не считается позоромъ и занятія Сянь-шаня не обращало на себя ничьего вниманія, несмотря на значокъ ученаго на его шляпѣ.

Впрочемъ, вскорѣ оказалось, что высокообразованный литераторъ не въ состояніи справиться съ своей задачей. Лошадь у насъ сдохла и мы принуждены были принанять проводника съ муломъ.

Ѣхали мы, по китайскому обычаю, не торопясь, дѣлая верстъ по 40 въ день. Вставали мы ночью, ѣхали шажкомъ до полудня; затѣмъ кормили муловъ и часа въ два опять выступали въ походъ. Съ наступленіемъ сумерокъ мы останавливались, подыскивая гостинницы тихія, чиновничьи, избѣгая бойкихъ, шумныхъ пристанищъ торговаго люда. Это стоило намъ дороже, но за то мы могли выспаться: гомонъ, вонь и насѣкомые не такъ надоѣдали намъ. Если такихъ гостинницъ по близости не оказывалось, Хань-Ми съ дѣтьми ночевала въ повозкѣ, а мы помѣщались въ общей постоялой комнатѣ. До сихъ поръ не могу вспоминать ихъ безъ содроганія. Грязь, вонь и шумъ въ этихъ притонахъ невообразимы! Окрестности Пекина плоски, пустынны и относительно бѣдны. Но по мѣрѣ того какъ двигались мы на юго-западъ, природа мѣнялась, богатѣла и разнообразилась.

Нѣтъ, положительно не знаетъ Китая тотъ, кто не знаетъ земледѣльческихъ его округовъ... Все тамъ носитъ печать высокой и древней культуры. Все живетъ, цвѣтетъ, растетъ съ разрѣшенія и на пользу человѣка. Нѣтъ и слѣдовъ того, что когда-то здѣсь было. Лѣса исчезли, скалы покрылись густой зеленью. По отлогимъ скатамъ холмовъ высятся мѣстами, одна надъ другой, бамбуковыя рощи съ граціозной и легкой листвой. Вокругъ домовъ и полей зеленѣютъ древесныя насажденія, виноградники одѣваютъ утесы, чайные кусты ровными рядами опоясываютъ возвышенія. Внизу разстилаются темныя жесткія плантаціи сахарнаго тростника, рисовые всходы нѣжной зеленью пробиваются изъ-подъ заливающей ихъ воды... Всюду блестятъ сѣти оросительныхъ каналовъ... И вездѣ тьма-тьмущая цвѣтовъ... Пурпуровыя азаліи, рододендроны, душистыя гарденіи и глициніи цѣпляются по крутымъ обрывамъ. Розы, ноготки, геліотропы, буковицы и много другихъ неизвѣстныхъ мнѣ цвѣтовъ окружали жилища. Малѣйшій клочекъ земли прошелъ здѣсь сквозь руки человѣка и оживился ими; все воздѣлано, разрыхлено, орошено... Каналы взбираются высоко на возвышенія. Они проведены на разстояніи десятковъ и сотенъ верстъ отъ дальнихъ горныхъ потоковъ и водоемовъ. Ихъ русла подняты иногда надъ землею на десятки футовъ въ видѣ каменныхъ корытъ на высокихъ сводчатыхъ сваяхъ. Тамъ и сямъ водокачки машутъ въ синемъ воздухѣ своими лапами, подымая влагу на верхніе уступы террасъ. Вода падаетъ всюду тысячами каскадовъ, переливается на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, точно потоки драгоцѣнныхъ камней... Въ мѣстахъ неудобныхъ для орошенія растетъ хлопокъ съ большими желтыми цвѣтами. Вдоль полей тянутся ряды апельсиновыхъ деревьевъ съ темной, тяжелой листвой. Тамъ и сямъ виднѣются живописныя рощицы банановъ съ огромными щитовидными ли-

стьями или стрѣльчатая пальма раскидываетъ высоко свой мощный зеленый вѣеръ.

Вездѣ разбросано множество одинокихъ, чистенькихъ кокетливыхъ фанзъ — это мызы особняки — излюбленный родъ поселеній зажиточныхъ китайскихъ крестьянъ. Въ городахъ и деревняхъ живутъ болѣе бѣдные или не связанные съ землею слои населенія—купцы, ремесленники, чиновники... По дорогамъ разсѣяно множество строеній и мы ѣхали постоянно точно по деревенской улицѣ... Часто толпы прохожихъ затрудняли намъ движеніе. Вездѣ сновали разнощики съ съѣстными припасами, плодами, овощами, проѣзжали повозки съ кладью или деревенскими продуктами. Мой мулъ оказался искуснымъ воромъ и не упускалъ случая стащить охапку сѣна, связку моркови или букетъ цвѣтовъ... Мнѣ то и дѣло приходилось за него расплачиваться, пока я не послѣдовалъ примѣру другихъ всадниковъ и не надѣлъ ему на морду пеньковую сѣтку. Толпа особенно густо двигалась по прекраснымъ каменнымъ мостамъ, перекинутымъ дугою черезъ частыя рѣки и широкіе судоходные каналы.

Мосты эти производятъ впечатлѣніе городскихъ мостовъ. Города многолюдны, шумны, но некрасивы, грязны и пыльны. Всѣ они производятъ впечатлѣніе какъ бы временныхъ жилищъ, ярмарочныхъ балагановъ. Лавки все тѣ же, съ вычурными вывѣсками, съ золотыми надписями, въ глубинѣ съ обязательнымъ алтаремъ предковъ и божествъ попечителей, съ массой пестрыхъ товаровъ на выставкахъ. Впрочемъ, случались также и другого сорта города—административные центры, гдѣ на улицу выходили фронтоны высокихъ кирпичныхъ домовъ, съ рѣзными и разноцвѣтными украшеніями по карнизамъ, съ широкими каменными лѣстницами, спускающимися къ панелямъ. Отсутствіе оконъ дѣлаетъ эти зданія ужасно скучными. Насколько я полюбилъ цвѣтущій земледѣльческій Китай, настолько остались мнѣ навсегда противны китайскіе вонючіе города и поселенія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„НЕГДѢ ЖИТЬ" *).

(ОЧЕРКИ КВАРТИРНОЙ НУЖДЫ ВЪ АНГЛІИ).

Однажды вечеромъ, не такъ давно, къ воротамъ рабочаго дома южной части Лондона подошелъ механикъ съ женой и тремя дѣтьми. Мужчина имѣлъ угнетенный и усталый видъ, жена, казалось, была близка къ обмороку, а двое дѣтей плакали.

— Ради Бога, впустите мою жену и дѣтей,—сказалъ мужчина надзирателю.—Я буду платить за ихъ содержаніе, если вы дадите имъ пріютъ. Съ десяти часовъ утра мы исходили сегодня цѣлыя мили по окрестнымъ улицамъ, ища себѣ помѣщеніе, но не могли найти ни одного свободнаго дома или комнаты.

— Ваша просьба противна правиламъ,—отвѣтилъ надзиратель.

— Но, скажите, что же мнѣ тогда дѣлать? Я только-что получилъ въ этомъ округѣ работу, которая должна начаться съ понедѣльника. Мы отправились въ Лондонъ съ ночнымъ поѣздомъ, разсчитывая тотчасъ же по прибытіи нанять себѣ домъ безъ всякихъ хлопотъ, такъ какъ я имѣю возможность платить хорошую цѣну; но, хотя мы весь день затратили на поиски, мы нигдѣ не могли найти помѣщенія. Въ теченіе всего дня моя жена шла по одной сторонѣ улицы, я—по другой, а дѣти дожидались на перекресткѣ; мы готовы были поселиться даже гдѣ угодно, а не только въ отдѣльномъ домикѣ, но нигдѣ не нашли ни одной комнаты. Когда стемнѣло, мы, не зная, что дѣлать, отправились въ полицейскій участокъ, и тамъ мнѣ посовѣтовали доставить жену и дѣтей въ рабочій домъ, пока я не найду для нихъ другого помѣщенія.

— Но у насъ тутъ тоже нѣтъ мѣста, мы и такъ содержимъ почти двѣсти человѣкъ сверхъ комплекта,—сказалъ надзиратель.—Впрочемъ, если васъ послала полиція, я полагаю, васъ слѣдуетъ впустить.

И вотъ механикъ разстался съ своей женой и дѣтьми, отправившись самъ ночевать въ ночлежный домъ. Весь слѣдующій день, вос-

---

*) Подъ такимъ заглавіемъ въ газетѣ «Daily News» былъ напечатанъ рядъ статей, изданныхъ въ настоящее время отдѣльной книгой. Нижеслѣдующее представляетъ извлеченіе изъ этого труда.

кресенье, онъ потратилъ на поиски квартиры, но опять-таки безуспѣшно. Лишь по прошествіи цѣлыхъ двухъ недѣль ему удалось, наконецъ, найти себѣ помѣщеніе, и онъ получилъ, такимъ образомъ, возможность взять свою семью изъ рабочаго дома. При этомъ онъ, вмѣсто отдѣльнаго домика, какъ хотѣлъ, долженъ былъ удовольствоваться квартирой, находящейся вдобавокъ на разстояніи двухъ миль отъ мѣста его работы.

Этотъ примѣръ обращенія трудящагося человѣка въ рабочій домъ за временнымъ пріютомъ для своей семьи, вслѣдствіе невозможности найти себѣ помѣщеніе, вовсе не представляетъ исключенія, какъ это можно узнать у приходскихъ властей.

Въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ домъ, вообще, крайне рѣдко бываетъ пустъ. Ищущіе помѣщенія обыкновенно заблаговременно узнаютъ время съѣзда уходящаго жильца, и благодаря этому у дверей дома почти всегда оказываются двѣ повозки: въ одну нагружаютъ вещи прежняго жильца, а съ другой—сгружаютъ вещи новаго. А если бы домъ случайно оказался пустымъ, то въ первый же день на него нашлось бы двадцать-тридцать претендентовъ. Нѣкоторые даже заранѣе записываются кандидатами на квартиры; такъ, одна фирма домовыхъ агентовъ на улицѣ *New Kent Road* имѣетъ списки четырехсотъ такихъ кандидатовъ.

Люди просто не знаютъ, что дѣлать въ виду этого недостатка жилищъ. Они готовы платить, что угодно, выносить, что угодно, лишь бы найти себѣ кровъ. Они такъ страшно стѣснены этой недостаточностью помѣщеній, что, даже въ случаѣ признанія дома негоднымъ для жилья, отказываются выбраться изъ него добровольно, и ихъ приходится выселять принудительными мѣрами. И иногда нѣкоторыя изъ выселенныхъ такимъ образомъ семей, за невозможностью найти себѣ другое помѣщеніе, бываютъ вынуждены отправиться въ рабочій домъ.

Желая лично ознакомиться съ трудностями пріисканія помѣщенія, авторъ излагаемаго нами труда вмѣстѣ съ двумя друзьями рѣшилъ сдѣлать опытъ, выбравъ для этого площадь съ населеніемъ около 200.000 душъ въ районѣ *Tower Hamlet*. Послѣ недѣльныхъ поисковъ и разспросовъ, на которые одинъ изъ нихъ затратилъ цѣлыхъ два дня подъ рядъ, они услыхали объ одномъ сдающемся помѣщеніи и добыли адресъ фирмы (находящейся въ другой части Лондона), куда слѣдовало обратиться. Адресъ былъ полученъ поздно вечеромъ. На другой день авторъ явился въ эту контору рано утромъ, когда въ ней не было еще служащихъ. Но какъ ни рано онъ пришелъ, онъ нашелъ тутъ уже кучку женщинъ, явившихся ради того же дома, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ оказалось, пришли до открытія конторы.

Женщины быстро набили другъ передъ другомъ недѣльную плату съ 7 шил. 6 пенсовъ до 15 шиллинговъ, т.-е. удвоили. Домовый агентъ предложилъ автору оставить этотъ домъ за нимъ, если онъ накинетъ шиллингъ.

Такая недостаточность жилищъ даетъ возможность собственникамъ вымогать съ жильцовъ любую плату, и худшая часть домовладѣльцевъ дѣлаетъ это безъ всякаго милосердія, повышая плату иногда сразу вдвое. Напримѣръ, около Бьюмонтъ сквера цѣлая линія домовъ была куплена прошлымъ лѣтомъ извѣстнымъ хищникомъ-домовладѣльцемъ, который разомъ повысилъ наемную плату съ 16 шил. до 31 шил. 6 пенс. въ недѣлю. Другіе примѣры, приводимые авторомъ, мы опускаемъ.

Повышая плату такимъ образомъ, домовладѣлецъ отлично знаетъ, что онъ нисколько не рискуетъ остаться безъ жильцовъ и что ему можетъ надѣлать хлопотъ лишь удаленіе прежнихъ квартирантовъ, которые не согласились бы на это повышеніе. Но онъ и тутъ придумалъ выходъ. Купивъ цѣлый кварталъ или цѣлую улицу домовъ и предвидя протесты существующихъ нанимателей противъ повышенія платы, новый домовладѣлецъ стороной доводитъ до свѣдѣнія санитарнаго надзора о неудовлетворительномъ состояніи этого владѣнія. Мѣстная власть получаетъ отъ магистрата полномочіе на закрытіе этихъ жилищъ, «какъ непригодныхъ для жилья», послѣ чего злополучные квартиранты выселяются отсюда уже властями, принудительнымъ путемъ.

Хищнику-домовладѣльцу только этого и нужно. Онъ наскоро производитъ въ домахъ кое-какія поправки и затѣмъ подаетъ просьбу объ отмѣнѣ состоявшагося постановленія. Проходитъ немного времени, и дома эти снова открыты; новые жильцы тотчасъ же на перебой устремляются въ нихъ, охотно соглашаясь платить удвоенную цѣну и даже радуясь, что имъ удалось обезпечить себѣ жилище хоть за такую плату.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лондона дороговизна жилищъ дошла просто до чудовищныхъ размѣровъ, такъ, въ округѣ *Mayfair* имѣются отдѣльныя комнаты 12 фут. длины и 10 фут. ширины, которыя приносятъ 1 фунтъ стерл. (около 10 рублей) въ недѣлю. Членомъ приходскаго Совѣта было обнаружено, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ комнатъ живутъ по двѣнадцати человѣкъ.

Во время работъ жилищной коммиссіи, засѣдавшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было установлено, что плата за помѣщеніе поглощаетъ въ среднемъ четверть заработка недостаточной части населенія. Такой размѣръ квартирной платы былъ объявленъ тогда чрезмѣрнымъ. Но въ настоящее время эта средняя плата приближается уже къ трети заработка, а многія семьи вынуждены уплачивать за свои помѣщенія даже цѣлую половину его.

Мимоходомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что дома, находящіеся въ улицахъ, населенныхъ трудящимися людьми, приносятъ гораздо больше, чѣмъ виллы въ лучшихъ предмѣстьяхъ Лондона. Такъ, многіе шестикомнатные дома въ заднемъ переулкѣ Бермондсея или въ Бетналь Гринъ, доставляя съ каждой комнаты 6 шил. въ недѣлю, приносятъ 93 фунт. стерл. въ годъ, тогда какъ въ Гайгетѣ или Дильвичѣ наем-

ная плата хорошо выстроенной виллы въ восемь комнатъ, снабженной ванной и имѣющей спереди и сзади садикъ, не превышаетъ 50 фунт. стерл. въ годъ, включая всѣ налоги.

Въ одномъ округѣ, какъ сообщилъ автору членъ мѣстной власти, имѣется много двухкомнатныхъ домиковъ, постройка которыхъ не обошлась и въ 130 фунт. стерл. на каждый, но которые приносятъ 12 шил. 6 пенс. въ недѣлю (т.-е. 32 ф. ст. 10 шил. въ годъ, или 25% годовыхъ).

Итакъ, лачуги бѣдняковъ оказываются весьма выгоднымъ помѣщеніемъ для капитала и собственники очень хорошо знаютъ этотъ фактъ, отдавая предпочтеніе этому роду недвижимости передъ всякой другой.

Вслѣдствіе недостаточности и дороговизны жилищъ, значительная часть лондонцевъ давно уже отказалась отъ надежды жить въ отдѣльномъ домикѣ, какъ бы ни былъ онъ малъ, и довольствуется квартирой, а нѣкоторой части населенія пришлось отказаться отъ квартиры и удовлетвориться одной комнатой. Иные давно уже отказались даже и отъ столь недостаточной обособленности и допускаютъ взрослыхъ жильцовъ спать въ одной комнатѣ съ супружескими парами и дѣтьми, а нѣкоторымъ приходится довольствоваться даже половиной комнаты, при чемъ комната раздѣляется на-двое кускомъ грубаго холста, отгораживающаго одну семью отъ другой. Но и этимъ дѣло не ограничилось: нѣкоторые начали сдавать даже свои постели.

Да, дома, квартиры, комнаты, дѣлились и дробились, и въ настоящее время, наконецъ, сдаются въ наемъ даже постели. Среди ночныхъ работниковъ, напр., пекарей и караульщиковъ, дѣлается обыкновеніемъ нанимать себѣ постель для спанья у людей, которые и безъ того живутъ скученно, но которымъ постель не нужна днемъ. А въ нѣкоторыхъ семействахъ, живущихъ въ округѣ *Spitalfields*, дѣло дошло до введенія въ сдачу постелей «восьми-часового принципа», т.-е. постели сдаются нанимателямъ на восемь часовъ въ сутки, такъ что въ теченіе каждыхъ двадцати четырехъ часовъ на однѣхъ и тѣхъ же постеляхъ поочередно спятъ три смѣны людей.

Но и это не все. Въ сѣверной части Лондона Обществомъ защиты дѣтей было обнаружено, что отецъ съ семью дѣтьми живетъ въ сараѣ. Въ другомъ округѣ членъ приходскаго Совѣта нашелъ на сѣновалѣ надъ конюшней семейство въ пять человѣкъ. Въ третьемъ мѣстѣ въ сарайчикѣ за домомъ оказалось семейство, состоявшее изъ мужа, жены и пятерыхъ дѣтей; тутъ же вмѣстѣ съ ними помѣщались еще два осла и собака. И этому семейству приходилось жить въ такой обстановкѣ, не смотря на то, что оно включало въ себѣ чахоточную шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, находившуюся при смерти и умершую вскорѣ послѣ обнаруженія этой семьи.

А въ какихъ жилищахъ приходится инымъ жить, объ этомъ можно

судить по слѣдующему факту, обнаруженному санитарнымъ врачемъ прихода St. Giles. Въ одной квартирѣ дѣти были вынуждены поочередно бодрствовать въ теченіе всей ночи, чтобы оберегать спящихъ отъ нападенія крысъ. Многія подвальныя помѣщенія буквально кишатъ крысами.

Что касается размѣровъ жилищной нужды, то въ Лондонѣ цѣлая пятая часть населенія, или почти 900.000 человѣкъ, живетъ въ чрезмѣрной скученности, т.-е. въ такой скученности, которая переступаетъ предѣлъ, установленный закономъ (1891 г. объ общественномъ здравіи); а что подъ ней подразумѣвается—это мы сейчасъ увидимъ.

Средній размѣръ комнатъ, занимаемыхъ чрезмѣрно скученною пятою частью населенія Лондона—это десять футовъ въ квадратѣ (4 ар. 4 вер.). Пусть читатель отмѣтитъ на полу своей комнаты эти размѣры, и тогда онъ получитъ наглядное представленіе о средней величинѣ переполненныхъ лондонскихъ жилищъ.

Объемъ такой комнаты равняется 1.000 куб. футамъ; за вычетомъ же пространства, занимаемаго мебелью и разными другими вещами, которыхъ при скученности обитателей набирается не мало, свободнаго пространства остается не болѣе 800 куб. футовъ. Согласно вышеуказанному закону, въ комнатѣ, предназначаемой одновременно для житья и спанья, на каждаго взрослаго человѣка или на двухъ дѣтей моложе 12-ти лѣтъ должно приходиться 400 куб. фут. свободнаго пространства, не занятаго мебелью; дѣти съ 12-ти-лѣтняго возраста считаются за взрослыхъ. Итакъ, въ комнатѣ только-что указанныхъ размѣровъ могутъ жить, согласно закону, лишь двое взрослыхъ или одинъ взрослый и двое дѣтей.

Норма, установленная закономъ, отнюдь не можетъ быть названа высокой. Санитарные врачи и инспектора указываютъ, что она даже совершенно недостаточна для сносной жизни. Проф. Гексли, напримѣръ, въ свою бытность санитарнымъ врачомъ въ Восточномъ Лондонѣ, всегда говорилъ, что каждое лицо должно имѣть 800 куб. футовъ пространства, хорошо вентилируемаго чистымъ воздухомъ. Читатель, вѣроятно, тоже согласится,—особенно, если онъ далъ себѣ трудъ отмѣтить на полу своей комнаты десять футовъ въ квадратѣ, — что это пространство нѣсколько маловато для двухъ взрослыхъ или для одного взрослаго и двухъ дѣтей жить, ѣсть и спать.

Однако, какъ ни мала эта норма, цѣлыхъ *два милліона* лондонцевъ вынуждены довольствоваться ею, а 900.000 человѣкъ не имѣютъ даже и этого.

Хотя чрезмѣрная скученность начинается, какъ мы видѣли, когда въ комнатѣ указанныхъ размѣровъ оказывается болѣе двухъ взрослыхъ человѣкъ, но чрезмѣрная скученность этихъ 900.000 человѣкъ означаетъ не то, что они живутъ по трое, по четыре или по пяти. Нѣтъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она означаетъ проживаніе въ одной

такой комнатѣ шести, семи, восьми, девяти, десяти, двѣнадцати и даже *семнадцати* человѣкъ, какъ это было обнаружено, напримѣръ, въ Кемберуэлѣ.

И подобные случаи далеко не единичны. Такъ, послѣдняя перепись, произведенная восемь лѣтъ тому назадъ, когда скученность не доходила до такого предѣла, какъ въ настоящее время, показываетъ, что почти 26.000 человѣкъ жило по шести и болѣе человѣкъ въ одной такой комнатѣ; 9.000 человѣкъ жило по семи и болѣе человѣкъ, а 3.000 лондонцевъ жило по восьми и болѣе человѣкъ, при чемъ нѣкоторая часть этихъ семей имѣла свыше двѣнадцати человѣкъ въ одной комнатѣ.

Съ тѣхъ поръ населеніе Лондона увеличилось болѣе чѣмъ на 300.000 человѣкъ, что не осталось, конечно, безъ вліянія на усиленіе скученности.

Указанная скученность существуетъ не только въ восточной части Лондона; тамъ она лишь болѣе обычна и въ нѣкоторыхъ квартирахъ наблюдается не у одной пятой, а уже у двухъ пятыхъ населенія. Впрочемъ въ другихъ округахъ Лондона тоже можно пройти по улицамъ цѣлыя версты (авторъ называетъ эти улицы), гдѣ и по правую и по лѣвую сторону двѣ пятыхъ населенія живетъ въ такой скученности, при которой на человѣка приходится въ комнатѣ менѣе 400 куб. фут.

Что касается единичныхъ примѣровъ чрезмѣрной скученности, то ихъ можно найти по всему Лондону и даже въ лучшихъ кварталахъ. Такъ, напр., недалеко отъ Сентъ-Джемсъ Голла былъ найденъ домъ изъ двухъ комнатъ, въ одной изъ которыхъ жили мужъ съ женой и восемь человѣкъ дѣтей, а въ другой комнатѣ—мужъ съ женой и семь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшій сынъ женатъ, при чемъ его жена жила въ этой же комнатѣ.

Не должно думать, что только обитатели однокомнатныхъ помѣщеній живутъ въ чрезмѣрной скученности, нѣтъ, чрезмѣрная скученность наблюдается почти у 35% всего того населенія Лондона, которое живетъ въ квартирахъ, имѣющихъ менѣе пяти комнатъ. Что касается въ частности обитателей однокомнатныхъ помѣщеній, то почти половина ихъ живетъ безъ нарушенія нормы.

Въ Лондонѣ скучены не только люди въ жилищахъ, но также и сами дома. Покойный Веніаминъ Ричардсонъ утверждалъ, что никакой городъ не можетъ быть здоровъ, если въ немъ на каждаго человѣка приходится менѣе 36 квадратныхъ саженъ земной поверхности (если въ немъ болѣе 25 человѣкъ на акръ). Въ Лондонѣ такая норма доступна лишь счастливому меньшинству. Правда, во всемъ Лондонѣ въ среднемъ все еще приходится на человѣка 16 кв. саж., но дѣйствительныя величины сильно отступаютъ отъ этого средняго. Такъ, въ четырехъ округахъ—Плёмстедѣ, Льюишамѣ, Уондсуорсѣ и Хампстедѣ—на одного человѣка приходится 99, 59, 40 и 25 кв. саж.; въ трехъ же другихъ — Св. Луки, Шордичѣ и Уайтчапелѣ — лишь 5, 4$^2/_3$ и

$4^1/_2$ кв. саж. Если взять отдѣльныя части нѣкоторыхъ кварталовъ, то цифры получатся еще меньшія; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Спитальфильдса на человѣка приходится лишь $^9/_{10}$ кв. саж. (1.000 человѣкъ на акръ), а въ сосѣднемъ Уайтчапелѣ имѣется одна площадь, гдѣ на человѣка приходится всего $^3/_{10}$ кв. саж. (3.000 чел. на акръ).

На послѣдней цифрѣ стоитъ на минуту остановиться. Выраженная въ аршинахъ, она дастъ полосу земли въ 1 аршинъ ширины и въ 2 арш. 11 вершковъ длины. Если бы люди этого послѣдняго района умерли и если бы ихъ пожелали похоронить тутъ же и обычнымъ порядкомъ, т.-е. каждаго въ отдѣльной могилѣ, то ихъ, мертвыхъ, не безъ труда удалось бы размѣстить на томъ участкѣ, на которомъ они вынуждены скучиваться живые.

Жизнь при такихъ условіяхъ не можетъ оставаться и не остается безъ вліянія на здоровье. Чрезмѣрно скученные въ своихъ нездоровыхъ комнатахъ, дыша испорченнымъ воздухомъ, люди дѣлаются вялыми и безжизненными. Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, правительство производило разслѣдованіе относительно потерь въ работѣ у людей, живущихъ въ переполненныхъ жилищахъ,—потерь, происходящихъ не вслѣдствіе болѣзней, а исключительно вслѣдствіе истощенія организма, то оказалось, что каждый работникъ и каждая работница ежегодно теряютъ въ среднемъ, по меньшей мѣрѣ, двадцать дней вслѣдствіе указанной причины.

А вотъ выводъ жилищной коммиссіи относительно вліянія скученности на здоровье: «Общій упадокъ здоровья населенія представляетъ гораздо худшее слѣдствіе чрезмѣрной скученности, чѣмъ даже развитіе заразныхъ болѣзней. Тутъ подрываются жизненныя силы народа и такимъ образомъ кладется начало чахоткѣ и другимъ болѣзнямъ, возникающимъ изъ общаго разслабленія организма и ведущимъ къ сокращенію жизни».

Не менѣе прискорбны и другія слѣдствія жилищной нужды. Въ Лондонѣ имѣется почти 400.000 человѣкъ, которые живутъ, говоря словами Сиднея Вебба, «въ разрушающихъ душу условіяхъ однокомнатнаго жилища». Жизнь этихъ бѣдняковъ—это просто непрерывная мука, которая особенно тяжело отзывается на женщинахъ. Ко всѣмъ прочимъ тягостямъ ихъ существованія присоединяется постоянное пребываніе и черная работа по хозяйству въ ихъ крохотныхъ, душныхъ помѣщеніяхъ. Стряпая одинъ день, онѣ наполняютъ свои жилища чадомъ, стирая на другой день бѣлье въ кастрюляхъ и тазахъ, онѣ всюду разбрызгиваютъ обмылки и наполняютъ комнату паромъ, а затѣмъ тутъ же въ комнатѣ развѣшиваютъ на протянутыхъ веревкахъ мокрое бѣлье для просушки. На постели, можетъ быть, лежитъ больной ребенокъ и почти навѣрное по полу ползаютъ маленькія дѣти, которыя не могутъ еще ходить въ школу, однако, женщины все-равно должны производить всѣ

эти работы въ своей единственной комнатѣ. И вотъ подобная-то жизнь является неизмѣннымъ удѣломъ многихъ тысячъ лондонскихъ женщинъ.

Можно ли удивляться, что дѣти, оставляя школу вечеромъ, предпочитаютъ улицы такому дому? Удивительно ли, что отецъ семейства вскорѣ послѣ возвращенія съ работы торопится уйти изъ такого дома въ кабакъ, кажущійся просто дворцомъ сравнительно съ его жилищемъ? Вѣдь, люди тутъ буквально изгоняются тѣснотой изъ ихъ неуютныхъ жилищъ къ гостепріимнымъ буфетамъ и ихъ веселому обществу. Въ самомъ дѣлѣ, каково уставшему послѣ дневного труда человѣку возвращаться въ свое убогое однокомнатное жилище, гдѣ его жена, положимъ, только-что развѣсила выстиранное бѣлье, а дѣти, можетъ быть, плачутъ? Покойный соборный настоятель Манчестера заявлялъ, что если бы ему пришлось жить въ подобномъ жилищѣ, то онъ также сдѣлался бы пьяницей. Жилищная коммиссія тоже указала, что «пьянству предаются вслѣдствіе чрезмѣрной скученности и сопровождающихъ ея золъ». Это обстоятельство совершенно упускается изъ виду ревнителями трезвости.

Но если отцы семействъ и старшія дѣти избѣгаютъ своихъ неуютныхъ жилищъ днемъ, то ночью всѣ они бываютъ вынуждены собираться сюда, и вотъ на единственную постель въ комнатѣ, насыщенной паромъ и чадомъ дневной работы, собирается столько человѣкъ, сколько можетъ умѣститься на ней,—тутъ и отецъ, и мать, и сыновья, и дочери; тѣ же, для кого совсѣмъ не окажется мѣста, забираются подъ кровать, потому что тамъ все-таки теплѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ на полу. Да и какъ иначе они могли бы размѣститься, когда въ однокомнатныхъ помѣщеніяхъ живутъ, какъ мы видѣли, даже семьи, имѣющія болѣе двѣнадцати человѣкъ?

Однокомнатное жилище и такъ плохо, но что сказать о немъ, когда оно въ то же время превращается и въ мастерскую? А между тѣмъ тысячи этихъ однокомнатныхъ помѣщеній служатъ не только для житья, спанья, стирки и сушки бѣлья, варки пищи, но также и въ качествѣ мастерской.

Затѣмъ, если однокомнатное жилище ничего не значитъ для умершаго, то для живыхъ, несомнѣнно, имѣетъ нѣкоторое значеніе пребываніе мертваго въ той самой комнатѣ, гдѣ они ѣдятъ и спятъ. Одинъ священникъ въ приходѣ Гокстонъ, увидѣвъ какъ-то на единственной постели такого жилища мертваго ребенка, поинтересовался узнать, куда обитатели квартиры дѣваютъ этотъ трупъ ночью, когда постель бываетъ имъ нужна. Оказалось, что на ночь они этотъ трупъ кладутъ на единственную въ комнатѣ полку, гдѣ у нихъ хранится пища.

Отсутствуя въ теченіе дня, другіе члены семьи имѣютъ хоть передышку отъ такой обстановки, но изнуренная мать и жена вынуждена и день, и ночь проводить въ этихъ «разрушающихъ душу условіяхъ», пока, наконецъ, ея душа не сломится и она сама не начнетъ, подобно

мужу, пить, а тогда прощай самоуваженіе, нравственность, дѣти, мужъ и домъ.

Въ Лондонѣ, надо замѣтить, слово «домъ» быстро утрачиваетъ свое значеніе, и однимъ изъ слѣдствій чрезмѣрной скученности является исчезновеніе домашней жизни.

Все это крайне пагубно отзывается на дѣтяхъ. Сверхъ того, чрезмѣрная скученность вдвое увеличиваетъ обычную смертность дѣтей, а у выживающихъ подрываетъ здоровье, дѣлая ихъ заморышами, чахоточными и нерѣдко даже неизлѣчимо-больными,—скученность эта обрекаетъ ихъ еще на дѣтство безъ домашней жизни.

Въ Лондонѣ есть много дѣтей, которыя ничего не знаютъ о радостяхъ дѣтства; надъ ними не пѣли колыбельныхъ пѣсенъ, имъ никогда не разсказывали сказокъ; всѣ тѣ сокровища дѣтской, весь тотъ чудный сказочный міръ, которые дѣлаютъ дѣтство золотымъ и такъ украшаютъ воспоминаніе о немъ,—все это остается невѣдомымъ для дѣтей такихъ жилищъ.

А когда эти дѣти выростаютъ, для нихъ не оказывается ничего, кромѣ улицы. Насколько полно отсутствіе домашней жизни въ ихъ убогихъ жилищахъ—это можно видѣть хотя бы изъ того, что есть много семействъ, которыя никогда не сидѣли за общимъ столомъ. Когда дѣти приходятъ изъ школы и звонятъ у дверей своихъ жилищъ, матери выбрасываютъ имъ черезъ окно то, что должно служить имъ обѣдомъ, дѣти вынимаютъ изъ грязной бумаги свою пищу, съѣдаютъ ее на улицѣ и снова отправляются въ школу. По вечерамъ и мальчики, и дѣвочки нерѣдко блуждаютъ по улицамъ до ночи, ожидая, когда родители вернутся изъ питейнаго дома и впустятъ ихъ спать.

За исключеніемъ часовъ сна въ повалку, дѣти все свободное отъ школьныхъ занятій время проводятъ на улицахъ, гдѣ они быстро переходятъ отъ дурного къ худшему. Въ настоящее время человѣку сплошь и рядомъ приходится слышать, какъ даже небольшія дѣвочки употребляютъ мерзкія, грязныя ругательства, бѣгая и крича по улицамъ до полуночи. А мальчики организуютъ шайки, которыя держатъ въ страхѣ все окрестное населеніе.

При такихъ условіяхъ одинаково портятся какъ мальчики, такъ и дѣвочки, при чемъ иные изъ нихъ съ юныхъ лѣтъ, дѣлаются преступниками.

Что касается вліянія школъ, то прежде всего надо указать, что онѣ вмѣщаютъ въ себя далеко не всѣхъ дѣтей. Съ утратой домашней жизни утрачивается и домашняя дисциплина, а потому, если дѣтямъ не нравится въ школѣ, они просто не ходятъ туда. Вы можете наказать ихъ, можете оштрафовать родителей, но весьма скоро послѣ этого вы опять найдете, что эти юные нарушители закона шляются по улицамъ въ учебные часы. Несмотря на всю настойчивость школьнаго Совѣта, въ Лондонѣ имѣются сотни дѣтей школьнаго возраста,

которыя въ теченіе всего дня бѣгаютъ по улицамъ и изъ которыхъ одни совсѣмъ никогда не были въ школѣ, а другія бываютъ раза два-три въ годъ.

Затѣмъ, благотворная работа школъ, къ сожалѣнію, подрывается вліяніемъ чрезмѣрной скученности, и трудъ школьныхъ учителей зачастую изглаживается за ночь. Это уничтоженіе школьнаго вліянія совершается какъ въ самихъ переполненныхъ убогихъ жилищахъ, такъ и на улицахъ. Лордъ Шафтсбюри заявилъ предъ жилищной комиссіей, что чрезмѣрная скученность «совершенно уничтожаетъ всѣ благіе результаты школьнаго воспитанія. Для дѣтей большое благо, что они въ теченіе цѣлаго дня отсутствуютъ изъ дома, пребывая въ школѣ, но когда они возвращаются въ свои жилища, они въ одинъ часъ разучиваются всему тому, что пріобрѣли въ теченіе дня».

Будучи дѣтьми и затѣмъ молодыми людьми, они вынуждены жить съ своими родителями и съ другими членами семьи при такихъ условіяхъ, словно различія пола перестали существовать.

Слѣдующее показаніе лорда Шафтсбюри, данное имъ предъ жилищной комиссіей, и до сихъ поръ остается вполнѣ вѣрнымъ: «Дурное вліяніе однокомнатныхъ жилищъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, превосходитъ всякое описаніе. Насколько я могъ видѣть, однокомнатное жилище всегда подразумѣваетъ одну общую постель для всѣхъ членовъ семьи; присутствіе второй постели—рѣдкое исключеніе. Невозможно выразить, насколько пагубны результаты этого».

Тутъ нѣтъ надобности входить въ отвратительныя подробности безнравственности, непосредственно вытекающей изъ такой скученности. Укажемъ лишь, что если не вездѣ оказываются прямые результаты, то косвенные получаются неизбѣжно, такъ какъ дѣти узнаютъ такія вещи, о которыхъ имъ не слѣдуетъ знать.

По мнѣнію д-ра Пура, чрезмѣрная скученность является не только однимъ изъ самыхъ крупныхъ санитарныхъ золъ, но и еще болѣе крупнымъ моральнымъ зломъ.

Въ видахъ борьбы съ чрезмѣрною скученностью, правительство закономъ 1891 г. объ общественномъ здравіи установило упомянутую выше норму, предоставивъ санитарному надзору выселять тѣ семьи, которыя занимаютъ помѣщенія, не удовлетворяющія по своимъ размѣрамъ требованіямъ этого закона.

Многіе, а въ томъ числѣ и лордъ Салисбюри, полагаютъ, что для устраненія чрезмѣрной скученности «не нужно ничего другого, кромѣ строгаго примѣненія этого закона». Но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать.

Указанный законъ предполагаетъ двѣ вещи: во-первыхъ, что помѣщенія всегда можно имѣть, когда они нужны, и, во-вторыхъ, что люди, живущіе въ чрезмѣрной скученности, въ состояніи платить за добавочныя помѣщенія. Но для Лондона ни то, ни другое изъ этихъ предпо-

ложеній не вѣрны. Люди живутъ въ чрезмѣрной скученности вовсе не потому, что это имъ нравится, а или потому, что они не могутъ найти другого помѣщенія, или потому, что они не въ состояніи платить болѣе высокую плату.

При строгомъ примѣненіи этого закона, можетъ быть, и не было бы чрезмѣрной скученности, но получилось бы нѣчто худшее, а именно: значительная часть тѣхъ 900.000 человѣкъ, которые живутъ теперь въ чрезмѣрной скученности, просто очутились бы на улицахъ. На это иногда указываютъ сами санитарные инспектора, заявляя, что ссылки чрезмѣрно скученныхъ жильцовъ на отсутствіе свободныхъ помѣщеній оказывались по разслѣдованію совершенно справедливыми, и что поэтому выселеніе этихъ людей оставило бы ихъ совершенно безъ крова или понудило бы ихъ обратиться въ рабочій домъ. Въ виду этого примѣненіе указаннаго закона превращается просто въ безсмысленное гонянье людей съ одного мѣста на другое. Ихъ выселяютъ изъ одного мѣста—они перебираются въ другое, можетъ быть, еще менѣе удовлетворительное; ихъ выселяютъ оттуда—они перебираются въ третье мѣсто и т. д. При этомъ бѣдняки не могутъ уже дѣлать никакого выбора и должны селиться тамъ, гдѣ только найдутъ помѣщеніе. И такимъ образомъ ихъ часто загоняютъ въ худшія мѣста, чѣмъ тѣ, гдѣ они жили раньше, и вынуждаютъ селиться среди порочныхъ и преступныхъ классовъ. Чарльзъ Бусъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ преступные центры постоянно пополняются людьми изъ рабочаго класса,—ну, такъ вотъ гдѣ объясненіе этого.

Авторъ, сопровождавшій однажды санитарнаго инспектора при осмотрѣ квартиръ, приводитъ образчики бывшихъ при этомъ бесѣдъ.

— Вы должны имѣть двѣ комнаты, а не одну,—сказалъ инспекторъ матери семейства, состоявшаго изъ четырехъ человѣкъ.

— Да мы, Богъ знаетъ, какъ давно стараемся получить другую комнату,—отвѣтила женщина,—но, вѣдь, комнаты, сэръ, такъ трудно достать; и хотя мы могли бы платить за двѣ, мы нигдѣ не можемъ найти ихъ.

Въ другой квартирѣ въ одной комнатѣ оказалась семья изъ двухъ взрослыхъ и четырехъ дѣтей.

— Но что же мы можемъ подѣлать?—спросила женщина, державшая младенца на рукахъ.—Вѣдь, вы, конечно, не выселите же насъ? Иногда мой мужъ не зарабатываетъ платы даже за такое помѣщеніе, и я бываю вынуждена тогда пополнять недочетъ стиркой бѣлья. На Рождество мы просто голодали, и женщина, живущая наверху, одолжила мнѣ шиллингъ, я распродала все, что у меня было. Да я и не знаю даже, гдѣ искать комнатъ. Я и сюда-то попала съ большимъ трудомъ. Куда ни придешь, вездѣ говорятъ, что съ дѣтьми не могутъ пустить, потому что черезъ нихъ получается чрезмѣрная скученность. Но неужели же намъ бросать нашихъ дѣтей на улицѣ?

Въ сосѣднемъ домѣ одна вдова пыталась уладить дѣло тѣмъ, что отправила часть своихъ дѣтей въ рабочій домъ. Однако, при ней все еще жило больше дѣтей, чѣмъ сколько допускалось по размѣрамъ занимаемой ею комнаты. Когда ей заявили, что она должна найти себѣ болѣе обширное помѣщеніе, то она, заливаясь слезами, отвѣтила, что ей не остается ничего другого, какъ тоже отправиться въ рабочій домъ.

А вотъ образчикъ тѣхъ положеній, которыя получаются иногда вслѣдствіе проведенія закона о жилищной нормѣ при современныхъ лондонскихъ условіяхъ. Въ улицѣ Вольверлей одну семью, состоявшую изъ пяти человѣкъ и занимавшую одну комнату, обязали занять болѣе обширное помѣщеніе, что та и сдѣлала, воспользовавшись освобожденіемъ одной комнаты въ этомъ же домѣ. Но платить за двѣ комнаты этимъ людямъ оказалось не по силамъ, и за неплатежъ денегъ семья была выселена изъ квартиры, а вещи выставлены на дворъ. И вотъ эти пять человѣкъ,—мужъ, жена, четырнадцати-лѣтняя дѣвочка, двѣнадцати-лѣтній мальчикъ и трехлѣтній ребенокъ,—цѣлыхъ двѣ недѣли жили посреди двора, буквально подъ открытымъ небомъ. Санитарный инспекторъ, извѣщенный о бѣдственномъ положеніи этой семьи, нашелъ ихъ всѣхъ промокшими отъ дождя и дрожащими отъ холода. Распорядившись натянуть надъ ними брезентъ и доставивъ имъ нѣсколько пищи, такъ какъ они, повидимому, сильно нуждались, онъ сообщилъ объ этой семьѣ Обществу защиты дѣтей, а также приходскому попечительству.

Не только уничтоженіе чрезмѣрной скученности, но даже и уменьшеніе ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достигнуто примѣненіемъ указаннаго закона. Если жить негдѣ, то, очевидно, никакое число «встряхиваній» не прибавитъ мѣста. Что дѣйствительно нужно для сокращенія чрезмѣрной скученности, такъ это увеличеніе числа домовъ, которое тѣмъ болѣе необходимо, что населеніе Лондона ежегодно увеличивается на 60.000 человѣкъ.

Лондонскій совѣтъ графства старается по мѣрѣ возможности бороться съ жилищной нуждой и порождаемымъ ею зломъ, но пока не можетъ похвалиться результатами. Такъ, онъ очистилъ нѣсколько худшихъ площадей, изъ занятыхъ трущобными жилищами, напримѣръ, по улицѣ *Boundary*,—гдѣ почти двѣ трети родившихся дѣтей умирало въ младенческомъ возрастѣ, а общая смертность была почти въ два съ половиной раза выше, чѣмъ въ остальномъ Лондонѣ, — и на мѣстѣ снесенныхъ трущобъ построилъ новые дома. Но въ этой дѣятельности совѣта графства по обезпеченію населенія здоровыми жилищами оказались два крупные недочета. Во-первыхъ, совѣтъ графства строитъ недостаточно много и, во-вторыхъ, онъ доставляетъ жилища не тѣмъ, кто наиболѣе въ нихъ нуждается.

Согласно отчетамъ, Лондонскій Совѣтъ графства въ своихъ различныхъ предпріятіяхъ этого рода выселилъ 24.000 человѣкъ, а жилища построилъ лишь для 10.000 человѣкъ. Такимъ образомъ по крайней

мѣрѣ 14.000 человѣкъ были лишены при этомъ жилища и усилили собою чрезмѣрную скученность сосѣднихъ улицъ. Итакъ въ результатѣ тутъ получилось лишь усиленіе скученности, при чемъ число выселенныхъ людей, усилившихъ скученность сосѣднихъ районовъ, въ дѣйствительности выше 14.000. Когда совѣтъ графства на мѣстѣ прежнихъ трущобныхъ жилищъ воздвигаетъ новое зданіе, то оно наполняется преимущественно болѣе обезпеченнымъ классомъ людей, а не тѣми, которые жили въ снесенныхъ домахъ. Причина этого та, что квартиры въ домахъ, выстроенныхъ Совѣтомъ, обходятся жильцамъ дороже. Прежде всего Совѣтъ не допускаетъ чрезмѣрной скученности въ своихъ домахъ, и потому семьямъ при переходѣ въ эти зданія обыкновенно приходится брать болѣе обширныя помѣщенія, чѣмъ въ частныхъ домахъ, а затѣмъ и сама плата за комнату здѣсь выше. Послѣднее объясняется тѣмъ, что правительство обязало Совѣтъ по рукамъ и ногамъ, постановивши, что полная стоимость земли и зданія должна погашаться въ теченіе шестидесяти лѣтъ, хотя Совѣтъ строитъ такъ хорошо, что, по мнѣнію спеціалистовъ эти зданія простоятъ по крайней мѣрѣ лѣтъ двѣсти.

Многіе изъ членовъ Совѣта, видя, что жильцы, удаленные изъ прежнихъ помѣщеній, не возвращаются въ новыя зданія и что послѣднія заполняются болѣе обезпеченными людьми, утѣшаютъ себя такими разсужденіями, что эти новые жильцы, переходя сюда, освождаютъ по сосѣдству дома, которые въ свою очередь занимаются выселенными жильцами прежнихъ трущобъ. Такимъ образомъ оба класса получаютъ болѣе хорошія жилища.

Къ сожалѣнію, это невѣрно. Прежде всего надо указать, что новые жильцы покидаютъ свои прежнія квартиры ради новаго зданія лишь много времени спустя послѣ того, какъ жильцы прежнихъ трущобъ были выселены, т. е. по прошествіи тѣхъ мѣсяцевъ или лѣтъ, которые уходятъ на возведеніе новыхъ зданій. Затѣмъ, новыя зданія, какъ оказывается, заполняются не жильцами сосѣднихъ домовъ, а людьми со всего Лондона, даже изъ самыхъ отдаленныхъ его частей. Такимъ образомъ для выселяемыхъ жильцовъ не освобождается по сосѣдству никакихъ помѣщеній и имъ приходится еще болѣе усиливать чрезмѣрную скученность смежныхъ районовъ.

Противъ этой дѣятельности муниципалитета говоритъ еще и ея дороговизна. Напримѣръ, очистить площадь въ пятнадцать акровъ по улицѣ Boundary обошлось въ четверть милліона фунтовъ стерл. (около 2.500.000 рублей); на каждое выселенное семейство это составило въ среднемъ около 300 фунт. стерлинговъ. Тогдашній предсѣдатель жилищнаго комитета при Совѣтѣ графства указалъ на тотъ поразительный фактъ, что гораздо дешевле обошлось бы надѣлить эти семьи даровыми котеджами въ предмѣстьѣ и предоставить, сверхъ того, безплатный проѣздъ для работающихъ въ Сити.

Наконецъ, въ этой дѣятельности муниципалитета кроется и нѣко-

торая опасность вслѣдствіе громадности вознагражденія, получаемаго владѣльцами выкупаемой собственности. Неразборчивый на средства хищникъ-домовладѣлецъ, всегда высматривающій случая поживиться, скоро схватился бы за возможность къ этому, предоставляемую ему всякой общей политикой по сносу негодныхъ зданій. Какъ ни мало онъ дѣлаетъ для поддержанія въ порядкѣ своей собственности въ настоящее время, онъ не будетъ дѣлать рѣшительно ничего, если только увидитъ хоть малѣйшій шансъ на выкупъ его собственности. Для него будетъ выгодно тогда способствовать повышенію смертности въ его владѣніи, въ видахъ обезпеченія этимъ выкупа его домовъ Совѣтомъ графства для уничтоженія ихъ въ санитарныхъ интересахъ всего Лондона. Выгода, получаемая домовладѣльцами вслѣдствіе сноса домовъ, не ограничивается выплачиваемымъ имъ вознагражденіемъ,—владѣльцы трущобъ получаютъ еще выгоду и отъ той новой чрезмѣрной скученности, которая является слѣдствіемъ уничтоженія выкупленныхъ домовъ. Такъ какъ выселенные жильцы въ большинствѣ случаевъ размѣщаются по сосѣднимъ домамъ, то рента здѣсь, вслѣдствіе сильнаго увеличенія спроса, значительно повышается, при чемъ эта выгода можетъ достаться и владѣльцамъ выкупленной собственности, если они являются въ то же время собственниками сосѣднихъ домовъ. При этомъ домовладѣльцы не только получаютъ повышенную плату за каждое помѣщеніе, но и раздѣляютъ свои дома на болѣе мелкія квартиры, въ видахъ увеличенія ихъ числа, или сдаютъ свои дома просто отдѣльными комнатами. Въ результатѣ эти сосѣднія дома переполняются несравненно сильнѣе, чѣмъ были переполнены снесенные дома.

Въ виду всего изложеннаго выше, самъ собою возникаетъ вопросъ, почему Лондонъ не растетъ въ ширь, если въ немъ нѣтъ свободной земли, и почему за снабженіе населенія здоровыми жилищами не берутся частныя компаніи, разъ дома приносятъ такую большую и вѣрную прибыль? Оказывается, что *большія строительныя компаніи крайне стѣснены въ своей дѣятельности трудностью достать подходящую землю для построекъ*. Не то, чтобы незанятой земли не было, нѣтъ, она имѣется и не только кругомъ всего Лондона, но также и въ самомъ городѣ въ количествѣ, достаточномъ для возведенія многихъ тысячъ домовъ, но землевладѣльцы удерживаютъ ее у себя съ спекулятивными цѣлями.

И вотъ тутъ мы видимъ новый классъ людей, матеріально заинтересованныхъ въ существованіи чрезмѣрной скученности. Изъ всѣхъ предпріятій по выкупу негодныхъ жилищъ землевладѣлецъ извлекаетъ несравненно большую выгоду, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ не только вымогаетъ при этомъ чрезмѣрно высокую плату за очищаемую землю, но, подобно владѣльцу сносимыхъ домовъ, можетъ быть еще заинтересованъ черезъ обладаніе смежной недвижимостью, цѣнность которой всегда сильно повышается вслѣдствіе

уничтоженія муниципалитетомъ трущобныхъ жилищъ. И это повышеніе цѣнности его земли, иногда громадное, достается ему совершенно даромъ.

Даже когда муниципалитетъ совершенно не касается его земли, лендлордъ все-таки извлекаетъ выгоду изъ чрезмѣрной скученности Лондона или, по крайней мѣрѣ, изъ его роста, который, при современныхъ условіяхъ, всегда подразумѣваетъ чрезмѣрную скученность. Вычислено, что этотъ ростъ и чрезмѣрная скученность Лондона ежегодно кладутъ въ карманы лендлордовъ добавочные 1.500.000 фунт стерл. (около 15 милліоновъ рублей). Какъ бы ни была настоятельна нужда населенія въ домахъ, лендлордъ цѣпко держится за свою землю, пока она не «созрѣетъ», т.-е. пока она не дойдетъ до желаемой имъ цѣны, хотя народъ просто теряетъ голову вслѣдствіе недостатка жилищъ.

Итакъ, жилищный вопросъ, какъ мы видимъ, въ концѣ-концовъ сводится къ вопросу земельному.

Обыкновенно принимается за несомнѣнное, что жилищный вопросъ есть преимущественно городской вопросъ и особенно вопросъ Лондона. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не слышимъ объ уходѣ сельскаго населенія въ города и развѣ нѣтъ основаній ожидать въ виду этого, что земледѣльческій работникъ, остающійся въ деревнѣ, не терпитъ, по крайней мѣрѣ, хоть отъ тѣхъ золъ, которыя подразумѣваются въ словахъ «негдѣ жить»?

Въ дѣйствительности оказывается, что въ этомъ отношеніи положеніе вещей въ сельскихъ округахъ ничуть не менѣе серьезно, чѣмъ въ городахъ, и что даже крайніе изъ приведенныхъ выше лондонскихъ случаевъ встрѣчаются и въ деревняхъ. Напримѣръ, не такъ давно въ Сетфордскомъ приходѣ (въ Норфолькѣ), одинъ работникъ съ женой и семью дѣтьми былъ выселенъ изъ котеджа. Этотъ человѣкъ имѣлъ постоянную работу, но не могъ найти во всемъ округѣ ни одного свободнаго котеджа. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей, вся семья спала подъ открытомъ небомъ. Наконецъ, они вспомнили о пристанищѣ для прохожихъ, имѣющемся при рабочемъ домѣ, и стали ходить туда каждую ночь, причемъ этотъ человѣкъ продолжалъ выполнять свою работу и каждый день бралъ свою семью изъ этого пристанища, чтобы накормить ее на краю дороги.

Могутъ, пожалуй, сказать, что данный случай не типиченъ, такъ такъ какъ тутъ семья, вслѣдствіе той или другой причины, была выселена изъ котеджа. Но вотъ недѣли черезъ двѣ послѣ обнаруженія этого случая былъ оглашенъ новый случай изъ другого норфолькскаго прихода—Эрпингема. Здѣсь одинъ работникъ помѣстилъ своихъ дѣтей въ рабочій домъ, вслѣдствіе невозможности найти для нихъ хотя бы какое-нибудь помѣщеніе. Это былъ вполнѣ порядочный чело-

вѣхъ, имѣвшій хорошую работу и перебивавшійся самъ безъ жилища, какъ попало. Когда до свѣдѣнія приходскихъ попечителей дошло о хорошемъ заработкѣ этого человѣка, то они увѣдомили его, что, разъ онъ имѣетъ заработокъ, онъ долженъ взять своихъ дѣтей изъ рабочаго дома и съ рукъ плательщиковъ налоговъ. Послѣ неоднократныхъ новыхъ попытокъ найти себѣ жилище, этотъ человѣкъ явился заявить попечителямъ о своей неудачѣ. Нѣкоторые изъ попечителей подтвердили его заявленіе объ отсутствіи свободныхъ помѣщеній, но, по правиламъ, дѣти не могутъ оставаться въ рабочемъ домѣ, если отецъ въ состояніи содержать ихъ. Въ концѣ-концовъ этотъ человѣкъ бросилъ свою работу и самъ вступилъ въ рабочій домъ, не видя другого средства обезпечить своимъ дѣтямъ кровъ.

Въ этомъ же приходѣ одинъ старикъ, скопившій нѣсколько денегъ, исходилъ весь свой родной округъ въ тщетныхъ поискахъ жилища; наконецъ, онъ обратился къ приходскимъ попечителямъ съ просьбой принять его въ рабочій домъ, при чемъ объяснилъ, что онъ не нищій и въ состояніи платить, но только онъ нигдѣ не могъ найти себѣ помѣщеніе. Попечители, сомнѣваясь въ своемъ правѣ принять въ рабочій домъ имущаго человѣка, обратились за совѣтомъ въ Департаментъ мѣстнаго управленія. Департаментъ отвѣтилъ, что вообще было бы неправильно включать въ число нищихъ человѣка, имѣющаго деньги; въ то же время не желательно было бы, чтобы рабочимъ домомъ пользовались какъ наемнымъ помѣщеніемъ; но если попечителя вполнѣ увѣрены, что этотъ человѣкъ не въ состояніи найти себѣ жилище, то Департаментъ не сдѣлаетъ возраженій противъ принятія его въ рабочій домъ. И старикъ былъ принятъ.

Приведенные случаи лишь единицы изъ многихъ. Особенно знаменателенъ послѣдній примѣръ, гдѣ мы видимъ оффиціальное разрѣшеніе пользоваться рабочимъ домомъ людямъ, которые не принадлежатъ къ числу нищихъ, но для которыхъ не находится мѣста ни подъ одной кровлей ихъ родного округа.

Санитарный врачъ прихода Ст. Фэсъ (въ Норфолькѣ) даетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ весьма ясное объясненіе причинъ жилищной нужды въ деревнѣ. «Старыя и разрушающіяся жилища,—говоритъ онъ,—есть растущее зло большой важности... Если бы эти дома были закрыты санитарнымъ надзоромъ, то обитателямъ ихъ рѣшительно некуда было бы перебраться. Застой въ земледѣліи, повидимому, положилъ конецъ затратѣ капитала землевладѣльцами на возведеніе новыхъ котеджей для работниковъ, а такъ какъ строенія неизбѣжно старѣютъ и приходятъ въ упадокъ, то эти бѣдняки въ непродолжительномъ времени окажутся совсѣмъ бездомными».

Вотъ гдѣ главная причина: въ сельскихъ округахъ въ сущности не производится возведенія новыхъ котеджей, а прежніе постепенно приходятъ въ упадокъ. Такимъ образомъ недостаточность жилищъ

оказывается постоянно возростающимъ зломъ. И это опредѣленіе причинъ подтверждается оффиціальными отчетами изъ всѣхъ частей страны.

Авторъ приводитъ выдержки изъ отчетовъ по Беркширу, Уарвикширу, Уильтсу, Эссексу, Корнуэлю, Оксфордширу и Бекингему, Глочестерширу, Кенту, Уистеширу, Йоркширу (западный округъ), Глеморганширу, Карнарвонширу и Монмаусу. Во всѣхъ этихъ отчетахъ говорится одно и то же. Котеджей недостаточно; недостатокъ въ нихъ ощущается даже и тамъ, гдѣ наблюдается убыль населенія. Новыхъ котеджей не строятъ; сгорѣвшіе или разрушившіеся не возобновляютъ. Въ иныхъ мѣстахъ свободныхъ котеджей не бываетъ *никогда*. Работники вынуждены оставлять свои семьи тамъ, гдѣ найдется котеджъ, иногда даже за 15—16 миль отъ мѣста своей работы. Что касается качества котеджей, то одинъ санитарный инспекторъ пишетъ, напримѣръ, что онъ во время пятидневныхъ разъѣздовъ видѣлъ не болѣе полудюжины хорошихъ котеджей. Во многихъ другихъ мѣстахъ котеджи настолько ветхи и плохи, что ихъ, по словамъ санитарныхъ инспекторовъ, давно слѣдовало бы закрыть, но санитарный надзоръ воздерживается отъ этой мѣры въ виду того, что выселеннымъ жильцамъ некуда было бы дѣться. Это же обстоятельство не позволяетъ надзору устранить чрезмѣрную скученность. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ районахъ недостаточность жилищъ является одной изъ главныхъ причинъ ухода работниковъ въ рудокопные округа. Жилищный вопросъ называютъ «жгучимъ вопросомъ» и недостаточность жилищъ признаютъ «*худшей чертой* въ положеніи работника».

Итакъ оказывается, что среди обширныхъ полей и пустошей сельской Англіи крикъ—«негдѣ жить» повсемѣстно раздается съ такою же настойчивостью, какъ и въ переполненныхъ городскихъ центрахъ населенія.

Авторъ, исходившій недавно земледѣльческіе округа, Эссекса, Суффолька, Норфолька и, сверхъ того, не мало прошедшій по западнымъ графствамъ, сообщаетъ различныя подробности по жилищному вопросу на основаніи своихъ личныхъ наблюденій и изслѣдованій.

Во многихъ мѣстахъ котеджи пришли въ крайній упадокъ. Нерѣдко дождь протекаетъ сквозь крышу такими струями, что въ спальнѣ (верхняя комната) приходится ставить ведра для собиранія воды, но, несмотря на это, владѣльцы котеджей отказываются производить ремонтъ. Въ другихъ мѣстахъ дренажъ настолько плохъ, что въ дождливую погоду, земляной полъ въ нижней комнатѣ размокаетъ.

Такъ какъ вмѣшательство санитарнаго надзора могло бы повести къ закрытію такихъ котеджей, а для обитателей ихъ остался бы тогда лишь выборъ между большой дорогой и рабочимъ домомъ, то они не только не жалуются на недостатки своихъ жилищъ, но даже увѣряютъ незнакомыхъ имъ обслѣдователей, что положеніе ихъ до-

мовъ гораздо лучше, чѣмъ это кажется. Если имъ намекнуть, что объ обнаруженныхъ недостаткахъ ихъ жилищъ будетъ доведено до свѣдѣнія санитарнаго надзора, то они станутъ упрашивать не дѣлать этого. «Вѣдь, вы этимъ добьетесь лишь нашего выселенія отсюда», скажутъ они.

Отсюда-то и получается то дикое положеніе, что санитарныхъ реформаторовъ часто считаютъ въ деревняхъ *врагами народа*.

Но прежде чѣмъ осуждать народъ, слѣдуетъ принять во вниманіе, какое значеніе имѣетъ для деревенскаго работника потеря жилища. Если городской обыватель будетъ выселенъ, то онъ еще сможетъ найти себѣ другое помѣщеніе на доступномъ разстояніи отъ мѣста своей работы; но деревенскому работнику нечего объ этомъ и думать, вслѣдствіе отсутствія свободныхъ помѣщеній, и ему въ случаѣ потери жилища приходится прямо уходить прочь, бросая свою работу и порывая всѣ мѣстныя связи, установившіяся, можетъ быть, въ теченіе цѣлой жизни. Въ виду такихъ послѣдствій потери жилища, работникъ оказывается въ рабской зависимости отъ ленлорда или фермера, являющихся одновременно домохозяевами и отчасти нанимателями его труда. Отказъ отъ всѣхъ личныхъ правъ является для него необходимымъ условіемъ обезпеченія своего пребыванія въ родномъ округѣ.

Чрезмѣрная скученность въ деревняхъ не менѣе обычна, чѣмъ въ городахъ и сопровождается тѣми же послѣдствіями.

«Худшая черта котеджей, обычная во всѣхъ частяхъ страны,— говорится въ оффиціальной сводкѣ отчетовъ по Уэльсу,—это недостаточность спаленъ, каковое обстоятельство оказываетъ пагубное вліяніе не только на здоровье, но и на нравственность обитателей этихъ котеджей».

Во многихъ котеджахъ имѣется всего лишь одна спальня, въ которой спятъ всѣ члены семьи, сколько бы ихъ ни было, а иногда еще и жильцы, обыкновенно холостые работники. Нѣкоторыя женщины прилагаютъ всѣ старанія создать въ подобныхъ жилищахъ домашнюю атмосферу для своихъ дѣтей, но терпятъ неудачу. Мальчики и дѣвочки, выростая при такихъ условіяхъ, неизбѣжно портятся, и, несмотря на вліяніе школы, распущенность разговора и поступковъ молодыхъ людей обоего пола просто отвратительна.

Въ одной мѣстности мировой судья, сообщивъ автору объ одномъ ужасномъ случаѣ безнравственности, указалъ, что въ этой мѣстности вообще существуетъ сильное подозрѣніе въ широкомъ распространеніи кровосмѣшенія, являющагося слѣдствіемъ возмутительныхъ жилищныхъ условій.

Когда человѣкъ проносится въ поѣздѣ или на велосипедѣ мимо деревень, говоритъ авторъ, какъ красивы онѣ кажутся, какъ живописны всѣ эти старые котеджи, окруженные зеленью. И человѣкъ говоритъ себѣ, что эти деревни, такія мирныя и красивыя на видъ, должно

быть, представляютъ собою мѣста, гдѣ можно найти идеальную жизнь простоты и довольства, совершенно не подозрѣвая, что при болѣе близкомъ изслѣдованіи все это окажется лишь красивой декораціей, за которой скрывается такая отвратительная и ужасная дѣйствительность.

Жилищная нужда въ деревнѣ, какъ мы видѣли, является слѣдствіемъ того, чего землевладѣльцы не желаютъ больше строить котеджей; другіе же люди *не могутъ,* за отсутствіемъ земли. Такимъ образомъ и здѣсь жилищный вопросъ сводится къ вопросу земельному.

Послѣ того, какъ читатель ознакомился съ величиной и разнообразіемъ зла, причиняемаго чрезмѣрною скученностью, для него, вѣроятно, не безынтересно будетъ ознакомиться съ доводомъ *въ пользу* чрезмѣрной скученности, выставленнымъ буржуазно-либеральной *лигой защитниковъ свободы и собственности.* Доводъ этотъ таковъ: «Малолюдная и сильно вентилируемая комната бываетъ холодна, а плохо питающіеся люди чувствительны къ холоду; въ то же время они обыкновенно бываютъ плохо одѣты и почти навѣрное не имѣетъ средствъ на покупку топлива», вслѣдствіе этого «чрезмѣрная скученность просто означаетъ тепло».

Д. Я. Эмъ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе* *)

IV.

Школа Смита. Мальтусъ и Рикардо.

«Богатство народовъ» вышло въ свѣтъ до промышленной революціи или, во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ ея. Соціальныя противорѣчія капиталистическаго строя были неизвѣстны А. Смиту; онъ искренно вѣрилъ, что капиталистическій строй и не заключаетъ въ себѣ этихъ противорѣчій. Свобода товарнаго хозяйства являлась, въ его глазахъ, единственнымъ, но зато вполнѣ надежнымъ средствомъ достиженія общаго благополучія; бѣдные должны были выиграть отъ нея еще болѣе, чѣмъ богатые. По ученію Смита, главный интересъ рабочаго класса заключается въ ростѣ народнаго богатства. Промышленная революція дала могучій толчокъ этому росту; естественно было ожидать, что самымъ знаменательнымъ послѣдствіемъ промышленной революціи будетъ чрезвычайное улучшеніе положенія рабочаго класса, общее поднятіе жизненнаго уровня англійскаго рабочаго.

Дѣйствительность представила, однако, какъ мы видѣли, совершенно обратную картину. Чѣмъ скорѣе расло богатство, тѣмъ ужаснѣе становилась бѣдность. Мрачная нищета захватывала въ свои цѣпкія руки все новые слои англійскаго населенія. Оптимистическія надежды на свободу оправдались лишь на половину: промышленная свобода оказалась, дѣйствительно, превосходнымъ средствомъ развитія производительныхъ силъ страны; но всѣ выгоды этого достались небольшой группѣ собственниковъ. Остальная же масса населенія, по мѣрѣ роста богатства, глубже и глубже погружалась въ нищету, изъ которой, казалось, не было выхода и спасенія.

Вмѣсто ожидавшейся гармоніи интересовъ дѣйствительность обнаружила рѣзкіе и неумолимые классовые антагонизмы. Новый соціальный строй, возникшій на почвѣ свободы конкуренціи и крупнаго производства, былъ безконечно далекъ отъ той идилліи, которая рисова-

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1901 г.

лась въ будущемъ людямъ XVIII вѣка. Передъ общественнымъ сознаніемъ открылась новая глубочайшая проблема, которая опредѣлила собой направленіе экономической мысли въ теченіе всего послѣдующаго столѣтія вплоть до нашихъ дней: проблема бѣдности. Для Адама Смита вопросы производства стояли на первомъ планѣ; почти все его вниманіе сосредоточено на условіяхъ наибольшаго развитія производительныхъ силъ страны и на причинахъ, задерживающихъ это развитіе. Законы распредѣленія почти не были изслѣдованы Смитомъ, и то немногое, что было сказано имъ въ этомъ отношеніи, принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ мѣстъ его великаго труда. Напротивъ, для послѣ-смитовской политической экономіи именно явленія распредѣленія становятся центральнымъ предметомъ изслѣдованія.

Вопросъ о причинахъ устойчивости бѣдности среди растущаго богатства заслонилъ, по своей важности, всѣ другіе вопросы, поставленные капиталистическимъ строемъ экономической наукѣ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, политическая экономія распалась на нѣсколько школъ или направленій, сохраняющихъ свою обособленность и теперь. Одно направленіе тѣсно примкнуло къ идеямъ Смита, углубило и развило его систему, существенно переработало и усовершенствовало многія важныя части ея (въ особенности въ ученіи о распредѣленіи), но, въ общемъ, осталось вѣрнымъ духу Смита. Нерегулируемый товарохозяйственный строй признается этимъ направленіямъ наилучшимъ или даже единственно возможнымъ хозяйственнымъ устройствомъ современнаго человѣчества. Правда, наиболѣе выдающіеся ученики Смита — Мальтусъ и Рикардо — совершенно отказались отъ смитовскаго оптимизма, такъ ярко и своеобразно окрашивавшаго міровоззрѣнія ихъ учителя. Но суть дѣла отъ этого нисколько не перемѣнилась—хозяйственный идеалъ Мальтуса и Рикардо въ общемъ тотъ же, какъ и Смита. Свобода конкуренціи и частная собственность представляютъ и въ ихъ глазахъ предѣлъ, его же не прейдеши, соціальнаго устройства. Другое направленіе является полнымъ антиподомъ перваго и усматриваетъ именно въ этихъ основаніяхъ капиталистическаго строя коренную причину неисчислимой массы зла и страданія, органически связанныхъ съ товарнымъ хозяйствомъ. Съ точки зрѣнія этого направленія будущій соціальный строй долженъ покоиться на совершенно иныхъ началахъ и быть во всѣхъ отношеніяхъ прямой противоположностью товарному хозяйству. Наконецъ, третье направленіе, эклектическое и занимающее позицію, промежуточную между двумя первыми, стремится сохранить товарохозяйственный строй, смягчивъ въ то же время, путемъ усиленія государственнаго вмѣшательства въ интересахъ слабыхъ, рѣзкость классовыхъ антагонизмовъ. Выразителемъ перваго направленія явилась такъ называемая классическая школа политической экономіи—главнымъ образомъ, Мальтусъ и Рикардо, вліяніе которыхъ на развитіе экономической мысли далеко не прекратилось и до настоящаго времени.

*

I.

Мальтусъ.

Томасъ Робертъ Мальтусъ (1766—1834) происходилъ изъ зажиточной англійской семьи, принадлежавшей къ земельному дворянству, но, какъ младшій сынъ, не наслѣдовалъ родового помѣстья и поступилъ въ духовное званіе. Его имя неразрывно связано съ такъ называемымъ «принципомъ» или «закономъ» народонаселенія. Въ 1798 г. Мальтусъ выпустилъ книгу подъ этимъ заглавіемъ («Опытъ о принципѣ народонаселенія»), которая сразу обратила на себя общее вниманіе, выдержала рядъ изданій, вызвала ожесточенныя нападки и страшныя похвалы и обезсмертила имя автора; какого бы мнѣнія мы ни держались о достоинствахъ и недостаткахъ этого произведенія, оно должно быть признано одною изъ наиболѣе вліявшихъ книгъ, когда-либо написанныхъ.

Нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, не знающаго имени Мальтуса хотя бы по наслышкѣ и не имѣющаго, хотя бы смутнаго и превратнаго, представленія о сущности такъ называемаго мальтузіанства. И что удивительнѣе всего, въ образованномъ мірѣ и теперь,—черезъ сто лѣтъ—такъ же мало согласія въ оцѣнкѣ ученія Мальтуса, какъ и въ первые годы по выходѣ его знаменитой книги. По отношенію къ Мальтусу почти не существуетъ средняго мнѣнія. Его считаютъ или геніальнымъ ученымъ, или плагіаторомъ и тупицей; благороднѣйшимъ другомъ человѣчества или безсердечнѣйшимъ эгоистомъ, какихъ когда-либо создавала исторія; человѣкомъ истинной религіозности или же представителемъ наиболѣе возмутительнаго вида религіознаго лицемѣрія; однимъ изъ политическихъ гуманныхъ реформаторовъ или же проповѣдникомъ наиболѣе губительной въ общественномъ отношеніи морали. Словомъ, нѣтъ тѣхъ антитезъ, которыя не примѣнялись бы къ этой странной и загадочной личности, занимающей такую единственную въ своемъ родѣ позицію въ исторіи человѣческой мысли.

Говорятъ, двое рыцарей вступили однажды въ жестокій бой изъ за спора, какого цвѣта щитъ, висѣвшій между ними. Одному щитъ казался краснымъ, другому голубымъ. Оба были убѣждены въ собственной правотѣ и во лжи другого. И оба были правы, и не правы. Щитъ былъ двухъ цвѣтовъ:—одна сторона его была красная, другая—голубая.

Мы думаемъ, что въ основѣ споровъ о Мальтусѣ лежитъ недоразумѣніе нѣсколько сходнаго свойства. Если бы воззрѣнія Мальтуса представляли собой законченную и логически стройную систему, одинъ цѣлостный и недѣлимый организмъ (какъ, напр., система Смита), то мы были-бы передъ альтернативой—принимать Мальтуса цѣликомъ или отвергать его. Но мы постараемся показать, что такъ называемое мальтузіанство обнимаетъ собой два совершенно независимыхъ цикла идей, два различныхъ ученія, изъ которыхъ одно можетъ быть истин-

нымъ, въ то время, какъ другое ложно, и объективная научная цѣнность которыхъ, дѣйствительно, весьма неодинакова.

По своему содержанію «Опытъ о принципѣ народонаселенія» представляется сухимъ и мало интереснымъ научнымъ трактатомъ преимущественно описательнаго характера. Статистическій и историческій матеріалъ, не имѣющій никакого отношенія къ злобамъ дня, занимаетъ большую часть «Опыта». Тѣмъ не менѣе, сочиненіе Мальтуса было не безстрастнымъ «трудомъ» академическаго ученаго, но полемической книгой, написанной въ интересахъ опредѣленной политической доктрины, почти политическимъ памфлетомъ. Именно такъ оно и было понято современниками. Эта сухая работа произвела впечатлѣніе удара молніи. Мертвыя цифры и груды безпорядочно нагроможденныхъ историческихъ фактовъ говорили современникамъ могучимъ языкомъ, вызывавшимъ сильнѣйшія страсти людей. Любовь и вражда сразу запылали вокругъ этой книги, совершенно лишенной чего-бы то ни было похожаго на яркое настроеніе или горячее чувство.

Непосредственнымъ поводомъ къ появленію «Опыта» было политическое броженіе широкихъ массъ англійскаго населенія въ концѣ XVIII вѣка. Время было крайне тревожное—французская революція находила себѣ горячій откликъ въ умахъ и по ту сторону Ламанша. Въ англійской литературѣ распространялись идеи, не уступавшія французскимъ по своему радикализму и безпощадной враждѣ къ господствовавшему политическому и соціальному строю. Противъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ представителей англійскаго радикализма — Вилльяма Годвина,—и выступилъ Мальтусъ со своимъ «Опытомъ».

Годвинъ былъ послѣдователемъ Руссо. Онъ одинаково нападалъ какъ на политическій, такъ и на экономическій строй Англіи. Будучи рѣшительнымъ республиканцемъ и демократомъ, онъ въ то же время признавалъ корнемъ соціальнаго зла частную собственность. Причины нищеты и страданій народной массы Годвинъ искалъ въ несправедливостяхъ общественныхъ учрежденій. Въ идеалѣ ему рисовался общественный строй, полный равенства, братства и свободы—нѣчто вродѣ мирнаго коммунизма. Эти идеи Годвинъ высказывалъ—надо замѣтить весьма расплывчато, туманно и неясно,—во многихъ сочиненіяхъ, одно изъ которыхъ «О политической справедливости» имѣло большой успѣхъ у публики и выдержало рядъ изданій.

Новыя идеи требовали и новыхъ аргументовъ для борьбы съ ними. Такіе аргументы и были даны Мальтусомъ. Основная мысль «Опыта» казалась геніальной по своей простотѣ и убѣдительности. Мальтусъ нисколько не думалъ отрицать всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые вызывали негодованіе радикаловъ. Да, народная нищета достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Да, богатства распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно въ обществахъ. Не менѣе справедливо указаніе радикаловъ на отсутствіе какого бы то ни было улучшенія положенія на-

родной массы при всѣхъ успѣхахъ промышленности и торговли. Но слѣдуетъ ли отсюда, что господствующіе въ обществѣ классы несутъ отвѣтственность за страданія народа? Нисколько, отвѣчаетъ Мальтусъ, ибо причина бѣдности коренится не въ соціальномъ устройствѣ, а въ *человѣческой природѣ.*

Стремленіе къ размноженію есть одинъ изъ самыхъ могущественныхъ инстинктовъ нашей животной природы. Если ничто не сдерживаетъ этого стремленія, то человѣчество должно размножаться въ геометрической конгрессіи (т. е. какъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.). Періодъ удвоенія населенія Мальтусъ принимаетъ, на основаніи примѣра Соединенныхъ Штатовъ, при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ 25 лѣтъ. Но легко понять, что средства существованія населенія не могутъ расти столь же быстро. Такъ, можно, пожалуй, допустить, что количество хлѣба производимаго въ данной странѣ, напр., Англіи, увеличится, при благопріятныхъ условіяхъ, черезъ двадцать пять лѣтъ вдвое. Но совершенно невѣроятно, чтобы ростъ производства хлѣба могъ идти такимъ же быстрымъ темпомъ неопредѣленно долгое время, весьма скоро увеличеніе производства пищи натолкнется на непреодолимыя препятствія, ибо территорія страны ограничена, а для повышенія урожайности данной земельной площади существуютъ предѣлы. Поэтому если мы допустимъ, что каждыя двадцать пять лѣтъ количество средствъ существованія увеличивается на одну и ту-же величину, т.-е. въ ариѳметической прогрессіи (какъ 1, 2, 3, 4 и т. д.), то мы никоимъ образомъ не уменьшимъ размѣры возможнаго повышенія производительности почвы.

И то, и другое положеніе Мальтуса кажется совершенно безспорнымъ. Суть дѣла тутъ, разумѣется, не въ геометрической и ариѳметической прогрессіяхъ, которыя взяты лишь для иллюстраціи, а въ томъ, что стремленію человѣчества къ размноженію нельзя указать предѣловъ, между тѣмъ какъ увеличенію средствъ существованія человѣческаго рода положены, несомнѣнно, предѣлы и, притомъ, довольно узкіе.

Что же слѣдуетъ изъ этихъ столь простыхъ и очевидныхъ посылокъ? Выводъ огромной, потрясающей важности, бросающій совершенно новый и неожиданный свѣтъ на соціальную проблему. Населеніе стремится размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ расти средства къ существованію. Каково бы ни было соціальное устройство, ростъ населенія очень быстро обгонитъ возможное увеличеніе средствъ существованія, если только этотъ ростъ не будетъ задержанъ особыми препятствіями, какъ, напр., пороки, войны, болѣзни, нищета, голодъ, вообще все то, что или дѣлаетъ невозможнымъ деторожденіи, или же убиваетъ человѣка.

Иными словами, пока люди не овладѣютъ своимъ инстинктомъ размноженія, до тѣхъ поръ бѣдность будетъ неизбѣжнымъ удѣломъ большинства населенія. Уничтожая излишніе экземпляры человѣческой породы, для которыхъ на свѣтѣ не находится мѣста, природа лишь воз-

становляетъ равновѣсіе между тенденціей къ неограниченному размноженію населенія и ограниченностью роста средствъ существованія людей.

«Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія; онъ лишній на землѣ... На великомъ житейскомъ пиру нѣтъ для него мѣста». Эта фраза Мальтуса лучше всего характеризуетъ сущность его взглядовъ въ соціальной области. Правда, тирада эта, вызвавшая своею откровенностью взрывъ негодованія противъ автора, имѣется только въ первомъ изданіи «Опыта» и отсутствуетъ въ послѣдующихъ. Но отъ этого она нисколько не утрачиваетъ своего значенія. Вообще, первое изданіе книги Мальтуса, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ работы Годвина, во многомъ отличается отъ послѣдующихъ изданій той же книги. Рѣзкости перваго очерка были сглажены, общій тонъ сдѣланъ менѣе рѣшительнымъ и опредѣленнымъ. Измѣненія коснулись не только частностей, но и очень существеннаго.

Въ первомъ изданіи Мальтусъ признавалъ порокъ или разнаго рода бѣдствія единственными силами, возстановляющими равновѣсіе между знаменитыми прогрессіями. Получалась безотрадная альтернатива—порокъ или нищета признавались неизбѣжнымъ удѣломъ человѣчества. Соціальный пессимизмъ нашелъ въ этомъ воззрѣніи свое наиболѣе яркое выраженіе.

Во второмъ изданіи «Опыта» Мальтусъ призналъ, хотя и со многими оговорками и болѣе для виду, чѣмъ въ серьезъ — дѣйствіе еще одного препятствія чрезмѣрному размноженію населенія: нравственнаго самообузданія человѣка. Какъ разумное существо, человѣкъ предвидитъ послѣдствія своихъ поступковъ, и, чтобы не подвергаться страданіямъ нищеты, можетъ добровольно воздерживаться отъ вступленія въ бракъ и отъ дѣторожденія. Такимъ образомъ, нравственное самообузданіе, порокъ и несчастіе—вотъ три основныхъ силы, ограничивающія размноженіе человѣчества. Двѣ первыхъ силы имѣютъ предупредительный характеръ (предупреждаютъ чрезмѣрное размноженіе), послѣдняя — разрушительный. Предупредительныя и разрушительныя препятствія находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу—чѣмъ слабѣе предупредительныя препятствія, тѣмъ сильнѣе разрушительныя, и обратно.

Легко понять, какое значеніе имѣло для Мальтуса признаніе дѣйствія нравственнаго самообузданія. Альтернатива порока или нищеты исчезаетъ и для человѣчества открывается выходъ для улучшенія своего положенія. Впрочемъ, самъ Мальтусъ относится къ возможности этого выхода съ большимъ скептицизмомъ; съ полнымъ основаніемъ онъ сомнѣвался въ томъ, чтобы масса населенія была способна къ подавленію могучаго инстинкта, вложеннаго въ него природой. Нравственное самообузданіе, какъ сред-

ство избѣгнуть дѣйствія жестокаго закона народо-населенія, явилось для Мальтуса скорѣе лицемѣрной моральной уступкой, къ которымъ Мальтусъ былъ весьма склоненъ. Въ качествѣ духовнаго лица, имѣющаго дѣло съ проникнутымъ ханжествомъ англійскимъ обществомъ, Мальтусъ не могъ удержаться на той безнадежно пессимистической позиціи, которую онъ занялъ вначалѣ. Онъ не могъ заявить, что Творецъ поставилъ человѣчество передъ альтернативой порока или нищеты—и нравственное самообузданіе, въ которое самъ Мальтусъ нисколько не вѣрилъ, явилось превосходнымъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія.

Таково, весьма несложное, содержаніе знаменитаго «закона» Мальтуса. Въ глазахъ Мальтуса законъ этотъ вполнѣ объясняетъ великую проблему бѣдности. Въ предисловіи ко второму изданію своего «Опыта» Мальтусъ говоритъ, что «большею частью этой причинѣ (т.-е. закону народонаселенія) слѣдуетъ приписать какъ нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа во всякой странѣ, такъ и безплодность усилій, употреблявшихся до сихъ поръ высшими классами для облегченія этихъ бѣдствій». «Почти все,—замѣчаетъ Мальтусъ въ IV книгѣ «Опыта»,—что до сихъ поръ предпринималось для облегченія участи бѣдныхъ, стремилось, при содѣйствіи изысканной заботливости, только покрыть непроницаемымъ покровомъ этотъ вопросъ и скрыть отъ несчастныхъ настоящую причину ихъ нищеты. Между тѣмъ какъ заработной платы едва хватаетъ на прокормленіе двухъ дѣтей, работникъ женится и на его рукахъ оказываются пятеро или шестеро. Это повергаетъ его въ безвыходное положеніе. Онъ жалуется на заработную плату, недостаточную для содержанія семейства... онъ уличаетъ въ скаредности богатыхъ, отказывающихся подѣлиться съ нимь своимъ избыткомъ; онъ обвиняетъ общественныя учрежденія въ пристрастіи и несправедливости; онъ обвиняетъ само Провидѣніе, предназначившее ему такую плачевную участь, со всѣхъ сторонъ осаждаемую лишеніями и страданіями... Ему не приходитъ въ голову обратить свои взоры на дѣйствительную причину своихъ страданій. Онъ обвиняетъ самого себя послѣ всѣхъ, а между тѣмъ, на дѣлѣ, онъ одинъ только и достоинъ порицанія». «Народъ долженъ винить, главнымъ образомъ, самого себя въ собственныхъ страданіяхъ». «Главная и непрерывная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имущества; богатые не въ силахъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе; поэтому бѣдные по самой сущности вещей не имѣютъ права требовать отъ нихъ работы и пропитанія: вотъ какія важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія... Если эти истины всюду распространятся... то низшіе классы населенія станутъ болѣе миролюбивы и послушны; они не такъ легко будутъ готовы къ возмущеніямъ... ихъ труднѣе будетъ волновать соблазнительными и поджигательными книжками».

Эти выписки вполнѣ характеризуютъ общественное содержаніе ученія Мальтуса. Мальтусъ хотѣлъ разбить на́-голову не только Годвина, но и всѣхъ другихъ соціальныхъ реформаторовъ настоящаго и будущаго, всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ причину соціальнаго зла не въ бѣднякѣ, изнемогшемъ подъ тяжестью борьбы за существованіе, а въ общественномъ устройствѣ, дѣлающемъ необходимой эту борьбу при столь неравныхъ условіяхъ. И надо признать, что соображенія Мальтуса, снимающія всякую отвѣтственность съ богатыхъ и перелагающія ее цѣликомъ на самихъ бѣдняковъ, были такого свойства, что не могли не производить глубокаго впечатлѣнія. Въ соображеніяхъ этихъ истина такъ искусно переплетена съ ложью, что даже сильный умъ подвергается опасности придти вмѣстѣ съ Мальтусомъ къ выводамъ, несостоятельность которыхъ бьетъ въ глаза.

Мы уже говорили, что ученіе Мальтуса не обладаетъ внутреннимъ единствомъ. Мальтусъ правъ и не правъ, его пресловутый законъ вѣренъ и не вѣренъ. Въ своемъ «Опытѣ» онъ изслѣдуетъ два различныхъ вопроса, доказываетъ двѣ совершенно разныя вещи, не давая себѣ въ этомъ отчета и постоянно путая ихъ. Во первыхъ, Мальтусъ изслѣдуетъ моменты, регулирующіе размноженіе населенія. Свои выводы въ этомъ отношеніи онъ формулируетъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

«1) Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія.

«2) Народонаселеніе неизмѣнно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только не будетъ остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствіями.

«3) Эти препятствія... сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастію».

Вторая задача Мальтуса заключается въ выясненіи проблемы бѣдности, отчего зависитъ бѣдность въ современномъ обществѣ, чѣмъ она вызывается? На это Мальтусъ даетъ категорическій отвѣтъ: преимущественно чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Но, конечно, вопросъ объ условіяхъ размноженія человѣческаго рода и вопросъ о причинахъ бѣдности суть логически два различныхъ вопроса, отвѣты на которыхъ могутъ быть различны. Если и признать, что чрезмѣрное размноженіе должно приводить къ бѣдности—отсюда еще не слѣдуетъ, что та бѣдность, которая исторически сопутствуетъ современному обществу, вызывается именно этой причиной. Чрезмѣрное размноженіе есть лишь одна изъ *возможныхъ*, мыслимыхъ причинъ бѣдности, но есть-ли она *дѣйствительная* причина бѣдности въ современномъ обществѣ? Отвѣтъ на это можетъ быть тотъ или иной, но онъ отнюдь не предрѣшенъ вышеприведенными положеніями Мальтуса о связи размноженія населенія съ запасомъ средствъ существованія.

Итакъ, разсмотримъ обѣ части ученія Мальтуса порознь—его ученіе

о народонаселеніи и ученіе о бѣдности. Первое ученіе формулировано Мальтусомъ въ трехъ вышеприведенныхъ тезисахъ. Можно ли съ ними согласиться?

Первый тезисъ гласитъ, что «населеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія». Трудно представить себѣ, что можно возразить противъ этого тезиса, такъ какъ онъ почти относится къ категоріи тѣхъ, которыя Кантъ называетъ аналитическими, т.-е. такихъ, въ которыхъ только раскрывается содержаніе подлежащаго, но ничего новаго къ тому содержанію не прибавляется. Понятно, что безъ средствъ существованія существованіе невозможно,—врядъ ли кто рѣшится отрицать эту очевидную, но весьма мало плодотворную истину.

Второй и третій тезисы болѣе содержательны. Они заключаютъ въ себѣ все существенно цѣнное въ ученіи Мальтуса. Мальтусъ разсматриваетъ стремленіе человѣчества къ размноженію, какъ стихійную силу, сдерживаемую препятствіями двоякаго рода—предупредительными и разрушительными. Каждый органическій видъ—въ томъ числѣ и люди—обладаетъ тенденціей къ неограниченному размноженію и очень скоро заполнилъ бы землю, если бы его размноженію не полагались внѣшнія препятствія природы. Отсюда вытекаетъ борьба за существованіе между организмами. Теорія Дарвина, по указанію самого автора, возникла какъ обобщеніе на весь органическій міръ ученія Мальтуса относительно законовъ, регулирующихъ размноженіе населенія.

Мы считаемъ это ученіе, въ своей основѣ, совершенно вѣрнымъ. Можно признавать неудачной формулировку, данную Мальтусомъ своему знаменитому закону; это относится въ особенности къ пресловутымъ прогрессіямъ. Ариѳметическая прогрессія увеличенія средствъ существованія есть совершенно произвольное предположеніе Мальтуса, имѣющее за себя не болѣе данныхъ, чѣмъ всякій другой рядъ чиселъ, возрастающихъ не очень быстро. Очевидно, выбирая эту прогрессію, Мальтусъ хотѣлъ дать математическое выраженіе закону падающей производительности почвы, о которомъ намъ придется говорить ниже въ очеркѣ воззрѣній Рикардо. Законъ этотъ является основаніемъ господствующей теоріи земельной ренты и, съ нѣкоторыми ограниченіями, можетъ считаться несомнѣннымъ. Не нужно только забывать, что названный законъ вступаетъ въ дѣйствіе лишь на опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ и что проявленію его препятствуютъ всѣ факторы, повышающіе производительность общественнаго труда. Поэтому ни о какой абстрактно-математической формулировкѣ означеннаго закона не можетъ быть и рѣчи.

Впрочемъ, и для самого Мальтуса ариѳметическая и геометрическая прогрессіи являлись лишь иллюстраціей неизбѣжности конфликта между неограниченнымъ стремленіемъ къ размноженію населенія и ограниченностью средствъ къ существованію. Относительно послѣдняго положенія, т.-е. что средства существованія человѣческаго рода ограничены,

не можетъ быть, конечно, спора. Но слѣдуетъ ли согласиться съ Мальтусомъ, что дѣйствіе инстинкта размноженія не имѣетъ опредѣленныхъ границъ? Цѣлый рядъ авторовъ—въ томъ числѣ и такой геніальный ученый, какъ Спенсеръ—оспаривали это положеніе съ чисто біологической стороны. Спенсеръ построилъ даже особую теорію, согласно которой способность къ размноженію организмовъ находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ ихъ индивидуальнаго развитія. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ размноженію. Поэтому, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію должна падать и въ будущемъ можетъ установиться полное равновѣсіе между ростомъ населенія и средствами существованія, помимо какихъ бы то ни было предупредительныхъ или разрушительныхъ препятствій.

Это можетъ быть вѣрно или невѣрно—судить о томъ, что будетъ черезъ многія сотни лѣтъ, мы не беремся. Какъ біологическая теорія, взглядъ Спенсера не представляетъ собой ничего неправдоподобнаго, хотя еще меньше его можно считать доказаннымъ. Но даже если бы Спенсеръ былъ совершенно правъ, его теорія нисколько не колебала бы закона народонаселенія Мальтуса. Быть можетъ, впослѣдствіи способность къ размноженію человѣческаго рода будутъ ослаблена; но теперь и за все время историческаго существованія человѣчества способность эта была достаточно сильна, чтобы въ нѣсколько столѣтій переполнить земной шаръ; и если этого нѣтъ, если на землѣ много свободнаго мѣста, то лишь потому, что тѣ или иныя силы противодѣйствовали размноженію населенія. Что же это были за силы? Очевидно, онѣ должны были или предшествовать дѣторожденію, или убивать человѣка, т.-е. должны были относиться къ категоріи предупредительныхъ или разрушительныхъ препятствій по терминологіи Мальтуса. Если бы теорія Спенсера была неоспорима, все же она могла бы имѣть значеніе лишь для *будущаго* человѣчества, *настоящее* же и *прошедшее* подчиняется законамъ народонаселенія, указаннымъ Мальтусомъ.

Разсмотримъ теперь ученіе о бѣдности. Бѣдность массы населенія, замѣчаемая у всѣхъ народовъ, какъ у цивилизованныхъ, такъ и нецивилизованныхъ, объясняется, согласно этому ученію, не особенностями соціальнаго устройства, но чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Вытекаетъ ли это ученіе изъ ученія о народонаселенія Мальтуса? Нисколько. *Если* населеніе будетъ размножаться безъ всякихъ задержекъ въ теченіе долгаго времени, то послѣдуетъ бѣдность—это несомнѣнно; но если населеніе бѣдно—значитъ-ли это, что оно чрезмѣрно размножилось? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь особымъ изслѣдованіемъ, и отвѣтъ на него отнюдь не предрѣшается предъидущими положеніями. Чрезмѣрное размноженіе есть лишь одна изъ *возможныхъ* причинъ бѣдности и фактическое изслѣдованіе бѣдности въ извѣстныхъ намъ историческихъ общежитіяхъ человѣчества показываетъ, что дѣйствіе этой причины почти всегда покрывается другими, несравненно

болѣе могущественными причинами. Въ особенности это относится къ современному обществу—капиталистическому, характернѣйшей особенностью котораго является устойчивость бѣдности среди растущаго богатства. Капиталистическое хозяйство страдаетъ не отъ ограниченности производительныхъ силъ, не отъ скудости предметовъ потребленія и орудій производства, а отъ избытка того и другого. Современный аграрный кризисъ, отъ котораго терпятъ лишенія земледѣльческіе классы всего цивилизованнаго міра, вызывается не недостаткомъ хлѣба, а чрезмѣрнымъ обиліемъ его, приводящимъ къ паденію цѣны продукта и общему разстройству денежнаго хозяйства земледѣльца. Если рабочіе не находятъ занятій во время промышленнаго застоя, то отнюдь не вслѣдствіе недостаточности пищи для пропитанія или недостаточности орудій труда, при помощи которыхъ работа могла бы совершаться. И того, и другого больше, чѣмъ надо: земледѣлецъ не знаетъ, куда дѣвать свой хлѣбъ, а машиностроительный фабрикантъ не можетъ найти сбыта для своихъ машинъ. Бѣдность, создаваемая богатствомъ, должна считаться характеристической чертой современнаго хозяйственнаго строя, этимъ именно отличается современная проблема бѣдности отъ бѣдности въ прежнія историческія эпохи. Что же можетъ дать для пониманія этой проблемы ученіе Мальтуса? Ровно ничего—оно совершенно безпомощно передъ ней.

Но даже оставляя въ сторонѣ капиталистическое общество, и въ другихъ историческихъ формахъ общежитія бѣдность весьма рѣдко была слѣдствіемъ чрезмѣрнаго размноженія населенія. Это доказывается лучше всего историческимъ матеріаломъ, приводимымъ самимъ Мальтусомъ въ своемъ «Опытѣ». Мальтусъ описываетъ многочисленные примѣры крайней бѣдности населенія среди изобилія даровъ природы; бѣдность вызывается въ этихъ случаяхъ или неумѣньемъ человѣка пользоваться силами природы, или захватомъ незначительной частью населенія, принадлежащею къ привилегированнымъ правящимъ классамъ общества, тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыхъ не хватаетъ большинству. Вообще, бѣдность фигурируетъ въ описательной части «Опыта» Мальтуса почти всегда въ качествѣ *причины*, препятствующей размноженію населенія, но не въ качествѣ *слѣдствія* этого размноженія. Поэтому, собственныя историческія и статистическія изслѣдованія Мальтуса, иллюстрируя его *ученіе о населеніи*, показывая, какимъ образомъ бѣдность вліяетъ на численность населенія, въ то же время опрокидываютъ *его ученіе о бѣдности*, доказывая несостоятельность его взгляда, по которому причина бѣдности заключается не въ особенностяхъ соціальнаго устройства, а въ ходѣ размноженія населенія.

Инородческое населеніе Сибири находится въ крайней бѣдности и быстро вымираетъ. Можно ли сказать, что бѣдность инородцевъ обусловливается ихъ чрезмѣрной численностью? Если бы это было такъ, то по мѣрѣ сокращенія числа инородцевъ ихъ благосостояніе росло бы.

На самомъ же дѣлѣ наблюдается обратное: и вымираніе, и обѣднѣніе инородцевъ идутъ все въ возрастающей прогрессіи. Другимъ аналогичнымъ примѣромъ, приводимымъ Марксомъ въ I томѣ «Капитала», является Ирландія, огромное сокращеніе населенія которой нисколько не увеличило благосостоянія народа. Обѣднѣніе народной массы въ Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія было вызвано вполнѣ опредѣленными соціальными причинами; когда эти причины перестали дѣйствовать, экономическое положеніе рабочаго класса стало улучшаться, хотя размноженіе населенія не прекратилось.

Ложное ученіе о бѣдности, извлеченное Мальтусомъ изъ его истиннаго, въ своихъ основахъ, ученія о населеніи, находилось въ несомнѣнной связи съ соціальными симпатіями автора. Мальтусъ былъ однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ защитниковъ классовыхъ интересовъ—интересовъ земельной аристократіи. Его работа возникла на почвѣ соціальныхъ антагонизмовъ; придумывая аргументы противъ воззрѣній, колебавшихъ основы дорогого ему соціальнаго устройства, Мальтусъ наталкивается на поразившую его мысль о законахъ, управляющихъ размноженіемъ населенія. Быстро оцѣнивъ значеніе этихъ новыхъ соображеній, онъ спѣшитъ воспользоваться ими, какъ оружіемъ противъ своихъ политическихъ противниковъ. Чистая наука попала въ свалку общественной борьбы; и какъ всегда бываетъ, теоретическая мысль осложнилась въ этой свалкѣ столькими посторонними практическими соображеніями, что въ общественномъ сознаніи эти послѣднія совершенно скрыли теоретическую основу ученія. Врядъ ли существуетъ писатель, вызвавшій столько ненависти къ себѣ, какъ Мальтусъ, и мы не можемъ не считать эту ненависть вполнѣ заслуженной. Ибо Мальтусъ не былъ чистымъ ученымъ; онъ выступилъ въ роли борца за опредѣленные соціальные интересы и проявилъ готовность жертвовать ради этихъ интересовъ самыми святыми и высокими чувствами человѣка. Мы видѣли, что, по взглядамъ Мальтуса, никто не виновенъ въ лишеніяхъ бѣдняка, кромѣ самого бѣдняка; отсюда естественно вытекало холодное, безучастное отношеніе къ страданіямъ личности. И дѣйствительно, никто не проповѣдывалъ бездушія и эгоизма съ такой откровенностью, можно сказать съ такимъ цинизмомъ, какъ Мальтусъ. Эгоизмъ получалъ въ ученіи Мальтуса научную санкцію; если частная благотворительность и допускалась Мальтусомъ на словахъ, то для всякаго добросовѣстнаго читателя было очевидно, что Мальтусъ дѣлаетъ въ данномъ случаѣ лицемѣрную уступку общественному мнѣнію, не имѣя нравственнаго мужества признать естественные выводы своихъ посылокъ. Впрочемъ, и въ томъ, что говоритъ Мальтусъ, имѣется достаточно матеріала для характеристики безсердечнаго духа проникающаго въ его ученіе. Такъ, во многихъ мѣстахъ своего «Опыта» Мальтусъ предостерегаетъ отъ «слишкомъ щедрой» помощи страдающимъ отъ нужды. Умирающія

отъ голода дѣти не заслуживаютъ въ его глазахъ заботы государства, ибо «для общества одинъ ребенокъ легко замѣнится другимъ». «Отвѣтственность дѣтей—замѣчаетъ Мальтусъ—нисколько не виновныхъ въ дурномъ поведеніи отца семейства, быть можетъ, покажется слишкомъ жестокой. Но это опять одинъ изъ неизмѣнныхъ законовъ природы и слѣдуетъ нѣсколько разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на систематическое противодѣйствіе ему». Такого рода тирады, приправляемыя ссылками на добродѣтель и Провидѣніе (и въ данномъ случаѣ Мальтусъ опирается на слова Библіи о наказаніи дѣтей за грѣхи отцовъ), достаточно оправдываютъ чувство негодованія, съ которымъ люди съ сердцемъ и душой отнеслись къ проповѣди Мальтуса.

Отрицая полезность радикальныхъ мѣръ, предлагавшихся Годвиномъ и другими утопистами, Мальтусъ тѣмъ энергичнѣе настаивалъ на реформѣ, не менѣе радикальной въ своемъ родѣ, всѣ выгоды которой должны были бы однако достаться тому общественному классу, представителемъ котораго онъ являлся — земельной аристократіи. А именно, Мальтусъ выступилъ энергичнымъ противникомъ такъ называемыхъ «законовъ о бѣдныхъ»—стариннаго Елизаветинскаго законодательства, согласно которому приходы были обязаны содержать на счетъ сборовъ съ мѣстной недвижимой собственности всѣхъ лицъ, неспособныхъ къ прокормленію собственными средствами. Мы приводили выше данныя о быстромъ возрастаніи въ Англіи расходовъ на содержаніе бѣдныхъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Такъ какъ расходы эти ложились, главнымъ образомъ, на землевладѣльцевъ, то понятно, что землевладѣльцы были крайне заинтересованы въ отмѣнѣ законовъ о бѣдныхъ. Несмотря на то, что законы эти существовали въ теченіе столѣтій и совершенно вошли въ сознаніе англійскаго народа, столь консервативный писатель, какъ Мальтусъ, не побоялся предложить столь рѣшительную мѣру, какъ совершенный отказъ государства отъ какой бы то ни было помощи бѣднымъ. Государство должно, по его мнѣнію, открыто заявить, что оно не признаетъ ни за кѣмъ *права* содержаться на общественный счетъ; съ этою цѣлью могъ бы быть изданъ законъ, согласно которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано всѣмъ дѣтямъ, родившимся послѣ обнародованія закона. Такимъ образомъ, постепенно расходы на содержаніе бѣдныхъ станутъ сокращаться и наконецъ совсѣмъ исчезнутъ; землевладѣльцы избавятся отъ лежащаго на нихъ бремени—содержанія своихъ неимущихъ согражданъ.

Отмѣна законовъ о бѣдныхъ была важнѣйшимъ пунктомъ соціальной программы Мальтуса. Классовой характеръ этого требованія очевиденъ. Тѣ же интересы защищались Мальтусомъ и въ другихъ частяхъ его программы. Такъ, будучи, въ общемъ, вѣрнымъ послѣдователемъ Смита, Мальтусъ рѣзко расходится со своимъ учителемъ по

такому существенному вопросу, какъ вопросъ о свободѣ торговли. Мы видѣли, что Смитъ былъ сторонникомъ свободы торговли безъ всякихъ ограниченій. Мальтусъ также признаетъ свободу торговли идеаломъ торговой политики; но пока, для переживаемой исторической эпохи, онъ требуетъ одного изъятія изъ общаго правила свободной торговли: торговля хлѣбомъ не должна быть свободна—національное земледѣліе должно быть ограждено отъ соперничества иностраннаго хлѣба высокими пошлинами. Чтобы понять значеніе этого отступленія Мальтуса отъ основного ученія Смитовской школы, нужно имѣть въ виду, что послѣ окончанія войны съ Франціей въ Англіи были установлены, въ интересахъ англійскихъ землевладѣльцевъ, огромныя пошлины на иностранный хлѣбъ. Борьба изъ за свободы торговли велась главнымъ образомъ на этой почвѣ: англійская промышленность не нуждалась въ таможенной охранѣ, но англійское земледѣліе имѣло полное основаніе опасаться иностранной конкуренціи. Протекціонизмъ имѣлъ въ Англіи преимущественно аграрный характеръ и защитникомъ этого протекціонизма выступилъ такой выдающійся ученикъ Смита, какъ Мальтусъ. Очевидно, интересы землевладѣльческаго класса были въ вопросахъ практической политики аріадниной нитью Мальтуса.

Въ томъ же смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ выясненія классовой окраски ученія Мальтуса, весьма характерно, что Мальтусъ рѣзко разошелся со школой Смита и по другому пункту—по вопросу о фабричномъ законодательствѣ. Господствовавшая школа политической экономіи сдѣлала въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка все возможное, чтобы затормозить изданіе фабричныхъ законовъ, охранявшихъ трудъ женщинъ и дѣтей. Оппозиція эта вызывалась понятной причиной: фабриканты были противъ фабричныхъ законовъ, а за нами шли и ихъ друзья—экономисты школы Смита. Только одинъ Мальтусъ, со стороны котораго, казалось бы, труднѣе всего было ожидать сочувствія государственному вмѣшательству въ интересахъ рабочаго класса, высказался за фабричные законы. Но странная непослѣдовательность Мальтуса становится совершенно понятной, если имѣть въ виду соціальныя отношенія его времени. Земельная аристократія и торговопромышленная буржуазія были въ Англіи борющимися классами въ теченіе всей первой половины XIX вѣка. Эта борьба оставила глубочайшій слѣдъ во всемъ соціальномъ законодательствѣ Англіи. Борьба велась изъ-за политическаго и экономическаго преобладанія того и другого класса. Хлѣбные законы, фабричные законы и парламентская реформа являлись важнѣйшими предметами этой борьбы. Фабричные законы были лучшимъ козыремъ въ политической игрѣ землевладѣльцевъ — на всѣ доказательства гибельности хлѣбныхъ пошлинъ для народнаго благосостоянія, землевладѣльцы отвѣчали ссылкой на эксплуатацію труда на фабрикахъ. Вполнѣ естественно, что Мальтусъ, въ качествѣ пред-

ставителя землевладѣльческаго класса, занялъ по вопросу о фабричныхъ законахъ позицію, опредѣленную землевладѣльческими интересами.

Итакъ, на примѣрѣ Мальтуса мы видимъ, что политической экономіи не удалось сохранить послѣ Смита того нейтральнаго отношенія къ классовой борьбѣ, которое такъ своеобразно характеризуетъ позицію Смита. Экономическія ученія приняли въ XIX вѣкѣ вполнѣ опредѣленную классовую окраску—благодаря большей классовой диференцированности общества. То же самое мы увидимъ и на примѣрѣ другого, гораздо болѣе замѣчательнаго ученика Смита—Рикардо.

II.

Д. Рикардо.

Давидъ Рикардо (1772—1823) занимаетъ совершенно особое мѣсто въ исторіи экономической науки. Родомъ голландскій еврей, не получившій никакого систематическаго образованія, искусный биржевой дѣлецъ, быстро нажившій удачными спекуляціями огромное состояніе, онъ оказалъ такое вліяніе на развитіе политической экономіи, какъ ни одинъ другой писатель послѣ Смита. Наведенный на изслѣдованія экономическихъ законовъ чисто-практическими соображеніями, онъ создалъ абстрактную теорію, которая на долгое время совершенно вытѣснила наблюденіе изъ области научнаго изученія хозяйственныхъ явленій. Будучи типичнымъ представителемъ интересовъ капиталистическаго класса, онъ въ то же время больше, чѣмъ кто-либо другой изъ не соціалистовъ содѣйствовалъ развитію научной теоріи соціализма. Вліяніе Рикардо почувствовалось во всѣхъ сферахъ экономической мысли; трудно сказать, какая экономическая школа въ большей мѣрѣ обязана Рикардо, ибо всѣ онѣ заимствовали существенные элементы своихъ системъ изъ воззрѣній Рикардо. И даже враги Рикардо должны были, противъ своей воли, слѣдовать указаннымъ имъ путемъ. Одно время, подъ вліяніемъ такъ называемой исторической школы политической экономіи, сдѣлалось модой отрицать значеніе Рикардо. Но лучшимъ опроверженіемъ этихъ нападокъ на величайшаго теоретика экономической науки могутъ служить собственныя работы его порицателей. Если отбросить въ ходячихъ учебникахъ и курсахъ политической экономіи исторической школы загромождающій ихъ описательный и историческій матеріалъ, то все наиболѣе существенное въ области теоріи окажется заимствованнымъ у Рикардо. Всѣ теоретическія нововведенія сведутся къ скромнымъ размѣрамъ ограниченій основныхъ положеній Рикардо.

Интересна біографія Рикардо. Сынъ банкира еврея, переселившагося въ Лондонъ изъ Голландіи, онъ не получилъ никакого систематическаго образованія. Уже съ 14-ти лѣтъ Рикардо начинаетъ заниматься

Мальтусъ.

Рикардо.

биржевыми операціями, что, разумѣется, указываетъ на быстрое и преждевременное умственное развитіе. Но какое странное примѣненіе находитъ эта столь рано созрѣвшая умственная сила! Биржа—вотъ тотъ храмъ науки, гдѣ получаетъ воспитаніе великій экономистъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ молодой Рикардо дѣлаетъ рѣшительный шагъ, который грозитъ лишить его всякихъ средствъ къ жизни: онъ принимаетъ христіанскую религію и порываетъ, поэтому, всякія связи со своимъ убѣжденнымъ евреемъ-отцомъ. Почти мальчикъ, безъ посторонней помощи, безъ руководительства, безъ денегъ, онъ дѣлается биржевымъ маклеромъ и принимается за биржевыя спекуляціи. Конечно, никогда биржа не видѣла на своей службѣ болѣе благородную умственную силу. Могучій мыслитель въ роли биржевого дѣльца—такія зрѣлища не часто представляетъ исторія. И биржа оказалась благосклонной къ своему самому великому служителю. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ Рикардо пріобрѣтаетъ огромное богатство, къ 25 годамъ онъ уже милліонеръ, уже одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ банкировъ Лондона. Но здѣсь и сказывается, что Рикардо былъ созданъ изъ иного матеріала, чѣмъ биржевые дѣльцы. Послѣ такихъ блистательныхъ успѣховъ, въ виду еще болѣе грандіозныхъ перспективъ того же рода впереди, Рикардо внезапно охладѣваетъ къ наживѣ. Его перестаетъ интересовать шумный и низменный міръ, въ которомъ онъ выросъ и вращался. Онъ ликвидируетъ свои дѣла, пріобрѣтаетъ себѣ помѣстье и начинаетъ знакомиться съ научной литературой; сперва его привлекаетъ математика, затѣмъ онъ заинтересовывается химіей и зоологіей. Окончательный выборъ его останавливается на политической экономіи, причемъ рѣшающую роль сыграло чтеніе «Богатства народовъ». Такому сильному логику, какъ Рикардо, было не трудно замѣтить логическіе промахи Смита, общая система котораго была воспринята Рикардо. Желая исправить очевидные недочеты этой системы, Рикардо пришелъ къ построенію своей собственной теоріи, отличительной чертой которой была необыкновенная ясность мысли и логическое изящество выраженія послѣдней. Какъ логическій умъ, Рикардо не знаетъ себѣ соперника въ экономической литературѣ. По количеству, его литературная дѣятельность была мало производительна: всѣ его литературные труды образуютъ собой небольшой томъ, большую часть котораго занимаютъ полемическіе памфлеты по вопросамъ денежнаго обращенія, почти не представляющіе теперь интереса. Но по своему значенію въ исторіи экономической науки главная работа Рикардо «Начала политической экономіи и налоговъ» (1817 г.) можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлена рядомъ съ «Богатствомъ народовъ» Адама Смита.

Въ этой работѣ Рикардо далъ общій очеркъ теоріи политической экономіи; современная наука ввела существенныя измѣненія во многія положенія Рикардо, но въ своихъ основныхъ чертахъ, послѣднія и до

нынѣ образуютъ собой то, что обыкновенно называютъ наукой о народномъ хозяйствѣ. Единственнымъ крупнымъ успѣхомъ въ области теоріи политической экономіи послѣ Рикардо можно считать новую теорію цѣнности, выдвинутую въ 70-хъ и 80-хъ годахъ рядомъ ученыхъ и пользующуюся теперь почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ: мы имѣемъ въ виду такъ называемую теорію предѣльной полезности, о которой у насъ будетъ рѣчь впереди. Вообще можно думать, что мы теперь находимся наканунѣ полной перестройки теоретическаго зданія политической экономіи. Но это дѣло будущаго—закончившійся же XIX вѣкъ въ области экономической науки можетъ быть названъ вѣкомъ Рикардо. Самый вліятельный экономическій теоретикъ второй половины истекшаго вѣка—Карлъ Марксъ—прибавилъ мало существенно новаго къ теоріи Рикардо и долженъ считаться вѣрнымъ ученикомъ послѣдняго. Конечно, это относится лишь къ общей экономической теоріи Маркса, ибо, какъ соціологъ, Марксъ совершенно независимъ отъ Рикардо и стоитъ несравненно выше послѣдняго. Но объ этомъ также послѣ.

Краеугольнымъ камнемъ экономической системы Рикардо является его ученіе о цѣнности. Мѣновая цѣнность (т.-е. средняя пропорція, въ которой обмѣниваются продукты) свободно воспроизводимыхъ товаровъ устанавливается затраченнымъ на производство этихъ товаровъ трудомъ. Это положеніе Рикардо отнюдь не представляетъ собой великаго научнаго открытія, каковымъ его склонны считать многіе. Если даже признавать названное положеніе, съ ограниченіями, указанными самимъ Рикардо, правильнымъ, все же оно слишкомъ банально, чтобы быть научнымъ открытіемъ. Что мѣновыя пропорціи товаровъ имѣютъ извѣстное соотношеніе со стоимостью производства, а слѣдовательно и съ трудомъ — честь открытія этой истины не можетъ быть приписана никакому отдѣльному экономисту, ибо она была всегда всѣмъ извѣстна. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ элементарныхъ выводовъ изъ повседневнаго хозяйственнаго опыта, безъ которыхъ самое хозяйство было бы немыслимо. Такъ какъ хозяйство представляетъ собою планомѣрную и разумную дѣятельность человѣка, то знаніе основныхъ и простѣйшихъ соотношеній между хозяйственными элементами должно считаться существеннымъ условіемъ возможности самого хозяйственнаго процесса. Утверждая, что цѣнность большей части товаровъ регулируется трудомъ, Рикардо не сказалъ ничего новаго сравнительно съ болѣе ранними экономистами, которымъ эта мысль была знакома не менѣе, чѣмъ Рикардо. Нужно имѣть при этомъ въ виду, что съ точки зрѣнія Рикардо трудъ регулируетъ во 1-хъ цѣнность только части товаровъ, а именно, свободно возпроизводимыхъ (цѣнность всѣхъ продуктовъ, количество которыхъ *не* можетъ быть увеличено въ желаемыхъ размѣрахъ, зависитъ, по словамъ Рикардо, исключительно отъ ихъ рѣдкости); во-2-хъ, что трудъ

является регуляторомъ лишь среднихъ, а отнюдь не рыночныхъ, индивидуальныхъ товарныхъ цѣнъ, и въ-3-хъ, что даже по отношенію къ среднимъ цѣнамъ свободно воспроизводимыхъ товаровъ трудъ есть важнѣйшій, но отнюдь не единственный регуляторъ. Участіе въ производствѣ капитала «значительно видоизмѣняетъ—по словамъ Рикардо начало, по которому относительная цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство». Допустимъ, напримѣръ, что два капиталиста затрачиваютъ на производство двухъ различныхъ товаровъ капиталы равной цѣнности, но оборачивающіеся съ различной быстротой; капиталъ перваго капиталиста оборачивается въ одинъ годъ, а второго—въ нѣсколько лѣтъ. Если бы товары обоихъ капиталистовъ имѣли одинаковую цѣнность, то годовая прибыль перваго капиталиста была бы въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ второго (ибо второй капиталистъ реализировалъ бы въ нѣсколько лѣтъ такую же самую прибыль, которую первый реализировалъ въ одинъ годъ). Различіе процента прибыли повело бы къ перемѣщенію капитала изъ второго, менѣе выгоднаго рода производства въ первый. Предложеніе товаровъ перваго рода должно было бы возрасти, а товаровъ второго рода—упасть. По общему закону спроса и предложенія это повело бы къ паденію цѣнности товаровъ перваго рода и повышенію цѣнности товаровъ второго рода. Иными словами, цѣнности обоихъ товаровъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ не могутъ быть равны, хотя на производство ихъ затрачены равные капиталы и равное количество труда: различіе скорости оборота капитала вліяетъ на цѣнность продукта независимо отъ трудовой стоимости производства послѣдняго.

Таково ученіе о цѣнности Рикардо. Для многихъ права Рикардо на благодарность потомства основываются на томъ, что Рикардо якобы первый провозгласилъ, что цѣнность создается исключительно трудомъ. Но, во-первыхъ, это невѣрно. Какъ мы видѣли, Рикардо говоритъ о двухъ основныхъ источникахъ цѣнности: 1) трудѣ и 2) рѣдкости. Сверхъ этого Рикардо допускаетъ и цѣлый рядъ другихъ ограниченій общаго правила о соотвѣтствіи цѣнности съ трудовыми затратами, Такъ что признавать Рикардо создателемъ ученія, по которому мѣновая цѣнность опредѣляется только трудомъ—значитъ обнаруживать малое знакомство съ Рикардо.

Во вторыхъ, о связи цѣнности съ трудовыми затратами говорятъ многіе писатели задолго до Рикардо. Такъ, остроумный англійскій экономистъ конца XVII столѣтія—Вилльямъ Петти—формулируетъ это ученіе не менѣе ясно, чѣмъ Рикардо. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка та же мысль высказывается вполнѣ опредѣленно Франклиномъ. У предшественника Смита Стеарта и французскаго писателя Кантильона мы встѣчаемъ то же объясненіе цѣнности. Ученіе Смита о цѣнности страдаетъ спутанностью и неопредѣленностью, которая вообще отличаетъ мысль Смита. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что такой

труизмъ, какъ зависимость среднихъ цѣнъ товаровъ отъ стоимости ихъ производства, а слѣдовательно, и отъ труда, хорошо знакомъ Смиту, какъ, повторяемъ, и всякому экономисту, когда либо задумывавшемуся надъ вопросомъ о факторахъ, регулирующихъ цѣны товаровъ.

Оригинальность Рикардо заключалась не въ томъ, что онъ призналъ связь между трудовою стоимостью и цѣнностью, а въ томъ, что онъ положилъ трудовую теорію цѣнности въ основаніе ученія о распредѣленіи. Ученіе о распредѣленіи, какъ мы указывали, было и остается главнымъ предметомъ изслѣдованія политической экономіи послѣ Смита. «Опредѣлить законы, регулирующіе распредѣленіе, составляетъ главную задачу политической экономіи», говоритъ Рикардо въ предисловіи къ своимъ «Началамъ политической экономіи». У предшественниковъ Рикардо ученіе о распредѣленіи не находилось ни въ какой связи съ ученіемъ о цѣнности. Рикардо слилъ оба эти ученія въ одно нераздѣльное цѣлое.

Къ трудовой теоріи цѣнности не только русскій читатель относится съ своего рода мистическимъ чувствомъ. Она является для многихъ чѣмъ-то завѣтнымъ и дорогимъ, какъ бы принципомъ справедливости къ трудящимся. Только этимъ и можно объяснить ту странность, которая и понынѣ неизмѣнно отличаетъ споры о такомъ, казалось бы, абстрактномъ предметѣ, какъ цѣнность. Страстность эта объясняется вполнѣ понятными причинами. Для огромнаго большинства сторонниковъ трудовой теоріи цѣнности она служитъ научнымъ обоснованіемъ этически правового требованія первенствующей важности— права рабочихъ на весь продуктъ производства. Правда, Энгельсъ предупреждалъ отъ выводовъ подобнаго рода. Такіе выводы равносильны, справедливо замѣчаетъ Энгельсъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Das Elend der Philosophie» Маркса, смѣшиванію этики съ политической экономіей; «по законамъ буржуазной экономіи большая часть продукта *не* принадлежитъ произведшимъ его рабочимъ. Если мы говоримъ—это несправедливо, этого не должно быть, то все это не касается экономіи. Мы выражаемъ только, что данный экономическій фактъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству». Однако, несмотря на предупрежденіе Энгельса, не только въ общественномъ сознаніи трудовая теорія цѣнности понимается какъ обосновка права рабочихъ на полную выручку ихъ труда, но, какъ мы увидимъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ «Очерковъ», и самъ Энгельсъ, вмѣстѣ съ Марксомъ, повиненъ въ томъ же самомъ грѣхѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Рикардо былъ совершенно чуждъ такого этическаго пониманія трудовой теоріи цѣнности. Если Рикардо строитъ свою теорію распредѣленія на трудовой теоріи, то лишь по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ методологическаго свойства. Распредѣленіе общественнаго продукта между различными классами обще-

ства совершается при посредствѣ цѣнности—каждому классу достается опредѣленная доля цѣнности продукта въ видѣ заработной платы, прибыли или ренты. Важнѣйшимъ (но не единственнымъ) факторомъ цѣнности является трудъ. Для простоты изслѣдованія можно принять, отвлекаясь отъ второстепенныхъ факторовъ цѣнности, что цѣнность пропорціональна труду, затраченному на производство продукта; къ аналогичному методу прибѣгаетъ механика, изучая движеніе тѣла въ безвоздушномъ пространствѣ, хотя сопротивленіе воздуха сопутствуетъ каждому движенію въ воздушной средѣ. Въ такомъ случаѣ ученіе о распредѣленіи сведется къ изслѣдованію пропорцій, въ которыхъ создаваемая въ процессѣ производства трудовая цѣнность распредѣляется между общественными классами, принимающими тѣмъ или инымъ способомъ участіе въ производствѣ. Изученіемъ этихъ пропорцій и занятъ Рикардо. Трудовая теорія цѣнности представляетъ для Рикардо не болѣе, какъ методологическое допущеніе, условное значеніе котораго вполнѣ сознается имъ. Онъ отнюдь не утверждаетъ, будто цѣнность создается *только* трудомъ; но, изучая законы распредѣленія цѣнности, онъ считаетъ удобнымъ свести цѣнность къ какому либо простому началу, и таковымъ онъ признаетъ человѣческій трудъ. Во всякомъ случаѣ, Рикардо совершенно чуждъ мысли, будто цѣнность, реально, есть не что иное, какъ трудъ, вложенный рабочимъ въ предметъ труда.

Допустивъ, что цѣнность продукта пропорціональна затраченной на его производство работѣ, Рикардо приступаетъ къ изученію законовъ, регулирующихъ распредѣленіе этой цѣнности между различными классами населенія. Остановимся прежде всего на распредѣленіи цѣнности между капиталистами—владѣльцами созданныхъ человѣкомъ средствъ производства—и рабочими. Доходъ первыхъ—есть прибыль, доходъ вторыхъ—заработная плата. Такъ какъ подлежащая распредѣленію цѣнность представляется, съ точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности, ничѣмъ инымъ, какъ трудомъ, вложеннымъ рабочимъ въ предметъ труда, то ясно, что капиталисты не могутъ ничего прибавить къ этой цѣнности. Прибыль и заработная плата суть слѣдовательно, доли, на которыя распадается цѣнность, созданная арбочимъ. Рикардо нисколько не интересуется вопросомъ, по какому праву капиталисты получаютъ свою долю въ общемъ продуктѣ труда. Полученіе прибыли капиталистомъ есть для него реальный фактъ, происхожденіе котораго онъ не изслѣдуетъ. Все вниманіе Рикардо сосредоточено на изученіи *пропорцій*, въ которыхъ распредѣляется общественный продуктъ.

Итакъ, отчего зависитъ высота прибыли? Прибыль есть доля капиталистовъ въ общемъ трудовомъ продуктѣ; эта доля должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ выше доля рабочихъ. Такимъ образомъ, Рикардо приходитъ къ выводу, что высота прибыли находится въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ, какъ долѣ рабочихъ въ трудовомъ продуктѣ.

Это теоретическое положеніе было равносильно признанію наличности коренного, неустранимаго антагонизма интересовъ труда и капитала. Классовая борьба рабочихъ и капиталистовъ получала научную обосновку. Всякое повышеніе прибыли равносильно пониженію заработной платы, всякій выигрышъ рабочаго равносиленъ потерѣ капиталиста—такова доктрина Рикардо, высказанная имъ прямо и рѣзко, безъ всякихъ фиговыхъ листковъ, безъ всякихъ попытокъ ослабить ея грозное значеніе сентиментальными и лицемѣрными соображеніями моральнаго свойства, до которыхъ былъ такой охотникъ Мальтусъ.

Прибыль находится, такимъ образомъ, въ тѣсной обратной зависимости отъ заработной платы. Заработная плата, въ свою очередь есть нечто иное, какъ цѣна рабочей силы. Какъ и всякая другая цѣна, заработная плата можетъ подниматься и падать подъ вліяніемъ колебаній спроса и предложенія. Но существуетъ для каждой страны одинъ общій уровень, къ которому тяготѣетъ заработная плата. Этотъ уровень Рикардо называетъ «естественной цѣной труда». «Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія». Она различна въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ различія привычекъ и образа жизни рабочихъ; то, что въ однѣхъ странахъ считается роскошью, составляетъ въ другихъ необходимую принадлежность жизни, безъ которой рабочіе не могутъ обойтись. Рыночная цѣна труда не можетъ на долгое время разойтись съ естественной, такъ какъ если рыночная цѣна повысится сравнительно съ естественной, то увеличеніе благосостоянія рабочихъ поведетъ къ усиленному размноженію населенія; предложеніе рабочихъ рукъ возрастетъ и рыночная заработная плата понизится до уровня естественной. Если же рыночная заработная плата упадетъ ниже естественной, то вымираніе населенія поведетъ къ сокращенію предложенія труда и повышенію цѣны послѣдняго.

Такимъ образомъ, естественная заработная плата есть тотъ центръ, вокругъ котораго колеблется рыночная цѣна труда. Выраженная въ деньгахъ, естественная плата труда должна измѣняться въ зависимости отъ цѣны предметовъ потребленія рабочаго класса. Чѣмъ выше цѣна предметовъ этого рода, тѣмъ выше должна быть и денежная плата рабочаго.

Выраженная въ предметахъ потребленія (а не въ деньгахъ), естественная плата мало измѣняется во времени для каждой отдѣльной страны. Рикардо не высказывается вполнѣ опредѣленно по чрезвычайно важному вопросу—повышается или понижается естественная плата (въ своемъ потребительномъ значеніи) по мѣрѣ прогресса общества. Но нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія его звучатъ такъ, какъ если бы онъ совершенно не вѣрилъ въ возможность такого по-

вышенія, иначе говоря, улучшенія экономическаго положенія рабочаго класса. Въ данной области Рикардо вполнѣ раздѣлялъ взгляды Мальтуса, оказавшаго на него могущественное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ.

Ученіе Рикардо объ устойчивости естественной заработной платы было впослѣдствіи воспринято Лассалемъ и провозглашено послѣднимъ «желѣзнымъ закономъ заработной платы». Законъ этотъ гласитъ, по мнѣнію Лассаля, что какія бы усилія ни употребляли рабочіе для улучшенія своего экономическаго положенія, усилія, эти при господствѣ капиталистическаго строя, должны остаться тщетными, ибо законы конкуренціи неизбѣжно сводятъ заработную плату къ минимуму средствъ существованія.

Хотя Рикардо и не формулировалъ своего ученія въ такой категорической формѣ, какъ это сдѣлалъ Лассаль, все же нельзя не признать формулировку Лассаля соотвѣтствующей духу воззрѣній Рикардо. Современные факты начала вѣка давали, повидимому, полное подтвержденіе этому пессимистическому ученію, которое для Рикардо имѣло еще болѣе мрачный смыслъ, чѣмъ для Лассаля, ибо Рикардо не зналъ никакого иного общественнаго строя, кромѣ капиталистическаго.

Кромѣ капиталистовъ, есть еще другой общественный классъ, не принимающій участія въ работѣ и тѣмъ не менѣе пользующійся долей въ общественномъ продуктѣ—классъ землевладѣльцевъ. Какъ прибыль есть доходъ капиталистовъ, заработная плата—рабочихъ, такъ земельная рента (т.-е. плата за пользованіе землей) есть доходъ землевладѣльцевъ. Изъ какихъ же источниковъ уплачивается рента? Мы видѣли, что трудовая цѣнность, создаваемая рабочимъ въ процессѣ производства, распредѣляется между рабочимъ и капиталистомъ. Никакого избытка въ пользу землевладѣльца, повидимому, не остается, между тѣмъ землевладѣлецъ исправно получаетъ свою ренту.

Рента схожа съ прибылью тѣмъ, что обѣ онѣ суть формы нетрудового дохода; и рента, и прибыль получаются путемъ *вычета* въ пользу собственниковъ земли или капитала части трудовой цѣнности общественнаго продукта. И капиталистъ, и землевладѣлецъ не создастъ никакой новой цѣнности, въ противоположность рабочему, заработная плата котораго есть нечто иное, какъ часть цѣнности, созданной имъ же самимъ.

Но, съ другой стороны, рента противоположна прибыли въ томъ отношеніи, что высота прибыли непосредственно опредѣляется высотой заработной платы. Прибыль и заработная плата суть двѣ антагонистическія формы дохода. Никакого антагонизма между заработной платой и рентой не существуетъ. Если бы заработная плата поднялась такъ высоко, что совершенно поглотила бы прибыль, рента не потерпѣла бы никакой перемѣны. Рента вполнѣ независима какъ отъ

прибыли, такъ и отъ заработной платы и подчиняется своимъ особымъ законамъ.

Основаніемъ ренты является естественное и неизбѣжное неравенство различныхъ источниковъ производительной силы природы. Такъ, земельные участки различаются по степени своего плодородія. Одинаковое количество труда, приложенное къ почвѣ неодинаковаго качества, поведетъ къ производству неодинаковаго количества хлѣба. На болѣе плодородной почвѣ то же количество труда дастъ болѣе хлѣба, чѣмъ на почвѣ худшаго качества. Если спросъ на хлѣбѣ такъ великъ, что нельзя довольствоваться обработкой однихъ лучшихъ участковъ, то подъ обработку попадутъ и худшіе участки. А такъ какъ цѣна хлѣба будетъ одна и та же, на какой бы землѣ хлѣбъ ни производился, то различіе урожайности хлѣба на разныхъ участкахъ будетъ сопровождаться и различіемъ денежной выручки съ каждаго участка. При этомъ цѣна хлѣба будетъ регулироваться стоимостью производства его на самомъ худшемъ изъ обрабатываемыхъ участковъ по очень простой причинѣ: чтобы обработка этого участка не прекратилась, денежная выручка съ послѣдняго должна окупить съ обычной прибылью затраченный на обработку капиталъ, для чего, въ свою очередь, требуется, чтобы цѣна хлѣба достигла соотвѣтствующей высоты. Поэтому цѣна хлѣба должна быть такова, чтобы производство его на наихудшемъ изъ участковъ, подпадающемъ обработкѣ, давало какъ разъ обычную прибыль на затраченный капиталъ.

Итакъ, денежная выручка съ участковъ различнаго плодородія будетъ различна, причемъ на наихудшемъ изъ участковъ выручка эта будетъ только покрывать съ обычной прибылью вложенный капиталъ. На лучшихъ участкахъ капиталъ будетъ приносить, слѣдовательно, нѣкоторый избыточный доходъ, который будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше плодородіе участка. Кому же достанется этотъ избыточный доходъ? Очевидно, не арендатору земельнаго участка, такъ какъ если бы земельные собственники отдавали лучшія участки за такую же плату, какъ и худшіе, то всѣ брали бы въ аренду только первые. Слѣдовательно, избыточный доходъ съ лучшихъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, земельныхъ участковъ долженъ достаться никому иному, какъ землевладѣльцамъ. Доходъ этотъ и составляетъ земельную ренту. Наихудшій изъ обрабатываемыхъ участковъ не можетъ дать никакой ренты, ибо сборъ съ него не даетъ никакого избыточнаго дохода и только возстановляетъ съ обычной прибылью затраченный капиталъ; но всѣ участки лучшаго качества будуть давать ренту, выгода которой будетъ равняться разницѣ между сборомъ съ наихудшаго изъ обрабатываемыхъ участковъ и сборомъ съ даннаго участка лучшаго качества.

Но если бы даже вся земля была одинаковаго плодородія, все же земельная рента должна была бы возникнуть благодаря различію про-

изводительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Къ обработкѣ одного и того же участка земли можетъ быть приложено больше или меньше капитала; по чисто физическимъ условіямъ, каждая послѣдующая затрата капитала въ земледѣліи менѣе производительна, чѣмъ предыдущая. Увеличеніе затраты земледѣльческаго капитала не сопровождается пропорціональнымъ ростомъ количества собираемаго продукта (если на обработку десятины затратить не 10, а 20 рублей, то продуктъ возрастетъ не вдвое, а въ меньшей степени, напр., въ полтора раза, или на одну треть и т. д.). Поэтому, если, благодаря большему спросу на хлѣбъ и повышенію его цѣны, становится выгоднымъ увеличить затрату капитала въ земледѣліи, т.-е. перейти къ болѣе интенсивному хозяйству, то болѣе ранніе затраты начинаютъ давать избыточный доходъ, который и поступаетъ въ пользу землевладѣльца, образуя его ренту совершенно также, какъ это имѣетъ мѣсто при переходѣ къ обработкѣ участковъ худшаго качества. Послѣдовательныя затраты капитала различной производительности играютъ при этомъ роль, вполнѣ аналогичную участкамъ земли различнаго плодородія. Высокая земельная рента есть не причина, а слѣдствіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Если бы землевладѣльцы совсѣмъ отказались отъ ренты, цѣна хлѣба не понизилась бы нисколько, ибо послѣдняя совершенно независима отъ ренты. «Хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ».

Такова сущность знаменитой теоріи Рикардо. Теорію эту можно считать въ настоящее время общепринятой; въ построеніи ея Рикардо имѣлъ предшественниковъ (въ томъ числѣ и Мальтуса), но въ исторіи науки она останется связанной съ именемъ Рикардо по той же причинѣ, по которой ученіе о населенія связывается съ именемъ Мальтуса. Отдѣльныя вѣрныя и даже глубокія мысли еще не составляютъ эпохи въ наукѣ; только когда эти мысли связываются въ стройную систему, приводящую въ порядокъ разрозненныя наблюденія и остроумныя догадки многихъ изслѣдователей, наука торжествуетъ побѣду. Теорія ренты Рикардо, какъ и ученіе о населеніи Мальтуса, были какъ разъ такими научными системами, почему мы можемъ съ полнымъ правомъ приписывать названныя теоріи именно этимъ ученымъ.

Установленіе закона ренты заканчиваетъ ученіе о распредѣленіи. Три основныя формы народнаго дохода — заработная плата, прибыль и рента — находятъ себѣ полное объясненіе въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изъ этихъ трехъ формулъ дохода двѣ первыя тѣсно связаны другъ съ другомъ и находятся, во взаимномъ антагонизмѣ. Въ этой области кипитъ непрерывная экономическая борьба, рѣшающая, какая доля общественнаго продука достанется создателю этого самаго продукта—рабочему и какая руководителю предпріятія и собственнику орудій труда—капиталисту.

Напротивъ, рента стоитъ внѣ этой борьбы, ибо величина ренты устанавливается моментами, лежащими внѣ воздѣйствія отдѣльныхъ группъ населенія. Высота арендной платы опредѣляется не борьбой арендатора съ землевладѣльцемъ, а общими условіями земледѣльческаго производства въ странѣ. Конечно, государство имѣетъ возможность повліять на земельную ренту: такъ, всякое стѣсненіе ввоза хлѣба въ страну увеличиваетъ спросъ на туземный хлѣбъ, цѣна хлѣба растетъ; въ обработку поступаютъ земельные участки низшаго качества и рента повышается. Но въ данномъ случаѣ рента поднялась лишь потому, что повысилась цѣна хлѣба—другими словами: измѣнились условія земледѣльческаго производства. Если же условія этого рода остаются неизмѣнными, то никакія усилія арендаторовъ или землевладѣльцевъ не могутъ повліять на ренту.

Мы говорили выше, что Рикардо, при всей абстрактности своихъ теоретическихъ интересовъ, былъ вполнѣ опредѣленнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ—именно интересовъ капиталистическаго класса. Его ученіе о распредѣленіи строго объективно — но тѣмъ не менѣе ему очень легко можетъ быть приданъ такой видъ, при которомъ классовыя симпатіи автора выступаютъ съ полною ясностью. Капиталистъ есть собственникъ капитала, т.-е. накопленнаго продукта предшествовавшаго труда; въ то же время капиталистъ — руководитель предпріятія. Право собственности капиталиста на капиталъ можетъ основываться на его личномъ предшествовавшемъ трудѣ; капиталистъ можетъ быть разсматриваемъ (и дѣйствительно разсматривается Рикардо и его школой) какъ особенно бережливый и предпріимчивый рабочій, сберегающій плоды своей работы. Руководя предпріятіемъ, капиталистъ выполняетъ чрезвычайно важную хозяйственную функцію, безъ которой было бы немыслимо никакое производство. Поэтому, несмотря на признаніе неизбѣжнаго антагонизма между заработкомъ и прибылью, Рикардо совершенно чуждъ мысли, что полученіе прибыли есть, съ точки зрѣнія этики, менѣе правомѣрная форма извлеченія дохода, чѣмъ полученіе заработной платы. И капиталистъ, и рабочій въ глазахъ школы Рикардо, суть два противника, одинаково необходимые для функціонированія хозяйственнвго механизма.

Совсѣмъ иное положеніе землевладѣльца. Это—монополистъ, владѣлецъ даровой силы природы, въ созданіи которой онъ не принималъ никакого участія. Столь же мало онъ участвуетъ и въ руководительствѣ предпріятіемъ, всецѣло лежащемъ на арендаторѣ. Хозяйственная роль землевладѣльца сводится, слѣдовательно, къ полному присвоенію продуктовъ чужого труда. Землевладѣлецъ никому не нуженъ и единственнымъ титуломъ, на основаніи котораго онъ участвуетъ въ дележкѣ общественнаго продукта, является право силы.

Это впечатлѣніе несправедливости землевладѣльческаго дохода еще усиливается ученіемъ Рикардо относительно вліянія общественнаго

прогресса и роста народнаго богатства на относительную величину различныхъ формъ народнаго дохода. Мы указывали при очеркѣ воззрѣній Смита, что, съ точки зрѣнія этого экономиста, интересы землевладѣльцевъ и рабочихъ солидарны съ интересами всего общества, а интересы капиталистовъ противоположны послѣднимъ. Рикардо разсматриваетъ тотъ же вопросъ, но рѣшаетъ его иначе.

Заработная плата въ предметахъ потребленія мало измѣняется при ростѣ народнаго богатства. Но своей трудовой цѣнности заработная плата имѣетъ тенденцію повышенія благодаря тому, что повышается цѣнность пищи—главнымъ образомъ хлѣба. Чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ большая площадь земли поступаетъ въ обработку. При первоначальномъ заселеніи страны обрабатываются лишь наиболѣе плодородныя земли, но, по мѣрѣ роста населенія, начинаютъ культивироваться все худшіе и худшіе участки. Благодаря этому цѣна земледѣльческихъ продуктовъ растетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и рента, и растетъ по своей цѣнности, но не по количеству предметовъ потребленія, заработная плата.

Итакъ, общественный прогрессъ ведетъ къ росту богатства землевладѣльческаго класса. Благосостояніе рабочаго класса, выражаемое количествомъ предметовъ потребленія, которыми располагаютъ рабочіе, нисколько не прогрессируетъ. Но такъ какъ по своей цѣнности рабочая плата растетъ, то прибыль капиталистовъ падаетъ. Поэтому, прибыль имѣетъ естественное стремленіе, по мѣрѣ прогресса общества, понижаться.

Чѣмъ быстрѣе идетъ ростъ народнаго богатства и сопутствующій ему ростъ населенія, тѣмъ ниже опускается процентъ прибыли. На извѣстной ступени этого роста паденіе процента прибыли приводитъ и къ абсолютному сокращенію общей суммы доходовъ капиталистическаго класса: съ большаго капитала капиталисты получаютъ меньшую абсолютную прибыль.

Такимъ образомъ общественный прогрессъ слѣдующимъ образомъ вліяетъ на интересы различныхъ классовъ населенія. Рабочіе отъ него не выигрываютъ нисколько, капиталисты проигрываютъ. Кому же достаются всѣ плоды успѣховъ промышленности и культуры? Кто остается въ барышахъ? Отвѣтъ ясенъ: только землевладѣльцы, единственный общественный классъ, не принимающій ни прямо, ни косвенно никакого участія въ производствѣ. Они жнутъ, гдѣ не сѣяли, и имъ достаются плоды усилій всѣхъ остальныхъ группъ населенія.

Правда, Рикардо не дѣлаетъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ своей ренты, которые напрашиваются сами собой—онъ не утверждаетъ, что частная земельная собственность есть зло, а землевладѣльцы—истинные враги общества. Эти выводы изъ теоріи Рикардо были сдѣланы впослѣдствіи многими его послѣдователями, изъ которыхъ достаточно упомянуть знаменитаго американскаго экономиста Генри Джорджа.

Опираясь на теорію ренты Рикардо, Джорджъ вполнѣ логически пришелъ къ заключенію, что общественный интересъ требуетъ уничтоженія величайшей и опаснѣйшей изъ существующихъ монополій—частной собственности на землю.

По вопросамъ практической политики Рикардо нерѣдко выступалъ противникомъ аграрныхъ интересовъ. Самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ былъ, съ точки зрѣнія аграрныхъ классовъ, вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ.

На почвѣ хлѣбныхъ законовъ оба господствующихъ класса Англіи— капиталистическая и землевладѣльческая аристократія, вступили въ ожесточенную борьбу, растянувшуюся на нѣсколько десятилѣтій. Мы видѣли, что Мальтусъ выступилъ защитникомъ хлѣбныхъ пошлинъ. Рикардо не менѣе энергично напалъ на хлѣбные законы. Отмѣна послѣднихъ была боевымъ кличемъ рикардіанцевъ, почти безраздѣльно господствовавшихъ среди политико-экономовъ второй четверти XIX вѣка. По этому пункту Мальтусъ и Рикардо являются двумя антиподами. Тѣмъ трогательнѣе согласіе обоихъ ученыхъ по вопросу о законахъ о бѣдныхъ: Рикардо не менѣе категорически, чѣмъ Мальтусъ, отвергалъ государственную помощь бѣднымъ. Все это находитъ себѣ простое объясненіе въ классовыхъ симпатіяхъ того и другого ученаго. Интересы буржуазіи и аристократіи сталкивались на хлѣбныхъ законахъ и были вполнѣ солидарны въ законахъ о бѣдныхъ. И потому Рикардо расходился съ Мальтусомъ по первому вопросу и вполнѣ сходился по второму.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ вопросахъ практической политики Рикардо былъ идеологомъ капиталистическаго класса. Тѣмъ не менѣе онъ былъ однимъ изъ безпристрастнѣйшихъ и объективнѣйшихъ изслѣдователей общественныхъ явленій, какихъ мы только знаемъ. Объективизмъ Рикардо проявился особенно ярко въ важномъ вопросѣ о вліяніи машинъ на интересы рабочихъ классовъ. Мы говорили выше объ оппозиціи, которой были встрѣчены машины рабочими. Рабочіе отнеслись къ машинамъ, какъ къ своимъ опаснымъ конкурентамъ, отбивавшимъ у нихъ заработокъ. Напротивъ, ученые экономисты доказывали, что машины не могутъ быть никому вредны. Всѣ классы населенія должны выигрывать отъ введенія машинъ: землевладѣльцы выигрываютъ въ качествѣ потребителей машинныхъ издѣлій; капиталисты, сверхъ того, получаютъ дополнительную прибыль при самомъ введеніи машинъ, пока цѣны продукта не понизились до уровня новыхъ издержекъ производства; рабочіе же также выигрываютъ въ качествѣ потребителей, и въ то же время денежная плата ихъ не можетъ понизиться, такъ какъ капиталъ, освободившійся благодаря сокращенію рабочихъ въ отрасляхъ промышленности съ машиннымъ производствомъ, переходитъ въ другія отрасли промышленности, которыя и дадутъ занятія для всѣхъ рабочихъ, вытѣсненныхъ машинами. Кто же былъ правъ въ этомъ спорѣ невѣжественныхъ рабочіе или ученые экономисты?

Рикардо вначалѣ вполнѣ примкнулъ къ господствующему взгляду. Но его научная голова была сильнѣе его капиталистическаго сердца. Обдумавъ вопросъ, онъ замѣтилъ грубый софизмъ въ аргументаціи, доказывавшей, что рабочіе, вытѣсняемые машиной изъ одной отрасли промышленности, находятъ себѣ занятія въ другой. Что же, если машины будутъ вводиться во *всѣхъ* отрасляхъ промышленности,—и тогда спросъ на трудъ сократится? Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ Рикардо, побудившихъ его признать правыми рабочихъ, а заблуждающимися—ученыхъ. Для насъ достаточно отмѣтить тотъ весьма характерный фактъ, что по вопросу огромной важности и въ теоретическомъ, и практическомъ отношеніи Рикардо высказалъ взглядъ, не согласный съ буржуазными интересами, и имѣлъ мужество открыто признать свою ошибку. Конечно, это дѣлаетъ великую честь уму и сердцу Рикардо и доказываетъ, что классовыя симпатіи не есть нѣчто непреодолимое для честнаго мыслителя. Но было бы весьма неосновательно вывести изъ этого, во всякомъ случаѣ рѣдкаго и исключительнаго примѣра огульное заключеніе о независимости научной мысли отъ классовыхъ вліяній.

При оцѣнкѣ взглядовъ Рикардо нельзя не остановиться на его методѣ.

Всѣ разсужденія Рикардо имѣютъ совершенно абстрактный характеръ: онъ исходитъ всегда изъ общихъ, точно установленныхъ посылокъ, число которыхъ крайне ограничено—вродѣ аксіомъ геометріи—и шагъ за шагомъ, путемъ строгой дедукціи, приходитъ къ выводамъ, которые, въ глазахъ самаго Рикардо, имѣютъ точность и неоспоримость выводовъ математики. Благодаря этому методу, самые затруднительные практическіе вопросы рѣшались Рикардо съ такою легкостью, что современники Рикардо были просто ослѣплены этимъ поразительнымъ искусствомъ. Одинъ изъ нихъ, лордъ Брумъ, сказалъ какъ-то, что «Рикардо кажется человѣкомъ, упавшимъ съ другой планеты». Какимъ же образомъ Рикардо, банкиръ и биржевой дѣлецъ, человѣкъ практическаго дѣла, явился творцомъ абстрактнаго метода въ экономической наукѣ? На это можно отвѣтить, что именно на биржѣ Рикардо и усвоилъ свой методъ. Игра на биржѣ есть самая абстрактная хозяйственная дѣятельность, какую только можно себѣ представить. Биржевая игра совершенно отвлекается отъ конкретнаго значенія биржевыхъ бумагъ, являющихся на биржѣ воплощеніемъ абстрактной цѣнности, и ничего больше. Биржа есть тотъ идеальный рынокъ, изъ предположенія котораго исходилъ Рикардо: рынокъ, на которомъ царитъ полная свобода конкуренціи, на которомъ капиталъ безъ всякихъ задержекъ переходитъ изъ одной формы помѣщенія въ другую, благодаря чему становится возможнымъ планомѣрное размѣщеніе капитала между отдѣльными родами предпріятій соотвѣтственно ихъ относительной выгодности. Самъ биржевой дѣятель представляетъ изъ

себя то разумное эгоистическое существо, руководимое однимъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ дедукцій Рикардо.

По этой причинѣ Огюстъ Контъ въ своихъ фантастическихъ планахъ будущаго общественнаго устройства и представлялъ высшую административную власть въ государствѣ будущаго банкирамъ, какъ людямъ, наиболѣе привыкшимъ къ абстрактнымъ операціямъ. Неудивительно, что Рикардо, выросшій въ мірѣ биржи, усвоилъ и специфическій методъ этого міра.

Въ исключительномъ пользованіи этимъ методомъ лежитъ сила и слабость Рикардо. Въ области абстрактной экономической теоріи — иначе говоря, въ области установленія абстрактныхъ законовъ стихійнаго, не регулируемаго товарнаго хозяйства—Рикардо не знаетъ себѣ соперниковъ. Все самое существенное и цѣнное въ этой области сдѣлано имъ. Но какъ соціологъ, Рикардо представляетъ собой совершенно ничтожную величину. Обладая крайне скуднымъ общимъ образованіемъ и будучи знакомъ, по личному опыту, только съ узкимъ и ограниченнымъ, однообразнымъ и лишеннымъ яркихъ красокъ, міромъ биржи,—міромъ, лишеннымъ соприкосновенія съ живыми производительными силами природы и общества, Рикардо не могъ понимать сложности общественной жизни въ ея конкретной полнотѣ. Немногочисленныя и скудныя своимъ содержаніемъ абстракціи замѣняли ему живого человѣка. Онъ не могъ представить себѣ никакого другого общественнаго или хозяйственнаго устройства, кромѣ того, съ которымъ былъ близко знакомъ по личному опыту. Мальтусъ выступалъ горячимъ защитникомъ историческаго строя Англіи и боролся съ соціальными утопистами. Рикардо не могъ принимать участія въ этой борьбѣ по той простой причинѣ, что самая мысль о возможности иного, не капиталистическаго строя не укладывалась въ его голову.

По сходной причинѣ въ ученіи о распредѣленіи Рикардо превосходно почти все, что относится къ экономической *статикѣ*, т.-е. къ взаимоотношеніямъ различныхъ экономическихъ элементовъ въ покоящемся состояніи. Соотношеніе между заработной платой, прибылью и рентой обрисовано въ теоріи Рикардо хотя и не безупречно, но все же въ общемъ рисункѣ чувствуется рука великаго мастера. Гораздо слабѣе все это относится къ *динамикѣ* народнаго хозяйства, къ измѣненіямъ названныхъ соотношеній въ процессѣ развитія товарнаго хозяйства во времени. Исторія не оправдала почти ни одного изъ ожиданій Рикардо. Согласно его теоретической концепціи, рента должна расти, по мѣрѣ успѣховъ народнаго богатства, насчетъ прибыли, а заработная плата оставаться, приблизительно, въ стаціонарномъ состояніи. Между тѣмъ за послѣднія десятилѣтія земельная рента въ западной Европѣ, благодаря паденію цѣны хлѣба, упала, а заработная плата значительно возрасла.

Неудача динамическихъ построеній Рикардо объясняется тѣмъ, что при историческомъ изученіи хозяйственнаго процесса никакъ нельзя довольствоваться знаніемъ хозяйственныхъ соотношеній капиталистическаго строя въ данный историческій моментъ. Капиталистическій строй, говоря языкомъ Родбертуса, есть не логическая, а историческая категорія,—она подлежитъ непрерывному историческому преобразованію и развитію. Свобода конкуренціи, изъ предположенія которой исходилъ Рикардо, не есть разъ навсегда данная величина, но претерпѣваетъ существенныя измѣненія во времени. Во второй половинѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка сфера хозяйственной свободы расширялась. Но затѣмъ наступило обратное теченіе: фабричное законодательство и рабочіе союзы существенно ограничили свободу договора въ области отношеній труда и капитала. Это и было, какъ мы увидимъ ниже, важнѣйшей причиной повышенія заработной платы. «Желѣзный законъ заработной платы» потерпѣлъ полное крушеніе.

Мальтусъ и Рикардо были замѣчательными представителями послѣсмитовской политической экономіи, оставшейся вѣрной доктринамъ Смита. Но мы видѣли, какъ глубоко измѣнилась въ ученіяхъ школы оцѣнка результатовъ той самой свободы, на которую возлагалъ столько надеждъ Смитъ. Глубокій, безнадежный пессимизмъ смѣнилъ прежній радостный, бодрый оптимизмъ. Ни Мальтусъ ни Рикардо не вѣрили, чтобы возможенъ былъ какой либо иной общественный строй, кромѣ капиталистическаго. И какую перспективу открывалъ рабочимъ классамъ капиталистическій строй? Перспективу вѣчной нищеты безъ выхода и просвѣта. Таковъ былъ приговоръ науки. Но люди, которыхъ этотъ приговоръ непосредственно касался, не могли съ нимъ помириться. Политическая экономія становится въ рядахъ англійскихъ рабочихъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка крайне непопулярной. Рабочіе не писали книгъ и потому протестовали не словомъ, а дѣломъ, противъ всякаго рода «желѣзныхъ законовъ», открывавшихся экономистами: не смущаясь тѣмъ, что наука объявила ихъ положеніе безнадежнымъ, они упорно и успѣшно боролись за улучшеніе своей участи. Но не одни рабочіе отказались принять мрачныя предсказанія экономистовъ за голосъ истинной науки. Къ нимъ присоединились люди съ широкимъ сердцемъ и могучимъ полетомъ ума, люди съ творческой мечтой и художественнымъ воображеніемъ въ соціальной области—великіе утописты.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЗАПИСКИ ВРАЧА

(*Продолженіе*) *).

XIII.

Прошло много времени, прежде чѣмъ я свыкся съ силами медицины и смирился передъ ихъ ограниченностью. Мнѣ было стыдно и тоскливо смотрѣть въ глаза больному, которому я былъ не въ силахъ помочь; онъ, угрюмый и отчаявшійся, стоялъ передо мною тяжкимъ укоромъ той наукѣ, которой представителемъ я являлся, и въ душѣ опять и опять шевелилось проклятье этой немощной наукѣ.

Was hab'ich,
Wenn ich nicht alles habe?—Что есть у меня,
Если у меня нѣтъ всего?

Этому я могу помочь, этому нѣтъ; а всѣ они идутъ ко мнѣ, всѣ одинаково хотятъ быть здоровыми, и всѣ одинаково въ правѣ ждать отъ меня спасенія. И такъ становятся понятными тѣ вопли отчаянной тоски и паденія вѣры въ свое дѣло, которыми полны интимныя письма сильнѣйшихъ представителей нашей науки. И чѣмъ кто изъ нихъ сильнѣе, тѣмъ ярче осужденъ чувствовать все свое безсиліе.

„Изъ всей моей дѣятельности лекціи—это единственное, что меня занимаетъ и живитъ,—писалъ Боткинъ своему другу д-ру Бѣлоголовому;—остальное тянешь, какъ лямку, прописывая массу ни къ чему не ведущихъ лекарствъ. Это не фраза и даетъ тебѣ понять, почему практическая дѣятельность въ моей поликлиникѣ такъ тяготитъ меня. Имѣя громадный матеріалъ хрониковъ, я начинаю вырабатывать грустное убѣжденіе о безсиліи нашихъ терапевтическихъ средствъ. Рѣдкая поликлиника пройдетъ мимо безъ горькой мысли: за что я взялъ съ большей половины народа деньги, да заставилъ ее потратиться на одно изъ нашихъ аптечныхъ средствъ, которое, давши облегченіе на 24 часа, ничего

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ, 1901 г.

существеннаго не измѣнитъ? Прости меня за хандру, но нынче у меня былъ домашній пріемъ, и я еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого безплоднаго труда“.

У Бильрота есть одно стихотвореніе; оно было послано имъ его другу, извѣстному композитору Брамсу, и не предназначалось для печати. Въ переводѣ трудно передать всю силу и поэзію этого стихотворенія. Вотъ оно:

...Ich kann's nicht mehr ertragen,
Wie mich die Menschen täglich, stündlich quälen,
Wie sie unmögliches von mir begehren!
Weil ich einwenig tiefer wohl als Andere
In der Natur geheimstes Wesen drang,
So meinen sie, ich könnte gleich den Göttern
Durch Wunder Leiden nehmen, Glück erzaubern,
Und bin doch nur ein Mensch wie Andere mehr.
Ach, wüsstet Ihr, wie's in mir wallet, siedet,
Und wie mein Herz den Schlag zurücke hält,
Wenn ich statt Heilung mit unsicheren Worten
Kaum Trost kann spenden den Verlorenen...
...Was soll denn aus mir werden?
Aus mir, dem viel bewunderten, hilflosen Mann? *).

Но передъ такимъ своимъ безсиліемъ постепенно пришлось смириться: полная неизбѣжность всегда несетъ въ себѣ нѣчто примиряющее съ собою. Все-таки наука даетъ намъ много силы, и съ этою силою можно сдѣлать многое. Но съ чѣмъ невозможно было примириться, что все больше подтачивало во мнѣ удовлетвореніе своею дѣятельностью,—это то, что имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи сила на дѣлѣ оказывалась совершенно призрачною.

Медицина есть наука о леченіи людей. Такъ оно выходило по книгамъ, такъ выходило и по тому, что мы видѣли въ университетскихъ клиникахъ. Но въ жизни оказывалось, что медицина есть наука о леченіи однихъ лишь богатыхъ и свободныхъ людей. По отношенію ко всѣмъ остальнымъ она являлась лишь теоретическою наукою о томъ, какъ *можно было бы* вылечить ихъ, если бы они были богаты и свободны; а то, что за отсутствіемъ послѣдняго приходилось имъ предлагать на дѣлѣ, было ничѣмъ инымъ, какъ самымъ безстыднымъ поруганіемъ медицины.

Изрѣдка по праздникамъ ко мнѣ приходитъ на пріемъ маль-

*) «Я не въ силахъ больше выносить, какъ люди ежедневно, ежечасно мучаютъ меня, какъ они требуютъ отъ меня невозможнаго! Изъ того, что я немного глубже другихъ проникъ въ сокровеннѣйшую суть природы, они заключаютъ, что я, подобно богамъ, способенъ чудомъ избавлять отъ страданій, давать счастье, а я—я такой же человѣкъ, какъ и другіе. Ахъ, если бы вы знали, какъ все волнуется и кипитъ во мнѣ, и какъ сердце замедляетъ свои удары, когда я вмѣсто спасенія едва могу въ неувѣренныхъ словахъ предложить погибшимъ утѣшеніе... Что же будетъ со мною? Со мною, окруженнымъ всеобщимъ удивленіемъ, безпомощнымъ человѣкомъ?»

чишка-сапожникъ изъ сосѣдней сапожной мастерской. Лицо его зеленовато-блѣдно, какъ заплѣсневѣлая штукатурка, онъ страдаетъ головокруженіями и обмороками. Мнѣ часто случается проходить мимо мастерской, гдѣ онъ работаетъ,—окна ея выходятъ на улицу. И въ шесть часовъ утра, и въ одиннадцать часовъ ночи я вижу въ окошко склоненную надъ сапогомъ стриженую голову Васьки, а кругомъ него — такихъ же зеленыхъ и худыхъ мальчиковъ и подмастерьевъ; маленькая керосиновая лампа тускло горитъ надъ ихъ головами, изъ окна тянетъ на улицу густою, прѣлою вонью, отъ которой мутитъ въ груди. И вотъ мнѣ нужно лечить Ваську. Какъ его лечить? Нужно придти, вырвать его изъ этого темнаго, вонючаго угла, пустить бѣгать въ поле, подъ горячее солнце, на вольный вѣтеръ; и легкія его развернутся, сердце окрѣпнетъ, кровь станетъ алою и горячею. Между тѣмъ, даже пыльную петербургскую улицу онъ видитъ лишь тогда, когда хозяинъ посылаетъ его съ товаромъ къ заказчику; даже по праздникамъ онъ не можетъ размяться, потому что хозяинъ, чтобъ мальчики не баловались, запираетъ ихъ на весь день въ мастерской... И единственное, что мнѣ остается,—это прописывать Ваською желѣзо и мышьякъ и утѣшаться мыслью, что все-таки я „хоть что-нибудь“ дѣлаю для него!

Ко мнѣ приходитъ прачка съ экземою рукъ, ломовой извозчикъ съ грыжею, прядильщикъ съ чахоткою; я назначаю имъ мази, пелоты и порошки—и невѣрнымъ голосомъ, самъ стыдясь комедіи, которую разыгрываю, говорю имъ, что главное условіе для выздоровленія—это то, чтобы прачка не мочила себѣ рукъ, ломовой извозчикъ не поднималъ тяжестей, а прядильщикъ избѣгалъ пыльныхъ помѣщеній. Они въ отвѣтъ вздыхаютъ, благодарятъ за мази и порошки и объясняютъ, что дѣла своего бросить не могутъ, потому что имъ нужно ѣсть.

Въ такія минуты меня охватываетъ стыдъ за себя и за ту науку, которой я служу, за ту мелкость и убогость, съ какою она осуждена проявлять себя въ жизни. Въ деревнѣ ко мнѣ однажды обратился за помощью мужикъ съ одышкою. Все лѣвое легкое у него оказалось сплошь пораженнымъ крупознымъ воспаленіемъ. Я изумился, какъ могъ онъ добрести до меня, и сказалъ ему, чтобъ онъ немедленно по приходѣ домой легъ и не вставалъ.

— Что ты, баринъ, какъ можно?—въ свою очередь изумился онъ.—Нешто не знаешь, время какое? Время страдное, горячее. Господь-Батюшка погодку посылаетъ, а я—лежать! Что ты, Господи помилуй! Нѣтъ, ты ужъ будь милостивъ, дай какихъ капелекъ, ослобони грудь.

— Да никакія капли не помогутъ, если пойдешь работать! Тутъ дѣло не шуточное,—помереть можешь!

— Ну, Господь милостивъ, — зачѣмъ помирать? Перемогусь какъ-нибудь. А лежать намъ никакъ нельзя: мы отъ этихъ трехъ недѣль весь годъ бываемъ сыты.

Съ моею микстурою въ карманѣ и съ косою на плечѣ, онъ пошелъ на свою полосу и косилъ рожь до вечера, а вечеромъ легъ на межу и умеръ отъ отека легкихъ.

Грубая, громадная и могучая жизнь непрерывно дѣлаетъ свою слѣпую, жестокую работу, а гдѣ-то далеко внизу, въ ея ногахъ, копошится безсильная медицина, устанавливая свои гигіеническія и терапевтическія „нормы“.

Вотъ—человѣческій организмъ, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ его органовъ, требующихъ широкихъ и полныхъ отправленій. И какъ будто жизнь задалась спеціальною цѣлью посмотрѣть, что выйдетъ изъ этого организма, если ставить его въ самыя немыслимыя положенія и условія. Одни люди пускай все время стоятъ и ходятъ, не присаживаясь; и вотъ стопа ихъ становится плоскою, ноги опухаютъ, вены на голеняхъ растягиваются и обращаются въ незаживающія язвы. Другіе пускай все время сидятъ не вставая; и спина ихъ искривляется, печень и легкія сдавливаются, прямая кишка усѣивается кровоточащими шишками. Саночники въ шахтахъ весь день непрерывно бѣгаютъ съ санками по просѣкамъ на четверенькахъ; выдувальщики на стеклянныхъ заводахъ все время работаютъ одними легкими, обращая ихъ въ мѣхи... Нѣтъ такихъ самыхъ неестественныхъ движеній и положеній, въ которыхъ бы жизнь не заставляла людей проводить все ихъ время, нѣтъ такихъ ядовъ, которыми бы она не заставляла ихъ дышать, нѣтъ такихъ жизненныхъ условій, въ которыхъ бы она не заставляла ихъ жить.

Сейчасъ только я воротился отъ одной больной папиросницы; она живетъ въ углу съ двумя ребятами. Низкая комната имѣетъ семь шаговъ въ длину и шесть въ ширину. Въ этой комнатѣ живетъ шестнадцать человѣкъ. Я посѣщаю больную утромъ, потому что вечеромъ не въ состояніи пробыть въ комнатѣ и двухъ минутъ: въ ней нѣтъ воздуха, нѣтъ въ буквальномъ смыслѣ,— лампа, какъ слѣдуетъ заправленная и пущеная, чадитъ и коптитъ, не находя кислорода; иначе, какъ слабо, ее пускать нельзя; тяжелый и влажный, какъ будто липкій воздухъ полонъ кислымъ запахомъ дѣтскихъ испражненій, махорки и керосина. И изъ всѣхъ угловъ на меня смотрятъ восковыя, странно-неподвижныя лица ребятъ съ кривыми зубами, куриною грудью и искривленными конечностями; въ ихъ большихъ глазахъ нѣтъ и слѣда той живости и веселости, которая „свойственна“ дѣтямъ.

Вообще, ставъ врачомъ, я совершенно потерялъ представленіе о томъ, что собственно свойственно человѣку. Свойственно ли

уставшему человѣку хотѣть спать? Нѣтъ, не свойственно! Сестра милосердія, учительница, журнальный работникъ, утомленные и разбитые, не могутъ заснуть безъ бромистаго натра. Свойственно ли долго не ѣвшему человѣку хотѣть ѣсть?—Нѣтъ, не свойственно! Ему приходится прибѣгать, словно пресыщенному обжорѣ, къ искусственному возбужденію аппетита. Меня это поразило у большинства фабричныхъ рабочихъ и ремесленниковъ.

— Работаешь весь день,—машина стучитъ, полъ подъ тобою трясется, ходишь, какъ маятникъ. Устанешь съ работы хуже собаки, а объ ѣдѣ и не думаешь. Все только квасъ бы пилъ. А отъ квасу какая сила? Животъ наливаешь себѣ, больше ничего. Одна водочка только и спасаетъ; выпьешь рюмочку,—ну, и ѣсть запросишь.

Я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ веду пріемъ въ одной типографіи,—и за все это время я ни разу не видѣлъ наборщика-старика! Нѣтъ старости, нѣтъ сѣдыхъ волосъ,—съѣденные свинцовою пылью, люди всѣ сваливаются въ могилу раньше.

Жизнь продѣлываетъ надъ человѣкомъ свои опыты и, глумясь, предъявляетъ на наше изученіе получающіеся результаты. Мы изучаемъ и пріобрѣтаемъ очень ясное представленіе о томъ, какъ дѣйствуетъ на человѣка хроническое отравленіе свинцомъ, ртутью, фосфоромъ, какъ вліяетъ на ростъ дѣтей отсутствіе свѣта, воздуха и движенія; мы узнаемъ, что изъ ста прядильщиковъ сорокалѣтній возрастъ у насъ переходитъ только девять человѣкъ, что изъ женщинъ, занятыхъ при обработкѣ волокнистыхъ веществъ, дольше сорока лѣтъ живетъ только шесть процентовъ... Узнаемъ мы также, что вслѣдствіе непомѣрнаго труда на всѣ лѣтніе мѣсяцы у крестьянокъ совершенно прекращается свойственная женщинамъ физіологическая жизнь, что швеи и учащіяся дѣвушки въ нѣсколько лѣтъ вырождаются въ безкровныхъ, больныхъ уродовъ. И многое еще мы узнаемъ.

Но что же, что во всемъ этомъ можетъ помочь наша медицина? Какая цѣна ея жалкимъ средствамъ, которыми она пытается чинить то, что такъ глубоко уродуется жизнью?.. Великій человѣкъ виситъ на крестѣ, его руки и ноги пробиты гвоздями, а медицина обмываетъ кровавыя язвы арникой и кладетъ на нихъ ароматныя припарки.

Но ничего больше она и не въ состояніи дѣлать. Не можетъ существовать такой науки, которая бы научила залечивать язвы съ торчащими въ нихъ гвоздями; наука можетъ только указывать на то, что человѣчество такъ не можетъ жить, что необходимо прежде всего вырвать изъ язвъ гвозди. Въ двадцатыхъ годахъ, по изслѣдованіямъ Виллерме, у мюльгаузенскихъ ткачихъ половина дѣтей умирала, не доживъ до пятнадцати мѣсяцевъ.

Виллерме уговорилъ фабриканта Дольфуса разрѣшить своимъ работницамъ оставаться послѣ родовъ дома въ теченіе шести недѣль, съ сохраненіемъ ихъ содержанія; и этого одного оказалось достаточнымъ, чтобъ смертность грудныхъ дѣтей, безъ всякой помощи медицины, сразу уменьшилась вдвое.

Все яснѣе и неопровержимѣе для меня становилось одно: медицина не можетъ дѣлать ничего иного, какъ только указывать на тѣ условія, при которыхъ единственно-возможно здоровье и излеченіе людей; но врачъ,—если онъ врачъ, а не чиновникъ врачебнаго дѣла,—долженъ прежде всего бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ его дѣятельность безсмысленною и безплодною; онъ долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, онъ долженъ не только указывать, онъ долженъ бороться и искать путей, какъ провести свои указанія въ жизнь.

И это тѣмъ болѣе необходимо, что время не ждетъ, и жизнь быстро влечетъ человѣчество въ какую-то зловѣщую бездну. Все больше увеличивается число „неуравновѣшенныхъ“, „отягченныхъ“ и алкоголиковъ, увеличивается число слѣпыхъ, глухихъ, заикъ. Лучшій показатель физическаго состоянія населенія—процентъ годныхъ къ военной службѣ, падаетъ всюду съ быстротою барометра передъ грозою; въ Австріи, напр., процентъ годныхъ къ военной службѣ составлялъ въ 1870 году—26%, въ 1875 г.—18%, въ 1880—14%. Вѣдь это—вырожденіе, теченіе котораго можно почти осязать руками! И не фантазіей, а голой правдой дышитъ слѣдующее грозное предсказаніе одного изъ антропологовъ: „Идеалъ гармоническаго и солидарнаго общественнаго строя можетъ не осуществиться вслѣдствіе человѣческаго вырожденія. Тогда появится централизованный феодально-промышленный строй, въ которомъ народнымъ массамъ будетъ отведена въ нѣсколько измѣненномъ видѣ роль спартанскихъ илотовъ, органически приспособленныхъ, вслѣдствіе своего вырожденія, къ такому положенію вещей“.

XIV.

Но вотъ, я представляю себѣ, что общественныя условія въ корнѣ измѣнились. Каждый человѣкъ имѣетъ возможность исполнять всѣ предписанія гигіены, каждому заболѣвшему мы въ состояніи предоставить все, чего только можетъ потребовать врачебная наука. Будетъ ли, по крайней мѣрѣ, тогда наша работа несомнѣнно плодотворна и свободна отъ противорѣчій?

Ужъ и теперь среди антропологовъ и врачей все чаще раздаются голоса, указывающіе на страшную однобокость медицины

и на ея весьма сомнительную пользу для человѣчества. „Медицина, конечно, помогаетъ недѣлимому, но она помогаетъ ему лишь насчетъ вида“... Природа расточительна и неаккуратна: она выбрасываетъ на свѣтъ много существъ и не слишкомъ заботится о совершенствѣ каждаго изъ нихъ; отбирать и уничтожать все неудавшееся она предоставляетъ безпощадной жизни. И вотъ является медицина и всѣ силы свои кладетъ на то, чтобъ помѣшать этому дѣлу жизни.

У роженицы узкій тазъ, она не можетъ разродиться; и она сама, и ребенокъ должны погибнуть; медицина спасаетъ мать и ребенка, и такимъ образомъ даетъ возможность размножаться людямъ съ узкимъ, негоднымъ для дѣторожденія тазомъ. Чѣмъ сильнѣе дѣтская смертность, съ которою такъ энергично борется медицина, тѣмъ вѣрнѣе очищается поколѣніе отъ всѣхъ слабыхъ и болѣзненныхъ организмовъ. Сифилитики, туберкулезные, психическіе и нервные больные, излеченные стараніями медицины, размножаются и даютъ хилое и нервное, вырождающееся потомство. Всѣ эти спасенные, но слабые до самыхъ своихъ нѣдръ, мѣшаются и скрещиваются со здоровыми и такимъ образомъ вызываютъ быстрое общее ухудшеніе расы. И чѣмъ больше будетъ преуспѣвать медицина, тѣмъ дальше будетъ идти это ухудшеніе. Дарвинъ передъ смертью не безъ основанія высказалъ Уоллесу весьма безнадежный взглядъ на будущее человѣчества, въ виду того, что въ современной цивилизаціи нѣтъ мѣста естественному отбору и переживанію наиболѣе способныхъ.

Этотъ призракъ всеобщаго вырожденія слишкомъ рѣзко бросается всѣмъ въ глаза, чтобъ не заставлять глубоко задумываться надъ нимъ. И надъ нимъ задумываются, и для его предотвращенія измышляются очень широкіе реформаторскіе проекты: предлагаютъ искоренить въ человѣческомъ обществѣ всякую „филантропію“ и превратить человѣчество въ заводскую конюшню подъ верховнымъ управленіемъ врачей-антропотехниковъ. Въ кабинетахъ измышлять такіе проекты очень не трудно: „счастье человѣчества“ здѣсь такъ величественно и реально, а живыя недѣлимыя, запрятанныя въ нѣмыя цифры, такъ легко поддаются сложенію и вычитанію! Но вѣдь въ жизни-то, пожалуй, ничего, въ концѣ концовъ, и не существуетъ, кромѣ сознающаго себя существа, и каждое изъ этихъ существъ есть центръ всего и все. Къ чести человѣчества, оно все сильнѣе проявляетъ стремленіе ломать стѣны и существующихъ уже конюшенъ, а не влѣзать еще въ новыя... И тѣмъ не менѣе фактъ все-таки остается фактомъ: естественный отборъ все больше прекращаетъ свое дѣйствіе, медицина все больше способствуетъ этому, а взамѣнъ не даетъ ничего, хоть сколько-нибудь замѣняющее его.

А между тѣмъ исчезновеніе отбора сказывается вовсе не въ однихъ только указанныхъ грубыхъ результатахъ. Послѣдствія этого исчезновенія идутъ гораздо дальше и глубже.

Долгимъ и труднымъ путемъ выработался типъ нынѣшняго человѣка, болѣе или менѣе приспособленнаго къ окружающей средѣ. Сама среда не остается неподвижною, съ теченіемъ времени она все сильнѣе и быстрѣе измѣняется въ самыхъ своихъ основахъ; но организмъ человѣка ужъ перестаетъ за нею слѣдовать, и перестаетъ какъ разъ въ смыслѣ пріобрѣтенія новыхъ положительныхъ качествъ. Въ прежнее время зубы были нужны человѣку для разгрызанія, разрыванія и пережевыванія твердой, жесткой пищи, имѣвшей умѣренную температуру. Теперь человѣкъ ѣстъ пищу мягкую, очень горячую и очень холодную; для такой пищи нужны какіе-то совершенно другіе зубы, прежніе для нея не годятся. За это говоритъ то ужасающее количество гнилыхъ зубовъ, которое мы находимъ у культурныхъ народовъ. Дикія племена, стоящія внѣ всякой культуры, имѣютъ сильно развитыя челюсти и крѣпкіе, здоровые зубы; у народовъ полуцивилизованныхъ число людей съ гнилыми зубами колеблется между 5—25%, тогда какъ у народовъ высшей культуры костоѣдою зубовъ поражено болѣе 80%. [1]) Что это такое? Живой органъ, гніющій и распадающійся у живого человѣка! И это не какъ исключеніе, а какъ правило съ очень незначительными исключеніями. Одно изъ двухъ: либо человѣкъ долженъ воротиться къ прежней пищѣ, либо выработать себѣ новые зубы. Но что дѣлаетъ медицина? Она чиститъ, пломбируетъ и всячески поддерживаетъ наличные зубы, портящіеся потому, что они *не могутъ* не портиться.

Глазъ раньше былъ нуженъ человѣку преимущественно для смотрѣнія вдаль и совершенно удовлетворялъ своему назначенію. Условія измѣнились, къ глазу предъявляется требованіе большой работы вблизи; долженъ выработаться новый глазъ, одинаково годный и для смотрѣнія вдаль, и для длительной аккомодаціи вблизи. Но медицина услужливо подставляетъ близорукому глазу очки и такимъ образомъ негодный для новыхъ условій глазъ чисто-внѣшними средствами дѣлаетъ годнымъ; число близорукихъ увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ, и остается лишь утѣшаться мыслью, что стекла, слава Богу, хватитъ на очки для всѣхъ.

Положительныхъ свойствъ, нужныхъ для измѣнившихся усло-

---

[1]) Изслѣдованіе зубовъ, произведенное у воспитанницъ школъ Имп. Человѣколюбиваго Общества, показываетъ, съ какою стремительною быстротою усиливается съ возрастомъ разрушеніе зубовъ. Воспитанницы были раздѣлены на три группы по возрасту: отъ 8 до до 12 лѣтъ, отъ 12 до 16 и отъ 16 до 20. Въ первой группѣ гнилые зубы имѣло 79% воспитанницъ, въ среднемъ каждая по три испорченныхъ зуба; во второй—87% съ 4,5 испорченными зубами на каждую; въ третьей группѣ—92%, и каждая имѣла въ среднемъ по 5,6 испорченныхъ зуба.

вій среды, человѣческій организмъ не пріобрѣтаетъ; за то онъ обнаруживаетъ большую склонность терять уже имѣющіяся у него положительныя свойства. Медицина, стремясь къ своимъ цѣлямъ, и въ этомъ отношеніи грозитъ оказать человѣчеству очень плохую услугу.

Въ чемъ ставитъ себѣ медицина идеалъ? Въ томъ, чтобъ каждую болѣзнь убить въ организмѣ при самомъ ея зарожденіи или, еще лучше, совсѣмъ не допустить ее до человѣка. Хирургія, напр., настойчиво требуетъ, чтобъ каждая рана, каждый, даже самый ничтожный порѣзъ немедленно подвергались тщательному обеззараживанію. Для каждаго отдѣльнаго случая это очень цѣлесообразно, но вѣдь такимъ образомъ организмъ совершенно отучится самостоятельно бороться съ зараженіемъ! Ужъ и для настоящаго времени безчисленными наблюдателями установленъ фактъ, что дикари безъ всякаго леченія легко оправляются отъ такихъ ранъ, отъ которыхъ европейцы погибаютъ при самомъ тщательномъ уходѣ.

Взять, далѣе, вообще заразныя болѣзни. По отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которыя обычны въ данной мѣстности и данномъ народѣ, человѣческій организмъ оказывается несравненно болѣе стойкимъ, чѣмъ по отношенію къ болѣзнямъ, дотолѣ невѣдомымъ. Скарлатина среди дикарей сразу уноситъ въ могилу половину населенія. Въ Полинезіи много туземцевъ истреблено оружіемъ, но еще болѣе—„бѣлою болѣзнью" (чахоткою).

— Кто убилъ твоего отца? Кто убилъ твою мать?

— Бѣлая болѣзнь!

Полинезійская женщина, вступающая въ связь съ бѣлымъ, всегда падаетъ жертвою чахотки; мало того, она заражаетъ своихъ любовниковъ изъ туземцевъ. Если австраліецъ проведетъ нѣсколько дней въ европейскомъ городкѣ Новой Голландіи, то заражается чахоткою (Крживицкій). На европейцевъ, въ свою очередь, такъ же губительно дѣйствуетъ малярія, желтая лихорадка, тропическая дизентерія. Что же выйдетъ, если каждая заразная болѣзнь будетъ медициною уничтожаться въ самомъ зародышѣ? Каждая изъ нихъ станетъ для человѣка совершенно чуждою и безъ охраны медицины будетъ убивать его почти навѣрняка.

И вотъ, какъ результатъ такого положенія дѣлъ,—полная зависимость людей отъ медицины, безъ которой они не будутъ въ состояніи сдѣлать ни шагу. Недавно въ одной статьѣ о задачахъ медицины въ будущемъ я встрѣтилъ слѣдующія разсужденія: „Оградить организмъ отъ той разнообразной массы ядовъ, которые безпрерывно въ него вносятся микробами, можно бы лишь тогда, когда бы былъ открытъ одинъ общій антитоксинъ для ядовъ, выдѣляемыхъ всѣми видами микробовъ. При такихъ условіяхъ мы могли-бы ежедневно вводить въ организмъ опредѣленное количе-

ство противояднаго начала и тѣмъ предупреждать вредное вліяніе ядовъ, ежедневно вносимыхъ микробами. Но въ настоящее время нѣтъ, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ основаній къ такого рода *розовымъ надеждамъ*"...

Но вѣдь это же ужасно! Каждый день, вставая, впрыскивай себѣ подъ кожу порцію универсальнаго антитоксина; а забылъ сдѣлать это,—погибай, потому что съ отвыкшимъ отъ самодѣятельности организмомъ легко справится первая шальная бактерія.

Гигіена рекомендуетъ не ставить въ спальнѣ кровати между окномъ и печкою: спящій человѣкъ будетъ въ такомъ случаѣ находиться въ токѣ воздуха, идущемъ отъ холодныхъ стеколъ окна къ нагрѣтой печкѣ, а это можетъ повести къ простудѣ. Та же гигіена совѣтуетъ не производить зимою усиленной работы на холодномъ воздухѣ, такъ какъ при глубокихъ вдыханіяхъ сильно охлаждаются легкія, что также можетъ вызвать простуду. Но почему же не простуживается галка, спящая подъ холоднымъ осеннимъ вѣтромъ, почему не простуживается сѣверный олень, бѣшено мчащійся по тундрѣ при тридцати градусахъ мороза? Простуживавшіеся олени и галки погибали и такимъ образомъ очистили свои виды отъ неприспособленныхъ особей, а мы не имѣемъ права обрекать слабыхъ людей въ жертву отбору. Совершенно вѣрно. Но въ томъ-то и задача медицины, чтобъ сдѣлать этихъ слабыхъ людей сильными; она же вмѣсто того и сильныхъ дѣлаетъ слабыми, и стремится всѣхъ людей превратить въ жалкія, безпомощныя существа, ходящія у медицины на помочахъ.

Къ великому счастію, въ наукѣ начинаютъ за послѣднее время намѣчаться новые пути, которые обѣщаютъ въ будущемъ очень много отраднаго. Въ этомъ отношеніи особеннаго интереса заслуживаютъ опыты искусственной иммунизаціи человѣка. Еще не вполнѣ доказано, но очень вѣроятно, что суть ея дѣйствія заключается въ упражненіи и пріученіи силъ организма къ самостоятельной борьбѣ съ врывающимися въ него микробами и ядами. Если это дѣйствительно такъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ громаднымъ переворотомъ въ самыхъ основахъ медицины: вмѣсто того, чтобъ прятать человѣка отъ болѣзней подъ стеклянный колпакъ, вмѣсто того, чтобъ спѣшить выгнать изъ него ужъ внѣдрившуюся болѣзнь, медицина будетъ дѣлать изъ человѣка борца, который самъ сумѣетъ справляться съ грозящими ему опасностями. Вотъ, между прочимъ, примѣръ, какимъ образомъ медицина безъ всякихъ жертвъ можетъ вести культурнаго человѣка къ тому, къ чему естественный отборъ приводитъ дикарей съ громадными жертвами.

Чего нѣтъ сегодня, будетъ завтра; наука хранитъ въ себѣ много непроявленной и ею же самою еще непознанной силы; и

мы въ правѣ ждать, что наука будущаго найдетъ еще не одинъ способъ, которымъ она сумѣетъ достигать того же, что въ природѣ достигается естественнымъ отборомъ,—но достигать путемъ полнаго согласованія интересовъ недѣлимаго и вида.

Насколько ей это удастся и до какихъ предѣловъ, — мы не можемъ предугадывать. Но задачъ передъ этою истинною антропотехникою стоитъ очень много,—задачъ широкихъ и трудныхъ, можетъ быть неразрѣшимыхъ, но тѣмъ не менѣе настоятельно требующихъ разрѣшенія.

„Все совершенно, выходя изъ рукъ природы". Это утвержденіе Руссо уже давно и безповоротно опровергнуто, между прочимъ и относительно человѣка. Человѣкъ застигнутъ настоящимъ временемъ въ опредѣленной стадіи своей эволюціи, съ массою всевозможныхъ недостатковъ, недоразвитій и пережитковъ: онъ какъ бы выхваченъ изъ лабораторіи природы въ самый разгаръ процесса своей формировки, недодѣланнымъ и незавершеннымъ. Такъ, напр., толстая кишка начинается у насъ короткою „слѣпою кишкою"; когда-то, у нашихъ зоологическихъ предковъ, она представляла собою большой и необходимый для жизни органъ, какъ у теперешнихъ травоядныхъ животныхъ. Въ настоящее время этотъ органъ намъ совершенно ненуженъ; но онъ не исчезъ, а переродился въ длинный, узкій червевидный отростокъ, висящій въ видѣ придатка на слѣпой кишкѣ. Онъ не только не нуженъ,—онъ для насъ вреденъ: идущія въ пищевой кашицѣ сѣмечки и косточки легко застрѣваютъ въ немъ и вызываютъ тяжелое, часто смертельное для человѣка воспаленіе червевиднаго отростка.

Далѣе, органы человѣка и ихъ размѣщеніе до сихъ поръ еще не приспособились къ вертикальному положенію человѣка. Нужно себѣ ясно представить, какъ рѣзко при такомъ положеніи должны были измѣниться направленіе и сила давленія на различные органы, и тогда легко будетъ понять, что приспособиться къ своему новому положенію органамъ вовсе не такъ легко. Не перечисляя всѣхъ обусловленныхъ этимъ несовершенствъ, укажу на одно изъ самыхъ существенныхъ: безъ малаго половину всѣхъ женскихъ болѣзней составляютъ различнаго рода смѣщенія матки; между тѣмъ многія изъ этихъ смѣщеній совсѣмъ не имѣли бы мѣста, а происшедшія излечивались бы значительно легче, если бы женщины ходили на четверенькахъ; даже въ качествѣ временной мѣры, предложенное Маріонъ-Симсомъ „колѣнно-локтевое" положеніе женщины играетъ въ гинекологіи и акушерствѣ незамѣнимую роль; нѣкоторые гинекологи признаютъ открытіе Маріонъ-Симса даже „поворотнымъ пунктомъ въ исторіи гинекологіи".

Переходя спеціально къ женщинѣ, мы видимъ въ ея орга-

низмѣ массу такихъ тяжелыхъ физіологическихъ противорѣчій и несовершенствъ, что умъ положительно отказывается признать ихъ за „нормальныя“ и законныя. Ужасно и въ то же время совершенно справедливо, когда женщину опредѣляютъ, какъ „животное, по самой своей природѣ слабое и больное, пользующееся только свѣтлыми промежутками здоровья на фонѣ непрерывной болѣзни“. Самая здоровая женщина,—это доказано очень точными наблюденіями,—періодически несомнѣнно больна. И невозможно на такую ненормальность смотрѣть иначе, какъ на переходную стадію къ другому, болѣе совершенному состоянію. То же самое и съ материнствомъ: женщина все больше перестаетъ быть исключительно самкою, и въ этомъ нѣтъ ничего „противуестественнаго“, потому что у нея есть мозгъ съ его могучими и широкими запросами. Между тѣмъ, не ломая всей своей природы, она не можетъ отказаться отъ любви и непрерывнаго материнства, всасывающихъ въ себя всѣ силы женщины за все время ихъ расцвѣта. Два требованія, одинаково сильныхъ и законныхъ, сталкиваются, и выхода при теперешней организаціи нѣтъ.

Мечниковъ указалъ на еще одно кричащее противорѣчіе въ человѣческомъ организмѣ,—именно, въ области полового чувства. Ребенокъ еще совершенно неприспособленъ для размноженія, а между тѣмъ половое чувство у него уже настолько обособлено, что онъ получаетъ возможность злоупотреблять имъ. У дѣвушки ростъ тазовыхъ костей, по окончаніи котораго она становится способною къ материнству, заканчивается лишь къ двадцати годамъ *), тогда какъ половая зрѣлость наступаетъ у нея въ шестнадцать лѣтъ. Что получается? Три момента, которые по самой сути своей необходимо должны совпадать,—половое стремленіе, половое удовлетвореніе и размноженіе,—отдѣляются другъ отъ друга промежутками въ нѣсколько лѣтъ. Дѣвочка способна десяти лѣтъ стремиться стать женою, стать женою она способна только въ шестнадцать лѣтъ, а стать матерью—не раньше двадцати!

„Замѣчательно также,—говоритъ Мечниковъ,—что такія извращенія природныхъ инстинктовъ, какъ самоубійство, дѣтоубійство и т. п.,—т.-е. именно такъ называемыя „неестественныя“ дѣйствія, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей человѣка. Не указываетъ ли это на то, что эти дѣйствія сами входятъ въ составъ нашей природы, и потому заслуживаютъ очень серьезнаго вниманія? Можно утверждать, что видъ Homo sapi-

*) Это указаніе Мечникова вполнѣ подтверждается статистикою: по Бертильону, смертность дѣвушекъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ составляетъ 7%, а женщинъ въ томъ же возрастѣ—50%.

ens принадлежитъ къ числу видовъ, еще не вполнѣ установившихся и не полно приспособленныхъ къ условіямъ существованія".

Особенно ярко эта неприспособленность человѣка къ условіямъ существованія сказывается въ несоразмѣрной слабости его нервной системы. Человѣкъ въ этомъ отношеніи страшно отсталъ отъ жизни. Жизнь требуетъ отъ него все больше нервной энергіи, все больше умственныхъ затратъ; нервы его неспособны на такую интенсивную работу,—и вотъ человѣкъ прибѣгаетъ къ возбудителямъ, чтобъ искусственно поднять свою нервную энергію. Моралисты могутъ за это стыдить человѣчество, медицина можетъ указывать на „противуестественность" введенія въ организмъ такихъ ядовъ, какъ никотинъ, теинъ, алкоголь и т. п. Но противуестественность—понятіе растяжимое. Сами по себѣ многіе изъ возбудителей,—какъ табакъ, водка, пиво,—на вкусъ отвратительны, дѣйствіе всѣхъ ихъ на непривычнаго человѣка ужасно; почему же каждый изъ этихъ возбудителей такъ быстро и побѣдно распространяется изъ своей родины по всему міру и такъ легко побѣждаетъ „естественную" природу человѣка? Противуестественна организація человѣка, отставшая отъ измѣнившихся жизненныхъ условій, противуестественно то, что человѣкъ принужденъ на сторонѣ черпать силу, источникъ которой онъ долженъ бы носить въ самомъ себѣ.

Такъ или иначе, раньше или позже, но человѣческому организму необходимо установиться и выработать нормальное соотношеніе между своими стремленіями и отправленіями. Это не можетъ не стать высшею и насущнѣйшею задачею науки, потому что въ этомъ—коренное условіе человѣческаго счастья. Долженъ же когда-нибудь кончиться этотъ вѣчный надсадъ, эта вѣчная ломка себя во всѣхъ направленіяхъ, должно же человѣчество зажить, наконецъ, вольно, всею широтою своихъ потребностей, потерявъ самое представленіе о возможности такой нелѣпости, какъ „противуестественная потребность".

XV.

Человѣческій организмъ долженъ, наконецъ, установиться и вполнѣ приспособиться къ условіямъ существованія. Но въ какомъ направленіи пойдетъ само это приспособленіе? Ястребъ, съ головокружительной высоты различающій глазомъ приникшаго къ землѣ жаворонка, приспособленъ къ условіямъ существованія; но приспособленъ къ нимъ и роющійся въ землѣ слѣпой кротъ. Къ чему же предстоитъ приспособляться человѣку,—къ свободѣ

ястреба или къ рабству крота? Предстоитъ ли ему улучшать и совершенствовать имѣющіяся у него свойства или терять ихъ?

Силою своего разума человѣкъ все больше сбрасываетъ съ себя иго внѣшней природы, становится все болѣе независимымъ отъ нея и все болѣе сильнымъ въ борьбѣ съ нею. Онъ спасается отъ холода посредствомъ одежды и жилища, тяжелую пищу, доставляемую природою, превращаетъ въ легко-усвояемую, свои собственныя мышцы замѣняетъ крѣпкими мышцами животныхъ, могучими силами пара и электричества. Культура быстро улучшаетъ и совершенствуетъ нашу жизнь, и даетъ намъ такія условія существованія, о которыхъ подъ властью природы нельзя и мечтать. Та же культура въ самомъ своемъ развитіи несетъ залогъ того, что ея удобства, доступныя теперь лишь счастливцамъ, въ недалекомъ будущемъ станутъ достояніемъ всѣхъ.

Господству внѣшней природы надъ человѣкомъ приходитъ конецъ... Но такъ ли ужъ беззавѣтно можно этому радоваться? Культура подхватила насъ на свои мягкія волны и несетъ впередъ, не давая оглядываться по сторонамъ; мы отдаемся этимъ волнамъ и не замѣчаемъ, какъ теряемъ въ нихъ одно за другимъ всѣ имѣющіяся у насъ богатства; мы не только не замѣчаемъ,—мы не хотимъ этого замѣчать: все наше вниманіе устремлено исключительно на наше самое цѣнное богатство,—разумъ, влекущій насъ впередъ, въ свѣтлое царство культуры. Но когда подведешь итогъ тому, что нами уже утеряно и что мы съ такимъ легкимъ сердцемъ собираемся утерять, становится жутко, и въ далекомъ свѣтломъ царствѣ начинаетъ мерещиться темный призракъ новаго рабства человѣка.

Измѣренія проф. Грубера показали, что длина кишечнаго канала у европейцевъ значительно увеличивается по направленію съ юга-запада на сѣверо-востокъ. Наибольшая длина кишечника встрѣчается въ сѣверной Германіи и особ. въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что сѣверо-восточные европейцы питаются менѣе удобоваримою пищею, чѣмъ юго-западные. Такого рода наблюденія даютъ физіологамъ поводъ къ „розовымъ надеждамъ“ о постепенномъ тѣлесномъ перерожденіи и „совершенствованіи“ человѣка подъ вліяніемъ раціональнаго питанія. Питаясь въ теченіе многихъ поколѣній такими концентрированными химическими составами, которые бы переходили въ кровь полностью и безъ предварительной обработки пищеварительными жидкостями, человѣческій организмъ могъ бы освободиться въ значительной степени отъ излишней ноши пищеварительныхъ органовъ, причемъ сбереженія въ строительномъ матеріалѣ и въ матеріалѣ на поддержаніе ихъ жизнедѣятельности могли бы идти на усиленіе болѣе благородныхъ высшихъ органовъ (Сѣченовъ).

Ради этихъ же „благородныхъ высшихъ органовъ“ ставится идеаломъ человѣческой организаціи вообще сведеніе до нуля всего растительнаго аппарата человѣческаго тѣла. Спенсеръ идетъ еще дальше и привѣтствуетъ изсчезновеніе у культурныхъ людей такихъ присущихъ дикарямъ свойствъ, какъ тонкость внѣшнихъ чувствъ, живость наблюденія, искусное употребленіе оружія и т. п. „Въ силу общаго антагонизма между дѣятельностями болѣе простыхъ и болѣе сложныхъ способностей, слѣдуетъ,—увѣряетъ онъ,—что это преобладаніе низшей умственной жизни мѣшаетъ высшей умственной жизни. Чѣмъ болѣе душевной энергіи тратится на безпокойное и многочисленное воспріятіе, тѣмъ менѣе остается на спокойную и разсудительную мысль“.

Культурная жизнь успѣшно и энергично идетъ навстрѣчу подобнымъ идеаламъ. Органъ обонянія принялъ у насъ ужъ совершенно зачаточный видъ; сильно ослабѣла способность кожныхъ нервовъ реагировать на температурныя колебанія и регулировать теплообразованіе организма; атрофируется железистая ткань женской груди; замѣчается значительное паденіе половой силы; кости становятся болѣе тонкими, первое и два послѣднихъ ребра выказываютъ наклонность къ исчезновенію; зубъ мудрости превратился въ зачаточный органъ и у 42% европейцевъ совсѣмъ отсутствуетъ; предсказываютъ, что послѣ изсчезновенія зубовъ мудрости за ними послѣдуютъ смежные съ ними четвертые коренные зубы; кишечникъ укорачивается; число плѣшивыхъ увеличивается...

Когда я читаю о дикаряхъ, объ ихъ выносливости, о тонкости ихъ внѣшнихъ чувствъ, меня охватываетъ тяжелая зависть, и я не могу примириться съ мыслью,—неужели дѣйствительно необходимо и неизбѣжно было потерять намъ все это. Гвіанецъ скажетъ, сколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей прошло тамъ, гдѣ европеецъ можетъ видѣть только слабые и перепутанные слѣды на тропинкѣ. Когда къ таитянамъ пріѣхалъ натуралистъ Коммерсонъ съ своимъ слугою, таитяне повели носами, обнюхали слугу и объявили, что онъ—не мужчина, а женщина; это дѣйствительно была возлюбленная Коммерсона, Жанна Барэ, сопровождавшая его въ его кругосвѣтномъ плаваніи въ костюмѣ слуги-мужчины. Бушменъ въ теченіе нѣсколькихъ дней способенъ ничего не ѣсть, онъ способенъ съ другой стороны находить себѣ пищу тамъ, гдѣ европеецъ умеръ бы съ голоду. Бедуинъ въ пустынѣ подкрѣпляетъ свои силы въ теченіе дня двумя глотками воды и двумя горстями жареной муки съ молокомъ. Въ то время, когда другіе дрожатъ отъ холода, арабъ спитъ босой въ открытой палаткѣ, а въ полуденный зной онъ спокойно дремлетъ на раскаленномъ пескѣ подъ лучами солнца. На Огненой Землѣ

Дарвинъ видѣлъ съ корабля женщину, кормившую грудью ребенка: она подошла къ судну и оставалась на мѣстѣ единственно изъ любопытства, а между тѣмъ мокрый снѣгъ, падая, таялъ на на ея голой груди и на тѣлѣ ея голаго малютки. На той же Огненой Землѣ Дарвинъ и его спутники, хорошо укутанные, жались къ пылавшему костру и все-таки зябли, а голые дикари, сидя поодаль отъ костра, обливались потомъ. Якуты за свою выносливость къ холоду прозваны „желѣзными людьми", дѣти эскимосовъ и чукчей выходятъ нагіе изъ теплой избы на 30°-ый морозъ...

Вѣдь для насъ всѣ эти люди—существа съ совершенно другой планеты, съ которыми у насъ нѣтъ ничего общаго, даже въ самомъ понятіи о здоровьѣ. Нашъ культурный человѣкъ пройдетъ босикомъ по росистой травѣ,—и простудится, проспитъ ночь на голой землѣ,—и калѣка на всю жизнь, пройдетъ пѣшкомъ пятнадцать верстъ,—и получитъ синовитъ. И при всемъ этомъ мы считаемъ себя здоровыми! Подъ перчатками скоро и руки станутъ у насъ столь же чувствительными къ холоду, какъ ноги, и „промочить руки" будетъ значить то же, что теперь—„промочить ноги".

И Богъ вѣсть, что еще ждетъ насъ въ будущемъ, какіе дары и удобства готовитъ намъ растущая культура! Какъ „нераціональною" будетъ для насъ обыкновенная пища, такъ „нераціональнымъ" станетъ и обыкновенный воздухъ: онъ будетъ слишкомъ рѣдокъ и грязенъ для нашихъ маленькихъ, нѣжныхъ легкихъ; и человѣкъ будетъ носить при себѣ аппаратъ съ сгущеннымъ чистымъ кислородомъ и дышать имъ черезъ трубочку; а испортился вдругъ аппаратъ,—и человѣкъ на вольномъ воздухѣ будетъ, какъ рыба, погибать отъ задушенія. Глазъ человѣка, благодаря усовершенствованнымъ стекламъ, будетъ различать комара за десять верстъ, будетъ видѣть сквозь стѣны и землю, а самъ превратится, подобно обонятельной части теперешняго носа, въ зачаточный, воспаленный органъ, который ежедневно нужно будетъ спринцовать, чистить и промывать. Мы и въ настоящее время живемъ въ непрерывномъ опьянѣніи; со временемъ вино, табакъ, чай окажутся слишкомъ слабыми возбудителями, и человѣчество перейдетъ къ новымъ, болѣе сильнымъ ядамъ. Оплодотвореніе будетъ производиться искусственнымъ путемъ, оно будетъ слишкомъ тяжело для человѣка, а любовное чувство будетъ удовлетворяться сладострастными объятіями и раздраженіями безъ всякой „грязи", какъ это рисуетъ Гюисмансъ въ „Là-bas". А можетъ быть, дѣло пойдетъ и еще дальше. Проф. Эйленбургъ цитируетъ одного изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей, Германа Бара, мечтающаго о „внѣполовомъ сладострастіи" и о „замѣнѣ низ-

кихъ эротическихъ органовъ болѣе утонченными нервами". По мнѣнію Бара, двадцатому вѣку предстоитъ сдѣлать „великое открытіе третьяго пола между мужчиной и женщиной, не нуждающагося болѣе въ мужскихъ и женскихъ инструментахъ, такъ какъ этотъ полъ соединяетъ въ своемъ мозгу (!) всѣ способности разрозненныхъ половъ и послѣ долгаго искуса *научился замѣщать дѣйствительное кажущимся*".

Вотъ-онъ, этотъ идеальный мозгъ, освободившійся отъ всѣхъ растительныхъ и животныхъ функцій организма! Уэльсъ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Борьба міровъ" слишкомъ блѣдными красками нарисовалъ образъ марсіанина. Въ дѣйствительности онъ гораздо могучѣе, безпомощнѣе и отвратительнѣе, чѣмъ въ изображеніи Уэльса.

Наука не можетъ не видѣть, какъ регрессируетъ съ культурою великолѣпный образъ человѣка, создавшійся путемъ такого долгаго и труднаго развитія. Но она утѣшается мыслью, что иначе человѣкъ не могъ бы развить до надлежащей высоты своего разума. Спенсеръ, какъ мы видѣли, даже доволенъ тѣмъ, что этотъ разумъ становится полу-слѣпымъ, полу-глухимъ и лишается возможности развлекаться „безпокойными воспріятіями". А вотъ что говоритъ извѣстный сравнительно-анатомъ Видерсгеймъ: „Развивъ свой мозгъ, человѣкъ совершенно возмѣстилъ потерю большого и длиннаго ряда выгодныхъ приспособленій своего организма. Они должны были быть принесены въ жертву, чтобъ мозгъ могъ успѣшно развиться и превратить человѣка въ то, что онъ есть теперь,—въ Homo sapiens."

Но вѣдь это нужно еще доказать! Нужно доказать, что указанныя жертвы мозгу дѣйствительно должны были приноситься и, главное, должны приноситься и впредь. Если до сихъ поръ мозгъ развивался, поѣдая тѣло, то это еще не значитъ, что иначе онъ и не можетъ развиваться.

Къ тѣмъ потерямъ, съ которыми мы уже свыклись, мы относимся съ большимъ равнодушіемъ: что же изъ того, что мы въ состояніи ѣсть лишь удобоваримую, мягкую пищу, что мы кутаемъ свои нѣжныя и зябкія тѣла въ одежды, боимся простуды, носимъ очки, чистимъ зубы и полощемъ ротъ отъ дурного запаха? Кишечный каналъ человѣка длиннѣе его тѣла въ шесть разъ; что же было бы хорошаго, если-бы онъ, какъ у овцы, былъ длиннѣе тѣла въ двадцать восемь разъ, чтобъ у человѣка, какъ у жвачныхъ, вмѣсто одного желудка было четыре? Въ концѣ концовъ, „der Mensch ist, was er isst, — человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ". И нѣтъ для человѣка ничего радостнаго превратиться въ вялое жвачное животное, вся энергія котораго уходитъ на перевариваніе пищи. Если человѣкъ скинетъ съ себя одежды,

организму также придется тратить громадные запасы своей энергіи на усиленное теплообразованіе, и совсѣмъ нѣтъ основаній завидовать какой-нибудь ледниковой блохѣ, живущей и размножающейся на льду.

Противъ этого возражать нечего. Конечно, вовсе не желательно, чтобъ человѣкъ превратился въ жвачное животное или ледниковую блоху. Но неужели отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ превратиться въ живой препаратъ мозга, способный существовать только въ герметически-закупоренной стклянкѣ? Культурный человѣкъ равнодушно нацѣпляетъ себѣ на носъ очки, теряетъ мускулы и отказывается отъ всякой „тяжелой“ пищи; но не ужасаетъ ли и его перспектива ходить всюду съ флакономъ сгущеннаго кислорода, кутать въ комнатахъ руки и лицо, вставлять въ носъ обонятельныя пластинки и въ уши—слуховыя трубы?

Все дѣло лишь въ одномъ: принимая выгоды культуры, нельзя разрывать самой тѣсной связи съ природой; развивая въ своемъ организмѣ новыя положительныя свойства, даваемыя намъ условіями культурнаго существованія, необходимо въ то же время сохранить наши старыя положительныя свойства; они добыты слишкомъ тяжелою цѣною, а утерять ихъ слишкомъ легко. Пусть все больше развивается мозгъ, но пусть же при этомъ у насъ будутъ крѣпкія мышцы, изощренные органы чувствъ, ловкое и закаленное тѣло, дающее возможность дѣйствительно жить съ природою одною жизнью, а не только отдыхать на ея лонѣ въ качествѣ изнѣженнаго дачника. Лишь широкая и разносторонняя жизнь тѣла во всемъ разнообразіи его отправленій, во всемъ разнообразіи воспріятій, доставляемыхъ имъ мозгу, сможетъ дать широкую и энергичную жизнь и самому мозгу.

„Тѣло есть *великій разумъ*, это—множественность, объединенная однимъ сознаніемъ. Лишь орудіемъ твоего тѣла является и *малый твой разумъ*, *твой „умъ“*, какъ ты его называешь, о, братъ мой,—онъ лишь простое орудіе, лишь игрушка твоего великаго разума“.

Такъ говорилъ Заратустра, обращаясь къ „презирающимъ тѣло“... Чѣмъ больше знакомишься съ душою человѣка, именуемаго „интеллигентомъ“, тѣмъ менѣе привлекательнымъ и удовлетворяющимъ является этотъ малый разумъ, отрекшійся отъ своего великаго разума.

А между тѣмъ несомнѣнно, что ходомъ общественнаго развитія этотъ послѣдній все больше обрекается на уничтоженіе, и по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ не предвидится условій для его процвѣтанія. Носителемъ и залогомъ общественнаго освобожденія человѣка является крупный городъ; реальныя основанія имѣютъ за собою единственно лишь мечтанія о будущемъ въ

духѣ Беллами. Будущее же это, такое радостное въ общественномъ отношеніи, въ отношеніи къ жизни самого организма безнадежно-мрачно и скудно: ненужность физическаго труда, тѣлесное барство, жиръ вмѣсто мускуловъ, жизнь ненаблюдательная и близорукая, безъ природы, безъ широкаго горизонта...

Медицина можетъ самымъ настойчивымъ образомъ указывать человѣку на необходимость всесторонняго физическаго развитія,— всѣ ея требованія будутъ по отношенію къ взрослымъ людямъ разбиваться объ условія жизни, какъ они разбиваются и теперь по отношенію къ интеллигентамъ. Чтобъ развиваться физически, взрослый человѣкъ долженъ физически *работать*, а не „упражняться". Съ цѣлью поддержки здоровья можно три минуты въ день убить на чистку зубовъ, но неодолимо-скучно и противно нѣсколько часовъ употреблять на безсмысленныя и безплодныя физическія упражненія. Въ ихъ безсмысленности лежитъ главная причина тѣлесной дряблости интеллигента, а вовсе не въ томъ, что онъ не понимаетъ пользы физическаго развитія; въ этомъ я убѣждаюсь на самомъ себѣ.

Въ отношеніи физическаго развитія я росъ въ исключительно-благопріятныхъ условіяхъ. До самаго окончанія университета я каждое лѣто жилъ въ деревнѣ жизнью простого работника, — пахалъ, косилъ, возилъ снопы, рубилъ лѣсъ съ утра до вечера. И мнѣ хорошо знакомо счастье бодрой, крѣпкой усталости во всѣхъ мускулахъ, презрѣніе ко всякимъ простудамъ, волчій аппетитъ и крѣпкій сонъ. Когда мнѣ теперь удается вырваться въ деревню, я снова берусь за косу и топоръ и возвращаюсь въ Петербургъ съ мозолистыми руками и обновленнымъ тѣломъ, съ жадною, радостною любовью къ жизни. Не теоретически, а всѣмъ существомъ своимъ я сознаю необходимость для духа энергичной жизни тѣла, и отсутствіе послѣдней дѣйствуетъ на меня съ мучительностью почти смѣшною: въ прошломъ году я прожилъ лѣто въ деревнѣ; недѣли черезъ двѣ послѣ возвращенія въ Петербургъ я однажды ночью проснулся отъ собственныхъ рыданій; мнѣ что-то снилось, и на душѣ была страшная тоска. Я сталъ припоминать, — что же снилось? И вспомнилъ: я стою въ русской рубашкѣ на опушкѣ лѣса съ топоромъ въ рукахъ, у моихъ ногъ двѣ срубленныхъ березы, небо покрыто сѣрыми тучами, и свѣжій, бодрящій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо. Только и всего. А на душѣ была и оставалась тоска, какъ будто я во снѣ рай видѣлъ: все это ужъ прошло... Въ мускулахъ непріятное, досадливое дрожаніе, требующее работы, на потолкѣ тусклый свѣтъ отъ фонарей, за окнами глухой гулъ и грохотъ.

И все-таки въ городѣ я живу жизнью чистаго интеллигента, работая только мозгомъ. Первое время я пытаюсь противъ этого

бороться, — упражняюсь гирями, дѣлаю гимнастику, совершаю пѣшія прогулки; но терпѣнія хватаетъ очень не на долго, до того все это безсмысленно и скучно. И если въ будущемъ физическій трудъ будетъ находить себѣ примѣненіе только въ спортѣ, лаунъ-теннисѣ, гимнастикѣ и т. п., то передъ скукою такого „труда" окажутся безсильными всѣ увѣщанія медицины и все пониманіе самихъ людей. Достоевскій въ „Запискахъ изъ мертваго дома", разсказывая о работѣ каторжниковъ, говоритъ: „Если бы захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы. Если бы заставить, напр., каторжника переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ и т. п.,—я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйти изъ такого униженія, стыда и муки".

Нечего будетъ дивиться, если человѣкъ будущаго отброситъ въ сторону всѣ эти нелѣпые ушаты.

И вотъ жизнь говоритъ: „ты, крѣпкій человѣкъ съ сильными мышцами, зоркимъ глазомъ и чуткимъ ухомъ, выносливый, самъ отъ себя во всемъ зависящій,—ты мнѣ ненуженъ и обреченъ на уничтоженіе"...

Но что радостнаго несетъ съ собою идущій ему на смѣну новый человѣкъ?

XVI.

Однажды въ деревнѣ ко мнѣ пришла крестьянская баба съ просьбою навѣстить ея больную дочь. При входѣ въ избу меня поразилъ стоявшій въ ней кислый, невыразимо-противный запахъ, какой бываетъ въ оврагахъ, куда забрасываютъ дохлыхъ собакъ. На низкихъ „хорахъ" лежала подъ полушубкомъ больная,—семнадцатилѣтняя дѣвушка съ изнуреннымъ, блѣднымъ лицомъ.

— Что болитъ у васъ?—спросилъ я.

Она молча и испуганно взглянула на меня и покраснѣла.

— Батюшка-докторъ, болѣзнь-то у нея такая, — совѣстно дѣвкѣ показать,—жалостливо произнесла старуха.

— Ну, пустяки какіе! Что вы, чего же доктора стыдиться? Покажите.

Я подошелъ къ дѣвушкѣ. Лицо ея вдругъ стало деревянно-покорнымъ, и съ этого лица на меня неподвижно смотрѣли тупые, растерянные глаза.

— Повернись, Танюша, покажи!—увѣщавающе говорила старуха, снимая съ больной полушубокъ.—Посмотритъ докторъ,— Богъ дастъ, поможетъ тебѣ, здорова будешь...

Съ тѣми же тупыми глазами, съ сосредоточенною, испуганною покорностью, дѣвушка повернулась на-бокъ и подняла грубую, холщевую рубашку, несгибавшуюся, какъ лубокъ, отъ засохшаго гноя. У меня замутилось въ глазахъ отъ нестерпимой вони и отъ того, что я увидѣлъ. Все лѣвое бедро, отъ пояса до колѣна, представляло одну громадную синебагровую опухоль, изъѣденную язвами и нарывами величиною съ кулакъ, покрытую разлагающимся, вонючимъ гноемъ.

— Отчего вы раньше ко мнѣ не обратились?! Вѣдь я здѣсь ужъ полтора мѣсяца!—воскликнулъ я.

— Батюшка-докторъ, все соромилась дѣвка, — вздохнула старуха.—Мѣсяцъ цѣлый хвораетъ,—думала, Богъ дастъ, пройдетъ: сначала вотъ какой всего желвачокъ былъ... Говорила я ей: Танюша, вонъ у насъ докторъ теперь живетъ, всѣ за него Бога молятъ, за помочь его,—сходи къ нему. — Мнѣ, говоритъ, мама, стыдно... Извѣстно, дѣвичье дѣло, глупое... Вотъ и долежалась!

Я пошелъ домой за инструментами и перевязочнымъ матеріаломъ... Боже мой, какая нелѣпость! Цѣлый мѣсяцъ въ двухъ шагахъ отъ нея была помощь,—и какое-то дикое, уродливое чувство загородило ей эту помощь, и только теперь она рѣшилась перешагнуть черезъ преграду,—теперь, когда, можетъ быть, ужъ слишкомъ поздно...

И такихъ случаевъ приходится встрѣчать очень много. Сколько болѣзней изъ-за этого стыда запускаютъ женщины, сколько препятствій онъ ставитъ врачу при постановкѣ діагноза и при леченіи!.. Но сколько и душевныхъ страданій переноситъ женщина, когда ей приходится переступать черезъ этотъ стыдъ! Передо мною и теперь, какъ живое, стоитъ растерянное, вдругъ отупѣвшее лицо этой дѣвушки съ напряженно-покорными глазами; много ей пришлось перестрадать, чтобъ наконецъ рѣшиться переломить себя и обратиться ко мнѣ.

Къ часто повторяющимся впечатлѣніямъ привыкаешь. Тѣмъ не менѣе, когда, съ легкой краской на лицѣ и неуловимымъ трепетомъ всего тѣла, передо мною раздѣвается больная, у меня иногда мелькаетъ мысль: имѣю ли я представленіе о томъ, что теперь творится у нея въ душѣ?

Въ „Аннѣ Карениной“ есть одна тяжелая сцена. „Знаменитый докторъ,—разсказываетъ Толстой,—не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной Кити. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что

дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобъ еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Надо было покориться... Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванія растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ... Мать вошла въ гостиную къ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула, и глаза ея наполнились слезами".

Постепенно у больныхъ вырабатывается къ такимъ изслѣдованіямъ привычка; но она вырабатывается лишь путемъ тяжелой ломки съ дѣтства создавшагося душевнаго строя. Не для всѣхъ эта ломка проходитъ безнаказанно. Однажды, я помню, мнѣ стало прямо жутко отъ той страшной опустошенности, какую подобная ломка можетъ вызвать въ женской душѣ. Я тогда былъ еще студентомъ и ѣхалъ на холеру въ Екатеринославскую губернію. Въ Харьковѣ въ десять часовъ вечера въ нашъ вагонъ сѣла молодая дама; у нея было милое и хорошее лицо съ ясными, немножко наивными глазами. Мы разговорились. Узнавъ, что я—студентъ-медикъ, она сообщила мнѣ, что ѣздила въ Харьковъ лечиться, и стала разсказывать о своей болѣзни: она уже четыре года страдаетъ дисменорреей и лечится у разныхъ профессоровъ; одинъ изъ нихъ опредѣлилъ у нея искривленіе матки, другой—суженіе шейки; мѣсяцъ назадъ ей дѣлали разрѣзъ шейки. Глядя на меня въ полумракѣ вагона своими ясными, спокойными глазами, она разсказывала мнѣ о симптомахъ своей болѣзни, объ ея началѣ; она посвятила меня во всѣ самыя сокровенныя стороны своей половой и брачной жизни, не было ничего, передъ чѣмъ бы она остановилась; и все это безъ всякой нужды, безъ всякой цѣли, даже безъ моихъ разспросовъ! Я слушалъ, пораженный: сколько ей пришлось перенести отвратительныхъ манипуляцій и разспросовъ, какъ долго и систематически она должна была выставлять на растоптаніе свою стыдливость, чтобъ стать способною къ такому безцѣльному обнаженію себя передъ первымъ встрѣчнымъ!

А между тѣмъ, носи у женщины сама стыдливость другой характеръ,—и не было бы этой ломки и вызванной ею опустошенности. Въ Петербургѣ я былъ однажды приглашенъ къ заболѣвшей курсисткѣ. Всѣ симптомы говорили за брюшной тифъ; селезенку еще можно было прощупать сквозь рубашку, но, чтобъ увидѣть розеолы, необходимо было обнажить животъ. Я на мгновеніе замялся,—мнѣ и до сихъ поръ тяжело и неловко предъявлять такія требованія.

— Нужно поднять рубашку?—просто спросила дѣвушка, догадавшись, чего мнѣ нужно.

Она подняла. И все это мучительное, стыдное, тяжелое вышло такъ просто и легко! И такъ мнѣ стала симпатична эта дѣвушка съ серьезнымъ лицомъ и умными, спокойными глазами... Я видѣлъ, что для нея въ происшедшемъ не было обиды и муки, потому что тутъ была настоящая культурность. Да, она такъ просто и легко обнажилась передо мною,—но, встрѣтившись случайно въ вагонѣ, навѣрное ничего не стала бы разсказывать подобно *той*...

Что для человѣка стыдно, что не стыдно?

Существуютъ племена, которыя стыдятся *одѣваться*. Когда миссіонеры раздавали платки индѣйцамъ Ореноко, предлагая имъ покрывать тѣло, женщины бросали или прятали платокъ, говоря: „мы не покрываемся, потому что намъ стыдно". Въ Бразиліи Уоллэсъ нашелъ въ одной избушкѣ совершенно обнаженныхъ женщинъ, ни мало не смущавшихся этимъ обстоятельствомъ; а между тѣмъ у одной изъ нихъ была „сая", т.-е. родъ юбки, которую она иногда одѣвала; и тогда, по словамъ Уоллэса, она смущалась почти такъ же, какъ цивилизованная женщина, которую мы застали бы безъ юбки.

Что стыдно? Мы судимъ съ своей точки зрѣнія, на которую поставлены сложнымъ дѣйствіемъ самыхъ разнообразныхъ, совершенно случайныхъ причинъ. Тѣ люди, которые стыдливѣе насъ, и тѣ, которые менѣе стыдливы, одинаково возбуждаютъ въ насъ снисходительную улыбку сожалѣнія къ ихъ „некультурности". Восточная женщина стыдится открыть передъ мужчиною лицо, русская баба считаетъ позорнымъ явиться на людяхъ простоволосою; гоголевскія дамы находили неприличнымъ говорить: „я высморкалась", а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка". Намъ все это смѣшно, и мы искренно недоумѣваемъ, что же стыднаго въ обнаженныхъ волосахъ и лицѣ, что неприличнаго сказать: „я высморкалась". Но почему намъ не смѣшна женщина, стыдящаяся обнажить передъ мужчиною колѣно или животъ, почему на балу самая скромная дѣвушка не считаетъ стыднымъ явиться съ обнаженною верхнею половиною груди, а та, которая обнажитъ всю грудь до пояса,—цинична? Почему насъ не коробитъ мужчина, не прикрывающій передъ женщиною бороды и усовъ,—несомнѣннаго вторично-полового признака мужчины? Сказать: „я высморкалась"—не стыдно, а упоминать о другихъ физіологическихъ отправленіяхъ, столь же, правда, неэстетичныхъ, но и не менѣе естественныхъ—невозможно. И вотъ люди въ обществѣ лицъ другого пола подвергаютъ себя мукамъ, нерѣдко даже опасности серьезнаго заболѣ-

ванія, но не рѣшаются показать и вида, что имъ нужно сдѣлать то, безъ чего, какъ всякій знаетъ, человѣку обойтись невозможно.

Все наше воспитаніе направлено къ тому, чтобъ сдѣлать для насъ наше тѣло позорнымъ и постыднымъ; на цѣлый рядъ самыхъ законныхъ отправленій организма, предуказанныхъ природою, мы пріучены смотрѣть не иначе, какъ со стыдомъ; obscoenum est dicere, facere non obscoenum (говорить позорно, дѣлать не позорно),—характеризуетъ эти отправленія Цицеронъ. Почти съ первыхъ проблесковъ сознанія ребенокъ ужъ начинаетъ получать настойчивыя указанія на то, что онъ долженъ стыдиться такихъ-то отправленій и такихъ-то частей своего тѣла; чистая натура ребенка долго не можетъ взять въ толкъ этихъ указаній; но усилія воспитателей не ослабѣваютъ, и ребенокъ, наконецъ, начинаетъ проникаться сознаніемъ постыдности жизни своего тѣла. Дальше,—больше. Приходитъ время, и подростающій человѣкъ узнаетъ о тайнѣ своего происхожденія; для него эта тайна, благодаря предшествовавшему воспитанію, является сплошною грязью, ужасною по своей неожиданности и мерзости. Въ однихъ мысль о законности такого невѣроятнаго безстыдства вызываетъ сладострастіе, какое при иныхъ условіяхъ было бы совершенно невозможно; въ другихъ мысль эта вызываетъ отчаяніе. Рыданія дѣвушки, въ ужасѣ останавливающейся передъ грязью жизни и дающей клятвы никогда не выходить замужъ, ея опошленная и опозоренная любовь—это драма тяжелая и серьезная, но въ то же время поражающая своею противуестественностью. А между тѣмъ какъ не быть этой драмѣ? Руссо требовалъ, чтобъ родители и воспитатели сами объясняли дѣтямъ все, а не предоставляли дѣлать это грязнымъ языкамъ прислуги и товарищей. Разницы тутъ нѣтъ рѣшительно никакой: воспитаніе ребенка ведется такъ, что не можетъ онъ, какъ „чисто“ ни излагай ему дѣла, не увидѣть въ немъ самой ужасной и безстыдной грязи.

Все это вовсе еще не значитъ, что и сама стыдливость есть, дѣйствительно, лишь остатокъ варварства, какъ утверждаетъ толстовскій „знаменитый докторъ“. Стыдливость, какъ обереганіе своей интимной жизни отъ постороннихъ глазъ, какъ чувство, дѣлающее для человѣка невозможнымъ, подобно животному, отдаваться первому встрѣчному самцу или самкѣ, есть не остатокъ варварства, а цѣнное пріобрѣтеніе культуры. Но такая стыдливость ни въ какомъ случаѣ не исключаетъ серьезнаго и нестыдящагося отношенія къ человѣческому тѣлу и его жизни. У Бурже въ его „Profils perdus“ есть одинъ замѣчательный очеркъ, въ которомъ онъ выводитъ интеллигентную русскую дѣвушку; пошловатый любитель „науки страсти нѣжной“ стоитъ передъ этою

дѣвушкою въ полномъ недоумѣніи: она свободно и не стѣсняясь говоритъ съ нимъ „въ терминахъ научнаго матеріализма“ о зачатіи, о материнствѣ,—„и въ то же время ни однѣ мужскія губы не касались даже ея руки!..“

Стыдливость, строгая и цѣломудренная, не исключаетъ даже наготы. Бюффонъ говоритъ: „Мы не настолько развращены и не настолько невинны, чтобъ ходить нагими“. Такъ ли это? Дикари развращены не болѣе насъ, сказки объ ихъ невинности давно уже опровергнуты; между тѣмъ, многіе изъ нихъ ходятъ нагими, и эта нагота ихъ не развращаетъ; они просто *привыкли* къ ней. Мало того, есть, какъ мы видѣли, племена, которыя стыдятся одѣваться. Какъ обычай прикрывать свое тѣло одеждою можетъ идти рядомъ съ самою глубокою развращенностью, такъ и привычная нагота соединима съ самымъ строгимъ цѣломудріемъ. Обитательницы Огненой Земли ходятъ нагими и нисколько не стѣсняются этого; между тѣмъ, замѣчая на себѣ страстные взгляды пріѣзжихъ европейскихъ матросовъ, онѣ краснѣли и спѣшили спрятаться; можетъ быть, совсѣмъ такъ же покраснѣла бы одѣтая европейская женщина, поймавъ на себѣ взглядъ бразиліанца или индѣйца Ореноко.

Все дѣло въ привычкѣ. Если бы считалось стыднымъ обнажать исключительнолишь мизинецъ руки, то обнаженіе именно этого мизинца и дѣйствовало бы сильнѣе всего на лицъ другого пола. У насъ тщательно скрывается подъ одеждою почти все тѣло. И вотъ благородное, читое и прекрасное человѣческое тѣло обращено въ приманку для совершенно опредѣленныхъ цѣлей: запретное, недоступное глазу человѣка другого пола, оно открывается передъ нимъ только въ спеціальные моменты, усиливая сладострастіе этихъ моментовъ и придавая ему остроту; и именно для сладострастниковъ-то привычная нагота и была бы большимъ ударомъ *). Мы можемъ безъ всякаго спеціальнаго чувства любоваться одѣтою красавицею; но къ живому нагому женскому тѣлу, не уступай оно въ красотѣ самой Венерѣ Милосской, мы нашимъ воспитаніемъ лишены способности относиться чисто.

Мы стыдимся и не уважаемъ своего тѣла, поэтому мы и не заботимся о немъ; вся забота обращена на его украшеніе, хотя

---

*) На «классической вальпургіевой ночи» Мефистофель чувствуетъ себя совершенно чужимъ. «Почти всѣ голы,—недовольно говоритъ онъ,—только кое-гдѣ видны одежды... Въ душѣ, конечно, и мы не прочь отъ безстыдства, но античное я нахожу черезчуръ живымъ»... Въ паралипоменахъ къ «Фаусту» Мефистофель выражается еще откровеннѣе:

Was hat man an den nackten Heiden?
Ich liebe mir was auszukleiden,
Wenn man doch einmal lieben soll.

Тонкій сладострастникъ Мопассанъ съ особенною любовью останавливается обыкновенно именно на процессахъ раздѣванія.

бы цѣною полнаго его изуродованія. Въ Парижѣ ежегодно выходятъ спеціальные альбомы „Le nu“,—снимки со всѣхъ картинъ за истекшій годъ, въ которыхъ изображено голое тѣло. Когда пересматриваешь такой альбомъ,—страшно, прямо страшно становится за человѣка. Эти мягкотѣлыя, дряблыя женскія фигуры съ гигантскими, жирными задами, вдавленными боками, зачаточною и уже отвислою грудью,—

И какой колдунъ злосчастный
Этихъ куколъ къ намъ занесъ?..

Безполезно гадать, гдѣ и на чемъ установятся въ будущемъ предѣлы стыдливости; но въ одномъ нельзя сомнѣваться,—что люди все съ большею серьезностью и уваженіемъ станутъ относиться къ природѣ и ея законамъ, а вмѣстѣ съ этимъ перестанутъ краснѣть за то, что у нихъ есть тѣло, и что это тѣло живетъ по законамъ, указаннымъ природою.

Но это когда-то еще будетъ. Въ настоящее же время медицина, имѣя дѣло съ женщиною, должна чутко вѣдаться съ ея душою. Врачебное образованіе до послѣдняго времени составляло монополію мужчинъ, и женщинѣ съ самою интимною болѣзнью приходилось обращаться за помощью къ нимъ. Кто учтетъ, сколько при этомъ было пережито тяжелой душевной ломки, сколько женщинъ погибло, не рѣшаясь раскрыть передъ мужчиною своихъ болѣзней? Намъ, мужчинамъ, ничего подобнаго не приходится переносить, да мы въ этомъ отношеніи и менѣе щепетильны. Но вотъ, напр., въ 1883 году въ опочецкое земское собраніе двое гласныхъ внесли предложеніе, чтобъ должности земскихъ врачей не замѣщались врачами-женщинами; „больные мужчины,—заявили они,—стыдятся лечиться отъ сифилиса у женщинъ-врачей“. Это намъ вполнѣ понятно: никто изъ насъ не захочетъ обратиться къ женщинѣ-врачу съ сколько-нибудь щекотливою болѣзнью. Ну, а женщины,—рѣшились ли бы утверждать опочецкіе гласные, что онѣ не стыдятся лечиться отъ сифилиса у врачей-мужчинъ? Это было бы грубой неправдой. Отчеты земскихъ врачей полны указаніями на то, какъ неохотно именно по этой причинѣ обращаются къ врачебной помощи крестьянскія женщины и особенно дѣвушки.

Въ настоящее время врачебное образованіе, къ счастью, стало доступно и женщинѣ; это—громадное благо для всѣхъ женщинъ,—для всѣхъ равно, а не только для мусульманскихъ, на что любятъ указывать защитники женскаго врачебнаго образованія. Это громадное благо и для самой науки: только женщинѣ удастся познать и понять темную, страшно сложную жизнь женскаго организма во всей ея физической и психической цѣлости; для мужчины это познаніе всегда будетъ отрывочнымъ и неполнымъ.

XVII.

Года черезъ полтора послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ меня позвалъ къ себѣ на домъ къ больному ребенку одинъ желѣзнодорожный машинистъ. Онъ занималъ комнату въ пятомъ этажѣ, по грязной и вонючей лѣстницѣ. У его трехлѣтняго мальчика оказался нарывъ миндалины; ребенокъ былъ рахитическій, худенькій и блѣдный; онъ бился и зажималъ зубами ручку ложки, такъ что мнѣ съ трудомъ удалось осмотрѣть его зѣвъ. Я назначилъ леченіе. Отецъ,—высокій, съ косматою рыжею бородою,—протянулъ мнѣ при уходѣ деньги; комната была жалкая и бѣдная, ребятъ куча; я отказался. Онъ почтительно и съ благодарностями проводилъ меня.

Слѣдующіе два дня ребенокъ продолжалъ лихорадить, опухоль зѣва увеличивалась, дыханіе стало затрудненнымъ. Я сообщилъ родителямъ, въ чемъ дѣло, и предложилъ прорѣзать нарывъ.

— Это какъ же, во рту, внутри, рѣзать? — спросила мать, высоко поднявъ брови.

Я объяснилъ, что операція эта совершенно безопасна.

— Ну, нѣтъ! У меня на это согласія нѣту!—быстро и рѣшительно отвѣтила мать.

Всѣ мои убѣжденія и разъясненія остались тщетными.

— Я такъ думаю, что Божья на это воля,—сказалъ отецъ.— Не захочетъ Господь, такъ и прорѣзать,—все равно помретъ. Гдѣжъ ему, такому слабому, перенести операцію?

Я сталъ спринцовать ребенку горло.

— Самъ ужъ теперь ротъ раскрываетъ,—грустно произнесъ отецъ.

— Нарывъ, вѣроятно, сегодня прорвется,—сказалъ я.—Слѣдите, чтобъ ребенокъ во снѣ не захлебнулся гноемъ. Если плохо будетъ, пошлите за мною.

Я вышелъ въ кухню. Отецъ стремительно бросился подать мнѣ пальто.

— Ужъ не знаю, господинъ докторъ, какъ васъ и благодарить,—проговорилъ онъ. — Прямо, можно сказать, навѣки насъ обязываете.

Назавтра прихожу, звонюсь. Мнѣ отворила мать,—заплаканная, блѣдная; она злыми глазами оглядѣла меня и молча отошла къ плитѣ.

— Ну, что вашъ сынокъ?—спросилъ я.

Она не отвѣтила, даже не обернулась.

— Помираетъ, — сдержанно произнесла изъ угла какая-то старуха.

Я раздѣлся и вошелъ въ комнату. Отецъ сидѣлъ на кровати, на колѣняхъ его лежалъ блѣдный мальчикъ.

— Что, очень ему плохо?—спросилъ я.

Отецъ окинулъ меня холоднымъ, безучастнымъ взглядомъ.

— Ужъ не знаю, какъ и до утра дожилъ,—неохотно отвѣтилъ онъ.—Къ обѣду помретъ.

Я взялъ ребенка за руку и пощупалъ пульсъ.

— Всю ночь матерія шла черезъ носъ и ротъ,—продолжалъ отецъ.—Иной разъ совсѣмъ захлебнется,—посинѣетъ и закатитъ глаза; жена заплачетъ, начнетъ его трясти, — онъ на время и отойдетъ.

— Поднесите его къ окну, посмотрѣть горло,—сказалъ я.

— Что его еще мучить! — сердито проговорила вошедшая мать.—Ужъ оставьте его въ покоѣ!

— Какъ вамъ не стыдно?!—прикрикнулъ я на нее. — Чуть немножко хуже стало,—и руки ужъ опустили: помирай, дескать! Да ему вовсе и не такъ ужъ плохо.

Опухоль зѣва значительно опала, но мальчикъ былъ сильно истощенъ и слабъ. Я сказалъ родителямъ, что все идетъ очень хорошо, и мальчикъ теперь быстро оправится.

— Дай-Богъ! — скептически улыбнулся отецъ. — А я такъ думаю, что вы его завтра и въ живыхъ ужъ не увидите.

Я прописалъ рецептъ, объяснилъ, какъ давать лекарство, и всталъ.

— До свиданія!

Отецъ еле удостоилъ меня отвѣтомъ. Никто не поднялся меня проводить.

Я вышелъ возмущенный. Горе ихъ было, разумѣется, вполнѣ законно и понятно; но чѣмъ заслужилъ я такое отношеніе къ себѣ? Они видѣли, какъ я былъ къ нимъ внимателенъ,—и хоть бы искра благодарности! Когда-то въ мечтахъ я наивно представлялъ себѣ подобные случаи въ такомъ видѣ: больной умираетъ, но близкіе видятъ, какъ горячо и безкорыстно относился я къ нему, и провожаютъ меня съ любовью и признательностью.

— Не хотятъ, и не нужно! Больше не пойду къ нимъ!— рѣшилъ я.

Назавтра мнѣ пришлось употребить всѣ усилія воли, чтобъ заставить себя пойти. Звонясь, я дрожалъ отъ негодованія, готовясь встрѣтить эту безсмысленную, незаслуженную мною ненависть со стороны людей, для которыхъ я дѣлалъ все, что могъ.

Мнѣ открыла мать,—розовая, счастливая; мгновеніе поколебавшись, она вдругъ схватила мою руку и крѣпко пожала ее. И меня удивило, какое у нея было хорошенькое, милое лицо,— раньше я этого совсѣмъ не замѣтилъ. Ребенокъ чувствовалъ себя

прекрасно, былъ веселъ и просилъ ѣсть... Я ушелъ, сопровождаемый горячими благодарностями отца и матери.

Этотъ случай въ первый разъ далъ мнѣ понять, что если отъ тебя ждутъ спасенія близкаго человѣка, и ты этого не сдѣлалъ, то не будетъ тебѣ прощенія, какъ бы ты ни хотѣлъ и какъ бы ни старался спасти его.

Я лечилъ отъ дифтерита одну молодую купчиху, по фамиліи Старикову. Мужъ ея, полный и румяный купчикъ, съ добродушнымъ лицомъ и рыжеватыми усиками, самъ пріѣзжалъ за мною на рысакѣ; онъ стѣснялъ и смѣшилъ меня своею суетливою, приказчичьею предупредительностью: когда я садился въ сани, онъ поддерживалъ меня за локоть, оправлялъ полы моей шубы, а, усадивъ, самъ садился рядомъ на самомъ краешкѣ сидѣнія. Дифтеритъ у больной былъ очень тяжелый, флегмонозной формы, и нѣсколько дней она была на краю смерти; потомъ начала поправляться. Но въ будущемъ еще была опасность отъ послѣдифтеритныхъ параличей.

Однажды въ четыре часа утра ко мнѣ позвонился мужъ больной. Онъ сообщилъ, что у больной неожиданно появились сильныя боли въ животѣ и рвота. Мы сейчасъ же поѣхали. Была метель, санки быстро мчались по пустыннымъ улицамъ.

— Сколько мы вамъ, докторъ, безпокойствъ доставляемъ!—извиняющимся голосомъ заговорилъ мой спутникъ.—Эдакую рань вамъ ѣхать, въ такую непогоду!.. Спать вамъ помѣшалъ...

Больной было очень плохо; она жаловалась на тянущія боли въ груди и животѣ, лицо ея было бѣло, того трудно-описуемаго вида, который мало-мальски привычному глазу съ несомнѣнностью говоритъ о быстро и неотвратимо приближающемся параличѣ сердца. Я предупредилъ мужа, что опасность очень велика. Пробывъ у больной три часа, я уѣхалъ, такъ какъ у меня былъ другой трудный больной, котораго было необходимо посѣтить. При Стариковой я оставилъ опытную фельдшерицу.

Черезъ полтора часа я пріѣхалъ снова. Навстрѣчу мнѣ вышелъ мужъ, съ страннымъ лицомъ и воспаленными, красными глазами. Онъ остановился въ дверяхъ залы, заложивъ руки сзади подъ пиджакомъ.

— Что скажете хорошенькаго?—развязно и презрительно спросилъ онъ меня.

— Что Марья Ивановна?

— Марья Ивановна-съ?—повторилъ онъ, растягивая слова.

— Ну, да!

Онъ помолчалъ.

— Полчаса назадъ благополучно скончалась! — усмѣхнулся

Стариковъ, съ ненавистью оглядѣвъ меня. — Честь имѣю кланяться,—до свиданія!

И круто повернувшись, онъ ушелъ въ залу, наполненную собравшимися родственниками.

Въ моемъ воспоминаніи никакъ теперь не могутъ соединиться въ одно два образа этого Старикова: одинъ—суетливо-предупредительный, заглядывающій въ глаза, стремящійся къ тебѣ, другой—чуждый, съ вызывающе-оскорбительною развязностью, съ красными, горящими ненавистью глазами.

О, какова ненависть такихъ людей! Нѣтъ ей предѣловъ. Въ прежнія времена расправа съ врачами въ подобныхъ случаяхъ была короткая. „Врачъ нѣкій нѣмчинъ Антонъ,—разсказываютъ русскія лѣтописи,—врачева князя Каракуча, да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій Іоаннъ III выдалъ его сыну Каракучеву, онъ же мучивъ его, хотѣ на окупъ дати. Князь же великій не повелѣ, но повелѣ его убити; они, сведше его на Москву-рѣку подъ мостъ зимою, и зарѣзали ножомъ, яко овцу".

По законамъ вестготовъ, врачъ, у котораго умеръ больной, немедленно выдавался родственникамъ умершаго, „чтобъ они имѣли возможность сдѣлать съ нимъ, что хотятъ". И въ настоящее время многіе и многіе вздохнули бы по этому благодѣтельному закону; тогда прямо и вѣрно можно было бы достигать того, къ чему теперь приходится стремиться не всегда надежными путями. Лѣтъ пятнадцать назадъ у чистопольскаго помѣщика г. Геркена умерла дочь, которую пользовалъ земскій врачъ Свинцицкій. Огорченный отецъ, какъ сообщалось въ казанскихъ газетахъ, подалъ въ земское собраніе заявленіе, что знанія д-ра Свинцицкаго ниже фельдшерскихъ, и что имъ недовольно все населеніе „за малыя знанія и невнимательность". Земскимъ собраніемъ была назначена особая коммиссія для производства дознанія. Жалоба г. Геркена оказалась полнѣйшей клеветой, и земское собраніе единогласно постановило выразить д-ру Свинцицкому признательность „за его честную и полезную дѣятельность".

Въ концѣ 1883 года въ одесской газетѣ „Новороссійскій Телеграфъ" появилось письмо нѣкоего г. Бѣлякова подъ бросающимся въ глаза заглавіемъ:

Сына моего зарѣзали!

(Необычайный некрологъ отца о сынѣ).

„Да, г. редакторъ! — пишетъ г. Бѣляковъ. — Единственный сынъ мой Сократъ зарѣзанъ въ Херсонѣ, въ силу науки, ровно въ 10 час. вечера 28 ноября, услугами нашего мѣстнаго оператора Петровскаго"...

Далѣе, на пространствѣ цѣлаго фельетона, г. Бѣляковъ подробно разсказываетъ, какъ его ребенокъ заболѣлъ дифтеритомъ, какъ плохо лечили его врачи, какъ, благодаря этому плохому леченію, процессъ распространился на гортань. Съ тщательностью судебнаго слѣдователя онъ приводитъ въ качествѣ обвинительныхъ документовъ всѣ назначенія и рецепты врачей, и тѣмъ самымъ, помимо своей воли, наглядно удостовѣряетъ для всякаго, понимающаго дѣло, совершённую правильность всѣхъ назначеній. Ребенку было очень худо. Одинъ изъ врачей призналъ случай безнадежнымъ и уѣхалъ. Отецъ молилъ спасти ребенка. Тогда оставшійся при больномъ д-ръ Гершельманъ предложилъ послѣднее средство, — операцію. Во время операціи, произведенной докторомъ Петровскимъ, ребёнокъ умеръ. Какъ видно изъ самого же описанія г-на Бѣлякова, случай былъ очень тяжелый, и такого конца можно было ждать каждую минуту; но г. Бѣляковъ, ничего не понимая въ дѣлѣ, утверждаетъ, что операторъ просто-на-просто „зарѣзалъ" его сына *).

„Слѣдовало ли дѣлать эту операцію,—спрашиваетъ г. Бѣляковъ, — если болѣзнь длилась ужъ шестой день? Компетентныя лица (?) говорятъ, что когда дифтеритъ длился столько времени, не осложняясь, и когда больной еще дышалъ,—не представлялось никакой надобности въ операціи (*Это совершенный вздоръ*). Наконецъ, правильно ли было пользованіе д-ра Гершельмана? Всѣ ли возможныя средства онъ употребилъ для спасенія больного? По моему мнѣнію, г. Гершельманъ слишкомъ поверхностно отнесся къ своему дѣлу... Подыщите послѣ этого подходящую статью въ уложеніи о наказаніяхъ, которая своею страшною карою виновнаго въ смерти Сократа могла бы искупить наше горе!"

Конечно, ни одна статья уложенія не удовлетворила бы г. Бѣлякова. Вотъ дѣйствуй у насъ вестготскіе законы, — о, тогда г. Бѣляковъ сумѣлъ бы изобрѣсти кару, которая бы искупила его горе!.. Сильна въ человѣкѣ кровавая жажда найти во что бы то ни стало искупительную жертву, чтобы принести ее тѣни погибшаго близкаго человѣка.

Вначалѣ такая обращенная на меня ненависть страшно мучила меня. Я краснѣлъ и страдалъ, когда, случайно встрѣтивъ на улицѣ кого-либо изъ близкихъ моего умершаго паціента, замѣчалъ, какъ онъ поспѣшно отворачивается, чтобъ не видѣть меня. Потомъ постепенно я привыкъ. А слѣдствіемъ этой привычки явилось еще нѣчто, совершенно неожиданное и для меня самого.

---

*) По жалобѣ отца, тѣло ребенка было вырыто изъ могилы и вскрыто въ присутствіи слѣдователя и четырехъ экспертовъ; оказалось, что ребенокъ умеръ отъ задушенія дифтеритными пленками, а операція была произведена безукоризненно.

Неподалеку отъ меня у одной дамы-корректорши, по фамиліи Декановой, заболѣлъ ея сынъ-гимназистъ. По рекомендаціи кого-то изъ моихъ паціентовъ, она обратилась ко мнѣ. Жила она въ небольшой квартиркѣ съ двумя дѣтьми,—заболѣвшимъ гимназистомъ и дочерью Екатериной Александровной, дѣвушкою съ славнымъ, интеллигентнымъ лицомъ, слушательницею рождественскихъ курсовъ лекарскихъ помощницъ. И мать, и дочь, видимо, души не чаяли въ мальчикѣ. У него оказалось крупозное воспаленіе легкихъ. Мать, сухая и нервная, съ бѣгающими, психопатическими глазами, такъ и замерла.

— Докторъ, скажите, это очень опасно? Онъ умретъ?

Я отвѣтилъ, что покамѣстъ навѣрное ничего еще нельзя сказать, что кризисъ будетъ дней черезъ пять-шесть. Для меня началось ужасное время. Мать и дочь не могли допустить и мысли, чтобъ ихъ мальчикъ умеръ; для его спасенія онѣ были готовы на все. Мнѣ приходилось посѣщать больного раза по три въ день; это было совершенно безполезно, но онѣ своею настойчивостью умѣли заставить меня.

— Докторъ, онъ не умираетъ?—сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ спрашиваетъ мать.—Докторъ, голубчикъ! Я сумашедшая, простите меня... Что я хотѣла сказать?.. Правда, вѣдь вы все сдѣлаете? Вы мнѣ спасете Володю?

На четвертый день Екатерина Александровна, волнуясь и кусая губы, сказала мнѣ:

— Вы не обижайтесь на меня, позвольте мнѣ сказать вамъ, какъ частному лицу... Мнѣ ваше леченіе кажется чрезвычайно шаблоннымъ: ванны, кодеинъ, банки, ледъ на голову... Теперь назначили digitalis...

— Въ такомъ случаѣ распоряжайтесь, пожалуйста, вы, — я буду исполнять ваши назначенія,—холодно отвѣтилъ я.

— Да нѣтъ, я ничего не знаю, — поспѣшно проговорила она.—Но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ дѣлалось что-нибудь особенное, чтобъ ужъ навѣрное спасти Володю. Мама съ ума сойдетъ, если онъ умретъ.

— Обратитесь тогда къ другому врачу; я дѣлаю все, что нахожу нужнымъ.

— Нѣтъ, я не то... Ну, простите, я сама не знаю, что говорю!—нервно оборвала себя Екатерина Александровна.

Для ухода за больнымъ онѣ пригласили опытную сестру милосердія. Тѣмъ не менѣе почти не проходило ночи, чтобъ Екатерина Александровна не разбудила меня. Позвонится, вызоветъ черезъ горничную.

— Володѣ хуже стало, онъ бредитъ и стонетъ,—сообщаетъ она.—Пожалуйста, пойдемте!

Я безропотно иду. Но иногда у меня не хватаетъ терпѣнія.

— Васъ сестра милосердія прислала, или это вы находите нужнымъ мое присутствіе?—спрашиваю я недобрымъ голосомъ.

Ея темные глаза загораются негодованіемъ; Екатерина Александровна еле сдерживается, видя, какъ я цѣню свой сонъ.

— Я думаю, что сестра милосердія—не врачъ, и она не можетъ объ этомъ судить,—рѣзко отвѣчаетъ она.

Иду съ нею. Мальчикъ бредитъ, мечется, дышитъ часто, но пульсъ хорошій, и никакого вмѣшательства не требуется. Раздраженная сестра милосердія сидитъ на стулѣ у окна. Я молча выхожу въ прихожую.

— Что теперь дѣлать? — спрашиваетъ Екатерина Александровна.—У него слабѣетъ пульсъ.

— Продолжать прежнее. Пульсъ прекрасный,—угрюмо отвѣчаю я и ухожу. И по дорогѣ я думаю: если въ теченіе года непрерывно имѣть хоть по одному такому паціенту, то самаго крѣпкаго человѣка хватитъ не больше, какъ на годъ.

Назавтра мальчикъ чувствуетъ себя лучше,—и глаза Екатерины Александровны смотрятъ на меня съ ласкою и любовью. Вообще, еще не видя больного, я ужъ при входѣ безошибочно заключалъ объ его состояніи по глазамъ открывавшей мнѣ дверь Екатерины Александровны: хуже больному,—и лицо ея горитъ черезъ силу сдерживаемою враждою ко мнѣ; лучше, — и глаза смотрятъ съ такою безконечною ласкою!

Кризисъ былъ очень тяжелый. Мальчикъ два дня находился между жизнью и смертью. Все это время я почти не уходилъ отъ Декановыхъ. Два раза былъ консиліумъ. Мать выглядѣла совсѣмъ, какъ помѣшанная.

— Докторъ, спасите его!.. Докторъ!..

И крѣпко сжимая своими сухими пальцами мой локоть, она пристально смотритъ мнѣ въ глаза жалкими, молящими, и въ то же время грозными, ненавидящими глазами, какъ будто хочетъ перелить въ меня сознаніе всего ужаса того, что будетъ, если мальчикъ умретъ.

Мальчикъ, съ синимъ, неподвижнымъ лицомъ, дышитъ часто и хрипло, пульсъ почти не прощупывается. Я кончаю изслѣдованіе, поднимаю голову,—и изъ полумрака комнаты на меня жадно смотрятъ тѣ же безумные, грозные глаза матери.

Больной вынесъ кризисъ. Черезъ два дня онъ былъ внѣ опасности. Мать и дочь пріѣхали ко мнѣ на домъ благодарить меня. Господи, что это были за благодарности!

— Докторъ, голубчикъ! Дорогой!—въ экстазѣ твердила мать.—Вы понимаете ли, что вы для меня сдѣлали?.. Нѣтъ, вы не поймете!.. Господи, какъ мнѣ вамъ сказать?.. Когда я буду умирать,

у меня въ головѣ одинъ вы будете! Вы не знаете, я дала обѣтъ Скорбящей Божьей Матери... Какъ мнѣ васъ отблагодарить, я навѣки ваша должница неоплатная!.. Докторъ!.. простите...

И она хватала мои руки, чтобъ поцѣловать ихъ. Екатерина Александровна, улыбаясь своими славными сумрачными глазами, горячо пожимала мнѣ руку обѣими руками. А я—я смотрѣлъ въ глаза обѣихъ женщинъ, сіявшіе такою восторженною признательностью, и мнѣ казалось, что я еще вижу въ нихъ исчезающій отблескъ той ненависти, съ которою глаза эти смотрѣли на меня три дня назадъ.

Онѣ ушли. Я взялся за прерванное ихъ приходомъ чтеніе. И вдругъ меня поразило, какъ равнодушенъ я остался ко всѣмъ ихъ благодарностямъ; какъ будто надъ душою пронесся докучный вихрь словъ, пустыхъ, какъ шелуха, и ни одно изъ нихъ не осталось въ душѣ. А я-то раньше воображалъ, что подобныя минуты—„награда", что это—„свѣтлые лучи" въ темной и тяжелой жизни врача!.. Какіе же это свѣтлые лучи? За тотъ же самый трудъ, за то же горячее желаніе спасти мальчика я получилъ бы одну ненависть, если бы онъ умеръ.

Къ этой ненависти я постепенно привыкъ и сталъ равнодушенъ. А неожиданнымъ слѣдствіемъ этого само собою явилось и полнѣйшее равнодушіе къ благодарности.

Все больше я сталъ убѣждаться, что и вообще нужно прежде всего выработать въ себѣ глубокое, полнѣйшее безразличіе къ чувству паціента. Иначе двадцать разъ сойдешь съ ума отъ отчаянія и тоски.

В. Вересаевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англiйскаго.

I.

Члены гренджа *) устраиваютъ пикникъ.

Въ одно раннее и свѣжее iюньское утро, въ семидесятыхъ годахъ отъ дома фермера Каунсиля отъѣхалъ довольно странный экипажъ, биткомъ набитый веселымъ, молодымъ народомъ. Это былъ огромный омнибусъ, вродѣ тяжелаго фургона, запряженный шестерней. За кучера сидѣлъ работникъ Каунсиля, Брадлей Талькотъ. Самъ Каунсиль держалъ между своихъ мощныхъ колѣнъ толстое древко знамени, на которое всѣ смотрѣли съ гордостью и самодовольствомъ. Дѣвушки, принадлежащiя къ гренджу, смастерили его къ этому дню.

Пѣсни, смѣхъ и незатѣйливыя остроты дѣлали фургонъ похожимъ на букетъ улыбающихся лицъ. Смѣялись всѣ, исключая Брадлея, который, крѣпко сжавъ губы и держа въ грубыхъ загорѣлыхъ рукахъ возжи, внимательно смотрѣлъ на лошадей, стараясь сдержать ихъ. Эта сосредоточенность и сдержанность придавали его рѣзко очерченному лицу выраженiе достоинства и важности.

— Пустите ихъ пошибче, Брадъ,—сказалъ Каунсиль,—мы немного опоздали.

И позади, и впереди ихъ ѣхали экипажи, поспѣшно катясь по красивымъ дорогамъ прерiи и направляясь къ югу. Былъ настоящiй лѣтнiй день, и прелесть его какой-то болью отзывалась въ сердцѣ сдержаннаго Брадлея каждый разъ, когда онъ поднималъ глаза къ глубокому, синему небу. Ласточки и малиновки щебетали во всѣхъ кустахъ и весело перепархивали съ вѣтки на вѣтку, какъ бы принимая участiе въ торжествѣ.

По обѣимъ сторонамъ дороги разстилались зеленыя какъ изумрудъ и мягкiя какъ бархатъ поля пшеницы, которая мѣстами стояла уже

*) Общество фермеровъ въ Соедин. Штатахъ Сѣверной Америки.

высокая и начинала наливаться и зрѣть. Ржаныя поля были почти уже совсѣмъ желтыя, а на раскошныхъ зеленыхъ лугахъ скотъ нѣжился на мягкой травѣ. Фермеры словно намѣренно выбрали для своего пикника такой прекрасный день.

Со всѣхъ сторонъ катились фургоны, нагруженные мужчинами, женщинами и дѣтьми. По всей линіи взадъ и впередъ ѣздилъ верхомъ Мильтонъ Дженнингсъ,—распорядитель праздника, очевидно гордясь своимъ жезломъ и пунцовой, повязанной черезъ плечо, лентой. Отовсюду слышались веселые голоса, а впереди процессіи игралъ духовой оркестръ изъ Бурръ-Ока. Всѣ съ оживленіемъ смотрѣли на великолѣпное знамя, развѣвавшееся въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

Каждый изъ членовъ гренджа имѣлъ свой знакъ отличія: передникъ, ленту и кокарду изъ бѣлыхъ, оранжевыхъ или красныхъ лентъ. Каждый гренджъ имѣлъ свое знамя, вышитое прилежными руками женщинъ.

По числу знаменъ, можно было заключить, что здѣсь собрались три гренджа: Либерти-Гренджъ, Мидоу-Гренджъ и Бурръ-Окъ-Гренджъ, который стоялъ со своимъ оркестромъ впереди прочихъ. Распорядитель или маршалъ главнаго гренджа, сидя на своей красивой и горячей маленькой лошадкѣ, проскакалъ по линіи.

— Все ли готово?—крикнулъ онъ по военному.

— Да!

— Готово, Томъ?

— За нами дѣло не станетъ,—отвѣчали ему.

Онъ остановился на минуту—поговорить съ Мильтономъ; лошади горячились на мѣстѣ, и оба молодые человѣка казались въ глазахъ юношей и дѣвушекъ какими-то героями романа, рыцарями, тогда какъ жезлъ и ленты производили возбуждающее дѣйствіе на самаго Мильтона.

— Все готово!—крикнули распорядители, размахивая своими жезлами, на которыхъ развѣвались ленты. Музыка грянула снова и всѣ экипажи повернули къ западу.

Мужчины привстали на своихъ мѣстахъ, чтобы смотрѣть впередъ, тогда какъ мальчики на заднихъ скамьяхъ фургона перевѣшивались черезъ бортъ, заглядывая назадъ, чтобы видѣть, какъ великъ былъ поѣздъ. Онъ казался имъ безконечнымъ и они выражали свое восторженное удивленіе къ распорядителямъ неистовыми криками.

Многіе изъ молодыхъ людей заплатили бѣшенныя деньги за наемъ городскихъ щеголеватыхъ на видъ экипажей, въ которыхъ они ѣхали съ дѣвушками. Они чинно сидѣли на своихъ мѣстахъ и не позволяли себѣ кричать и даже когда лошадь понесла Мильтона, такъ что онъ едва удержался на сѣдлѣ и шляпа слетѣла съ его головы, они остались такими же серьезными. Но большинство молодежи сидѣло въ тяжелыхъ фермерскихъ фургонахъ и хохотало до упаду. Дѣвушки были въ про-

стыхъ бѣлыхъ платьяхъ, съ голубой лентой вмѣсто пояса, а парни въ толстыхъ шерстяныхъ курткахъ, которыя носили всегда и вездѣ.

Въ то время, какъ они направлялись черезъ прерію къ синеватой линіи строеваго лѣса, которымъ поросли берега Рокъ-Ривера, къ нимъ присоединились другія процессіи—тоже со знаменами, музыкой, хорами пѣвчихъ. Все это ѣхало какъ бы на парадъ мирной арміи, арміи, пожинающій хлѣбъ, а не людей. Нѣкоторые пѣли «John Broun», другіе «Hail Columbia». Отовсюду раздавались возбужденные голоса, показывающіе, насколько важнымъ считалось это собраніе.

Въ каждомъ фургонѣ, среди кучи только что скошенной травы, была масса всякаго рода вкусныхъ вещей, о которыхъ мальчики ни на минуту не забывали, несмотря на свое возбужденіе.

Такъ подвигалась процессія со своими знаменами и флагами. Большой столбъ пыли стоялъ въ воздухѣ, головы коровъ смотрѣли на нихъ поверхъ заборовъ, жеребята съ веселымъ ржаніемъ разбѣгались во всѣ стороны, и хвосты ихъ развѣвались точно флаги; рабочіе въ полѣ пріостанавливали работу, чтобы помахать имъ шляпами и поглядѣть имъ вслѣдъ. Мужчины кричали имъ веселыя привѣтствія, а парни сочувственно махали шляпами.

Въ десять часовъ они въѣхали въ великолѣпную дубовую рощу, гдѣ была устроена каѳедра для оратора и гдѣ догадливые торговцы съ Рокъ-Ривера установили прилавки для продажи содовой воды и лакомствъ.

Здѣсь была уже неисчислимая толпа народа, — такъ, по крайней мѣрѣ, казалось молодымъ парнямъ. Два или три оркестра музыки гремѣли гдѣ-то вдали, ребятишки бѣгали и кричали, другіе играли въ мячъ или боролись; маленькія дѣти визжали, а голоса распорядителей, указывавшихъ мѣста пріѣзжающимъ экипажамъ, звонко и гулко раздавались подъ сводами густой листвы дубовъ. Крики продавцовъ мороженаго и леденцовъ довершали общее впечатлѣніе радостной суматохи и оживленія.

Искусство Брадлея управлять лошадьми выказалось въ полной силѣ, когда онъ повернулъ на узкую, извилистую дорожку, которая вела мимо эстрады въ самую чащу рощи. Каунсиль развернулъ свое большое знамя и распростеръ его надъ головами своихъ спутниковъ, тогда какъ женщины и дѣвушки съ улыбкой торжества поддерживали древко. Такимъ образомъ они подъѣхали къ эстрадѣ. Всѣ выпрыгнули изъ экипажа и смѣшались съ веселой толпой. Брадлей отъѣхалъ въ сторону. Устроивъ своихъ коней и экипажъ, онъ вернулся къ эстрадѣ и сталъ одиноко бродить вокругъ. Онъ былъ не здѣшній и зналъ очень немногихъ. Лицо его выражало смущеніе, отъ котораго онъ казался болѣе неловкимъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ былъ высокъ, силенъ, и когда ничто не стѣсняло его,—ловокъ. Ему было обидно, что никто не обращаетъ на него вниманія; но все это онъ чувствовалъ какъ-то смутно и неопредѣленно.

Влюбленныя парочки проходили мимо него, щелкая орѣхи или поочередно откусывая отъ большого трехъугольнаго куска сладкаго, еще горячаго пирога. Онъ никогда не видалъ такого пирога и подумалъ, не попробовать ли ему. Однако рѣчь на эстрадѣ отвлекла его вниманіе. Рѣчи вообще всегда производили на него притягательное дѣйствіе. Онъ подвинулся ближе и прислонился къ дереву.

Сидѣнья были устроены полукругомъ передъ эстрадой, гдѣ расположились, вмѣстѣ съ оркестромъ и хоромъ, и тѣ, которые должны были произносить рѣчи.

Вокругъ эстрады стояли прислоненныя къ деревьямъ или къ балюстрадѣ знамена, съ девизами различныхъ гренджей. Такъ, напр., девизъ Либерти-Гренджъ гласилъ: «Справедливость нашъ принципъ». Девизомъ Мидоу-Гренджа было: «Союзъ—наша сила, раздоръ—наша гибель». Бетель-Гренджъ имѣлъ девизомъ: «Братство». Другіе девизы гласили: «Черезъ препятствія къ звѣздамъ», «Одинаковыя права всѣмъ, особенныхъ правъ никому» и т. д.

На эстрадѣ стоялъ маленькій органъ, вокругъ котораго сгруппировался хоръ. Мильтонъ, сіяя своей красной лентой, бѣлымъ жилетомъ и новымъ чернымъ сюртукомъ, сидѣлъ близъ органистки Эленъ, дочери Осмонда Диринга.

Хоръ запѣлъ подъ аккомпаниментъ органа; голоса гулко звучали подъ сводами густолиственныхъ деревьевъ и далеко раздавались въ безграничномъ пространствѣ. Затѣмъ слѣдовала молитва и м-ръ Дирингъ, президентъ, предложилъ всѣмъ хоромъ спѣть національный гимнъ, послѣ чего сказалъ вступительную рѣчь.

Онъ говорилъ о замѣчательномъ ростѣ ихъ братскаго ордена, возникновеніе котораго отвѣчало насущнымъ нуждамъ фермера. Это было первое большое движеніе фермерства въ исторіи, и фермерство можетъ гордиться этимъ. Фермеръ былъ притѣсняемъ, онъ былъ безпомощенъ и оставался бы безпомощнымъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ бы требовать и домогаться своихъ правъ. Послѣ этой прочувствованной и строго обдуманной рѣчи, онъ сказалъ: «Теперь я предоставляю слово м-ру Исааку Гобкирку».

М-ръ Гобкиркъ, высокій плотный мужчина, съ непріятнымъ голосомъ, произнесъ самую пламенную рѣчь. «Долой скупщиковъ!» крикнулъ онъ среди громкихъ апплодисментовъ. «Они высасываютъ всю кровь изъ насъ, фермеровъ. Намъ необходимо имѣть прямыя сношенія съ фабрикантами, обходя этихъ бѣлоручекъ, которые извлекаютъ выгоду изъ того, надъ чѣмъ мы трудимся. Говорить рѣчи и устраивать пикники—все это великолѣпно; но намъ прежде всего нужны *агенты*, агенты для машиннаго дѣла, агенты для продажи хлѣба и другихъ продуктовъ. Вотъ для чего мы собрались здѣсь. Долой скупщиковъ!»

Раздались сильные апплодисменты, которые показывали, что большинство было согласно съ нимъ. Брадлей сидѣлъ смирно. Все это до него не касалось, и ему хотѣлось, чтобы опять началось пѣніе.

Президентъ снова появился на эстрадѣ.

— Наполеонъ сказалъ,—началъ онъ,—что старики нужны для совѣта, а юноши для войны. Но наши юноши цѣлыми годами терпѣливо слушали насъ стариковъ, а теперь, можетъ быть, не очень цѣнятъ наши совѣты. Поэтому я попрошу наше молодое поколѣніе, въ лицѣ Мильтона-Дженнингса, высказать свое мнѣніе.

Мильтонъ, красивый молодой человѣкъ, съ бѣлокурыми волосами, улыбаясь, подошелъ къ краю эстрады, и пощупалъ, на мѣстѣ ли у него въ карманѣ платокъ. Онъ учился въ такъ называемой семинаріи и былъ на хорошемъ счету, какъ начинающій ораторъ. Однако ему въ первый разъ приходилось говорить передъ такой громадной толпой.

— Леди и джентельмены,—началъ онъ откашлявшись,—братья и сестры ордена, я высоко цѣню честь, которой удостоилъ меня президентъ, призвавъ говорить передъ вами. Мы, разумѣется, должны слушать совѣта старшихъ, если они совѣтуютъ то, что необходимо для насъ, молодыхъ, я же лично стою за войну, я стою за борьбу въ пользу интересовъ фермера, за борьбу не только оборонительную, но и наступательную. Какимъ путемъ? Путемъ баллотировки. Я знаю, г. президентъ, что вы не согласны со мною. Я знаю, что правило нашего ордена—не вмѣшиваться въ политику; но я не знаю лучшаго средства защищать интересы фермера, какъ соединиться около избирательной урны. Какого блага можемъ мы ожидать для нашего ордена, если не сдѣлаемъ этого? Мы должны имѣть представителей въ законодательномъ собраніи государства, и иначе, какъ сдѣлавъ гренджъ политическимъ факторомъ, мы этого достигнуть не можемъ. Сколько бы вы ни говорили о подкупѣ въ законодательствѣ и о томъ, что окружныя власти слишкомъ вмѣшиваются въ наше дѣло, г. президентъ (*хорошо хорошо!*), но единственное средство устранить все это—вотировать противъ нихъ (*совершенно вѣрно!*). Вы скажете, можетъ быть, что мы можемъ обсуждать это внѣ нашего ордена; а я утверждаю, г. президентъ, что здѣсь именно и слѣдуетъ обсуждать это дѣло. Если нашъ орденъ преслѣдуетъ воспитательныя цѣли, то онъ долженъ воспитывать политическихъ дѣятелей, г. президентъ. Повторяю: я стою за войну! Двинемся впередъ на завоеваніе своихъ правъ! Какъ только работы будутъ окончены, г. президентъ, фермеры всего округа должны организовать походъ. Готовьте избирательные билеты, готовьте ваши программы. Если мы начнемъ работу пораньше и будемъ дѣйствовать дружно, мы можемъ задушить терзающую насъ гидру, орелъ побѣды опустится тогда на наши знамена 3-го ноября, и кровопійцы не будутъ больше терзать насъ.

Послѣ этой замѣчательной рѣчи, произнесенной, по обычаю всѣхъ политическихъ ораторовъ, высокимъ и монотоннымъ голосомъ, Мильтонъ сѣлъ, вытирая лицо платкомъ, тогда какъ сторонники его громкими рукоплесканіями выражали ему свое одобреніе. Что касается

президента, который все время нервно вертѣлся на стулѣ, то онъ поторопился сдѣлать слѣдующее заявленіе:

— Граждане, пусть меня не считаютъ отвѣтственнымъ за все, что будетъ говориться на этой эстрадѣ. Я не согласенъ съ нашимъ юнымъ братомъ. Я думаю, что политика убьетъ нашу ассоціацію, грендж. Если мы будемъ заниматься въ грендже обсужденіемъ политическихъ вопросовъ, мы этимъ внесемъ въ него только раздоръ и неурядицу. Я надѣюсь, что не доживу до этого. Теперь я прошу сказать нѣсколько словъ брата Дженнингса.

М-ръ Дженнингсъ, толстый, добродушный фермеръ, выступилъ впередъ. Ему было страшно жарко, и воротъ его рубашки былъ совершенно мокрый.

— Я говорить не мастеръ, г. президентъ, братья и сестры. Дѣло въ томъ, что я послалъ своего парнишку въ семинарію, чтобы онъ научился тамъ говорить, и думаю, что это пошло ему въ прокъ. Онъ очень хорошо передалъ мои мысли, за исключеніемъ этой политической идеи. Въ этомъ я ничего не понимаю и мнѣнія себѣ не составилъ. Поэтому я думаю, лучше мнѣ очистить мѣсто для кого-нибудь другого.

— Я очень радъ, что ты очистилъ мѣсто, — шепнулъ ему Мильтонъ, когда отецъ усѣлся подлѣ него. Мильтонъ всегда безпощадно подтрунивалъ надъ своимъ отцомъ.

— Сегодня,—объявилъ президентъ тѣмъ тономъ, какимъ обѣщаютъ особенно вкусный дессертъ, — мы имѣемъ здѣсь одного изъ самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ штата, имя котораго извѣстно всѣмъ гренджамъ: это миссъ Ида Уильберъ.

Все собраніе поднялось на ноги и стало аплодировать; стройная молодая дѣвушка выступила впередъ и со спокойнымъ достоинствомъ стала ожидать, чтобы ей можно было начать свою рѣчь. Во всей фигурѣ ея было что то необычайно важное и серьезное, и нѣчто вродѣ благоговѣнія охватило все собраніе, когда она заговорила своимъ яснымъ, задушевнымъ контральто:

— Братья и сестры по ордену! — сказала она,—пока я сидѣла и слушала вашихъ ораторовъ, я въ то же время смотрѣла на девизы вашихъ знаменъ и старалась узнать по нимъ, какъ понимаете вы настоящее движеніе. Понимаете ли вы все его великое значеніе такъ, какъ я его понимаю?

Она помолчала немного.

— Мнѣ кажется,—продолжала она,—что намъ грозитъ опасность потерять изъ виду нашу главную цѣль. Вначалѣ ближайшей цѣлью гренджа было воспитаніе фермеровъ. Гренджъ былъ великимъ соціальнымъ воспитателемъ, и сердце мое радуется, друзья мои и сосѣди, когда я гляжу на собраніе, подобное этому. Я вижу въ немъ зачатки идеи союза, разумнаго интеллигентнаго союза, но, прежде всего, я усматриваю въ немъ единеніе фермеровъ, которые живутъ слишкомъ

въ сторонѣ отъ остального міра... Я вѣрю, — вскричала она, подымая руку кверху,—что это есть величайшее движеніе фермеровъ въ исторіи міра. Это движеніе противъ несправедливаго разъединенія, но въ то же время оно имѣетъ для меня и другую, болѣе поэтическую сторону. Фермеръ, конечно, свободный гражданинъ великой республики; но онъ слишкомъ одинокъ. Онъ слишкомъ мало сходится со своими согражданами. Его скучная жизнь, его тяжелый трудъ не даютъ развиться его духовнымъ силамъ. Грենджъ долженъ исполнять соціальную задачу.

Громкія рукоплесканія прервали ея рѣчь.

— Я не хочу поселять вражду между городомъ и деревней,—продолжала она.—Задача гренджа, по моему, не имѣетъ ничего общаго съ политикой. Не касайтесь политики — или она погубитъ васъ. Пользуйтесь ею только для того, чтобы держаться другъ друга. Пусть она будетъ для васъ только развлеченіемъ. Учреждайте агенства, если хотите, но что касается до меня, я предпочитаю митинги, подобные настоящему. Я больше цѣню поэтическую сторону жизни фермера.

Ея большіе, темные глаза горѣли огнемъ вдохновенія, черты лица высказывали сильное волненіе. Солнце пробивалось сквозь листву и играло дрожащими тѣнями на всѣхъ этихъ, устремленныхъ къ ней лицахъ. Листья тихо шелестили. Летящій въ вышинѣ, подобно темному облачку, ястребъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на то, что дѣлается внизу.

На стоящаго въ сторонѣ Брадлея, падалъ, какъ ему казалось, какой-то странный таинственный свѣтъ, который былъ ярче и бѣлѣе солнечныхъ лучей. Въ то время, какъ онъ слушалъ, что-то странное шевелилось въ немъ, какое-то безотчетное и безнадежное стремленіе къ чему-то и куда-то. Его загорѣлое лицо поблѣднѣло, дыханіе стало тяжелымъ, взглядъ его какъ будто впивалъ каждую черточку лица и фигуры говорившей дѣвушки. Его собственное лицо выражало изумленіе и словно священный трепетъ передъ ея мощной рѣчью и вдохновеннымъ взоромъ. Она представлялась ему воплощеніемъ того идеальнаго міра, который лежалъ гдѣ-то далеко за горизонтомъ, міра поэтовъ и пѣвцовъ, міра, утопающаго въ океанѣ свѣта и красоты.

— Передо мною, какъ въ видѣніи, стоитъ то, что должно быть,— сказала она въ заключеніе, и голосъ ея звучалъ пророческимъ экстазомъ.—Я вижу то время, когда фермеръ не будетъ жить въ хижинѣ своей уединенной фермы. Я вижу, какъ земледѣльцы селятся группами. У нихъ есть время читать и посѣщать своихъ товарищей. Они будутъ слушать лекціи въ прекрасныхъ залахъ, которыя должны быть устроены въ каждой деревнѣ; подобно древнимъ саксамъ, они будутъ собираться вечеромъ, чтобы танцовать и пѣть на зеленой лужайкѣ. Вблизи выростутъ города съ церквями, школами, концертными залами и театрами. Я вижу тотъ день, когда фермеръ не будетъ вьючнымъ животнымъ, а жена его невольницей, когда они будутъ

счастливыми людьми, которые съ пѣснями будутъ выходить на веселую работу въ плодоносныхъ поляхъ.

Слушатели не апплодировали—они сидѣли, какъ въ храмѣ. Казалось, что эта дѣвушка была пророчицей.

— Когда дѣвушки и молодые люди не будутъ уходить въ города, когда жизнь будетъ стоить того, чтобы жить. Тогда мѣсяцъ будетъ свѣтить ярче и звѣзды ярче сіять. Тогда радость жизни и поэзія вернутся къ тому, кто трудится надъ землей.

Она кончила. Раздались оглушительныя рукоплесканія. Всѣ были глубоко взволнованы, у многихъ по щекамъ текли слезы и когда Дирингъ поднялся, чтобы объявить о пѣніи хора, голосъ его дрожалъ и онъ не старался скрыть своего волненія. Послѣ пѣнія онъ сказалъ:

— Господа, не будемъ портить другой рѣчью впечатлѣніе этой удивительной рѣчи. Лучшее, что мы можемъ сдѣлать—это думать, что хорошія времена уже наступили и сѣсть за столъ съ твердымъ намѣреніемъ осуществить эту мечту какъ можно скорѣе.

Брадлей стоялъ еще на мѣстѣ, хотя всѣ уже разошлись. Чудная картина, начертанная ораторшей, все еще смутно представлялась его воображенію, затѣмъ мало-по-малу исчезла, и онъ со вздохомъ пошелъ задавать корму лошадямъ.

II.

Обѣдъ подъ дубами.

Обѣдъ представлялъ чудесную, въ полномъ смыслѣ слова идиллическую картину изъ жизни фермеровъ. Полуденное солнце дрожащими пятнами свѣта проникало сквозь листву, играя на бѣлой скатерти, на доскахъ, на бѣлокурыхъ волосахъ дѣвушекъ и на грубыхъ мозолистыхъ рукахъ тѣхъ, которые состарились на работѣ. Стукотня тарелокъ, высокій и звонкій хохотъ женщинъ и громкія приглашенія къ обѣду стояли въ воздухѣ. Составленныя вмѣстѣ длинныя скамьи образовали столы и ребятишки шныряли вокругъ, пожирая глазами разставленныя блюда и лакомства. Казалось, фермы Айовы выслали весь избытокъ своихъ продуктовъ, чтобы устроить этотъ колоссальный обѣдъ. Мальчишекъ едва можно было удержать, чтобы они не хватали съ каждаго вновь приносимаго блюда.

Семьи Каунсиля и Бёрнса обѣдали вмѣстѣ. Худая и брюзгливая миссисъ Бёрнсъ отгоняла ребятишекъ отъ стола, на который только что поставила бисквиты и жареныхъ цыплятъ. Нѣкоторые сидѣли молча, но Каунсиль, со своимъ зычнымъ голосомъ, заговаривалъ и шутилъ со всѣми, кто только могъ его слышать.

— Сегодня, видно, самъ Богъ за насъ, сосѣдушка Дженнингсъ,— крикнулъ онъ черезъ два или три стола.

— Да Онъ и всегда за насъ, братъ Каунсиль,—отвѣчалъ Дженнингсъ.

— Ну, нѣтъ, не знаю, какъ будто бы не всегда такъ.

— Хорошъ ли у васъ обѣдъ, миссисъ Каунсиль?—спросилъ Дженнингсъ.

— Врядъ ли,—отвѣчала она.—У насъ теперь никогда ничего порядочнаго не бываетъ на столѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Дженъ занята женихами. А моя стряпня для важныхъ людей не годится.

— Ну такъ я и не буду ѣсть ея,—закричалъ Каунсиль, громко расхохотавшись своей шуткѣ.—Я пойду лучше обѣдать къ мадамъ Дженнингсъ.

Всѣ засмѣялись.

— Скажите и намъ что-нибудь смѣшное,—сказала миссисъ Смитъ, подошедшая посмотрѣть, что у нихъ на столѣ.

— А гдѣ Брадъ?—спросила миссисъ Каунсиль, оглядываясь кругомъ.—Развѣ онъ не придетъ обѣдать?

— Я его нигдѣ не вижу. Должно быть, онъ задаетъ кормъ лошадямъ,—равнодушно отвѣтилъ Каунсиль.

— А вѣдь важную рѣчь сказала эта дѣвушка,—замѣтилъ братъ Смитъ, подходя къ нимъ съ куриной ногой въ одной рукѣ и бутербродомъ въ другой.—Но намъ необходима свободная торговля.

— Намъ необходимъ внутренній рынокъ, гомъ-маркетъ,—говорилъ сидѣвшій немного поодаль Мильтонъ.

— Убирайтесь вы къ лѣшему съ вашимъ внутреннимъ рынкомъ.

— Ради Бога, только оставьте политику, братья,—прервалъ ихъ Дженнингсъ.

Между тѣмъ, Брадлей, никѣмъ не замѣчаемый, стоялъ, прислонившись къ толстому стволу большого дуба и глядя на дѣвушку, которая такъ взволновала его. Она обѣдала съ Дирингомъ, его женой и дочерью. Мильтонъ, который также былъ съ ними, былъ сегодня особенно красивъ и оживленъ. Такъ думала, по крайней мѣрѣ, Елена Дирингъ, премиленькая дѣвушка, его одноклассница по семинаріи.

Миссъ Уильберъ сидѣла около Диринга. Типъ его лица—напоминалъ нѣсколько Линкольна. Она улыбалась, но въ улыбкѣ ея было что-то задумчивое, а въ глазахъ была какая-то бездонная глубина. До сихъ поръ еще въ нихъ отражалось волненіе, которое она испытывала во время своей рѣчи, и она сознавала, что всѣ на нее смотрятъ. Два или три раза она взглянула на молодого, плохо одѣтаго фермера, который не переставалъ пристально смотрѣть на нее. Во взглядѣ его было столько нѣмого благоговѣнія, что это тронуло ее и заставило поглядѣть на него болѣе внимательно. Она замѣтила, что по виду онъ былъ простой работникъ. Его дешевая куртка плохо сидѣла на немъ, шляпа была старая и потеряла фасонъ. А между тѣмъ въ его поклоненіи ей было что-то рыцарское и благородное. Она не могла не чувствовать этого.

— Вы тоже дочь фермера, — сказалъ ей Дирингъ, какъ бы продолжая прерванный разговоръ.

— Да, мой отецъ былъ фермеромъ. Я учительница и лишь недавно начала говорить въ защиту фермеровъ. Мнѣ кажется, что рѣшительно всѣ заботятся о себѣ, кромѣ фермера; вотъ мнѣ и хочется внушить ему, чтобы онъ также подумалъ о себѣ. Я хочу говорить рѣчи во всѣхъ округахъ штата эту зиму.

Брадлей пробрался поближе къ ней, чтобы слышать, что она говоритъ. Онъ прятался, когда она взглядывала на него, какъ будто дѣлалъ что-нибудь нехорошее. Онъ видѣлъ, какъ миссъ Уильберъ сказала что-то Дирингу, который тотчасъ же взглянулъ на него и сказалъ:

— Что-жъ! Садитесь за столъ, у насъ такъ много всего.

Брадлей вспыхнулъ отъ стыда и негодованія и отошелъ. Онъ былъ глубоко оскорбленъ. Они приняли его за бѣднаго, бездомнаго бродягу и, такъ какъ это было отчасти правда, онъ почувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ.

— Эй Брадъ, хотите ѣсть?--закричалъ ему Каунсиль, какъ только увидѣлъ его.

— Скорѣй, а то ничего не останется,—сказалъ Бёрнсъ.

Онъ сѣлъ и молча принялся за обѣдъ; но лицо его все еще горѣло. Онъ никогда не ухаживалъ за женщинами. Ему всегда было трудно говорить съ ними, и всякія шутки на этотъ счетъ всегда страшно смущали его. Въ воображеніи своемъ онъ пережилъ уже множество романическихъ приключеній, но никогда никому не говорилъ объ этомъ ни слова. Впрочемъ, онъ и себѣ едва ли признавался въ своихъ чувствахъ. Такъ онъ былъ влюбленъ въ Елену Дирингъ, которую нѣсколько разъ въ теченіе года видѣлъ съ Мильтономъ. Въ настоящую минуту онъ страшно завидовалъ развязности, съ которой Мильтонъ разговаривалъ съ двумя красивыми дѣвушками. Въ душѣ его поднималось чувство горечи и недовольства. Миссъ Уильберъ смутила его покой. Ея слова и ея обликъ пробудили въ немъ честолюбивыя мечты и стремленія. Въ лицѣ и въ голосѣ ея было что-то святое и въ то же время невыразимо нѣжное. Она явилась ему именно такъ, какъ является мужчинѣ женщина, которой суждено измѣнить всю его жизнь.

Онъ отошелъ отъ тѣхъ немногихъ людей, которыхъ зналъ, и попробовалъ заинтересоваться играми, но не могъ. Тогда онъ побрелъ назадъ къ эстрадѣ и снова сталъ искать миссъ Уильберъ. Она была такъ чиста и такъ прекрасна въ его глазахъ.

Часъ или два послѣ обѣда быстро пролетѣли въ разыскиваніи друзей и въ знакомствѣ съ новыми людьми. Каждый гренджеръ пользовался случаемъ, чтобы разспросить о другихъ гренджерахъ округа. Молодые люди со смѣхомъ и веселыми шутками гуляли по полянѣ, покупали орѣхи и леденцы, пили содовую воду и лимонадъ, громко выкрикиваемые продавцами.

На тѣневой сторонѣ эстрады собралась группа руководящихъ членовъ гренджа и толковала о планахъ и мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять.

— Мнѣ кажется, теперь дѣло у насъ идетъ на ладъ, — сказалъ Дирингъ. — Мы получаемъ товары по дешевой цѣнѣ и обходимъ скупщиковъ.

— И прибираемъ къ рукамъ желѣзныя дороги.

— Да, но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что должно быть сдѣлано. Мы должны совсѣмъ вытѣснить и этихъ кровопійцъ скупщиковъ и должны сдѣлать это всей ассоціаціей.

— Нѣтъ,—возразилъ со своимъ обычнымъ спокойствіемъ Дженнингсъ, — мы можемъ сдѣлать это гораздо лучше. У меня даже планъ готовъ.

— Главное, что намъ необходимо, — сказалъ Гобкиркъ, это представитель въ парламентѣ. Тогда мы можемъ...

— Нѣтъ, это невозможно. Да и не слѣдуетъ. Мы должны держаться той партіи, которая дала намъ наше желѣзнодорожное законодательство.

Мильтонъ и нѣсколько молодыхъ фермеровъ отошли въ сторону и толковали о выборахъ.

— Они опять побѣдятъ насъ, если мы не соединимся, — говорилъ съ возбужденіемъ Мильтонъ. Онъ былъ прирожденнымъ политикомъ. Мнѣнія его нашли себѣ живой откликъ у непостояннаго Гобкирка, который высказывалъ иногда хорошія идеи, являющіяся, однако, вслѣдствіе его измѣнчиваго темперамента какими-то холостыми зарядами. Онъ только раздражалъ тѣхъ, кого желалъ убѣдить.

Брадлей прислушивался къ разговору, чувствуя, что онъ тутъ не причемъ. Ему казалось, что политика не имѣетъ ничего общаго съ прекрасными словами молодой дѣвушки. На эстрадѣ снова запѣлъ хоръ, и онъ пошелъ туда. Пока убирали со столовъ, хоръ пѣлъ тѣ популярныя пѣсни, заунывные и скорбные мотивы которыхъ, по какой-то необъяснимой причинѣ, такъ нравятся простому народу.

— Домой!—крикнулъ Каунсиль со своего фургона, когда Брадлей подалъ лошадей къ эстрадѣ, гдѣ былъ хоръ. Пока веселый, молодой людъ залѣзалъ въ экипажъ и располагался по сидѣньямъ, Брадлей смотрѣлъ, какъ миссъ Уильберъ прощалась со многими изъ отъѣзжающихъ. Сердце его ныло отъ желанія поймать хоть одинъ взглядъ ея темныхъ глазъ, хоть одно слово ея; но онъ крѣпко держалъ возжи въ своихъ большихъ рукахъ и лицо его выражало лишь обычную невозмутимую сдержанность: вѣдь онъ былъ только работникомъ Каунсиля.

Знамена были разобраны, ребятишекъ разсадили по мѣстамъ, причемъ мальчики бросали взоры сожалѣнія на покинутыя игры и на лавочки съ гостинцами. Каунсиль развернулъ свое знамя по вѣтру и Брадлей пустилъ нетерпѣливыхъ коней. На дорогу со всѣхъ сторонъ

выѣзжали экипажи фермеровъ. Обязанность распорядителей была окончена. Всякій уѣзжалъ своимъ путемъ. Молодые люди позади Брадлея затянули пѣсню.

Итакъ, подъ пурпурными лучами заката фермеры разъѣзжались по домамъ. Домой по дорогѣ, окаймленной зеленымъ бархатомъ пшеничныхъ полей, залитыхъ золотомъ солнечныхъ лучей. Домой по дикимъ преріямъ, гдѣ гнѣздились птички и трещали кузнечики! Солнце превращало въ золото подымающуюся по дорогѣ пыль. Дѣти заснули на рукахъ усталыхъ матерей. Мужчины переговаривались и перекликались изъ одного экипажа въ другой, дѣлая замѣчанія относительно хлѣбовъ или произнесенныхъ рѣчей.

Но улыбка слетѣла со всѣхъ лицъ, какъ только фургонъ повернулъ къ воротамъ и подъѣхалъ къ тихому дому. Тяжелый трудъ фермы снова набросилъ свою темную тѣнь на непривычныя къ улыбкамъ лица.

Только влюбленныя парочки оставались еще на дорогѣ, пока не взошла луна и очарованіе ночи не зажгло яркимъ блескомъ глаза дѣвушекъ, превращая ихъ веселость въ тихую ласку. Имъ однимъ этотъ конецъ веселаго дня былъ такъ же сладокъ и милъ, какъ и начало его. Лошади, которымъ не нравилось идти шагомъ, рвались впередъ, къ дому, влюбленные же сидѣли тихо и безмолвно; но въ сердцахъ ихъ былъ свѣтъ, способный еще долгое время грѣть и освѣщать своимъ сіяніемъ полную безустаннаго труда жизнь.

III.

Брадлей рѣшается поступить въ школу.

Работа на фермѣ какъ нельзя болѣе располагаетъ къ размышленію, если только человѣкъ обладаетъ достаточнымъ внутреннимъ содержаніемъ и если работа не порабощаетъ его, ограничивая кругъ его мыслей мелочными матеріальными интересами.

Особенно однообразна и уединенна жизнь фермера въ западныхъ штатахъ. Жизнь такого работника, какъ Брадлей Талькотъ, проходитъ почти всецѣло среди лошадей и скота. Весною, день за днемъ, онъ либо сѣетъ, либо копаетъ гряды и ходитъ взадъ и впередъ по печальному, темному полю. Даже когда онъ работаетъ не одинъ, а съ товарищемъ, то и тогда разговаривать не приходится. Напрягать голосъ противъ вѣтра или черезъ большое пространство трудно, а потому оба больше молчатъ. Правда, надъ работникомъ разстилается обширный сводъ небесъ, звучитъ крикъ журавля, проносится стая дикихъ гусей, щебечутъ воробушки, а отъ темной земли поднимается такой хорошій тонкій ароматъ. Но все это не замѣняетъ человѣческаго общества. Когда человѣкъ остается слишкомъ долго одинъ на одинъ

съ природой, она наводитъ на него тоску. Однообразіе вѣтра и однотонность неба подавляетъ его. Сердце его остается пустымъ. Шуршанье блестящихъ, какъ лезвія, колосьевъ, большія, рѣзко очерченныя кучевыя облака, тѣнь трепещущихъ тополей, свистъ коростелей и парящій въ высотѣ соколъ—все это не можетъ удовлетворить человѣка, который цѣлый день, не разгибая спины, работаетъ въ полѣ, подъ палящими лучами солнца. Онъ не легко смотритъ на жизнь, лѣто для него не представляетъ каникулярнаго отдыха и когда онъ думаетъ, то дума его не весела, а когда говоритъ, то слова его похожи на проклятія. И все-таки этотъ человѣкъ имѣетъ время думать и не даетъ труду порабощать себя. Многіе работники все время ругаютъ или лошадь, или свое орудіе—все, что ихъ безпокоитъ и мучаетъ; другіе машинально свистятъ цѣлый день или тянутъ безконечную пѣснь. Брадлей думалъ. Онъ думалъ въ теченіе всего лѣта. Онъ былъ очень силенъ и справлялся съ работой легко, такъ что всегда имѣлъ возможность углубляться въ свои думы. Цѣлый день, пока онъ работалъ онъ думалъ и эти думы углубляли и развивали его умъ. Онъ обладалъ въ высшей степени способностью саморазвитія.

Центральной точкой его размышленій всегда была та стройная молодая дѣвушка и, идя за плугомъ въ сыромъ сентябрьскомъ туманѣ, онъ безъ конца повторялъ себѣ ея пророческія слова. Неужели ему суждено всю жизнь оставаться только работникомъ на фермѣ или съемщикомъ? Мысли его переходили отъ одной комбинаціи къ другой, но никогда уже не могли вернуться къ прежнему состоянію тупаго терпѣнія. Умъ его, такъ же какъ и тѣло, одаренъ, былъ невѣдомой ему самому скрытой силой. Онъ былъ одной изъ тѣхъ натуръ, нѣжность и мощь которыхъ одинаково скрыты до поры до времени.

— Брадъ самъ не знаетъ своей силы,—говорилъ о немъ Каунсиль.— Если бы ему пришлось съ кѣмъ-нибудь подраться, то противнику лучше было бы заблаговременно улепетнуть.

А если бы кто-нибудь хорошо зналъ его, то сказалъ бы о немъ: «Разъ Брадлей что задумаетъ такъ ужъ сдѣлаетъ». Но его никто не зналъ хорошенько, да и самъ онъ не сознавалъ своихъ силъ.

Умъ его быстро работалъ и мало по малу онъ дошелъ до того, что составилъ себѣ твердое рѣшеніе.

Однажды Мильтонъ, отправляясь въ понедѣльникъ утромъ въ свою семинарію, остановился у изгороди поля, гдѣ работалъ Брадлей, и позвалъ его. Онъ ему очень нравился.

— Здорово, Брадъ!—весело крикнулъ онъ.

— Здорово, Мильтонъ!

— Какъ дѣла?

— Ничего себѣ. Холодновато.

Съ сѣверо-запада дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ. Мильтонъ, раскраснѣвшійся отъ ходьбы, растянулся на солнышкѣ близъ изгороди.

Брадлей перелѣзъ къ нему черезъ заборъ. Здѣсь было тепло и уютно, кузнечики еще слабо трещали въ порыжѣвшей травѣ, тамъ, гдѣ на нихъ свѣтило солнце. Въ кустахъ тоскливо и жалобно завывалъ вѣтеръ. Брадлей съ минуту молчалъ. Онъ слушалъ Мильтона, но вдругъ прервалъ его:

— Послушай, Мильтонъ, дорого стоитъ ученье въ вашей школѣ?

— Какъ кому! Мнѣ стоитъ около сорока долларовъ. Мы съ Шепомъ нанимаемъ комнату и стряпаемъ сами.

— А сколько за ученье?

— Восемь долларовъ за семестръ.

— А въ народную школу можно ходить даромъ?

— Ну, она того и стоитъ,—презрительно отвѣчалъ Мильтонъ.

— А что стоитъ комната?—продолжалъ Брадлей, помолчавъ.

— Мы платимъ около трехъ долларовъ въ мѣсяцъ. Но у насъ двѣ комнаты. Ты могъ бы нанять за пятьдесятъ центовъ въ недѣлю.

Онъ поглядѣлъ на Брадлея съ улыбкой въ глазахъ.

— Да ты никакъ собираешься туда?—спросилъ онъ.

— Ужъ не знаю, право. Только если бы у меня было достаточно денегъ, я бы охотно пошелъ.

— Что же ты хочешь законы изучать?

— Нѣтъ, мнѣ просто хотѣлось бы умѣть говорить рѣчи. Мнѣ кажется, если человѣку приходится быть на митингѣ, онъ долженъ умѣть говорить. А я и трехъ словъ не сумѣлъ бы сказать, если бы даже мнѣ пришлось говорить, чтобы спасти свою жизнь. Вѣдь у васъ учатъ этому?

— Да, у насъ по пятницамъ упражняются въ этомъ, да, кромѣ того есть два дебатирующихъ клуба,—для практики. Я буду заниматься политикой,—сказалъ Мильтонъ, съ такимъ видомъ, какъ будто заниматься политикой есть нѣчто необыкновенно почетное и важное.— А ты?

— Право, трудно знать напередъ, что будешь дѣлать. Но мнѣ кажется, я бы охотнѣе...—Онъ не докончилъ своей мысли. Мильтонъ вскочилъ на ноги.

— Однако мнѣ пора,—сказалъ онъ,—прощай.—И онъ пошелъ по дорогѣ.

— Когда начнется слѣдующій семестръ?

— Съ 15 ноября,—отвѣчалъ, оборачиваясь, Мильтонъ.—Попробуй!

Брадлей опустилъ голову и погрузился въ размышленія. Высокій теноръ Мильтона звонко раздавался по полю и замиралъ вдали. Мильтонъ былъ всегда въ прекрасномъ настроеніи, да кромѣ того онъ зналъ, что увидитъ Елену. Онъ имѣлъ полное основаніе быть веселымъ.

Брадлей думалъ даже въ то время, какъ жалъ пшеницу, то-есть исполнялъ работу, которая при холодномъ ноябрьскомъ вѣтрѣ является

самою трудною изъ полевыхъ работъ. У Каунсиля было большое пшеничное поле и каждое утро Айкъ и Брадлей выѣзжали туда со своими телѣгами. Чудныя то были утра для человѣка, который смотрѣлъ бы на нихъ изъ окна теплой, уютной комнаты. Взоръ съ восторгомъ останавливался на золотистыхъ и оранжевыхъ куполахъ дубовъ и кленовъ, мечтательно окутанныхъ легкой утренней мглой, а далекая опушка лѣса сіяла царственнымъ пурпоромъ, и сѣро-голубыя тѣни падали отъ деревьевъ на пожелтѣвшую траву.

Жнитво было послѣдней изъ полевыхъ работъ, и въ послѣдній день этой работы Брадлей все еще ни на что не рѣшился. Они выбивались изъ силъ, чтобы окончить уборку въ субботу. Утро было очень холодное. Они влѣзли въ заиндѣвѣвшій фургонъ и взялись за возжи, и озябшія лошади рванулись впередъ и быстро понесли фургонъ по замерзшимъ кочкамъ.

Въ каждомъ полѣ громыхали такіе же фургоны. Еще не вполнѣ разсвѣло. Свинцово-сѣрыя тучи покрывали все небо и въ воздухѣ чувствовалась близость снѣга; только красноватая полоса зари на востокѣ, показывала, что ночь была ясная и морозная. Айкъ громко крикнулъ давая знать о своемъ присутствіи въ полѣ сосѣдямъ. Каунсиль съ вилами на плечѣ шелъ по дорогѣ помогать сосѣду молотить. Айкъ весело похлопывалъ возжами своихъ коней. Брадлей ѣхалъ позади и оба фургона съ трескомъ въѣхали въ море колосьевъ. Ѣзда разгорячила кровь возницъ такъ же, какъ и кровь коней. Холодный вѣтеръ какъ ножами рѣзалъ лицо. Доѣхавъ до противоположнаго конца поля, они поворотили фургоны назадъ и остановились; дыханіе лошадей стояло надъ ними клубами пара.

— Чортъ возьми!—закричалъ Айкъ, закрывъ лошадей попонами въ защиту отъ леденого вѣтра и заходя за подвѣтренную сторону своего фургона. При этомъ онъ размахивалъ руками и колотилъ себя кулаками по бокамъ.—Я до смерти радъ, что сегодня послѣдній день этой проклятой работы.

Онъ былъ похожъ на медвѣдя, не нашедшаго своей берлоги. На головѣ у него была старая мѣховая шапка, закрывающая уши и часть лица. Одѣтъ онъ былъ въ кафтанъ изъ толстаго сукна, общій цвѣтъ котораго былъ сѣрый, но съ бѣлыми полосами по швамъ. Подъ этимъ кафтаномъ у него былъ другой перехваченный старымъ кушакомъ. Такъ же какъ и отецъ, Айкъ былъ одаренъ большой физической силой и гордился своей выносливостью.

— Ну,—сказалъ онъ, сбрасывая верхній кафтанъ,—дѣлать нечего! Хоть и холодно, да холода бояться не приходится.

Брадлей молча улыбнулся ему въ отвѣтъ и взялся за первые колосья. Болѣзненная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Пальцы его высовывались изъ толстыхъ перчатокъ и когда онъ хваталъ и дергалъ колосья, онъ чувствовалъ, какъ будто пила проходила по об-

наженному нерву. Онъ вздрогнулъ и выругался. Дрожащія отъ холода лошади казались темными и мохнатыми, потому что волосъ на нихъ стоялъ дыбомъ. Онѣ жадно хватали колосья; хвосты ихъ относились въ сторону вѣтромъ, который монотонно гудѣлъ въ сухихъ стебляхъ. Пшеница, высоко поднимавшаяся надъ головами жнецовъ, мало защищала ихъ отъ холоднаго дуновенія сѣвера. Порою стая гусей съ крикомъ проносилась надъ ними. Гуси вытягивали впередъ длинныя шеи, словно уже заранѣе чуя теплое дыханіе лагунъ. Менѣе правильными стадами тянулись утки, то поднимаясь къ облакамъ, то спускаясь на поля и оглашая воздухъ быстрымъ хлопаньемъ крыльевъ. Одни только воробьи оставались, повидимому, равнодушными къ холоду.

Громаднымъ однотонно-сѣрымъ куполомъ разстилалось небо, и что-то величественное было въ этомъ безконечномъ полѣ, надъ которымъ медленно загорался разсвѣтъ. Равнина съ синѣющими рощицами, изъ-за которыхъ тутъ и тамъ тонкой струйкой поднимался разлетающійся въ воздухѣ дымъ, лежала вся открытая суровымъ вѣтрамъ, дующимъ изъ необозримыхъ сѣверныхъ пространствъ.

Но бѣднымъ жнецамъ некогда было обращать вниманіе на все это, чувствовать холодъ, а тѣмъ болѣе думать.

Они нагнулись надъ работой и обнаженными руками быстро и ловко вытаскивали желто-красные колосья изъ ихъ замерзшихъ оболочекъ. Послѣ перваго снопа Брадлей, какъ всегда почувствовалъ, что самая главная трудность миновала. Вѣтеръ рѣзалъ ему лицо, иногда хлопья снѣга попадали ему въ глаза и залѣпляли ихъ. Воротникъ его грубой одежды натиралъ ему подбородокъ, и перчатки его совсѣмъ заиндѣвѣли. Но онъ мало-по-малу привыкъ къ этому и согрѣлся. Мысли снова такъ завладѣли имъ, что руки его двигались и работали совершенно механически.

— Слушай-ка, Брадъ, пойдемъ мы съ тобой на танцовальный вечеръ, къ Дэвмамъ?—крикнулъ ему внезапно Айкъ.

— Я не пойду.

— Почему?

— Потому что меня не приглашали.

— Это ничего не значитъ. Эдъ сказалъ мнѣ, что я могу привести, кого хочу.

— А я все-таки не пойду. Можетъ быть, въ будущую пятницу я буду въ Рокъ-Риверѣ.

Брадлей опять погрузился въ размышленіе о своихъ планахъ. Онъ скопилъ себѣ двѣсти долларовъ. Съ этимъ онъ могъ посѣщать школу всего одинъ годъ. А потомъ? Вотъ этотъ-то вопросъ и трудно было разрѣшить. Каждый долларъ представлялъ собой порядочную сумму труда, долгіе дни работы въ полѣ, подъ жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ. Больше у него ничего не было. Разумно ли было тратить эти деньги на школьное обученіе?

— Къ чему тебѣ это?—спросилъ Айкъ однажды, когда Брадъ заговорилъ съ ними объ этомъ, желая найти въ немъ сочувствіе. — Лучше купи себѣ телѣгу и лошадей и возьми въ аренду клочокъ земли. А то что ты станешь дѣлать, когда проживешь деньги?

— Не знаю,—откровенно сознался Брадлей.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ подумалъ, да подумалъ бы прежде, чѣмъ сдѣлать это,—отвѣчалъ Айкъ. И Каунсиль былъ согласенъ съ нимъ.

Брадлею хотѣлось остаться одному, и онъ отсталъ отъ Айка. Теперь ко всѣмъ своимъ думамъ онъ примѣшивалъ *ее*, и когда онъ желалъ посовѣтоваться съ *ней*, онъ хотѣлъ быть одинъ. Даже въ самой мысли о *ней* было, какъ ему казалось, нѣчто священное, и онъ боялся, чтобы въ это время не прервали его думы какой-нибудь шуткой или грубымъ словомъ.

Онъ такъ погрузился въ свои мечтанія, что постепенно началъ работать все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ остановился и прислонился къ фургону. Сердце его вдругъ наполнилось какой-то невѣдомой силой, твердой вѣрой въ себя. Словно электрическій токъ пробѣжалъ по всему его тѣлу. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ парящаго въ небѣ журавля. Онъ выдѣлялся блестящемъ бѣлымъ пятномъ на фонѣ сѣраго неба, описывая громадные круги надъ головой Брадлея. Что-то пророческое, мистическое было въ его дикомъ крикѣ, похожемъ на крикъ орла, борющагося противъ бури и непогоды.

— Я сдѣлаю это,--сказалъ онъ, сжимая руки. При звукѣ своего голоса онъ вздрогнулъ, словно вѣтеръ насквозь пронизалъ его платье. Одежда дѣлала его смѣшнымъ; но громадное пространство вокругъ облагораживало его фигуру и въ золотисто-карихъ глазахъ свѣтился геній. Мысль, которую онъ не осмѣливался высказать, но которая лежала въ основѣ всякаго его рѣшенія и всякаго его дѣйствія, была смутная и почти не сознаваемая надежда на то, что онъ когда-нибудь встрѣтится съ ней и она одобритъ его поступокъ.

IV.

Брадлей поступаетъ въ школу.

Брадлей долженъ былъ начать свое ученье въ ясное, морозное ноябрьское утро. Онъ нанялъ себѣ комнату въ подвалѣ стараго строенія, подъ названіемъ Паркъ-отель, въ которомъ уже многіе пытались устроить себѣ дешевую квартиру.

Брадлей нанялъ этотъ подвалъ, потому что дешевле его ничего не нашелъ. Онъ сторговалъ его за два доллара въ мѣсяцъ, вмѣстѣ съ двумя стульями и печкой для стряпни. Кромѣ этого, въ квартирѣ ничего не было. Онъ купилъ себѣ котелокъ и нѣсколько тарелокъ. Миссисъ

Каунсиль одолжила ему кровать и такимъ образомъ онъ, казалось, былъ гарантированъ противъ голода и холода. Онъ съ большимъ страхомъ готовился къ своему поступленію въ школу. Въ понедѣльникъ онъ все утро стоялъ у своей двери, ожидая Мильтона и глядя на веселую школьную молодежь проходящую мимо него по улицѣ. Дѣвушки казались ему такими нарядными и красивыми и онъ удивлялся, какъ это молодые люди такъ свободно и равнодушно идутъ рядомъ съ ними. Ихъ смѣхъ, ихъ перекликанье возбуждали въ немъ жалость и презрѣніе къ самому себѣ. Когда онъ самъ, вмѣстѣ съ Мильтономъ и Шепардомъ, пошелъ по аллеѣ большихъ обнаженныхъ клёновъ, онъ дрожалъ отъ страха. Всѣ, кромѣ него, были, казалось, какъ у себя дома.

Зная, что его ожидаетъ, Мильтонъ втолкнулъ его въ капеллу между пятью и шестью другими юношами, и такимъ образомъ онъ избѣгнулъ тѣхъ насмѣшливыхъ привѣтствій, которыми встрѣчають обыкновенно новичковъ при началѣ учебнаго года. Онъ окинулъ взглядомъ ряды лицъ и неловко, съ опущенными глазами, сталъ пробираться къ своему мѣсту рядомъ съ Мильтономъ. Наконецъ, онъ рѣшился оглянуться и разсмотрѣть товарищей. При этомъ онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ были такъ же неуклюжи и чувствовали себя такъ же неловко какъ и онъ.

Мильтонъ, какъ старый ученикъ (онъ былъ на второмъ курсѣ) сидя около него, называлъ ему входящихъ старшихъ учениковъ и, между прочимъ, указалъ на Радберна.

— Онъ въ большемъ почетѣ у дѣвицъ,—шепнулъ ему Шепардъ.

— Почему?—спросилъ Брадлей, внимательно всматриваясь въ красивое лицо молодого человѣка, нѣсколько мрачнаго вида. Шепъ комично ударилъ себя кулакомъ по лбу и проговорилъ:

— Мозги!

Шепардъ былъ приземистый малый, съ густой бѣлокурой гривой и комичной серьозностью въ немного свѣсившейся нижней губѣ. Мильтонъ засмѣялся.

— Шепъ ходитъ въ школу ради забавы!—сказалъ онъ Брадлею.

— Вѣрно!—подтвердилъ Шепъ. — Спорить не стану, ваша честь!

Въ эту минуту раздался взрывъ аплодисментовъ: въ комнатѣ появилась высокая, стройная дѣвушка съ цѣлой грудой книгъ на рукахъ. Ея умное лицо озарилось улыбкой и блѣдныя щеки слегка вспыхнули при этомъ привѣтствіи.

— Это миссъ Грагамъ,—прошепталъ Шепардъ,—она влюблена въ Радберна.

Вошли учителя, хоръ поднялся для пѣнія и утреннее богослуженіе началось. Брадлей подумалъ, что миссъ Грагамъ, съ ея длинными рѣсницами и бархатными глазами, напоминала миссъ Уильбёръ. Только глаза у нея были темные, да ростомъ она была выше и лицомъ блѣднѣе.

*

Въ сущности сходство было только въ ея спокойныхъ, полныхъ достоинства манерахъ.

По совѣту Мильтона, Брадлей оставался на мѣстѣ, пока всѣ воспитанники вышли изъ капеллы, подъ звуки органа. Тогда Мильтонъ представилъ его начальнику, который такъ сердечно взялъ его за руку, что смущеніе его моментально исчезло.

— Зайдите ко мнѣ въ одиннадцать часовъ,—сказалъ онъ ему.

Послѣ короткой бесѣды съ Брадлеемъ, зашедшимъ къ нему часа два спустя, онъ сказалъ ему:

— Вы поступите въ приготовительное отдѣленіе, м-ръ Талькотъ, но если вы хотите добавочныхъ занятій, то можете ходить въ младшій классъ. Дженнингсъ, будьте добры, помогите ему.

Начальникъ былъ человѣкъ привѣтливый; но у него было двѣсти человѣкъ такихъ грубыхъ парней съ фермы, а при такихъ условіяхъ онъ, конечно, не могъ основательно ознакомиться съ учениками и изучить ихъ способности.

Брадлей, идя въ городъ покупать книги, чувствовалъ, что улыбка директора неестественна, а такъ же и то, что Мильтонъ какъ будто стыдится его здѣсь, въ городѣ. Все, какъ ему казалось, было не совсѣмъ благопріятно для него. Но самое тяжелое началось тогда, когда онъ, въ часъ пополудни вошелъ въ классную комнату.

Ни одного изъ учениковъ онъ не зналъ. Длинная и узкая комната была полна шумливой молодежи, юношей и дѣвушекъ, которые всѣ были моложе его. Всѣ парты были, повидимому, заняты, и чтобы отыскать себѣ мѣсто, онъ принужденъ былъ пройти черезъ весь классъ. Онъ пробирался впередъ такъ близко къ стѣнѣ, что отеръ плечомъ мѣлъ съ классной доски, причемъ представлялъ изъ себя, дѣйствительно, довольно жалкую фигуру. Вся его природная, свободная и безсознательная, непринужденная грація исчезла, а сильные члены только дѣлали его еще болѣе неуклюжимъ. Дѣвушки были всѣ въ томъ возрастѣ, когда онѣ находятъ величайшее удовольствіе въ томъ, чтобы мучить застѣнчиваго юношу, подобнаго тому, который явился въ ихъ классѣ теперь. Волосы его были очень скверно острижены самимъ Каунсилемъ, а его платье изъ дешевой матеріи было слишкомъ коротко и узко и никогда, даже когда оно было новымъ, не было впору; теперь же оно, кромѣ того, выцвѣло на плечахъ и по швамъ, а панталоны были такъ узки и коротки, что обхватывали голенища его огромныхъ сапогъ и выставляли его ноги во всей ихъ непривлекательной неуклюжести. Огромныя руки высовывались изъ рукавовъ и обращали на себя вниманіе своею безпомощностью.

— Еще не доросъ,—замѣтила Нетти Россель, смотря куда-то въ пространство, въ то время какъ другіе покатились со смѣху. Волна горячей крови прилила къ лицу Брадлея и голова его закружилась. Онъ отлично понималъ, что это относится къ нему. Ничего не видя,

онъ искалъ глазами сидѣнья. Пока онъ безпомощно стоялъ на мѣстѣ, Нетти кинула въ него кусокъ мѣла, а кто-то другой бросилъ ему на сапоги губку.

— Номеръ двѣнадцатый,—сказалъ къ чему-то молодой Браунъ.

— Знаетъ ли ваша мамаша, что вы ушли гулять?

— Накройте этого птенца шляпой, — послышалось съ разныхъ сторонъ.

Наконецъ, онъ увидѣлъ свободное мѣсто и двинулся по направленію къ нему; но Нетти поторопилась сѣсть на него раньше. Онъ бросился къ оставленному ею стулу, но на немъ, какъ бы случайно, очутился братъ ея Клодъ. Брадлей снова остановился въ нерѣшимости, не смѣя поднять глазъ, пылая гнѣвомъ и стыдомъ. Снова кто-то запустилъ въ него кускомъ мѣла, такъ что мѣлъ щелкнулъ его по лбу и весь классъ загоготалъ.

— Господа!—съ притворнымъ изумленіемъ закричалъ Клодъ,—вѣдь голова-то у него *деревянная*!

Брадлей поднялъ голову, и въ глазахъ его появилось такое выраженіе, отъ котораго Клодъ Россель задрожалъ. Онъ приблизился къ другому пустому стулу; но и этотъ былъ ту же минуту занятъ молодымъ Брауномъ. Брадлей выругался и, размахнувшись, плашмя ударилъ рукою своего противника такъ, что тотъ покатился на полъ совсѣмъ ошеломленный. Настала минута глубокаго молчанія. Словно левъ съ рыканіемъ пробудился отъ сна.

— Подойдите-ка вы теперь!—прорычалъ онъ сквозь зубы. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему представилась вся нелѣпость его положенія. Всѣ они въ сравненіи съ нимъ были дѣти. Его бросило въ жаръ отъ стыда и гнѣва... Наконецъ, онъ досталъ себѣ стулъ. Но Нетти, настоящій бѣсенокъ, отдернула стулъ въ ту минуту, когда онъ садился на него, и онъ лишь съ трудомъ удержался, схватившись обѣими руками за пюпитръ. Онъ чуть-чуть не сѣлъ къ ней на колѣни, и весь классъ разразился страшнымъ хохотомъ. Въ эту минуту миссъ Клейсонъ, учительница, вошла въ классъ и гвалтъ утихъ. Брадлей вылетѣлъ изъ комнаты, какъ вылетаетъ съ арены разъяренный быкъ, взбѣшенный копьями пикадоровъ. Онъ сорвалъ съ вѣшалки шапку и пальто, бросился на улицу и шелъ, не поднимая глазъ, пока не достигъ, какъ спасительной гавани, своего подвала.

Онъ бросилъ шапку объ полъ и около получаса бѣгалъ по комнатѣ. Его бѣшенство и стонъ выливались цѣлымъ потокомъ ругательствъ, чего съ нимъ еще никогда не случалось. Теперь застѣнчивость соскочила съ него. Его сильные члены двигались легко и свободно. Онъ бѣгалъ взадъ и впередъ, потрясая кулаками и показывая, какъ страшенъ онъ могъ быть въ раздраженіи.

Наконецъ, онъ успокоился и сѣлъ, но при этомъ сразу почувствовалъ полнѣйшій упадокъ духа. Онъ погрузился въ бездну отчаянія.

Страшная нервная судорога схватила его за горло. Они были правы, считая его великовозрастнымъ дуракомъ. Никогда изъ него не можетъ выйти ничего путнаго! Онъ взглянулъ на свою большую руку, на короткіе панталоны, на ужасные, прямо неприличные сапоги и сталъ анализировать себя во всѣхъ подробностяхъ. Онъ пришелъ къ тому заключенію, что все въ немъ отвратительно.

Затѣмъ мысли его приняли другое направленіе и онъ вспомнилъ исторію своего костюма. Онъ былъ вовсе ненуженъ ему, когда онъ его купилъ, но онъ былъ какъ воскъ въ бѣлыхъ и мягкихъ рукахъ торговца, который представилъ ему этотъ костюмъ, какъ необычайно выгодную покупку. Подобно многимъ молодымъ людямъ, онъ, войдя въ магазинъ, всегда чувствовалъ себя обязаннымъ купить что-нибудь, даже въ томъ случаѣ, когда не находилъ себѣ ничего подходящаго. Когда онъ купилъ это платье и заплатилъ за него одиннадцать долларовъ, онъ отлично зналъ, что всегда будетъ жалѣть объ этомъ, и эта дешевая покупка тяготила его.

Онъ постоянно ругалъ себя за эту слабость передъ торговцемъ и все-таки годъ за годомъ впадалъ въ ту же ошибку. Однако, сегодня его одежда въ первый разъ предстала передъ нимъ во всей ея непригядности. Жестокія дѣвчонки и насмѣшники мальчишки показали ему, что даже въ американской школѣ человѣка встрѣчаютъ по одеждѣ. Самое ужасное во всемъ этомъ было то, что его обидѣла дѣвушка и, слѣдовательно, онъ не могъ отомстить ей. Сила его мускуловъ въ этомъ случаѣ была безполезна.

Такъ сидѣлъ онъ до глубокихъ сумерекъ. Онъ даже не подкинулъ угольевъ въ печку, которая стояла передъ нимъ, на своихъ кривыхъ ножкахъ, между двухъ сломанныхъ дверей съ какимъ-то безмысленнымъ и пьянымъ видомъ. Онъ былъ голоденъ; но ему нравилось чувствовать голодъ, это помогало переносить обиду своей неудачи.

Это былъ самый мрачный часъ въ его жизни. Онъ поклялся, что никогда не пойдетъ больше туда. Онъ не въ состояніи былъ снова очутиться передъ этими насмѣшливыми лицами. Его бросало то въ дрожь, то въ жаръ при одномъ воспоминаніи о нихъ. Дуракъ онъ былъ, что могъ хотя бы одну минуту думать, будто можетъ дѣлать что-нибудь иное, какъ копать землю и работать на фермѣ. Онъ напередъ долженъ былъ знать, что это будетъ такъ. Ему приходилось учиться съ дѣтьми—нѣтъ, онъ никогда туда не вернется болѣе.

И снова мысль о *ней* пронеслась у него въ головѣ. Но и это не помогло. *Ея* образъ заставилъ его прекратить ругательства; но теперь онъ впалъ въ совершенное отчаяніе, среди котораго онъ не находилъ даже словъ для выраженія своихъ мыслей. *Ея* образъ сіялъ, какъ звѣзда; но звѣзда эта стояла по ту сторону бездонной пропасти, показывая, что бездну эту онъ перейти не можетъ.

Кто-то крикнулъ на улицѣ, постучалъ въ дверь и ввалился въ комнату.

— Кто тамъ?

— Эй, гдѣ ты тутъ, Брадъ?

Онъ узналъ голосъ Мильтона.

— Я здѣсь, подожди минуту.

— Еще бы не подождать! Тутъ у тебя шею сломать можно,— сказалъ другой голосъ, въ которомъ Брадлей узналъ голосъ Шепа Уатсона.—Ты что же это? всегда въ потемкахъ живешь?

Они стояли на мѣстѣ, пока онъ не зажегъ, наконецъ, маленькую керосиновую лампочку, стоявшую на столѣ.

— Ты спалъ?—спросилъ Мильтонъ.

— Нѣтъ. Садитесь куда-нибудь,—прибавилъ онъ, замѣтивъ, что стульевъ было мало.

— Слушай, Брадъ, пойдемъ-ка съ нами туда, въ общество!

— Не пойду,—мрачно отвѣчалъ Брадъ.

— Почему?—спросилъ Мильтонъ, услыхавъ мрачную нотку въ его голосѣ.

— Потому, что я не имѣю на это права. Я не пойду въ школу. Я вернусь на ферму.

— Это почему?

— Не пойду, да и все тутъ. Я не въ состояніи буду догнать васъ.— Голосъ его дрогнулъ.—А учиться съ ребятишками мнѣ не охота.

— Ну вотъ еще, Брадъ! Я бы на твоемъ мѣстѣ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.—Онъ имѣлъ деликатность не сказать, что узналъ о неудачѣ Брадлея въ школѣ.—Намъ всѣмъ приходится переносить разныя непріятности вначалѣ, не правда ли, Шепъ? И лучше всего не обращать на нихъ никакого вниманія.

Но какъ оба добродушныхъ товарищей ни старались, они не могли уговорить его пойти съ ними. Онъ упорно стоялъ на своемъ намѣреніи оставить школу, и они, наконецъ, ушли.

Тѣмъ не менѣе, они произвели на него благопріятное впечатлѣніе. Горькое чувство нѣсколько смягчилось и мысли снова вернулись къ Уильберъ. Что она подумаетъ о немъ, если онъ съ перваго же дня откажется отъ своихъ плановъ только потому, что глупые мальчики и дѣвочки посмѣялись надъ нимъ. Мысль о ней придавала ему силу; но какъ только онъ вспоминалъ, что ему предстояло вытерпѣть, онъ вздрагивалъ и снова нападалъ на него малодушный страхъ.

Онъ все еще волновался и размышлялъ о томъ, какъ ему поступить, когда услышалъ медленно спускавшіеся по лѣстницѣ шаги и стукъ въ двери.

— Войдите! — сказалъ онъ, и въ комнату вошелъ самый вліятельный воспитанникъ старшаго курса. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ не только школу, но и весь городъ, и ему нравилось пользоваться своею властью, чтобы оказать услугу какому-нибудь бѣдному парню, вродѣ Брадлея.

— Дженнингсъ сказалъ мнѣ, что вы хотите отказаться отъ школы— началъ онъ прямо, безъ всякаго вступленія.

Брадлей кивнулъ головой.

— Что толку?—сказалъ онъ.—Ничего изъ этого не выйдетъ: я слишкомъ старъ.

Радбернъ молча поглядѣлъ на него.

— Возьмите шляпу и выйдемъ на улицу,—сказалъ онъ наконецъ, и въ голосѣ его было нѣчто, что заставило Брадлея повиноваться.

Выйдя на улицу, Радбернъ взялъ его подъ руку, и нѣкоторое время они шли молча. Ночь была тихая, ясная и морозная; звѣзды, какъ алмазы, сіяли надъ ихъ головами.

— Я все знаю, Талькотъ, и могу себѣ представить ваши ощущенія, — сказалъ Радбернъ, — но вы все-таки должны пойти туда завтра.

— Объ этомъ не стоитъ и говорить. Я не могу.

— Нѣтъ, вы можете; вы только думаете, что не можете. Человѣкъ можетъ все сдѣлать, если только убѣдитъ себя, что это нужно. Не можете же вы изъ-за такого пустяка отказаться отъ своихъ плановъ! Я отлично понимаю ваше положеніе. Знаете, — сказалъ онъ, внезапно остановивъ Брадлея, — во всемъ виновато ваше платье. Оно придаетъ вамъ глупый, неуклюжій видъ, который вамъ несвойственъ. Вы вѣдь настоящій молодецъ и, если вы надѣнете такой же костюмъ, какъ, напримѣръ, Дженнингсъ, вы увидите, какъ все измѣнится.

— Я не могу сдѣлать эту трату.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Вы не можете не сдѣлать ея. Хорошая одежда болѣе подниметъ васъ въ глазахъ этихъ ребятъ, нежели все, что только вы могли бы сдѣлать. Вотъ зайдемъ сюда, здѣсь живетъ одинъ мой пріятель, который можетъ снабдить васъ всѣмъ, что вамъ нужно, а завтра я за вами зайду. Мы пойдемъ въ классъ, я представлю васъ миссъ Клейсонъ и все пойдетъ хорошо. Вы просто не такъ взялись за дѣло.

Когда на слѣдующее утро онъ вошелъ въ классъ съ Радберномъ, который представилъ его учительницѣ, Нетти Россель уставилась на него въ безмолвномъ изумленіи. Онъ былъ подстриженъ, выбритъ и одѣтъ въ платье, которое вполнѣ обрисовывало его стройную, сильную фигуру. Воспитанники перешептывались, дѣлая на его счетъ разныя замѣчанія.

Брадлей почувствовалъ, что настроеніе измѣнилось, и съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, которому удивлялся самъ, отправился на свое мѣсто. Съ той минуты онъ вполнѣ овладѣлъ положеніемъ. Дѣвочки запускали въ него мѣлъ и писали у него на спинѣ, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и дѣлалъ свое дѣло. Онѣ стали уважать его, а нѣкоторыя явно выказывали расположеніе къ нему. Броунъ попросилъ его помочь сдѣлать задачу и то же самое сдѣлала Нетти. А когда онъ сѣлъ около нея, она съ торжествомъ посматривала на другихъ дѣвочекъ, въ то время, какъ онъ терпѣливо объяс-

нялъ ей задачу изъ алгебры, которая и для него была чистымъ мученіемъ.

Несмотря на свою угловатость, онъ былъ красивъ, а когда мальчики узнали, что онъ можетъ безъ разбѣгу прыгнуть на высоту 5 футовъ, 8 дюймовъ, они перестали хвастаться передъ нимъ своими познаніями въ алгебрѣ. Даже его бѣдность не вредила ему въ ихъ мнѣніи. Въ свободные часы онъ съ отчаянной энергіей пилилъ дрова, стараясь пополнить тотъ огромный пробѣлъ, который сдѣлали въ его бюджетѣ пятнадцать долларовъ, заплаченные за костюмъ.

Однажды въ воскресенье утромъ, распиливая дрова, онъ вдругъ услышалъ дѣвичій голосъ. Она пѣла какъ какая-нибудь птичка. Брадлей былъ ужасно голоденъ, такъ какъ работалъ съ самого разсвѣта, и долетающій до него запахъ кушанья раздражалъ его. Онъ слышалъ, какъ дѣвушка быстро двигалась по кухнѣ, и голосъ ея, то подымался, то опускался, то прерывался. Потомъ она замолчала, и онъ заключилъ изъ этого, что она завтракаетъ. Наконецъ, она отворила дверь и вышла на дворъ со скатертью въ рукахъ. Она встряхнула скатерть и перестала пѣть, а Брадлей продолжалъ работать.

— Эй, Брадъ!—вдругъ закричала она. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ выглядывающее черезъ заборъ плутовское личико Нетти Россель.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ, съ изумленіемъ глядя на нее. — А я и не зналъ, что вы тутъ живете.

— Да, тутъ! Но вѣдь вы не упадете въ обморокъ отъ того, что узнали это? Мнѣ кажется, вы не особенно-то влюблены въ меня!

Онъ не зналъ, что сказать ей, и молчалъ. Онъ теперь только впервые замѣтилъ, что лицо у нея было круглое, какъ у ребенка.

— Скажите, вы не голодны?—начала она опять. Брадлей сознался, что онъ завтракалъ очень рано. Онъ не сказалъ, однако, что завтракъ его состоялъ изъ жареной свинины и картофеля съ чернымъ хлѣбомъ, безъ чая, кофе или молока.

Дѣвушка, казалось, была въ восторгѣ отъ того, что онъ голоденъ.

— Подождите минутку! — скомандовала она, и ея улыбающееся личико исчезло за заборомъ. Брадъ продолжалъ работу, чтобы не озябнуть, спрашивая себя, что она хочетъ сдѣлать. Вскорѣ она вернулась съ толстой домашней сосиской и нѣсколькими ломтями теплаго поджареннаго хлѣба, которые она заставила его съѣсть.

— На нихъ масло намазано и сахаръ посыпанъ! — убѣдительно говорила она. — Слушайте, вы теперь ѣшьте, а я буду пилить дрова,— сказала она, обѣжавъ кругомъ и выходя изъ воротъ.

Она накинула на себя плащъ съ капюшономъ; но руки ея были голы. Она уперлась колѣнкой въ полѣно и съ комичной рѣшимостью принялась за дѣло.

— Пила почему-то все идетъ криво! — съ отчаяніемъ сказала она. Брадлей расхохотался.

— Послушайте, вы дѣлаете это для удовольствія? — спросила она, останавливаясь, чтобы передохнуть, и вся раскраснѣвшись.

— Нѣтъ, вовсе не для удовольствія, а потому, что я долженъ это дѣлать.

Она бросила пилу.

— Ну, тогда мнѣ не стыдно своей неловкости. Я не умѣю пилить; но за то я умѣю стряпать. Вѣдь эти ломтики я жарила!

Онъ догадался, что она требуетъ отъ него похвалы.

— Ломтики первый сортъ!—сказалъ онъ. Она была очень рада и съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ онъ ѣстъ.

— Послушайте, я не могу здѣсь стоять, я замерзну. Вы здѣсь пробудете до полудня?

— Да.

— Ну, такъ когда я свистну, вы придите въ домъ, и я дамъ поѣсть чего-нибудь. Такъ, что-ли?

Брадлей улыбнулся въ отвѣтъ на ея привѣтливый взглядъ.

— Вѣдь я не ваши дрова пилю.

— Такъ что-жъ такое? А вы все-таки придите. Да?

— Хорошо, приду.

— Нѣтъ! безъ шутокъ? честное слово?—приставала она.

— Сейчасъ умереть,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, ладно!—проговорила она, щелкнула языкомъ и убѣжала.

Теперь Брадлею очень весело было работать. Удивительно, какъ много значила для него побѣда надъ этой шаловливой дѣвушкой. Ему уже удалось измѣнить въ одномъ человѣкѣ насмѣшливое отношеніе къ себѣ въ дружбу, и это обстоятельство было для него предвѣстникомъ другихъ побѣдъ.

Въ это утро время летѣло очень быстро. Раза два Нетти выбѣгала, чтобы сообщить ему ту или другую новость относительно своей стряпни.

— Слушайте-ка, я пеку яблочный пирогъ. Я страсть какая мастерица печь пироги и кексы.

— Можетъ быть, это будутъ снѣжные комья?

Она сдѣлала видъ, что кидаетъ въ него снѣжкомъ.

— Вотъ вамъ за это! Не будетъ вамъ никакого пирога, если вы говорите такія вещи.

Но по мѣрѣ того, какъ обѣденное время приближалось, ему все менѣе и менѣе хотѣлось идти въ домъ. Онъ слышалъ, какъ она свистнула, но продолжалъ пилить. Дома, въ деревнѣ, это было бы ничего, а здѣсь нѣтъ. Онъ не имѣлъ никакого права идти туда и ѣсть тамъ.

Нотка нетерпѣнія прозвучала въ голосѣ Нетти, когда она крикнула ему наконецъ:

— Отчего же вы не идете?

— Не смѣю.

— Какія глупости! Чего-жъ вы боитесь?

— Зачѣмъ я буду ѣсть вашъ обѣдъ? Вѣдь я не ваши дрова пилю.

— Слушайте—если вы сейчасъ не придете, я и не знаю, что сдѣлаю.

— Вынесите обѣдъ сюда—не холодно.

— Не хочу я этого; вы должны войти въ домъ. Старикъ ушелъ въ городъ, а мать васъ не выгонитъ. Въ кухнѣ никого нѣтъ, пойдемте,— говорила она.

Брадлей пошелъ за ней. Ему пришло въ голову, что онъ похожъ на большую, очень голодную собаку, которую дѣти зазвали въ комнаты и которой тамъ очень неловко.

Онъ молча усѣлся у огня и молча, слушая ея болтовню, сталъ ѣсть то, что она подавала. Когда въ кухню вошла миссисъ Россель, Нетти даже не потрудилась представить его матери, которая стала ходить по кухнѣ, не говоря ни слова и улыбаясь одними только глазами. Она была въ полномъ подчиненіи у дочери. Слыша, что они говорятъ объ урокахъ, она заключила, что они товарищи по школѣ.

Брадлей вернулся къ своей работѣ и скоро окончилъ ее. Когда онъ повѣсилъ пилу на плечо и взялъ козлы, голова Нетти снова показалась надъ заборомъ.

— Послушайте, вы пойдете на соціальную сходку въ понедѣльникъ?

— Нѣтъ, не пойду. Я въ этихъ вещахъ толку не смыслю.

— Это очень забавно! Мы тамъ болтаемъ и дѣлаемъ разныя разности. Я пойду!—вызывающимъ тономъ сказала она.

Брадлей вспыхнулъ. Въ немъ не было хитрости, но какъ было не понять подобнаго намека? Онъ посмотрѣлъ на пилу и сказалъ:

— Я думаю, что не пойду—мнѣ надо учиться.

— Ну, такъ прощайте,—сказала она безъ всякой обиды.

Она была еще такой ребенокъ, что подобныя вещи не могли оскорбить ее.

— До понедѣльника!—закричала она и побѣжала къ дому.

Впечатлѣнія этого дня какъ будто прояснили жизнь Брадлея. Онъ совершенно бодро отправился къ своему крошечному, невзрачному жилищу, сѣлъ къ столу, на которомъ лежала алгебра, и рѣшился готовить уроки къ понедѣльнику. Но карандашъ выпалъ у него изъ руки, а голова склонилась на открытую книгу. Пилка дровъ утомила, а алгебра усыпила его.

V.

Брадлей говоритъ рѣчь.

Теперь Брадлею предстояло новое страшное испытаніе—пятницы, въ которыя ученики различныхъ отдѣленій школы должны были поочередно выступать передъ публикой въ часовнѣ и декламировать стихотворенія, или читать свои сочиненія. Самые храбрые боялись этого,

какъ огня. Многіе даже изъ-за этого не поступали въ школу. Ничего не могло быть ужаснѣе для застѣнчиваго, неуклюжаго парня или робкой дѣвушки съ фермы, какъ это требованіе выступить на эстраду и выставить себя на публичное осужденіе. Это была настоящая казнь, пытка, эшафотъ. А между тѣмъ было здѣсь и нѣчто крайне привлекательное, и, пожалуй, большинство учениковъ не согласилось бы упразднить этотъ обычай. Ученики младшихъ классовъ видѣли, какъ апплодировали старшимъ, и имъ самимъ хотѣлось достигнуть того же. Ораторскій успѣхъ соблазнялъ всѣхъ и казался столь обольстительнымъ, что стоило потерпѣть изъ-за него. Каждый новичокъ трепеталъ передъ этимъ испытаніемъ за цѣлыя недѣли и только о немъ и говорилъ.

Брадлей такъ же, какъ и другіе, не могъ ни ѣсть, ни пить наканунѣ этого дня и уже за нѣсколько дней потерялъ значительную долю аппетита.

Входя, послѣ перваго звонка, на ступени капеллы, онъ встрѣтился съ высокой, неуклюжей, дурно одѣтой дѣвушкой, Мэри Барберъ.

— Слушайте, какъ вы себя чувствуете?—сказала она.—Меня все утро трясла лихорадка. Просто не знаю, что я буду дѣлать—я совсѣмъ больна.

— Почему же вы не заявите этого и не уйдете?—спросилъ Брадлей.

— Потому что я уже сдѣлала это въ прошлый разъ и теперь ужъ не повѣрятъ.

У бѣдной дѣвушки отъ страха стучали зубы. Она какъ-то истерично смѣялась и ломала руки.

— Я чувствую, точно я вся пустая внутри! — говорила она. Что касается Нетти Россель, то она смотрѣла на это просто какъ на непріятную обязанность, которую надо сбыть съ рукъ.

— Вотъ вы увидите, какъ я справлюсь, — сказала она, проходя мимо него.

Въ два часа пришелъ распорядитель. Онъ отодвинулъ въ сторону маленькую каѳедру, и теперь ничего не было болѣе между трепещущимъ молодымъ ораторомъ на эстрадѣ и насмѣшливой аудиторіей внизу.

Капелла казалась Брадлею весьма внушительнымъ зданіемъ. Это былъ оклееный бѣлыми обоями четырехъугольный залъ, съ коринѳскими колоннами, который, конечно, не могъ не производить впечатлѣнія на парней, пришедшихъ сюда прямо съ поля или отъ молотилки.

Аудиторія состояла, главнымъ образомъ, изъ воспитанниковъ, которые сидѣли по классамъ, — дѣвушки налѣво, юноши направо. Присутствіе нѣсколькихъ горожанъ—любителей ораторскаго искусства, и людей, интересовавшихся тѣми, которые должны были выступать, еще болѣе смущало молодыхъ ораторовъ.

Радбернъ вошелъ, занятый серьезнымъ разговоромъ съ Лили Грагамъ. Онъ былъ сегодня въ одномъ отдѣленіи съ Брадлеемъ, что было не особенно пріятно послѣднему.

Джекъ Карверъ вошелъ съ самодовольнымъ видомъ. На немъ были полотняная манишка, воротникъ и панталоны, сшитые по заказу — и этого для него было достаточно. Поэтому онъ относился къ испытанію съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и Нетти Россель.

Мильтонъ, записанный въ первомъ отдѣленіи, подсмѣивался надъ страхомъ другихъ.

— Когда ты ѣлъ въ послѣдній разъ? — спросилъ онъ потихоньку Брадлея.

— Вчера утромъ,—отвѣчалъ тотъ, не будучи въ состояніи даже улыбнуться.

Всю недѣлю члены послѣдняго отдѣленія ходили взадъ и впередъ по комнатамъ своихъ пансіоновъ, повторяя свои рѣчи, къ великому раздраженію прочихъ пансіонеровъ. Всю недѣлю содержательницы этихъ бордингъ-гаузовъ стучали по желѣзнымъ печкамъ, напоминая «Спартакамъ», чтобы они не принимали всѣхъ за римлянъ и не орали своихъ воззваній къ нимъ. Но Спартаки вошли въ азартъ и ничто, кромѣ меча или сѣкиры, не могло бы заставить ихъ молчать. Первое отдѣленіе, уже отдѣлавшееся въ прошлую пятницу, смотрѣло на второе съ злораднымъ торжествомъ. Теперь настала ихъ очередь смѣяться.

Послѣ того, какъ пропѣлъ хоръ, распорядитель ораторскихъ испытаній, съ записной книжкой въ рукахъ сошелъ къ воспитанникамъ и началъ вызывать ихъ. Первой была вызвана Алиса Мастерсъ, самолюбивая, но очень некрасивая и неуклюжая дѣвушка. Она уже нѣсколько дней ничего не ѣла и теперь совсѣмъ ослабла, но была въ очень возбужденномъ состояніи отъ страха. Она вскочила со своего мѣсто, блѣдная, какъ мертвецъ, и бросилась къ эстрадѣ. Входя по ступенькамъ, она споткнулась и чуть не упала. Всѣ засмѣялись, нѣкоторые истерично-нервнымъ смѣхомъ. Кровь бросилась ей въ голову и когда она обернулась, лицо ея было словно покрыто пунцовой маской. Заикаясь и нервно перебирая пальцами складки своего платья, она начала:

— У глыбы мрамора стоялъ скульпторъ... У глыбы стоялъ... У глыбы скульпторъ...

Дальше она ничего не помнила, ни одного слова не было у нея въ въ головѣ, и безпомощно ломая себѣ пальцы, она замолчала. Она не въ состояніи была продолжать, но и сойти съ эстрады нельзя было раньше, чѣмъ ей позволятъ это сдѣлать.

— Довольно!—спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ сказалъ распорядитель, и она стрѣлой вылетѣла изъ капеллы. Наконецъ, пришла очередь Нетти Россель. Она оглянула аудиторію со своей задорной улыбкой на устахъ и продекламировала: «Гори, гори звѣздочка»,—къ полному восторгу учениковъ младшаго класса, которые посовѣтовали ей декламировать эти стихи.

Распорядитель мрачно нахмурился и сдѣлалъ противъ ея имени многозначительную, черную отмѣтку.

По мѣрѣ того, какъ учениковъ вызывали, Брадлею дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе, и на всемъ тѣлѣ его выступилъ холодный потъ. Въ желудкѣ у него сдѣлалось скверно и тошно, и онъ весь трепеталъ, какъ человѣкъ, который готовится погрузиться въ ледяную воду. Руки его такъ дрожали, что, стараясь скрыть эту дрожь, онъ принужденъ былъ ухватиться за пюпитръ.

Онъ уже хотѣлъ бѣжать; но его удержалъ Радбернъ, котораго вызвали передъ нимъ. Быть можетъ, этотъ рослый ученикъ тоже волновался передъ испытаніемъ; но теперь онъ вполнѣ преодолѣлъ свой страхъ. Онъ вошелъ на эстраду спокойно и съ достоинствомъ. Онъ пренебрегалъ обычнымъ въ этихъ случаяхъ обращеніемъ къ римлянамъ или англичанамъ, предпочитая оставаться современнымъ. Обыкновенно онъ произносилъ рѣчи на политическія темы или же поражалъ своихъ слушателей какимъ-нибудь совершенно новымъ воззрѣніемъ на одного изъ классиковъ. На какой бы сюжетъ онъ ни говорилъ, онъ всегда возбуждалъ живой интересъ въ слушателяхъ. Въ его серьезномъ лицѣ и глубоко сидящихъ глазахъ было нѣчто, что внушало довѣріе, а его самообладаніе и чувство собственнаго достоинства производили сильное впечатлѣніе на его бѣдныхъ, дрожащихъ отъ страха товарищей.

Брадлей снова почувствовалъ надъ собой очарованіе ораторской рѣчи; при мысли, что и онъ можетъ сдѣлаться такимъ же ораторомъ, у него забилось сердце. Пока говорилъ Радбернъ, Брадлей чувствовалъ себя спокойнымъ и самоувѣреннымъ, но какъ только онъ замолчалъ, страхъ снова овладѣлъ имъ.

Онъ просто не могъ глядѣть на бѣднаго Гарри Стильмана, который вышелъ спустя нѣсколько номеровъ послѣ Радберна. Гарри выбралъ себѣ чрезвычайно возвышенную и громкую тему; но теперь, своимъ несчастнымъ, сконфуженнымъ видомъ, онъ представлялъ полный контрастъ съ нею. Его тонкія дрожащія ноги, съ повернутыми внутрь, какъ у индійца, носками, были облечены въ узкіе и короткіе панталоны, которые казались еще уже и короче, потому что были клѣтчатые. Узкія плечи, размашистые жесты длинныхъ, худыхъ рукъ и испуганное выраженіе лица нисколько не соотвѣтствовали тому, что онъ говорилъ. Шепъ Уатсонъ сказалъ о немъ, что онъ имѣетъ такой видъ, какъ будто боится, что на него свалится потолокъ. Наконецъ, вызвали Брадлея, и все передъ нимъ заволоклось туманомъ. Окна исчезли и казались ему свѣтовыми пятнами. Когда онъ подвигался къ эстрадѣ, полъ куда-то уходилъ у него изъ подъ-ногъ, и онъ самъ, казалось ему, не шелъ, а несся въ пространствѣ. Однако онъ добрался до эстрады безъ приключеній. Онъ столько разъ продѣлалъ этотъ маневръ въ своемъ воображеніи, что теперь члены его дѣйствовали рефлективно, совершенно автоматично. Когда онъ повернулся лицомъ къ публикѣ, ему показалось, что передъ нимъ цѣлое море го-

ловъ. Слушатели со своей стороны чувствовали какую-то особенную притягательную силу въ его глазахъ. Лицо его было блѣдно, а глаза горѣли страннымъ блескомъ. Какая-то таинственная мощь исходила отъ него, какъ отъ прирожденнаго оратора.

Подобно всѣмъ прочимъ, онъ выбралъ себѣ тему, которая повидимому далеко превышала и его собственныя средства, и пониманіе слушателей, но они такъ много слышали о Вильгельмѣ Теллѣ, о Ріенци, объ Антоніи, о Спартакѣ, что уже ничто не могло быть для нихъ слишкомъ напыщеннымъ, слишкомъ высокопарнымъ.

Онъ неправильно выговаривалъ слова, жесты его были неловки и неуклюжи, но восторженный порывъ звучалъ въ его голосѣ и трогалъ сердца. Въ немъ чувствовался глубокій и богатый запасъ силы. На него вдругъ нашло спокойствіе. Сердце его радостно билось отъ того, что онъ вдругъ открылъ въ себѣ эту силу. Казалось, будто новый духъ вселился въ его тѣло. Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе росли его самообладаніе и самоувѣренность. Когда онъ сталъ громить карѳагенянъ, его большія руки казались руками гиганта. Слушатели забыли и его одежду, и его веснусчатое лицо, и когда онъ кончилъ, раздался единодушный взрывъ апплодисментовъ.

Затѣмъ онъ вернулся на свое мѣсто. Огонь вдохновенія потухъ въ его глазахъ, члены ослабли, все кругомъ приняло обычный видъ, и лицо его покрылось краской застѣнчивости. Онъ сѣлъ, и ему стало ужасно грустно, словно что-то великое и прекрасное исчезло изъ его жизни.

Но Радбернъ, ввиду всѣхъ, протянулъ ему руку и сказалъ: «Великолѣпно!» Воспитанники высоко цѣнили ораторскую рѣчь; нѣкоторые изъ нихъ столпились около Брадлея, чтобы поздравить его съ успѣхомъ.

Однако самъ Брадлей далеко не былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ.

Произнося рѣчь, онъ не чувствовалъ себя самимъ собой и теперь не помнилъ даже, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Онъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что сказалъ то, что слѣдуетъ. Онъ относился подозрительно къ своей силѣ, потому что не чувствовалъ ея больше. Онъ походилъ на человѣка, которому снилось, что онъ летаетъ, и который проснулся въ параличѣ. Послѣ своего торжества онъ опять сдѣлался прежнимъ неуклюжимъ и грубымъ рабочимъ.

— Слушайте-ка, Талькотъ,—сказалъ Радбернъ, встрѣтившись съ нимъ при выходѣ изъ капеллы,—я хочу представить васъ въ члены «Дельты». Приходите въ понедѣльникъ, и я проведу васъ.

— На что я имъ нуженъ?

— Не будьте слишкомъ скромны. Такого-то, какъ вы, имъ и нужно. Васъ всюду будутъ звать, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь всѣ кружки, по обыкновенію враждовавшіе между собой, спорили изъ-за того, чтобы перетянуть его къ себѣ.

Въ глубинѣ души ему сильно хотѣлось участвовать въ дебатахъ и это представлялось ему даже однимъ изъ главныхъ преимуществъ школы: ему казалось, что это должно нравиться *ей*.

Онъ присоединился къ кружку «Дельта», президентомъ котораго состоялъ Радбернъ, и сталъ съ наивной гордостью носить значекъ этого кружка. Впродолженіи нѣсколькихъ митинговъ онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ молча; его смущали необыкновенный формализмъ и строгость парламентскихъ правилъ. Любопытно было наблюдать, какъ устанавливался на митингѣ порядокъ, какъ успокаивалось постепенно возбужденіе и смолкалъ шумъ кричащихъ, спорящихъ членовъ, которые, казалось, готовы были сейчасъ подраться на кулачкахъ.

Но вотъ раздавался стукъ колотушки по столу и моментально все смолкало, словно каждый получилъ ударъ по головѣ. Всѣ садились по мѣстамъ. Одинъ только строгій президентъ оставался на ногахъ. Еще ударъ колотушки—и въ комнатѣ воцарилась полнѣйшая тишина. Радбернъ былъ очень строгимъ президентомъ, но всѣмъ это нравилось. По всей вѣроятности, общество и на половину не приносило бы такого удовольствія и такой пользы, если бы въ немъ не господствовалъ этотъ порядокъ.

Нѣкоторое время торжественность засѣданій совершенно подавляли Брадлея. Товарищи его казались ему преобразившимися въ важныхъ законодателей. Съ теченіемъ времени, однако, впечатлѣніе это изгладилось. Мало-по-малу онъ почувствовалъ себя въ своей сферѣ и принялся вмѣстѣ съ другими штудировать руководство Кеплинга, который даетъ основательное знаніе различныхъ методовъ вести пренія, а это имѣло для него громадную цѣну.

Первая попытка его принять участіе въ дебатахъ вызвана была вопросомъ о томъ, должны ли фермеры принять сторону свободной торговли? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ Мильтономъ, который всегда старался затрогивать самыя животрепещущія темы. Его живой натурѣ нравилось принимать участіе въ горячихъ преніяхъ.

Такъ какъ искреннихъ сторонниковъ свободной торговли было мало, то одинъ блестящій молодой демократъ попросилъ Радберна принять сторону фри-тредеровъ, и онъ согласился. Мильтонъ выступилъ въ качествѣ главаря третьей партіи фри-тредеровъ. Ему нравилось защищать теоріи, которыхъ онъ въ дѣйствительности не раздѣлялъ, что для болѣе простой и искренней души Брадлея было совершенно невозможно. Онъ могъ защищать только то, во что вѣрилъ самъ. Мезонъ сталъ обсуждать теорію свободнаго обмѣна и сказалъ въ защиту ея восторженную, цвѣтистую и патетическую рѣчь, которую хладнокровный норвежецъ Фергессонъ поднялъ на смѣхъ. Онъ обратилъ вниманіе аудиторіи на свойства «мѣдноголовой демократіи», которую такъ пропагандировалъ его противникъ. Онъ спрашивалъ, каково будетъ практическое примѣненіе изложенной теоріи?—Просто на просто, удешевленіе продуктовъ.

— Этого-то мы и хотимъ!—перебилъ его Мезонъ, но былъ тотчасъ же строго остановленъ президентомъ.

— Англія наводнитъ насъ дешевыми товарами.

— И пусть наводняетъ,—сказалъ кто-то.

Президентъ не зналъ, что дѣлать. Фергессонъ продолжалъ говорить, пока его не попросили сойти съ эстрады. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ, которые говорили свои десять минутъ до конца.

Радбернъ удивилъ всѣхъ совершенно искренно выраженнымъ мнѣніемъ, сказавъ:

— Свободная торговля въ теоріи совершенно справедлива. Если смотрѣть на нее съ точки зрѣнія этики, какъ на слѣдствіе нормальнаго теченія вещей, то она справедлива. Право продавать принадлежитъ мнѣ столько же, сколько и право производитъ. Вопросъ только въ томъ, слѣдуетъ ли ввести свободную торговлю теперь же. Фермеръ не имѣетъ никакой причины поддерживать протекціонизмъ..

То, что онъ говорилъ дальше было туманно и сбивчиво.

— Я—фри-тредеръ,—говорилъ онъ,—но я не демократъ. Жаловаться на налоги не значитъ еще быть фри-тредеромъ, и я думаю что и демократы помогутъ тутъ не болѣе республиканцевъ; но это не главное. Вопросъ заключается въ томъ, должны ли фермеры быть сторонниками свободной торговли.

Послѣ обмѣна мнѣній по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, на каѳедру взошелъ Радбернъ, предложившій высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ всѣмъ желающимъ.

— Мы желали бы знать мнѣніе Талькота,—сказалъ онъ.

— Талькотъ, Талькотъ!—закричали прочіе.

Брадлей всталъ, словно повинуясь какой-то внутренней силѣ.

Онъ началъ говорить неувѣренно и заикаясь. Мысль его развивалась въ томъ направленіи, которое указала ему въ своей рѣчи миссъ-Уильберъ; онъ защищалъ идею гомъ-маркета, внутренняго рынка, которую онъ обдумывалъ долго и обстоятельно.

— Г. президентъ, я не вѣрю въ свободную торговлю,—сказалъ онъ,—и мнѣ кажется, что если бы даже мы добились свободы торговли, это только превратило бы насъ въ рабочихъ Англіи. А этого не должно быть. У насъ есть золото въ нашихъ горахъ, есть уголь и лѣсъ для нашихъ фабрикъ. Намъ необходимо создать собственную промышленность и положить основаніе внутренней торговлѣ, имѣть для нея собственный рынокъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, ему приходили въ голову мысли, новыя для него самого, вспоминались отрывки рѣчей, газетныхъ статей, цѣлый потокъ аргументовъ и соображеній, казавшихся ему подходящими въ качествѣ аргументовъ. Онъ схватывалъ ихъ и, яростно нападая на противную партію, наносилъ сильные удары. Онъ кончилъ посреди громкихъ аплодисментовъ.

За нимъ поднялся молодой Мезонъ. Направленная противъ Брадлея рѣчь его была проникнута ѣдкимъ сарказмомъ.

— Онъ собралъ пресловутые аргументы республиканскихъ газетъ,— сказалъ Мезонъ,—и, въ качествѣ вождя оппозиціи, конечно не упустилъ случая подтрунить надъ мѣдноголовой демократей. Само собою разумѣется, что пренія не могли обойтись безъ такого рода выходки со стороны уважаемаго вождя оппозиціи! Когда не хватаетъ аргументовъ, пускаютъ входъ инсинуаціи и насмѣшки. Но я надѣюсь, судьи примутъ во вниманіе, что на нашей сторонѣ были настоящіе аргументы, а на сторонѣ оппозиціи однѣ лишь пустыя фразы!

Судьи вынесли вердиктъ въ пользу свободной торговли, но постановленіе судей произвело на Брадлея далеко не такое сильное впечатлѣніе, какъ образъ мыслей Радберна, который совершенно поразилъ его. Смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ фразъ Радберна не были вполнѣ понятны ему, и тѣмъ не менѣе рѣчь его сдѣлала свое дѣло. Никогда онъ не могъ забыть ее.

Онъ какъ разъ думалъ о томъ, насколько высказанныя имъ идеи были противуположны идеямъ миссъ Уильберъ, когда самъ Радбернъ подошелъ къ нему и съ многозначительной улыбкой сказалъ:

— Что-жъ, Талькотъ, вы хорошо справились со своей задачей. Идея внутренняго рынка представляетъ обширное поприще для вашей дѣятельности. Вы полагаете, что городъ, самъ по себѣ, есть хорошая вещь. Вы полагаете, что городъ—это цивилизація? Такъ я скажу вамъ, хотя вы можетъ быть, и не повѣрите мнѣ, что города— это воплощеніе порока, преступленія и нищеты. Это богатство, но богатство лишь для небольшой горсти. А что касается идеи внутренняго рынка, то какъ же вы хотите, чтобы фермеръ покупалъ на томъ же рынкѣ, гдѣ онъ продаетъ?

На лицѣ Радберна была такая улыбка, что Брадлей не могъ рѣшить, смѣется онъ надъ нимъ или нѣтъ. Съ этой минуты онъ началъ обдумывать свои фразы гораздо серьезнѣе. Развитіе его быстро пошло впередъ. Онъ размышлялъ въ то время, когда пилилъ дрова на окраинахъ города, ночи же просиживалъ надъ книгами. Это были великіе дни. Это было броженіе новыхъ силъ.

Радбернъ говорилъ о Брадлеѣ съ нѣсколькими политическими дѣятелями города.

— Онъ представляетъ собою хорошій матеріалъ, этотъ Талькотъ,— говорилъ онъ.—Конечно, пока это только начинающій, но вы, навѣрное, скоро услышите о немъ. Онъ производитъ впечатлѣніе на публику. И онъ имѣетъ одно важное преимущество надъ большинствомъ изъ насъ: онъ глубоко вѣритъ въ то, что защищаетъ, т. е. въ республиканскую идею.

Слушатели не знали хорошенько, какъ принять слова Радберна.

— У него ужъ манера такая!—говорилъ обыкновенно кто-нибудь

изъ нихъ, а остальные молчали. Не нравились имъ такія рѣчи, но такъ какъ Радбернъ не искалъ никакого мѣста и былъ, что называется, голова, они рѣшили не спорить съ нимъ.

— А знаетъ ли онъ законы?—спросилъ судья Браунъ.

— Я ужъ вижу, куда вы мѣтите,—быстро отвѣтилъ Радбернъ,— вы хотите сдѣлать изъ него демократа!

Прочіе засмѣялись. Демократы были въ меньшинствѣ, но судья и полковникъ Пиви никогда не упускали случая вербовать новыхъ сторонниковъ для своей партіи.

Нѣсколько дней спустя Радбернъ сказалъ Брадлею:

-- Талькотъ, Браунъ желаетъ васъ видѣть. Ему хочется сдѣлать изъ васъ «крючкотвора». Кому нибудь другому я сказалъ бы, пожалуй: не дѣлайте этого, но,—если онъ вамъ предложитъ мѣсто—берите. Не хуже это будетъ, чѣмъ пилить дрова тридцать часовъ въ недѣлю.

Слѣдуя указанію Радберна, Брадлей поднялся по узкой, невѣроятно грязной лѣстницѣ и постучалъ въ дверь на концѣ корридора, освѣщеннаго только черезъ щель для писемъ въ двери.

— Войдите!—крикнулъ брюзгливый голосъ.

Судья, очевидно, былъ не въ духѣ. Онъ сидѣлъ, положивъ ноги на вращающуюся этажерку съ книгами, держа на колѣняхъ открытый сводъ законовъ, а въ рукѣ длинную трубку.

Если онъ и пробормоталъ какое-либо привѣтствіе, то оно было заглушено ворчаніемъ толстаго бульдога, лежавшаго у его ногъ.

— Смирно!—прикрикнулъ онъ на собаку, которая перестала ворчать, но бросилась навстрѣчу Брадлею и съ весьма недоброжелательнымъ видомъ стала обнюхивать его.

— Садитесь!—сказалъ судья, указывая ему на стулъ трубкой, которую держалъ за головку, причемъ самъ онъ не двинулся съ мѣста.

Брадлей сѣлъ. Это привѣтствіе заставило его погрузиться въ свою обычную молчаливость. Онъ ждалъ, что скажетъ судья, и глядѣлъ на собаку.

— Ну что, молодой человѣкъ? что я могу сдѣлать для васъ?—спросилъ судья послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго онъ отложилъ одну книгу и прочиталъ страницу изъ другой.

— Должно быть, ничего.

— Такъ за какимъ же чортомъ вы ко мнѣ пришли? — съ удивленіемъ спросилъ судья.—Вы, можетъ быть, хотите купить собаку?

Брадлей разозлился.

— Я пришелъ, потому что меня послалъ сюда Радбернъ; но я сію же минуту могу уйти обратно.

Судья спустилъ ноги.

— Ага! Такъ вы тотъ молодой ораторъ!.. Что же вы раньше-то не говорили, индѣецъ вы этакій?

Онъ всталъ и, отхаркнувшись въ плевательницу, продолжалъ вор-

чать. Брадлей чувствовалъ, однако, что тонъ его голоса былъ уже совершенно другой. Въ немъ слышалась теперь грубая ласка.

— Я слышалъ васъ въ прошлую пятницу. Вамъ, молодой человѣкъ, нуженъ только просторъ,—чтобъ было гдѣ локтями дѣйствовать. Пространство нужно, сообразное съ вашей силой! Но развѣ вы найдете это въ республиканской партіи? Она совершенно безсильна.

Судья проповѣдовалъ это уже въ теченіе двухъ президентскихъ сроковъ, но врядъ ли самъ вполнѣ вѣрилъ въ то, что говорилъ.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Я еще самъ не знаю.

— Хотите изучать законы?

— Не знаю, сэръ. Развѣ вы думаете, что я могу быть юристомъ?

— Если вы только не слишкомъ честны... Если хотите попробовать, мы съ вами заключимъ условіе. Все-таки это будетъ легче, чѣмъ пилить дрова. А кромѣ того вы можете продолжать ваше ученье. Посмотримъ, что можно сдѣлать на будущій годъ.

Брадлей понравился старику своимъ ораторскимъ талантомъ, и онъ забралъ себѣ въ голову сдѣлать изъ него демократа. Сына у него не было, и онъ съ большимъ участіемъ относился къ такимъ юношамъ, какъ Мильтонъ и Брадлей.

Прійдя въ этотъ вечеръ домой, Брадлей расширилъ свои честолюбивыя стремленія. Онъ надѣялся теперь сдѣлаться юристомъ, ораторомъ и играть роль въ политикѣ. Политика представлялась ему, какъ и большинству людей запада, главной задачей жизни, а Вашингтонъ—Меккой, золотой куполъ которой издали сіялъ ему. Попасть въ Вашингтонъ—это значило для него то же, что вновь родиться.

— Человѣкъ всего можетъ достигнуть, если только хорошенько постарается,—повторялъ онъ себѣ слова Радберна.

Онъ весело принялся жарить себѣ картофель съ кусочками мяса и варить чай. Слабый свѣтъ лампы смягчалъ черты и выраженіе его лица, и его веселость передъ одинокимъ ужиномъ выражала и героическую смѣлость, и дѣтское невѣдѣніе, и трогательную вѣру, съ которой человѣкъ смотритъ въ лицо милліонамъ людей, надѣясь найти у нихъ успѣхъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ФИЛОСОФІЯ КАНТА.

СТАТЬЯ 2-я.

(Теоретическая философія)

Проф. **Г. Челпанова**.

(*Продолженіе* *).

Еслибы наши ощущенія располагались только въ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, то они представляли бы собою лишь отдѣльные образы; мы еще не имѣли бы вещей, предметовъ, находящихся въ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу. Для того, чтобы міръ намъ представился въ формѣ вещей, находящихся другъ съ другомъ во взаимномъ отношеніи, намъ нужна еще одна функція, именно функція *связыванія* или соединенія представленій; нужно опредѣленнымъ образомъ связать эти пространственные и временные образы, чтобы мы понимали ихъ какъ *вещи*, находящіяся другъ съ другомъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ.

Если мы соединимъ наши ощущенія, расположенныя въ извѣстныхъ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, еще и въ другихъ отношеніяхъ, то мы получимъ то, что Кантъ называетъ *природой* или *опытомъ*, т.-е. представленіе о вещахъ, находящихся другъ съ другомъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ (причинности, субстанціальности и т. п.).

Въ этомъ смыслѣ *опытъ* отличается отъ *воспріятія*, которое представляетъ просто извѣстное расположеніе ощущеній въ пространственномъ и временномъ отношеніяхъ и есть просто ассоціація извѣстной группы ощущеній.

Предположимъ, что у насъ есть два ощущенія или два пространственныхъ образа, напр. А и В. Они, разумѣется, могутъ связываться другъ съ другомъ самымъ различнымъ образомъ. Напр., между ними можетъ быть отношеніе одновременности. Мы можемъ ихъ представлять себѣ существующими одновременно, но мы можемъ представлять

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1901 г.

ихъ возникающими также послѣдовательно; наконецъ, мы можемъ представлять ихъ себѣ такъ, что А созидаетъ В.

Само собою разумѣется, что будетъ разница въ томъ случаѣ, когда мы представляемъ себѣ, что между А и В есть простое отношеніе послѣдовательности, т.-е., когда мы представляемъ себѣ, что за А слѣдуетъ В во времени, или если мы скажемъ, что А созидаетъ В. Количество ощущеній или представленій въ одномъ и въ другомъ случаѣ тождественно, а между тѣмъ *отношеніе* между ними мыслится различно. Во второмъ случаѣ, кромѣ просто представленій и образовъ, имѣется еще нѣчто, именно мысль о причинномъ отношеніи между А и В. Такимъ образомъ изъ представленій А и В мы получаемъ причинное отношеніе. Такъ какъ дѣятельность органовъ чувствъ доставляетъ намъ только лишь образы А и В, то ясно, что мысль о причинности вносится самимъ нашимъ сознаніемъ. Само наше сознаніе придаетъ *форму* причинности, подобно тому, какъ оно придаетъ форму пространства и времени нашимъ ощущеніямъ.

Если мы возьмемъ какое-нибудь сужденіе, то мы увидимъ, что въ немъ, дѣйствительно, кромѣ пространства и времени содержится и еще кое-что такое, чего мы не можемъ получить изъ опыта. Напр. возьмемъ такое сужденіе: «Теплота солнца согрѣваетъ камень». Въ этомъ сужденіи мы имѣемъ цѣлый рядъ ощущеній и впечатлѣній. Здѣсь есть, напр., ощущеніе теплоты, цвѣта, шереховатости камня, его пространственныя свойства, наконецъ, временная послѣдовательность ощущеній, потому что вслѣдъ за возникновеніемъ ощущенія солнечной теплоты у насъ возникаетъ ощущеніе теплоты камня. Но этого мало. Здѣсь есть еще нѣчто, именно то, что теплота солнца *производитъ*, созидаетъ теплоту камня. Между теплотой солнца и теплотой камня есть то, что мы называемъ «причиннымъ отношеніемъ». Между теплотой солнца и теплотой камня существуетъ не просто временное отношеніе, потому что если бы это было такъ, то мы могли бы только сказать, что за возникновеніемъ солнечной теплоты *слѣдуетъ* теплота камня. Въ дѣйствительности же мы говоримъ, что теплота солнца есть *причина* теплоты камня, что теплота солнца созидаетъ теплоту камня.

Слѣдовательно, мы должны сказать, что въ нашемъ сужденіи, кромѣ пространственныхъ и временныхъ отношеній, есть еще что то, что также не дается просто ощущеніемъ, а составляетъ прибавку нашего сознанія. Въ данномъ примѣрѣ это именно есть причинность. Здѣсь мы находимся въ томъ же положеніи, въ какомъ мы находились при разсмотрѣніи пространства и времени. Тамъ мы тоже могли вычесть все то, что можетъ намъ дать ощущеніе (твердость, цвѣтъ, непроницаемость и т. п.,), но все-таки оставалось еще нѣчто, что изъ опыта не могло быть выведено и что, слѣдовательно, должно имѣть субъективное происхожденіе. Точно такимъ же образомъ и здѣсь. Мы кромѣ пространства и времени имѣемъ еще нѣчто такое, что не полу-

чается изъ ощущеній и что вслѣдствіе этого мы должны считать прибавкой нашего сознанія.

И эта прибавка, которую производитъ сознаніе, имѣетъ то значеніе, что мы изъ простой послѣдовательности явленій созидаемъ *опытъ* или общеобязательное *познаніе.* Пока я говорю о простомъ слѣдованіи одного ощущенія за другимъ, я имѣю только субъективное познаніе. Это познаніе имѣетъ значеніе только для меня. Если же къ этой послѣдовательности ощущеній присоединяется понятіе причинности, то тотчасъ это положеніе превращается въ общеобязательный опытъ. Замѣтимъ кстати, что у Канта въ этомъ случаѣ, подъ терминомъ «опытъ», понимается сужденіе, имѣющее общеобязательное значеніе, т.-е. значеніе для всѣхъ существъ, мыслящихъ подобно мнѣ.

Разсмотримъ ближе функцію понятія причинности въ созиданіи опыта въ связи со взглядомъ Юма на вопросъ о причинности.

Юмъ указывалъ на то обстоятельство, что въ дѣйствительности у насъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что существуетъ абсолютное однообразіе природы, а если такой увѣренности нѣтъ, то не можетъ быть также увѣренности въ томъ, что наши научныя положенія могутъ вообще имѣть достовѣрный характеръ. При такихъ условіяхъ мы приходимъ въ скептицизму.

Кантъ поставляетъ задачу спасти науку отъ скептицизма Юма. Кажется, на первый взглядъ, что онъ будетъ доказывать, что дѣйствительно существуетъ абсолютное однообразіе законовъ природы, но на самомъ дѣлѣ Кантъ ведетъ свое доказательство совсѣмъ иначе.

Если бы мы имѣли въ виду доказать, что въ природѣ самой по себѣ, въ вещахъ самихъ по себѣ существуетъ абсолютное однообразіе, то мы этого не были бы въ состояніи сдѣлать, потому что въ дѣйствительности реальный опытъ намъ такого однообразія не доставляетъ. Другими словами, мы не можемъ доказать, что существуетъ абсолютное однообразіе. Но если мы это признаемъ, то мы очутимся въ странномъ положеніи. Изъ ощущеній, изъ опыта мы не получаемъ понятія однообразія, *) а между тѣмъ въ нашемъ научномъ познаніи оно существуетъ. Значитъ откуда же оно берется? Ясно, что оно привносится нашимъ сознаніемъ. Благодаря этому привнесенію со стороны сознанія, и существуетъ научное познаніе. Безъ предположенія абсолютнаго однообразія не могло бы быть научнаго познанія. Это предположеніе есть необходимая предпосылка познанія.

Такимъ образомъ ясно, что точку зрѣнія Юма нужно перемѣнить. Онъ хотѣлъ отыскать абсолютный характеръ причинности въ опытѣ

---

*) Изъ опыта мы не можемъ получить понятія объ абсолютномъ однообразіи, а только лишь относительномъ. Мы можемъ видѣть повтореніе какой либо причинной связи тысячу разъ, но мы не можемъ быть абсолютно увѣрены, что въ тысячу первый разъ не будетъ иначе.

и не нашелъ его тамъ. По мнѣнію Канта, его нужно искать не въ опытѣ, а въ нашемъ сознаніи.

Въ этомъ возраженіи Кантъ занимаетъ свою обычную позицію противъ эмпиризма. Этотъ послѣдній все хочетъ вывести изъ опыта, изъ познанія вещей, подъ которыми онъ понимаетъ именно познаніе вещей въ себѣ. Онъ только то познаніе считаетъ реальнымъ, которое можно вывести изъ опыта, и отвергаетъ все то познаніе, которое изъ чувственнаго опыта выведено быть не можетъ. Кантъ соглашаясь съ тѣмъ, что это познаніе закона однообразія природы не можетъ быть выведено изъ чувственнаго опыта, доказываетъ, что оно является *предпосылкой* познанія. Благодаря именно ему становится возможнымъ познаніе, опытъ.

Такимъ образомъ Кантъ приходитъ и здѣсь къ признанію, что причинность, какъ и другія апріорныя понятія, получается не изъ опыта, а, наоборотъ, дѣлаетъ возможнымъ опытъ.

Что причинность есть необходимая *предпосылка познанія*, можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

Наука можетъ быть наукой только въ томъ случаѣ, если будетъ признано однообразіе природы, въ противномъ случаѣ ни одно положеніе не можетъ претендовать на то, чтобы считаться общеобязательнымъ. Слѣдовательно, однообразіе природы есть необходимое *предположеніе*, безъ котораго наука не можетъ существовать. Кантъ не имѣлъ намѣренія доказывать, что не могутъ быть мыслимы явленія, которыя не подчинялись бы закону причинной связи. Онъ хотѣлъ сказать, что научное познаніе можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если мы примемъ законъ причинности.

Съ другой стороны, Кантъ находитъ, что самое понятіе закономѣрной необходимости, какъ положеніе, не получающееся изъ опыта, должно носить характеръ апріорный.

Такъ какъ это положеніе является необходимой предпосылкой познанія, то его можно считать апріорнымъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ мы считаемъ апріорными понятія пространства и времени.

Читатель долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что мы сами созидаемъ опытъ, что мы не имѣемъ притязаній на абсолютное познаніе, что наше познаніе носитъ относительный характеръ. То, что мы называемъ опытомъ, природой, научнымъ познаніемъ, не есть нѣчто абсолютно соотвѣтствующее вещамъ въ себѣ, а есть продуктъ нашего сознанія.

Нельзя думать, что наше познаніе природы есть просто копія того что есть въ дѣйствительности, а наоборотъ, нужно сказать, что то, что мы называемъ природой, въ дѣйствительности есть продуктъ нашего сознанія. По выраженію Канта, нашъ «разсудокъ предписываетъ природѣ законы». Природа имѣетъ закономѣрность потому, что нашъ разсудокъ созидаетъ ее. (Само собою разумѣется, что мы не должны

думать, что въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о какомъ-нибудь созиданіи произвольномъ или преднамѣренномъ). Кантъ этимъ хочетъ только сказать, что то, что мы называемъ природой, не есть вещь въ себѣ, какъ это думаетъ наивный реалистъ, а извѣстная связь представленій. Это есть нѣчто субъективное. Это есть, такъ сказать, *совокупность представленій*, *связанная извѣстнымъ образомъ*. Нашъ опытъ, природа, есть нѣчто субъективное, есть порожденіе нашего духа.

Отвѣтъ Юму, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, что Кантъ становится на точку зрѣнія *феноменализма*, т.-е. по мнѣнію Канта, нашъ разсудокъ созидаетъ природу и самъ же придаетъ ей закономѣрность. Природа въ познаніи не есть вещь въ себѣ, а продуктъ субъективнаго творчества, которое осуществляется главнымъ образомъ, благодаря формамъ мысли (причинности и т. п.) *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что по Канту понятіе причинности, какъ и понятіе пространства и времени является условіемъ опыта, а потому оно и должно быть признано апріорной формой. Эта апріорная форма въ отличіе отъ тѣхъ должна быть названа *разсудочной* формой, Къ этой группѣ относится также понятіе субстанціальности и др.

Задача гносеолога состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что эти формы разсудка, существуютъ въ нашемъ познаніи такъ же, какъ это было доказано по отношенію къ понятію пространства и времени. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ Кантъ самъ формулируетъ свою задачу. По его собственнымъ словамъ, его задача заключается не въ томъ, чтобы показать, какъ происходитъ опытъ **), а въ томъ, чтобы показать, чтó въ немъ *содержится* ***). Вотъ онъ и показываетъ, что въ опытѣ содержится кромѣ пространства и времени еще нѣчто, именно причинность, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, а равнымъ образомъ и другія понятія, которыя мы проходимъ молчаніемъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ нашемъ сознаніи два рода формъ. Съ одной стороны формы пространства и времени, съ другой стороны формы причинности, субстанціи и т. д. Чтобы обозначить разницу, которая существуетъ между пространствомъ и временемъ и этой другой группой формъ, Кантъ говоритъ, что у насъ имѣются два различныхъ источника познанія. Для первыхъ *чувственность* (Sinnlichkeit), для вторыхъ *разсудокъ* (Verstand).

Не слѣдуетъ думать, что Кантъ подъ этими словами понималъ какія нибудь особенныя способности. Въ дѣйствительности это было два

*) Разумѣется, остается спорнымъ, правильно ли Кантъ отвѣтилъ на сомнѣнія Юма, или, можетъ быть, онъ своимъ отвѣтомъ прошелъ мимо сомнѣній Юма. См. Паульсенъ. «Введеніе въ философію». М. 1899, стр. 411 и д.

**) Читатель долженъ помнить, что въ этомъ случаѣ подъ терминомъ *опытъ* Кантъ понимаетъ не чувственное познаніе, а именно природу, т. е. общеобязательное познаніе.

***) Пролегомены § 21a.

различныхъ слова для обозначенія двухъ различныхъ функцій. Съ одной стороны функціи для созиданія формъ пространства и времени, съ другой стороны функціи для созиданія такихъ формъ, какъ причинность, субстанція и т. п. Между ними онъ видѣлъ ту существенную разницу, что вторыя формы, въ отличіе отъ пространства и времени, имѣютъ главнымъ образомъ *синтетическій* характеръ.

Чувственность даетъ, такъ сказать, только элементы, изъ которыхъ каждый представляетъ нѣчто отдѣльное. Ихъ нужно соединить. Это соединеніе производитъ именно разсудокъ. Оттого Кантъ и думаетъ, что главная функція разсудка есть соединеніе, синтезъ. Отсюда проистекаетъ также та противоположность, что чувственность есть нѣчто *пассивное*, а разсудокъ *активное*.

Разсудокъ такъ называется потому, что онъ составляетъ *сужденія*. Легко видѣть, что сужденіе это тоже, что и синтезъ. Связь между процессомъ сужденія и синтезомъ очевидна. Синтеза нѣтъ въ вещахъ, синтезъ есть только функція разсудка.

Въ сужденіи, т.-е. при соединеніи представленій мы получаемъ нѣчто такое, чего собственно нѣтъ въ ощущеніи. Самъ Кантъ говоритъ по этому поводу: «Соединеніе многообразнаго никогда не можетъ приходить къ намъ посредствомъ чувствъ... это есть дѣйствіе разсудка, которое мы обозначаемъ общимъ именемъ синтеза. Связь есть то единственное, что не дается объектами, но что созидается самимъ субъектомъ, потому что связываніе есть актъ его самодѣятельности» *).

Мы уже знаемъ, что разсудокъ связываетъ, но связываетъ каждый разъ извѣстнымъ образомъ, по извѣстному *типу*, предполагаетъ участіе извѣстнаго понятія.

Если у Канта говорится, что, благодаря извѣстнымъ понятіямъ, какъ формамъ, происходитъ извѣстное сужденіе, то это нужно понимать не такимъ образомъ, что понятія, какъ что-нибудь реальное, матеріальное присоединяются къ содержанію ощущеній, чтобы создать извѣстное сужденіе. Здѣсь отношеніе между понятіями нужно понимать не реально, а *логически*, т.-е. нужно признать, что въ извѣстномъ сужденіи мыслится извѣстное *отношеніе* между подлежащимъ и сказуемымъ.

По мнѣнію Канта, благодаря понятіямъ, созидается предметный или объективный характеръ нашихъ сужденій. Но что нужно понимать подъ предметностью или объективнымъ характеромъ сужденій?

Напримѣръ мнѣ дается рядъ какихъ-нибудь ощущеній. Пока между ними существуетъ отношеніе просто ассоціаціи, до тѣхъ поръ такое умственное построеніе имѣетъ значеніе только для меня, но тѣ же самые два элемента могутъ быть связаны въ сужденіе, и тогда они будутъ имѣть общеобязательное значеніе, т.-е. будутъ понимаемы и призна-

*) «Kr. d. r. V». 658.

ваемы не только мною, но и всѣми мыслящими существами. Во всякомъ случаѣ, когда я произношу сужденіе, имѣющее напр., причинный характеръ, то я имѣю въ виду именно его *обязательность* для всѣхъ. Это значитъ, по кантовской терминологіи, что такое сужденіе имѣетъ притязаніе быть всеобщимъ и необходимымъ. Это сужденіе не отличается по *содержанію* отъ просто ассоціативной связи, но за то оно отличается по *формѣ* именно тѣмъ, что къ двумъ ассоціированнымъ элементамъ присоединяется извѣстное понятіе, въ данномъ случаѣ понятіе причинности, которое и придаетъ сужденію характеръ объективности, т.-е. всеобщности и необходимости. Когда я произношу какое-нибудь сужденіе, то я всегда произношу съ сознаніемъ, что оно должно быть необходимымъ для всякаго, чей умъ устроенъ подобно моему.

То обстоятельство, что мы въ сужденіяхъ предполагаемъ всеобщность и необходимость, т.-е. общеобязательность нашихъ сужденій, приводитъ насъ къ одному особенному понятію, часто употребляемому у комментаторовъ Канта, именно къ такъ называемой *надъиндивидуальной функціи* *). Что подъ этимъ нужно понимать?

Процессъ сужденія есть процессъ связыванія, т.-е. соединенія и отнесенія образовъ или представленій къ одному и тому же объекту. Напр., я произношу сужденіе: «золото имѣетъ желтый цвѣтъ». Пока соединеніе представленій имѣетъ такой характеръ, что оно представляетъ собою просто ассоціацію, то оно есть только воспріятіе, т.-е. имѣетъ значеніе только для меня, но если оно должно сдѣлаться «опытомъ», то эта связь должна быть относима къ одному и тому же объекту. Тогда эта связь будетъ представлять нѣчто большее, чѣмъ просто синтезъ для меня.

Для того, чтобы сужденіе было относимо къ одному и тому же предмету, нужно, чтобы предметъ сохранялъ *единство*, а для этого необходимо единство моего *сознанія*, потому что единство моего сознанія обусловливаетъ единство предмета. Если бы я сегодня сдѣлался другимъ, то я не былъ бы въ состояніи отнести тѣ или другіе предикаты къ тому предмету, который я воспринималъ вчера.

Но такъ какъ мое сужденіе всегда имѣетъ въ виду общеобязательность, т.-е. признаніе его и другими мыслящими существами, то естественно необходимо, чтобы существовало единство предмета, познаваемаго мною и другими. Собственно установленіе такого рода единства и превращаетъ предметъ воспріятія въ предметъ опыта.

Отсюда легко понять, что когда я составляю сужденія, имѣющія характеръ опыта, то въ этомъ умственномъ процессѣ принимаетъ участіе не только моя личная мысль, но мысль всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ я

---

*) Такъ ее называетъ *Виндельбандъ*. «Geschichte, d. neuer. Philosophie». B. II, стр. 76. *Фалькенбергъ* («Hilfsbuch zur Geschichte d. Philosophie seit Kant», стр. 9) называетъ «überpersönlich». Это соотвѣтствуетъ, очевидно, тому, что Кантъ въ Пролегоменахъ § 21 называетъ «сознаніе вообще». Ср. *Vaihinger*. «Commentar». B. II, стр. 9.

предполагаю имѣть умственное общеніе; въ процессѣ моего мышленія какъ бы работаетъ общая мысль. Весьма часто я могу произносить сужденія благодаря тому, что о необходимомъ характерѣ тѣхъ или иныхъ сужденій я узнаю отъ другихъ мыслящихъ существъ. Вслѣдствіе этого я долженъ сказать, что то, что я мыслю, есть не только результатъ моего мышленія, но и результатъ мышленія другихъ существъ. Это и есть то, что комментаторы называютъ «надъиндивидуальнымъ» мышленіемъ, или «надъиндивидуальной» организаціей.

Для того, чтобы составить какое-нибудь сужденіе, необходимо, какъ я только что указывалъ, единство сознанія, но само собою разумѣется, что для составленія сужденія, имѣющаго необходимый характеръ и имѣющаго притязаніе на всеобщее значеніе, необходимо единство сознанія всѣхъ мыслящихъ существъ. Такого рода единство получаетъ названіе *трансцендентальнаго единства сознанія*, или *трансцендентальной апперцепціи* *).

Теперь мы можемъ понять, какимъ образомъ могутъ быть апріорныя познанія въ чистомъ естествознаніи, подобно тому, какъ мы видѣли существованіе апріорныхъ познаній въ математикѣ. Такого рода познанія существуютъ, но только при томъ условіи, если мы цѣлью нашего познанія поставимъ познаніе не вещей въ себѣ, а познаніе только явленій. Если бы мы поставляли своею цѣлью познаніе вещей въ себѣ, то мы, конечно, не могли бы имѣть познаній со всеобщимъ и необходимымъ значеніемъ. Но мы уже видѣли, что такого рода познаніе осуществляется благодаря формамъ мысли. Подъ природой Кантъ разумѣетъ опытъ, созидаемый нашимъ умомъ, при помощи формъ мысли или категорій. *Если мы познаемъ эти формы мысли или категоріи, то мы получимъ именно апріорное познаніе.*

А отсюда легко понять выводы, которые Кантъ дѣлаетъ изъ приведенныхъ положеній.

Апріорныя формы суть условія возможности опыта.

Разсудокъ есть законодатель природы, онъ не получаетъ своихъ законовъ изъ природы, а предписываетъ ихъ ей. О всеобщемъ и необходимомъ познаніи природы мы можемъ говорить только въ томъ случаѣ, если то, что мы называемъ природой, есть не міръ вещей въ себѣ, но связь явленій, мыслимая по общимъ законамъ нашего духа.

Такимъ образомъ оказывается, что не только чувственныя качества, какъ это раньше утверждалось, но и пространственныя формы и категоріи суть только лишь функціи человѣческаго духа. Пониманіе міра есть продуктъ нашей организаціи. Мы познаемъ міръ не такъ, какъ онъ есть въ дѣйствительности, а созидаемъ его сообразно со свойствами нашей психической организаціи.

---

*) См. *Windelband.* «Gesch. d. neuer. Phil». B. II. 76. Кантъ. Пролегомены §§ 14—20. *Риль.* «Теорія науки и метафизика» 1887, стр. 74 и д.

Здѣсь необходимо сдѣлать ближайшее разъясненіе относительно того, чтó слѣдуетъ понимать подъ «вещами въ себѣ», о которыхъ упоминалось нѣсколько разъ. Кантъ говоритъ, что все существующее представляетъ собою *явленіе* тою стороною, которою она облекается въ формы нашего сознанія (пространство, время, причинность и т. п.), между тѣмъ какъ то, что находится внѣ этихъ формъ, есть *вещь въ себѣ*, есть нѣчто такое, что имѣетъ абсолютное существованіе, совершенно не зависящее отъ человѣческаго познанія. Но съ этимъ понятіемъ «вещей въ себѣ» связаны чрезвычайно многія затрудненія. Именно возникаетъ сомнѣніе относительно того, можно ли доказать, что они даже *существуютъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, по теоріи Канта, выходитъ какъ бы, что вещь въ себѣ, облекаясь въ формы нашего сознанія, становится явленіемъ, и тогда нами познаваема. Постольку же, по скольку она не облекается въ формы нашего сознанія, она остается для насъ недоступной; тѣхъ поръ она есть только «вещь въ себѣ». Вещь въ себѣ есть нѣчто, существующее внѣ пространства и времени, нѣчто такое, къ чему *не приложимы формы нашего сознанія.*

Но можемъ ли мы въ такомъ случаѣ сказать, что вещи въ себѣ существуютъ? Вѣдь для того, чтобы признать вещь существующей, мы должны признать, что она можетъ оказывать на насъ воздѣйствіе, что она является *причиною*. Но это было бы противорѣчіемъ, потому что мы признали, что формы сознанія и въ томъ числѣ причинность не могутъ быть къ нимъ приложимы.

Оказывается, слѣдовательно, что мы приписываемъ вещамъ въ себѣ дѣйствительность, но при этомъ не признаемъ возможности ихъ дѣйствія на насъ. Мы какъ будто бы эту реальность признаемъ и въ то же время ее отрицаемъ.

Это сомнѣніе комментаторы Канта рѣшаютъ слѣдующимъ образомъ. По ихъ мнѣнію, вещамъ въ себѣ нужно приписать не *эмпирическую*, обыкновенную реальность, а *трансцендентную* реальность, т.-е. нужно признать, что они, конечно, существуютъ, но что они существуютъ внѣ пространства и времени. По словамъ Куно-Фишера, «что касается вещей въ себѣ, то Кантъ ихъ трансцендентную дѣйствительность всегда признавалъ, а ихъ познаваемость всегда отрицалъ». Т.-е. онъ думалъ, что вещи въ себѣ существуютъ, но что познать ихъ мы не можемъ, и именно по той причинѣ, что къ нимъ не приложимы формы нашего сознанія *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что категоріи не могутъ быть прилагаемы къ вещамъ въ себѣ, они приложимы только лишь къ явленіямъ, т.-е. лишь къ предметамъ чувственнаго опыта. Въ приложеніи

---

*) *Паульсенъ*. «О Кантѣ», Кн. 1-я отд. 1-й *Kuno-Fischer*. «Geschichte d. neuer. Philos.» B. III Th. 1, стр. 569.

къ вещамъ въ себѣ они теряютъ всякое значеніе. Вещи въ себѣ могутъ быть *мыслимы*, но не могутъ быть *познаны*, потому что для мышленія ихъ необходима кромѣ понятій, еще и интуиція, т.-е. чувственный опытъ *).

Въ этомъ мы находимъ разрѣшеніе того вопроса, который ставился въ началѣ статьи. Именно, «какъ возможны апріорныя синтетическія сужденія». Они *возможны лишь постолько, посколько они примѣняются къ предметамъ чувственнаго опыта.*

---

*) Ученіе о вещи въ себѣ представляется очень неяснымъ какъ у самого Канта, такъ и у его послѣдователей. Напр., у *А. Ланге* (Истор. Мат. II. 56—7) мы находимъ замѣчаніе, что мы должны признавать границы познанія, что наше познаніе ограничено извѣстными предѣлами, за которыми находится нѣчто непознаваемое. Казалось бы, что Ланге тоже признавалъ существованіе вещей въ себѣ. Но вслѣдъ за этимъ мы у него находимъ замѣчаніе, что «мы въ дѣйствительности не знаемъ, существуетъ ли вещь въ себѣ».

Колебаніе въ опредѣленіи вещи въ себѣ мы находимъ и у Канта.

Но какое различіе существуетъ между *эмпирической* реальностью и *трансцендентной*, о которой говорятъ комментаторы? Чтобы понять это, замѣтимъ слѣдующее. Весьма часто при опредѣленіи отношенія между вещью въ себѣ и явленіями употребляется выраженіе, что вещи въ себѣ находятся *позади* явленій. Это заставляетъ нѣкоторыхъ думать, что между вещами въ себѣ и явленіями существуетъ такое же отношеніе, какое существуетъ между скорлупой орѣха и его ядромъ. Та сторона вещи въ себѣ, которая открыта для нашего познанія есть *явленіе*, а та сторона вещи въ себѣ, которая не доступна для нашего познанія, есть вещь въ себѣ въ собственномъ смыслѣ. При такомъ сравненіи у многихъ является представленіе, что вещи въ себѣ находятся въ чувственномъ мірѣ, но что они только сокрыты отъ нашихъ чувствъ. Это было бы, разумѣется, совершенно неправильнымъ пониманіемъ. Вещи въ себѣ нельзя мыслить существующими въ чувственномъ мірѣ. Они именно существуютъ *внѣ* пространства и времени и къ нимъ не примѣнимы формы нашего сознанія, напр. причинность. Что вещи въ себѣ не находятся ни въ пространствѣ, ни во времени, это, пожалуй, понять не трудно, но какъ понять, что для міра вещей въ себѣ не дѣйствительно понятіе причинности, которое примѣняется къ нашему чувственному міру? Какъ понять, что можетъ существовать причинность въ мірѣ, въ которомъ нѣтъ пространства и времени. Кантъ признаетъ двѣ причинности: причинность въ смыслѣ естествознанія и *причинность изъ свободы*, которая въ этикѣ представитъ для насъ огромную важность. Въ мірѣ вещей въ себѣ или, что то же, въ мірѣ умопостигаемомъ царитъ, именно, послѣдняя причинность, природу которой мы можемъ понять, если примемъ въ соображеніе причинность, существующую въ нашемъ умственномъ мірѣ. Въ немъ одно понятіе созидаетъ, производитъ, обусловливаетъ другое, не имѣя надобности ни въ пространствѣ, ни во времени. Слѣдовательно, мы можемъ мыслить причинное отношеніе безъ пространства и времени. Такая же причинность существуетъ и въ мірѣ умопостигаемомъ. (Объ этомъ см. *Paulsen*. «I. Kant» стр. 154—155).

(Противъ признанія вещей въ себѣ въ послѣднее время въ теоріи познанія высказывается цѣлая школа, которая называется *имманентной*. Наиболѣе выдающимися сочиненіями по этому вопросу можно назвать слѣд.: *Шуппе*. «Erkenntnisstheoretische Logik». 1878. u. «Grundriss d. Erkenntnisstheorie u. Logik». 1894. *Leclair*. Beiträge z. einer monistischen «Erkenntnisstheorie 1882. *Rehmke*». Die Welt als Wahrnehtung und Begriff» 1880. *Schubert*—Soldern. «Grundlagen einer Erkenntnisstheorie» 1884).

Отсюда получается отвѣтъ на вопросъ, возможна ли метафизика, какъ апріорная наука о сверхчувственныхъ явленіяхъ. По мнѣнію Канта, метафизика есть наука невозможная, такъ какъ она имѣетъ цѣлью познаніе такихъ вещей, какъ душа, безсмертіе, Богъ и т. п. и невозможна именно потому, что формы сознанія могутъ быть приложимы только къ чувственнымъ явленіямъ, а не къ сверхчувственнымъ.

Сверхчувственнаго познанія при помощи теоретическаго разума быть не можетъ. Не можетъ быть, слѣдовательно, познанія души, безсмертія и т. п.

Но не слѣдуетъ думать, чтобы Кантъ считалъ необходимымъ совершенно устранить всякое мышленіе объ этихъ вопросахъ. Напротивъ, Кантъ думаетъ, что въ разсужденіяхъ о душѣ, Богѣ, мы приходимъ къ новому источнику познанія, именно познанію при помощи *разума* (Vernunft).

Разумъ есть источникъ особеннаго рода умственныхъ построеній, которыя Кантъ называетъ *идеями*. Эти идеи въ нашемъ познаніи являются необходимыми по слѣдующимъ причинамъ.

Чтó бы мы ни воспринимали при помощи разсудка, мы всегда воспринимаетъ что-нибудь конечное, относительное, условное. Если бы мы напр. захотѣли мыслить пространство міровото цѣлаго, то намъ это не удалось бы. Мы можемъ мыслить заразъ только часть пространства, за которой въ нашемъ сознаніи слѣдуетъ другая часть, за этой третья и т. д. до безконечности. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно времени.

Если мы пожелаемъ мыслить причинную связь вещей, то мы это обыкновенно дѣлаемъ такимъ образомъ, что одну вещь считаемъ дѣйствіемъ какой либо причины, но эту причину мы затѣмъ считаемъ дѣйствіемъ другой причины. Эту послѣднюю причину мы, въ свою очередь считаемъ дѣйствіемъ третьей причины и т. д. до безконечности. Нашъ разсудокъ, прослѣживая эту цѣпь причинъ, не можетъ дойти до конца. Однако не будучи въ состояніи дойдти до конца, онъ все-таки находитъ для себя удовлетвореніе въ томъ, что созидаетъ понятіе *безконечнаго*, *безусловнаго*, *абсолютнаго*. Безъ этихъ идей разумъ человѣка не можетъ обойтись, потому что онъ не можетъ понять того, чтобы условное могло существовать безъ безусловнаго, относительное безъ абсолютнаго, ограниченное безъ безконечнаго. Эти понятія Кантъ и называетъ идеями. Такихъ идей онъ насчитываетъ три.

Первая идея—это идея *души*, которая служитъ для соединенія многочисленныхъ состояній нашего сознанія. Это объединяющее не можетъ быть познаваемо нашимъ разсудкомъ.

Затѣмъ существуетъ идея *міроваго цѣлаго*. Именно мы стараемся мыслить міръ какъ цѣлое по той причинѣ, что разсудокъ требуетъ, чтобы мы для каждаго дѣйствія искали причину, для этой причины искали другую и т. д. до безконечности; разумъ же требуетъ, чтобы

мы этотъ рядъ причинъ или условій считали законченнымъ. Такимъ образомъ мы получаемъ идею абсолютной полноты условій или міръ, какъ объединенное цѣлое. Это, разумѣется, не есть тотъ чувственный міръ, который можетъ быть познаваемъ нашимъ разсудкомъ, а это есть тотъ міръ, который Кантъ называетъ *умопостигаемымъ* въ отличіе отъ нашего чувственнаго, эмпирическаго.

Наконецъ, существуетъ еще идея *Бога*, какъ послѣдней причины всего существующаго, какъ совокупности всякой возможности.

Изъ этого уже ясно, что міръ разума есть міръ *вещей въ себѣ*. «Мы должны, говоритъ Кантъ мыслить и нематеріальную сущность и умопостигаемый міръ, и высочайшее изъ всѣхъ существъ, потому что только въ нихъ, какъ въ вещахъ самихъ по себѣ, разумъ находитъ полноту и удовлетвореніе». Такой полноты не можетъ содержать чувственный міръ. Только въ познаніи этихъ сущностей разумъ можетъ надѣяться удовлетворить свое стремленіе къ полнотѣ и законченности въ переходѣ отъ обусловленнаго къ условію.

Что касается до познанія этихъ идей, то мы должны сказать, что умъ человѣка можетъ постигать ихъ, но не можетъ реализовать, потому что предметъ, соотвѣтствующій идеѣ, не можетъ быть данъ въ опытѣ.

Идеи—это суть собственно задачи, которыя разумъ ставитъ себѣ, но которыя онъ никакъ рѣшить не можетъ, ибо нельзя мыслить ничего безконечнаго, ничего абсолютнаго. Нашъ умъ можетъ соединять отдѣльные элементы, но никогда не можетъ достигнуть цѣлаго.

Не смотря на то, что идеи не могутъ быть реализованы въ опытѣ, онѣ имѣютъ очень важное значеніе. Онѣ именно имѣютъ то значеніе, что служатъ для насъ руководствомъ, какимъ образомъ мы должны дополнять эмпирически данное; онѣ указываютъ, въ какомъ направленіи нашъ разсудокъ долженъ идти, чтобы завершить извѣстный рядъ онѣ показываютъ, что именно могло бы завершить извѣстный рядъ. Разумъ человѣка можетъ познать только *возможность* извѣстныхъ идей.

Такъ какъ въ опытѣ намъ дается только условное, а предметомъ метафизики является безусловное, т.-е. міръ, душа и Богъ, то они не могутъ быть познаваемы по той причинѣ, что безусловное не дано нигдѣ въ опытѣ, а, какъ мы видѣли, познаваемо можетъ быть только то, что дано въ чувственномъ опытѣ, ибо только къ нему могутъ быть прилагаемы формы сознанія.

При помощи теоретическаго разума нельзя рѣшить вопросовъ о душѣ, безсмертіи и т. п. Вопросъ о безсмертіи души не можетъ быть ни доказанъ, ни опровергнутъ. То же самое нужно сказать и относительно существованія Бога. Его существованіе такъ же нельзя доказать, какъ и опровергнуть.

Метафизика должна быть признана невозможной. Но не слѣдуетъ думать, что невозможность метафизики представляетъ какую-нибудь опасность для религіи и для морали, потому что, хотя мы и не можемъ

изъ теоретическихъ основаній доказать существованіе Бога или безсмертія, зато мы можемъ быть увѣрены, что и попытки опровергнуть ихъ не могутъ считаться опасными для насъ. По собственному признанію Канта, онъ ограничивалъ познаніе для того, чтобы очистить мѣсто для религіи *). Если мы и должны отказаться отъ познанія сверхчувственнаго міра при помощи теоретическаго разума, однако къ познанію его мы приходимъ при помощи практическаго разума.

Итакъ, мы видимъ, что, по мнѣнію Канта, метафизика, имѣющая притязаніе познать сверхчувственное, невозможна, потому что наше разсудочное познаніе, которое совершается благодаря категоріямъ, ограничивается только лишь чувственнымъ опытомъ. Этимъ опредѣляется все. Кантъ—*позитивистъ* въ собственномъ смыслѣ слова. Но какъ мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, то, что онъ отвергаетъ въ теоретической философіи, онъ признаетъ въ этикѣ.

Чтобы покончить разсмотрѣніе кантовской теоретической философіи, мы должны устранить нѣкоторые ложные взгляды, связанные съ пониманіемъ ея.

Прежде всего разберемъ понятіе «*формы*», которое, какъ мы видѣли, играло такую важную роль въ теоріи познанія Канта.

Нѣкоторые подъ словомъ «форма» у Канта склонны были признавать нѣчто реально предшествующее, они разумѣли «органъ», въ который входятъ ощущенія и въ которомъ они подвергаются дальнѣйшей переработкѣ. Можно сказать, что это есть самое популярное пониманіе термина «форма». Но это недоразумѣніе «отверстій» духа, черезъ которыя вещи проникаютъ какъ тѣсто въ вафельную «форму», давнымъ-давно уже осмѣяно Фихте **).

Что же такое форма?

Во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы ее можно было мыслить по аналогіи съ чѣмъ-нибудь матеріальнымъ. Это прежде всего есть только лишь *понятіе*, которое *логически* обусловливаетъ воспріятіе вещей. Если у Канта говорится, что извѣстныя «формы» созидаютъ опытъ, то само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было созиданіи, аналогичномъ созиданію матеріальнаго характера. Дѣло идетъ, какъ мы видѣли, объ обусловливаніи, носящемъ логическій характеръ.

Можно еще иначе сказать, что форма—это *типъ*, *законъ*, по которому располагаются ощущенія. Но самымъ точнымъ опредѣленіемъ было бы, если бы я сказалъ, что форма—это есть понятіе, которое лишено всякаго конкретнаго содержанія. Напр., понятіе пространства, лишенное всякаго конкретнаго содержанія, понятіе причинности, мыслимое совершенно отвлеченно.

---

*) «Krit. d. r. V.» 26.

**) Объ этомъ см. *Cohen*. «Kant's Theorie d. Erfahrung». 2-е изд. 148.

При обычномъ пониманіи «формы» предполагается, что форма представляетъ нѣчто *отдѣльное* отъ содержанія, что-то такое, что *заранѣе* находится въ сознаніи и ожидаетъ, чтобы содержаніе вошло въ эти формы. Кантъ, употребляя терминъ «форма», ничего подобнаго не думалъ. По истинному пониманію Канта, форма нераздѣльно связана съ содержаніемъ, она фактически существуетъ съ содержаніемъ и только, когда мы для построенія геометріи, напр., или чистаго естествознанія, выдѣляемъ или выбрасываемъ содержаніе, то мы можемъ мыслить форму отдѣльно отъ содержанія и можемъ построить чисто формальную науку, которую въ этомъ смыслѣ можно назвать также апріорной *).

Многіе отождествляютъ апріорныя познанія съ врожденными понятіями, а потому намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, правда ли, что признаніе апріорныхъ понятій равносильно признанію врожденныхъ идей?

Подъ врожденными идеями обыкновенно понимаютъ какія-нибудь готовыя идеи или понятія, которыя будто бы существуютъ въ нашемъ умѣ при рожденіи. Разумѣется, вслѣдствіе этого взгляды Канта многимъ представляются крайне нелѣпыми, отсталыми, ненаучными, несоотвѣтствующими современному состоянію науки, когда ею отвергаются какія бы то ни было врожденныя идеи. Но такое толкованіе взгляда на апріорность неосновательно. Кантъ ничего подобнаго не понималъ подъ апріорными идеями, не говоря уже о томъ, что Кантъ самъ отчетливо высказывался противъ признанія врожденныхъ идей. По его собственнымъ словамъ, «критика не признаетъ никакихъ врожденныхъ идей», для нея всѣ идеи пріобрѣтены.

Само собою разумѣется, что понятія пространства и времени, о которыхъ я говорилъ, какъ объ апріорныхъ, не представляютъ чего-либо готоваго; они пріобрѣтаются при соприкосновеніи съ внѣшними явленіями, они имѣютъ опредѣленное начало, суть продукты различнаго рода испытываній. Субъектъ долженъ пережить извѣстное число процессовъ, но процессы, при помощи которыхъ эти понятія пріобрѣтаются, для насъ не представляютъ интереса. Исторія того или другого понятія есть дѣло *психологіи*, а не *теоріи познанія*. Кантъ именно интересовался не вопросомъ о психологическомъ генезисѣ этихъ понятій, а вопросомъ о функціи ихъ въ процессѣ познанія.

Такимъ образомъ Кантъ не только не считалъ апріорныхъ понятій готовыми, но именно считалъ ихъ пріобрѣтенными, и это совсѣмъ не противорѣчитъ его теоріи.

Впрочемъ, вся эта путаница въ отождествленіи апріорныхъ понятій съ врожденными можетъ происходить отъ того, что самый терминъ

---

*) *Cohen*. «Kant's Theorie d. Erfahrung». стр. 144, 159 и др. Ср. также *Vaihinger*. «Commentar». B. II, стр. 82 и др.

«врожденныя идеи» есть терминъ въ высшей степени неопредѣленный. Вообще, по моему мнѣнію, врожденныхъ *идей* или понятій не можетъ быть. Могутъ быть только врожденныя *способности* къ образованію тѣхъ или иныхъ идей, но врожденныхъ идей въ смыслѣ *готовыхъ* идей не можетъ быть, потому что въ самомъ дѣлѣ, какъ понять то, что человѣкъ рождается съ готовыми идеями? Гдѣ и какъ онѣ у него хранятся, и въ какомъ видѣ онѣ существуютъ у него?

Чаще всего понятіе врожденности употребляется въ психофизіологіи, потому что тамъ есть всѣ основанія употреблять терминъ «врожденныя» психофизіологическія *условія* для тѣхъ или иныхъ воспріятій.

Но эти врожденныя психофизіологическія условія отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ апріорными понятіями у Канта.

Совершенно справедливо утверждается, что человѣкъ рождается съ извѣстной *психофизической организаціей*, которая потенціально содержитъ въ себѣ способность къ совершенію тѣхъ или другихъ дѣйствій, между прочимъ, къ созиданію тѣхъ или другихъ идей, но это есть только извѣстная «способность», а подъ способностью мы разумѣемъ извѣстную совокупность условій, въ данномъ случаѣ психофизіологическихъ, которыя при соприкосновеніи съ другими условіями даютъ возможность возникнуть тѣмъ или инымъ представленіямъ. Но въ признаніи этихъ психофизическихъ условій нѣтъ ничего похожаго на признаніе апріорныхъ идей.

Для того, чтобы это сдѣлалось понятнымъ, разсмотримъ какой-нибудь случай того, что называется *врожденными* условіями воспріятія.

Отчего, напр., мы видимъ предметы одиночно, хотя у насъ два глаза? Казалось бы, что если у насъ два глаза, то мы и предметы должны видѣть вдвойнѣ, потому что отъ одного и того же предмета мы получаемъ *два* изображенія. На этотъ вопросъ нѣкоторые физіологи отвѣчаютъ такимъ образомъ, что у насъ на обѣихъ сѣтчаткахъ существуютъ опредѣленныя точки, такъ называемыя «соотвѣтственныя», которыя обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что если на нихъ падаютъ изображенія, то они обыкновенно воспринимаются одиночно. Но отчего же эти точки обладаютъ такимъ свойствомъ? Оттого, что отъ каждой указанной точки выходитъ по одной нервной нити, которыя соединяются въ хіазмѣ и, соединившись, затѣмъ въ видѣ одного нерва идутъ къ мозгу и оканчиваются въ одной мозговой клѣткѣ. Благодаря тому обстоятельству, что двѣ нервныя нити соединяются въ одну нить, превращаются, такъ сказать, въ одну нить, нервныя возбужденія, которыя берутъ начало отъ двухъ раздѣльныхъ точекъ сѣтчатокъ, идутъ сначала по двумъ раздѣльнымъ нервнымъ нитямъ, затѣмъ въ томъ пунктѣ, гдѣ онѣ соединяются, эти возбужденія сливаются, составляютъ *одно* возбужденіе и въ такомъ видѣ доходятъ до мозга и даютъ одиночное ощущеніе или впечатлѣніе. Такъ можно объяснить то явленіе,

что возбужденіе, которое идетъ отъ соотвѣтственныхъ точекъ, соединяется въ одно впечатлѣніе *).

Такимъ образомъ существуютъ опредѣленныя анатомическія условія, благодаря которымъ происходитъ одиночное воспріятіе. Если мы станемъ на сторону тѣхъ физіологовъ, которые признаютъ существованіе этихъ условій, то мы будемъ имѣть то, что мы называемъ *врожденными* физіологическими условіями воспріятія.

Но уже изъ этого примѣра легко видѣть, что нѣтъ ничего общаго между признаніемъ этихъ физіологическихъ условій воспріятія и апріорными понятіями у Канта.

Такъ какъ психофизіологическія основы обусловливаютъ воспріятіе, то были попытки привести въ связь кантовское ученіе объ апріорности съ современными *физіологическими* ученіями.

Это сопостановленіе дѣлалось при помощи слѣдующихъ разсужденій.

Кантъ думалъ, что мы не можемъ познать вещей такъ, какъ онѣ есть сами въ себѣ. Мы не познаемъ вещей въ себѣ, потому что онѣ находятся внѣ пространства и времени, но мы познаемъ ихъ постолько, посколько мы къ нимъ примѣняемъ формы пространства и времени. Пространство же и время суть наши субъективныя формы. Слѣдовательно, мы можемъ познавать лишь потому, что нашему уму присущи формы пространства и времени: нашъ умъ, такъ сказать обусловливаетъ познаніе вещей. Но современная физіологія явственно доказала, что и другія качества вещей напр., цвѣтъ, звукъ и т. п., также обусловливаются извѣстными особенностями нашего существа. Если бы нашъ глазъ или ухо не были устроены такъ, какъ они устроены, то мы не были бы въ состояніи воспринимать цвѣтовъ. Существованіе цвѣтовъ и звуковъ и всего прочаго обусловливается наличностью у насъ тѣхъ или другихъ аппаратовъ **). Это дало основаніе нѣкоторымъ философамъ утверждать, что мы можемъ это *обусловливаніе* формами сознанія и обусловливанія физіологической организаціей сопоставить.

Ф. А. Ланге утверждалъ, что современная физіологія дополняетъ Канта, что все, что въ нашемъ организмѣ является *условіемъ* воспріятія, то нужно считать апріорнымъ. Въ этомъ смыслѣ Ланге говорилъ о «психофизической организаціи», какъ объ апріорномъ условіи познанія ***). По его мнѣнію, «то въ насъ, все равно, будемъ ли мы это понимать физіологически или психологически, въ силу чего колебаніе струны становится звукомъ, есть а priori въ этомъ процессѣ опыта». Другими словами, по его мнѣнію тѣ условія, благодаря кото-

---

*) Объ этомъ см. мою книгу. «Проблема воспріятія пространства. «Кіевъ. 1896 стр. 260 и д.

**) Объ этомъ см. мою книгу: «Мозгъ и душа». Спб. 1900, стр. 162—239.

***) См. его. «Исторія матеріализма». 2-е изд, 1899. О Канта стр. 327 и д.

рымъ у насъ являются ощущенія звука и тѣ апріорныя условія, которыя какъ мы видѣли выше, созидаютъ опытъ, должны быть отожествляемы. Но такое толкованіе Канта нужно считать неправильнымъ, потому что между этими двумя родами обусловливанія есть коренное различіе. Физическая организація обусловливаетъ, какъ нѣчто *физическое*, апріорныя понятія обусловливаютъ какъ *логическія* основы, какъ вообще одно понятіе, извѣстное логическое построеніе можетъ обусловливать другое. Физическія условія воспріятія находятся въ нашемъ существѣ, какъ *органъ*, какъ нѣчто матеріальное, апріорныя понятія существуютъ въ нашемъ сознаніи, какъ извѣстные психическія построенія. Ничто не мѣшаетъ сопоставлять ихъ другъ съ другомъ, но слѣдуетъ помнить, что между ними есть коренное различіе.

Въ связи съ этимъ находится слѣдующее разсужденіе по поводу теоріи Канта. Говорятъ, что апріорнымъ нужно называть все то, что въ нашемъ существѣ является предварительнымъ условіемъ воспріятія, все равно, будетъ ли это просто понятіе или это будутъ извѣстныя *физіологическія условія* въ мозгу. Даже лучше, если мы скажемъ, что въ нашемъ мозгу есть физіологическія условія, опредѣляющія воспріятіе, то такимъ образомъ апріорныя условія сведутся на физіологическія условія и изслѣдованіе понятія апріорности получитъ строго научную почву. Но это совершенно неправильно.

Прежде всего Кантъ говорилъ объ апріорности только понятій. Только понятія могутъ являться условіемъ познанія. Въ кантовскомъ методѣ изслѣдованія все такъ просто и такъ понятно, что нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній переносить это изслѣдованіе на какую бы то ни было другую почву, какъ болѣе достовѣрную. Къ тому же слѣдуетъ признать, что въ этомъ случаѣ физіологическій методъ изслѣдованія не доставляетъ намъ рѣшительно никакихъ достовѣрныхъ данныхъ.

Кантъ говорилъ объ апріорности совершенно опредѣленныхъ понятій, физіологія говоритъ объ апріорности неизвѣстно чего именно. Кромѣ того, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о какихъ-то невѣдомыхъ физіологическихъ условіяхъ, физіологія рѣшительно ничего сказать не можетъ.

Чтó же мы выиграемъ, если мы перенесемъ наше изслѣдованіе на физіологическую почву? Абсолютно ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, чтó мы выиграемъ, если мы скажемъ, что понятію причинности соотвѣтствуетъ какой-нибудь физіологическій процессъ? Да можемъ ли мы сказать, какой процессъ соотвѣтствуетъ напр., понятію «необходимости», «единства» и т. п., а между тѣмъ такія понятія, какъ понятія «единства», «необходимости» имѣютъ въ нашемъ сознаніи полную опредѣленность. Однимъ словомъ, положеніе гносеолога въ изслѣдованіи апріорности значительно болѣе удобно, чѣмъ положеніе физіолога.

Но это мнѣ могутъ возразить: «Вѣдь вы признаете, что извѣстнымъ апріорнымъ понятіямъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя физіологическія условія»? Съ этимъ я могу согласиться и сказать, что, дѣйствительно, этимъ процессамъ какіе нибудь физіологическіе процессы соотвѣтствуютъ. Это мы можемъ утверждать на основаніи того принципа, что всякій умственный процессъ сопровождается опредѣленными физіологическими процессами, но изъ этого не слѣдуетъ, что такое утвержденіе имѣетъ какое-нибудь значеніе для нашего изслѣдованія.

Весьма часто кантовскую проблему апріорности, напр., пространства смѣшиваютъ съ *психологической* проблемой возникновенія способности воспріятія пространства и времени. Въ виду того, что это смѣшеніе наиболѣе часто у насъ замѣчается, я попытаюсь изложить сущность психологической проблемы, чтобы читатель могъ видѣть, какое глубокое различіе существуетъ между проблемой Канта и психологической проблемой.

При воспріятіи внѣшняго міра, мы воспринимаемъ такія свойства, какъ цвѣтъ, твердость, шероховатость и тому подобныя качества вещей, но, кромѣ того, мы воспринимаемъ въ вещахъ также и пространство или протяженность. Спрашивается, есть ли воспріятіе протяженности такой же простой и *неразложимый* процессъ, какъ ощущеніе цвѣта, звука и т. п. Нельзя же ощущеніе цвѣта разложить и сказать, что оно складывается изъ другихъ ощущеній, которыя не суть ощущенія цвѣта.

Нѣкоторые изъ психологовъ утверждали, что воспріятіе пространства представляетъ именно такой же простой процессъ, какъ и ощущеніе звука, цвѣта и т. п. Оно такъ же просто и неразложимо. Возбужденіе сѣтчатки уже даетъ ощущеніе протяженности. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что никоимъ образомъ нельзя сказать, что воспріятіе пространства есть такой же простой процессъ, какъ и процессъ ощущенія. Наоборотъ, оно есть процессъ сложный, разложимый на другіе составные элементы. По ихъ мнѣнію, однихъ возбужденій сѣтчатки недостаточно для воспріятія пространства. Необходимо, чтобы къ возбужденіямъ сѣтчатки присоединились еще мускульныя ощущенія, связанныя съ дѣятельностью глазныхъ мускуловъ, и только изъ *сліянія* этихъ двухъ разнородныхъ ощущеній (цвѣтовыхъ и мускульныхъ) получается представленіе пространства.

Еще иначе этотъ вопросъ можно поставить такимъ образомъ.

Составляетъ ли *способность* воспріятія пространства что-нибудь первоначальное, или оно представляетъ результатъ опыта. Нѣкоторые философы думали, что когда живое существо впервые раскрываетъ глаза, то оно уже воспринимаетъ пространство со всѣми его свойствами. Другіе, напр., Беркли, *) утверждали, что воспріятію пространства живыя существа научаются при помощи продолжительнаго опыта, и что одного зрительнаго опыта недостаточно для воспріятія

пространства, для этого нуженъ еще мускульно-осязательный опытъ. Первыхъ называютъ *нативистами* [1]), потому что они считаютъ способность воспріятія пространства какъ бы прирожденной, вторыхъ называютъ *эмпиристами*, потому что они считаютъ способность воспріятія пространства продуктомъ опыта [2]).

Многіе [3]) думаютъ, что Кантъ въ своемъ ученіи о пространствѣ былъ нативистомъ, но это невѣрно. Это проблема психологическая, а кантовская проблема была гносеологическая. Кантъ не интересовался вопросомъ о томъ, пріобрѣтается ли способность воспріятія постепенно, или оно составляетъ врожденное достояніе. Его интересовали прежде всего вопросы объ объективности математики, а ее можно было доказать въ томъ случаѣ, если признать формальные или апріорные элементы познанія. Кантъ былъ совершенно далекъ отъ постановки вопроса психологическаго. Притомъ Кантъ нигдѣ не говоритъ о «способности» воспріятія пространства, а говоритъ собственно о томъ, что мы называемъ «понятіемъ» пространства. Кантъ былъ очень хорошо знакомъ съ постановкой вопроса Беркли, однако въ «Критикѣ Чистаго Разума» онъ нигдѣ не упоминаетъ объ этой проблемѣ Беркли [4]). Ясное доказательство того, что проблема Беркли не имѣетъ ничего общаго съ проблемой Канта.

Весьма часто кантовскій методъ изслѣдованія [5]) пытались опровергнуть при помощи *эволюціонной* психологіи.

Если основой для нашихъ апріорныхъ познаній служатъ опредѣленныя физіологическія условія и если мы знаемъ изъ біологіи, что физіолоческія основы, т.-е. мозгъ, постоянно измѣняется и развивается, то ясно, что апріорныя понятія то же измѣняются. Они подлежатъ измѣненію, развитію. Поэтому съ эволюціонной точки зрѣнія можно сказать, что не существуетъ апріорныхъ понятій въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ говоритъ Кантъ, потому что они суть продуктъ развитія.

Нѣкоторые писатели, главнымъ образомъ *Гербертъ Спенсеръ* [6]), хотѣли примирить апріоризмъ съ эмпиризмомъ. Они именно утверждали, что и та, и другая теорія должны быть признаны крайними. Апріоризмъ, по мнѣнію Герберта Спенсера, не правъ въ томъ отношеніи, что признаетъ какія-то готовыя, законченныя формы въ нашемъ сознаніи. По

---

1) Отъ латинскаго слова nativus, что значитъ прирожденный.

2) Объ этихъ ученіяхъ см. мою книгу: «Проблема воспріятія пространства», 1—9.

3) Напр., Гельмгольцъ. «Handbuch d. physiologischen Optik».—2-е изд. 698—9.

4) Именно теорія Беркли была изложена въ книгѣ Тетенса, съ которой Кантъ былъ хорошо знакомъ.

5) Кантовскій методъ изслѣдованія обыкновенно называютъ *трансцендентальнымъ*.

6) См. его «Основанія психологіи». Спб. 1876. Т. 3-й. § 332. Ср. *Льюисъ*. «Вопросы о жизни и духѣ». Спб. 1875. Т. 1, стр. 164. *Haeckel*. «Natürliche Schöpfungsgeschichte» 4 Aufl. 636. Du Bois Reymond. Leibnitzische Gedanken in der neueren Naturwissenschaft. Reden». B. I. 1886, стр. 53.

его мнѣнію, собственно все-то, что кажется готовой, законченной идеей, формой и т. п. у даннаго индивидуума, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ продуктъ развитія мозга въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Мысль Герберта Спенсера можетъ быть пояснена слѣдующимъ образомъ. Кажется, что Кантъ признаетъ какія-то формы, какъ нѣчто такое, что не можетъ быть разложено на составные элементы. Признаніе такихъ формъ казалось Спенсеру невѣроятнымъ, потому что, съ точки зрѣнія эволюціонной психологіи, нельзя признать чего-нибудь такого, чего нельзя было бы разложить, о чемъ нельзя было бы сказать, что оно происходитъ изъ какихъ-нибудь болѣе элементарныхъ формъ, а потому кантовская теорія казалась ему невѣроятной; но такъ какъ ему, съ другой стороны, казалась невѣроятной также и та эмпирическая теорія, которая все выводила изъ индивидуальнаго опыта, то онъ сдѣлалъ попытку примирить эти двѣ теоріи. Именно, онъ готовъ признать существованіе формъ сознанія, которыя въ индивидуальномъ опытѣ проявляются въ видѣ чего-либо законченнаго, но онъ не думаетъ, чтобы эти формы были присущи сознанію просто. Онѣ въ концѣ концовъ являются продуктомъ развитія, такъ какъ вообще все наше сознаніе является продуктомъ *развитія*. Развитіе это онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Тѣ или другія формы сознанія являются у того или другого индивидуума въ болѣе или менѣе совершенномъ видѣ, но затѣмъ, при соприкосновеніи съ опытомъ, онѣ подвергаются развитію и въ такомъ видѣ передаются по наслѣдственности послѣдующимъ поколѣніямъ. Здѣсь онѣ вновь подвергаются развитію, благодаря воздѣйствію опыта. Такимъ образомъ, все болѣе и болѣе совершенствуемыя способности, или, вѣрнѣе сказать, соотвѣтствующія имъ психофизическія условія, передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Отсюда легко понять, что у представителей послѣдняго поколѣнія они окажутся въ настолько усовершенствованномъ видѣ, что будутъ казаться чѣмъ-то законченнымъ. Этимъ обстоятельствомъ Кантъ, по мнѣнію Спенсера, былъ введенъ въ заблужденіе и думалъ, что въ нашемъ сознаніи есть какія-то готовыя формы. Если бы онъ былъ знакомъ съ современной эволюціонной гипотезой, то онъ, разумѣется, этого не сказалъ бы.

Простой примѣръ можетъ пояснить то, что хотѣлъ сказать Спенсеръ. Напр. я воспринимаю пространство, которое характеризуется тѣмъ, что мы воспринимаемъ всѣ его части одновременно. т.-е. если я смотрю на эту небольшую квадратную фигуру, которая находится предо мной, то четыре вершины его угловъ представляются мнѣ *одновременно*, т.-е. четыре вершины угловъ я мыслю въ одно и то же время съ одинаковою ясностью. Воспріятіе пространства отличается отъ воспріятія времени именно тѣмъ, что элементы этого послѣдняго представляются моему сознанію въ *послѣдовательномъ* порядкѣ. Напр., когда я воспринимаю рядъ звуковъ *a*, *b*, *c*, *d*, появляющихся послѣдовательно одинъ за другимъ, то я воспринимаю этотъ рядъ такимъ

образомъ, что когда я начинаю воспринимать звукъ *d* то у меня уже нѣтъ въ сознаніи *a* или, по крайней мѣрѣ, оно находится въ моемъ сознаніи, какъ нѣчто прошлое.

Вотъ почему я говорю, что я воспринимаю пространство такъ, что его части представляются моему сознанію, какъ нѣчто абсолютно одновременно данное. Я говорю, что пространство въ моемъ сознаніи представляетъ нѣчто постоянное, въ родѣ какой-то формы.

По теоріи Спенсера, пространство не всегда такъ воспринималось, какъ оно воспринимается нами теперь. Можно думать, что въ развитіи предшествующихъ поколѣній былъ моментъ, когда пространство воспринималось не такъ, какъ оно воспринимается нами теперь. Онъ приводитъ въ примѣръ нѣкоторые организмы, которые хотя обладаютъ зрительными органами, но у которыхъ нѣтъ воспріятія пространства въ нашемъ смыслѣ, у которыхъ части пространства воспринимаются приблизительно такъ, какъ мы воспринимаемъ время, т.-е. у нихъ части пространства воспринимаются въ послѣдовательномъ порядкѣ, приблизительно такъ, какъ мы воспринимаемъ, когда мы бываемъ поставлены въ необходимость воспринимать очень большую поверхность, которую мы не можемъ охватить однимъ взоромъ, а принуждены прослѣживать по частямъ. Всѣ части такой поверхности мы воспринимаемъ, разумѣется, не одновременно, а въ послѣдовательномъ порядкѣ. Но тѣмъ не менѣе организмы могутъ путемъ послѣдовательнаго развитія придти къ тому, чтобы воспринимать части пространства не въ послѣдовательномъ порядкѣ, а одновременно.

Такимъ образомъ и у насъ процессъ воспріятія пространства въ томъ видѣ, какъ это мы имѣемъ, есть продуктъ развитія, а потому Кантъ не былъ правъ, когда утверждалъ, что пространство есть апріорная форма: оно въ дѣйствительности есть продуктъ развитія, но разумѣется, не индивидуальнаго развитія, а ряда поколѣній.

Но это возраженіе эволюціонистовъ нужно считать совершенно неправильнымъ. Здѣсь происходитъ смѣшеніе задачъ *психологіи и теоріи познанія*. Въ дѣйствительности эти двѣ точки зрѣнія другъ друга не исключаютъ, и потому нельзя думать, что такимъ замѣчаніемъ эволюціонистовъ можно было бы опровергнуть теорію Канта. Нельзя эволюціонной гипотезой опровергать теорію Канта, потому что онъ говоритъ совсѣмъ не о тѣхъ задачахъ, о которыхъ говоритъ эволюціонистъ.

Эволюціонная гипотеза имѣетъ цѣлью опредѣлить *исторію* того или иного понятія, между тѣмъ какъ теорія познанія такой задачи не поставляетъ, она имѣетъ цѣлью опредѣлить *функцію* понятій. Тамъ мы имѣемъ дѣло съ генезисомъ понятій, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ функціей понятія въ процессѣ созиданія опыта.

Различіе въ задачахъ выражается и въ различіи метода изслѣдованія.

Эволюціонная гипотеза беретъ сознаніе *вообще* и прослѣживаетъ

генезисъ различныхъ его формъ; она занимается исторіей того или другого умственнаго построенія. Теорія познанія беретъ готовое *научное познаніе*, разлагаетъ его на элементы, опредѣляетъ происхожденіе нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ изъ дѣятельности органовъ чувствъ, а то, что изъ этого источника не можетъ быть выведено, она считаетъ происходящимъ изъ самого сознанія и опредѣляетъ только значеніе этого элемента въ процессѣ познанія.

Психологія имѣетъ дѣло съ *индивидуальнымъ* сознаніемъ, гносеологія имѣетъ дѣло съ сознаніемъ научнымъ въ собственномъ смыслѣ, или, можно сказать, съ *надиндивидуальнымъ* сознаніемъ.

Въ гносеологіи вопросъ объ исторіи *) того или другого понятія является вещью второстепенной. Здѣсь мы не спрашиваемъ, какъ образовалось то или другое понятіе, мы беремъ его готовымъ и только спрашиваемъ, какова его функція въ процессѣ познанія.

Если, напр., у меня есть идея причинности, то, занимаясь гносеологическими изслѣдованіями, я не спрашиваю, какимъ образомъ возникаетъ эта идея, потому что это есть задача психологіи. (Да я и не сомнѣваюсь въ томъ, что нуженъ продолжительный опытъ для того, чтобы получить идею причинности). Я поступаю иначе. Я просто беру то понятіе причинности, которое существуетъ въ наукѣ, и спрашиваю, какимъ образомъ оно примѣняется къ опыту, и какимъ образомъ оно дѣлаетъ возможнымъ научный опытъ.

Я съ точки зрѣнія гносеологіи не спрашиваю, изъ какихъ элементовъ складывается у насъ представленіе времени: это есть задача психологіи. Она должна показать, какимъ образомъ у насъ постепенно складывается представленіе времени. Если мы психологически желаемъ изслѣдовать идею времени, то мы стараемся прослѣдить, въ какомъ положеніи эта идея находится у животныхъ, у дѣтей на ранней стадіи ихъ развитія и т. п. Теорія познанія поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Она беретъ готовую идею, какъ она существуетъ въ наукѣ, и старается опредѣлить свойства этого понятія, а затѣмъ она старается опредѣлить, почему и какъ она примѣняется къ дѣйствительности.

Такъ какъ методъ эволюціонной психологіи есть именно методъ психологическій, между тѣмъ какъ методъ Канта есть методъ гносеологическій, то вполнѣ понятно, насколько не правы тѣ, которые говорятъ, что Спенсеръ своей теоріей опровергъ Канта. Если бы Кантъ

---

*) Если въ гносеологіи говорится, что она поставляетъ вопросъ о *происхожденіи* понятій, то отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать этого вопроса съ вопросомъ о *генезисѣ* понятій, который поставляетъ психологія. Психологія изслѣдуетъ, изъ какихъ элементовъ и какимъ образомъ созидается то или иное понятіе. Когда гносеологія говоритъ о *происхожденіи* понятія, то она имѣетъ въ виду рѣшить вопросъ, можетъ ли апріорная идея по своему свойству быть получена изъ опыта или нѣтъ? Есть ли въ реальномъ мірѣ что либо такое, что могло бы дать поводъ для возникновенія этой идеи?

имѣлъ возможность познакомиться со Спенсеромъ, то онъ *могъ* бы ему сказать, что онъ вполнѣ съ нимъ согласенъ, когда этотъ послѣдній доказываетъ что существуетъ психологическая наслѣдственность и развитіе сознанія изъ поколѣнія въ поколѣніе, но при этомъ замѣтилъ бы, что эволюціонная гипотеза не исключаетъ возможности и надобности ставить вопросъ такъ, какъ онъ ставитъ его въ своей Критикѣ Чистаго Разума.

Кантовскій методъ не опровергается эволюціоннымъ, потому что психологическое происхожденіе того или другого понятія не исключаетъ его апріорности. Эволюціонный методъ не можетъ объяснить функціи апріорныхъ понятій, ибо изъ исторіи того или другого понятія невозможно объяснить его функціи.

Кантовскій методъ и эволюціонный методъ—это два различныхъ метода изслѣдованія человѣческаго духа, изъ которыхъ одинъ преслѣдуетъ совершенно отличныя отъ другого задачи. Строго говоря, нельзя даже сказать, что они дополняютъ другъ друга. Менѣе всего можно утверждать, что эволюціонный методъ замѣняетъ или дѣлаетъ излишнимъ методъ кантовскій.

Нельзя, поэтому, утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, что, если эволюціонистъ покажетъ, что въ нашемъ познаніи громадное значеніе имѣетъ опытъ и наслѣдственная передача результатовъ опыта, то вмѣстѣ съ этимъ устраняется и кантовская теорія познанія *).

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) См. объ этомъ *Риль*. Теорія науки и метафизика стр. 85 (Дарвинизмъ и трансцендентальная философія).

НЕУДАЧНИКЪ.

(ФОСТЭ ФОРЛАНДЪ).

Романъ Іонаса Ли. Перев. съ норвежскаго З. Зенковичъ.

(*Окончаніе* *).

XII.

Въ тяжеломъ раздумьи сидѣлъ Фостэ въ общей комнатѣ.

— Словно у меня камень на шеѣ!—воскликнулъ онъ, быстро поднялся и принялся ходить по комнатѣ, время отъ времени подходя къ окну посмотрѣть на улицу.

— Помилуй тебя Богъ, Фостэ! Что ты говоришь? Опять что-нибудь случилось,—новое что-нибудь?

— Этотъ чертовскій молъ пожираетъ безъ конца денегъ,—отвѣтилъ онъ матери.

— И тутъ затрудненія, да?—заботливо спросила фру Форландъ.

— Илъ и песокъ поглощаютъ камень,—мы все еще не дошли до твердаго грунта! Молъ всосалъ въ себя уже въ три раза болѣе, чѣмъ слѣдуетъ по разсчету. Я полагался, конечно, на капитана порта и людей свѣдующихъ, которымъ были поручены работы... Не могъ же я самъ въ качествѣ водолаза спускаться туда и изслѣдовать дно.

— Относись спокойно къ этому, Фостэ! Ты знаешь, когда дойдетъ до крайности, ты всегда найдешь какой-нибудь выходъ,—утѣшала фру Форландъ.

— Найду?—Денегъ, денегъ,—возразилъ онъ,—гдѣ я найду ихъ?

— Бѣдный мальчикъ, тяжелую ношу приходится нести тебѣ,—вздохнула мать.

— *Надо* увеличить количество акцій... *Нужно* смотрѣть дальше минутныхъ затрудненій и непріятностей. Іонъ Бергъ вылетѣлъ въ трубу со своей целлюлозой, Германъ Віикъ—банкротъ, газированныя воды и консервы замерли. Очевидно, зарвались въ спекуляціи. Однако, нѣтъ

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1901 г.

основаній приходить въ отчаяніе во время денежнаго затрудненія... Тамъ вѣдь сидятъ такіе люди, какъ Вульфъ, Клюверъ, Людерсъ, Бредеръ... Имъ слѣдуетъ быть дальновиднѣе и постараться устроить курортъ къ сезону, чтобы получить доходъ. Надо это внушить этимъ господамъ! Вѣдь они сами акціонеры и не дураки... Я побирался въ былое время! Надо воспользоваться привычкой юности..

Фру Форландъ бросила на него взглядъ, полный страданія. Она сидѣла сгорбившись и слѣдила за его мыслями.

— Конечно, мама, выходовъ можно много найти!—заговорилъ онъ убѣжденно.—Я иду въ городъ поговорить съ главарями, какъ Кошутъ съ мальярами,—и деньги посыплются въ кассу! Они организуютъ небольшой кружокъ съ цѣлью обезпечить текущіе расходы.

Черезъ минуту онъ уже былъ за дверями и шагалъ въ городъ; но самоувѣренная улыбка играла у него на лицѣ, а въ глазахъ горѣло упорство.

Онъ направился прямо къ консулу Людерсу.

— Я по дѣламъ курорта, консулъ,—началъ онъ, едва войдя въ контору.

— Да, трудныя времена,—прервалъ его тотъ.

— Только бы справиться съ затрудненіями, пока не начнется сезонъ, и мы станемъ получать доходъ.

— Да, вы, конечно, правы. Многое желательно былобы имѣть въ готовомъ видѣ, Форландъ! Денегъ только добыть почти нельзя,—покачалъ головой консулъ.

— Но нельзя же акціонерамъ оставить дѣло въ подобномъ положеніи, это равносильно тому, какъ если бы кто-нибудь пригласилъ гостей на балъ и въ послѣдній моментъ не могъ бы зажечь люстры!.. Я полагалъ, что вы и Вульфъ, Морландъ и нѣкоторые другіе изъ акціонеровъ...

— Акціи, да! Если бы вокругъ не было столькихъ мертвецовъ по ихъ милости, въ особенности Ваггесеновскаго инцидента. Вы величали его въ своей громкой рѣчи «столпомъ, на которомъ покоится курортъ». И вотъ эта твердая скала, казавшаяся сплошь золотой, на самомъ дѣлѣ всю жизнь была на краю пропасти! Его внезапная рискованная спекуляція въ этомъ предпріятіи была послѣдней судорожной попыткой найти выходъ.

— И теперь у насъ осталось еще довольно балокъ и столповъ...

— Да, милостивый государь!—консулъ съ предумышленно-горделивой осанкой поднялся и прослѣдовалъ къ дверямъ,—невозможно, абсолютно невозможно для меня дать вамъ какой нибудь отвѣтъ, прежде чѣмъ я выслушаю другихъ.

Фостэ обдумывалъ полученный отвѣтъ. Ни да, ни нѣтъ, и это побудило его немедленно отправиться къ Вульфу и Морланду.

У таможни, откуда ему надо было переѣхать въ лодкѣ на косу,

ему пришлось наскоро раскланяться съ обычной компаніей, ему показалось, что они плотнѣе сдвинулись и обернулись къ нему спиною; вѣроятно рѣчь шла о немъ и о водолѣчебномъ заведеніи...

Онъ вошелъ въ лодку, чтобы отчалить, какъ вдругъ замѣтилъ агента Мо: тотъ кричалъ махая письмомъ...

— Запросъ въ правленіе, Форландъ, изъ Амстердама, о помѣщеніи въ отелѣ и проч!... Смотрите!—онъ вынулъ и показалъ письмо.—Съ тою же почтою пришло нѣсколько писемъ на имя доктора, съ европейскими штемпелями, адресованныхъ въ правленіе, вѣроятно, за справками.

Фостэ готовъ былъ разразиться неистовымъ ура, но сдержался, принявъ такую мину, словно это было нѣчто самое обыкновенное и естественно-ожидаемое.

— Отчаливай, ботцманъ!—приказалъ онъ съ легкимъ кивкомъ.

Весла мелькали и лодка скользила въ тѣни судовъ; Фостэ сидѣлъ задумчивый, блѣдный, съ горящими глазами. Онъ чувствовалъ себя Колумбомъ, впервые завидѣвшимъ землю! Онъ уже видѣлъ быстрое повышеніе акцій, уже обдумывалъ, такъ ли ему теперь необходимо обращаться за помощью къ этимъ господамъ?

На биржѣ сплетенъ всякая новость извѣстна всѣмъ, едва успѣетъ появиться.

Рѣзкій тонъ вопроса, предложеннаго гребцомъ, вернулъ Фостэ къ дѣйствительности:

— А вѣдь это—добрыя вѣсти для нашего мѣста, въ успѣхѣ котораго сомнѣваются всѣ моряки?

Въ озабоченномъ выраженіи лица его было нѣчто, что разомъ измѣнило взглядъ Фостэ на вещи. Конечно, нужно къ Вульфу и Морланду.

Онъ пошелъ напрямики между крошечными, опрятными, окрашенными въ красный цвѣтъ домиками на косѣ, къ судостроительному заводу Вульфа.

Кто-то выглянулъ въ дверь и посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Здравствуйте, мадамъ Гестъ,—поклонился онъ, спѣша дальше.— Вашъ мужъ въ плаваніи?

Она остановилась, желая вступить съ нимъ въ разговоръ.

— Вы были на работѣ, мадамъ? За швейной машиной,—прибавилъ онъ, ласково кивая.

— Да, что дѣлать. Въ кабалу идешь изъ-за куска хлѣба, такъ намъ заповѣдано... Надо быть довольнымъ, если есть хлѣбъ насущный.

— Мужъ работаетъ свое, а вы свое?

— Да, многимъ вѣдь и еще хуже! Пока я сидѣла за шитьемъ, только и слышала, что о заботахъ и страхахъ. Но есть ли сколько-нибудь правды въ томъ, что они толковали о курортѣ, Форландъ?— осторожно спросила она.

Онъ поймалъ напряженный боязливый взглядъ и понялъ, что говоритъ съ народомъ...

— Послушайте, матушка,—сказалъ Фостэ,—думаю, именно эти фабричныя трубы, которыя больше не дымятъ, и нагнали страху на здѣшній народъ?.. И не удивительно.

— Тѣ, что вложили туда свои трудовые гроши, всѣ боятся за нихъ, Форландъ. Они считали, что это все равно, что положить ихъ въ вѣрный банкъ,—они будутъ наростать отъ одного лежанья.

— Я могу отвѣтить вамъ добрыми вѣстями, мадамъ Гестъ, уже начали съѣзжаться гости. Правда, немножко трудновато приходится всѣмъ, и большимъ, и малымъ,—отвѣчалъ Фостэ.

— Да, помилуй насъ Богъ, Форландъ!—не удержалась она.—Мы съ мужемъ тоже вложили все свое въ четвертую долю акціи. Хоть бы однимъ глазкомъ поглядѣть на нихъ теперь, черезъ двѣ недѣли! Вѣдь это все, что у насъ было,—понимаете...—Она вытирала глаза, еще и еще.

— Слушайте, тетушка Гестъ,—сказалъ рѣшительно Фостэ,—если вы не продадите до осени своей четвертной акціи, приходите ко мнѣ; я возьму ее, я.

Мадамъ Гестъ чувствовала себя словно упавшей съ неба и глядѣла на него.

— Вы, значитъ, считаете акціи цѣнными?—спросила она.—Но процентовъ мы, вѣрно, лишимся?—продолжала она подозрительно.—Благодарю васъ за обѣщаніе, Форландъ. Я поговорю съ мужемъ, какъ только онъ вернется домой... Помилуй насъ Богъ отъ этихъ слуховъ!—прибавила она, снимая машинку съ края лѣстницы, куда она на время поставила ее.

«Сомнѣнія, всюду сомнѣнія», звенѣло у Фостэ внутри. «Всѣ эти хижины и рейдъ полны вопросовъ»...

. . . .

Весеннія сумерки уже стали спускаться на землю, когда Фостэ возвращался проселкомъ домой послѣ своей послѣдней экспедиціи. Всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ!.. Надо сперва узнать, что думаютъ другіе. И при томъ ехидный совѣтъ—обратиться къ дядѣ Іоолъ. Оставить все, какъ есть, въ такое драгоцѣнное время, а тамъ представить ему «проектъ» на половину или на треть законченный!

«Я уже вижу, какъ его зубы оскаливаются все презрительнѣе».

Фостэ только тогда замѣтилъ, что онъ уже въ городѣ, когда въ улицѣ промелькнули Германъ Рокъ и Іонъ Бергъ. Они исчезли въ переулкѣ, лишь только показался кое-кто изъ гуляющихъ. Очевидно, они не желали показываться днемъ на улицѣ.

«Уфъ, воздуха мало,—трудно дышать».

Онъ разомъ повернулъ на первомъ же поворотѣ и помимо воли пошелъ по аллеѣ, которая вела къ Гюллингамъ. Узкая полоска мѣсяца

играла на крышахъ, а сады лежали въ глубокой тѣни; лишь двѣ-три верхушки деревьевъ тянулись къ освѣщенному небу.

Фостэ ходилъ взадъ и впередъ вдоль изгороди.

Онъ собирался уже вторично повернуть къ садовой калиткѣ, какъ замѣтилъ фигуру на балконѣ.

— Фостэ, ты?—въ голосѣ Беры звучало удивленіе.

Она, съ непокрытой головой, спустилась внизъ и остановилась у лѣстницы, ведущей въ садъ.

— Мнѣ показалось, что я увидѣлъ тебя наверху, Бера, и я раздумывалъ, о чемъ ты думаешь теперь. У меня въ душѣ звенѣла грустная мелодія, въ аккомпаниментъ къ этому вечеру. Какъ пріятно чувствовать такую гармонію и красоту... Я хочу сказать — жить только *этимъ* и покончить со всѣми остальными!

— Неужели только ради этихъ красивыхъ фразъ ты остановился здѣсь, Фостэ?

— Да, твоя фигура такъ согласовалась съ природой! *Ты* только наслаждаешься, свободная отъ обязательствъ... Для тебя нѣтъ ни правды, ни заблужденія!

— А у тебя столько дѣлъ, за которыя надо бороться и которыя нужно нести, какъ ты говоришь, Фостэ! Но я не знаю, однако, никого, кто умѣлъ бы такъ отдыхать и игнорировать дѣла, какъ ты. Ты живешь въ своемъ собственномъ мірѣ и все несешь туда за собою.

— Да, я знаю это. Я знаю, что я—своего рода неземное существо, живущее внѣ дѣйствительности, которое имѣетъ лишь одинъ недостатокъ—обманываетъ себя самого и своихъ ближнихъ. Развѣ— не такъ? Я готовъ бы пройти длинный путь, лишь бы услышать, какъ ты скажешь мнѣ это своимъ выразительнымъ голосомъ, еще и еще разъ, такъ мягко и ласково, такъ сочувственно... Я такъ привыкъ къ твоимъ тонкимъ уколамъ совѣсти, что они мнѣ положительно необходимы, послѣ того, какъ я слишкомъ долго пробуду тамъ, среди тѣхъ грубыхъ варваровъ... Развѣ ты не замѣчала, Бера, что время отъ времени я ощущаю болѣзненную потребность видѣть тебя. Какъ все это вяжется между собою... Господи, зачѣмъ ты меня мучишь всегда и постоянно!

— Я?—забывшись, она сдѣлала было движеніе къ нему внизъ, но остановилась, откинувшись на перила.

— О, пожалуйста говори,—съ горечью продолжалъ онъ.

— Докажи, что все это плодъ моего воображенія, разумѣется, разъ все только воображеніе! И все это дѣлается только ради твоей жестокой забавы? Одна пустая болтовня!

Она покачала головой.

— Я думаю только о томъ, какъ тяжело все это ложится на тебя.

— Ты подразумѣваешь купальное предпріятіе?

— Нѣтъ, я говорю обо всемъ вообще,—все, Фостэ! А какъ легко

могъ бы ты стать счастливымъ! Но ты долженъ придти къ этому самъ; научить этому тебя никто не можетъ.

— Неужели же съ меня не достаточно, Бера? Вотъ мы начали съ природы, а сейчасъ пошли уколы!

— Голубчикъ, развѣ это не кротость съ моей стороны — въ счетъ старой дружбы я позволяю тебѣ стоять здѣсь и вымещать на мнѣ свое настроеніе!

— Кротость, кротость! Ты меня обманула! Я въ самомъ дѣлѣ думалъ нѣкогда, что въ тебѣ есть нѣчто, глубокая натура.

Она наклонила голову черезъ перила и холодно взглянула ему прямо въ лицо.

— Если у тебя такъ много людей, которые понимаютъ тебѣ лучше, чѣмъ я, Фостэ, зачѣмъ же ты приходишь ко мнѣ, гдѣ ты слышишь одни только противорѣчія, которыя приводятъ тебя въ дурное настроеніе? Отчего бы не пойти, напр., къ такой одаренной натурѣ, какъ Лаура Грутъ? Я увѣрена, что она въ секунду пойметъ тебя! Вотъ тебѣ мой совѣтъ. Обратись къ кому-нибудь, кто поддержитъ въ тебѣ энергію въ это время.

Лучъ мѣсяца упалъ на нее и Фостэ былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ ея лица.

— Здѣсь слишкомъ холодно однако,— закончила, она, — мнѣ надо наверхъ. Прощай, Фостэ!—сказала она сверху. Ему показалось, что у нея оборвался голосъ.

Онъ повернулъ домой.

Да, она ушла въ свою дѣвичью клѣтку, думаетъ о томъ и о семъ, быть можетъ, о томъ, не простудилась ли она изъ-за этого невозможнаго Фостэ!

Иначе будетъ, когда онъ заберется дома на свою вышку. Изъ всего города онъ теперь могъ видѣть только тѣ дома, гдѣ, какъ ему было извѣстно, имѣются акціи.

Но что за вечеръ! Какъ пахнетъ травой и землей. Можно просто плакать. Прекрасна жизнь, прекрасна во всякомъ случаѣ. Внизу лежитъ городъ съ улицами, затихшими въ тѣни садовъ. Рогъ мѣсяца въ вышинѣ надъ моремъ и косою.

Тамъ, въ городѣ, отходя ко сну, толкуютъ объ акціяхъ, разсчитываютъ... Стоны и жалобы.

Онъ вдругъ остановился и глубоко воткнулъ палку въ землю. «Чортъ возьми, что это со мною? Отчего я чувствую себя такъ легко, откуда этотъ необычайный наплывъ счастья?.. Ни малѣйшаго основанія—кругомъ затрудненія и мученія!

«Отчего бы не пойти къ талантливой фрэкенъ Ла-у-рѣ Грутъ—да».

Онъ выговорилъ эти слова, словно читая каждое слово.

Этотъ вопросъ все время звенѣлъ у него въ ушахъ, пока онъ на-

конецъ, не повторилъ его, съ жадностью набросившись на него словно это было необычайное откровеніе.

«Да и будто бы она, Лаура, пойметъ меня сію секунду!.. Ты ошибаешься, Фостэ... Ошибаешься! Дайте мнѣ хорошенько подумать... А какіе у нея были холодные глаза, она была блѣдна. Цѣлый костеръ страсти могъ быть подъ... Не долго и съ ума сойти... Все это твое воображеніе, понимаешь»...

XIII.

Физіономія, съ какою Людерсъ встрѣтилъ Фостэ сегодня, была совсѣмъ не та, какую онъ зналъ прежде и къ которой привыкъ.

Людерсъ нѣсколько безцеремонно послалъ за нимъ для частнаго совѣщанія у него въ конторѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что Фостэ собирался обратиться къ общему собранію акціонеровъ.

— Безполезно маскировать положеніе, прикрашивать его, г-нъ Форландъ! Фактъ на лицо, — банки не желаютъ ни гроша больше выдавать подъ наши акціи, а если такъ называемая Бекманская контора и держитъ еще высокій курсъ, такъ для того, чтобы избавиться отъ массы своихъ собственныхъ. Короче говоря, акціи, лежащія сейчасъ въ карманахъ публики, и восемнадцать наличныхъ у меня, — онъ хлопнулъ по пачкѣ,—стоютъ ровно столько, сколько стоитъ бумага, на которой онѣ напечатаны... Безпримѣрное надувательство, милѣйшій г-нъ Форландъ!.. Съ безграничнымъ легкомысліемъ вы вовлекли своихъ согражданъ въ предпріятіе, которое требовало безконечно-бóльшаго основного капитала, чѣмъ мы, съ нашими скромными достатками, смѣли надѣяться предложить,—милліонная спекуляція, благодаря чему теперь толпа обманутыхъ людей ломаетъ руки. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло требуетъ времени, многихъ лѣтъ, чтобы развиться.

— Если вы прислали за мной для того, чтобы показать мнѣ эту прелестную картину, г-нъ консулъ, то я только могу направить васъ къ общему собранію. Тамъ вы получите отвѣтъ!

— Общее собраніе, общее собраніе! Да вы въ умѣ, любезнѣйшій? Звонить въ колокола о несчастьи? Окончательно погубитъ акціи?

— Предпріятіе можно спасти,—заявилъ Фостэ. — Если капиталисты не захотятъ поддержать его во время кризиса, я обращусь къ народу.

Консулъ глянулъ Фостэ прямо въ глаза.

— Вотъ что я вамъ скажу. Никто изъ нашихъ руководящихъ дѣльцовъ не сталъ бы съ вами толковать, если бы они не имѣли основанія думать, что за вами нѣкоторымъ образомъ дядя Іоиль,—во всякомъ случаѣ вы получите послѣ него... Но я не стану философствовать на эту тему,—только бы мнѣ вернуть свое!—но *свое* я желаю имѣть, прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы, поднеся сжатые кулаки къ самому лицу Фостэ.—Вашъ дядя, который прекрасно обставилъ вамъ кре-

дить, *заплотить* мнѣ за всѣ восемнадцать акцій... Общее собраніе?— продолжалъ презрительно консулъ. — Повѣрьте, многіе готовы теперь вцѣпиться въ васъ когтями, весь этотъ бѣдный людъ, которому вы такъ радужно все расписали. Повѣрьте, если бы у нихъ въ рукахъ было съ чѣмъ выступить противъ васъ въ общемъ собраніи, напримѣръ, извѣстныя разоблаченія, которыя могли бы открыть предъ вами перспективу мѣста, гдѣ у васъ было бы время и досугъ поразмыслить о дѣлѣ,—они не говорили бы, а выли. И знаете ли, г-нъ архитекторъ,—продолжалъ онъ сквозь зубы,—вотъ именнно такой-то матеріалъ отчасти и можно дать имъ на этомъ ге-не-раль-номъ собраніи... Я посвятилъ нѣкоторое время на изученіе бумагъ и квитанцій курорта, и мое единственное дѣло—довести до свѣдѣнія публики, что вы, очевидно, самовольно распоряжались наличными средствами курорта и совершенно иначе, чѣмъ были уполномочены.

— Вы сами говорите,—холодно отвѣчалъ Фостэ,—что я долженъ былъ поступать, какъ, смотря по обстоятельствамъ, считалъ лучшимъ въ интересахъ курорта. Но прежде всего нужно спасать дѣло. Мнѣ доставило бы больше удовольствія отвѣчать вамъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ, и именно въ общемъ собраніи, г-нъ консулъ, а не въ вашей частной конторѣ,—сказалъ Фостэ и взялся за шляпу.

— Хе, хе! увидимъ, увидимъ, какъ сопоставить, съ одной стороны— втиранье очковъ,—иначе я не могу назвать знаменитый праздникъ,— и растрату въ одиннадцать тысячъ изъ наличной кассы купальнаго заведенія съ другой!

— Угроза? мнѣ?—Фостэ отступилъ назадъ. — Нѣтъ, прежде чѣмъ они добьются чего-нибудь отъ меня, я отправлюсь въ тюрьму, какъ вы любезно намекнули. Впрочемъ, я доставлю вамъ живѣйшее удовольствіе въ общемъ собраніи,—онъ поклонился и вышелъ.

«Это—явное предупрежденіе», пояснилъ себѣ Фостэ, выйдя на улицу.

Да, теперь предъ нимъ снова оборотная сторона города!..

Такой городишка, охваченный паникой, напоминалъ коня, закусившаго удила,—только сильной рукой можно было заставить его идти по дорогѣ!—Теперь онъ понялъ, что значитъ держать дѣло на извѣстной высотѣ въ то время, когда общественное мнѣніе ниспровергаетъ его.

«Они, кажется, думаютъ, что я, какъ крыса, покину корабль»!

Ему вдругъ захотѣлось поязвить своихъ присныхъ и онъ забѣжалъ къ доктору.

— Ну? *Вамъ* тоже приходится участвовать въ этомъ?—обратился онъ къ Сельви, едва войдя въ комнату.—Народъ немножко какъ-будто въ отчаяніи.

— О, мы будемъ очень рады, только бы твои дѣла устроились,—отвѣчала ласково сестра. Въ тонѣ ея было что-то обидно-снисходительное, что задѣло его.

*

— Конечно, въ страхѣ за свои деньги?—спросилъ онъ.

— За двѣ наши акціи?.. О нѣтъ, надъ ними мы поставили крестъ, и я, и Фалькенбергъ, хотя намъ это и не такъ-то легко.

— Сожалѣю, что именно теперь я не могу помочь вамъ, а то я немедленно снялъ бы съ васъ эту заботу,—сказалъ онъ обиженно.

— Не будь несправедливъ къ намъ, Фостэ, мы не такъ ужъ печалуемся объ этихъ акціяхъ.

— Но онѣ неминуемо должны погибнуть? Эта мысль витаетъ надъ городомъ послѣднее время!.. Словно предпріятіе перестаетъ быть надежнымъ и вѣрнымъ отъ того, что нѣкоторые теряютъ голову при крошечномъ кризисѣ.

— Ты долженъ понять насъ, Фостэ.—Докторъ живетъ практикой. Но разъ онъ становится во главѣ предпріятія, которое, по всеобщему мнѣнію, сулитъ несчастье и скорбь цѣлому городому — положеніе его становится нѣсколько труднымъ, онъ теряетъ популярность.

— Да, такъ рисуется все это теперь! — возразилъ Фостэ. — Но общее собраніе нанесетъ ударъ всему этому! Вы жалуетесь на курортъ, прежде чѣмъ онъ получилъ возможность принести какой нибудь доходъ... Но я верну вамъ вѣру маленькой панорамой того, какъ пусто и темно станетъ здѣсь снова, если снова заколотить большое окно, которое мы прорубили для свѣта! Ты не понимаешь, Сельви, что значитъ жаждать настоящей борьбы, въ которой человѣку приходится вступать въ пререканія и биться за общественные интересы, вмѣсто того, чтобы постоянно вести ничтожную перепалку.

— Неужели я не понимаю...

Именно этой-то кроткой мины и покорности со стороны сестры, вмѣсто обычныхъ рѣзкостей и колкостей, онъ и не переносилъ.

Онъ шагалъ по комнатѣ и насвистывалъ. Они снова возвращались къ смиренію,—очевидно они снова видѣли вокругъ клокочущее море!

— Не хочешь ли взглянуть на нашего мальчика? — спросила она успокоительнымъ тономъ.

— Мальчика? Я чуть было не спросилъ, есть-ли у тебя мальчикъ. Давно уже я не думалъ обо всемъ этомъ, — разсѣянно замѣтилъ онъ, машинально слѣдуя за нею въ спальню...

— Пророкъ долженъ до послѣдней возможности хранить свою вѣру, — услышалъ онъ на углу Церковной улицы, это былъ голосъ Трюггесена, говорившаго съ обычной оскорбительно-насмѣшливой манерой.

Далѣе Фостэ имѣлъ удовольствіе замѣтить издали старика Клювера, который попрежнему остановился взглянулъ на него, но далеко не съ тѣмъ жестомъ, какой онъ употреблялъ, когда величалъ его «волшебникомъ». А вотъ проѣхалъ мимо консулъ Вульфъ, на лицѣ котораго мелькнула иронія, когда онъ нѣсколько демонстротивно раскланялся съ нимъ.

А вотъ наискось переходитъ улицу Лаура Грутъ. Она напоминала

одну изъ большихъ тяжелыхъ лѣтнихъ птицъ и, очевидно, несла на своихъ крыльяхъ общія опасенія.

— Скажите, кто-нибудь умеръ? отправился къ праотцамъ? — встрѣтилъ ее Фостэ. — Въ вашемъ взорѣ столько грустнаго участія, на лицѣ складка смиренія.

Она покачала головой и обиженно посмотрѣла на него...

— Позвольте сказать вамъ, что я могу только удивляться человѣку, который ходитъ, высоко поднявъ голову, съ неустрашимостью во взорѣ среди бушующихъ волнъ клеветы. Ахъ, Форландъ, если бы это была комедія или трагедія!

— Вы говорите нѣчто, фрэкенъ Грутъ.

— Подальше, подальше отъ этой сѣрой дѣйствительности. Для меня, бѣдной, теперь словно все померкло... Я снова погружаюсь въ заботы о тетушкиномъ кофе и чаѣ. Но — я хочу сказать вамъ это и поблагодарить васъ—это останется самымъ яркимъ воспоминаніемъ моей жизни! — словно очарованіе, въ которомъ я жила и сердцемъ, и душою... А кинжалъ, чудесный кинжалъ, который я купила, чтобы вонзить себѣ въ грудь!.. Да теперь ужъ, вѣрно, не будетъ театра? — спросила она внезапно.

— Одно могу обѣщать вамъ, Лаура Грутъ: если я буду живъ, будетъ постоянная комедія! — Фостэ раскланялся и пошелъ дальше.

Онъ снова направился въ мрачную обитель страха, охватившаго весь городъ. Все послѣ обѣда онъ пробылъ за конторкой, свѣряя счета для представленія въ общее собраніе, измышляя и изобрѣтая выходы, какіе можно найти среди этихъ простыхъ вещей! Онъ уже строилъ заводъ соды, съ поставкой водорослей со всего побережья, соорудилъ центральную варницу дегтя, которая будетъ питаться отдаленнѣйшими хвойными лѣсами. А въ заключеніе передъ нимъ промелькнула сцена съ Людерсомъ, который хотѣлъ вернуть свои деньги.

Усталый, измученный, поздно вечеромъ вернулся онъ домой...

На лицѣ его было равнодушіе съ нѣкоторой дозой упорства, а сцены минувшаго дня неясно, какъ въ полуснѣ проходили передъ нимъ.

«Комедія, да! — вдругъ вспомнилъ онъ... Если буду живъ, будетъ постоянная комедія! я обѣщалъ Laурѣ Грутъ. Удивительно, какъ трогательно торжественно было ея прощаніе со мною. Конечно, она прослышала кое-что изъ того, что болтаютъ и сплетничаютъ въ городѣ насчетъ законности моего поведенія и, конечно, она уже видитъ своего достойнаго удивленія друга за прилежной работой въ смирительномъ домѣ... И вотъ, между нами разверзлась пропасть... Разумѣется, она не можетъ дольше знаться со мной; но она все-таки была взволнована... Удивительныя созданья—люди...»

— Что съ тобою, мой мальчикъ?—спросила фру Форландъ, едва онъ вошелъ въ комнату.

— Что со мною? Я чувствую себя, какъ пловецъ въ морѣ на

гладкой доскѣ... Однако, мама,—прервалъ онъ самъ себя,— удивительно, что ростовщикъ можетъ быть истинно честнымъ человѣкомъ, дѣйствительно стремящимся къ правдѣ. Одно дурно, что онъ почти честенъ... При выборѣ между Богомъ и Маммоной, къ несчастью перевѣсъ всегда на сторонѣ послѣдняго, а онъ тянетъ въ бездну... Дай-ка мнѣ свѣчу, Агнета. Мнѣ надо отдѣлать одну сцену въ «Скупомъ»... Покойной ночи, мама!

— Какъ больно, Агнета,—не удержалась фру Форландъ, когда его шаги раздавались уже на лѣстницѣ, — видѣть его каждый вечеръ съ потухшимъ взоромъ послѣ цѣлаго дня униженій и оскорбленій... и понимать, что они не сломятъ его, пока онъ живъ и жива его воля... Такъ ужъ онъ созданъ, да!—вздохнула фру Форландъ. — Онъ долженъ выполнить свое назначеніе...

XIV.

— Какъ тянется лѣто... Какое скучное лѣто!—вымолвилъ Іонъ Бергъ встрѣтясь съ Фостэ на Бэкэнсенъ. — Ходить и ждать соглашенія съ кредиторами! День тянется за днемъ одинаково безрезультатно. Кой чортъ заботится о томъ, будетъ ли немножко лучше или хуже! Надо выждать время, только оно можетъ внести перемѣну въ отчаянное затруднитнльное положеніе... Мы только пьемъ коньякъ съ зельтерской водой, сидя на балконѣ при спущенныхъ занавѣскахъ, и ждемъ! Положительно было бы благодѣяніемъ, если бы все это смѣнилось хорошей грозой и свинцовыми тучами. А не удивительно ли, что подъ громъ небесной канонады крахи слѣдовали одинъ за другимъ на прошлой недѣлѣ! Конкурсъ за конкурсомъ чуть не по одной изъ четырехъ фирмъ по Портовой улицѣ! Говорятъ даже о такомъ человѣкѣ, какъ Арнэ Вульфъ, очень ужъ часто ѣздитъ онъ въ послѣднее время въ столицу.

У Фостэ въ карманѣ было другое ошеломяющее извѣстіе—письмо отъ гамбургскаго дома, взявшаго на себя поставку обстановки для отеля, который, въ случаѣ неуплаты немедленно же, желалъ закрѣпить за собою законнымъ порядкомъ имущественную собственность акціонернаго общества: отель съ инвентаремъ и земельный участокъ.

Это равносильно тому, что акціонерное общество должно ликвидировать, если не будетъ удовлетворенъ одинъ изъ главныхъ кредиторовъ.

Онъ слушалъ Іона Берга, а мысль его работала и работала, пока онъ не пришелъ къ заключенію, къ которому постоянно возвращался въ эти дни,—попытаться у дяди Іооля!—слабый шансъ, но все же шансъ!.. И еще одна мысль, которой тѣшилась его фантазія въ минуты усталости—отправиться въ Америку, заработать денегъ и все исправить... Иногда на мгновеніе его охватывала легкая дрожь предъ чѣмъ-то пустымъ, смертельно-холоднымъ, мрачнымъ, что возникало, словно видѣніе...

Во время разговора съ Іономъ Бергъ, онъ, однако, вѣрно угадывалъ, что именно образъ дѣйствій гамбургскаго дома и его угрозы создали панику въ городѣ. Ему казалось, что слово конкурсъ раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Старый Іооль уже мѣсяцъ тому назадъ вернулся, а Фостэ никакъ не могъ заставить себя побывать у него. Онъ шелъ, стараясь придумать нѣсколько словъ въ извиненіе, но бросилъ эту попытку.

— Ну, прощай, Іонъ,—вдругъ сказалъ онъ у Церковной улицы, гдѣ жилъ дядя.

Въ два прыжка онъ поднялся на лѣстницу и удивлялся, что дверной колокольчикъ звонитъ такъ громко: онъ позвонилъ совершенно безсознательно...

— Да, дядя,—здоровался онъ, входя,—нѣчто совѣмъ иное надѣялся я показать тебѣ, когда ты вернешься домой...

На половину спущенная зеленая штора пропускала солнечный лучъ на конторку, за коротой сидѣлъ старый Іооль, погруженный въ свои счета.

Онъ сдѣлалъ полъ-оборота на своемъ табуретѣ и поднялся почти учтиво.

Фостэ поразило, на сколько дядя сталъ европейцемъ. Онъ былъ свѣже выбритъ, галстухъ его былъ въ высшей степени заботливо повязанъ, а лучъ солнца падалъ на фракъ съ иголочки, хотя и старомоднаго фасона.

— А-а, ты еще здѣсь?—заговорилъ онъ, опускаясь на стулъ.— Надо тебѣ сказать,—мнѣ приходило въ голову,—что ты, быть можетъ, уже перенесъ свою полезную общественную дѣятельность въ другое мѣсто, даже въ иную страну.

— По ту сторону океана, хочешь ты сказать, очистилъ палубу, не сдѣлавъ всего возможнаго для спасенія?

— А я тебѣ скажу: ликвидируй! Объяви себя банкротомъ.

— Это не въ моемъ характерѣ, дядя, и во всякомъ случаѣ, я не такого мнѣнія о положеніи, потому что только нужно...

— Какъ? Не правда ли, будь у тебя побольше денегъ, еще нѣсколько сотенъ тысячъ, *тогда* мы увидѣли бы!

— Милый дядя, это огромная отвѣтственность! особенно же весь этотъ бѣдный мелкій людъ, который постигло несчастье,—пояснилъ Фостэ. Онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы сдержать свое волненіе, и слезы стояли у него въ горлѣ.

— Да, совершенно вѣрно... Отвѣтственность!... Сначала мы съ ослѣпительнымъ блескомъ хватаемся за нелѣпѣйшіе проекты, а потомъ... сидимъ на пепелищѣ и плачемъ.

— Я думаю,—продолжалъ смиренно Фостэ,—что ты могъ бы помочь, хоть отчасти, если бы взялъ дѣло въ свои руки, напримѣръ, пріобрѣлъ бы его за половинную цѣну, вѣрно будетъ аукціонъ для гамбургской фирмы, а тамъ повелъ бы все въ меньшемъ размѣрѣ.

— Шалишь!.. Спасать тебя... Да подобные идеологи хуже мошенниковъ! Большею частью несчастій міръ обязанъ имъ: они, какъ чудовища, врываются въ *дѣйствительную* жизнь, льстивыми рѣчами завлекаютъ людей на край пропасти и низвергаютъ ихъ въ бездну... Надо бы противъ нихъ прибѣгать къ предохранительнымъ мѣрамъ... Продолжать эксплоатацію въ меньшемъ масштабѣ?—снова заговорилъ онъ.— У меня довольно поводовъ восхищаться дѣломъ и при *такомъ* ходѣ... Одинъ, два человѣка побывали, распросили о купаньи да и пропали... А теперь по странду разгуливаютъ птицы, пара сорокъ и единственная пара голландцевъ. А такъ какъ ничего другого нѣтъ, то они чудесно довольствуются Блонхенберговскимъ отелемъ...

— Не моя вина, дядя, что въ послѣднюю минуту все не закончено еще; акціи упали въ цѣнѣ.

— Разумѣется, нѣтъ, все дѣло въ этихъ ничтожныхъ—деньгахъ!... Если бы онѣ пришли, глядь... О-го! Ликвидируй, объявись банкротомъ, говорю я тебѣ, и не показывайся въ городѣ. Г-нъ консулъ Людерсъ заблагоразсудилъ предъявить мнѣ искъ на восемнадцать тысячъ кронъ: разумѣется, я не заплачу ихъ, а онъ уличитъ тебя въ растратѣ кассы, отдастъ подъ судъ.

— Онъ *можетъ* это, дядя!—упавшимъ голосомъ отвѣчалъ Фостэ.— Я не отрицаю, я взялъ изъ кассы одиннадцать тысячъ, когда акціи считались еще золотомъ и могъ возвратить ихъ черезъ три-четыре недѣли...

— Такъ, такъ... Я предлагаю тебѣ пятьсотъ кронъ, если ты пожелаешь отправиться съ ними въ Америку, ради твоей бѣдной матери, отчасти, чтобы спасти честь твоей семьи... Хе-хе—приглашать меня въ свое предпріятіе! Стоитъ только вспомнить судьбу моихъ блаженной памяти трехъ съ половиной тысячъ, чтобы вызвать у человѣка охоту продолжать... Взять на свою голову весь курортъ! Какъ сказано—пятьсотъ кронъ,—дядя Іооль открылъ конторку.

— Благодарю, благодарю, дядя, этимъ путемъ я не пойду. Прощай! Будь здоровъ!..—Въ дверяхъ онъ пріостановился.—Дай Богъ тебѣ избавиться отъ бронхита. Ты былъ хорошимъ человѣкомъ...

Медленно возвращался Фостэ домой, машинально раскланиваясь то съ однимъ, то съ другимъ.

Городъ предсталъ предъ нимъ въ совсѣмъ измѣненномъ, страннымъ кладбищенскомъ свѣтѣ. Заботы, работа отошли на задній планъ. Онъ чувствовалъ себя болѣе непонятымъ, чѣмъ если бы онъ очутился въ чужой далекой странѣ. Прочіе могли горевать и сочувствовать другъ другу. У нихъ было на это право. Они жили одною жизнью...

«А я?—раздался крикъ въ его душѣ, — если умретъ мать, если Сельви потеряетъ своего сына? Моя душа должна замкнуться въ себѣ. Я долженъ скрываться отъ самого себя, перестать чувствовать!...

Возится въ залѣ ребенокъ, всѣ радуются готовы торжествовать... Умри онъ—они плачутъ отъ избытка сердца. А я?—у меня столько матерей, столько старыхъ и малыхъ, которыхъ я привелъ на край гибели и которымъ, быть можетъ, придется прожить всю жизнь въ нищетѣ... Безразлично, буду ли я прясть въ смирительномъ домѣ или сбѣгу. Я выкинутъ за бортъ... Немезида свершила свой судъ. Людерсъ не нуженъ. Мнѣ чужды горести и радости жизни, я могу только, какъ мертвецъ, заглядывать въ ея окно. Казнись, потому что ты отнялъ радость у стольких**ъ**»!...

Онъ шелъ съ леденящемъ ощущеніемъ, какъ будто теряетъ разсудокъ.

Дома онъ кивнулъ Дитлеву, потрепалъ его по плечу, погладилъ по головѣ, но отошелъ отъ него, какъ только замѣтилъ, что тотъ уставился на него съ выраженіемъ какого-то страха.

Идіотъ былъ близокъ къ истинѣ.

Фостэ походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и подсѣлъ къ матери, которая лежала на кушеткѣ.

Онъ взялъ одну изъ ея распухшихъ рукъ, сталъ толковать объ ея ревматизмѣ и пришелъ въ себя изъ глубокаго забытья и разсѣянности только тогда, когда она притянула его къ себѣ и поцѣловала его влажный лобъ.

Онъ испыталъ странное ощущеніе: ея поцѣлуй былъ для него чѣмъ-то чисто-внѣшнимъ, ужасное чувство: онъ—внѣ жизни.

Вся комната представлялась ему въ блѣдномъ свѣтѣ, словно онъ здѣсь покончилъ съ жизнью и теперь присутствуетъ въ качествѣ призрака.

Онъ поднялся къ себѣ въ контору, осмотрѣлся, разсѣянно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, кое-что вынулъ, словно собирался уѣзжать; и вдругъ старательно и съ удовольствіемъ сталъ собирать и складывать листы своей драмы, и наконецъ связалъ ихъ веревкой.

На небольшой карточкѣ, которую онъ вложилъ внутрь, онъ написалъ:

«Дорогая Бера! Прочти и спрячь также и это вмѣстѣ съ остальнымъ. Благодарю!

«Всегда твой Фостэ».

Въ кухнѣ онъ поручилъ дѣвушкѣ отнести пакетъ къ Гюллингамъ.

Онъ заглянулъ въ общую комнату и глядѣлъ туда съ минуту, прежде чѣмъ уйти.

По дорогѣ на скалы онъ остановился ненадолго, разглядывая витрину у оружейнаго магазина Дюнгагена.

Онъ ни секунды не намѣривался купить себѣ револьверъ, но онъ почувствовалъ сильную боль въ головѣ, глубоко въ мозгу, отъ этого долгаго стоянія,—мысли его были далеко, далеко...

У Бредеровъ Дина съ сестрой плакали. Пропало ихъ маленькое при-

даное.. Людерсъ былъ внѣ себя и жаждалъ мести. Таможенный инспекторъ и старикъ Клюверъ кричали, что онъ долженъ быть арестованъ и посаженъ въ тюрьму... Сельви ушла въ себя и молчала. Нѣкоторые иронизировали, а старый Трюггесенъ отпускалъ остроты.

Ни за что на свѣтѣ Фостэ не пошелъ бы теперь по улицамъ.

Онъ видѣлъ весь городъ словно въ видѣніи, и шелъ преслѣдуемый всею его скорбью, воплями, отчаяніемъ и жалобами...

А съ косы шли они, мужчины и бабы съ дѣтьми на рукахъ, весь мелкій людъ, это было цѣлое шествіе! Они требовали справедливости и спрашивали, гдѣ можно найти его, который обманулъ ихъ за ихъ же жалкіе гроши?

Онъ почувствовалъ несказанное облегченіе, когда послѣдній выступъ скалы скрылъ за собою городъ.

Наконецъ то, онъ одинъ!

Море широко разстилалось. По небу неслись черныя тучи съ рѣдкими просвѣтами. На скалахъ висѣло много обломковъ, быть можетъ, сегодня прибавится еще.

Его жизнь была совершенно разбита.

«Скоро покончилъ ты, Фостэ! — двадцать семь лѣтъ... А ты уже готовъ предстать предъ Господомъ!»

Да, онъ, какъ мать, вѣрилъ всѣмъ сердцемъ, а разсуждалъ какъ скептикъ, и какъ-то онъ согласуетъ это!

«Я только позволю себѣ просить какъ милости, установить нѣкоторыя мелочи. Напримѣръ, по какому праву мать ходитъ скрюченная или Дитлевъ явился на свѣтъ идіотомъ?.. Вообще, спрошу я обо всѣхъ несчастныхъ, надѣленныхъ различными недостатками,—хромыхъ, слѣпыхъ, идіотахъ. Или тѣ, которымъ, напротивъ, дано слишкомъ много,— развѣ дары эти не соотвѣтствуютъ требованіямъ жизни, а только налагаютъ ужаснѣйшую отвѣтственность? Напримѣръ, я? Помимо всего остального, я надѣленъ еще даромъ убѣждать, что прежде всего обманываетъ и вводитъ въ заблужденіе меня самого, а затѣмъ вовлекаетъ въ несчастье и моихъ ближнихъ. Я могъ бы впасть въ искушеніе спрашивать, да, да! говоритъ отъ писанія. Бѣдный тигръ предъ судилищемъ по обвиненію за многихъ, многихъ овецъ... Что ему отвѣчать? — единственно— показать свои когти и сказать: Ты, Господи, далъ мнѣ ихъ, не для того ли, чтобы я пользовался ими? Или это излишекъ, которымъ ты наградилъ меня по разсѣянности во время твоей великой работы творенія? Теперь, стоя здѣсь, я хотѣлъ бы еще спросить, почему заставилъ Ты меня пресмыкаться по землѣ отъ камня къ камню какъ змѣя, съ распущенными крыльями, въ силу чего я имѣлъ право думать, что могу летать?.. Спрашивай, спрашивай, Фостэ! Никто тебѣ не отвѣтитъ...

«Съ такимъ же успѣхомъ спрашивай у волнъ, которыя бушуютъ у подножія утесовъ... Пѣнятся, грохочутъ и бурлятъ и ложатся снова внизу, словно кружевное покрывало...

«Это красиво. Но какъ это безобразно, прозаично, грязно сѣро, когда волны разбиваются о скалы; никто не сравнитъ ихъ ни съ кружевами, ни съ радугой!

«А тамъ дальше прибой ведетъ упорнуюборьбу съ отмелью, покрытой морскою травой, въ которой все время свиститъ вѣтеръ. А вольны бѣгутъ со стономъ, завывая, съ хохотомъ обращаются вспять, словно въ объятіяхъ одна у другой.

«Чу, Фостэ, вотъ отвѣтъ... Море обращается въ бѣлый четыреугольный колеблющійся катафалкъ, изукрашенный волнистымъ орнаментомъ съ бахрамой по краямъ, онъ возвышается среди мелкихъ камней».

Снова послышался тотъ же глухой шумъ прибоя у отвѣсной скалы. Онъ возобновлялся черезъ правильные длинные промежутки, когда волны достигали наибольшей величины и, кидаясь на каменную стѣну, снова падали внизъ.

Фостэ избѣгалъ смотрѣть туда, отворачивался, но его тянуло именно туда.

Было еще свѣтло, не смерклось. При полномъ отсутствіи свѣта желалъ бы онъ уйти въ вѣчный мракъ. Тамъ было что-то, что погружалось и снова всплывало на верхъ.

Его вниманіе устремлялось туда помимо его воли, онъ долженъ былъ изслѣдовать это ближе.

Вотъ обрисовалась будто голова человѣка... Вотъ всплыли плечи...

Онъ поблѣднѣлъ. Неужели это его собственный трупъ лежалъ и качался тамъ? Неужели и онъ будетъ лежать тамъ рядомъ съ нимъ?

Не помѣшался ли онъ? Онъ видитъ себя самого тамъ неподвижнаго, блѣднаго, обезображеннаго...

Онъ пристально всматривался съ леденящею дрожью въ эту сторону смерти.

Теперь всплылъ цѣликомъ на поверхность обломокъ, расколотый бортъ лодки. «Остатокъ крушенія, какъ моя собственная жизнь...» А все идетъ своимъ чередомъ! Онъ былъ не въ силахъ продолжать думать. Въ безсильи, тяжело опустился онъ въ разсѣлину, гдѣ выступъ скалы защищалъ его отъ вѣтра. Полулежа, прислонился онъ головой къ камню; сумерки безшумно спускались, словно занавѣсъ... Взошли звѣзды, вѣтеръ тихо шепталъ непонятныя рѣчи.

Онъ сидѣлъ на старой, поросшей мхомъ, каменной скамьѣ дома въ бесѣдкѣ. По прежнему гудѣлъ шмель въ черно-желтой шубкѣ,— плотный и толстый. Вотъ онъ взобрался на мясистый липкій листъ тополя. Тяжело и развалисто старался онъ удержаться, но долженъ былъ выпустить добычу. Онъ съ гудѣньемъ летѣлъ на него.

Что случилось?... Онъ почувствовалъ уколъ въ ногу...

Теперь это обратилось въ зеленую скамью на Церковной площади; онъ сидѣлъ уже тамъ. Всѣ они идутъ и не видятъ его, ни тѣ, кто

имѣетъ акціи, ни тѣ, у кого ихъ нѣтъ. Удивительно, сколько народу на улицѣ? Вѣроятно, какой нибудь праздникъ, въ церкви или... Всѣ идутъ молча.

Почти весь городъ, и старые, и молодые, принаряженныя дѣвушки съ бантами, кучками или попарно.

У самого у него удивительно выросла нога и онъ замѣтилъ, что стоило ему ступить пяткой на холмъ, чтобы это уже произвело на нихъ свое дѣйствіе.

Ему пришло въ голову, что онъ можетъ помѣшать имъ разойтись, если придавитъ ногу къ землѣ.

Онъ попробовалъ слегка два, три раза...

Кристина, Минка, Тона повернули, словно они шли въ Большую улицу.

Надо попробовать еще. Онѣ завертѣлись тамъ и сямъ. Даже самъ таможенный инспекторъ и Ристингъ сдѣлали пол-оборота.

Чѣмъ чаще онъ ступалъ, тѣмъ сильнѣе сказывалось дѣйствіе.

Онъ принялся ступать всею тяжестью ступни и они вертѣлись все скорѣе и скорѣе, кучка за кучкой, точно въ танцѣ.

Онъ сталъ бить ногою, правильно въ тактъ,—удивительно разжигающая мелодія.

Все быстрѣе и быстрѣе вертѣлись они вокругъ.

Онъ стучалъ и стучалъ, топалъ и гремѣлъ такъ, что отзывалось въ ногѣ, все чаще и чаще.

Онъ вертѣлъ всѣми такъ, какъ если бы это было колесо, стучалъ и стучалъ гигантской ступней, такъ что въ воздухѣ стоялъ свистъ словно отъ вихря.

Съ торжествомъ побѣды чувствовалъ онъ свою силу, и все топалъ ногою, которая все выростала.

Онъ проснулся съ крикомъ ужаса.

«Не сталъ ли уже я сатаной!».

Онъ постоялъ съ минуту, осматриваясь, чтобъ убѣдиться, гдѣ именно онъ былъ, и взглянулъ на ногу. Недоставало того только, чтобы она почернѣла и пріобрѣла копыто!

Собственно все то же... Та же способность, силою которой онъ заставилъ вертѣться всѣхъ акціонеровъ, вызвалъ всю эту сумятицу.

Да, сила!—удалиться съ поля битвы, не растративъ своихъ силъ? молніей мелькнуло у него,—онъ *могъ бы* еще жить.

Кровь отхлынула отъ сердца къ лицу.

Если бы только на тетивѣ была опять стрѣла... Торопливо, словно желая оградить себя еще отъ какого-то навожденія, пошелъ онъ на скалы.

Не уменьшая шага, онъ бросилъ взглядъ, другой назадъ, на обрывъ, который бѣлѣлъ въ темнотѣ. Сильно возбужденная жизненная сила потрясла его нервную систему...

Домой и снова на борьбу...—подзадаривало его, какъ лошадь ударъ хлыста.

Онъ остановился, только завидѣвъ отдѣльные дома города.

Здѣсь опять лицомъ къ лицу сталкиваешься съ фактомъ: каждый человѣкъ, извѣстный тебѣ и неизвѣстный, можетъ судить тебя на улицахъ и въ конторахъ!

«Развѣ я не желалъ заставить всѣхъ повиноваться моей волѣ? Нѣтъ, я не долженъ увлекаться положеніемъ. Цѣлый городъ, конечно, умнѣе меня. Теперь они всѣ поняли, что Фостэ—дуракъ, идіотъ, только на другой ладъ, чѣмъ братъ Дитлевъ».

Нѣсколько блѣдныхъ звѣздочекъ мелькнули между облаками, и когда Фостэ различилъ свой домъ впереди, онъ съ пытливымъ вниманіемъ сталъ всматриваться, есть-ли свѣтъ хоть въ одномъ окнѣ.

Ни въ общей комнатѣ, ни въ спальнѣ у матери. И такъ, они не чувствовали его отсутствія, не замѣтили, что онъ ушелъ. Входя въ садовую калитку, онъ вдругъ замѣтилъ на дорогѣ фигуру. Она казалась напуганной и хотѣла убѣжать.

«Бера? Бера? Это должно быть она»!

Ему пришло въ голову, что у нея, должно быть, закралось подозрѣніе по поводу его записки, и она могла ждать его, искать!

Однимъ прыжкомъ онъ очутился подлѣ нея.

— Ты здѣсь, Бера!

— О, я такъ боялась! я все ходила и смотрѣла, не идешь ли ты, придешь ли ты когда нибудь!—она судорожно сжала руки.

— Понимаю... понимаю... Я чувствую себя, какъ пойманный воръ! Нѣтъ,—могу тебя успокоить,—твой потерпѣвшій пораженіе бывшій другъ хочетъ жить, хочетъ бороться.

— Не шути, Фостэ! Ты не кончилъ жить... Ты еще и *не начиналъ*. Я всегда чувствовала, что это не для тебя. Что я могу тебѣ сказать?... У тебя есть запасъ не тронутыхъ силъ и способностей. Отчего бы не писать обо всемъ, о чемъ ты думаешь? Я начала читать пьесу, которую ты мнѣ прислалъ, и, мнѣ казалось, я жила въ ней. Но вдругъ меня охватилъ страхъ, *зачѣмъ* ты мнѣ прислалъ ее? Я бросилась къ твоей матери; но она и Агнета были далеки отъ мысли о какомъ-либо несчастьи, я побоялась напугать ихъ. Отъ прислуги я узнала, что ты вышелъ, что тебя нѣтъ въ комнатѣ... Я ходила здѣсь взадъ и впередъ въ смертельномъ страхѣ, искала, смотрѣла и прислушивалась.

— Господи, да развѣ, въ сущности, не было бы лучше для всѣхъ, если бы этотъ скучный, стѣснительный субъектъ устранился, сократился и незамѣтно исчезъ изъ міра: ни на грошъ, не понимаю я во всемъ этомъ!

— Нѣтъ, Фостэ, это не было бы лучше—для меня.

— Ты говоришь это, Бера? Неужели такая безталанная, потерпѣвшая фіаско особа можетъ еще интересовать тебя?

— Что ты болтаешь, Фостэ! Ты и все твое...

Онъ схватилъ обѣ ея руки и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Нѣтъ, теперь ты скажешь! Теперь я узнаю... Одно пораженіе я уже понесъ и могу вынести еще одно.... Такъ ли это? Возможно ли, чтобы ты могла соединить свою судьбу со мною, у котораго такое прошлое... Неужели ты—такая ясная, умная, честная—могла бы любить меня?

— Да, именно это я хочу сказать. Въ тебѣ, Фостэ, весь мой міръ! Безъ тебя для меня ничто не существуетъ,—теперь я такъ хорошо сознаю это.

— Но вѣдь это все равно, что броситься со скалы, Бера! Храни тебя Господь, дитя!

— Сколько въ тебѣ горечи, бѣдный!—сказала она и подняла къ нему лицо.—Но ты увидишь, все будетъ еще хорошо... Мы добьемся этого вдвоемъ... Да, Фостэ?

Онъ обнялъ ее.

— Говори, говори... Это звучитъ, какъ чудесная, далекая пѣсня сирены! Мнѣ кажется, я стою и крѣпко держу тебя среди прибоя.

— Волны запѣнятся еще,—ты увидишь,—когда мы вдвоемъ...

— Бера! Бера!—шепталъ онъ.—Повтори, о повтори еще и еще, что ты любишь меня, чтобы я вникъ въ это, понялъ...

XV.

Фостэ и Бера оба одинаково желали сейчасъ же вѣнчаться. Она хотѣла пережить съ нимъ это время.

Новость эта произвела не малое впечатлѣніе въ городѣ и положила предѣлъ выраженіямъ нескрываемой жажды мести въ извѣстныхъ кругахъ.

Случилось, что Фостэ и Бера получили приглашеніе отъ дяди Іооля.

Онъ былъ удивленъ, пораженъ, онъ всегда полагалъ, что умственныя способности Беры Гюллингъ въ прекрасномъ, наилучшемъ состояніи. Но что подѣлаешь,—нынче ничему нельзя удивляться!

— Да, вы собираетесь, какъ говорятъ, начать писать, теперь создать себѣ карьеру перомъ, построить предпріятье на хорошемъ запасѣ фразъ и звонкихъ словъ, миражей и мыльныхъ пузырей! Иначе говоря, открыть болѣе возвышенную торговлю, только отраженіями настоящихъ вещей... Да, да, да, во всякомъ случаѣ, здѣсь не много риску, нѣтъ отвѣтственности за такія воздушныя вещи! Я прочелъ пьесу, которую вы, дорогая, прислали мнѣ,—«Мамонъ». Теперь она уже отослана въ театръ!... Я прочелъ ее въ одинъ присѣстъ. Надо сознаться, я наслаждался, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самъ не фигурируешь... Удивительно схвачено, нельзя не согласиться,—мой старый почтенный конкурентъ банкиръ Бекманъ весь на свѣту, словно въ него вставленъ фонарь... Необычайно запутанный механизмъ, человѣкъ. Да, что гово-

рить! Время заразило и меня. У меня тоже идеи. Одиноко жилось эти годы старику. Что вы говорите? Не будете ли вы сговорчивыми настолько, чтобы согласиться оставить сіи пріятныя палестины и поѣхать со мною на нѣкоторое время на югъ, гдѣ я долженъ обосноваться?... Мы можемъ быть полезны другъ другу,—мы съ племянникомъ съ давнихъ поръ привыкли непосредственно обмѣниваться своимъ житейскимъ опытомъ, а съ вами мы вѣрно сойдемся... Могу сообщить тебѣ, милый Фостэ, что я рѣшилъ послѣдовать твоему мудрому совѣту и основать «учрежденіе», какъ ты въ свое время считалъ меня обязаннымъ. Мое предложеніе внесено. Я беру отель съ землей и постройками по берегу,—все, что лежитъ внѣ городской черты,—за треть цѣны, уплоченной акціонернымъ обществомъ. Я хочу обратить его въ курортъ для страдающихъ бронхитомъ и для слабогрудыхъ,—я совѣтовался уже по этому поводу съ докторомъ Фалькенбергомъ... Здѣсь на лицо всѣ возможныя преимущества, какъ ты убѣдительно изображалъ въ своихъ проспектахъ—отсутствіе вѣтра, соленый воздухъ, ароматъ сосны, моря и горъ,—гдѣ найдешь болѣе благопріятныя условія? А вѣдь не всѣ находятся въ такомъ положеніи, какъ мы втроемъ, и не всѣ могутъ ѣхать на югъ...

XVI.

Фру Форландъ лежала въ своей спальнѣ, обративъ къ окну большіе, кроткіе глаза, и смотрѣла на послѣдніе желтые листья, время отъ времени падавшіе съ липы. На деревѣ прыгала одна изъ запоздалыхъ перелетныхъ птицъ; быть можетъ, у нея уже не хватало силъ, и она хотѣла перезимовать дома,—найти послѣднее ложе въ снѣгу?...

Было такъ пріятно,—почти облегчало страданія, лежать такъ и думать обо всемъ, о Фостэ съ Берой...

Они свили себѣ гнѣздышко здѣсь же въ домѣ—до своего отлета на югъ, до пробы крыльевъ. Онъ словно воздѣлывалъ другое поле.

Онъ еще не могъ вполнѣ повѣрить тому, что прояснило, какъ то затихъ, и въ глазахъ явилось выраженіе страданія; она могла читать въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, все, что его мучило... Нужно время, чтобъ все это могло сгладиться и улечься.

Явилась Бера, и все съ него какъ бы слетѣло. Своей непоколебимой вѣрой въ него она возбуждала теперь его прежде столь необузданный духъ, и могла создать новое будущее, исправить все случившееся. Мысль уже влекла его къ новому дѣлу.

А тутъ еще радостная вѣсть, что пьеса его принята къ постановкѣ на столичной сценѣ! Словно двери открылись предъ ними.

Фру Форландъ лежала и вспоминала вишневое дерево и Фостэ, какъ онъ кричалъ «а я цвѣту»,—и почувствовала радостную увѣренность, что съ нимъ взросло древо духа.

И надъ ея Агнетой взошло опять солнышко. Не трудно угадать, о чемъ идетъ рѣчь. Дешеръ искалъ предлоговъ ежедневно встрѣчаться съ нею, послѣ возвращенія съ маневровъ.

Удивительное бываетъ стеченіе обстоятельствъ... отрадно подумать... Дитлевъ, наконецъ, переселился въ лучшій изъ міровъ...

Докторъ Фалькенбергъ и Сельви часто заглядывали это время къ фру Форландъ. Опасались, что ревматизмъ падетъ ей на сердце. Было слишкомъ много сильныхъ ощущеній, болѣе, чѣмъ могли вынести ея нервы и силы, хотя она и принимала все, повидимому, съ такою радостью.

Позднею осенью лежала она,—въ глазахъ ея отражался міръ ея мыслей, со слабой улыбкой, какъ будто она видѣла что-то.

Фру Форландъ не боролась, она скорѣе съ кротостью оглядывалась на пережитую борьбу, а бороться ей приходилось столько въ жизни.

Во всемъ этомъ былъ смыслъ,—этого нельзя отрицать!... во всемъ, начиная съ того, что ей выпалъ жребій ходить скрюченной и сгорбленной, такъ что она не могла поднять головы и взглянуть вверхъ, а когда-то она была удивительно стройной женщиной!—и кончая постоянно навертывающимся вопросомъ о Дитлевѣ.

Она выдержала тяжелую борьбу... Она не могла отказаться отъ мысли, что ея судьба вознаградится въ будущей жизни. Она не должна была покидать эту мысль... Или это,—или нѣтъ ничего.

Много боролась она, теперь это кончено. Почему это легло на меня? Я хочу обратно на землю. Но вода черезчуръ холодна, огонь слишкомъ горячь. Гнѣвъ Божій живетъ въ нихъ.

Ночью, ей опять снился старый пріятный сонъ, она снова была въ церкви и голосъ ея наполнялъ все и такъ удивительно чисто и свободно звучалъ подъ сводами, въ то время, какъ Дитлевъ дирижировалъ хоромъ у органа.

Она заснула.

Осеннее солнце проникало у краевъ ширмы. Время отъ времени птица разъ-другой стукнетъ по рамѣ.

Фалькенбергъ тихонько скользнулъ въ комнату...

Дыханіе затихало постепено...

Вдругъ во время вздоха, сильнаго точно побѣдный кличъ,—она поднялась съ подушки съ простертыми руками, выпрямилась—«а-ахъ, я иду»... Ея горбъ исчезъ,—глаза освѣтились полу-улыбкой, и стройно и прямо откинулась она на постель!

XVII.

Пароходъ въ сумерки отвалилъ отъ берега.

Дядя Іооль ушелъ въ каюту, остерегаясь рѣзкаго вечерняго воздуха, а Вера съ Фостэ гуляли по палубѣ. Они оба чувствовали, что переживали рѣшительный моментъ.

Кое-гдѣ еще были раскиданы красноватыя облачки, темнѣвшія къ гаризонту и къ морю.

Двѣ выдры высунулись надъ водой, и у Фостэ мелькнуло ощущеніе, что прошлое съ его правами и требованіями еще тянулось за пароходомъ, на которомъ онъ ѣхалъ,—точно клешни краба, который хотѣлъ схватить его.

— Знаешь, Фостэ,—я часто разсматривала твою угловатую голову,—пошутила Бера,—она такая шишковатая. Потому, вѣроятно, въ ней столько необыкновеннаго?—замѣтила она.

Фостэ не слышалъ. Онъ ходилъ, охваченный сильнымъ настроеніемъ.

Немного спустя онъ стоялъ у конторки и писалъ:

«Море пѣнится, палуба накренилась, а вокругъ вздымаются сердитыя волны, все смывая и унося съ собой. Но гдѣ же капитанъ?

«Они шли, не страшась бури и вѣтровъ, все впередъ и впередъ, они искали путь на родину. Тамъ, за лѣсистымъ холмомъ высятся скалы, на нихъ вздымается зубчатая башня, достигая своимъ острымъ шпилемъ до самаго неба.

«А вокругъ много разорванныхъ парусовъ, много судовъ, разбитыхъ въ щепы.

«Сквозь снѣгъ и вѣтеръ они шли полнымъ ходомъ, и буря наконецъ стихла.

«Но никогда не нашли они того человѣка, который погибъ здѣсь въ волнахъ. Они искали его по берегамъ и внутри страны, но онъ пропалъ вмѣстѣ съ судномъ.

«Куда онъ исчезъ, что съ нимъ случилось?—Онъ предпринялъ дивное дѣло: онъ уплылъ въ небесное море, туда, куда не достигаетъ взоръ.

«Видишь ли ты подъ вечеръ въ морскихъ брызгахъ оснащенный корабль? Онъ идетъ на всѣхъ парусахъ, и мѣсяцъ служитъ ему маякомъ. Его трапъ спускается въ свѣтлый серебристый потокъ. И все, что знаютъ на землѣ о плаваніи этого судна, знаютъ только изъ золотыхъ сновидѣній...

«Глубокая пучина разверзается тамъ, а сердце сжимается, словно въ тоскѣ, когда въ ночной тиши загорятся звѣзды и отразятся въ слезахъ раскаянія.

«Тамъ идетъ онъ по лазури, и радуга служитъ ему парусомъ. Тамъ потерпѣвшій крушеніе можетъ бороться, хотя бы судно подъ нимъ раскололось».

А пароходъ нырялъ, покачиваясь въ волнахъ, и лишь одинокій маякъ мерцалъ въ вечернемъ сумракѣ.

КОНЕЦЪ.

СИРОТА.

(ИЗЪ ИСТОРІИ ОДНОЙ СѢРЕНЬКОЙ ЖИЗНИ).

Повѣсть М. АЛЬВОВА.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Грѣхъ.

XXIV.

Кончился плаксивый апрѣль, протекли дни, такъ называемаго, „веселаго“ мая, и на дворѣ стоитъ душный іюнь.

Наступилъ петербургскій „мертвый сезонъ“.

Все такъ же, по старому, хмурится бурый домъ на ожившую и повеселѣвшую улицу, какъ будто для него нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, что на дворѣ уже лѣто.

По прежнему, въ ранній утренній часъ разѣвается тяжелая дубовая дверь, выплевывая сѣдого старикашку-швейцара Ивана Шувалова, съ тѣми же его неизмѣнными стертымъ кирпичикомъ и тряпкой въ рукахъ, необходимыми для приведенія бронзовой ручки дверей въ блистательный видъ. Но дѣлается это уже такъ, по привычкѣ. И каменнолицыя дѣвы, неустанно, по прежнему, держащія на своихъ головахъ портикъ подъѣзда, молчаливо созерцая эту работу, какъ бы хотятъ сказать старикашкѣ:

„Эхъ, братъ, совсѣмъ ты все это напрасно теперь! Кому это надобно? Положимъ, наше вотъ уже дѣло такое, что приходится торчать неотступно круглыя сутки... Такъ за то мы и каменныя... А ты-то для кого здѣсь стараешься?“

Всѣ окна департаментскихъ залъ отворены настежъ. Въ нихъ несутся задорное чириканье воробьевъ и уличные звуки и крики. Душно и томно. Работается лѣниво и туго, въ силу привычки, или, вѣрнѣе, лишь потому, что нужно, вѣдь, все равно, что-

---

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1901 г.

нибудь дѣлать... „Генералъ“ въ отпуску. Замѣщающій его на это время вице-директоръ проживаетъ на дачѣ и только на какихъ нибудь полчаса пріѣзжаетъ на службу.

Врывающаяся съ улицы жизнь невольно тянетъ вниманіе къ окнамъ. Вонъ гдѣ-то кричатъ... Одновременно всѣ чиновники подняли головы и стали прислушиваться... Что тамъ такое случилось?

Одинъ всталъ, подошелъ и смотритъ на улицу. Къ нему присоединились еще двое-трое. Обмѣниваются между собой замѣчаніями.

— Ахъ, онъ, мерзавецъ!

— Глядите, глядите, хочетъ удрать!

— Ну, нѣтъ, братъ! Шалишь!

— Да на что вы тамъ смотрите? — крикнетъ кто-нибудь изъ сидящихъ на мѣстѣ.

— Извозчикъ на бабу наѣхалъ...

— Задавили?

— Нѣтъ, ничего... Вонъ и полиція! Обоихъ потащили въ участокъ...

На улицѣ все успокоилось и зрители разсѣлись опять по мѣстамъ.

— Господи, какъ хочется ѣсть! — мается кто-то.

Многіе, то и дѣло, глядятъ на часы. Кто-нибудь скажетъ:

— Ужасно, какъ долго тянется время!

Всѣ мнѣнія согласны на томъ, что время, дѣйствительно, тянется до невыносимости долго.

Разминаютъ онѣмѣвшіе члены... Зѣваютъ... Потягиваются...

Но вотъ часы, что висятъ на площадкѣ передъ входомъ въ пріемную, медленно, мѣрно, отбиваютъ четыре удара...

Департаментскія залы пустѣютъ. Еще громче, назойливѣе врывается въ открытыя окна столичная жизнь.

XXV.

«Вечоръ поздно и-и-изъ лѣсочка
Я коровъ домо-о-ой гнала-а...
И спусти-илась къ ру-у-учеечку
Близъ зеленаго лужка...»

несется и разливается пѣсня, звонко отдаваясь во всѣхъ уголкахъ бураго дома.

Яркій солнечный день догораетъ. Душный воздухъ совершенно недвижимъ... А пѣсня гуляетъ на полномъ раздольѣ, ліясь изъ чьей-то молодой женской груди, которая поетъ ее, эту пѣсню, гдѣ-то, въ глубинѣ погруженнаго въ вечернюю нѣгу двора... Она, эта пѣсня, проникаетъ во всѣ закоулки: и въ сумракъ пустой „галдареи“ и, сквозь открытыя настежъ окошки, въ самыя нѣдра

квартиръ... Всѣ обитатели бураго дома притихли за своими остывшими или испускающими послѣдній вздохъ самоварами и слушаютъ, потряхивая лишь головами, да кидая, отъ времени до времени, короткія замѣчанія:

— Хорошо поетъ, бестія!

— Ишь, ишь, какъ ее!

— Н-да, и горлышкомъ Богъ наградилъ! — умиленно сипитъ надворный совѣтникъ Трубадуровъ, который, вслѣдствіе своей безпримѣрнѣйшей тучности, весь день задыхался отъ зноя и засѣдаетъ теперь, въ одномъ бѣльѣ, у раствореннаго настежъ окошка, передъ стаканомъ простывшаго чая. Произноситъ онъ свою аттестацію, обращаясь въ глубь комнаты, гдѣ одна изъ его двухъ дѣвицъ-дочерей, давно уже числящихся на линіи невѣстъ, сидитъ у стола съ самоваромъ и перемываетъ посуду, а другая лежитъ на диванѣ и, подперевъ рукой голову, раскладываетъ задумчиво карты, между которыми непремѣнно присутствуетъ, во всѣхъ комбинаціяхъ, трефовый король...

«Лишь со мной, со мной онъ поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня»,—

знай себѣ, между тѣмъ, несется и разливается пѣсня...

Поетъ ее, эту пѣсню, молодая прачка Варвара. Вороха юбокъ, рубашекъ и прочаго въ этомъ родѣ добра, собраннаго чуть не со всего бураго дома, въ видѣ правильныхъ кучекъ, бѣлѣютъ по всему пространству низенькаго подвала со сводами, въ которомъ обитаетъ она вмѣстѣ съ мужемъ. Осталось уже немного догладить, и Варвара спѣшитъ сегодня же окончить эту работу, пока еще солнце не скрылось. Правая рука ея съ утюгомъ мѣрно снуетъ взадъ и впередъ, и крѣпкіе, упругіе мускулы на этой рукѣ такъ же мѣрно вздуваются и опадаютъ, въ ладъ колыханью полуобнаженной груди, что виднѣется поверхъ ворота скатившейся съ одного плеча по сконной сорочки. Разгорѣвшееся лицо Варвары все сплошь усѣяно мелкими росинками пота. Отъ раскаленной до красна плиты, съ грѣющимися на ней утюгами, въ подвалѣ стоитъ чадная духота, какая бываетъ на банномъ полкѣ. Маятникъ старинныхъ часовъ, съ подвѣшеннымъ къ гирѣ кирпичикомъ, чикаетъ, двигаясь сонно по стѣнкѣ взадъ и впередъ. Въ воздухѣ беззаботно жужжатъ и рѣзвятся, носясь по всему пространству подвала, цѣлыми полчищами, веселыя мухи. На табуреткѣ, въ углу, подъ часами, дремлетъ большой черный котъ, носящій кличку Петрушки.

Павелъ Иванычъ тоже слушаетъ пѣсню. Онъ сидитъ у открытаго окошка въ столовой, передъ своею аппетитною чашкой, въ которую входятъ, въ аккуратъ, два стакана, и смотритъ во дворъ. На Елкинѣ стеганый, на ватѣ, халатъ, на ногахъ мягкія шле-

панцы-туфли. Этотъ халатъ, какъ и туфли, заведены имъ недавно, по кончинѣ уже маменьки, и онъ чувствуетъ себя въ этомъ домашнемъ костюмѣ прекрасно.

Прекрасно онъ чувствуетъ себя и теперь, послѣ того, какъ вернувшись, въ 4 часа пополудни, со службы, онъ съ аппетитомъ съѣлъ свой обѣдъ, потомъ выспался всласть, и вотъ, свѣжій и бодрый, въ мягкомъ, покойномъ халатѣ, обнажающемъ его жирненькую, безволосую, какъ у женщины, грудь, наслаждается яснымъ закатомъ, прихлебывая теплый чаёкъ и предаваясь различнымъ мыслямъ, по поводу голосистой пѣвицы.

„А, право, чудесно поетъ она, эта Варвара... Ишь, какъ выводитъ!.. Прямо, какъ на театрѣ... Положительно, она могла бы пѣть на театрѣ!..“

Развивая далѣе эту идею, Павелъ Иванычъ съ тихою грустью размышляетъ о томъ, сколько силъ пропадаетъ въ нашемъ русскомъ народѣ... „Да будь она, вотъ самая эта Варвара, заправской пѣвицей, кто бы заставилъ ее изводить себя надъ горячей плитою, въ вознѣ съ утюгами?.. Господи Боже, сколько на свѣтѣ людей, которые пропадаютъ въ ничтожествѣ, хотя достойны высокаго ранга и могли бы играть видную роль въ нашемъ отечествѣ!“

Елкинъ обводитъ задумчивымъ взоромъ весь дворъ, „галдарею“, съ ея и теперь, какъ и всегда, унизанной ребятишками лѣстницей, останавливаетъ, на нѣсколько времени, этотъ задумчивый взоръ на виднѣющемся, въ одномъ бѣльѣ, у окна, Трубадуровѣ, озираетъ еще нѣсколько оконъ и замѣчаетъ въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ къ квартирѣ семьи Подзатыльниковыхъ, голову кухарки ихъ Стеши, а немного подальше, въ другомъ окнѣ той же квартиры, голову самой madame Подзатыльниковой... Обѣ головы свѣсились внизъ и слушаютъ пѣсню...

А сверху, надъ ними, виднѣется ясное, безъ единаго облачка, небо, на которомъ горитъ багровое пламя заката.

Въ пѣснѣ, между тѣмъ, излагается діалогъ между дѣвицей, что „спустилась къ ручеёчку“, и бариномъ, который „ѣдетъ съ поля...“ Баринъ задаетъ вопросъ: „изъ какого она села?“

«Вашей ми-и-илости, сударь, крестьянка,
Отвѣчала ему я!»

Словно отрубивъ послѣднее слово, Варвара дѣлаетъ паузу и, топнувъ ногой, восклицаетъ:

— Петрушка! Брысь, окаянный!

Этотъ окрикъ адресованъ къ коту, который покидаетъ свое покойное мѣсто на табуреткѣ, замышляя, повидимому, взобраться на крахмальную манишку Фонтанщикова...

Четвероногій Петрушка спрыгиваетъ на полъ, изгибаетъ спину

дугою и, съ самымъ невиннѣйшимъ видомъ, зѣваетъ. Потомъ, съ цѣлью показать своей хозяйкѣ, что въ его разсчеты входило только намѣреніе подышать свѣжимъ воздухомъ, онъ вскакиваетъ на подоконникъ и исчезаетъ, словно сквозь землю проваливается.

Варвара шумно вздыхаетъ и вдругъ какъ-то тяжко задумывается съ повисшимъ праздно въ рукѣ утюгомъ... Лицо ея, обращенное неподвижно къ окну, гдѣ уже солнце исчезло и мухи разсѣлись по потолку и стѣнамъ, застыло, какъ мертвое... Постоявъ такъ нѣсколько времени, въ оцѣпенѣніи бездушной статуи, она издаетъ новый вздохъ, потомъ, какъ бы опомнившись, срывается съ мѣста и, схвативъ съ плиты горячій утюгъ, принимается вновь. съ какой-то свирѣпой поспѣшностью, гладить... Теперь губы ея плотно сомкнуты и брови нахмурились, съ дѣловою суровостью.

Пѣсня умолкла.

А во дворѣ все померкло. Послѣдній отсвѣтъ заката, алѣвшій тамъ, высоко, на крайней трубѣ бураго дома, потухъ. Головы исчезли изъ оконъ. И Трубадурова теперь ужъ не видно. Даже окно, гдѣ засѣдалъ онъ, захлопнулось. Все облеклось тишиною.

Одинъ только Павелъ Иванычъ по прежнему сидитъ у окна и смотритъ во дворъ.

XXVI.

Если бы кто-нибудь, бывавшій у Елкина при жизни его покойницы матери, теперь его посѣтилъ, ему, пожалуй, подумалось бы, что онъ попалъ къ совсѣмъ незнакомому. Только приглядѣвшись внимательно, можно было узнать многія вещи изъ прежней обстановки квартиры, но онѣ были расположены теперь по иному. Явилось нѣсколько новыхъ предметовъ. А главное, что производило эффектъ, это-то, что вся квартира была отдѣлана за-ново. Потолки рѣзали глазъ своей бѣлизною. Выкрашенные повсюду полы сіяли такъ, что въ нихъ хоть смотрись. Стѣны были оклеены новыми, веселыхъ узоровъ, обоями...

Все это было дѣломъ Семена Семеныча, и онъ каждый разъ, приходя къ Павлу Иванычу, самодовольно осматривался.

Но въ сущности даже и это все было второстепенное дѣло, зависящее только отъ рукъ человѣческихъ. Было здѣсь еще коечто, поразившее, въ первый разъ, даже самого Скворешникова.

Когда квартира была уже совершенно отдѣлана, Павелъ Иванычъ пригласилъ Семена Семеныча и Анну Гавриловну придти къ нему вечеромъ напиться чайку. Этимъ онъ хотѣлъ справить какъ бы нѣчто въ родѣ своего новоселья...

Чаю предшествовала небольшая закуска. Служила имъ какая-то женщина, высокая, смуглая, въ красномъ сарафанѣ, таковомъ же повойникѣ и бѣлой рубашкѣ съ пышными складками, обнажавшими по локоть стройныя и красивыя руки.

Когда она, подавъ на столъ самоваръ, вышла изъ комнаты, Семенъ Семенычъ проводилъ ее глазами до двери, потомъ подмигнулъ Павлу Иванычу и одобрительнымъ тономъ замѣтилъ:

— Славная баба!.. Разстался, значитъ, съ кикиморой?

— То-есть, какъ? — переспросилъ его Павелъ Иванычъ.

— Это, вѣдь, новая?

— Съ чего тебѣ это представилось?

Павелъ Иванычъ разсмѣялся какимъ-то особеннымъ смѣхомъ и воскликнулъ:

— Да, вѣдь, это ужъ не Максимовна?—недоумѣвалъ, въ свою очередь, Скворешниковъ.

— Она самая...—продолжалъ усмѣхаться хозяинъ.

— Врешь!..—возопилъ, пораженный, Скворешниковъ.

— Я тебя увѣряю... Убѣдись, если хочешь... — И Елкинъ громко крикнулъ:—Максимовна!

Женщина въ сарафанѣ появилась изъ кухни...

— Вотъ Семенъ Семенычъ тебя не узналъ... Какъ тебѣ это нравится? Ха-ха-ха!

— Я самая-съ, Семенъ Семенычъ, помилуйте! — отвѣтила клеопатринымъ голосомъ женщина, и усмѣхнулась, блеснувъ бѣлыми зубами, какъ молніей, которая тотчасъ же потухла.—Что жъ, сударь, это очень пріятно, что вы меня не признали... Значитъ, къ богатству!—прибавила она, удаляясь изъ комнаты.

— Фу, чортъ... Въ самомъ дѣлѣ, она! — бормоталъ опѣшенный пріятель Павла Иваныча.—То есть, честное слово, встрѣться я съ ней въ другомъ мѣстѣ—голову на отсѣченіе далъ бы, что это другая!

Въ чемъ же былъ секретъ превращенія?

Положительно можно было подумать, что какой-то свѣтлый геній водворился въ стѣнахъ обновленной квартиры, чтобы изгнать всѣ прежнія мрачныя тѣни, которыя такъ долго царили здѣсь, удручая своимъ угрюмымъ присутствіемъ ея обитателей. Это именно его волшебствомъ, вмѣсто прежней „кикиморы", объявилось совсѣмъ иное лицо, о существованіи коего никогда даже не думалось обоимъ пріятелямъ.

Въ сущности, дѣло было простое.

Клеопатра разсталась со своими темными платьями и сшила себѣ сарафанъ. Вотъ и все, что случилось. А между тѣмъ, въ первый моментъ, когда Павелъ Иванычъ увидѣлъ ее въ этой обновкѣ, онъ растерялся не меньше Семена Семеныча.

Моментъ вышелъ очень эффектный.

Это было за день до посѣщенія Павла Иваныча матерью и сыномъ Скворешниковыми. Елкинъ пришелъ со службы домой и, вмѣсто всегда отворявшей ему дверь Клеопатры, увидѣлъ передъ собой совсѣмъ незнакомую женщину, передъ коей Павелъ Иванычъ въ недоумѣніи даже попятился...

— Что, аль, сударь, меня не узнали?—спросила съ усмѣшкою та.

Можетъ быть, кое-кому покажется страннымъ, но такъ было въ дѣйствительности, что Павелъ Иванычъ не зналъ до сихъ поръ лица своей давнишней кухарки. Не могъ даже представить себѣ... Ея вѣчный темный платокъ, низко надвинутый на лобъ и заслонявшій обѣ щеки, какъ уже было ранѣе своевременно сказано, лишалъ всякой возможности увидѣть черты Клеопатры. Этотъ платокъ, вмѣстѣ съ темнымъ старушечьимъ платьемъ, дѣйствительно дѣлали ее похожею на одну изъ тѣхъ богадѣленокъ, которыя, какъ выразился Скворешниковъ, ходятъ читать по покойникамъ.

Теперь на Павла Иваныча отрыто глядѣло уже безъ платка, лицо женщины лѣтъ тридцати съ небольшимъ, съ лоснистыми прядями черныхъ волосъ, красиво оттѣнявшихся подъ краснымъ повойникомъ, съ сѣрыми большими глазами, огибавшимися парой густыхъ черныхъ бровей. На этомъ лицѣ свѣтилась улыбка, обнажавшая два ряда ровныхъ и бѣлыхъ, какъ сахаръ, зубовъ...

— А что? Лучше я такъ?.. — спросила опять Клеопатра, наслаждаясь, очевидно, смущеніемъ хозяина.

И даже въ тонѣ вопроса ея звучала какая-то новая нота, совсѣмъ необычная въ прежнихъ степенныхъ разговорахъ Максимовны...

Павелъ Иванычъ не нашелся сказать ни единаго слова и прошелъ молча въ комнаты. Но для Клеопатры не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ совершенно подавленъ устроеннымъ ею сюрпризомъ.

Вскорѣ послѣдовали другія открытія, которыя все болѣе и болѣе выставляли Клеопатру въ иномъ, неожиданномъ свѣтѣ. Словно, вмѣстѣ съ новой его обстановкой, передъ Павломъ Иванычемъ проявилась теперь совсѣмъ небывалая женщина.

Сдѣлалось это не сразу, но въ очень короткое время, и въ концѣ концовъ Елкинъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ до сихъ поръ совершенно не зналъ Клеопатры.

Здѣсь произошло нѣчто подобное тому, что наблюдается среди насѣкомыхъ. Чтó можетъ быть общаго между смиренно ползущимъ въ травѣ червякомъ и весело порхающей бабочкой? А между тѣмъ, это одно существо. Процессъ превращенія таинственно

произошелъ въ хризалидѣ, но мы знаемъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо подмѣнѣ.

Вмѣстѣ съ наружной ея оболочкой, въ Клеопатрѣ измѣнились даже поступь, движенія. Смотря на нее, какъ она, легко и упруго ступая по комнатѣ, несетъ самоваръ или съ плавнымъ движеніемъ обнаженныхъ по локоть рукъ дѣлаетъ какую-либо работу, кто въ ней узналъ бы угрюмую, по старушечьи одѣтую женщину, заслужившую отъ Семена Семеныча названіе кикиморы и такъ согласно сливавшуюся со всей удручающей обстановкой этой же самой квартиры, когда-то полной присутствіемъ больной и капризной старухи?..

Да, мрачныя тѣни минувшаго безслѣдно исчезли и, надо думать, никогда уже больше сюда не вернутся!

XXVII.

Какъ-то однажды Клеопатра обратилась къ Павлу Иванычу съ просьбой уступить ей комнату, смежную съ кухней, не имѣвшую опредѣленнаго какого-нибудь назначенія и пропадавшую совершенно безъ надобности. Тамъ помѣщалась разная ненужная рухлядь, въ родѣ отслужившихъ свое время вещей, старыхъ, вонючихъ перинъ и подушекъ, на окошкѣ стоялъ длинный строй стклянокъ и банокъ отъ протухшихъ аптечныхъ лѣкарствъ и тому подобная дрянь.

Получивъ разрѣшеніе, Клеопатра цѣлый день тамъ возилась, а вечеромъ пригласила Павла Иваныча взглянуть на новое ея помѣщеніе.

Вдоль стѣнки стояла длинная изъ досокъ кровать, съ мягкой периной и горою подушекъ, покрытая стеганымъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ всевозможныхъ матерій, въ углу помѣстился образъ въ кіотѣ, съ лампадкой, подвѣшеннымъ къ этой лампадкѣ на ленточкѣ фарфоровымъ пасхальнымъ яйцомъ и прикрѣпленными по бокамъ двумя вербными херувимами, къ окошку приставленъ былъ столъ, а на немъ расположилась швейная шкатулка и зеркальце въ рамкѣ. Почти вся половина противоположной стѣны была заклеена разнаго рода рисунками. Тутъ были и картинки изъ модныхъ журналовъ, и крышки отъ коробокъ изъ подъ конфектъ, съ изображеніями женскихъ головокъ... Но главное мѣсто занимала ярко раскрашенная голубою и розовой красками картинка, лубочнаго стиля изображавшая тучную особу женскаго пола, съ толстыми икрами и безъ всякихъ покрововъ, стоящую передъ фонтаномъ, гдѣ вода била въ три яруса, а внизу была подпись:

Вѣнера.

Остужу тебя струями
Чистыхъ водъ Фонтана;
Волновать Дивичей крови
Ты не будишъ рано!

Павелъ Иванычъ и не подозрѣвалъ, что у Клеопатры столько имущества. Все это помѣщалось ранѣе въ большомъ сундукѣ съ желѣзной оковкой, стоявшемъ у стѣны, подъ картинками. Покрытый шерстянымъ старенькимъ коврикомъ, онъ исполнялъ теперь роль дивана.

Спустя нѣсколько дней, на окошкѣ появился бальзаминъ и герань, а сверху повисла деревянная клѣтка съ какою-то молчаливою птицей.

Сама Клеопатра съ каждымъ днемъ все добрѣла и хорошѣла. Разговорчивости въ ней не прибавилось, но безслѣдно исчезла угрюмость, которою вѣяло отъ прежней темной фигуры въ низко надвинутомъ на лобъ платкѣ. Протяжно сокрушенныхъ вздоховъ, которые раздавались, бывало, изъ кухни, нагоняя тоску на Павла Иваныча, одиноко возсѣдавшаго въ столовой за самоваромъ, въ тишинѣ унылаго вечера, давно уже не было слышно... Теперь Павлу Иванычу случалось даже слыхать иногда, какъ Клеопатра мурлыкала какую-то пѣсню...

Какъ-то разъ, въ воскресенье, она появилась передъ хозяиномъ въ серьгахъ изъ поддѣльныхъ кораллов, а вокругъ ея шеи лежали таковыя же бусы...

— Однако, братъ, знаешь ли, что̀?—въ тотъ же вечеръ замѣтилъ сидѣвшій у Павла Иваныча Скворешниковъ, послѣ того, какъ Клеопатра, только что входившая зачѣмъ-то въ комнату, удалилась къ себѣ.—Знаешь, что̀?.. Гм!

— Что такое?—спросилъ съ недоумѣніемъ Елкинъ.

Семенъ Семенычъ многозначительно посмотрѣлъ на притворенную дверь, только что скрывшую за собой Клеопатру, и прибавилъ таинственно:

— Чудеса, братецъ, у тебя совершаются... Держи ухо востро!

Павелъ Иванычъ, молча, во всѣ глаза, смотрѣлъ на пріятеля.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что ты, дружище, колпакъ!

— Я?—переспросилъ, съ удивленіемъ, Елкинъ.

— Да, именно ты!—подтвердилъ, съ удареніемъ, Скворешниковъ.

— Не понимаю,—потрясъ головою Павелъ Иванычъ.

— Ну, гдѣ же тебѣ?.. Ты вотъ даже не видишь, что у тебя подъ носомъ дѣлается...

Павелъ Иванычъ безмолвнымъ и встревоженнымъ взоромъ смотрѣлъ на Семена Семеныча.

— Что ты на меня такъ уставился?—замѣтилъ съ усмѣшкой Скворешниковъ. — Да, дружокъ, какъ ты тамъ себѣ хочешь, а только это вѣрно, что ты ничего дальше собственнаго носа не видишь... Замѣтилъ ли ты, напр., что Максимовну-то у тебя подмѣнили?

— Какъ подмѣнили?

— А такъ! Кто у тебя раньше служилъ?

— Та-же, Максимовна... Кто же другой?.. Я не понимаю, что за странный разговоръ ты завелъ!

— Нисколько не странный. Во-первыхъ, скажи мнѣ, кто была у тебя эта Максимовна?

— Ну, кухарка, конечно... Ты самъ же, вѣдь, знаешь, и я, право, понять не могу...

— Кухарка, ты говоришь?

— Кухарка... а кто же?

— А я говорю: не кухарка, а просто кикимора!

— Ну, да, я помню, ты такъ ее называлъ.

— Ага, ты это вспомнилъ... Ну, а скажи, кто теперь у тебя?

— Да она же... Фу, ты, Господи! Ты меня просто, кажется, хочешь дурачить!—воскликнулъ Павелъ Иванычъ, уже начиная сердиться.

— Погоди, не пыли,—остановилъ его спокойно Скворешниковъ. Ты говоришь: *она же*? А я говорю: нѣтъ, *не она*... Развѣ это—кикимора? Этотъ красный сарафанъ, эти бусы, серьги коралловыя... Помилуй! да вѣдь это просто Меликтриса Кирбитьевна какая-то теперь у тебя!.. Ты, вѣдь, помнишь, какъ я въ первый разъ ее не узналъ?

— Да, это я помню. Я и самъ на нее удивился...

— То-то и есть! Ну, а какъ ты полагаешь, что все это значитъ?..

Скворешниковъ сдѣлалъ паузу и продолжительно посмотрѣлъ на Павла Иваныча... Павелъ Иванычъ съ тревогой смотрѣлъ на Скворешникова... Скворешниковъ наклонился черезъ столъ къ Павлу Иванычу и, понизивъ голосъ до шепота (вся бесѣда велась передъ этимъ вполголоса), медленно отчеканивая каждое слово, сказалъ:

— *Это значитъ, что раньше все время былъ маскарадъ*...

— То-есть, какъ—маскарадъ?—переспросилъ, цѣпенѣя отъ удивленія, Елкинъ.

— Ты не бывалъ никогда въ маскарадѣ?

— Не бывалъ никогда.

— Ну, а понятіе все же имѣешь? Слыхалъ про костюмъ „домино“? Знаешь, что это за штука?

— Знаю, что эдакое длинное платье, съ мѣшкомъ... и что надѣваютъ мѣшокъ этотъ на голову... чтобы нельзя было узнать...

— Ну, вотъ, это самое... чтобы нельзя было узнать... Со стороны посмотрѣть—не разберешь, что тамъ за фигура такая: можетъ быть, и старуха, а не то какая-нибудь богопротивная рожа... Чортъ ее разберетъ! Такъ вотъ такъ же и твоя Меликтриса Кирбитьевна! Понялъ теперь?

Семенъ Семенычъ опять сдѣлалъ паузу и многозначительно посмотрѣлъ на пріятеля. Павелъ Иванычъ молчалъ и задумчиво разбирался въ открытіи, сообщенномъ Скворешниковымъ.

— Теперь понимаешь, почему тебѣ нужно держать ухо востро? То-то и есть! Не замѣчалъ ты за ней ничего?

— Ничего,—повторилъ, какъ эхо, Павелъ Иванычъ.

— Ну, вотъ, скоро замѣтишь... Никто у нея не бываетъ?

— Никто.

— А раньше? Припомни...

— Былъ разъ, какъ-то, мужчина... еще при покойницѣ маменькѣ. Странникъ, что-ли, какой-то...

— Странникъ?

— Да, что по святымъ мѣстамъ ходятъ... Мужикъ, съ бородой... Изъ ихъ мѣстъ, она говорила... Землякъ.

— Гм... Ну, а какого-нибудь, напримѣръ, солдата тамъ, писаря?.. Никогда не видалъ?

— Не видалъ никогда.

— Значитъ, скоро увидишь...

— Солдатт?

— Да, можетъ быть, и солдата... Пожалуй, и не одного еще...

— Богъ знаетъ, что ты говоришь!

— Ну, вотъ, помяни мое слово!—подтвердилъ зловѣще Скворешниковъ.

XXVIII.

Привыкшій всегда придавать большой вѣсъ словамъ своего стараго друга, Павелъ Иванычъ и теперь долженъ былъ задуматься по поводу приведеннаго въ предыдущей главѣ разговора. Клеопатра уже настолько успѣла озадачить его своими сюрпризами, что не было бы ничего удивительнаго, если бы случилось и то, что предсказывалъ Семенъ Семенычъ съ такою увѣренностью.

Однако, на этотъ разъ, ему, кажется, пришлось ошибиться. До сихъ поръ не только не могло быть и рѣчи о какомъ-либо

солдатѣ, но не было ни одного обстоятельства, которое могло бы указывать, что поведеніе Клеопатры въ чемъ-нибудь измѣнилось. По прежнему у нея никого не бывало и она никуда не ходила, такъ что въ этомъ отношеніи она оставалась все тою же строгой, богобоязненной женщиной, каковою она аттестовала себя при жизни покойницы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Клеопатра не только не подавала какихъ-либо поводовъ питать недовольство со стороны исполненія ею обязанностей, но даже напротивъ. Въ квартирѣ все было всегда въ надлежащемъ порядкѣ, все дѣлалось въ свое опредѣленное время. Все, къ чему Павелъ Иванычъ привыкъ, исполнялось безъ слова, къ обѣду всегда готовились его любимыя блюда... Чего еще можно было требовать отъ Клеопатры?

А между тѣмъ, существовало одно обстоятельство, нѣкоего страннаго и неуловимаго свойства, въ которомъ Павелъ Иванычъ не могъ разобраться. Съ нѣкоторыхъ поръ оно все сильнѣе и сильнѣе его безпокоило... Что это именно было—онъ не старался углубляться въ этотъ вопросъ, но симптомы этого страннаго его состоянія были весьма ощутительны. Онъ ихъ зналъ и таилъ про себя и ни за что бы въ нихъ не сознался даже Семену Семенычу.

Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ испытывать въ присутствіи Клеопатры что-то странное, что-то особенное... Это было не смущеніе, не робость, но ощущеніе какой-то неловкости, которое охватывало его каждый разъ, когда она была съ нимъ наединѣ въ одной комнатѣ... Если тутъ присутствовало третье лицо, въ видѣ, напр., Семена Семеныча, онъ испытывалъ себя совершенно нормально, но это необыкновенное чувство съ прежней силой возникало, когда они оставались вдвоемъ. Это отражалось и въ обращеніи его съ Клеопатрой. Обращеніе это рѣзко вдругъ измѣнилось. Со стороны можно бы было подумать, что онъ противъ нея что-то имѣетъ, что онъ питаетъ противъ нея нѣчто враждебное. Онъ сталъ избѣгать всякихъ бесѣдъ съ Клеопатрой, ограничиваясь только самыми необходимыми и короткими фразами. Если она входила за чѣмъ-нибудь въ комнату, онъ отворачивался. Если она о чемъ нибудь его спрашивала, онъ отвѣчалъ, не глядя въ лицо Клеопатрѣ, будто одинъ уже видъ ея былъ ему тягостенъ...

И, что самое худшее было въ этихъ новыхъ и необычайныхъ его ощущеніяхъ — это постоянно преслѣдовавшее его опасеніе, *что она видитъ и понимаетъ его состояніе* и изподтишка надъ нимъ насмѣхается...

А между тѣмъ, теперь именно менѣе, чѣмъ когда-либо раньше, онъ согласился бы съ нею разстаться.

Началось это послѣ одного, самаго пустого и ничтожнаг-

случая, на который, вѣроятно, сама Клеопатра не обратила вниманія... Но Павлу Иванычу думалось, что она все тотчасъ же замѣтила. По временамъ, онъ былъ даже увѣренъ, что она нарочно все это устроила.

Дѣло было по поводу оторвавшейся пуговки... Произошло это утромъ, передъ уходомъ на службу. Павелъ Иванычъ, совсѣмъ уже готовый отправиться, протянулъ было руку на вѣшалку, чтобы достать оттуда фуражку, какъ вдругъ маленькая полотняная пуговка, придерживавшая воротъ сорочки, отскочила сорвавшись, и куда-то исчезла... Пока онъ осматривался, куда она могла задѣваться, Клеопатра, находившаяся тутъ же, въ прихожей, тотчасъ же замѣтила откатившуюся въ сторону пуговку, подняла ее и предложила пришить. Въ рукахъ у нея появилась иголка и нитка, а Павелъ Иванычъ, снявъ галстухъ, усѣлся на стулъ и вытянулъ шею. Клеопатра принялась орудовать пальцами, а Павелъ Иванычъ сидѣлъ, не шелохнувшись, и смотрѣлъ поверхъ головы Клеопатры.

Пока Клеопатра возилась надъ пуговкой, съ Павломъ Иванычемъ совершалось нѣчто такое, чего онъ до сей поры не испытывалъ.

Клеопатра стояла такъ близко къ нему, что колѣни обоихъ плотно касались. Онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла, чувствовалъ, какъ пальцы ея скользили у него около шеи, задѣвая его подбородокъ, и ощущеніе это наполняло все его существо какою-то острой и неизъяснимо-пріятной истомой. Голова его сладко кружилась и по корнямъ волосъ словно пробѣгали мурашки... Напряженное молчаніе царило между обоими. Слышалось только дыханіе Клеопатры, пристально углубленной въ работу, но Павлу Иванычу мнилось, что между нею и имъ переливается какой-то магнетическій токъ, и что его съ нею вмѣстѣ укачиваютъ тихія волны... Въ довершеніе всего, Клеопатра, сдѣлавъ послѣдній стежокъ, вдругъ охватила его одною рукою за шею, и, прижавшись совсѣмъ къ груди Павла Иваныча своею упругою и теплою грудью, скусила нитку зубами. Ощущеніе было такое же, какъ, если бы она его чмокнула въ самую „душку“...

Павелъ Иванычъ вскочилъ, словно ошпаренный, на ноги и произнесъ тяжкое: — „Ухъ!“

— Уморились? — спросила его Клеопатра.

Елкинъ пробормоталъ что-то невнятное. Въ головѣ у него еще все продолжало кружиться и лицо пылало словно въ огнѣ... Клеопатра смотрѣла на него внимательнымъ взглядомъ, и, какъ казалось ему, усмѣхалась. Она и сама разрумянилась, а въ глазахъ у нея пробѣгали какія-то искорки...

Онъ привелъ костюмъ свой въ порядокъ, нахлобучилъ фу-

ражку и поспѣшно вышелъ на лѣстницу. Онъ былъ въ какомъ-то дурманѣ и, только очутившись уже въ департаментѣ, пришелъ понемногу въ себя...

Съ этого самаго случая и началось странное состояніе Павла Иваныча.

Онъ и самъ сознавалъ, что съ нимъ творится нѣчто неладное.

До этого времени, т. е. пока она еще ходила въ своихъ старушечьихъ платьяхъ, она могла почесться тѣмъ домашнимъ, своимъ человѣкомъ, въ коемъ какъ бы отсутствуетъ различіе пола и при коемъ допускаются вещи, считающіяся въ глазахъ менѣе близкаго нарушающими естественное чувство стыдливости. Напр., не было ничего неприличнаго въ томъ, что Клеопатра входила въ спальню къ Павлу Иванычу, когда онъ лежалъ раздѣтый въ постели, что она могла его увидать въ рубашкѣ съ обнаженною грудью и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, и многое другое, въ чемъ онъ не привыкъ съ нею стѣсняться... Теперь все это вызывало въ немъ чувство смущенія. Теперь по утрамъ она уже его не будила, какъ прежде, подходя безцеремонно къ постели и трогая его за плечо, а стучалась изъ другой комнаты въ дверь, и видала всегда его одѣтымъ какъ слѣдуетъ...

Пока это было единственное, что Клеопатра могла бы отмѣтить въ своихъ наблюденіяхъ надъ поведеніемъ своего хозяина, если допустить, что она въ состояніи было ее занимать. Могла она обратить также вниманіе на холодное обращеніе съ нею Павла Иваныча, о которомъ уже было упомянуто выше. Но кромѣ всего этого было еще кое-что, о чемъ она врядъ-ли могла догадаться...

Она какъ бы совсѣмъ, такъ сказать, водворилась въ мысляхъ Павла Иваныча, при чемъ мерещилась ему не иначе, какъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ была передъ нимъ, когда пришивала отлетѣвшую пуговку... При этомъ, зажмуривъ глаза, онъ воспроизводилъ въ головѣ, въ мельчайшихъ поеробностяхъ, всю тогдашнюю безмолвную сцену, вплоть до момента, когда она обхватила его рукою за шею и онъ почувствовалъ у себя на груди прикосновеніе ея теплаго тѣла, послѣ чего у него потемнѣло въ глазахъ...

Конечно, Клеопатра ни на одну минуту не могла заподозрить Павла Иваныча въ таковыхъ размышленіяхъ. Когда она входила зачѣмъ-нибудь въ комнату, онъ принимался смотрѣть въ окошко на дворъ, такъ сосредоточенно, пристально, что можно было подумать, будто онъ и не знаетъ о ея близкомъ присутствіи. А между тѣмъ, въ это самое время, онъ чувствовалъ въ груди стѣсненіе дыханія, ловя чуткимъ ухомъ шорохъ ея сарафана, и ему чудилось,

что она его наблюдаетъ, съ тѣмъ видомъ, какой былъ у нея въ то самое утро, съ той самой усмѣшкой и съ тѣми самыми искорками, которыя тогда у нея пробѣгали въ глазахъ...

Онъ за нею даже слѣдилъ... Онъ этого самъ не подозрѣвалъ за собою, пока не произошелъ одинъ случай, когда онъ себя на этомъ поймалъ.

Это было послѣ обѣда, незадолго до вечерняго чая. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ, облокотившись, во дворъ. Это было однимъ изъ обычныхъ и любимыхъ его развлеченій. А въ то самое время, какъ взоръ Павла Иваныча устремленъ былъ въ окно, его ухо напряженно ловило, что происходитъ за дверью, у Клеопатры.

Тамъ раздавались звуки двухъ голосовъ: клеопатринъ и чей-то мужской, незнакомый. Словъ было нельзя разобрать, но ясно было, что бесѣда не предназначалась для постороннихъ ушей. Особенно старался сдерживать себя голосъ мужчины. Кажется, онъ что-то разсказывалъ, а Клеопатра только изрѣдка вставляла свои замѣчанія. Вдругъ она чему-то захохотала... Захохотала она веселымъ, заливчатымъ хохотомъ, какого совсѣмъ не ожидалъ отъ нея Павелъ Иванычъ... Онъ до сихъ поръ еще не слыхалъ, чтобы она когда-нибудь хохотала.

Елкинъ все время испытывавшій какое-то странное и непонятное для него самого безпокойство, не выдержалъ. Онъ всталъ, отворилъ тихо дверь и заглянулъ къ Клеопатрѣ.

При его появленіи, сидѣвшая спиною къ нему мужская фигура поднялась вѣжливо съ мѣста и повернулась къ Павлу Иванычу. Посѣтитель стоялъ какъ разъ противъ свѣта, и Павелъ Иванычъ могъ хорошо его разсмотрѣть. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ большой бородой, одѣтый въ темный кафтанъ. Онъ былъ русый, плечистый и высокаго роста.

Наступило молчаніе. Мужчина, отвѣсивъ поклонъ, стоялъ и смотрѣлъ на Павла Иваныча. Клеопатра осталась спокойно сидѣть и тоже смотрѣла на Павла Иваныча.

Елкинъ вдругъ страшно смѣшался. Очевидно, они оба ждали, что онъ имъ хочетъ сказать, а онъ не находилъ у себя въ головѣ ни одного предлога, которымъ бы могъ объяснить свое появленіе...

— Вамъ что-нибудь требуется?—спросила, наконецъ, Клеопатра.

Павелъ Иванычъ почувствовалъ, что постыдно краснѣетъ... Къ счастью, онъ замѣтилъ стоящій въ углу самоваръ и тотчасъ же удачно нашелся.

— Да, я на счетъ вотъ чего... Скоро ли у тебя самоваръ?..

— Ужъ шумитъ. Скоро подамъ,— отвѣчала ему Клеопатра.

Елкинъ ушелъ, притворивъ по прежнему дверь, и снова усѣлся къ окошку.

Но сколько ни смотрѣлъ онъ во дворъ, передъ нимъ безотвязно стояла фигура Клеопатрина гостя. Сколько ни старался онъ перевести свою мысль на другіе предметы, въ головѣ у него все время вертѣлись вопросы: кто онъ? откуда? въ какихъ отношеніяхъ находится съ нимъ Клеопатра?

Клеопатра внесла самоваръ, заварила чай и ушла опять къ гостю, а Павелъ Иванычъ налилъ себѣ чаю въ свою аппетитную чашку и снова принялся перебирать тѣ же вопросы...

Сгустились ужъ сумерки, когда за дверью утихло. Гостя, очевидно, ужъ не было. Клеопатра вошла, чтобы убрать самоваръ.

— Кто это былъ у тебя?—спросилъ Павелъ Иванычъ, по обыкновенію, установившемуся въ послѣднее время, глядя въ окно, а не на Клеопатру.

— Землякъ. Изъ нашихъ мѣстовъ. Нешто вы его не признали?

— Что-то не помню... Ахъ, да... Это тотъ... какъ его... *странникъ*?—припомнилъ вдругъ Павелъ Иванычъ.

— Онъ самый и есть.

— Гм... Совсѣмъ я его не узналъ... Онъ, дѣйствительно, странникъ?

— Дѣйствительно, странникъ... А что?

— Гм... Такъ... Не похожъ онъ что-то на странника... Что же, родня онъ, что-ли, тебѣ?

— Седьмая вода на киселѣ какъ-то приходится... Вотъ попалъ въ Питеръ, повидать меня захотѣлъ...

— Что же, надолго онъ здѣсь?

— А Богъ его знаетъ. Надо быть, уѣдетъ надняхъ...

Павелъ Иванычъ совсѣмъ углубился въ окно и не задавалъ больше вопросовъ. Клеопатра ушла.

Ложась уже спать, Елкинъ припомнилъ этотъ разговоръ съ Клеопатрой и ощутилъ большую досаду. Съ какой стати задавалъ онъ всѣ эти вопросы? Какая ему надобность до этого, совсѣмъ посторонняго ему человѣка? А между тѣмъ онъ долженъ былъ сознаться себѣ, что онъ не могъ удержаться отъ этихъ вопросовъ, что все это вышло у него какъ-то совсѣмъ противъ воли. Онъ припомнилъ, что даже и самый голосъ его выходилъ при этомъ какой-то другой, совершенно особенный, словно чужой... Это всего болѣе мучило Елкина.

„А, чортъ подери ихъ совсѣмъ!—произнесъ даже вслухъ Павелъ Иванычъ, съ негодованіемъ натягивая на себя одѣяло.— Мнѣ-то какое дѣло до нихъ, въ самомъ дѣлѣ?! Провались они оба".

Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не могъ долго заснуть и до самаго бѣлаго свѣта проворочался на своей жаркой постели...

XXIX.

Стояли необычайно душные дни. Дождя давно уже не было. Все томилось и задыхалось отъ зноя.

Томился и задыхался и весь бурый домъ. Его настежъ открытыя окна казались широко разверзтыми ртами, которые простирали мольбу къ безжалостно палящему небу: „Дождика! дождика! Пошли намъ, о Господи, дождика!!"

Люди бродили кислые, вялые, словно разваренные. Собаки прятались по укромнымъ мѣстамъ, ища себѣ тѣни, и цѣлыми днями лежали, высунувъ далеко языки, недвижно, какъ мертвыя.

Но вотъ солнце закатывалось, и становилось нѣсколько легче дышать. Вылѣзали изъ своихъ сокровенныхъ убѣжищъ собаки и принимались за невинныя игры другъ съ дружкой. На дворѣ давно уже шумитъ дѣтвора. На ступеняхъ „галдареи" составилась партія въ шашки. Партнеры—швейцаръ Шуваловъ, безъ шапки, въ фуфайкѣ—совсѣмъ по домашнему,—молодой дворникъ Лука и вахтеръ Борисычъ. Ихъ окружаетъ группа изъ нѣсколькихъ зрителей. Каждый звукъ раздается отчетливо въ сухомъ и безвѣтренномъ воздухѣ. Между играющими повременамъ поднимается споръ. Чаще всѣхъ горячится старикашка Шуваловъ.

Павелъ Иванычъ сидитъ у окошка и старается прислушаться къ ихъ голосамъ. Ему скучно и томно. Послѣ обѣда онъ спалъ тяжелымъ и мертвеннымъ сномъ, послѣ чего насилу поднялся. Теперь онъ чувствуетъ себя словно разваренным и не знаетъ, что съ собой дѣлать.

А на дворѣ постепенно темнѣетъ. Ночь уже близко. Дѣтей давно ужъ загнали матери ихъ по домамъ. И игроки разошлись. Пусто и тихо.

Но Павелъ Иванычъ еще долго сидитъ у окошка и смотритъ во дворъ. Предметы постепенно сливаются въ сѣрыя, безразличныя тѣни... И мнится ему, будто тамъ притаилась какая-то неуловимая и сокровенная жизнь, что прячется днемъ и присутствуетъ только въ ночной тишинѣ. Будто тамъ кто-то украдкой шевелится, кто-то тамъ шепчетъ,—шепчетъ напряженно, беззвучно, въ опасеньи нарушить царящую окрестъ тишину... И Павелъ Иванычъ ждетъ движенія, звука... Вотъ-вотъ, сейчасъ, сію минуту, тамъ раздадутся чьи-то невнятные рѣчи, кто-то оттуда появится... И сердце его шибко колотится, а въ вискахъ бьются жилы, словно кто-то часто-часто стучитъ по нимъ молоточками...

Но въ сумракѣ по прежнему мертвенно-тихо.

Въ столовой вдругъ рѣзко захрипѣли часы и начали бить... Ровно двѣнадцать часовъ пополуночи.

Онъ идетъ въ свою спальню, раздѣвается и ложится въ постель.

Сна нѣтъ ни въ одномъ глазѣ, что называется. Отъ тюфяка и подушекъ пышетъ зноемъ, какъ отъ нагрѣтой плиты, одѣяло давитъ словно свинцомъ. Онъ сбрасываетъ съ себя одѣяло, но отъ этого нисколько не легче.

Въ бѣлой мглѣ этой лѣтней сѣверной ночи слышатся какіе-то шорохи, слышится, будто тамъ, гдѣ-то, за дверью, тихо ступаетъ кто-то незримый...

Елкинъ зажмуривается и старается лежать неподвижно. Но болѣзненно-напряженное ухо по прежнему ловитъ всѣ эти шорохи... И теперь Павлу Иванычу мнится, что этотъ незримый подступаетъ къ нему неслышной стопою все ближе и ближе и обнимаетъ его горячей рукой, и дышитъ палящимъ дыханьемъ ему прямо въ лицо, а сквозь плотно сомкнутыя вѣки онъ видитъ въ упоръ устремленный на него взоръ чьихъ-то пронзающихъ глазъ, въ которыхъ мелькаютъ знакомыя искорки...

XXX.

Однажды съ полудня солнце стали застилать облака. Отъ времени до времени оно все же проглядывало, но все рѣже и рѣже, и часамъ къ четыремъ совсѣмъ заволоклось сѣро-лиловыми, мохнатыми тучами. Изрѣдка погромыхивалъ громъ. Въ воздухѣ потемнѣло, какъ въ сумерки. Наступила та мертвая тишь, которая особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на нервныхъ людей. Какъ-то жутко, какъ-то страшно немного и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то необычайно, особенно весело... Все замерло и какъ бы насторожилось. Громъ гремѣлъ все чаще и чаще, но вокругъ все было спокойно и тихо, словно подавлено...

Но вотъ, откуда ни возьмись, налетѣлъ бурный вихрь, вздымая пыль цѣлыми тучами и неся ихъ по улицамъ... Онъ поднялъ и закрутилъ эту пыль и во дворѣ бураго дома, заставивъ станцовать быстрый вальсъ спѣшившую домой г-жу Подзатыльникову, и принявшуюся ловить подолъ своей юбки, съ трескомъ захлопнулъ гдѣ-то, вверху, оконную раму, такъ что внизъ полетѣли только осколки разбитаго на мелкія части стекла, и за одно уже сбросилъ цвѣточный горшокъ съ другого окна, который, какъ бомба, грохнулся на мостовую двора и разлетѣлся въ куски. Затѣмъ грянулъ громовый ударъ, отъ котораго, казалось, раскололось все небо, и обильный ливень дождя хлынулъ на землю...

Дождь! о, какой дождь!

Все спасалось и пряталось, убѣгая стремглавъ отъ него, а онъ лилъ каскадами съ крышъ, хлесталъ широкими струями изъ трубъ и скоро образовалъ во дворѣ цѣлое озеро. Кое-гдѣ выставлялись быстрыми руками кухарокъ цвѣты... А молніи рѣзали зигза-

гами тучи, и при каждой вспышкѣ небеснаго пламени обыватели вздрагивали, крестясь и шепча: „Святъ, святъ, святъ, Господь-Саваоѳъ!“

Этотъ ливень засталъ Павла Иваныча на улицѣ. Съ его зонтика лились цѣлые потоки воды. Вѣтеръ рвалъ изъ рукъ у него этотъ зонтикъ, какъ бы насмѣхаясь надъ такой ничтожной защитой, и весь правый бокъ новаго пальто Павла Иваныча былъ мокръ насквозь отъ дождя.

Какъ онъ ни спѣшилъ попасть поскорѣе домой, ему грозило промокнуть до нитки. Оставалось пройти еще три перекрестка. Кстати онъ вдругъ увидѣлъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, подъѣздъ при входѣ въ какой-то трактиръ... Мозгъ его быстро озарила идея. Онъ свернулъ распущенный зонтикъ, что тотчасъ же его облегчило, толкнулъ стеклянную дверь и очутился подъ гостепріимною сѣнью трактира.

Онъ сразу почувствовалъ то состояніе отрады, которое знакомо пловцу, носимому волнами бурнаго моря и попавшаго въ тихую гавань. Освободившись, при помощи подскочившаго къ нему человѣка, отъ мокраго верхняго платья, онъ присѣлъ за первый попавшійся столикъ и спросилъ себѣ чаю.

Здѣсь было покойно, уютно. Гдѣ-то вдали слышался стукъ билліардныхъ шаровъ. Въ общей залѣ, гдѣ помѣстился Павелъ Иванычъ, кромѣ него, другихъ посѣтителей не было.

Ему подали полпорціи чаю, съ лимономъ. Пока человѣкъ устанавливалъ передъ нимъ весь приборъ, въ головѣ Павла Иваныча промелькнула новая мысль. Онъ вернулъ готовившагося скрыться отъ него человѣка, коему и задалъ вопросъ:

— Ромъ у васъ есть?

— Помилуйте-съ!—усмѣхнулся тотъ, съ нѣсколько обиженнымъ видомъ.

— Хорошій?

— Самый лучшій-съ, помилуйте!

— Ну, такъ принеси, братецъ, мнѣ рому,—приказалъ Павелъ Иванычъ.

„Необходимо выпить стаканчикъ, два, пуншу...—размышлялъ Павелъ Иванычъ.—Вѣдь я совсѣмъ почти вымокъ... Это согрѣетъ меня и... тово... простуды не будетъ“. (Мысль о простудѣ пришла ему потому, что онъ вдругъ почувствовалъ легкій ознобъ).

Ромъ былъ немедленно поданъ, и Елкинъ, наливъ себѣ изъ бутылки добрую порцію въ чай, прихлебнулъ и остался имъ очень доволенъ.

Докончивъ первый стаканъ, Павелъ Иванычъ почувствовалъ себя совсѣмъ благодушно. На улицѣ грохотала гроза, а здѣсь было уютно и тихо, и никто ему не мѣшалъ заниматься своими ми-

слями. Ему казалось, что въ немъ возникаетъ какой-то другой человѣкъ... И онъ былъ очень доволенъ, что не сидитъ теперь дома. Онъ представлялъ себѣ, какъ теперь душно въ квартирѣ, какая мертвая тишь теперь царствуетъ тамъ... Очень счастливая мысль пришла ему въ голову—выйти на улицу! Положимъ, помочилъ его дождь... Пустяки! Все хорошо! Хорошо, что и дождь, хорошо, что онъ попалъ сюда, въ это мѣсто, а лучше всего, что ему пришла счастливая мысль выйти на улицу!

Эта мысль пришла ему въ голову тотчасъ послѣ обѣда. Вопреки укоренившейся въ немъ издавна привычкѣ, онъ рѣшилъ, что спать сегодня не ляжетъ, чтобы избѣжать безсонницы ночью. Эти безсонницы въ конецъ измучили Павла Иваныча.

Кромѣ того, вѣроятно, вслѣдствіе надвигавшейся съ полудня грозы, нервы его были настроены какимъ-то особеннымъ образомъ. Давило въ груди и въ мозгу и ощущалось во всемъ существѣ безпокойство... Даже не сидѣлось на мѣстѣ. Требовалось непремѣнно что-нибудь сдѣлать съ собою, дышать воздухомъ, двигаться, окунуться въ уличный шумъ и мельканіе лицъ...

Наконецъ, Павелъ Иванычъ рѣшилъ не оставаться дольше въ этомъ несносномъ томленіи и уйти со двора, несмотря даже на надвигавшійся дождь, о чемъ ему и замѣтила подававшая пальто Клеопатра... Но онъ ей не сказалъ ничего. Онъ чувствовалъ въ себѣ присутствіе какой-то властной и отъ него независимой силы, которая гнала его вонъ изъ квартиры, и онъ лишь послушно ей покорялся...

Эта сила гнала его на протяженіи нѣсколькихъ улицъ, и онъ шагалъ все впередъ и впередъ, безъ мысля о какой-либо цѣли. Хлынувшій ливень заставилъ его повернуть машинально назадъ. И тутъ тоже онъ не руководствовался никакимъ разсужденіемъ. Нужно было просто укрыться отъ ливня и онъ, вѣроятно, пришелъ бы домой промокшимъ насквозь, еслибъ случайно не попался ему по дорогѣ этотъ трактиръ...

Вотъ, что было причиной, почему онъ здѣсь очутился.

. . . .

Гроза уже давно прекратилась и было близко къ полуночи, когда Павелъ Иванычъ поднялся по лѣстницѣ къ дверямъ своего обиталища и дернулъ за ручку звонка.

Дверь была скоро отворена. Клеопатра долго ждала его, пока наконецъ рѣшилась раздѣться и лечь. Она уже стала слегка забываться въ дремотѣ, когда раздался звонокъ Павла Иваныча, но тотчасъ же вскочила горошкомъ и бросилась ему отворять.

Она успѣла надѣть только юбку и, босая, съ разметавшимися по голымъ плечамъ темными косами, явственно виднѣлась передъ Павломъ Иванычемъ, въ этихъ бѣлыхъ сумеркахъ лѣтней питер-

ской ночи, а отъ ея обнаженныхъ рукъ, когда она съ него снимала пальто, и отъ полуоткрытой груди вѣяло теплотою постели...

Павелъ Иванычъ прошелъ въ свою спальню.

Совсѣмъ ужъ раздѣтый, онъ однако не легъ, а сидѣлъ на кровати, свѣсивъ босыя ноги въ туфляхъ.

Онъ много выпилъ сегодня и много ходилъ. А между тѣмъ онъ не сознавалъ себя утомленнымъ и пьянымъ. Напротивъ! Во всемъ тѣлѣ онъ испытывалъ чрезвычайную бодрость, только въ головѣ была неизобразимая каша, а сердце ширилось и словно хотѣло выскочить совсѣмъ изъ груди. Возникшій въ немъ другой человѣкъ, смѣлый и властный, котораго онъ почувствовалъ давеча, жилъ въ немъ все это время, пока сидѣлъ онъ въ трактирѣ за пуншемъ, шелъ по затихшимъ улицамъ города, и упорствовалъ даже теперь его покидать...

Елкинъ всталъ, прошелся, въ смятеніи, взадъ и впередъ и усѣлся къ окну. Тихое дуновеніе воздуха, освѣженнаго недавней грозою, слегка щекотало его обнаженную грудь... Но отъ этого не было легче Павлу Иванычу. Дыханіе по прежнему стѣснялось въ груди, кровь билась въ вискахъ, а въ горлѣ стоялъ какой-то клубокъ и сохло во рту...

Главнымъ образомъ, сохло во рту. Слѣдовало выпить воды.

Онъ всталъ и безшумно, украдкой, направился въ кухню. Клеопатра еще не заснула и услышала изъ своего помѣщенія, какъ онъ копошится у кадки съ водою. Она спросила съ постели, что ему нужно.

— Воды...—пролепеталъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, Павелъ Иванычъ.

— Тамъ чай въ чайникѣ есть. Самоваръ для васъ давеча ставила, такъ все и осталось,—сообщила ему Клеопатра.

— Нѣтъ, мнѣ не чаю...—бормоталъ Павелъ Иванычъ, и Клеопатра увидѣла фигуру его въ свѣтломъ четырехугольникѣ отворенной двери.—Мнѣ чаю не нужно,—шепталъ онъ, приближаясь къ постели.

Клеопатра поднялась съ изголовья и сѣла, натягивая на грудь одѣяло и смотря во всѣ глаза на ночного пришельца.

— Что же это такое? Нездоровится, что ли?

— Не спится,—прошепталъ Павелъ Иванычъ и опустился на кровать, у ногъ Клеопатры.—Да и ты тоже не спишь... А? Почему ты не спишь?

— Тоже не спится, — отвѣтила Клеопатра, съ усмѣшкой, той самой, ея особенной, внезапной усмѣшкой, что озаряла смуглыя черты ея, словно короткимъ отблескомъ молніи.

— А отчего тебѣ тоже не спится?—задалъ новый вопросъ Павелъ Иванычъ и подвинулся ближе.

— А почемъ же я знаю? Сна, значитъ, нѣтъ...—отозвалась Клеопатра и, устремивъ пристальный и словно пронизывающій взоръ на хозяина, задала ему вопросъ, въ свою очередь:—Нѣтъ, вы лучше вотъ что скажите: чего вы пришли сюда?..

— Скучно мнѣ... тяжко мнѣ, Клеопатра...—простоналъ Павелъ Иванычъ и, уже совершенно себѣ не отдавая отчета, что дѣлаетъ, простеръ къ Клеопатрѣ обѣ руки и въ какомъ-то безпамятствѣ припалъ къ ней на грудь головою...

Больше уже не было слышно ни рѣчей, ни вопросовъ. Во всей пустынной квартирѣ, погруженной въ бѣлую мглу томной ночи, не было ни одного существа, которое бы могло подглядѣть, что произошло затѣмъ дальше. Только созерцала это со стѣнки размалеванная яркими красками голая дѣва лубочной картинки съ безграмотной подписью, но уже она-то всего менѣе была въ состояніи разсказать кому бы то ни было, что ей привелось тогда видѣть и слышать...

XXXI.

На другой день Павелъ Иванычъ изумилъ не мало Скворешниковыхъ неожиданнымъ появленіемъ своимъ у нихъ въ неурочное время.

Они уже кончали обѣдать, когда вошелъ Павелъ Иванычъ, въ форменномъ своемъ вицмундирѣ, и, поздоровавшись молча съ хозяевами, опустился на стулъ.

— Что случилось? — спросилъ съ безпокойствомъ Семенъ Семенычъ.

Елкинъ сидѣлъ, понурившись въ землю, и имѣлъ озабоченный и даже разстроенный видъ. При вопросѣ пріятеля, онъ приподнялъ нѣсколько голову, опять ее опустилъ и беззвучно, въ полголоса, выронилъ:

— Ничего.

— Ты прямо со службы?

— Со службы, — молвилъ, также беззвучно, Павелъ Иванычъ, продолжая смотрѣть пристально въ землю.

— Ахъ, Боже мой, такъ вы, значитъ, еще не обѣдали!—забезпокоилась старуха-Скворешникова, и затѣмъ передъ Павломъ Иванычемъ очутился чистый приборъ и принесенная вновь, обратно изъ кухни, миска со щами.

Елкинъ принялся за ѣду молча, углубившись въ тарелку. Когда со щами было покончено и передъ нимъ появилось жаркое, онъ приступилъ и къ нему, въ томъ же сосредоточенномъ, глубокомъ молчаніи. Можно было замѣтить, что онъ насыщается не потому, что ему хочется ѣсть, но совершенно пассивно, покоряясь лишь общепринятому порядку вещей.

Когда хозяйка вышла за чѣмъ-то изъ комнаты, Павелъ Иванычъ бросилъ опасливый взглядъ ей во слѣдъ и торопливо шепнулъ Семену Семенычу:

— Мнѣ нужно кой-что тебѣ разсказать...

— Въ чемъ дѣло?—встрепенулся Скворешниковъ, замѣчавшій все время въ поведеніи пріятеля что-то загадочное.

Павелъ Иванычъ, вмѣсто отвѣта, отрицательно потрясъ головою. Такъ какъ въ это время обратно вернулась Анна Гавриловна, то Семенъ Семенычъ былъ долженъ понять, что сообщеніе Павла Иваныча предназначается для него одного.

Когда обѣдъ былъ покончень, хозяинъ и гость пошли въ кабинетъ.

— Ну? Что случилось? — прошепталъ, весь сгорая отъ нетерпѣнія, Скворешниковъ, притворяя таинственно дверь...

— Анна Гавриловна сюда не войдетъ? — спросилъ, тоже таинственно, Павелъ Иванычъ.

— Будь покоенъ.

— Ты бы все-таки дверь-то лучше... тово...

И Елкинъ сдѣлалъ рукою движеніе, съ какимъ запираютъ замокъ.

Семенъ Семенычъ безпрекословно исполнилъ желаніе гостя, повернулъ дверной ключъ, и даже на два оборота. Затѣмъ онъ досталъ свою трубку, набилъ ее табакомъ, закурилъ и, протянувшись во весь ростъ на диванѣ, сказалъ:

— Ну, теперь выкладывай все.

Однако Семену Семенычу пришлось тотчасъ же увидѣть, что исполнить это Павлу Иванычу не такъ-то легко. Прежде всего, въ видѣ вступленія, Елкинъ тяжело задышалъ и потупился... Семенъ Семенычъ успѣлъ ужъ выкурить цѣлую трубку, лежа навзничь и неподвижно смотря въ потолокъ, въ терпѣливомъ ожиданіи разсказа пріятеля, а Павелъ Иванычъ все еще не произнесъ ни единаго звука.

— Да, ну же, полно томить-то!—наконецъ воскликнулъ Скворешниковъ и перекинулся на бокъ, лицомъ къ Павлу Иванычу, сидѣвшему, въ полуоборотъ къ Семену Семенычу, въ креслѣ.

При этомъ воззваніи пріятеля, Елкинъ еще ниже понурился и нерѣшительно, запинаясь, промолвилъ:

— Я боюсь... тово... какъ бы Анна Гавриловна..

— Эхъ, какой ты чудакъ! Да, вѣдь, дверь на запорѣ. Какъ же она можетъ войти?

— А какъ она оттуда.. изъ другой комнаты, вдругъ...

Семенъ Семенычъ поднялся съ дивана, отворилъ дверь и вышелъ, но вскорѣ вернулся и объявилъ успокоительнымъ тономъ, что ма-

менька прилегла у себя отдохнуть, а потому, по крайней мѣрѣ, въ теченіе часа разговоръ можно вести безпрепятственно.

— Ей-Богу, мнѣ уже думается, что ты человѣка убилъ!—прибавилъ при этомъ Скворешниковъ.—Ну, чего же ты мямлишь-то, скажи мнѣ на милость? Душу всю вымоталъ! Ну, что-жь, говори же, въ чемъ дѣло-то? Набѣдокурилъ что-нибудь въ департаментѣ, что ли?

— Какое, къ чорту тутъ, въ департаментѣ!—махнулъ рукой горестно Павелъ Иванычъ, и вставъ съ рѣшимостью съ кресла, принялся ходить взадъ и впередъ.

Послѣ еще одной продолжительной паузы, онъ собрался окончательно съ духомъ и началъ разсказывать—длинно, сбивчиво, спутанно—чему, главнѣйшимъ образомъ, способствовало то обстоятельство, что приходилось передавать не внѣшніе факты, а выяснять сколь возможно понятнѣе все пережитое имъ настроеніе, которое послужило причиной событія сегодняшней ночи...

Дойдя до этого, самаго главнаго и конечнаго пункта признаній, Елкинъ бросился въ кресло и отчаянно задалъ вопросъ:

— Что теперь дѣлать? Научи, Христа-ради, что мнѣ теперь дѣлать?

— Ха-ха-ха! — разразился, вмѣсто отвѣта, Скворешниковъ.

Это было такъ неожиданно, что сидѣвшій понурясь Павелъ Иванычъ тотчасъ весь выпрямился и уставился глазами въ Семена Семеныча — въ первый разъ послѣ того, какъ онъ приступилъ къ своей исповѣди, ибо во все это время старался не глядѣть на пріятеля.

— Чему ты хохочешь?—спросилъ, изумленно и даже теряясь, Павелъ Иванычъ.

— Да какъ же не хохотать, другъ любезный! Стоитъ только взглянуть на твою постную физію!.. Я думалъ, онъ и ни вѣсть про какую бѣду мнѣ разскажетъ, а онъ вонъ изъ-за чего убивается!.. Ахъ ты, чудакъ-человѣкъ!

— Такъ тебѣ это только смѣшно? — спросилъ съ обидою въ голосѣ Елкинъ.

— А какъ-же иначе-то? Ахъ, чудачина ты, чудачина!

— Да ты же пойми! Ты войди въ мое положеніе! Какими глазами я теперь взгляну на нее?.. Нѣтъ, ты не хочешь понять!.. Вѣдь я, сегодня утромъ, какъ только проснулся да вспомнилъ все это...

Павелъ Иванычъ махнулъ безнадежно рукой, затѣмъ опять всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ...

— Ну, что-же ты сдѣлалъ?

— Всталъ, умылся, одѣлся, да давай Богъ ноги скорѣй!..—прошепталъ, таинственнымъ шопотомъ, Елкинъ. — Даже чаю не пилъ... что бы только съ нею не встрѣтиться...

— Ха-ха-ха! — закатился снова Скворешниковъ и даже повалился спиною на диванъ.—Ну, уморилъ!

— Ну, вотъ опять ты хохочешь!

Елкинъ былъ прямо уже, наконецъ, оскорбленъ. То, что его такъ терзало, изъ-за чего онъ черезъ силу сидѣлъ въ департаментѣ, перемогая въ себѣ потребность излить передъ близкимъ пріятелемъ свою смятенную душу—этимъ самымъ пріятелемъ обращалось въ насмѣшку... Онъ отвернулся отъ Семена Семеныча и мрачно маячилъ взадъ и впередъ.

— Ну, полно слоны-то слонять. Сядь, успокойся и выслушай,—примирительнымъ тономъ заговорилъ съ нимъ Скворешниковъ, и Павелъ Иванычъ тотчасъ же послушно усѣлся на прежнее мѣсто.

Семенъ Семенычъ сталъ его убѣждать и доказывать, какъ нелѣпо Павлу Иванычу видѣть ужасное въ такой естественной вещи, какую бы сдѣлалъ на мѣстѣ его всякій мужчина...

— Ты, вѣдь, былъ пьяный? — поставилъ, въ видѣ главнѣйшаго аргумента, Скворешниковъ.

Этого Елкинъ самъ хорошенько не зналъ. Онъ только помнилъ, что былъ совсѣмъ не похожъ на себя и не могъ положительно собою владѣть. Онъ утверждалъ только одно, что отдалъ бы Богъ знаетъ что, лишь бы никогда не существовало того, что случилось и въ чемъ онъ теперь глубоко раскаивается...

— Да почему? почему? — недоумѣвалъ, пожимая плечами, Скворешниковъ.

— Мнѣ стыдно вернуться домой...—прошепталъ, весь пунцовый, Павелъ Иванычъ.

— Хм... Ну, а если бы опять повторить?..—подмигнулъ лукаво пріятель...

— Боже меня упаси!—возопилъ въ ужасѣ Елкинъ и замахалъ даже руками.—Я на нее теперь даже глядѣть не могу... Я дорого далъ бы, чтобы она ушла отъ меня...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Такъ чего же лучше, — возьми да и прогони ее къ чорту!

— Какъ?—изумился Павелъ Иванычъ.

— Да такъ, очень просто. Разсчетъ и паспортъ ей въ зубы — и къ дьяволу!—пояснилъ хладнокровно Скворешниковъ.

— Ну, ужъ это... это... чортъ знаетъ что! — возмутился Павелъ Иванычъ. Онъ находилъ такой выходъ прямо безсовѣстнымъ, при сознаніи, что самъ во всемъ виноватъ.

Затѣмъ онъ прибавилъ уныло:

— Нѣтъ, ужъ приходится, видно, терпѣть...

— А наконецъ, самое лучшее—плюнь!—посовѣтовалъ, зѣвая, Скворешниковъ.

— Какъ, то-есть, „плюнь"?..

— А такъ, просто, не думай объ этомъ. Представь, что этого совершенно и не было...

— Да какъ же я могу это представить? Это совсѣмъ невозможно. Да и она-то̀ какими глазами на меня будетъ смотрѣть? Какъ она-то сама это... тово... можетъ понять?..

— А такъ и пойметъ, что ты былъ тогда пьянъ,—а мало ли чего человѣкъ въ пьяномъ видѣ ни дѣлаетъ и послѣ не помнитъ...

Елкинъ долженъ былъ согласиться, что такой выходъ въ его положеніи нужно признать наиболѣе правильнымъ. Равнымъ образомъ онъ долженъ былъ согласитьсь, что на свѣтѣ „все перемелется", и то, что теперь такъ его мучитъ, въ свое время забудется. Но это было дѣломъ отдаленнаго будущаго, пока же онъ не въ силахъ былъ прогнать отъ себя представленія того, какъ онъ встрѣтится, вернувшись домой, съ Клеопатрой... Онъ былъ даже готовъ, хоть сейчасъ же, прямо отсюда, куда-нибудь на время исчезнуть и вернуться, когда это все „перемелется". Но такъ какъ планъ подобнаго рода являлся совершенно несбыточнымъ, то оставалось лишь отдалить по возможности тяжелую минуту возвращенія домой.

По этой причинѣ Павелъ Иванычъ остался сидѣть у Скворешниковыхъ. Онъ пилъ у нихъ чай, потомъ игралъ въ шашки съ Семеномъ Семенычемъ и, въ заключеніе, остался даже поужинать. При этомъ онъ охотно подставлялъ свою рюмку каждый разъ, какъ хозяинъ предлагалъ еще выпить водки, что не дѣлало его отнюдь разговорчивѣе.

По временамъ онъ погружался въ большую задумчивость. Тогда Семенъ Семенычъ развлекалъ его какимъ-нибудь громкимъ вопросомъ, предлагалъ снова выпить и, подмигнувъ, воскликнулъ:

— Все на свѣтѣ трынъ-трава!

Было ужъ за полночь, когда разстался Павелъ Ивановичъ съ Скворешниковыми.

Въ головѣ у него сильно шумѣло, когда онъ направлялся, не совсѣмъ твердой стопою, домой. Въ то же время онъ размышлялъ, съ большой убѣдительностью, что на свѣтѣ все, дѣйствительно, трынъ-трава. Онъ даже теперь на себя удивлялся, что задалъ себѣ на сегодня, чортъ знаетъ зачѣмъ, столько терзаній, въ коихъ совсѣмъ не было надобности, какъ равно не было надобности посвящать въ нихъ Семена Семеныча.

Сильной и властной рукою хозяина позвонился онъ у себя, сбросилъ пальто на руки вскочившей со сна Клеопатрѣ, безмолвно и громко стуча сапогами, прошелъ въ свою спальню—а минутъ черезъ десять уже спалъ праведнымъ сномъ...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Тайна безмолвныхъ терзаній.

XXXII.

Не взирая на то, что Елкинъ съ Скворешниковымъ были, можно сказать, сотворены другъ для друга, они и наружностью, и душевными качествами являлись положительно двумя антиподами.

Павелъ Иванычъ былъ толстоватъ и грузенъ фигурою, былъ бѣлокуръ и брилъ все лицо наголо, два раза въ недѣлю; Семенъ Семенычъ былъ высокъ, сухощавъ, имѣлъ рыжіе волосы и носилъ бакенбарды. У Павла Иваныча были большіе, выпуклые, такъ-называемые воловьи глаза; у Семена Семеныча, напротивъ, глаза были темные, маленькіе, обладавшіе чрезвычайною живостью, можно сказать даже—прыткостью. Павелъ Иванычъ тянулъ свою рѣчь медленно, туго и зачастую съ трудомъ искалъ выраженій (весь рядъ годовъ, протекшихъ съ эпохи гимназіи, очень мало пополнилъ его запасъ *своихъ словъ*); Семенъ Семенычъ не лазилъ за словомъ въ карманъ и его разговоръ блисталъ даже подчасъ краснорѣчіемъ. Павелъ Иванычъ былъ застѣнчивъ и робокъ; Семенъ Семенычъ, напротивъ, отличался развязностью и питалъ слабость къ прекрасному полу, предъ коимъ Павелъ Иванычъ чувствовалъ страхъ. У Павла Иваныча начиналась ужъ лысина; у Семена Семеныча, волосы, какъ извѣстно, торчатъ густою, косматою шапкою. Павелъ Иванычъ нюхалъ табакъ; Семенъ Семенычъ курилъ его въ разныхъ видахъ и въ безмѣрномъ количествѣ, переходя отъ сигаръ къ папиросамъ и увлекаясь даже старомодною трубкою.

Оба они знали другъ друга насквозь и бесѣды ихъ съ глазу на глазъ всегда отличались полнымъ отсутствіемъ всякихъ недоразумѣній и споровъ.

Вечеръ. Лампа горитъ. Пить чай еще рано, а дѣла нѣтъ никакого. Павелъ Иванычъ шлепаетъ туфлями по комнатамъ и изнываетъ отъ скуки. Читать не охота, думать рѣшительно не о чемъ...

„Эхъ, Господи, какая тощища!“ — восклицаетъ онъ вслухъ и отправляетъ Клеопатру къ Скворешниковымъ освѣдомиться—дома ли Семенъ Семенычъ.

— Одни?—спрашиваетъ онъ Клеопатру, вернувшуюся благопріятнымъ отвѣтомъ.

Узнавъ, что у Скворешниковыхъ нѣтъ никого постороннихъ, Павелъ Иванычъ переоблачается изъ халата въ визитку свинцоваго

цвѣта, предназначенную для выходовъ запросто, и отправляется къ Семену Семенычу.

— А-а!—возглашаетъ радушно Скворешниковъ, лишь только успѣваетъ Павелъ Иванычъ вступить въ первую отъ прихожей комнату, служащую кабинетомъ Семену Семенычу, озаренную керосиновой лампой,—и, съ восклицаніемъ этимъ, поднимаетъ на воздухъ правую руку и опускаетъ ее въ протянутую руку Павла Иваныча, звучно шлепнувъ ладонью.

Елкинъ слабо пожимаетъ, въ свой чередъ, руку пріятеля и безмолвно опускается въ кресло.

Онъ обводитъ медленнымъ взоромъ всю комнату, какъ бы привѣтствуя въ ней старыхъ друзей: покрытый клеенкою письменный столъ, диванъ, съ висящими надъ нимъ литографіями, и желтую деревянную клѣтку, подъ потолкомъ, съ нахохлившейся въ ней канарейкой. Со стѣны, надъ головою хозяина, изъ тусклой позолоченной рамы, глядитъ исподлобья на Павла Иваныча Наполеонъ Бонапартъ, въ сюртукѣ съ бѣлыми отворотами, заложивъ руку за пазуху. Откуда попалъ Бонапартъ къ Семену Семенычу и съ какою цѣлью здѣсь помѣщенъ—неизвѣстно. Однако, Павелъ Иванычъ, не взирая на то, что Наполеонъ глядитъ на него совсѣмъ не любезно, считаетъ его одинаково въ числѣ своихъ старыхъ друзей, какъ бы даже въ качествѣ кровнаго члена семейства Скворешниковыхъ.

Найдя, что помолчали достаточно, Елкинъ добываетъ изъ задняго кармана визитки красный, съ черными разводами, бумажный платокъ, подноситъ къ лицу и, ущемивъ имъ свой носъ, вопрошаетъ:

— Одинъ?

— Одинъ,—сообщаетъ Скворешниковъ.

— А Анна Гавриловна?—предлагаетъ новый вопросъ Павелъ Иванычъ.

— Маменька? Дома,—отвѣчаетъ Скворешниковъ.

Въ ту же минуту, Павелъ Иванычъ производитъ рѣзкій, отрывистый звукъ, подобный нѣсколько трубному гласу. Канарейка испуганно встряхивается и ворошится на жердочкѣ. Спрятавъ платокъ обратно въ карманъ, Павелъ Иванычъ достаетъ черную отцовскую табакерку съ изображеніемъ Екатерины Второй и, давъ покойной императрицѣ среднимъ пальцемъ щелчка, достаетъ щепоть табаку. Держа ее у правой ноздри, онъ предлагаетъ новый вопросъ:

— Здорова?

— Слава Богу, спасибо,—отвѣчаетъ Скворешниковъ.

Павелъ Иванычъ сладострастно заряжаетъ носъ табакомъ и покряхтываетъ. Обыкновенно бываетъ, что и Семенъ Семенычъ,

съ цѣлью, какъ говорится, составить компанію, протягиваетъ руку къ табакеркѣ пріятеля (которую тотъ, въ виду этого случая, держитъ раскрытою), достаетъ оттуда небольшую щепотку и отправляетъ ее осторожно въ обѣ ноздри. Послѣ этого у него появляется видъ человѣка, собирающагося разразиться рыданіями... Онъ вдругъ сотрясается, какъ бы дѣйствіемъ гальванической силы, и разражается громогласнымъ:

— Апчххи!!

Канарейка мечется, сломя голову, въ клѣткѣ, а дверь въ кабинетъ отворяется, и въ ней показывается маленькая сѣдая старушка, немного сутуловатая, въ сѣромъ платкѣ на плечахъ и бѣленькомъ чепчикѣ. Вся она такая миніатюрная, щупленькая, что при видѣ ея непремѣнно должно придти въ голову, будто она никогда не была форменной женщиной, а только успѣла чуть подрости, какъ подвергнута была мариновкѣ, уподобившись тѣмъ маленькимъ, твердымъ огурчикамъ, что зовутъ корнишонами.

Между нею и Павломъ Иванычемъ происходитъ обмѣнъ взаимныхъ привѣтствій.

Старушка садится по-одаль, на крайчикъ дивана, и смотритъ съ участіемъ на Павла Иваныча. Павелъ Иванычъ задумчиво смотритъ въ глаза Бонапарту, погруженный, говоря по восточному, въ кладезь молчанія. Семенъ Семенычъ барабанитъ пальцами по столу и наблюдаетъ пристально лампу, тоже погруженный въ кладезь молчанія. Канарейка снова нахохливается и продолжаетъ прерванный сонъ. Наполеонъ, смотря со стѣны на всю эту компанію, какъ бы хочетъ спросить съ угрюмою насмѣшливостью:

„А ну-ка о чемъ еще, господа, покалякаете?..“

— Ну, вы сидите,—произноситъ внезапно старушка, хлопотливо вставая,—я пойду насчетъ самовара.

Пріятели опять остаются вдвоемъ. Семенъ Семенычъ молча взглядываетъ на Павла Иваныча... Павелъ Иванычъ молча взглядываетъ на Семена Семеныча...

Семенъ Семенычъ встаетъ, удаляется въ уголъ и возвращается на старое мѣсто, неся въ рукахъ шашечницу. Поставивъ на столъ ее. передъ Павломъ Иванычемъ, онъ выгребаетъ изъ выдвижного ящичка шашечницы кучу деревянныхъ бѣлыхъ и черныхъ кружочковъ и разставляетъ ихъ по квадратикамъ. Оба пріятеля, въ одну и ту же секунду, какъ по командѣ, нахмуриваются и погружаются безмолвно въ игру.

Время течетъ съ большою пріятностью.

Тихо отворяется дверь кабинета и входитъ Анна Гавриловна, неся на подносѣ два стакана чаю и сухари въ черномъ лоточкѣ. Она ставитъ все это передъ играющими. Пріятели, искоса, молча, съ выраженіемъ даже какой-то враждебности, слѣдятъ за ея по-

веденіемъ и, когда она исчезаетъ, погружаются снова въ игру. Посмотрѣвъ на нихъ издали, можно подумать, что это два полководца, рѣшающіе судьбы военной кампаніи—до того ихъ лица суровы и строги! Имъ даже нѣтъ времени заняться и чаемъ какъ слѣдуетъ, судя по тому, что они прихлебываютъ его торопливо, небрежно, не отрывая, ни на минуту взоровъ отъ шашечницы. Вокругъ нихъ царствуетъ гробовое безмолвіе. Только и слышно, какъ попыхиваетъ тихо Скворешниковъ, затягиваясь табачнымъ дымомъ изъ трубки, да изрѣдка раздается покряхтываніе Павла Иваныча, заряжающаго носъ табакомъ... Наполеонъ Бонапартъ смотритъ со стѣнки на шашечницу и, можно подумать, участвуетъ тоже въ игрѣ.

Отъ времени до времени, тихонько ступая на цыпочкахъ, появляется Анна Гаврилавна, уноситъ опорожненные игроками стаканы, затѣмъ, все такъ же на цыпочкахъ, приноситъ налитые чаемъ, осторожно ставитъ ихъ передъ сыномъ и гостемъ, бросая боязливые взоры на шашечницу, и опять исчезаетъ съ беззвучіемъ безплотнаго духа...

А время течетъ, и вечеръ близится къ ночи. Понемногу оба партнера начинаютъ скучать и тяготиться игрою. Павелъ Иванычъ позѣвываетъ. Семенъ Семенычъ, тотчасъ же, по извѣстной симпатіи, повторяетъ зѣвокъ, махая кулаками по воздуху и разминаясь на стулѣ.

— Ужинать подано... —тихо произноситъ въ дверяхъ Анна Гавриловна.

Игроки оживляются и, наскоро докончивъ послѣднюю партію, выходятъ изъ кабинета въ сосѣднюю комнату, гдѣ, на кругломъ обѣденномъ столѣ, виднѣется незатѣйливый ужинъ, въ видѣ подогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда жаркого, съ прибавленіемъ какихъ-нибудь домашнихъ издѣлій, въ родѣ маринованныхъ или соленыхъ грибковъ или студня. Тутъ же стоитъ и графинчикъ съ очищенной.

Послѣ двухъ выпитыхъ рюмокъ бесѣда понемногу завязывается. Руководитъ разговоромъ хозяинъ. Анна Гавриловна, которая сидитъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, сложивъ руки подъ мышками, и кротко слѣдитъ за судьбою исчезающихъ яствъ и убывающаго постепенно графинчика, тоже отъ времени до времени, подаетъ свои реплики. Павелъ Иванычъ больше помалкиваетъ, сопутствуя вздохомъ выпиваемую имъ рюмку очищенной. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ходу бесѣды, требуется заявленіе съ его стороны личнаго мнѣнія, онъ произноситъ задумчиво: „м-да... гм... это такъ“—или что-нибудь въ этомъ родѣ.

За то возбужденное состояніе духа Семена Семеныча возрастаетъ все пуще. Иногда даже споръ возгорается вдругъ между нимъ и миніатюрной старушкой.

— Ахъ, не говорите мнѣ, маменька! — запальчиво кричитъ онъ, весь красный, отмахиваясь и сверкая глазами.—Вы ничего не понимаете въ судебныхъ дѣлахъ.

— Да что же я, Сенюшка... — робко пытается защититься старушка, но Семенъ Семенычъ не даетъ ей докончить, крича:

— Молчите! Вы всегда за него заступаетесь! Емельянъ лѣнтяй, негодяй! Я долго терпѣлъ!.. Что? Восемь лѣтъ служитъ? Га! Хоть бы десять, пятнадцать, сто!! Плевать я хочу! Вы посмотрите, какая грязь на всѣхъ лѣстницахъ! Да вотъ и Павелъ Иванычъ вамъ скажетъ... Павелъ Иванычъ, что скажешь? Какого ты мнѣнія?—бурно набрасывается онъ на пріятеля, котораго взоръ покоится въ глубочайшей задумчивости на стоящей передъ нимъ налитой рюмкѣ...

— М-да... тово... это правда,—слабо подаетъ свое мнѣніе Павелъ Иванычъ.

— Грязь, вѣдь, грязь?!—не отступаетъ отъ него Семенъ Семенычъ, пожирая, такъ сказать, своимъ пламеннымъ взоромъ и нетерпѣливо ожидая отвѣта.

— М-да... грязь... это правда...—задумчиво произноситъ Павелъ Иванычъ... Семенъ Семенычъ тотчасъ же побѣдоносно кричитъ, обращаясь къ старушкѣ:

— Ага! Слышите? Вотъ еще вамъ свидѣтель!

Старушка вздыхаетъ и не произноситъ ни слова.

— Еще вотъ опять „галдарея"!—гремитъ дальше Скворешниковъ, весь пылая отъ гнѣва.—Срамъ! Безобразіе!.. Я не разъ уже говорилъ генералу, что ее нужно сломать... Молчитъ!.. Ну, отлично, пускай, не мое дѣло идти противъ воли начальства... только зачѣмъ же тамъ вѣчно торчатъ, на самомъ проходѣ, поганыя ведра?.. отъ помоевъ цѣлыя лужи?.. Лѣтомъ еще, Богъ хранитъ, подсыхаетъ, — а зимой, *а зимой*, я васъ спрашиваю?! Какъ-то я, надняхъ, туда заглянулъ, — чуть морду себѣ не расквасилъ?.. А кто виноватъ, *кто виноватъ*, я васъ спрашиваю?!

Семенъ Семенычъ дѣлаетъ паузу, потомъ прибавляетъ свирѣпо:

— Я его прогоню!

Не встрѣтивъ и на этотъ разъ возраженія, онъ вынимаетъ платокъ, отираетъ имъ тщательно со лба и шеи испарину и сразу вдругъ успокаивается. По лицу его разливается даже выраженіе меланхолической кротости.

Тихій ангелъ пролетаетъ надъ всѣми... Собесѣдники глубоко задумываются и сидятъ неподвижно, какъ истуканы... Каждый изъ нихъ думаетъ свою отдѣльную думу, но, въ тоже самое время, надъ всѣми этими отдѣльными думами господствуетъ общая мысль, или, вѣрнѣе—сознаніе, что вотъ они здѣсь, вкупѣ и влюбѣ, что они хорошо знаютъ и понимаютъ другъ друга, и всякіе пре-

реканія и споры не могутъ порвать ихъ взаимную связь, ибо всѣ эти споры существуютъ какъ развлеченіе, какъ всякій другой элементъ, входящій въ составъ застольной бесѣды, что Семенъ Семенычъ, въ сущности, совсѣмъ даже не имѣетъ въ намѣреніи прогнать Емельяна и никогда его не прогонитъ, ибо Емельянъ, какъ и всѣ, хочетъ жить, что если разобрать хладнокровно, то все въ этомъ мірѣ совершается къ лучшему, и, въ концѣ концовъ, все-таки хорошо жить на свѣтѣ...

Обыкновенно бываетъ, что тутъ, среди молчанія этого, Павелъ Иванычъ подымается съ мѣста и, попрощавшись, уходитъ. Хозяева его провожаютъ въ прихожую.

Мирно и безмятежно окончился вечеръ.

Такъ проводили свое свободное время Павелъ Иванычъ съ Семеномъ Семенычемъ, взаимно посѣщая другъ друга, причемъ времяпрепровожденіе ихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Павелъ Иванычъ принималъ роль хозяина, ничѣмъ не отличалось отъ только-что изображеннаго выше. Разница была только въ томъ, что подавала имъ чай Клеопатра, да отсутствовала Анна Гавриловна— и это послѣднее обстоятельство отражалось въ колоритѣ бесѣды, касавшейся предварительно лицъ и событій изъ области жизни бураго дома, но принимавшей совсѣмъ иной оборотъ послѣ нѣсколькихъ выпитыхъ Семеномъ Семенычемъ рюмокъ очищенной, что̀ будетъ понятно, если вы вспомните объ отмѣченной выше чертѣ его по части прекраснаго пола...

Или, напр., вдругъ, неожиданно, Семенъ Семенычъ спроситъ хозяина:

— А что, скажи-ка ты мнѣ откровенно... — и при этомъ, таинственно наклоняясь черезъ столъ къ Павлу Иванычу, онъ киваетъ въ сторону къ кухнѣ и шепчетъ:—Какъ у тебя дѣла съ твоей Меликтрисой Кирбитьевной?

— Т. е., что?—какъ бы недоумѣвалъ Павелъ Иванычъ, покрываясь краской смущенія.

— Совсѣмъ уже прикончено?

— Ну, да, конечно!—съ досадой отмахивался, Павелъ Иванычъ.

— То-есть, и ни-ни Боже мой? — переспрашивалъ лукаво Скворешниковъ.—Честное слово?

— Честное слово!—подтверждалъ съ жаромъ Елкинъ.

— Ой, врешь! Погоди-ка, я самъ спрошу у нея... Клеопатра Максимовна!—возглашалъ громко Скворешниковъ. — Пожалуйте-ка сюда на минуту!

— Что ты, съ ума сошелъ?!—обмиралъ весь отъ ужаса Елкинъ, схватывая за руки Семена Семеныча.

— Что вамъ угодно?—спрашивала, появляясь въ дверяхъ, Клеопатра.

— Вотъ что, скажите-ка мнѣ, Клеопатра Максимовна...—произносилъ медленнымъ голосомъ Скворешниковъ, наслаждаясь лукаво смущеніемъ Елкина.—Почемъ теперь рябчики?

— На Сѣнной?

— Да, на Сѣнной.

— На Сѣнной давно не покупала, не знаю, а въ курятной у насъ — полтинникъ за пару, — отвѣчала Клеопатра и дѣлала паузу, въ ожиданіи дальнѣйшихъ вопросовъ Семена Семеныча.

— Полтинникъ?.. Хм... Ну, вотъ, и все, больше ничего мнѣ не нужно... Спасибо, Клеопатра Максимовна!.. Ха-ха-ха! Испугался?—потѣшался Скворешниковъ.

— Да вѣдь Богъ тебя знаетъ... Иной разъ и брякнешь ты тоже!—возражалъ, успокоившись, Павелъ Иванычъ, ибо рѣчи Семена Семеныча дѣйствительно поражали подчасъ неожиданностью своихъ оборотовъ, поражали даже Павла Иваныча, коему были досконально извѣстны всѣ изгибы души Семена Семеныча...

Но то, что услышалъ разъ отъ него Павелъ Иванычъ, въ одну изъ обычныхъ бесѣдъ ихъ за ужиномъ, послѣ шашекъ, мало сказать: поразило... оно ошеломило и потрясло Павла Иваныча, будучи такого рода извѣстіемъ, которое должно было поставить на новую почву всѣ дальнѣйшія ихъ отношенія...

XXXIII.

Это случилось въ одинъ памятный вечеръ, въ концѣ января. Всѣ подробности этого вечера запечатлѣлись рѣзкими чертами въ памяти Павла Иваныча.

Необходимо отмѣтить сперва одно обстоятельство. Въ послѣднее время какъ-то такъ выходило, что пріятели рѣдко видались другъ съ другомъ: Семенъ Семенычъ сталъ исчезать—куда и зачѣмъ—неизвѣстно. Самъ Семенъ Семенычъ о цѣли этихъ отлучекъ не говорилъ Павлу Иванычу и какъ-то на вопросъ, почему его стало рѣдко видать, отвѣчалъ равнодушно:

— Такъ... Нужно было побывать въ одномъ мѣстѣ...

Павелъ Иванычъ не придалъ этимъ словамъ никакого значенія и не разспрашивалъ болѣе...

Въ шашки они давно уже не играли.

Въ упомянутый знаменательный вечеръ Павелъ Иванычъ, заложивъ руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ, по всему пространству квартиры, сквозь настежъ растворенныя, ради удобства хожденія, двери спальни, столовой и комнаты, исполнявшей назначеніе гостиной и зала, шлепалъ туфлями и скучалъ. Въ столовой горѣла лампа и бурлилъ на столѣ самоваръ, а рядомъ съ нимъ дымился чай Павла Иваныча, налитый, какъ всегда, въ его боль-

шую „аппетитную“ чашку, представлявшую наслѣдственное достояніе фамиліи Елкиныхъ.

Было уже около половины девятаго.

Вдругъ въ прихожей звякнулъ звонокъ, въ комнатѣ появился Скворешниковъ.

— А-а!—протянулъ, по обычаю, Павелъ Иванычъ.

Семенъ Семенычъ молча съ нимъ поздоровался и съ задумчивымъ видомъ опустился на стулъ вблизи самовара.

— Здоровъ?—спросилъ Павелъ Иванычъ.

— Ничего, слава Богу,—отвѣтилъ Скворешниковъ.

— Анна Гавриловна?

— Маменька тоже ничего, слава Богу.

— Чаю?—предложилъ новый вопросъ Павелъ Иванычъ.

— Пилъ, не хочу,—махнулъ рукою Семенъ Семенычъ.

Помолчали.

— Въ шашечки будемъ?—молвилъ Павелъ Иванычъ.

— Давай,—разсѣянно согласился Скворешниковъ.

Елкинъ вышелъ изъ комнаты и скоро вернулся, неся въ рукахъ шашечницу, а также трубку, принадлежавшую Семену Семенычу и водворенную разъ навсегда у Павла Иваныча, на случай посѣщеній Семена Семеныча, дабы она могла тотчасъ же явиться къ услугамъ хозяина.

Семенъ Семенычъ немедленно набилъ ее табакомъ изъ табачницы, затѣйливо сдѣланной въ видѣ женской туфли, и, окруживъ себя облакомъ синяго дыма, вмѣстѣ съ Павломъ Иванычемъ погрузился въ игру.

Съ самыхъ первыхъ ходовъ Павелъ Иванычъ замѣтилъ необычайную разсѣянность Семена Семеныча. Никогда такъ плохо онъ еще не игралъ! Чуть не по первому абцугу Павелъ Иванычъ успѣлъ пролѣзть въ дамки и пошелъ обирать, одну за другою, шашки противника... Въ нѣсколько минутъ участь Семена Семенычъ была рѣшена.

Лишь только Павелъ Иванычъ принялся разстанавливать шашки для новой игры, Семенъ Семенычъ нетерпѣливо сбросилъ свои и воскликнулъ:

— Будетъ! Я не хочу.

— Что такъ?—спросилъ съ удивленіемъ Елкинъ.

— Такъ... Надоѣло. Вотъ что, вели-ка подать лучше водки.

Затѣмъ Скворешниковъ всталъ и, засвиставъ какой-то мотивъ, принялся прохаживаться.

Павелъ Иванычъ ушелъ распорядиться насчетъ угощенія и когда вернулся обратно, то Семенъ Семенычъ сидѣлъ уже безмолвно на стулѣ и задумчиво смотрѣлъ въ потолокъ.

Только когда на столѣ появилась закуска и водка, онъ какъ

бы весь встрепенулся, придвинулся, вмѣстѣ со стуломъ, къ столу и налилъ двѣ рюмки—себѣ и хозяину.

— Ну,—произнесъ Семенъ Семенычъ какимъ-то особеннымъ, торжественнымъ тономъ, потомъ протянулъ свою рюмку, чтобы чокнуться съ Павломъ Иванычемъ, сдѣлалъ короткую паузу и вдругъ объявилъ:

— Ты меня долженъ поздравить... *Я, братъ, женюсь!*

— Что-о?—протянулъ Павелъ Иванычъ.

— Женюсь.

— *Же-нишь-ся?* — переспросилъ Павелъ Иванычъ, не вѣря ушами.

— Женюсь, братъ, женюсь! Что?.. Удивленъ?

Павелъ Иванычъ сидѣлъ, какъ бы пораженный апоплексіей, и вытаращенными глазами смотрѣлъ на Скворешникова.

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, не вѣритъ... Ха-ха! Да ей-Богу же, вотъ тебѣ крестъ! Честное слово, женюсь!

Семенъ Семенычъ съ ликующимъ видомъ смотрѣлъ на Павла Иваныча, держа въ воздухѣ рюмку...

— Что же ты меня не поздравишь?.. Ха-ха-ха! Экъ я его огорошилъ!—смѣялся и протягивалъ для чоканья рюмку Скворешниковъ.

Павелъ Иванычъ, совсѣмъ машинально, словно во снѣ, поднялъ свою, чокнулся, выпилъ, молча поставилъ рюмку на столъ и поникъ...

Семенъ Семенычъ тотчасъ же наполнилъ ее и свою изъ графина и возгласилъ:

— Ну, а теперь за здоровье невѣсты!

— Нѣтъ!—вдругъ поднявъ голову, выпалилъ Павелъ Иванычъ;—нѣтъ... ужъ это, тово... ужъ уволь!

И Елкинъ съ мрачнымъ и даже болѣзненнымъ видомъ уткнулся въ тарелку.

Семенъ Семенычъ, въ теченіе нѣсколькихъ безмолвныхъ секундъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на Павла Иваныча. Тотъ сидѣлъ истуканомъ, не поднимая глазъ отъ тарелки.

— Это что же такое? А?—съ горечью произнесъ Семенъ Семенычъ.—Это ты за невѣсту-то, за мою будущую жену-то выпить не хочешь?.. Гм... Спасибо! Не ожидалъ отъ тебя!

Семенъ Семенычъ вздохнулъ. Настала тяжелая пауза. Павелъ Иванычъ по прежнему сидѣлъ истуканомъ и не глядѣлъ на пріятеля. Семенъ Семенычъ тоже застылъ въ понуренной позѣ... Наконецъ, онъ мрачно спросилъ:

— Это почему же ты отказываешься?... А?.. Объясни мнѣ, пожалуйста! Оскорбить меня хочешь? Нѣтъ, братъ, ты лучше ужъ

мнѣ откровено... Нѣтъ, это, ей-Богу... Какъ хочешь, ты, ты... чортъ знаетъ что!!—горячо воскликнулъ Семенъ Семенычъ и всталъ. Онъ былъ чрезвычайно взволнованъ.

Павелъ Иванычъ, все сохраняя безмолвіе, съ тѣмъ же болѣзненнымъ видомъ, продолжалъ сидѣть, уткнувшись въ тарелку, и только теперь Семенъ Семенычъ вдругъ замѣтилъ это необычайное на лицѣ его выраженіе... Онъ въ ту же минуту смягчился.

— Да что ты такой странный вдругъ сдѣлался?—спросилъ съ безпокойствомъ Скворешниковъ.—Я, братъ, тебя понять не могу. Заболѣлъ, что ли, а?

— Да, тово... Нездоровъ...—прохрипѣлъ съ усиліемъ Павелъ Иванычъ.—Въ голову ударило вдругъ... Ну и, тово... пить не могу... Извини.

— Вотъ оно что!—тотчасъ же успокоился Семенъ Семенычъ, усаживаясь снова на мѣсто.—То-то я вижу... Думалъ, старый пріятель, обрадуется... думалъ—обниметъ, поздравитъ, какъ водится... А онъ сидитъ, какъ кикимора... Да ты мнѣ скажи только одно: ты радъ, а? радъ?.. Только скажи.

— Радъ...—уныло произнесъ Павелъ Иванычъ.—Охъ-хо-хо! Боже мой!

— Руку!—воскликнулъ Скворешниковъ.

Павель Иванычъ, медленно, словно дѣлая надъ собой принужденіе, протянулъ свою правую руку...

Семенъ Семенычъ схватилъ ее, вскочилъ съ мѣста, стиснулъ въ объятіяхъ Павла Иваныча, облобызалъ его горячо и опять опустился на стулъ.

— Я, братецъ, счастливъ! Да! Никогда я не былъ такъ счастливъ! Ахъ, если бы ты только зналъ!..

Онъ взъерошилъ свою косматую шапку волосъ, провелъ рукой по глазамъ и воскликнулъ:

— Признаться, я думалъ, что мы отлично проведемъ вмѣстѣ вечеръ... Выпили бы таково хорошо, по пріятельски... Я бы тебѣ разсказалъ... Дернуло тебя заболѣть! Нѣтъ, вотъ что, какъ хочешь, а я отъ тебя не отстану! Рюмку то долженъ ужъ выпить! Одну! За невѣсту! Какъ хочешь! Ну, голубчикъ, одну! За невѣсту! Ангелочикъ! Прошу!

Павелъ Иванычъ приложилъ руку къ своей головѣ, болѣзненно сморщился и испустилъ тихій стонъ.

— Только одну! Ну, хоть только пригубь!—настаивалъ Скворешниковъ, умоляюще смотря на пріятеля.

— Охъ, Боже мой, Боже мой!—простоналъ страдальчески Павелъ Иванычъ, протягивая руку къ налитой рюмкѣ, и приба-

вилъ съ усиліемъ:—Только ужъ больше... тово... ни за какія коврижки...

— Молодецъ!—воскликнулъ въ восторгѣ Скворешниковъ.— За невѣсту! Ура!

Пріятели чокнулись и выпили, затѣмъ Семенъ Семенычъ снова вскочилъ, стиснулъ въ объятіяхъ Павла Иваныча, облобызалъ его въ обѣ щеки и произнесъ съ чувствомъ:

— Спасибо!

Послѣ того онъ усѣлся на мѣсто и, наливъ себѣ еще водки, сказалъ:

— Ну, а ужъ я, братецъ, выпью... Нельзя—дѣло такое! Съ тѣмъ я и шелъ... Эхе-хе-хе! Вотъ она—жизнь! Чортъ знаетъ, право, какъ это на свѣтѣ все дѣлается! Признайся, ожидалъ ли ты отъ меня эдакой штуки? Не ожидалъ, вѣдь, признайся? Да хоть и я тоже, божусь! И вдругъ—извольте-ка видѣть... Ха-ха! Да вѣдь мало того, чтобы тамъ изъ-за денегъ или по разсчетамъ какимъ... *По любви* братецъ ты мой!! Втетерился, да!! Ха-ха! Вотъ она, штука-то въ чемъ! Удивляешься, а?! Но если бы ты видѣлъ Варюшу... Да вотъ, впрочемъ, увидишь! А какъ я съ ней познакомился?... Погоди, я тебѣ все разскажу... Надо сперва только выпить...

И Семенъ Семенычъ налилъ и выпилъ еще, а затѣмъ рѣчь его полилась неудержимымъ потокомъ... Это былъ горячій, проникновенный разсказъ, въ которомъ трудно было, однако, уловить что-либо послѣдовательное, такъ какъ фонъ его на каждомъ шагу затемнялся лирическими отступленіями, возгласами или сентенціями отвлеченнаго свойства, по поводу значенія человѣческой жизни его, Семена Семеныча, причемъ ораторъ то впадалъ въ меланхолію, то снова воспрядывалъ духомъ:

— Я пр-ропадалъ!! Понимаешь ли, братъ, это слово?.. Чѣмъ была моя жизнь?.. Шашки, вотъ, напримѣръ... Безсмыслица! Дурацкое препровожденіе времени! Человѣкъ-то гдѣ, человѣкъ-то?!.. Нѣтъ, ты скажи: развѣ мы съ тобою не свиньи?!

Семенъ Семенычъ ударилъ кулакомъ по столу и, дѣлая паузу, гнѣвно смотрѣлъ на Павла Иваныча, потомъ поднималъ указательный перстъ къ потолку и продолжалъ торжественнымъ голосомъ:

— Н-но теперь, братъ, не то! Я исполняю священнѣйшій долгъ... Голубчикъ! Павлуша!—воскликнулъ онъ, внезапно впадая въ патетическій тонъ, при чемъ глаза его увлажнялись слезами.—Ты только представь... Сидишь ты вотъ, напримѣръ, на диванѣ, въ халатѣ, а вокругъ-то тебя все пузыри... все твои, понимаешь, дѣтишки... румяныя, пухленькія... Эхъ, да ужъ что тутъ мечтать! Я еще выпью, братецъ!

Иванъ Иванычъ все время сидѣлъ истуканомъ, не отвѣчая ни звукомъ и лишь машинально проводя глазами каждую выпиваемую Семеномъ Семенычемъ рюмку...

По мѣрѣ того, какъ водка убывала въ графинѣ, рѣчь Семена Семеныча дѣлалась все темнѣе, запутаннѣе, но изъ отдѣльныхъ отрывковъ ея все-таки можно было составить болѣе или менѣе опредѣленное понятіе о сердечномъ романѣ Семена Семеныча, о невѣстѣ и прочемъ. Скворешниковъ увидалъ ее у какихъ-то знакомыхъ, на рождественскихъ праздникахъ, провожалъ до дому — и тогда же плѣнился. Она была сирота, бѣдная дѣвушка и жила своимъ личнымъ трудомъ. Изъ всего же явствуетъ, что Семенъ Семенычъ держалъ эту исторію втайнѣ, такъ какъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ.

— Ну, а теперь я пойду!—заключилъ вдругъ Семенъ Семенычъ и всталъ. Онъ былъ весь въ поту, красенъ какъ жареный гусь, волосы его торчали мокрыми иглами во всевозможныя стороны, точно онъ только что вернулся изъ бани, и стоялъ на ногахъ онъ не твердо.

Онъ заключилъ въ объятія Павла Иваныча, тоже вставшаго съ мѣста, и, держа руки у него на плечахъ, съ устремленнымъ въ лицо ему долгимъ, влажнымъ, растроганнымъ взоромъ, назвалъ его тюленемъ и кикиморой. Напечатлѣвъ на устахъ Павла Иваныча съ дюжину крѣпкихъ, въ засосъ, поцѣлуевъ, раздѣляя ихъ длинными паузами, онъ заявилъ, что считаетъ его первымъ своимъ другомъ на свѣтѣ и знаетъ, что Павелъ Иванычъ его понимаетъ. Затѣмъ онъ охватилъ за шею задыхавшагося Павла Иваныча и, шатая его, какъ былинку, поклялся ему въ своей вѣрной и неизмѣнной любви. Потомъ, все не выпуская изъ рукъ его шеи и смотря ему близко въ лицо, — такъ что носы ихъ обоихъ почти что касались — вслѣдствіе внезапно овладѣвшаго имъ безпокойства о здоровьи Павла Иваныча, Скворешниковъ преподалъ ему цѣлый рядъ врачебныхъ совѣтовъ противъ головной его боли и, въ концѣ концовъ, объявилъ, что почитаетъ своею священной обязанностью проводить его въ спальню, раздѣть, уложить и укрыть, ибо, безъ этого — честное и благородное слово!—ему не заснуть ни за что...

— Ну, ладно, ладно, прощай... — страдальчески простоналъ Павелъ Иванычъ и, поддерживая подъ локоть сильно шатавшагося Семена Семеныча, направилъ въ прихожую, гдѣ собственноручно снялъ съ вѣшалки шубу своего совсѣмъ раскисшаго друга, помогъ ему попасть въ рукава, отыскалъ и нахлобучилъ на голову шапку, собственноручно же отворилъ дверь на лѣстницу и, держа въ рукѣ подсвѣчникъ съ огаркомъ, вышелъ на площадку ему посвѣтить.

Но и тамъ еще долго и трогательно прощался Семенъ Семенычъ съ Павломъ Иванычемъ, крѣпко его сжимая въ объятіяхъ, съ постоянно угрожавшей опасностью сжечь на свѣчкѣ свои бакенбарды. Колыхавшаяся при этомъ черная тѣнь отъ фигуры Скворешникова, упавшая на стѣну, то удлиннялась, то ширилась, перегибаясь на потолокъ или распростираясь вдругъ надъ головами обоихъ пріятелей, благодаря чему эта сцена прощанія носила какой-то зловѣще-фантастическій видъ... Покинувъ, наконецъ, Павла Иваныча, совсѣмъ уже измученнаго и еле живого, Семенъ Семенычъ, грузно держась за перила, утонулъ мало-по малу во мракѣ ступенекъ...

Оставшись одинъ, Павелъ Иванычъ ухнулъ всею грудью, подобно носильщику, сбросившему десятипудовую тяжесть, замкнулъ дверь прихожей на крюкъ (Клеопатра уже покоилась сномъ, и сладостный храпъ раздавался изъ ея помѣщенія) и, вернувшись въ столовую, разслабленно рухнулся въ кресло... Затѣмъ онъ обвелъ страдальческимъ взоромъ давно остывшій на столѣ самоваръ, шашки, опустошенный отцовскій графинъ и остатки закуски... Табачный пепелъ былъ разсыпанъ повсюду... Тутъ же валялась погасшая трубка, которую курилъ незадолго предъ этимъ, то и дѣло зажигая ее и сыпя искры на скатерть, въ пылу душевныхъ своихъ изліяній, счастливый женихъ...

Онъ вылѣзъ изъ кресла, медленно прошелся взадъ и впередъ,— и изъ устъ его вырвалось вдругъ восклицаніе, коимъ, наконецъ, разрѣшилось все то, что въ теченіе этого вечера, съ момента, когда Семенъ Семенычъ объявилъ свою новость, томило и гнело его грудь:

„Негодяй!“

И только. Больше онъ не прибавилъ ни слова.

Стрѣлка на циферблатѣ часовъ показывала уже два часа по-полуночи. Павелъ Иванычъ поплелся къ себѣ въ спальню и сталъ раздѣваться.

Онъ былъ чрезвычайно удрученъ и задумчивъ. Уже въ одномъ бѣльѣ и босой, онъ долго еще сидѣлъ на кровати, вперивъ взоръ въ одну точку... Затѣмъ, испустивъ тяжкій вздохъ, онъ склонился на изголовье, медленно поднялъ и уложилъ рядкомъ свои ноги и натянулъ на нихъ одѣяло. Еще нѣсколько времени онъ лежалъ на спинѣ и смотрѣлъ въ потолокъ. Съ новымъ, тягчайшимъ, похожимъ на стенаніе, вздохомъ, приподнявшись на постели, онъ фукнулъ на свѣчку и погрузился во мракъ... Время текло, была уже глубокая ночь, а онъ все еще вздыхалъ, кряхтѣлъ и ворочался, мучимый злою безсонницей... Видимо, духъ Павла Иваныча былъ глубоко потрясенъ.

Да, духъ его былъ глубоко потрясенъ, какъ бываетъ при ос-

корбленіи, нанесенномъ намъ лучшимъ другомъ, въ котораго мы привыкли вѣрить, какъ въ самого себя, и жизненные интересы котораго не отдѣляли отъ нашихъ. Всѣ желанья и помыслы этого друга были для насъ, до сихъ поръ, страницами развернутой книги... И вотъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, этотъ другъ беззаботно, съ веселой усмѣшкой, объявляетъ вамъ о свой коварной измѣнѣ, и мало того, что онъ беззаботно объявляетъ о томъ, онъ радуется этой измѣнѣ, наслаждается плодами предательства, требуетъ, чтобы даже и вы, коему онъ нанесъ неисцѣлимую рану, раздѣлили съ нимъ торжество!

Вотъ почему Павелъ Иванычъ вздыхалъ, кряхтѣлъ и ворочался, скрипя немилосердно кроватью, пока эти звуки перешли мало-по-малу въ мѣрное и глухое посапыванье и, въ концѣ концовъ, густой храпъ съ переливами огласилъ стѣны спальни, въ видѣ нагляднаго доказательства непреложнаго закона вещей, въ силу котораго, какъ бы ни былъ возмущенъ и взволнованъ духъ человѣка, онъ покорится всегда, напослѣдокъ, власти бренной его оболочки.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЪ МАНЧЖУРІИ.

СЕМЬЯ И ЖЕНЩИНА *).

I.

Необычайное обиліе холостяковъ, и преимущественно старыхъ холостяковъ - китайцевъ — бросается въ глаза каждому, попавшему въ Манчжурію. Объясняется это явленіе многими причинами и прежде всего, конечно, тѣмъ, что почти все населеніе Манчжуріи — пришлое, явившееся сюда ради значительныхъ заработковъ; что здѣсь ощущается большой недостатокъ въ женщинахъ и это обстоятельство для многихъ является существеннымъ препятствіемъ для вступленія въ бракъ; что многіе переселенцы—землепашцы и звѣроловы, принужденные жить въ глухихъ мѣстахъ, воздерживаются отъ брака, вслѣдсвіе многочисленности хунхузскихъ (разбойничьихъ) шаекъ **), наконецъ, что для семейной жизни и для свадьбы нужны средства, а мѣстное населеніе поражаетъ своею бѣдностью.

Послѣдняя причина является наиболѣе важною.

«Не женюсь потому, что ничего не имѣю»,—вотъ обычный отвѣтъ, который чаще всего услышишь здѣсь на вопросъ о женитьбѣ, и въ устахъ мѣстнаго жителя онъ является вполнѣ законнымъ оправданіемъ и объясненіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по самому скромному разсчету женитьба вызываетъ расходъ не менѣе какъ въ 500 дяо ***) (275 р.), что является

---

*) Читано въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества 11 февраля 1900 г. 1897 и часть 1898 г. автору пришлось провести въ Нингутинской области Гиринской провинціи. Замѣтки его, посвященныя семейному быту китайцевъ въ Манчжуріи и роли женщины въ семьѣ, представляютъ рядъ отдѣльныхъ наблюденій, заслуживающихъ вниманія, въ виду интереса къ Китаю возбужденнаго послѣдними событіями.

**) Дѣйствительно, по среднему теченію р. Суйфуна, въ бассейнахъ притоковъ его Донен-дзы, Ламчу-хэ и другихъ, въ многочисленныхъ фанзахъ, разбросанныхъ по теченію этихъ рѣчекъ, нѣтъ ни одной женщины.

***) Дяо по курсу 1897 г. равнялось нашимъ 55 коп.

крупною суммою для человѣка со среднимъ достаткомъ; для человѣка же небогатаго такой расходъ совершенно непосиленъ. Такимъ образомъ семья является здѣсь достояніемъ людей, обладающихъ нѣкоторымъ достаткомъ.

Съ другой стороны на строй семьи вліяетъ, какъ уже было указано, то, что большинство населенія пришлое. При неудобствахъ и небезопасности путей сообщенія и отдаленности Манчжуріи отъ центровъ Китая не всякій рѣшится везти семью съ собою и большею частью оставляетъ ее на родинѣ; чаще же всего въ отдаленный и мало извѣстный край идутъ люди неженатые, пополняя собою контингентъ холостяковъ Манчжуріи.

Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ процвѣтающей здѣсь проституціей *) вліяетъ на весь строй семейной жизни и отражается на выборѣ жены, устройствѣ браковъ и роли, которую женщина играетъ въ семьѣ.

При выборѣ себѣ жены китайцы руководятся установившимся здѣсь мнѣніемъ—«никогда не слѣдуетъ брать въ жены красивую дѣвушку, такъ какъ такая рѣдко бываетъ хорошей женой». Какъ самое вѣское доказательство вѣрности этого правила, обыкновенно приводятъ такое соображеніе: всякій будетъ стремиться къ обладанію красавицей-женой, а это ни въ какомъ случаѣ не поведетъ къ добру. Впрочемъ, это одно изъ тѣхъ жизненныхъ правилъ, которыя охотно признаютъ, но которымъ неохотно слѣдуютъ. Даже тѣ, которые послѣдовали ему въ своей личной жизни, кончали обыкновенно тѣмъ, что начинали тяготиться своими женами. Знакомый купецъ въ Нингутѣ, женатый на очень некрасивой женщинѣ, объяснялъ свою женитьбу тѣмъ, что у нея очень доброе сердце, что они были друзьями дѣтства; но его очень тяготило безобразіе жены, и онъ съ неохотою думалъ о своемъ возвращеніи на родину, въ г. Чифу, гдѣ онъ ее оставилъ.

Выборъ невѣсты женихомъ, повидимому, вполнѣ свободенъ и на него не вліяютъ матеріальные разсчеты, такъ какъ за невѣстой здѣсь не даютъ приданаго. Невѣста далеко не всегда является однако безгласнымъ существомъ, которое выдаютъ замужъ, не спрашивая ея согласія. Въ Манчжуріи при огромномъ перевѣсѣ мужского населенія надъ женскимъ, дѣвушка имѣетъ полную возможность избирать себѣ жениха. На ея выборъ вліяютъ самыя разнообразныя обстоятельства и таланты жениха до умѣнья слагать стихи включительно. На нингутинскомъ базарѣ продавалась картина лубочнаго издѣлія, сюжетомъ которой послужилъ слѣдующій эпизодъ. Жила въ Манчжуріи въ какомъ то городѣ поэтесса, молодая еще дѣвушка, отличавшаяся изумительнымъ даромъ слагать стихи. Она писала одну изъ своихъ поэмъ,

*) Подобно тому, какъ это наблюдается въ Японіи, проституція не налагаетъ на женщину никакого клейма и не служитъ препятствіемъ выходу ея замужъ нерѣдко за богатаго и уважаемаго человѣка.

какъ вдругъ, совершенно неожиданно для себя, затруднилась подобрать риему къ стихамъ: «луна бросаетъ свои бѣлые лучи въ мою комнату,—я закрываю дверь и прогоняю луну». Несмотря на всѣ ея, старанія риема ей не давалась. Послѣ тщетныхъ усилій, она объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто подберетъ риему къ ея стихамъ. Въ тотъ же вечеръ къ ней въ домъ пришелъ влюбленный въ нее юноша, чтобы узнать къ какимъ стихамъ надо подобрать риему. Съ помощью брата поэтессы, очень къ нему расположеннаго, молодой человѣкъ подбираетъ риему; она оказывается удачной, и счастливый юноша женится на любимой дѣвушкѣ.

Отношенія между женихомъ и невѣстой не отличаются большою строгостью, прошлое невѣсты также не имѣетъ въ глазахъ жениха большого значенія; красивая женщина при желаніи всегда можетъ выйти замужъ. Но еще недавно, по словамъ стариковъ, которые здѣсь, какъ и вездѣ, сожалѣютъ о прошломъ, чистота отношеній между женихомъ и невѣстой строго наблюдалась, и виновныхъ ждала суровая кара. Въ одной китайской пѣснѣ, очень распространенной среди китайскихъ солдатъ, разсказывается о любви молодой китаянки и прекраснаго юноши. Молодые люди часто встрѣчались въ сопкахъ, наслаждаясь своею любовью и таинственностью своихъ прогулокъ. Благодаря случаю, родные узнаютъ объ ихъ встрѣчахъ, и молодые люди жестоко платятся: дѣвушку живой закапываютъ въ землю, а юноша, чтобы избѣжать такого же наказанія, бѣжитъ въ горы и дѣлается хунхузомъ.

По разсказамъ стариковъ, вмѣсто закапыванія въ землю, виновныхъ сжигали и самый пепелъ ихъ развѣвали по воздуху, чтобы никто не могъ указать ихъ могилы. Трудно сказать, на сколько достовѣрны такіе разсказы, и какъ далеко отъ насъ то прошлое, о которомъ скорбѣлъ старикъ-разсказчикъ, но въ настоящее время никакое прошлое не мѣшаетъ женщинѣ выйти замужъ.

Въ 1897 г. въ г. Нингутѣ жила молодая китаянка Се-Кынза, считавшаяся тамъ первой красавицей.

Не-задолго до того она пріѣхала туда изъ г. Хунчуна, гдѣ была замужемъ за офицеромъ (шаугономъ). Замужемъ она была не долго,—мужу случилось какъ-то застать ее съ красивымъ солдатомъ и онъ прогналъ ее изъ дому. По пріѣздѣ въ Нингуту, свой родной городъ, Се-Кынза снова вышла замужъ за содержателя нингутинскаго театра, имѣвшаго уже одну жену, немолодую женщину. Эта послѣдняя, опасаясь соперничества красивой Се-Кынзы, стала строить ей всевозможныя козни. Какъ разъ въ это время умеръ сынъ старшей жены, и она обвинила Се-Кынзу въ его отравленіи и добилась того, что мужъ прогналъ ее изъ дому. Послѣ этого она сдѣлалась любовницей нингутинскаго полицеймейстера, что нисколько не мѣшало нѣкоторымъ изъ ея друзей подумывать о женитьбѣ на ней. Все это очень хорошо

извѣстно въ городѣ, такъ какъ Се-Кынза любитъ при случаѣ пораз- сказать о себѣ и лишній разъ напомнить слушателямъ, что она была женой офицера китайской арміи.

Когда переговоры между родными жениха и невѣсты при помощи сватовъ приводятъ къ благопріятному результату, назначается время свадьбы. На жениха ложатся почти всѣ свадебные расходы. Невѣста не приноситъ съ собою никакого приданаго. Свадебное платье для невѣсты, затраты на которое представляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ свадебныхъ расходовъ,—дѣлается женихомъ. По обычному праву, дочь, вообще, не является наслѣдницей послѣ отца ни въ какой долѣ имущества; если она единственная дочь,—наслѣдниками являются дальніе родственники умершаго. Только мать можетъ передать свои деньги дочери, и это единственный видъ приданаго, на которое здѣсь, вообще говоря, женихъ никогда не разсчитываетъ.

Но вотъ наступаетъ и самая свадьба. Наканунѣ перехода невѣсты въ домъ своего будущаго мужа ее возятъ по городу въ парадной коляскѣ или паланкинѣ. Впереди ѣдутъ всадники въ костюмахъ ярко-краснаго цвѣта и красныхъ же шапкахъ. За ними, почти бѣгомъ, съ длинными мѣдными трубами, издающими рѣзкіе звуки, съ литаврами, бубенчиками и трещотками слѣдуютъ музыканты, извлекающіе изъ своихъ инструментовъ звуки, ужасные для европейскаго уха. За музыкантами слѣдуетъ экипажъ о двухъ колесахъ, запряженный въ одну лошадь, которую ведетъ въ поводу слуга *). Экипажъ украшенъ мѣхами, перьями, краснымъ сукномъ. Въ немъ сидитъ невѣста, тщательно набѣленая и нарумяненая, въ богатомъ свадебномъ платьѣ. Въ слѣдующемъ экипажѣ—красивая дѣвочка-подростокъ, сестра или родственница невѣсты или одной изъ ея подругъ. Вся эта процессія подъ звуки раздирающей уши музыки, сопровождаемая толпой народа и мальчуганами, слѣдующими въ припрыжку за скороходами, обходитъ четыре раза кругомъ всего города. Въ этой процессіи женихъ не участвуетъ. Назначеніе этой процессіи—показать всѣмъ жителямъ города невѣсту и похвалиться богатствомъ ея наряда **).

Вечеромъ того же дня женихъ въ лучшемъ своемъ костюмѣ и непремѣнно въ красной шапкѣ отправляется верхомъ въ домъ своей невѣсты; за нимъ слѣдуютъ красные носилки, окруженные слугами и

---

*) Иногда экипажъ-арбу замѣняютъ паланкиномъ со скороходами.

**) Едва ли найдется другая страна, гдѣ бы мнѣніе согражданъ о богатствѣ человѣка такъ цѣнилось, какъ въ Китаѣ. Одинъ мелкій лавочникъ въ г. Нингутѣ, кое-какъ говорившій на ломаномъ русскомъ языкѣ, при нашемъ первомъ знакомствѣ, показалъ намъ свой магазинъ и все время твердилъ, что онъ «шибко богатый купца есть». При этомъ, какъ бы въ доказательство, онъ показывалъ намъ серебряныя вещи, бывшія въ его магазинѣ; чтобы окончательно убѣдить насъ въ своихъ огромныхъ богатствахъ, онъ сообщилъ, что у него «двѣ бабушки есть», т.-е., что у него имѣется двѣ жены. Мы сочли долгомъ вѣжливости выказать знаки удивленія передъ такими сокровищами.

музыкантами. Въ домѣ невѣсты устраивается пиръ, продолжающійся до поздней ночи, когда женихъ торжественно при звукахъ музыки увозитъ невѣсту въ свой домъ, въ спеціально для нея приготовленныхъ носилкахъ.

Молодыхъ встрѣчаетъ мать жениха. Она разстилаетъ у дверей дома красный коверъ и ставитъ на колѣни жениха и невѣсту. Каждому изъ нихъ она завязываетъ на шею по красному шнурку, соединяетъ шнурки и замыкаетъ ихъ замкомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она отмыкаетъ замокъ, снимаетъ нитки, завертываетъ ихъ въ красную бумажку и тутъ же торжественно ее сжигаетъ. Послѣ этого обряда женихъ проходитъ впередъ въ комнату, предназначенную для молодыхъ, соотвѣтственнымъ образомъ убранную *), что лежитъ на обязанности свекра, и садится на красную циновку; черезъ нѣсколько времени мать жениха съ двумя молодыми женщинами вводитъ туда же невѣсту и сажаетъ ее рядомъ съ женихомъ. Съ этого момента они считаются мужемъ и женой.

Празднества продолжаются еще нѣсколько дней. На другой день послѣ пріѣзда молодой въ домѣ жениха устраивается обѣдъ. За столъ, кромѣ гостей, сажаютъ маленькихъ красивыхъ дѣвочекъ; молодые садятся рядомъ. Въ началѣ обѣда, молодая кланяется каждому изъ гостей, становясь на колѣни, и благодаритъ за честь, оказанную дому ихъ посѣщеніемъ. Гости по обычаю дарятъ ей деньги, отъ 1 до 4 дяо (отъ 55 до 2 р. 20 к.). За обѣдомъ—неизбѣжная музыка. На третій день послѣ свадьбы молодые дѣлаютъ визитъ роднымъ жены.

Положеніе жены въ домѣ мужа далеко незавидное. Считается неприличнымъ, чтобы мужъ зналъ даже имя своей жены. Спросить у манчжура объ имени его жены значитъ оскорбить его. Главное значеніе принадлежитъ мужчинѣ; по сравненію съ нимъ женщина является существомъ подчиненнымъ и низшимъ. Обычай санкціонировалъ такія отношенія и внѣшнимъ образомъ выразился въ опредѣленномъ складѣ женскаго этикета. При входѣ мужчины въ комнату, все равно, будетъ ли это мужъ, братъ или гость, женщины встаютъ. То же онѣ дѣлаютъ при ихъ выходѣ. Такая разница въ положеніи мужчины и женщины сказывается на всемъ укладѣ семейной жизни. Такъ, напримѣръ, мужъ можетъ увлекаться другими женщинами сколько ему угодно, и жена, даже зная объ этомъ, не смѣетъ ему сказать ни одного слова упрека, не смѣетъ намекнуть ему, что ей извѣстно что-нибудь о его измѣнѣ.

Измѣнить женѣ, вообще говоря, не считается преступленіемъ. Отъ людей, оставившихъ по какимъ-либо соображеніямъ свою семью на родинѣ, часто приходилось слышать, что отсутствіе семьи, которую имъ не приходится видѣть по многу лѣтъ, мало ихъ тяготитъ, что къ этому очень скоро привыкаешь, и что, наконецъ, «деньги есть и жена есть».

*) Обыкновенно свекоръ украшаетъ окно затѣйливо вырѣзанными красными бумажками, застилаетъ красной циновкой и пр.

То же впечатлѣніе о подчиненномъ положеніи жены выносишь изъ знакомства съ лубочными картинами изъ семейной жизни. Одна изъ нихъ изображаетъ сцену примиренія супруговъ. Молодые поссорились. Мужъ побилъ жену и ушелъ изъ дому. Онъ не появляется въ домѣ цѣлыхъ 3 дня, предаваясь разгулу съ веселыми женщинами. Горе молодой покинутой жены не имѣетъ границъ. Только слезы смягчаютъ ея тяжелое угнетенное состояніе и облегчаютъ душу. Наконецъ, ея отецъ тронутъ печалью и слезами своей дочери. Онъ отыскиваетъ ея мужа гдѣ-то въ вертепѣ и заставляетъ его вернуться и примириться съ женой. Моментъ примиренія изображенъ на картинѣ. Съ лѣвой стороны жены видна фигура старухи матери, обращающейся къ молодой съ укоризненнымъ жестомъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что побои здѣсь не въ обычаѣ и случаются, какъ рѣдкое исключеніе.

Совсѣмъ иныя послѣдствія влечетъ за собой измѣна жены. По обычному праву, мужъ, заставшій свою жену съ другимъ, имѣетъ право убить ихъ обоихъ. Это не только не преступленіе, но даже доблесть; поступившій такъ можетъ разсчитывать на всякое къ себѣ уваженіе и почетъ; о немъ будутъ говорить какъ о человѣкѣ, у котораго «крѣпкое сердце». По словамъ мѣстныхъ жителей, такому человѣку каждый купецъ охотно дастъ въ знакъ своего уваженія 1 дяо (55 к.), а фудутунъ *) дастъ 20 и 30 дяо (11—16 р. 50 к.). Въ Нингутѣ такіе случаи рѣдки, въ Гиринѣ, главномъ городѣ провинціи того же имени, такіе случаи представляютъ собою болѣе частое явленіе. Случается также, что жена, боясь мести съ стороны мужа, убиваетъ или отравляетъ его при помощи любовника. Въ Нингутѣ ходили разсказы о слѣдующемъ происшествіи въ Іехо, городкѣ и крѣпости, лежащемъ верстахъ въ 25 отъ Нингуты. Обманутый мужъ, узнавъ объ измѣнѣ жены и о томъ, что она съ любовникомъ порѣшили его убить, вышелъ изъ затруднительнаго положенія, убѣжавъ въ городъ Санъ-Синъ (за нѣсколько верстъ) и бросивъ жену, домъ и все свое имущество.

Нерѣдко мужъ, узнавъ объ измѣнѣ жены, ограничивается только тѣмъ, что прогоняетъ ее. Выгнать жену изъ дому—здѣсь самое обычное явленіе. Этимъ пріемомъ пользуются мужья не только тогда, когда узнаютъ объ измѣнѣ, но и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, чтобы избавиться отъ старой и некрасивой жены. Въ этомъ случаѣ жена можетъ жаловаться фудутуну, и если послѣднимъ будетъ установлено, что жалоба имѣетъ основаніе,—мужа обыкновенно подвергаютъ наказанію и обязываютъ снова принять ее въ домъ. Очень рѣдко бываетъ, что мужъ и жена расходятся полюбовно; но все же приходится наблюдать и такіе случаи; иногда супруги остаются жить въ прежнемъ домѣ, но устраиваютъ свою жизнь каждый отдѣльно.

Таково положеніе жены и отношенія ея къ мужу, который является

*) Губернаторъ области.

такимъ образомъ полновластнымъ ея господиномъ, распоряжающимся ею какъ вещью, не заботясь о ея удобствахъ, не входя въ ея печали и радости.

Даже дѣти не принадлежатъ выгнанной женѣ и всегда остаются у отца; иногда только, въ видѣ милости, мужъ уступаетъ женѣ дѣвочекъ, мальчики же всегда остаются у его. Если ко всему этому прибавить подчиненное положеніе жены по отношенію родныхъ мужа и въ особенности матери его, то получится полная картина униженнаго и жалкаго положенія замужней женщины, не защищенной ни обычаями, ни законами страны.

Правда, положеніе жены нѣсколько улучшается съ рожденіемъ сына, но улучшеніе это настолько незначительно, что едва ли можно придавать ему большое значеніе. Рожденіе сына имѣетъ большое значеніе для матери лишь въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ нѣсколько женъ (многоженство допускается здѣсь закономъ и обычаями). Тогда жена, родившая сына, пріобрѣтаетъ нѣчто въ родѣ старшинства надъ другими женами. Трудно сказать, откуда появилось многоженство въ Манчжуріи. Быть можетъ, оно представляетъ собою пережитокъ того отдаленнаго періода, когда населеніе вело кочевой образъ жизни и ближе подходило къ современнымъ кочевникамъ Все же надо сказать, что многоженство явленіе здѣсь очень рѣдкое. Съ одной стороны, чтобы имѣть нѣсколькихъ женъ, надо быть очень богатымъ человѣкомъ, такъ какъ каждой женѣ, по обычаю, надо предоставить отдѣльное помѣщеніе (иногда даже цѣлый домъ); съ другой—постоянное соперничество женъ, даже раздѣленныхъ между собою отдѣльными помѣщеніями, создаетъ удушливую нравственную атмосферу, способствующую возникновенію преступленій. Убійство и отравленіе мужей представляетъ здѣсь довольно обычное явленіе, чаще всего наблюдаемое въ семьяхъ, гдѣ нѣсколько женъ и въ которыхъ положеніе женщины, вообще говоря, значительно тяжелѣе. Частая повторяемость подобныхъ явленій на ряду съ неизбѣжными ссорами и непріятностями, сопряженными съ сожительствомъ двухъ или болѣе женъ, заставляютъ смотрѣть здѣсь на берущаго вторую жену въ свой домъ, какъ на человѣка глупаго и взбалмошнаго. По разсказамъ, наказаніе, которому подвергаются виновныя въ убійствѣ мужа, одно изъ самыхъ ужасныхъ. Осужденной отрѣзаютъ руки сперва по локти, потомъ по плечи, отрѣзаютъ носъ, груди, распарываютъ животъ и ужъ послѣ всего этого отрубаютъ голову. Несмотря на такую тяжелую казнь, случаи убійства и отравленія мужей ихъ женами происходятъ здѣсь довольно часто, и это можетъ послужить еще однимъ лишнимъ указаніемъ на тяжелое положеніе женщины въ семьѣ.

Въ семьяхъ съ одной женой отношенія между супругами отличаются большею сердечностью. Тутъ, особенно въ трудящихся классахъ, не рѣдкость встрѣтить мужа, который смотритъ на жену, какъ на това-

рища въ жизни и мать своихъ дѣтей. Одинъ знакомый ремесленникъ, занимавшійся въ г. Нингутѣ производствомъ одѣялъ изъ коровьей шерсти (танза), говорилъ, что женатому, даже и въ бѣдности, легче живется на свѣтѣ. Жена помогаетъ мужу не только въ домашнемъ хозяйствѣ, но и въ его ремеслѣ, выполняя разныя несложныя операціи. Нужно сказать, что участіе женщинъ въ ремеслѣ мужа здѣсь довольно обычное явленіе и наблюдается во многихъ самыхъ разнообразныхъ производствахъ.

Среди солдатъ здѣсь въ большомъ ходу пѣсня съ очень заунывнымъ мотивомъ, напоминающимъ мотивы киргизскихъ пѣсенъ, въ которой солдатъ оплакиваетъ смерть своей жены. «Послѣ нея остались малыя дѣти—сироты. Плачутъ онѣ, бѣдныя, прижавшись другъ къ другу головками, и никто уже не придетъ ихъ утѣшить. Въ домѣ нѣтъ ни хлѣба, ни мяса, а онъ вдали отъ нихъ бродитъ въ сопкахъ, отыскивая хунхузъ».

Такія же сердечныя отношенія встрѣчаются и со стороны женщины.

Я позволю себѣ привести отрывки изъ народнаго пѣсенника лубочнаго изданія, гдѣ помѣщенъ плачъ безутѣшной вдовы. Плачъ пріуроченъ къ каждому мѣсяцу года.

Январь. «Ей было 18 лѣтъ, когда она вышла замужъ. Прошло нѣсколько лѣтъ счастливыхъ и спокойныхъ, какъ вдругъ умеръ ея мужъ всего 23 лѣтъ отъ роду. Съ маленькимъ сыномъ на рукахъ она осталась одинокою въ цѣломъ мірѣ. Мужъ былъ для нея какъ бы небесный столбъ; когда онъ умеръ, для нея рушилось половина неба. Она плачетъ, вспоминая о немъ; слезы бѣгутъ изъ ея глазъ словно блестящія бусы, нанизанныя на шелковинку. Теперь новый годъ, всѣ люди радуются великому празднику, — одна она сидитъ безутѣшная, раздумывая, какъ ей жить одной. Никто не приходитъ къ ней даже въ этотъ великій праздникъ! У нея есть и братья и родственники; если бы у нея остались деньги послѣ мужа—всѣ они были бы у нея въ этотъ день. Но денегъ у нея нѣтъ,—и она одна».

Февраль. «Стоитъ хорошая погода. Люди сѣютъ, работаютъ въ полѣ. Будь живъ ея мужъ, онъ тоже работалъ бы. У нея есть родственники, есть братъ, но братъ ея дурной человѣкъ, и ни онъ, никто другой не хочетъ ей помочь. Она горько плачетъ и слезы текутъ по ея лицу въ два ручья, не пересыхая. Ей становится легче, когда она взглянетъ на своего маленькаго сына. Она думаетъ тогда о томъ счастливомъ времени, когда онъ выростетъ, и они станутъ жить безбѣдно».

Мартъ. «Всѣ люди идутъ на кладбище поклониться предкамъ; вдова идетъ на могилу своего мужа, громко плачетъ и молится, чтобы духъ мужа помогъ ея сыну скорѣе вырости и успѣшно заниматься въ школѣ. Она уходитъ съ кладбища, облегчивъ свое горе слезами. Когда

она приходитъ домой, пустыя комнаты снова напоминаютъ ей о невозвратимой потерѣ и это снова погружаетъ ее въ печаль».

Второй мартъ. «Сынъ ея заболѣлъ. Она ропщетъ на Великого Фо. Онъ такъ слѣпъ, что не видитъ, какъ глубоко она несчастна, какъ сильно нуждается въ его помощи... Она плачетъ и слезы текутъ изъ ея глазъ двумя ручьями, не пересыхая».

II.

Постоянная затаенная вражда и интриги женъ въ семьяхъ, гдѣ ихъ нѣсколько, не вызываетъ вражды одной жены къ дѣтямъ другой. Сюжетомъ одной изъ лубочныхъ картинъ послужила слѣдующая трогательная исторія. У китайца Ли было двѣ жены и отъ одной изъ нихъ у него былъ сынъ. Когда мальчику исполнилось 3 года, отецъ его умеръ, а мать, очень красивая женщина, вскорѣ вышла замужъ за другого. Взять съ собою сына въ семью мужа она не могла, потому что у мужа были братья. По закону же вдова, выходя замужъ за человѣка, у котораго есть братья, не можетъ вводить въ семью своихъ дѣтей мужескаго пола. Мальчикъ былъ оставленъ своею родной матерью на произволъ судьбы. Вторая жена умершаго Ли сжалилась надъ ребенкомъ, взяла его къ себѣ и воспитывала, какъ родного сына. Послѣ смерти мужа она осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни и перебивалась ничтожнымъ заработкомъ отъ тканья дабы (грубой китайской матеріи), котораго едва хватало на самые необходимые расходы и на плату въ школу за обученіе мальчика. Дальше разсказывается, что мать хотѣла однажды наказать сына за лѣность и ложь, но онъ сталъ кричать, что она не имѣетъ права его наказывать, такъ какъ она ему не родная мать. Это очень ее опечалило и она въ порывѣ отчаянія обрѣзала нитки на ткацкомъ станкѣ и заявила, что не хочетъ больше съ нимъ жить, пусть идетъ, куда знаетъ. Благодаря вмѣшательству преданнаго стараго слуги, оставшагося въ семьѣ послѣ смерти господина, мальчикъ раскаялся и пришелъ къ матери просить, чтобы она его наказала. Мать простила его.

Вопросъ о воспитаніи дѣтей разрѣшается китайцами весьма просто. До пяти-шести-лѣтняго возраста *) на ребенка мало обращается вниманія. Когда онъ достигаетъ 8—9-ти-лѣтняго возраста, родители приступаютъ къ обученію грамотѣ, которое обыкновенно продолжается 3—4 года, но можетъ тянуться десять и даже двадцать лѣтъ. Кромѣ обученія чтенію, письму и счету, мальчику стараются преподать правила вѣжливости и воспитать въ немъ чувство почтительности къ старшимъ.

Рожденію мальчика придается бóльшее значеніе, чѣмъ появленію на

---

*) Возрастъ китайцы считаютъ не со дня рожденія, а со дня зачатія ребенка.

свѣтъ дѣвочки. Выше было уже указано на вліяніе, оказываемое рожденіемъ мальчика на положеніе женщины въ семьѣ. Дѣтей здѣсь наказываютъ рѣдко и только въ школьномъ возрастѣ въ тяжелое для нихъ время обученія грамотѣ; мальчиковъ обыкновенно наказываетъ отецъ, дѣвочекъ мать. На вопросы постороннихъ о дѣтяхъ, ихъ успѣхахъ въ наукахъ и пр., родители обыкновенно отзываются о нихъ дурно. Это считается необходимымъ педагогическимъ правиломъ. «Негодяй-мальчишка», «лѣнтяй», «никуда не годный»—вотъ обычная характеристика дѣтей въ устахъ ихъ родителей.

Въ Манчжуріи не уродуютъ ногъ у дѣвочекъ, какъ это дѣлается въ Серединномъ Китаѣ; здѣсь женщины находятъ, что большія ноги красивѣе маленькихъ—изуродованныхъ—и даютъ возможность быстрѣе и свободнѣе двигаться.

Вслѣдствіе плохихъ гигіеническихъ условій смертность дѣтей здѣсь огромная. Это представляетъ обычное явленіе, къ которому всѣ привыкли и которое тутъ никого не поражаетъ. Пожеланія смерти своему ребенку, особенно дочери, здѣсь часто можно услышать отъ родителей; они произносятся открыто, въ кругу своихъ знакомыхъ. Однажды за ужиномъ у богатаго купца въ Нингутѣ, я обратилъ вниманіе, что жена его вытираетъ черезъ каждыя 5—10 минутъ глаза у своей меньшой дочери, дѣвочки лѣтъ трехъ. Грязную тряпочку, служившую ей для этого, она окунала въ чашечку съ водой, поставленную тутъ же на столѣ. Кто-то изъ гостей обратился къ хозяину дома съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу болѣзни его дочери. Къ немалому нашему изумленію, купецъ очень спокойно отвѣтилъ: «это ничего. Если она даже и умретъ, то это будетъ только хорошо». Эта фраза, очень дикая для насъ, объясняется воззрѣніемъ китайцевъ на маленькихъ дѣтей, какъ на животное или что-то среднее между животнымъ и человѣкомъ. Дѣти живутъ здѣсь заброшенными, не видя ласки, и очень часто умираютъ въ раннемъ возрастѣ.

На сколько жестоко отношеніе родителей къ дѣтямъ до 6-ти лѣтъ, видно изъ того, что если они умираютъ въ этомъ возрастѣ, то ихъ не хоронятъ, а завертываютъ въ солому и выбрасываютъ на улицу. Такой обычай объясняется отчасти тѣмъ, что похороны обходятся здѣсь необычайно дорого.

Въ наиболѣе отвратительной формѣ такое отношеніе къ дѣтямъ проявляется въ широко распространенномъ въ Манчжуріи и Китаѣ дѣтоубійствѣ. Убиваютъ дѣтей не только дѣвушки и проститутки, но и замужнія женщины, не желающія по тѣмъ или инымъ соображеніямъ имѣть дѣтей. Китайцы сами находятъ это явленіе своей жизни ненормальнымъ и даже до нѣкоторой степени позорнымъ, и многіе изъ нихъ въ бесѣдахъ объ этомъ старались намъ доказать, что дѣтоубійство встрѣчается только въ рѣдкихъ случаяхъ и къ нему прибѣгаютъ только дѣвушки и вдовы, чтобы избавиться отъ позора, что замужнія

женщины всегда могутъ отдать ребенка кому-нибудь изъ своихъ бездѣтныхъ родственниковъ или знакомыхъ; случаи отказа очень рѣдки. Но это едва ли заслуживаетъ довѣрія. Имѣется очень много указаній, что дѣтоубійство практикуется и замужними женщинами.

Самый способъ дѣтоубійства напоминаетъ похороны ребенка, умершаго до шестилѣтняго возраста, съ тою только разницей, что въ солому заворачиваютъ живого ребенка и выбрасываютъ его на улицу. Слабость и нездоровье родившагося ребенка является очень часто поводомъ къ убійству. Въ г. Нингутѣ старшимъ тауши *) состоитъ почтенный старецъ, родомъ изъ Чифу. По его разсказу, онъ родился очень слабымъ ребенкомъ, и мать собиралась уже завернуть его въ солому и бросить на улицу, но ей стало жалко его и она рѣшила отложить исполненіе своего намѣренія и прибѣгнуть къ послѣднему средству. Она отправилась въ храмъ женскаго божества, «Ня-у-не-у меу», горячо молилась ей, просила о выздоровленіи сына и дала торжественный обѣтъ посвятить его Великому Фо, если молитва ея будетъ услышана. Черезъ нѣсколько дней онъ сталъ поправляться и вскорѣ выздоровѣлъ. Когда ему минуло 9 лѣтъ мать отдала его въ храмъ Конфуція. Объ этомъ эпизодѣ изъ своей жизни тауши любитъ вспоминать, видя въ немъ проявленіе силы Великаго Фо. Вслѣдствіе ли внушенія дѣтямъ почтительности съ ранняго возраста, или безсознательной благодарности за сохраненіе жизни въ то время, когда ихъ можно было швырнуть на улицу, но только уваженіе къ родителямъ чрезвычайно развито въ китайскихъ семьяхъ. Особенно большимъ вліяніемъ пользуется мать, и это единственное здѣсь положеніе женщины, въ которомъ она является окруженная почетомъ и въ которомъ ея желанія выполняются безпрекословно. Вліяніе матери является одной изъ важныхъ причинъ, заставляющей китайцевъ пріѣзжающихъ изъ срединнаго Китая, оставлять семью на родинѣ; такому требованію матери китайцы всегда подчиняются, и въ этомъ нельзя не видѣть желанія матери привязать дѣтей къ родному гнѣзду. Бываетъ, что за отдаленностью окраины, плохими и не безопасными дорогами, китаецъ пріѣзжаетъ на побывку къ семьѣ разъ въ 10—12 лѣтъ, все же онъ не беретъ съ собой въ Манчжурію семьи, даже и послѣ того, какъ достаточно обживется въ чужомъ краю.

Среди манчжуръ и дунганъ наблюдается то-же явленіе. Многіе изъ нихъ живутъ почти всю жизнь вдали отъ семьи только изъ-за нежеланія матери отпустить отъ себя невѣстку. Это повидимому не вноситъ разлада въ ихъ семейную жизнь. У меня былъ одинъ пріятель въ Нингутѣ—содержатель харчевни. Жена его осталась въ его родномъ городѣ съ его матерью. На побывку домой ѣздилъ онъ разъ въ три года за 200 верстъ и былъ очень доволенъ своей судьбой.

---

*) Тауши—священникъ храма Конфуція.

Вліяніе матери, конечно не ограничивается одною сферою запрещеній, но простирается и на всѣ стороны жизни дѣтей. Здѣсь неизвѣстны случаи, чтобы дѣти, даже взрослыя, вышли изъ-подъ власти матери. На базарѣ въ Нингутѣ можно было видѣть двухъ братьевъ—ремесленниковъ, занимавшихся здѣсь, за особыми столиками, изготовленіемъ мѣръ и вѣсовъ. Кто-то изъ русскихъ спросилъ одного изъ нихъ, когда они думаютъ поѣхать на родину, гдѣ они давно уже не были. Онъ отвѣтилъ, что они поѣдутъ на родину, когда мать, оставшаяся тамъ, напишетъ имъ, чтобы они вернулись. Нужно сказать, что оба они неженатые, хотя старшему уже за 40 лѣтъ.

Тяготѣніе китайца къ семьѣ, къ семейной жизни проявляется въ очень распространенномъ здѣсь среди пришлыхъ китайцевъ обычаѣ «побратимства» или «усыновленія» (аръиза), соединяющемъ узами дружбы и родства совершенно чуждыхъ другъ другу людей. Распространенъ онъ по преимуществу среди пришлыхъ молодыхъ китайцевъ, которые попадаютъ на далекую чужбину часто въ очень раннемъ возрастѣ, когда потребность въ семейномъ очагѣ, тоска по родинѣ даютъ себя сильнѣе чувствовать. Два молодыхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ, чаще всего одинокій пришлецъ, а другой—мѣстный уроженецъ, живущій въ семьѣ, встрѣчаются, узнаютъ другъ друга, сближаются и скрѣпляютъ свою дружбу этимъ обычаемъ. Самый обычай состоитъ въ томъ, что въ назначенный матерью одного изъ нихъ день юноша приводитъ въ родительскій домъ своего одинокаго друга; ихъ ставятъ на колѣни передъ изображеніемъ бога—покровителя дома, зажигаютъ молитвенныя красныя восковыя свѣчи, и всѣ молятся Великому Фо о дарованіи новымъ братьямъ долголѣтней, спокойной и счастливой жизни; послѣ этого друзья становятся братьями и принятый въ семью называетъ родителей своего брата отцомъ и матерью, а послѣдніе относятся къ нему съ родственнымъ участіемъ, принимая близко къ сердцу все, его касающееся; утѣшая его въ горѣ, поддерживая въ нуждѣ, радуясь его радостью.

Мнѣ вспоминается, какъ однажды начальникъ партіи инженеровъ, работавшихъ по изысканію желѣзной дороги, хотѣлъ прогнать переводчика за его неаккуратное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Въ тотъ же вечеръ къ нему пришелъ названный отецъ переводчика, глубокій старикъ, и просилъ не отказывать его пріемному сыну отъ мѣста.

Женщины, несмотря на все свое подчиненное и тяжелое положеніе, особенно дорожатъ семьей и ставятъ ее очень высоко. Это и понятно. Только семья даетъ женщинѣ, если не высокое, то, во всякомъ, случаѣ, опредѣленное и почетное положеніе въ семьѣ, когда она дѣлается матерью, и гарантируетъ неприкосновенность ея личности.

III.

Большимъ зломъ въ Манчжуріи является проституція. Ея существованіе часто не признается оффиціально-административною властью, но это нисколько не мѣшаетъ ея процвѣтанію.

Безысходная бѣдность, тяжелое, угнетенное положеніе женщины и, чаще всего, страсть къ опію — вотъ факторы, толкающіе ее на путь проституціи. Правда, въ Манчжуріи, какъ и въ Японіи, эта профессія не накладываетъ на женщину позорнаго пятна; эти страны относятся къ падшей женщинѣ болѣе снисходительно и болѣе гуманно, чѣмъ страны культурнаго Запада. Все же, надо признать, что только бѣдность и сильная нужда толкаетъ женщину на этотъ путь. Трудно себѣ представить положеніе болѣе тяжелое и болѣе ужасное, чѣмъ положеніе проститутки въ Манчжуріи. Вся жизнь ея проходитъ въ безпросвѣтномъ mракѣ, въ тяжелой и позорной борьбѣ изъ-за куска хлѣба и удовлетворенія потребности въ опіѣ, дающемъ имъ желанный покой, розовыя сновидѣнія, а главное возможность хоть на время забыться отъ окружающей дѣйствительности.

Куреніе опія очень распространено здѣсь не только среди мужчинъ, но и среди женщинъ. Послѣднія прибѣгаютъ къ нему, какъ къ усыпляющему средству и какъ лѣкарству отъ нѣкоторыхъ болѣзней. Незамѣтно пріучивъ свой организмъ къ опію, черезъ 1—2 года человѣкъ чувствуетъ въ немъ такую сильную потребность, что, по словамъ одной курильщицы опія, она предпочла бы смерть лишенію его. Втягиваясь въ куреніе опія, человѣкъ долженъ постепенно увеличивать его количество; организмъ быстро привыкаетъ къ опредѣленной дозѣ, и она не производитъ на него дѣйствія. Чтобы это дѣйствіе сказалось, необходимо ее увеличить. Такимъ образомъ они доходятъ до 1 ляна опія въ день. Это составляетъ очень значительный по мѣстнымъ условіямъ расходъ въ 70—75 коп. въ день. Не имѣя возможности добыть такой суммы путемъ заработка, женщина прибѣгаетъ къ проституціи, какъ единственному исходу, дающему возможность удовлетворить потребность организма въ опіѣ.

Куреніе опія является такимъ образомъ одною изъ самыхъ главныхъ причинъ, толкающихъ женщинъ на путь разврата; можно сказать, что едва ли найдется проститутка, не курящая опій. Другими причинами являются отсутствіе заработка для одинокой женщины. Въ такомъ безпомощномъ положеніи чаще всего оказываются вдовы, жены выгнанныя или брошенныя своими мужьями, дѣвушки-сироты. Ими въ значительной мѣрѣ пополняются многочисленныя кадры проститутокъ. Изрѣдка среди нихъ встрѣчаются дѣвушки, часто подростки, почти дѣти, руководимыя своими матерями или же, еще чаще, сводними, толкающими ихъ на этотъ путь. Помимо домовъ терпимости, представляющихъ какія-то ужасныя клоаки, проститутки ютятся въ

глухихъ фанзахъ на окраинѣ города у бѣдняковъ, эксплоатирующихъ ихъ за жалкій уголъ и пищу. Чаще всего это встрѣчается въ тѣхъ городахъ, гдѣ мѣстное начальство—амбань или фудутунъ—не разрѣшаетъ устройство домовъ терпимости.

Многія изъ нихъ, чтобы защитить себя отъ эксплоатаціи хозяевъ квартиры, нападокъ полиціи и буйства посѣтителей, стараются пріобрѣсти сожителя, обыкновенно курильщика опія, не способнаго ни къ какому труду, который все же служитъ для нея нѣкоторой защитой и въ глазахъ полиціи играетъ роль мужа. Это не мѣшаетъ, впрочемъ, защитнику эксплоатировать свою сожительницу. Онъ получаетъ на руки всѣ деньги и распоряжается ими по своему усмотрѣнію. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ деньгами распоряжается сожительница. Если дѣла такой парочки идутъ удачно, они открываютъ гостинницу, ресторанъ или опійный домъ. Послѣдній часто соединяется съ первыми. Въ такой гостинницѣ или ресторанѣ обыкновенно цѣлыя ночи происходятъ азартныя картежныя игры, до которыхъ китайцы такіе охотники, и въ которыхъ хозяева принимаютъ самое живое участіе. Такимъ образомъ возникаютъ универсальныя учрежденія, гдѣ на ряду съ проституціей процвѣтаетъ куреніе опія, азартныя игры въ карты и пр.

Какъ я уже говорилъ выше, проститутки часто выходятъ замужъ за людей богатыхъ и уважаемыхъ. Общественное мнѣніе не возмущается такими браками. Проститутку, пристрастившуюся къ опію, отъ замужества часто удерживаетъ только бѣдность жениха, которая исключаетъ возможность удовлетворять эту потребность.

П. Лобза.

Изъ Д. Лиліенкрона.

Въ лѣсу.

„Пять дней голодаю, скитаюсь, но мнѣ
„Работы нигдѣ нѣтъ въ родной сторонѣ.
„Брожу, побираясь, изъ дома я въ домъ.
„Чтобъ вымолить черстваго хлѣба съ трудомъ“.

Что держитъ бѣднякъ подмастерье въ рукѣ?
Что тихо скатилось по блѣдной щекѣ?
Зачѣмъ безнадежно, сквозь листьевъ узоръ,
Блуждаетъ отъ дерева къ дереву взоръ?

А солнце сіяетъ, кругомъ—тишина,
И только малиновки пѣсня слышна.
Но дубъ у опушки дрожитъ... Отчего?
Исчезъ человѣкъ межъ вѣтвями его.

Веревку съ убогаго снявъ узелка,
Накинула петлю на шею рука.
Повисъ онъ,—и быстро свершенъ переходъ:
Сегодня онъ видѣлъ послѣдній восходъ.

Свѣтаетъ... Блеститъ на деревьяхъ роса,
Какъ прежде, повсюду—и жизнь, и краса,
Воркуетъ, встрѣчая зарю, голубокъ,
Въ вѣтвяхъ безучастно шумитъ вѣтерокъ.

Проходитъ лѣсничій. Мертвецъ межъ вѣтвей?
Разрѣзанъ веревочный узелъ... Живѣй!
Идетъ заявить онъ объ этомъ властямъ,
Жандармы, народъ—собираются тамъ.

Судейскій въ перчаткахъ дознаться спѣшитъ:
Съ корыстной ли цѣлью бродяга убитъ?
И тѣло въ участокъ относятъ; потомъ
Въ оврагѣ зароютъ его подъ кустомъ.

Подъ нумеромъ триста десятымъ внести
Пришлось его въ книгу. תремъ стамъ девяти
Такую же долю рокъ злобный судилъ...
Кто въ мірѣ знавалъ ихъ, и кто ихъ любилъ?

О. Чюмина.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ *).

II. Оффиціальная побѣда критическихъ элементовъ надъ националистическими.

Оффиціальный характеръ побѣды.—«Средній» путь Крижанича и отношеніе къ реформѣ царя Алексѣя Михайловича.—Умѣренно-національная реформа В. В. Голицына; ея казовой характеръ; ея претензіи и ея неудачи во внѣшней и внутренней политикѣ.—Контрастъ между государственной дѣятельностью Голицына и времяпрепровожденіемъ молодого Петра. — Консервативная реакція послѣ сверженія Софьи.—Насильственный и крайній характеръ реформы Петра.—Объясненіе этого характера условіями обстановки—культурной и соціальной.—Причина особаго ослабленія националистической культурной традиціи—въ предшествовавшей религіозно-церковной реформѣ и ея послѣдствіи: моральномъ кризисѣ въ средѣ правящаго класса.—Причина особаго ослабленія соціальныхъ препятствій—въ отсутствіи господствующаго класса.—Отказъ дворянства отъ политической роли и безсиліе правящей бюрократіи воспользоваться положеніемъ. — Легкость волненій, какъ послѣдствіе этого; ихъ исключительно отрицательный характеръ.—Безсиліе олигархической тенденціи правящей бюрократіи. — Гдѣ искалъ Петръ опору своей власти? — Его отношеніе къ бюрократіи и боярству.—Недовѣрчивость Петра и ея результаты—въ выборѣ сотрудниковъ.—Послѣдствія этого выбора: необходимость дѣлать все лично и недовѣріе къ избраннымъ.—Отсутствіе подходящихъ сотрудниковъ, какъ новая причина индивидуальности реформы.—Дворянская гвардія, какъ самая надежная опора власти.—Майоры гвардіи, какъ самые довѣренные люди.

Мы познакомились съ тѣмъ, какъ проникали въ русскую народную жизнь, начиная съ конца XV до конца XVII в., все въ большемъ и большемъ размѣрѣ, элементы критики, заимствованные изъ жизни европейскихъ народовъ. Мы видѣли также и то, что первымъ, ближайшимъ послѣдствіемъ этого вліянія критическихъ элементовъ—была совсѣмъ не реформа національной жизни, а лишь, по контрасту, болѣе или менѣе сознательная формулировка ея мѣстныхъ особенностей, сложившихся мало-по-малу въ національный идеалъ, не подлежавшій никакой реформѣ.

Дальнѣйшей ступенью того же вліянія,—къ которой мы теперь должны перейти,—была побѣда критическихъ элементовъ надъ только что сложившимся національнымъ идеаломъ,—побѣда, выразившаяся въ полной реформѣ жизни. Но на первый разъ побѣда эта оказалась

*) См. Міръ Божій, 1900, май.

внѣшней и формальной, такъ какъ совершена была насильственными мѣрами власти, а не внутреннимъ процессомъ эволюціи народной жизни. Вотъ почему мы назвали эту побѣду, характеризующую второй періодъ въ исторіи борьбы между русскимъ націонализмомъ и критикой, терминомъ «*оффиціальной*». Первой нашей задачей въ этомъ отдѣлѣ и будетъ—показать, почему таковъ именно оказался характеръ первой побѣды критики надъ націонализмомъ въ русской жизни.

Возможность *иного* способа побѣды горячо старался, какъ мы видѣли, доказать московскому правительству знаменитый католикъ-панславистъ Крижаничъ, мечтавшій разрѣшить вопросъ о реформѣ въ полной гармоніи съ національнымъ вопросомъ. Но предлагавшійся Крижаничемъ «средній» путь уже потому долженъ былъ оказаться невозможнымъ, что основанъ былъ на наличности такого условія, котораго не было въ русской жизни тогда и которое не скоро явилось потомъ. Какъ при заимствованіи чужого, такъ и при сохраненіи своего, онъ предполагалъ полную сознательность выбора, основаннаго на указаніяхъ «разума». Именно этой-то сознательности и не было, а за ея отсутствіемъ весь ходъ развитія критическихъ воззрѣній и національнаго самосознанія пошелъ совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлось нашему публицисту. Критическіе элементы заимствовались стихійно, полусознательно, механически, и въ такія же стихійныя, полусознательныя формы вылился національный протестъ. Такимъ образомъ, споръ и рѣшился не путемъ добровольнаго компромисса, а путемъ открытой борьбы крайнихъ воззрѣній и,—какъ ея перваго результата,—«оффиціальной побѣды».

Неизбѣжность такого исхода, правда, выяснилась далеко не сразу; и въ шестидесятыхъ годахъ XVII в., когда писалъ Крижаничъ, онъ еще имѣлъ полную возможность предаваться своимъ иллюзіямъ. Элементы критики, при первомъ своемъ распространеніи, на самомъ дѣлѣ очень близко соприкасались съ элементами національнаго идеала, при первой его формулировкѣ. Уже не говоря о созданіи, при помощи чужеземныхъ элементовъ, новаго монархическаго идеала XVI в., и новый бытовой идеалъ XVII в. находился съ элементами критики въ близкомъ сосѣдствѣ. Какъ мы уже говорили раньше, и критика, и національное самосознаніе, въ своихъ первыхъ источникахъ, были двумя сторонами одного и того же соціально-психическаго процесса, совершавшагося въ одной и той же общественной средѣ, часто даже въ однихъ и тѣхъ же людяхъ. Этой средой былъ единственно доступный западному вліянію тѣсный придворный кругъ; этими лицами, совмѣщавшими западничество съ націонализмомъ, были, въ сущности, всѣ знаменитые западники XVII ст. Даже такое специфически-національное движеніе, какъ расколъ, имѣло однимъ изъ своихъ источниковъ, какъ намъ уже извѣстно *),

*) См. «Очерки», II, 40—1. Ср. также на стр. 136—7 замѣчанія Костомарова о расколѣ, какъ о движеніи по существу своему новомъ и передовомъ для того времени, когда оно возникло.

просвѣтительно-реформаторскія стремленія кружка, собравшагося при молодомъ тогда царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Да и самъ царь, въ началѣ царствованія, казалось, какъ нельзя лучше подходилъ къ этому культурному моменту первоначальнаго равновѣсія—или, вѣрнѣе сказать, безразличія—элементовъ критики и націонализма въ русскомъ сознаніи. На счастье «тишайшаго» царя Алексѣя, ему не пришлось напрягать силъ для какой-нибудь крупной исторической борьбы, не пришлось идти къ цѣли черезъ трупы и топить въ винѣ и крови укоры мятущейся совѣсти, какъ приходилось это дѣлать царю Ивану или Петру. Все это было бы для него совершенно непосильно. Ему привелось царствовать въ промежуткѣ между двумя историческими катастрофами, въ моментъ сравнительнаго затишья. Но и въ этомъ затишьѣ все-таки было такъ много движенія, внутренней жизни, что къ концу царствованія Алексѣй Михайловичъ остался позади времени, съ своимъ пассивнымъ и лѣнивымъ оптимизмомъ. Остроумный историкъ московской Руси наглядно изобразилъ намъ историческую роль царя Алексѣя въ позѣ человѣка, занесшаго ногу впередъ, да такъ и застывшаго въ нерѣшительности. Но нерѣшительность «тишайшаго» царя была еще значительнѣе, чѣмъ можно было бы заключить изъ этой позы. Онъ вообще не любилъ никакихъ безпокойныхъ позъ. Онъ никуда не шелъ и даже не стоялъ: онъ просто спокойно возлежалъ на грудѣ обломковъ стараго и новаго, не разбирая, откуда что идетъ, и подобравъ подъ себя, что было помягче. Вмѣстѣ съ этой грудой его несло по теченію. Иногда это мирное плаваніе прерывалось неожиданными толчками изъ міра дѣйствительности, врывавшимися непріятнымъ диссонансомъ въ созданную царемъ искусственную атмосферу покоя и комфорта. Тогда царь волновался,—волновался какъ ребенокъ, которому мѣшаютъ играть въ любимую игрушку. Но за него все устраивали другіе, и царь опять успокаивался до ближайшаго слѣдующаго толчка, который опять приходилъ неожиданно и проходилъ безслѣдно. Чѣмъ дальше, однако же, тѣмъ подводные толчки становились чаще и сильнѣе, тѣмъ яснѣе должно было стать, наконецъ, что кругомъ не все мирно и тихо: что тѣ элементы, которые такъ спокойно улеглись рядомъ въ обиходѣ царя,—суть элементы враждебные другъ другу; что подъ видимой тишью и гладью скрывается незримая борьба, сталкиваются противоположныя теченія, которыя скоро разнесутъ на клочки самыя основы его благополучія. Что-нибудь подобное долженъ былъ чувствовать и самъ царь Алексѣй, сталкиваясь на своемъ жизненномъ пути съ безпокойными людьми, которые не желали знать и цѣнить его душевнаго мира, которые хотѣли борьбы и смѣло шли на нее. Когда, съ одной стороны, упрямый Аввакумъ отъ имени святой старины грозно звалъ царя на страшный судъ съ собой и заклиналъ его стряхнуть съ себя мірское забытье; когда, съ другой, молодой мечтатель, сынъ его любимца (Ордина-Нащокина) бѣжалъ на вольный просторъ мысли и жизни, за «ру-

бежъ», отъ вымотавшаго душу московскаго болота,—тогда и «тишайшему» должно было, хотя минутами, придти въ голову, что мирное соседство элементовъ критики и націонализма не есть нечто само собою разумеющееся и вечное. Но, дорожа больше всего своимъ покоемъ, тишайшій царь отгонялъ отъ себя черныя мысли, следуя своему правилу: «нельзя чтобы не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ меру, чтобы Бога наипаче не прогневать». Съ этимъ благоразумнымъ режимомъ, въ которомъ самое горе обращалось на пользу, какъ своего рода гигіена души, царь Алексей кое-какъ сводилъ свои счеты съ настоящимъ, не безъ содействія крепкихъ московскихъ тюремъ,—а о будущемъ не думалъ. Такимъ образомъ то среднее, скорее нейтральное положеніе между старымъ и новымъ, которое онъ занялъ, ничего не имело общаго съ «среднимъ» путемъ реформы, на который призывалъ его Крижаничъ. Робкаго и смирнаго царя, пасовавшаго передъ самыми пустыми жизненными затрудненіями, уступавшаго всякому сколько-нибудь настойчивому проявленію воли, простодушно удивлявшагося, что въ дворцовомъ ведомстве слушаютъ его приказаній *), и принужденнаго, чтобъ его на самомъ деле слушали, действовать либо хитростью, либо слезами, либо, въ крайнемъ случае, недалекимъ отъ слезъ нервнымъ крикомъ и жалкими словами,—такого царя невозможно представить себе въ роли смелаго реформатора.

Между темъ, прошло царствованіе Алексея и вместе съ нимъ прошелъ первый шансъ помирить или хоть отдалить столкновеніе возникающихъ противоречій при помощи заблаговременнаго компромисса. Эти противоречія, едва обрисовавшіяся въ начале царствованія, къ концу уже выяснились совершенно: уживавшіеся когда-то рядомъ элементы критики и націонализма разошлись далеко въ противоположныя стороны.

Были, однако, люди, которые думали, что время среднихъ решеній все еще не прошло безвозвратно. Надежда на реформу въ націоналистическомъ духе казалась темъ основательнее, что на самомъ деле къ концу века въ области національной мысли, національнаго чувства обнаружились совершенно новыя, небывалыя явленія. Въ своемъ месте мы объ этихъ явленіяхъ говорили: все оне сводятся къ подъему религіознаго сознанія—въ литературе (Великое Зерцало, см. «Очерки» II 174—5), искусстве (новыя теченія въ иконографіи, II, 209—12), въ богословской науке («хлебопоклонная» ересь, II, 153), въ школьномъ деле («Академія» II, 246—7). Все эти явленія связаны также и источникомъ ихъ происхожденія: латинско-польскимъ вліяніемъ. Мы видели, что то же вліяніе обновляло и формы быта, не порывая въ то же время окончательно съ національной традиціей, чему содействовало особенно

*) «Слово мое *теперь* во дворце добре страшно и делается безъ замедленья», шутливо пишетъ онъ Никону.

посредничество Кіева. Словомъ, казалось, элементы реформы въ умѣренно-національномъ духѣ всѣ на лицо: скоро явился и реформаторъ, кн. В. В. Голицынъ, любимецъ Софьи. Реформаторъ имѣлъ широкую программу, лично имъ изложенную одному иностранцу (Нёвиллю). Въ программѣ значилось и устройство регулярной арміи, и постоянныя международныя отношенія Россіи съ заграницей, и полная свобода совѣсти и вѣры, и заграничное воспитаніе дѣтей, и замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, и даже освобожденіе крестьянъ съ землей. Голицынъ хотѣлъ заселить окраины, оживить торговлю и пути сообщенія въ Сибири, «нищихъ сдѣлать богатыми, дикарей превратить въ людей, хижины—въ каменные дворцы». Словомъ, здѣсь было очень много хорошихъ словъ и добрыхъ намѣреній: не было только единства мысли и практической точки опоры для осуществленія программы. За отсутствіемъ того и другого, не было и такого импульса, который бы помогъ претворить слово въ дѣло, и какихъ потомъ оказалось больше чѣмъ нужно въ реформѣ Петра, грѣшившей, какъ сейчасъ увидимъ, обратнымъ недостаткомъ, т.-е. прямо начавшей съ дѣла, а потомъ собравшейся подумать. В. В. Голицынъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ 7 лѣтъ, въ теченіе которыхъ могъ бы такъ же далеко уйти въ своей реформѣ, какъ Петръ, если бы онъ, подобно Петру, былъ человѣкомъ дѣла. Вмѣсто того, настоящее дѣло застало его врасплохъ и было сдѣлано вполнѣ неудачно. Нельзя сказать, чтобы его время было занято и заботой о самосохраненіи, такъ какъ и въ этомъ отношеніи Софьѣ пришлось, наконецъ, замѣнить его болѣе рѣшительнымъ Шакловитымъ.

Каковы же получились итоги семилѣтняго режима умѣренной реформы? Послушаемъ современника и панегириста регентства Софьи кн. Куракина, который находитъ, что «никогда такого мудраго правленія въ россійскомъ государствѣ не было», противопоставляя его притомъ не только предыдущимъ «правленіямъ», но и послѣдующему. Къ сожалѣнію, его главному аргументу всего труднѣе повѣрить: именно, будто бы, въ противоположность предыдущему и послѣдующему времени, семилѣтнее регентство отличалось господствомъ «правосудія» и «умноженіемъ народнаго богатства». «И торжествовала тогда довольность народная», развиваетъ онъ свою мысль, «такъ что всякій легко могъ видѣть: когда праздничный день въ лѣтѣ, то всѣ мѣста кругомъ Москвы за городомъ, сходныя къ забавамъ, какъ Марьины рощи, Дѣвичье поле и проч. наполнены были народомъ, которые въ великихъ забавахъ и играхъ бывали, *изъ чего можно было видѣть* довольность житія ихъ». Эта сентиментальная наивность совсѣмъ не подъ стать обычнымъ реалистическимъ сужденіямъ Куракина; но тѣмъ интереснѣе для насъ это отступленіе отъ обычной манеры: онъ повторилъ, очевидно, то, что слышалъ кругомъ себя ребенкомъ*). Мы

*) Въ годъ паденія Софьи Куракину было 13 лѣтъ.

узнаемъ здѣсь, какихъ похвалъ добивалась и какими довольствовалась голицынская реформа. Это была очевидная фальсификація общественнаго мнѣнія, котораго Голицынъ имѣлъ всѣ основанія бояться.

Такую же рекламу видимъ и во внѣшней политикѣ, непосредственно находившейся въ рукахъ Голицына. Единственный успѣхъ этой политики, вѣчный миръ съ Польшей (1686) и окончательная уступка Кіева, былъ подготовленъ неоднократными совѣтами гетмана Самойловича; но тотъ-же Самойловичъ еще настойчивѣе совѣтовалъ даже и за эту цѣну не обязываться къ походу на Крымъ, невозможность взятія котораго онъ ясно видѣлъ и предсказывалъ. Такъ же скептически онъ относился и къ идейной цѣли борьбы съ турками, въ качествѣ которой уже тогда—и такъ же преждевременно, по мнѣнію Самойловича,—выдвинулось освобожденіе балканскихъ народностей. Самойловичъ указывалъ, что въ лучшемъ случаѣ задача эта выпадетъ на долю поляковъ, которые собственно и рисовали русскимъ дипломатамъ, уже въ 70-хъ годахъ, перспективу славянскаго объединенія. Но, пока русскіе будутъ безплодно возиться съ Крымомъ, говорилъ Самойловичъ, поляки и ихъ союзники австрійцы—будутъ работать на Дунаѣ и за Дунаемъ, и конечно, не въ пользу православной идеи. Если ужъ хотятъ сдѣлать эту идею задачей національной политики, такъ пусть преслѣдуютъ ее не тамъ, гдѣ она пока еще недосягаема, а у себя подъ бокомъ, въ польскихъ владѣніяхъ. Когда, наконецъ, московскіе дипломаты откровенно выставляли послѣдній мотивъ въ пользу войны, необходимость отвлечь внутреннее недовольство внѣшними предпріятіями, то Самойловичъ и тутъ подавалъ дѣловой совѣтъ, которому вскорѣ и послѣдовалъ Петръ. «Не надо,—говорилъ онъ,—держать въ Москвѣ много ратныхъ людей: лучше разослать ихъ по пограничнымъ мѣстностямъ, а въ Москвѣ держать одинъ-два полка надежныхъ людей, которыхъ привлечь къ себѣ милостями». За эти совѣты, которымъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ знаніи дѣла, Самойловичъ получилъ выговоръ, а потомъ и отставку. Голицынъ предпочиталъ осторожной, дѣловой политикѣ—громкую, разсчитанную на казовой эффектъ. Послѣ перваго неудачнаго похода на Крымъ, онъ выставилъ такія условія мира, какихъ Екатерина II, вѣкъ спустя, не рѣшилась продиктовать послѣ своихъ побѣдъ, а послѣ второго—разгласилъ по всей Европѣ о своихъ небывалыхъ успѣхахъ. Какъ бы для наглядной иллюстраціи непрактичности московскаго правительства, его дипломаты появились во Франціи, чтобы убѣждать Людовика XIV помогать «недругу (Австріи) противъ друга (Турціи)», а оттуда проѣхали въ Испанію, чтобы сдѣлать въ истощенной странѣ крупный денежный заемъ. Въ активѣ регентства, подведенномъ Куракинымъ, это значило, что правительство Софьи заботится объ «алліансахъ» и поддерживаетъ «корришпонденцію со всѣми дворами въ Европѣ».

Первымъ условіемъ для блестящей внѣшней политики была коренная военная реформа, которую и проектировалъ Голицынъ, какъ мы видѣли. Но на дѣлѣ и здѣсь реформа не пошла дальше эффектнаго предисловія—знаменитаго уничтоженія (еще при Ѳеодорѣ) мѣстничества, и безъ того ничему не мѣшавшаго въ военномъ дѣлѣ. Голицынъ воспользовался для своихъ походовъ той реорганизаціей арміи (по территоріальнымъ округамъ, см. «Очерки», I, 164), которая давно уже проведена была по совѣту Ордина-Нащокина. Но не введя никакихъ новыхъ существенныхъ улучшеній, онъ долженъ былъ убѣдиться, какъ трудно съ подобной арміей осуществлять затѣянныя имъ грандіозныя предпріятія.

Остается, стало быть, та культурная внѣшность реформы, которая свидѣтельствовала о главномъ источникѣ тогдашняго московскаго просвѣщенія. Какъ выражаетъ это Куракинъ—«политесъ возстановлена въ шляхетствѣ и другихъ придворныхъ съ *манеру польскаго*: и въ экипажахъ, и въ домовномъ строеніи, и въ уборахъ, и въ столахъ». Правда, Куракинъ прибавляетъ еще: «и науки почали быть—латинскаго и греческаго языка»; но мы видимъ какъ разъ въ этомъ пунктѣ все безсиліе латинско-польской партіи въ Москвѣ провести свою образовательную программу, какъ она ни была умѣренна. Мы знаемъ, что открывшаяся, наконецъ, въ Москвѣ академія не только не отвѣчала по своему направленію стремленіямъ московскихъ реформаторовъ, но прямо налагала строжайшій запретъ на ту свободу совѣсти въ дѣлахъ вѣры и на ту свободу частнаго преподаванія, которыя такъ красиво фигурировали въ программѣ Голицына. Въ общемъ, приходится сказать, что умѣренность голицынской реформы состояла не столько въ ея направленіи,—которое гораздо ближе къ Петру, чѣмъ къ Крижаничу,—сколько въ ея неполнотѣ и нерѣшительности, зависѣвшей, быть можетъ, столько же отъ того, что временное правительство не чувствовало у себя твердой почвы подъ ногами, сколько и отъ того, что къ себѣ подъ ноги оно смотрѣло гораздо менѣе, чѣмъ въ туманную, заманчивую даль.

Контрастъ между этой государственной дѣятельностью Голицына и начавшимъ въ то же время опредѣляться времяпрепровожденіемъ молодого Петра былъ очень великъ и, казалось, говорилъ не въ пользу послѣдняго.

Въ то время, какъ Голицынъ окружалъ себя книгами, картами, статуями, Петръ съ азартомъ предавался спорту; и книгу допускалъ въ минимальныхъ размѣрахъ, лишь какъ необходимое зло для подготовки къ спорту же *). Голицынъ ѣздилъ въ Нѣмецкую Слободу для серьезныхъ политическихъ бесѣдъ съ солиднымъ Гордономъ, причемъ держалъ сторону конституціонной Англіи Вильгельма III противъ сто-

*) До конца жизни Петръ сохранилъ такой взглядъ на книгу, какъ на руководство къ практическому дѣлу и терпѣть не могъ «лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ».

ронника династическихъ притязаній Стюартовъ. Петръ слышать не хотѣлъ ни о какой политикѣ, тѣмъ менѣе русской, неразрывно связывавшейся въ его тогдашнемъ представленіи съ торжественными оффиціальными аудіенціями, отъ которыхъ онъ бѣжалъ, какъ отъ чумы. Въ Слободу привезъ его кузенъ Голицына, «пьяница» Борисъ, но не для поучительныхъ бесѣдъ, а для баловъ и попоекъ, которые съ тѣхъ поръ и потянутся непрерывной чередой, подъ руководствомъ Лефорта, «дебошана французскаго». Пока Голицынъ мечталъ о «довольствѣ народномъ», Петръ исподволь принималъ мѣры для обезпеченія личной безопасности. Укрѣпивъ свое положеніе преданной военной силой, Петръ обнаружилъ полное пренебреженіе къ общественному мнѣнію и издѣвался надъ нимъ въ той же мѣрѣ, въ какой Голицынъ за нимъ ухаживалъ и его боялся. Голицынъ въ походахъ только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться въ столицу, чтобы разрушить козни враговъ; Петръ рвался изъ столицы въ походы, какъ бы чувствуя, что тамъ, при войскѣ, его сила, а заботу о столицѣ и объ общественномъ мнѣніи всецѣло свалилъ на плечи своего Аракчеева — князя-кесаря Ромодановскаго. И тогда, какъ Голицынъ высшей цѣлью своей политики считалъ заключеніе «алліансовъ», Петръ во что бы то ни стало искалъ хорошаго театра войны, гдѣ бы можно было разгуляться на волѣ его кораблямъ и пушкамъ.

О реформѣ еще не было сказано ни слова, но Петръ уже былъ въ самомъ руслѣ своей реформы: онъ весь тутъ и до конца жизни останется такимъ, какимъ сложили его десять подготовительныхъ лѣтъ (1686—1695). Кн. Куракинъ, своякъ Петра и свидѣтель, хотя и не близкій, его юношескихъ упражненій, сообщаетъ намъ полный списокъ тогдашнихъ талантовъ Петра вмѣстѣ съ именами его учителей. «Мастеромъ голландскаго языка былъ дьякъ посольскаго приказа, Андрей Виніусъ; для экзерцицій на шпагахъ и лошадяхъ—сынъ датскаго резидента Бутенанта; а для математики и фортификаціи и другихъ артей, какъ токарнаго мастерства и для огней артифиціальныхъ—одинъ гамбурченинъ Францъ Тиммерманъ; а для экзерцицій солдатскаго строю еще въ малыхъ своихъ лѣтахъ обучился отъ одного стрѣльца Присвова Обросима, Бѣлаго полку, а по барабанамъ—отъ старосты барабанщиковъ Ѳедора, Стремяннаго полку, а танцовать по польски — съ одной практики въ домѣ Лефорта». Такова была академія, пройденная Петромъ, и дополненная потомъ въ Голландіи уроками кораблестроенія и зубодерганія. Во всемъ своемъ живописномъ безразличіи всѣ эти курсы наукъ, или лучше—искусствъ, твердо держались въ памяти Петра: до конца жизни онъ такъ же искусно выбивалъ барабанную дробь, дѣйствовалъ топоромъ на кораблѣ, дергалъ зубы, приготовлялъ фейерверки, говорилъ по-голландски съ моряками (для другихъ разговоровъ его знаніе было недостаточно), дѣлая притомъ все это и все другое, за что принимался, — съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто очередное

дѣло и было его главнымъ и единственнымъ занятіемъ. Этотъ талантъ—входить въ суть каждаго дѣла и отдаваться ему вполнѣ—былъ, несомнѣнно, одной изъ основныхъ чертъ Петра, объясняющихъ секретъ его успѣха и характеръ достигнутыхъ результатовъ.

Но до результатовъ дѣла еще далеко. Пока видно было въ молодомъ Петрѣ только полное отсутствіе интереса къ государственнымъ дѣламъ и склонность къ разгулу, не знавшая ни удержу, ни мѣры, доводившая пьяную компанію до невѣроятныхъ предѣловъ цинизма, грубости и жестокости. Немудрено, что когда власть перешла изъ просвѣщенныхъ рукъ регентства въ невѣжественныя руки царицы Натальи и своекорыстныя руки ея ближайшихъ помощниковъ, то благомыслящіе люди, русскіе и иностранцы, пожалѣли о свергнутыхъ узурпаторахъ и пророчили Россіи возвратъ къ полной тьмѣ и невѣжеству. И у противниковъ новизны съ этимъ переходомъ власти на минуту воскресла надежда, что послѣ неудачи умѣренной голицынской реформы можно будетъ ликвидировать и всякую реформу вообще. Господиномъ положенія былъ патріархъ Іоакимъ, и онъ поспѣшилъ воспользоваться своей силой, чтобы уничтожить латинскую партію въ лицѣ Медвѣдева («Очерки» II, 244—5), свободомыслящихъ въ лицѣ Кульмана (ib. 103) и чтобы начать форменное преслѣдованіе противъ свободы богослуженія въ Нѣмецкой Слободѣ. Смерть прервала его дальнѣйшую дѣятельность (іюль 1690), но что у него была цѣлая программа самой послѣдовательной реакціи, объ этомъ свидѣтельствуетъ оставленное имъ завѣщаніе. Здѣсь онъ требовалъ отъ царя, чтобы иновѣрческія церкви были разрушены, иностранцы—лишены военныхъ и всякихъ другихъ должностей, всѣ сужденія о религіозныхъ предметахъ строго запрещены имъ, а всякая попытка распространять свою вѣру и нравы наказывалась бы смертною казнью *). Отъ русскихъ патріархъ требовалъ, чтобы они никакихъ «новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ по иноземски не вводили». Дѣло Іоакима долженъ былъ продолжать Адріанъ: кандидатъ, предложенный въ патріархи Петромъ, образованный и знакомый съ иностранными языками Маркелъ, былъ именно поэтому забракованъ и на всякій случай даже обвиненъ въ ереси. Петръ могъ пока отомстить только тѣмъ, что завелъ своего «всешутѣйшаго» патріарха и «всепьянѣйшій» соборъ.

Такимъ образомъ, *формально* вопросъ о судьбѣ реформы оставался открытымъ вплоть до самаго начала самостоятельной дѣятельности Петра. *Фактически*, конечно, уже вполнѣ выяснилось, что реформа неизбѣжна, и притомъ не реформа умѣренная, а крайняя, не реформа идеологическая, подготовленная книгой и литературой, а реформа не-

*) Ср. проведенный Іоакимомъ при Голицынѣ уставъ Славяно-греко-латинской академіи, «Оч.» II, 243—5.

произвольная, стихійная, вытекающая непосредственно изъ потребностей жизни; наконецъ, не реформа, основанная на народномъ сознаніи, а реформа, идущая наперекоръ этому сознанію, сверху,—реформа насильственная, необходимость которой предсказывалъ и ждалъ отъ царской неограниченной власти еще Юрій Крижаничъ.

Что реформа Петра была насильственна, въ этомъ такъ же мало сомнѣвались тѣ, кто ее проводилъ, какъ и тѣ, кто ей противился. Она была насильственна не только въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя были въ ней случайны и произвольны, но также и въ тѣхъ, которыя были существенны и необходимы. Мало того: насильственность реформы даже существенному и необходимому въ ней придавала характеръ случайнаго и произвольнаго, т.-е. облекала это существенное въ случайныя формы. Поэтому, признавать насильственный, личный характеръ реформы—вовсе не значитъ еще отрицать ея историческую необходимость, и, наоборотъ, доказывать необходимость реформы—вовсе не значитъ отрицать ея насильственный характеръ. Задача историка въ данномъ случаѣ именно и заключается въ томъ, чтобы показать, почему необходимая по существу своему реформа *) *должна была*, не могла не облечься въ формы личнаго произвола одного лица надъ массой и почему примѣненіе такого произвола было вообще *возможно*.

Возможность эта и необходимость создавались той культурной и соціальной обстановкой, среди которой Петръ предпринялъ свою реформу. Конечно, при сколько-нибудь прочной культурной традиціи и при плотно организованныхъ классовыхъ интересахъ, подобный способъ побѣды критическихъ элементовъ былъ бы немыслимъ. Но мало сдѣлать общую ссылку на отсутствіе у насъ культурной традиціи и слабость классовой организаціи. Нужно остановиться еще нѣсколько подробнѣе на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ Россіи, ко времени, когда стихійный ходъ жизни сдѣлалъ побѣду критическихъ элементовъ необходимою, сопротивленіе этихъ задерживающихъ силъ было особенно ослаблено, и для хозяйской руки реформатора созданъ, такимъ образомъ, особенно широкій просторъ.

Уже Фокеродтъ замѣтилъ (1737), что, «по мнѣнію многихъ разумныхъ людей, Петръ едва ли могъ бы такъ далеко пойти въ своей реформѣ, если бы ему пришлось бороться съ болѣе способнымъ духовенствомъ, которое сумѣло бы пріобрѣсти у народа любовь и уваженіе и воспользоваться ими къ своей выгодѣ». Замѣчаніе это имѣетъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Если современное Петру духовенство не имѣло у народа ни любви, ни уваженія, то это объясняется не недостаткомъ ловкости въ немъ, а тѣмъ особымъ положеніемъ русской церкви, при

*) Самая необходимость реформы по существу предполагается здѣсь доказанной въ тѣхъ частяхъ «Очерковъ», гдѣ рѣчь идетъ о стихійныхъ процессахъ развитія разныхъ сторонъ національной жизни.

которомъ она, дѣйствительно, потеряла ко времени Петра и ту долю вліянія на массу, какую позволяли ей имѣть уровень ея развитія и ея соціальное положеніе. Мы видѣли («Оч.», II), что весь тотъ запасъ религіознаго чувства и нравственнаго одушевленія, который былъ на лицо среди русскихъ пастырей и паствы, — пошелъ на національно-религіозное возрожденіе XVII в. Мы знаемъ также, что это возрожденіе было одинаково осуждено и представителями кіевской богословской науки, какъ недостаточно просвѣщенное, и представителями греческой церковной старины, какъ отступающее отъ древней традиціи. Правительство приняло точку зрѣнія кіевлянъ и грековъ, и вслѣдъ за духовной властью, объявившей русское національно-религіозное движеніе расколомъ и проклявшей его,—съ своей стороны объявило участіе въ этомъ движеніи государственнымъ преступленіемъ, подлежащимъ карѣ свѣтскаго закона. Такимъ образомъ, критическіе элементы за полвѣка до Петра уже одержали побѣду надъ націоналистическими въ сферѣ религіозной, но это была побѣда бюрократической канцелярщины надъ народной психологіей. Всѣ, въ комъ живо было нравственное и религіозное самосознаніе — разумѣется, въ той единственной формѣ, какая была доступна тому времени,—всѣ эти люди были теперь отброшены въ оппозицію. Судьбу этой оппозиціи мы еще прослѣдимъ; но здѣсь мы должны констатировать, что этотъ переходъ въ оппозиціонный лагерь оставилъ очень замѣтную моральную пустоту въ лагерѣ правящемъ. Онъ именно подготовилъ и сдѣлалъ возможнымъ появленіе въ составѣ высшаго духовенства южно-русскихъ духовныхъ сановниковъ, принесшихъ съ собой свои научно-литературныя традиціи, а главное, ту угодливость и готовность служить интересамъ свѣтской власти, изъ которыхъ Петръ сдѣлалъ такое широкое употребленіе («Очерки», II, стр. 145—6). Но этимъ измѣненіемъ состава и паденіемъ самостоятельности высшаго русскаго духовенства не ограничились послѣдствія торжества оффиціальной вѣры надъ народной. Это торжество внесло раздвоеніе въ душу огромнаго большинства современниковъ, всѣхъ тѣхъ, кто не былъ достаточно силенъ, чтобы разорвать окончательно или съ новымъ, или съ старымъ, перейти или въ тотъ, или въ другой лагерь. Совѣсть была сломлена или усыплена этимъ внутреннимъ раздвоеніемъ: а всего лучше подходили для наступившей ломки тѣ, у которыхъ она совсѣмъ молчала *). Вотъ почему никакія надругательства Петра надъ

---

*) Датскій посланникъ Юль въ 1709 г. замѣчалъ относительно раскольниковъ (очевидно, передавая общее мнѣніе): «Въ общемъ, раскольники честнѣе, богобоязненнѣе и трезвѣе противъ русскихъ, а по части христіанскихъ догматовъ начитаннѣе и просвѣщеннѣе ихъ». Въ то же время, изъ своихъ сношеній съ правящей бюрократіей, Юль сдѣлалъ такой общій выводъ: «Вообще, на русскихъ надо вліять лестью, водкой и взятками; всѣ же другія средства, вродѣ справедливости, права, на нихъ не дѣйствуютъ». Юль забылъ прибавить къ перечню этихъ средствъ еще одно, ему менѣе доступное, именно «страхъ».

тѣмъ, что только что считалось святымъ и неприкосновеннымъ, не могли вызвать сколько-нибудь сильнаго внутренняго сопротивленія въ окружающей его средѣ. Онъ какъ будто нарочно переходилъ отъ одной циничной выдумки къ другой, еще болѣе циничной, еще болѣе оскорбительной для чужого достоинства и совѣсти, умышленно и систематически насиловалъ всѣ вкусы, всѣ убѣжденія,—чтобы узнать, какъ много онъ можетъ себѣ позволить, и узнавалъ, не испытывая даже удивленія, какъ извѣстный римскій императоръ, что онъ все можетъ. Всякая форма, всякій мундиръ къ чему-нибудь обязываетъ. Надѣтый Петромъ мундиръ европейской культуры на первый разъ только *развязывалъ*, не обязывая ни къ чему, устраняя тотъ обязательный чинъ жизни, строй мысли и чувства, который было налаживался въ Москвѣ XVII в., и возвращая русскую жизнь къ той безформенности, съ которой мы уже привыкли встрѣчаться повсюду въ русской исторіи. При московскомъ чинѣ жизни, какъ ни былъ онъ плохъ и низменъ самъ по себѣ, все-таки, были вещи, которыя дѣлать было обязательно, и были другія, которыхъ дѣлать было *нельзя*. Теперь такихъ вещей не оставалось. Все было можно и ничто не было обязательно, кромѣ очередного приказанія реформатора. А его натура была, какъ сейчасъ увидимъ, такова, что только и приходилось ждать очередного приказанія: система, новый чинъ жизни, новые порядки установились какъ-то сами собой, постепенно, изъ ряда такихъ очередныхъ приказаній, сплошь да рядомъ другъ друга отмѣнявшихъ. Окружавшимъ оставалось лавировать, какъ умѣли, въ этомъ новомъ фарватерѣ, въ которомъ только цѣль и общее направленіе оставались одни и тѣ же, а пути къ цѣли постоянно мѣнялись, дѣлая притомъ порою самые причудливые изгибы, самые неожиданные повороты.

Бюрократія, высшее духовное и свѣтское чиновничество были, такимъ образомъ, въ полномъ распоряженіи Петра. А кромѣ бюрократіи ему ни съ кѣмъ не приходилось считаться. Соціальная жизнь Россіи такъ сложилась ко времени реформы, что съ этой стороны реформатору встрѣчалось еще меньше препятствій, открывалось еще больше простора, чѣмъ со стороны культурной традиціи.

Въ промежуткѣ между распаденіемъ боярства и усиленіемъ дворянства, между XVI и XVIII вѣкомъ, бюрократія являлась единственнымъ господствующимъ классомъ. Мы видѣли, какъ дворянство, въ самый моментъ своей побѣды надъ боярствомъ и казачествомъ, добровольно уступило бюрократіи правительственную роль и отказалось отъ постояннаго контроля надъ нею, какой могъ дать дворянству земскій соборъ («Міръ Божій», 1900, мартъ). Послѣдствія этой безконтрольности оно очень скоро и непріятно почувствовало, но не только ничего не сдѣлало, чтобы вернуть себѣ господствующее положеніе, но неохотно отвѣчало даже на прямые призывы къ нему въ этомъ смыслѣ со стороны правительства. Вѣроятно, это такъ вышло по той же причинѣ, по

которой на пожарахъ того времени люди предпочитали сидѣть сложа руки и ждать, пока все сгоритъ у всѣхъ, высматривая только случай что-нибудь утащить изъ чужого имущества, а въ остальномъ полагаясь на Господа Бога и на святыя иконы *). Въ концѣ концовъ, правительство со второй половины XVII вѣка замѣнило земскіе соборы созывомъ свѣдущихъ людей и политическая роль «ратныхъ людей», такъ же какъ и другихъ «чиновъ» московскаго государства, сдѣлалась историческимъ преданіемъ. Однако же, и бюрократія не много выиграла, въ политическомъ смыслѣ, отъ этого добровольнаго отказа. Та-же самая неорганизованность общественной жизни, которая мѣшала возникновенію политическаго самосознанія классовъ, лишала и бюрократію необходимыхъ орудій, при посредствѣ которыхъ она могла бы воспользоваться своимъ господствующимъ положеніемъ, чтобы сдѣлаться всемогущей. Только что нажившіе «неудобьсказаемыя палаты», представители этой бюрократіи могли подвергнуться линчеванію народной толпы,—и никто не могъ защитить ихъ; даже самому царю приходилось умилостивлять эту толпу слезами или кончать рукобитьемъ съ московскими бунтовщиками, въ ожиданіи, пока можно будетъ захватить ихъ такъ же врасплохъ, какъ они сами заставали московское правительство. Крижаничъ очень хорошо объяснилъ характеръ этихъ московскихъ бунтовъ (1648 и 1662 гг.) и предсказалъ стрѣлецкіе бунты—тѣмъ совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ, что «нечестіе королямъ» со стороны «простого народа и войска» чинится обыкновенно тамъ, гдѣ нѣтъ господствующаго сословія или политически организованыхъ (снабженныхъ «слободинами») классовъ («М. Б.», 1900, апрѣль). За отсутствіемъ таковыхъ, производить волненія въ Московскомъ государствѣ XVII в. было чрезвычайно легко, а усмирять ихъ весьма трудно, такъ что правительство обыкновенно прибѣгало, за неимѣніемъ силы, къ хитрости. Чтобы не имѣть самому дѣла съ массой, оно сперва разъединяло ее, потомъ обѣщало всѣмъ полное прощеніе и уже только, когда все успокаивалось, захватывало и казнило намѣченныхъ раньше зачинщиковъ **).

Всѣ эти волненія, во всякомъ случаѣ, не только обнаружили безсиліе бюрократіи, но и показали, что у самихъ недовольныхъ также мало шансовъ—завладѣть положеніемъ. Русское общество постоянно распадалось при всякихъ волненіяхъ на тѣ же двѣ части, которыя намѣтились уже въ Смутное время. На сторонѣ власти оставались всѣ общественные слои, извлекавшіе выгоду изъ современнаго положенія

---

*) См. многократныя наблюденія Юля, при которыхъ выгодно выступаетъ и роль Петра—въ организаціи борьбы съ общей опасностью, въ насильственномъ пріучиваніи толпы къ общественному дѣлу и интересу.

**) Всего отчетливѣе можно прослѣдить эту тактику борьбы во Псковѣ, во время бунта 1650 г. и въ Астрахани (1671—2), во время возстанія Стеньки Разина.

вещей. Сюда относились, кромѣ, слоевъ прикосновенныхъ къ правительству, высшаго чиновничества, духовенства и купечества, также все дворянство и весь приказный чинъ. Къ противникамъ власти примыкали всѣ обдѣленные современнымъ порядкомъ: крестьяне и большая часть дворовыхъ людей («боярскихъ людей», «холоповъ»), рядовое городское населеніе («посадскіе») и часто низшее духовенство. Отрицательной программой всякаго бунта было: въ столицѣ изводить бояръ и высшихъ чиновниковъ, въ городахъ рѣзать воеводъ и приказныхъ, въ уѣздахъ избивать дворянъ и помѣщиковъ. Положительной программой, въ которой напрасно старались видѣть отголоски древняго вѣчевого строя,—былъ казацкій кругъ и казацкое равенство. Наиболѣе яркое осуществленіе та и другая программа получили на примыкавшей къ Поволжью границѣ между осѣдлымъ населеніемъ и степью *) во время бунта Стеньки Разина. Этого было достаточно, чтобы до конца вѣка держать въ страхѣ власти; въ 1682 г. анонимный доносъ на Хованскаго приписываетъ ему эту самую разинскую программу. Но она и могла служить только орудіемъ агитаціи, матеріаломъ для доноса и «жупеломъ» для тогдашнихъ пугливыхъ людей. Серьезной опасности съ этой стороны грозить не могло. Разинская программа была черезчуръ ужъ проста въ своей отрицательной части и черезчуръ фантастична въ положительной. Нормальнымъ выходомъ для недовольныхъ былъ въ XVII вѣкѣ побѣгъ въ степь, къ казакамъ, а не водвореніе казацкаго строя среди осѣдлаго населенія.

Итакъ, исключительно вслѣдствіе отсутствія другихъ общественныхъ силъ, а вовсе не благодаря собственному могуществу, бюрократія оставалась господиномъ положенія до конца XVII столѣтія. Къ концу вѣка, пожалуй, можно замѣтить слабые признаки того, что эта бюрократія, какъ будто, хочетъ замкнуться въ тѣсный кругъ и принимаетъ олигархическій оттѣнокъ. Русская чиновная знать узнаетъ кое-что про положеніе иностранной знати и перестаетъ довольствоваться «государевымъ жалованьемъ», какъ санкціей своего положенія. Ей хочется подняться на степень владѣтельныхъ князей западной Европы. Крижаничъ уже предлагалъ для этого создать особое сословіе «князей», обезпеченное чѣмъ то вродѣ феодальныхъ владѣній. Къ этому же клонился и представленный Думѣ въ 1681 г. проектъ, дѣлившій Россію на намѣстничества и устанавливавшій іерархію новой феодальной аристократіи («Оч.», I, 185—7). Не разъ повторялись подобныя предложенія и въ проектахъ, поданныхъ Петру его совѣтниками. Но у Петра мало было охоты поднимать «дряблое, упадшее дерево». Изъ всѣхъ аристократическихъ затѣй онъ принялъ только одну—законъ о майоратѣ, но и тотъ, въ его понятіи, долженъ былъ послужить на

---

*) На «Симбирской чертѣ», см. «Очерки», I, 57—8 (теперешнія Нижегородская, Пензенская и Тамбовская губерніи).

пользу не высшей аристократіи, а среднему дворянству («Оч.», I, 183). Въ самомъ дѣлѣ, если существовавшій соціальный строй ничѣмъ не могъ помѣшать петровской реформѣ, то за то въ немъ не на что было и опереться. Эту опору власти надо было еще создать. Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ реформаторъ? На вопросѣ стоитъ остановиться внимательнѣе.

Первыми сотрудниками Петра были, естественно, люди, сдѣлавшіе переворотъ въ его пользу: ему оставалось просто принять это наслѣдство прошлаго. Главные изъ нихъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Кир. Нарышкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, какъ нельзя лучше изображали три типичныхъ оттѣнка тогдашней бюрократіи: богатый, образованный по новому и лѣнивый титулованный аристократъ Гедиминовичъ, одинъ изъ тѣхъ, которые стремились дать феодальную опору старому титулу (и въ самомъ дѣлѣ Борисъ Голицынъ осуществилъ это стремленіе, сдѣлавшись «неограниченнымъ государемъ» Казанскаго дворца); представитель новой придворной знати, спѣшившей воспользоваться случайной близостью къ двору для скорой наживы, человѣкъ безъ прошлаго, неприготовленный къ власти и избалованный ею; наконецъ, тонкій и хитрый дѣлецъ, посѣдѣвшій въ приказахъ и умѣвшій держать въ своихъ рукахъ «секретъ всѣхъ дѣлъ». Никто изъ троихъ не понадобится Петру впослѣдствіи: ни титулованный бояринъ, манкирующій дѣлами, ни разжирѣвшій parvenu, котораго Петръ замѣнитъ своими, лично ему всѣмъ обязанными; ни приказный владѣлецъ государственныхъ секретовъ, которые Петръ будетъ хранить про себя. Среди наличнаго боярства было не мало людей, «которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ»; упомянутый выше доносъ на Хованскаго перечислялъ до дюжины такихъ бояръ, предназначавшихся будто бы къ уничтоженію вмѣстѣ съ царской семьей: «Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Шереметевыхъ двоихъ, И. М. Милославскаго и иныхъ многихъ». Но то была «новая вѣра» В. В. Голицына, а не «вѣра» Петра. Какъ относились бояре къ новой петровской вѣрѣ и какъ относился въ свою очередь къ нимъ самимъ Петръ, это ярко иллюстрируетъ маленькая сценка на похоронахъ Лефорта (1699 г.), записанная Корбомъ. Замѣтивъ, что бояре въ похоронной процессіи перемѣнили порядокъ, насильно занявъ переднее мѣсто, предназначенное для иностранцевъ, Петръ раздраженно крикнулъ: «Это собаки, а не мои бояре»; а когда послѣ похоронъ бояре спѣшили выйти изъ дома Лефорта, какъ только ушелъ царь,—онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя, тотчасъ вернулся и проговорилъ: «Вы, можетъ быть, рады его смерти? Большую пользу вамъ принесла его кончина? Зачѣмъ расходитесь? Или, быть можетъ, отъ большой радости вы не въ состояніи дольше притворно морщить лица и дѣлать печальный видъ?» Очевидно, это самое желаніе сорвать ненавистную ему маску, обнаружить и наказать предполагаемое притворство руководило Петромъ, когда онъ

заставилъ этихъ самыхъ бояръ собственными руками разбить головы стрѣльцамъ, въ сочувствіи которымъ онъ подозрѣвалъ ихъ.

Только одному Ѳ. Ю. Ромодановскому позволялось открыто порицать иностранцевъ и иностранные обычаи: Петръ цѣнилъ въ немъ то же качество, которое оплакивалъ въ Лефортѣ и которое Куракинъ формулировалъ словами: «Его величеству вѣрной такъ былъ, что никто другой». Это было то, чего Петръ искалъ въ своихъ сотрудникахъ прежде всего и въ чемъ его всего труднѣе было увѣрить, а разъ убѣдивъ, заставить разувѣриться. Среди тревожной обстановки его дѣтства въ немъ выработалось замѣчательное умѣнье притворяться, которому не разъ удивлялись иностранцы,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и непобѣдимое недовѣріе къ искренности его окружающихъ. Эта благопріобрѣтенная черта не позволяла ему до конца жизни ни на кого ни въ чемъ положиться и приводила къ тому же, къ чему и врожденная живость характера: къ желанію, превратившемуся въ потребность, самому все дѣлать, входя въ самыя мелочныя детали каждаго дѣла. «Нерѣдко,—разсказываетъ намъ Юль (1710),—когда въ откровенной бесѣдѣ заходила у насъ рѣчь объ удачѣ и подвигахъ великихъ государей, царь отдавалъ справедливость многимъ правителямъ и государямъ, въ особенности королю французскому (Людовику XIV), ..но большая часть ихъ, прибавлялъ онъ, обязана своими успѣхами многимъ разумнымъ и смышленымъ людямъ, которыми могли пользоваться во всѣхъ, даже наиважнѣйшихъ вопросахъ; между тѣмъ какъ онъ, царь, съ самаго вступленія на престолъ, въ важныхъ дѣлахъ почти не имѣетъ помощниковъ и поневолѣ завѣдуетъ всѣмъ самъ». Въ совѣтахъ и совѣтникахъ, конечно, у Петра не было недостатка: чѣмъ дальше, тѣмъ ихъ являлось больше. Но это не мѣшало ему чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовать себя одинокимъ, что, конечно, усилило печать индивидуальности, наложенную имъ на свою реформу,—часто къ ея несомнѣнному ущербу. Съ своимъ недовѣріемъ къ людямъ, царь попадалъ въ какой-то заколдованный кругъ. Цѣня въ людяхъ прежде всего испытанную вѣрность себѣ, онъ имѣлъ очень ограниченный выборъ и ни на одинъ сколько-нибудь отвѣтственный постъ не могъ посадить лицо, дѣйствительно подходящее, а назначалъ фигурантовъ, ничтожества, не имѣвшія никакого понятія о дѣлѣ, которое должны были дѣлать, — только бы можно было положиться на ихъ преданность. Такимъ образомъ, Шереметевъ и Меншиковъ оказались фельдмаршалами, Головинъ и Апраксинъ—адмиралами, Головкинъ—министромъ иностранныхъ дѣлъ и т. д. Правда, онъ не упускалъ случая приставить къ нимъ опытныхъ иностранцевъ-спеціалистовъ, которые собственно и дѣлали дѣло. Такъ былъ приставленъ къ Шереметеву Огильви для арміи, къ Апраксину—Крюйсъ для флота, къ Головкину — Шафировъ, а потомъ Остерманъ для дипломатіи. Это, однако, только усилило для Петра необходимость за всѣмъ слѣдить самому, отчего реформа и получила, вопреки содѣй-

ствію спеціалистовъ, случайный, отрывочный и дилеттантскій характеръ, отражавшій темпераментъ и состояніе знаній самого царя-реформатора. Другимъ послѣдствіемъ той же причины было полное равнодушіе ближайшихъ сотрудниковъ къ самому существу того дѣла, которое они вели; и чѣмъ ихъ положеніе становилось прочнѣе и обезпеченнѣе, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось, что они преслѣдуютъ только личные, своекорыстные интересы. Въ другой формѣ, это были тѣ же самые враги реформы, отъ которыхъ царь надѣялся спастись назначеніемъ довѣренныхъ лицъ на отвѣтственные посты. Въ этомъ и заключался тотъ заколдованный кругъ, о которомъ мы говорили. Энергичный и настойчивый Петръ не хотѣлъ, однако, съ этимъ мириться. Едва онъ замѣчалъ, что лица перестаютъ соотвѣтствовать дѣлу, онъ тотчасъ принимался за ломку, какъ бы эти лица ни сдѣлались близки его сердцу. Вотъ почему столько блестящихъ карьеръ, начатыхъ при Петрѣ людьми случая, при немъ же и закончились эшафотомъ и ссылкой. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ труднѣе становилось вынимать колеса изъ заведенной машины и выдвигать на насиженныя мѣста новыхъ людей. Къ концу царствованія этотъ диссонансъ между вновь сложившейся рутиной и непримиримымъ нигилизмомъ царя, сохранившаго среди новой обстановки всѣ старыя привычки, вынесенныя изъ Нѣмецкой Слободы, становился все чувствительнѣе и тяжелѣе для обѣихъ сторонъ. Съ своими требованіями полнаго простора и пустоты кругомъ онъ становился все болѣе анахронизмомъ среди сотканной имъ же паутины новаго житейскаго церемоніала; окружающіе утомлялись отъ этой необходимости быть вѣчно на сторожѣ и спѣшили припасти себѣ кое-что на черный день. Въ концѣ концовъ противъ царя составился какой-то молчаливый, пассивный заговоръ, не ускользнувшій, разумѣется, отъ его наблюдательности и только обостривши у него желаніе разорвать паутину. Въ 1719, отправляясь въ одну поѣздку, онъ прорвался и сказалъ—не кому другому, какъ Меншикову и Апраксину,—что ему отлично извѣстно, какъ въ сущности они несочувственно относятся ко всѣмъ его мѣропріятіямъ; что умри онъ,—и они не прочь будутъ бросить завоеванныя провинціи и Петербургъ и оставить на произволъ судьбы флотъ, который стоилъ ему столько труда, крови и денегъ. Исторія съ Монсомъ въ 1724 г. открыла Петру окончательно глаза на то, какъ страшно онъ одинокъ и изолированъ: онъ колебался между желаніемъ уничтожить все, разсыпать кругомъ страшные удары, и сознаніемъ невозможности начинать такъ поздно все опять сызнова, съ пустого мѣста. Единственнымъ возможнымъ исходомъ изъ этого трагическаго положенія была смерть.

Мы видимъ, что тотъ самый соціальный и культурный просторъ который сдѣлалъ возможной побѣду крайняго направленія реформы, роковымъ образомъ наложилъ на реформу рѣзкую печать индивидуальности Петра, помѣшавъ ему установить взаимное довѣріе между собой

и своими сотрудниками и подобрать для реформы подходящихъ людей. При полномъ отсутствіи той междуклѣточной ткани соціальныхъ отношеній, которая вырабатывается культурнымъ процессомъ и одна можетъ обезпечить непрерывность соціальнаго дѣйствія—въ пространствѣ, также какъ и во времени,—при отсутствіи этого необходимаго условія сознательной реформы, Петру поневолѣ приходилось вѣрить въ одного только себя и полагаться лишь на собственныя силы.

Но это еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, на кого и на что опирался Петръ, чтобы дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ онъ дѣйствовалъ, бравируя вкусы, привычки, стремленія и интересы какъ ближайшей окружающей среды, такъ и широкой народной массы. Точка опоры у него была, очевидно, внѣ того и другого—слишкомъ узкаго и слишкомъ широкаго круга. Найти эту точку опоры не трудно: стоитъ лишь вернуться къ первымъ годамъ царствованія Петра.

Напомнимъ здѣсь практическій совѣтъ Самойловича, переданный имъ черезъ думнаго дьяка Украинцева В. В. Голицыну: нужно для укрѣпленія за собой власти держать въ Москвѣ одинъ-два полка надежныхъ людей. Не принеся пользы В. В. Голицыну, совѣтъ дошелъ, однако,—только по другому адресу. Украинцевъ легко могъ передать его Стрѣшневу. Какъ бы то ни было, но съ этого самаго времени (1687) военныя забавы Петра сразу принимаютъ серьезный характеръ. Сознательность этой перемѣны засвидѣтельствована сверстникомъ Петра, однимъ изъ юныхъ спальниковъ, набранныхъ въ «потѣшные полки», кн. Куракинымъ. По его словамъ, Петръ «привелъ себя тѣми малыми полками въ охраненіе отъ сестры» и «началъ приходить въ силу». И Шакловитый показалъ, съ другой стороны, что «въ то время (1687) у государя Петра Алексѣевича начали прибирать потѣшныхъ конюховъ, и оттого возродилось опасеніе», заставившее Софью начать усиленную агитацію среди стрѣльцовъ. Суть новой перемѣны именно заключалась въ томъ, что къ сверстникамъ изъ знатныхъ фамилій, записанныхъ къ Петру въ сотоварищи военныхъ игръ въ придворномъ чинѣ «спальниковъ» присоединены были теперь совсѣмъ простого происхожденія ребята, «конюхи потѣшной конюшни», а также добровольцы изъ мелкаго дворянства, составившіе вмѣстѣ Преображенскій и Семеновскій полки. Кн. Куракинъ съ сокрушеніемъ замѣчаетъ, что окружающіе Петра лица, всѣ эти Нарышкины, Стрѣшневы, происходя изъ «домовъ самаго низкаго и убогаго шляхетства», «всегда внушали ему съ молодыхъ лѣтъ противъ великихъ фамилій» и что къ этому «и самъ его величество склоннымъ явился, дабы уничиженіемъ оныхъ отнять у нихъ пувуаръ весь и учинить бы себя наибольшимъ сувреномъ». Самъ Куракинъ пострадалъ отъ этого «уничиженія великихъ фамилій», такъ какъ и онъ, вмѣстѣ съ другими «знатными персонами», былъ «отдаленъ», не смотря на свое званіе спальника, а «во всѣ комнатныя службы вошли отъ того времени (люди) простаго народу».

Такимъ образомъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ Петра мы встрѣчаемъ обдуманную и сознательную систему устраненія аристократіи и привлеченія мелкаго дворянства, организованнаго въ гвардейскіе полки, для поддержки и усиленія власти государя. Если отъ начала царствованія перейдемъ къ концу, то встрѣтимъ тамъ ту же самую черту: она прошла неизмѣнной сквозь всѣ перипетіи реформы. Петербургскія попойки того времени происходили въ нѣсколько болѣе приличной обстановкѣ и носили болѣе утонченный характеръ, чѣмъ московскія. Но одинъ моментъ, очевидно сохранившійся въ неприкосновенности отъ московскаго времени, вселялъ особенный страхъ и ужасъ въ иностранцевъ, обязанныхъ посѣщать эти увеселенія по торжественнымъ случаямъ. Это—тотъ моментъ, когда «человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ вносили на носилкахъ большія ведра съ самой простой сивухой, запахъ которой слышенъ былъ за сто шаговъ». За гренадерами шли майоры гвардіи, которые приглашали желающихъ и нежелающихъ пить изъ большого ковша, подносимаго рядовымъ, здоровье ихъ полковника, т.-е. царя. Отказаться было невозможно; иностранцамъ объясняли, «что царь приказываетъ подавать именно это вино—изъ любви къ гвардіи, которую онъ всячески старается тѣшить, часто говоря, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому бы онъ смѣло не рѣшился поручить свою жизнь». Тотъ же Берхгольцъ, которому принадлежатъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, что въ обоихъ гвардейскихъ полкахъ «большая часть рядовыхъ, по крайней мѣрѣ, очень многіе изъ нихъ,—князья, дворяне или унтеръ-офицеры изъ армейскихъ полковъ».

Мы имѣемъ, впрочемъ, наглядное доказательство того высшаго довѣрія, которое Петръ, вообще такой недовѣрчивый, выказывалъ своей дворянской гвардіи. Въ ту пору, когда, какъ мы видѣли, онъ сталъ сомнѣваться въ своихъ ближайшихъ сотрудникахъ и товарищахъ,—для того, чтобы разслѣдовать ихъ темныя дѣла, наказать ихъ и вообще дать имъ понять, что онъ можетъ обойтись и безъ нихъ,—Петръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ обратиться къ своимъ майорамъ гвардіи. Это былъ его послѣдній рессурсъ. Майоры, полковники и капитаны гвардіи явились предсѣдателями слѣдственныхъ коммиссій и членами судовъ, обнаружившихъ цѣлый рядъ хищеній и безпорядковъ въ дѣятельности ближайшихъ помощниковъ Петра. Извѣстенъ разсказъ Фокеродта, что въ послѣдній годъ жизни Петръ, «потерявъ всякое терпѣніе», самъ вошелъ во всѣ подробности слѣдственныхъ дѣлъ, посадилъ возлѣ себя, въ особой комнаткѣ своего дворца, одного изъ такихъ довѣренныхъ людей, генералъ-фискала Мякинина, и на его вопросъ, отсѣкать ли вѣтви, или рубить самый корень, отвѣтилъ: «искореняй все». Не менѣе любопытно и то, что Петръ насильно заставилъ дворянство принимать участіе въ выборахъ, и не только въ выборахъ мѣстныхъ-чиновниковъ (земскихъ комиссаровъ), но и въ выборахъ, посредствомъ баллотировки, высшихъ должностныхъ лицъ въ государствѣ.

*

Такъ въ 1722 г. выборы президента юстицъ-коллегіи произведены были съ участіемъ генералъ-майоровъ, майоровъ и другихъ офицеровъ гвардіи, а также 100 человѣкъ выборныхъ отъ дворянства. Мы увидимъ скоро, что путь, указанный Петромъ дворянству къ достиженію положенія правящаго сословія, не былъ забытъ послѣ его смерти.

Мы познакомились теперь съ тѣми причинами индивидуальнаго характера реформы, которыя лежали въ условіяхъ обстановки. Намъ остается посмотрѣть, какъ именно и какія индивидуальныя черты личности Петра отразились на его реформѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

П. Милюковъ

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Московскій художественный театръ.—Что такъ привлекаетъ къ нему публику?—Художественная постановка пьесъ и ихъ прекрасный подборъ.—Пьесы Чехова «Дядя Ваня» и «Три сестры».—«Докторъ Штокманъ», «Геншель» и «Одинокіе».

«Кто не любитъ театра, кто не видитъ въ немъ одного изъ живѣйшихъ наслажденій жизни, чье сердце не волнуется сладостнымъ, трепетнымъ предчувствіемъ предстоящаго удовольствія при объявленіи о бенефисѣ знаменитаго артиста или о постановкѣ на сцену произведенія великаго поэта? На этотъ вопросъ можно смѣло отвѣчать: всякій и у всякаго, кромѣ невѣждъ и тѣхъ грубыхъ, черствыхъ душъ, недоступныхъ для впечатлѣній искусства, для которыхъ жизнь есть безпрерывный рядъ счетовъ, разсчетовъ и обѣдовъ».

Такъ восклицалъ Бѣлинскій въ концѣ тридцатыхъ годовъ, привѣтствуя постановку новыхъ произведеній Шиллера на московской сценѣ. Страстный любитель театра, онъ посвятилъ ему рядъ лучшихъ статей, въ которыхъ явился выразителемъ того увлеченія театромъ, какое было такъ характерно для русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Театръ замѣнялъ тогда общественную жизнь, которой не было, и въ немъ лучшіе люди того времени искали не развлеченія или отдыха, а высшихъ интересовъ для ума и души, интересовъ, которыхъ такъ недоставало въ окружающей дѣйствительности. И какъ ни искусственна была такая замѣна, все же театръ служилъ нѣкоторымъ суррогатомъ жизни и помогъ сохранить «душу живу» среди мертвящей «мерзости запустѣнія» того времени. Съ оживленіемъ общества послѣ реформы театръ отступилъ на задній планъ, оттѣсненный живыми впечатлѣніями и подлинными жизненными интересами. Только въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія снова замѣчается увлеченіе театромъ, вызванное отчасти тѣмъ же унылымъ настроеніемъ общественности, отсутствіемъ живой общественной дѣятельности, сдавленной и урѣзанной со всѣхъ сторонъ, но главнымъ образомъ это увлеченіе было обусловлено оживленіемъ самого театра, новыми теченіями въ драмѣ и сценическомъ искусствѣ. Если «казенная» сцена оставалась по-прежнему мертва, то рядомъ начали появляться попытки дать что-то новое, болѣе глубокое, яркое, захватывающее. Въ Петербургѣ выступилъ «Малый театръ», первое время привлекшій къ себѣ вниманіе именно подобными попытками. Вскорѣ, однако, та подкладка «чего изволите», которая лежитъ въ основѣ всей растлѣнной и растлѣвающей дѣятельности г.г. ново-временцевъ, выступилавъ «Маломъ театрѣ» на первый планъ и убила то живое, что какъ-будто проявлялось вначалѣ. Гнилое болото могло дать только гнилыя испаренія, и яко-бы новыя теченія завершились на нововременской сценѣ... «Контрабандистами». Театръ г. Суворина сдѣлался продолженіемъ «Новаго Времени», иллюстрируя на

сценѣ его передовицы и тенденціи. Въ краткой исторіи этого театра сжато повторилась исторія газеты этого преуспѣвающаго россіянина: стремленіе угодить на всѣ вкусы и въ заключеніе травля инородцевъ. И лавочка г. Суворина заторговала... искусствомъ «распивочно и на выносъ», но ни новаго направленія, ни тѣмъ болѣе—школы не создала.

И одно, и другую создаютъ только высокое пониманіе искусства и любовь къ нему, что еще разъ доказалъ примѣръ московскаго художественнаго театра, въ которомъ удивительно счастливо сочетались и рѣдкій талантъ главнаго руководителя, г. Станиславскаго, и любовь къ искусству всей труппы, и глубокое пониманіе ею требованій и задачъ художественнаго творчества. Именно художественнаго творчества, такъ какъ каждая постановка новой пьесы является для этой на рѣдкость подобранной труппы не просто исполненіемъ даннаго произведенія, согласно указаніямъ автора и режиссера, но творческимъ актомъ, въ который каждый участникъ вноситъ свою черту, свою индивидуальность и свое пониманіе. Въ результатѣ получается такое одухотворенное воспроизведеніе пьесы, такое цѣльное и выдержанное олицетвореніе данныхъ авторомъ типовъ, что получается не только иллюзія живой дѣйствительности, но художественная картина жизни,—картина, настроеніе которой властно и всецѣло захватываетъ зрителя. И достигается это не рабскимъ воспроизведеніемъ на сценѣ разныхъ житейскихъ мелочей, что было бы въ сущности только грубымъ натурализмомъ на сценѣ, а именно художественнымъ освѣщеніемъ этихъ незамѣтныхъ, но въ общемъ необходимыхъ для полноты представленія жизненныхъ условій, въ которыхъ вращается данная жизнь. Когда мы присутствуемъ на сходкѣ въ четвертомъ актѣ «Доктора Штокмана» или при послѣдней сценѣ въ «Дядѣ Вани», насъ привлекаетъ не то или иное отдѣльное лицо, не та или иная отдѣльная черта въ обстановкѣ, а общее настроеніе картины, развернутой передъ нами. Какъ будто великій мастеръ нарисовалъ ее въ порывѣ вдохновенія, запечатлѣвъ въ ней охватившее его настроеніе. Пьеса является только матеріаломъ, изъ котораго труппа художественнаго театра творитъ картину.

Эта творческая черта въ дѣятельности труппы особенно ярко проявляется въ постановкѣ пьесъ Чехова, которыя въ чтеніи производятъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ въ исполненіи московской труппы. Когда читаешь и «Дядю Ваню», и «Трехъ сестеръ», все время испытываешь скорѣе недоумѣніе, чѣмъ художественное наслажденіе, какъ отъ вѣрнаго воспроизведенія жизни. Не чувствуется непосредственной правды, а что-то надуманное и тяжелое, какъ мысли въ конецъ истрадавшагося человѣка. Общее ощущеніе безъисходной тоски, которое въ концѣ «Дяди Вани» охватываетъ читателя, получается какъ логическій выводъ изъ ряда посылокъ, данныхъ авторомъ, но отнюдь не какъ непосредственное впечатлѣніе созданной авторомъ картины. Разобравшись въ впечатлѣніи пьесы, начинаешь понимать, что зависитъ это отъ недостатка въ ней художественной правды: всѣ главныя лица не живые люди, а аллегоріи, которыя должны выяснять основную мысль автора. Въ особенности это замѣтно въ центральномъ лицѣ пьесы, дядѣ Вани, и въ профессорѣ, которые не имѣютъ ни одной живой черты. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, дядя Ваня у г. Чехова? Странный человѣкъ, который всю жизнь прожилъ съ закрытыми глазами, не отдавая себѣ отчета ни въ томъ, что онъ видитъ, ни въ томъ, что дѣлаетъ. Всю жизнь онъ работаетъ для удовлетворенія требованій какого-то профессора, который съ перваго появленія на сценѣ ясенъ и простъ, какъ пошлѣйшій дуракъ, сухой эгоистъ, неспособный ни на какое увлеченіе или живое дѣло. И самъ дядя Ваня съ первой же сцены заявляетъ, что ненавидитъ и презираетъ эту мертвую куклу. Но какъ же онъ раньше этого не замѣчалъ? Вѣдь

профессоръ — мужъ его покойной сестры, онъ его отлично зналъ, видѣлъ и могъ еще двадцать пять лѣтъ назадъ сразу раскусить такую примитивную до нелѣпости фигуру. Но въ томъ и дѣло, что профессоръ лицо аллегорическое, какъ и дядя Ваня, который слѣдующимъ образомъ аттестуетъ того, на котораго онъ двадцать пять лѣтъ смотрѣлъ, какъ на полубога.

«Отставной профессоръ, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизмъ, мигрень, отъ ревности и зависти вспухла печенка... Живетъ эта вобла въ имѣньѣ своей первой жены, живетъ по-неволѣ, потому что жить въ городѣ ему не по карману. Вѣчно жалуется на свои несчастья, хотя, въ сущности, самъ необыкновенно счастливъ. Ты только подумай, какое счастье! Сынъ простого дьячка, бурсакъ, добился ученыхъ степеней и каѳедры, сталъ превосходительствомъ, зятемъ сенатора и проч., и проч. Все это неважно, впрочемъ. Но ты возьми вотъ что. Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно извѣстно, а для глупыхъ не интересно,—значитъ, двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самомнѣніе! Какія претензіи! Онъ вышелъ въ отставку, и его не знаетъ ни одна живая душа, онъ совершенно неизвѣстенъ; значитъ, двадцать пять лѣтъ онъ занималъ чужое мѣсто».

Трудно придумать болѣе жестокую характеристику для «профессора», какимъ онъ изображенъ въ пьесѣ, но тѣмъ непонятнѣе, какъ могъ дядя Ваня, такой, повидимому, и вдумчивый, и любящій, полный высшихъ стремленій человѣкъ, ничего этого не понимать раньше, мало того—всю жизнь, по его словамъ, убить на работу для этого ничтожества. «Двадцать пять лѣтъ я, какъ кротъ, сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ. Всѣ наши мысли и чувства принадлежали тебѣ одному. Днемъ мы говорили о тебѣ, о твоихъ работахъ, гордились тобою, съ благоговѣніемъ произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которыя я теперь глубоко презираю! Ты для насъ былъ существомъ высшаго порядка, а твои статьи мы знали наизусть»... Читая эти изліянія вдругъ прозрѣвшаго дяди Вани, невольно недоумѣваешь, да гдѣ же были его глаза, гдѣ была его вдумчивость, все то, что такъ внезапно раскрыло ему глаза? Одно изъ двухъ: или профессоръ не то, за кого его принимаетъ теперь дядя Ваня, или онъ самъ спалъ двадцать пять лѣтъ и вдругъ проснулся. И то, и другое равно неестественно, а потому и нехудожественно. Оба они не живые люди, выхваченные авторомъ изъ жизни, а только схематическія фигуры, нужныя автору для иллюстраціи его мысли.

Еще ярче недостатокъ художественности въ «Трехъ сестрахъ», гдѣ и тоскующія сестры, и подполковникъ Вершининъ, все время твердящій, какъ попугай, свою тираду о будущемъ счастьѣ человѣчества, и баронъ, все призывающій на работу, и врачъ, все перезабывшій, и другіе,—мертвыя фигуры. Растянутость пьесы, отсутствіе дѣйствія и безконечные разговоры все на одну и ту же тему о скукѣ провинціи и прелестяхъ Москвы дѣлаютъ чтеніе ея невыносимо скучнымъ. Мѣстами только эта скука разсѣевается оживленными сценами, въ которыхъ глуповатый, всегда довольный учитель, одно изъ немногихъ типичныхъ лицъ пьесы,—и пошлая Наташа вносятъ нѣкоторое разнообразіе и жизнь въ ноющую и тоскующую атмосферу, окружающую злополучныхъ трехъ сестеръ.

И надо видѣть, что дѣлаетъ изъ этого страннаго матеріала московская труппа! Въ своемъ исполненіи она создаетъ удручающую картину жизни, въ которой вся неественность и безжизненность героевъ Чехова гармонично сливается съ общимъ фономъ мертвящей дѣйствительности, гдѣ и профессоръ мо-

жетъ казаться издали «полубогомъ», и дядя Ваня можетъ всю жизнь незамѣтно для себя убить на пустяки, и три сестры заживо похоронить себя, и подполковникъ Вершининъ выступитъ героемъ именно благодаря нехитрой тирады о будущемъ счастьи человѣчества. Трудно уловить, чѣмъ достигается та *правда*, которая такъ всецѣло охватываетъ зрителя. Все здѣсь имѣетъ свое значеніе и глубокій смыслъ, какъ тотъ ничтожный, повидимому, штрихъ, которымъ художникъ придаетъ жизнь своему произведенію и который отличаетъ его отъ бездарнаго мазилки, можетъ быть, и знающаго, и трудолюбиваго, но лишеннаго того «нѣчто», что, по словамъ Брюлова, является въ искусствѣ всѣмъ.

Съ первой же сцены «Дяди Вани» скрипъ старыхъ качелей, на которыхъ лѣниво покачивается докторъ Астровъ, и комары, отъ которыхъ постоянно отмахиваются дѣйствующія лица, и старая няня, и приживальщикъ Телѣгинъ, будятъ въ душѣ неясныя, смутныя ощущенія деревенскаго затишья, сонливаго покоя и безмятежнаго существованія. Кажется, все это давно-давно существуетъ, не измѣняясь, не требуя и не возбуждая желанія перемѣнъ. Это ощущеніе сонливости все растетъ, по мѣрѣ развитія пьесы, и самая вспышка дяди Вани, стрѣляющаго въ ненавистнаго профессора, кажется глупымъ и дѣтскимъ протестомъ противъ вѣковѣчныхъ устоевъ окружающей жизни, которая обречена роковымъ образомъ на смерть путемъ медленнаго увяданія и вырожденія, гдѣ нѣтъ мѣста для человѣческихъ страстей, для идейной борьбы, для высокихъ порывовъ духа, ибо для этой жизни все это ни къ чему. Чувствуется въ этомъ что-то стихійное, съ чѣмъ нельзя бороться, а развѣ только съ горечью сознать свое безсиліе предъ «этимъ вырожденіемъ», какъ говоритъ докторъ Астровъ, рисуя картину уѣзда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и теперь.

«Смотрите,—говоритъ онъ,—картина нашего уѣзда, какимъ онъ былъ 50 лѣтъ назадъ. Темно- и свѣтло-зеленая краска означаетъ лѣса; половина всей площади занята лѣсомъ. Гдѣ по зелени наложена красная сѣтка, тамъ водились лоси, козы... Я показываю тутъ и флору, и фауну. На этомъ озерѣ жили лебеди, гуси, утки и, какъ говорятъ старики, птицы всякой была сила, видимо-невидимо: носилась она тучей. Кромѣ селъ и деревень, видите, тамъ и сямъ разбросаны разные выселки, хуторочки, раскольничьи скиты, водяныя мельницы... Рогатаго скота и лошадей было много. По голубой краскѣ видно. Напримѣръ, въ этой волости голубая краска легла густо; тутъ были цѣлые табуны, и на каждый дворъ приходилось по три лошади... Теперь посмотримъ ниже. То, что было 25 лѣтъ назадъ. Тутъ ужъ подъ лѣсомъ только одна треть всей площади. Козъ уже нѣтъ, но лоси есть. Зеленая и голубая краска уже блѣднѣе. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Переходимъ къ третьей части: картина уѣзда въ настоящемъ. Зеленая краска лежитъ кое-гдѣ, но не сплошь, а пятнами; исчезли и лоси, и лебеди, и глухари... Отъ прежнихъ выселковъ, хуторковъ, скитовъ, мельницъ и слѣда не осталось. Въ общемъ, картина постепеннаго и несомнѣннаго вырожденія, которому, повидимому, остается еще какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, чтобы стать полнымъ. Вы скажете, что тутъ культурныя вліянія, что старая жизнь естественно должна уступить мѣсто новой. Да, я понимаю, если бы на мѣстѣ этихъ истребленныхъ лѣсовъ пролегли шоссе, желѣзныя дороги, если бы тутъ были заводы, фабрики, школы,—народъ сталъ бы здоровѣе, богаче, умнѣе, но, вѣдь, тутъ нѣтъ ничего подобнаго! Въ уѣздѣ тѣ же болота, комары, то же бездорожье, нищета, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ мы имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣдствіе непосильной борьбы за существованіе; это вырожденіе отъ косности, невѣжества, отъ полнѣйшаго отсутствія самосознанія, когда озябшій, голодный, больной человѣкъ, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своихъ дѣтей, инстинктивно, безсознательно хватается за все, чѣмъ только можно утолить голодъ, согрѣться, разрушаетъ

все, не думая о завтрашнемъ днѣ... Разрушено уже почти все, но взамѣнъ не создано ничего».

Эта длинная реплика доктора только подчеркиваетъ удручающе настроеніе, какое испытываешь отъ пьесы. Московская труппа сумѣла передать замыселъ автора безподобно, освѣтивъ неуловимыми и непередаваемыми штрихами эту безъисходную тоску, какую должны испытывать живые еще люди на фонѣ всеобщаго вырожденія. Понятнымъ становится увлеченіе дяди Вани, для котораго профессоръ долженъ былъ казаться здѣсь дѣйствительно полубогомъ, создающимъ новую жизнь, сѣющимъ сѣмена будущаго возрожденія. Не видя возможности бороться на мѣстѣ, дядя Ваня увлекался мечтой—служить хоть косвенно идеѣ будущаго, идеѣ свѣта и правды, носителемъ которыхъ ему представлялся профессоръ. Только тотъ, кто самъ испыталъ весь ужасъ и всю тоску одиночества въ русской жизни, пойметъ возможность увлеченія миражами и вздорными болтунами, въ особенности, если послѣдніе еще осѣнены ореоломъ науки, каѳедры, университета. Какъ ни велики были разочарованія обывателя, все же титулъ профессора соединяется въ его представленіи съ высокимъ и безкорыстнымъ служеніемъ идеальнымъ задачамъ жизни, а если послѣдняя въ окружающей дѣйствительности представляетъ сплошную мерзость запустѣнія,—тѣмъ выше кажется и этотъ «профессоръ», хотя бы на дѣлѣ онъ служилъ только самому себѣ, торговалъ наукой и приспособлялъ ее къ чему угодно, только не къ высокимъ цѣлямъ. Самый порывъ дяди Вани, помогшій ему разомъ прозрѣть все ничтожество своего идеала и всю безцѣльность своей загубленной жизни, становится понятнымъ въ этой обстановкѣ медленнаго умиранія и постепеннаго, незамѣтнаго разложенія, среди полуразваливающагося дома, гдѣ тишина нарушается только поскрипываніемъ сверчка да щелканіемъ счетовъ. Разъ нарушилось равновѣсіе этой невозмутимой жизни, вошло что-то новое и какъ будто такое свѣтлое, какою кажется ему жена профессора,—контрастъ между мечтой и дѣйствительностью долженъ былъ привести непремѣнно къ взрыву, непремѣнно къ дикой выходкѣ, нелѣпой, какъ и вся жизнь, сложившаяся такъ неудачно и нелѣпо.

Но все это выясняется для зрителя, а не для читателя, потому что только постановка пьесы московской труппой даетъ ей ту художественную оболочку, которой пьеса сама по себѣ не имѣетъ. Артисты московскаго художественнаго театра проявили не только рѣдкое чутье художественной правды, избѣгнувъ всего, что внесло бы въ ихъ представленіе невѣрную ноту, но и настоящее творчество въ созданіи обстановки для пьесы и въ изображеніи типовъ. Изъ схематическаго профессора они создали типичную фигуру тщеславнаго, недалекаго, сухого и жалкаго профессора-карьериста, привыкшаго красоваться на каѳедрѣ и въ обществѣ, цѣнящаго каждое свое слово на вѣсъ золота и неспособнаго относиться критически ни къ себѣ, ни къ другимъ. Невольно встаетъ въ памяти каждаго рядъ живыхъ и сошедшихъ уже со сцены «дѣятелей» науки, когда слышишь скрипучую, отчеканенную рѣчь артиста, исполняющаго эту роль. Менѣе удаченъ самъ дядя Ваня, расплывчатая и неясная личность котораго у автора не поддается сколько-нибудь типичному олицетворенію. Но докторъ Астровъ, котораго играетъ г. Станиславскій, превосходенъ по яркости и жизненности изображенія въ исполненіи этого превосходнаго артиста. Этотъ земскій врачъ, увлекающійся лѣсонасажденіемъ, въ которомъ видитъ одну изъ панацей противъ общаго упадка уѣзда, является однимъ изъ лучшихъ художественныхъ созданій г. Станиславскаго. Астровъ выдержанъ имъ съ такой полнотой жизненной правды, что его одного уже достаточно, чтобы упрочить славу г. Станиславскаго. Живая, изнывающая въ пустынѣ личность Астрова, бодраго и жизнерадостнаго по природѣ, способнаго горы сдвинуть, лучше всего освѣщаетъ мертвенность окружающаго запустѣнія, безлюдія и обнищанія жизни.

Его уже подточила эта уѣздная безтолочь, безцѣльная сутолока, лишенная высшаго смысла. Онъ одинъ понимаетъ, въ чемъ несчастье всѣхъ этихъ хорошихъ людей, которые такъ зря пропадаютъ, какъ дядя Ваня или Соня, но и онъ чувствуетъ безсилье спасти ихъ. Онъ не пессимистъ, но и не оптимистъ, онъ—просто здоровая натура, которую еще не успѣла исковеркать и засушить окружающая жизнь, хотя и чувствуется въ концѣ дѣйствія, что и его пѣсенка спѣта. Онъ любитъ жену профессора, но понимаетъ, что нѣтъ въ этомъ увлеченіи ничего жизненнаго,—слишкомъ различны онъ и она, которая, по его словамъ, способна вносить всюду только разрушеніе Астровъ все же единственное лицо, оживляющее зрителя надеждой, что пока есть такіе, не все потеряно. Слишкомъ въ немъ много упорнаго желанія жить во что бы то ни стало, и когда за сценой раздается звонъ колокольчика тройки, уносящей Астрова, кажется, будто все умерло и мы присутствуемъ при погребеніи живыхъ людей, для которыхъ исчезъ послѣдній связующій ихъ съ жизнью лучъ свѣта. А тихая скорбь и безропотная покорность, которой проникнуты послѣднія слова Сони, производятъ впечатлѣніе отходной молитвы, которую читаютъ надъ умирающимъ: «Что же дѣлать, надо жить!.. Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный—длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба, будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ».

На ряду съ Астровымъ Соня является онимъ изъ лучшихъ созданій московскаго художественнаго театра. Въ пьесѣ г. Чехова она нѣсколько безлична и неопредѣленна, безплотна и монотонна, какъ сѣрыя фигуры на картинахъ символистовъ, у которыхъ вся жизнь сосредоточена въ глазахъ, а тѣло скрыто въ безформенныхъ складкахъ покрывала. Не то на сценѣ, гдѣ мы видимъ удивительно симпатичную дѣвушку, живую и любящую жизнь, кроткую и терпѣливую, но стойкую и непоколебимую въ своихъ стремленіяхъ, влюбленную въ Астрова, который непреодолимо влечетъ ее къ себѣ своимъ жизнерадостнымъ темпераментомъ, своей здоровой, неизломанной натурой. Сцена, когда Соня сама признается ему въ любви и встрѣчаетъ безмолвный, но тѣмъ болѣе краснорѣчивый отказъ, трогаетъ до глубины души изяществомъ и благородствомъ этой женской души, такой возвышенной и чистой въ своемъ порывѣ дѣвственнаго, всецѣло охватившаго ее чувства. Соня напоминаетъ Пушкинскую Татьяну, только не Татьяну—полуребенка, влюбленную въ Онѣгина, а Татьяну, прозрѣвшую всю суетность жизни, ушедшую въ себя, съ покорнымъ преклоненіемъ предъ судьбой, готовую всю себя отдать на жертву за другихъ и для другихъ.

Еще больше, чѣмъ для «Дяди Вани», сдѣлалъ московскій театръ для «Трехъ сестеръ» г. Чехова. Не только удивительно передано мертвящее настроеніе безъисходной тоски, которымъ проникнута вся пьеса, но въ исполненіи исчезла вся дѣланность пьесы. Авторомъ, какъ и въ «Дядѣ Ванѣ», взятъ случай не дѣйствительный, что въ чтеніи производитъ рѣзкій и непріятный диссонансъ. Три сестры на протяженіи четырехъ актовъ все ноютъ, ноютъ, ноютъ и вздыхаютъ по жизни въ Москвѣ, гдѣ онѣ жили нѣкогда и которая теперь въ дали временъ имъ рисуется, какъ недостижимый идеалъ. Между тѣмъ мы не видимъ ни повода для такого нытья, ни реальной причины, которая мѣшала бы имъ осуществить свою мечту. Сестры обезпечены, прекрасно воспитаны и образованы, знаютъ три иностранныхъ языка,—онѣ милы, всѣмъ нравятся, привлекая людей своей

добротой и сердечностью,—казалось бы, почему имъ не жить? Почему не бросить свой провинціальный городъ, если онъ имъ такъ надоѣлъ, и не перебраться въ Москву, гдѣ, конечно, онѣ съ успѣхомъ могли бы проявить всѣ свои несомнѣнные таланты. Тысячи дѣвушекъ, гораздо хуже обставленныхъ, съ меньшимъ багажемъ знаній и душевныхъ достоинствъ, ежегодно покидаютъ провинцію, наполняютъ всякія учебныя заведенія, работаютъ въ литературѣ и печати и такъ или иначе двигаютъ жизнь. Но три сестры, по авторскому хотѣнію, только ноютъ, измышляютъ несущественныя преграды, вродѣ женитьбы брата, который готовился къ каѳедрѣ, а вмѣсто того застрялъ въ земской управѣ, и не двигаются съ мѣста. Вся жизнь ихъ уходитъ въ ничтожную работу, которую они не любятъ, въ странныя, надоѣвшія имъ знакомства съ офицерами мѣстной артиллерійской бригады, въ слабыя и смѣшныя попытки борьбы съ пошлой женой брата, которая весь домъ и ихъ въ томъ числѣ прибираетъ къ рукамъ, и въ безконечное, надоѣдливое нытье. Такъ въ жизни не бываетъ, вотъ что назойливо испытываетъ читатель, и совершенно иное испытываетъ онъ, когда видитъ пьесу въ исполненіи московскаго художественнаго театра.

Не говоря уже о превосходной внѣшней постановкѣ, дающей полную иллюзію дѣйствительности, мы должны опять отмѣтить рѣдкую творческую способность г. Станиславскаго и его товарищей создавать типы изъ схематическихъ набросковъ автора. Въ этой пьесѣ они изъ каждаго лица дѣлаютъ типичную фигуру, которая навсегда врѣзывается вамъ въ память. Предъ нами словно цѣлая галлерея типовъ изъ офицерской среды, начиная съ мечтательнаго сорокалѣтняго подполковника и до пьяненькаго, все перезабывшаго старичка военнаго врача. Мрачный Соленый, считающій себя Лермонтовымъ, и рядомъ съ нимъ безкровный баронъ, все проповѣдующій необходимость работать, работать, работать,—это въ своемъ родѣ идейные представители офицерской среды, которую дополняютъ легкомысленные Федотикъ и Родэ, веселые, добрые ребята, одинъ съ своей фотографіей, другой съ гитарой, всегда готовые любезничать съ барышнями, шумѣть и веселиться по поводу и безъ повода. Въ этой средѣ вполнѣ понятенъ интересъ, какой возбуждаетъ подполковникъ Вершининъ своими мечтами о будущемъ и жалобами на настоящее свое семейное положеніе. Понятно и увлеченіе имъ, какое охватываетъ одну изъ сестеръ, замужнюю, мужъ которой учитель латинскаго языка, добродушное, всегда и всѣмъ довольное и безконечно глупое существо, если можетъ что внушить къ себѣ, такъ развѣ глубочайшее taedium vitae,—своимъ самодовольствомъ, тупостью и той безсознательной, инстинктивной пошлостью, которая заставляетъ его, напр., сбрить усы только потому, что такъ сдѣлалъ директоръ, не одобряющій усовъ. Жизнь среди такого общества превращается въ безконечную, «нудную» маяту, засасывающую и медленно, но неуклонно притупляющую и принижающую человѣка. Зритель, подавленный безграничною тоскою этой безотрадной жизни, забываетъ всю не реальность трехъ сестеръ, которыя такъ легко и просто могли бы рѣшить вопросъ своей личной судьбы, и видитъ нѣчто гораздо большее: предъ нимъ постепенно развертывается удручающая картина мѣщанскаго болота. Дѣло уже не въ судьбѣ трехъ злополучныхъ сестеръ,—это прогнившая до нутра *русская* жизнь, въ которой задыхаются *люди*, не потерявшіе еще облика человѣческаго. Какъ вянетъ жизнь трехъ сестеръ, такъ вянутъ милліоны русскихъ людей, не зная, за что и почему суждено имъ гибнуть безъ радости, безъ свободнаго расцвѣта своихъ лучшихъ душевныхъ сторонъ, безъ осмысленнаго дѣла, которое наполняло бы ихъ существованіе трепетомъ хотя бы просто человѣческой радости, не отравленной и не загаженной пошлостью.

«Гдѣ оно, куда ушло мое прошлое, когда я былъ молодъ, веселъ, уменъ, когда я мечталъ и мыслилъ изящно, когда настоящее и будущее мое озарялось надеждой? Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, сѣры, не интересны,

лѣнивы, равнодушны, безполезны, несчастны... Городъ нашъ существуетъ уже двѣсти лѣтъ, въ немъ сто тысячъ жителей, и ни одного который не былъ бы похожъ на другихъ, ни одного подвижника ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни одного ученаго, ни одного художника, ни мало-мальски замѣтнаго человѣка, который возбуждалъ бы зависть или страстное желаніе подражать ему... Только ѣдятъ, пьютъ, спятъ, потомъ умираютъ... родятся другіе и тоже ѣдятъ, пьютъ, спятъ, и чтобы не отучнѣть отъ скуки, разнообразятъ жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничествомъ, и жены обманываютъ мужей, а мужья лгутъ, дѣлаютъ видъ, что ничего не видятъ, ничего не слышатъ, и неотразимо пошлое вліяніе гнететъ дѣтей, и искра Божія гаснетъ въ нихъ, и они становятся такими же жалкими, похожими другъ на друга мертвецами, какъ ихъ отцы и матери»...

Такъ скорбитъ и жалуется братъ трехъ сестеръ, когда-то мечтавшій о каѳедрѣ и кончающій ролью члена земской управы, какъ высшей степенью его бытія. А торжествующая пошлость въ лицѣ Наташи, жены его, измѣняющей мужу и постепенно выжившей изъ дому всѣхъ сестеръ, поетъ побѣдную пѣснь: «Значитъ, завтра я уже тутъ одна... (*Вздыхаетъ*), прежде всего срубить эту еловую аллею, потомъ вонъ этотъ кленъ... По вечерамъ онъ такой некрасивый.. И тутъ вездѣ я велю понасажать цвѣточковъ, и будетъ запахъ»...

Нѣтъ выхода изъ этой жизни. Пошлость обволакиваетъ все мягкимъ, густымъ, всюду проникающимъ туманомъ, непреодолимая сила котораго заключается въ его безформенности. Съ кѣмъ или съ чѣмъ бороться, когда всякій ударъ поражаетъ что-то рыхлое, поддающееся, какъ трясина, гдѣ даже слѣда не остается борьбы,—все затягиваетъ моментально и на поверхности та же тишь да гладь, какъ будто ничего и не случилось. Пошлость тѣмъ и ужасна, что она не убиваетъ сразу, не производитъ рѣзкихъ, потрясающихъ катастрофъ, которыя бы поражали, какъ ударъ молніи, убивающій, но и озаряющій ослѣпительнымъ свѣтомъ,—она медленно, незамѣтно задушаетъ все живое, обезличивая и притупляя. А если и наступаетъ рѣдкій моментъ, когда глотокъ свѣжаго воздуха оживитъ внезапно полузадохшагося человѣка,—уже поздно: онъ можетъ только стонать, а не бороться. Пошлость не имѣетъ формы, не имѣетъ ничего опредѣленнаго, яркаго, что сразу бросалось бы въ глаза, указуя, гдѣ врагъ, гдѣ его главная сила, въ чемъ ея содержаніе. Пошлость сѣра и безцвѣтна, она молчалива и безгласна, медлительна и неутомима, безшумна и спокойна, она вездѣ и нигдѣ, надъ всѣмъ и во всемъ. Она обезкровливаетъ людей, высасывая кровь изъ нихъ капля по каплѣ, неумолимая и ненасытная, превращая ихъ въ мумій безъ чувствъ, безъ желаній, безъ страстей.

Но она сама себя губитъ въ концѣ концовъ. Въ ней нѣтъ творческаго начала, она ничего не можетъ созидать,—она только разрушаетъ и растлѣваетъ. Какъ въ картинѣ уѣзда, рисуемой докторомъ Астровымъ, все вырублено и уничтожено, остается одна пустыня и обезсилѣвшее, низведенное до животнаго состоянія населеніе, такъ въ общественной жизни, гдѣ воцарилась пошлость, нѣтъ сознательной, планомѣрной, осмысленной дѣятельности, а только одно равнодушіе и безпредметная тоска. И тогда наступаетъ конецъ царству пошлости, потому что въ людяхъ нельзя убить творческое начало. Именно въ тотъ моментъ, когда пошлость кажется сильнѣе всего, наступаетъ ея конецъ. Нѣтъ возрожденія ни для дяди Вани, ни для трехъ сестеръ. Ихъ жизнь кончена, но не кончена жизнь вообще. «Насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь», говоритъ одна изъ сестеръ въ концѣ пьесы, и въ ея словахъ звучитъ отголосокъ грознаго голоса справедливости, требующей удовлетворенія. И зритель уходитъ изъ театра

подавленный, но и возмущенный, унося въ душѣ твердое рѣшеніе: такъ жить дольше нельзя...

Удивительно бодрящее впечатлѣніе производитъ послѣ чеховскихъ пьесъ «Докторъ Штокманъ» Ибсена, эта полнѣйшая противоположность той жизни, которую по Чехову возсоздаетъ московскій художественный театръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Докторъ Штокманъ»—высшее торжество этого театра и въ особенности его вдохновителя, г. Станиславскаго. Послѣдній несомнѣнно очень хорошъ въ роли Астрова и Вершинина, съумѣвъ дать художественную оболочку этимъ схематическимъ изображеніямъ г. Чехова. Но въ Штокманѣ г. Станиславскій создаетъ не только живое лицо, несравненный по жизненности художественный образъ, который данъ и Ибсеномъ,—онъ идетъ дальше автора. Штокманъ Ибсена, безспорно, одно изъ лучшихъ его созданій, но, какъ всегда, у Ибсена въ обрисовкѣ Штокмана есть нѣкоторая неопредѣленность, что-то недосказанное и въ то же время чрезмѣрное, что, поднимая Штокмана надъ уровнемъ обыкновенныхъ людей, дѣлаетъ его иногда неяснымъ. У Ибсена Штокманъ представляется читателю больше носителемъ идеи правды, вообще борцомъ, и героемъ, чѣмъ человѣкомъ. Въ изображеніи г. Станиславскаго эти обѣ стороны—героическое и человѣческое—слиты въ единое гармоничное цѣлое, что дѣлаетъ его Штокмана не только ближе и понятнѣе намъ, но и выше, какъ образъ, какъ всякое вообще истинное художественное произведеніе, вполнѣ вѣрное дѣйствительности. Здоровый реализмъ русской литературы такъ прочно привилъ намъ вкусъ къ реальному изображенію жизни, что всякая даже вполнѣ законная попытка къ патетическому уже расхолаживаетъ. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ это совершенно лишнее. Положеніе, занятое Штокманомъ, такъ высоко само по себѣ, что артисту скорѣе приходится бояться—не взять слишкомъ высокаго тона, чѣмъ слишкомъ обыкновеннаго, который принизилъ бы представленіе о характерѣ героя.

Г. Станиславскій счастливо избѣжалъ обѣихъ крайностей. Его Штокманъ это правдивый и живой типъ человѣка, который, будучи въ дѣйствительности героемъ, меньше всего думаетъ, что онъ—герой. Онъ мирно и хорошо прожилъ жизнь, радуется, что видитъ у себя въ семьѣ довольство, тѣшится всякимъ пустякомъ, который можетъ украсить жизнь, доставить удовольствіе окружающимъ людямъ, вродѣ хорошаго ростбифа или новой скатерти и абажура на лампу. Нервная и дѣятельная натура, онъ вовсе не то, что принято называть безпокойнымъ человѣкомъ, но онъ не можетъ успокоиться на достигнутомъ результатѣ, который удовлетворилъ бы другихъ. Онъ—вѣчно ищущій и стремящійся впередъ *талантливый* работникъ, котораго постоянно толкаетъ и возбуждаетъ самый процессъ работы. Онъ любитъ общество, особенно молодое, въ которомъ есть отвѣчающая его живому характеру черта свободолюбивой дѣятельности, не поддающейся заранѣе опредѣленнымъ строгимъ рамкамъ. Открывъ цѣлебные источники возлѣ родного города, онъ такъ счастливъ, что можетъ служить и работать на благо близкихъ ему людей. Другой на его мѣстѣ успокоился бы на этомъ и опочилъ на лаврахъ, какъ его братъ бургомистръ, совершеннѣйшая ему противоположность, рабски идущій въ ту сторону, куда и всѣ, и проповѣдующій порядокъ, разъ онъ уже установленъ и признанъ если не всѣми, то большинствомъ. Но Штокманъ, какъ всякій талантъ, знаетъ не то, чему слѣдуютъ всѣ, а *свое*, индивидуальное, что выдѣляетъ его изъ всѣхъ и помогаетъ ему сначала создать цѣлебное заведеніе, а потомъ неумолимымъ образомъ приводитъ его въ столкновеніе со всѣми. *Талантъ*—вотъ что рѣзко выдѣляетъ его изъ окружающей среды и ставитъ выше ея, и столкновеніе Штокмана сначала съ братомъ, потомъ со всѣмъ городомъ, это вѣчная исторія борьбы таланта съ пошлостью.

Сдѣлавъ второе, не менѣе важное открытіе, что трубы плохо проложены и

заражаютъ цѣлебные источники, онъ сразу оцѣниваетъ важность положенія для лѣчебнаго заведенія, не обращая ни малѣйшаго вниманія, насколько второе открытіе можетъ задѣвать интересы тѣхъ, кто уже воспользовался первымъ. Эта черта наивности свойственна всякому таланту, для котораго существуетъ одинъ только интересъ—истины. Въ исполненіи г. Станиславскаго эта наивность оттѣнена превосходно. Вы все время, до момента открытаго столкновенія, видите человѣка, преисполненнаго радости, что именно ему суждено оказать такую важную услугу обществу. Объясненія съ братомъ все еще не достаточно, что показать обратную сторону медали. Штокманъ наивно думаетъ, что братъ просто не понялъ, не усвоилъ еще всей важности его открытія, но когда всѣ остальные, редакторъ газеты, его тесть, все общество станутъ на его сторонѣ, то и упрямый братъ пойметъ, что здоровье тысячъ людей важнѣе нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей, необходимыхъ на улучшеніе купаній. Только когда братъ грозитъ ему потерею мѣста за разоблаченіе, въ немъ просыпается смутное пока еще представленіе, что не для всѣхъ важна истина. Но и тутъ его возмущаетъ не корыстное сопротивленіе брата, а его непониманіе, повидимому, такихъ простыхъ вещей. Его возмущаетъ, что истина не трогаетъ брата и его клики, и онъ съ комичнымъ для зрителя раздраженіемъ восклицаетъ: «И эти болваны могутъ навлечь такія невзгоды на свободнаго, честнаго человѣка!» Для него все это такъ просто, такъ ясно, что отдѣлить себя отъ истины, разъ блеснувшей ему въ глаза, онъ уже не въ силахъ, даже если бы хотѣлъ. Онъ слился съ нею и на просьбы жены вспомнить о дѣтяхъ, отвѣчаетъ великолѣпной по своей простотѣ фразой: «Я долженъ имѣть право смотрѣть прямо въ лицо моимъ сыновьямъ, когда они выростутъ большими». Артистъ, менѣе талантливый и чуткій, чѣмъ г. Станиславскій, могъ бы испортить весь чудный эффектъ этой сцены, повысивъ тонъ, ставъ въ театральную позу, къ чему эта центральная фраза даетъ не мало повода. У г. Станиславскаго она выходитъ просто, естественно, такъ какъ для Штокмана въ ней нѣтъ ничего особеннаго,—онъ иначе не можетъ поступать и свято вѣрить, что и другіе не могутъ. Нѣкоторая доля комизма, вкладываемая г. Станиславскимъ въ свое исполненіе, придаетъ Штокману ту юмористическую жилку, безъ которой этотъ характеръ былъ бы неясенъ. Для Штокмана въ начавшейся борьбѣ между нимъ и противной кликой есть дѣйствительно нѣчто комическое, какъ казалось бы, напр., Геркулесу, противъ котораго возстали муравьи. Именно такими муравьями кажутся ему въ сравненіи съ истиной ея противники, въ особенности его достопочтенный братецъ. Этимъ объясняется комичная сцена въ типографіи, когда Штокманъ, надѣвъ форменную фуражку брата-бургомистра и завладѣвъ его тростью, важно расхаживаетъ, увѣряя брата, что теперь онъ, докторъ Штокманъ,—первая власть въ городѣ. Для него сопротивленіе брата—просто смѣхотворная комедія, и на сердитое требованіе брата возвратить его «оффиціальную фуражку», онъ, шутя и добродушно посмѣиваясь, увѣряетъ его: «Пустое! Или ты воображаешь, что твоя оффиціальная фуражка испугаетъ пробуждающійся народъ? Такъ знай, завтра же совершится переворотъ. Ты грозилъ отставить меня отъ должности, но теперь я отставляю тебя отъ всѣхъ твоихъ должностей. А ты думаешь, я не могу этого сдѣлать? Ошибаешься! За меня общество, Гофстадтъ и Биллингъ будутъ громить въ «Народномъ Вѣстникѣ», Асляксенъ вступитъ въ борьбу во главѣ всей ассоціаціи домовладѣльцевъ». Трудно передать лучше, чѣмъ дѣлаетъ это г. Станиславскій, когда постепенно выясняется для Штокмана истинное положеніе вещей,—изумленіе, разочарованіе, наконецъ, яростное негодованіе овладѣваетъ имъ, и онъ уходитъ, бросая вызовъ всему обществу: «Теперь посмотримъ, можетъ ли человѣческая низость зажать ротъ патріоту, который стремится очистить общество».

Съ этого момента начинается открытая борьба таланта и пошлости, истины и низости, и скрытый героизмъ натуры Штокмана выступаетъ наружу. Но г. Станиславскій не измѣняетъ ни на іоту правдѣ, когда неизмѣнно выдерживаетъ тотъ же тонъ добродушія, наивности и юмора, составляющихъ отличительныя черты Штокмана, какъ человѣка. На народномъ собраніи онъ остается такимъ же предъ бѣснующейся толпой, какъ и у себя въ семьѣ или при стычкѣ въ типографіи. Напротивъ, онъ даже спокойнѣе, такъ какъ волновавшій его прежде эпитетъ «врагъ общества», брошенный ему братомъ, онъ принимаетъ, какъ должное. Да, онъ врагъ народа, пока этотъ народъ глухъ къ правдѣ, пока имъ руководитъ сплоченная клика людей безъ убѣжденій, въ родѣ бургомистровъ, безсовѣстныхъ Гофстадтовъ и продажныхъ Биллинговъ, трусовъ, какъ Аслаксенъ, проповѣдующихъ «благоразумную умѣренность и умѣренное благоразуміе». Теперь для него вопросъ идетъ не о купальномъ заведеніи, не о проведеніи новыхъ трубъ, а о томъ, что «всѣ источники нашей жизни отравлены и все наше общество стоитъ на зараженной почвѣ». Заикаясь, не находя подходящихъ выраженій, но ни мало не смущаясь общимъ протестомъ искусно возбуждаемой толпы, Штокманъ развиваетъ новое открытіе, что самый опасный врагъ истины—это сплоченное большинство. Съ спокойствіемъ математика, рѣшающаго интересную задачу, онъ доказываетъ, что истина всегда на сторонѣ меньшинства, ее открывающаго впервые, и становится общимъ достояніемъ лишь послѣ того, какъ утратитъ значительную часть своей чарующей и бодрящей свѣжести. А до тѣхъ поръ масса бродитъ во тьмѣ, ее надуваютъ тѣ, кому это выгодно, и онъ ничего не имѣетъ, если рухнетъ общество, основанное на этихъ началахъ лжи и взаимнаго обмана. «Что за бѣда,—горячо убѣждаетъ онъ слушателей,—если погибнетъ лживая община! Повторяю—ее слѣдовало стереть съ лица земли! Всѣ люди, питающіеся ложью, должны быть уничтожены, какъ гады! Съ теченіемъ времени вы отравите остальную страну, вы доведете ее до того, что вся страна заслужитъ гибель. И если когда-либо настанетъ такая минута, я скажу отъ всего сердца: да погибнетъ страна! да истребится весь народъ ея!» И когда его объявляютъ единогласно врагомъ народа, онъ удивляется безумію толпы, неспособной понять такой простой истины, что правда непобѣдима и голоса ея нельзя заглушить. Съ философскимъ спокойствіемъ относится онъ къ неистовству толпы, и на жалобы жены, что на собраніи изорвали его лучшую пару, онъ замѣчаетъ съ чисто сократовскимъ юморомъ: «Никогда не слѣдуетъ надѣвать лучшую пару, когда идешь сражаться за свободу и правду». И когда волна общественнаго негодованія подымается еще выше и вокругъ него образуется пустота, онъ приходитъ къ конечному выводу, что «самый сильный человѣкъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ». Этотъ смѣлый вызовъ, бросаемый имъ ослѣпленному обществу, гармонически завершаетъ героическій образъ человѣка, не знавшаго всю жизнь никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью и подчинявшагося только голосу истины. Пусть онъ одинокъ,—тѣмъ лучше: это избавляетъ его отъ необходимости считаться съ разными бургомистрами и кожевенниками, съ умѣреннымъ благоразуміемъ однихъ и открытой жаждой выгодъ другихъ, съ трусостью тайныхъ друзей и ненавистью открытыхъ мерзавцевъ. Одиночество даетъ свободу дѣйствій, а больше ему ничего и не нужно. Надъ старымъ міромъ онъ ставитъ крестъ и обращается къ юному поколѣнію,—изъ него онъ воспитаетъ «свободныхъ, благородно мыслящихъ людей».

Таковъ Штокманъ въ исполненіи г. Станиславскаго, и мы не видимъ, въ чемъ онъ отступилъ отъ Ибсена? Можетъ быть, другой артистъ подчеркнулъ бы героическую сторону его характера, усилилъ бы въ немъ черту непреклонной воли, которая должна быть очень сильна въ Штокманѣ, но, намъ ка-

жется, личность его потеряла бы тогда цѣльность. Теперь предъ нами веселый, добродушный человѣкъ, нервный и живой, съ открытой душой, довѣрчивый и ласковый, который постепенно растетъ, по мѣрѣ того, какъ предъ нимъ раскрывается низость окружающаго его общества, и когда дѣло доходитъ до открытаго столкновенія, становится героемъ, потому что не знаетъ иныхъ велѣній, кромѣ велѣній совѣсти, никогда не подчинялся иному голосу, кромѣ голоса истины. Обстоятельства дѣлаютъ его героемъ, вызывая изъ глубины его души таившіяся въ ней силы, которыхъ ни окружающіе, ни онъ самъ не подозрѣвали раньше. Въ такомъ изображеніи Штокмана мы не видимъ приниженія *личности*; напротивъ, скорѣе ея реабилитацію. Сколько, быть можетъ, такихъ скрытыхъ героевъ живетъ между нами, пока не наступитъ ихъ часъ, какъ наступилъ онъ для Штокмана.

Въ репертуарѣ московскаго художественнаго театра, который намъ привелось видѣть, это лучшая пьеса. Не будемъ поэтому оставливаться ни на «Одинокихъ», ни на «Геншелѣ», въ постановкѣ которыхъ нѣтъ такой цѣльности впечатлѣнія, какъ въ предыдущихъ пьесахъ, что зависитъ отъ нѣкоторой слабости силъ этого театра въ женскомъ персоналѣ, а въ обоихъ названныхъ пьесахъ требуются выдающіяся артистки. Каковъ же общій выводъ объ этомъ новомъ театрѣ? Думаемъ, что имъ сдѣлано очень много для развитія сценическаго искусства у насъ. Помимо прекраснаго подбора пьесъ, мы видимъ такое глубокое пониманіе ихъ, любовь къ искусству, сказывающуюся во всякой мелочи, и талантливое руководство всѣмъ и всѣми, что въ дальнѣйшемъ Московскому художественному театру остается только пожелать развитія этихъ основныхъ началъ всякаго искусства.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Народный университетъ въ Одессѣ. «Южное Обозрѣніе» даетъ очень интересныя выдержки изъ отчета о дѣятельности лекціоннаго комитета при Одесской городской аудиторіи за 1897—1900 учебные годы.

Въ началѣ отчета говорится о тѣхъ затрудненіяхъ и смущеніяхъ, которыя пришлось переживать при началѣ дѣла.

Интересы и запросы рабочаго люда въ сферѣ научныхъ знаній никому изъ членовъ комитета не были извѣстны. Трудно было даже предположить существованіе въ рабочей народной средѣ такого живого интереса къ наукѣ, чтобы нашлись охотники, готовые безъ принудительныхъ какихъ-либо мѣръ, измѣнить свой установившійся образъ жизни, и послѣ трудового дня вечерній досугъ посвящать не разгулу или товарищеской компаніи, а наукѣ, лекціямъ. Среди большинства членовъ комитета существовала увѣренность, что на каждый предметъ будетъ являться не больше 5—10 слушателей и то изъ праздныхъ, любопытствующихъ обывателей. Это мнѣніе было настолько господствующимъ, что даже состоялось постановленіе комитета считать лекцію состоявшейся и при 5 слушателяхъ.

Смущалъ и недостатокъ матеріальныхъ средствъ. На множество необходимыхъ для ясныхъ и наглядныхъ чтеній приспособленій въ первый годъ у комитета имѣлось въ распоряженіи всего лишь 1.000 рублей и ровно никакихъ пособій. Плата же, поступавшая отъ слушателей за входные билеты на лекціи, обращалась въ доходъ города. О какомъ-нибудь денежномъ вознагражденіи членамъ комитета не было и въ поминѣ.

Городское общественное управленіе съ своей стороны не осталось безучастнымъ къ проявившемуся и быстро развивающемуся въ населеніи интересу къ лекціямъ, и со второго года увеличило субсидію до $3^1/_2$ тысячъ рублей въ годъ, что дало возможность комитету больше развернуться въ своей дѣятельности.

Отдѣльныхъ лицъ, записавшихся на лекціи, было въ 1-й годъ—1.221 человѣкъ, во 2-й годъ—1.633 человѣка, въ 3-й—1.749 чел.

Интересъ къ курсамъ распространяется преимущественно среди мужского населенія, въ возрастѣ отъ 17—30 лѣтъ, съ начальнымъ образованіемъ, а по занятію — среди ремесленниковъ. Съ каждымъ годомъ постепенно усиливается интересъ къ лекціямъ и среди учащихся; но забота о доставленіи большей возможности пользоваться лекціями лицамъ изъ рабочей среды, а также лицамъ съ ограниченными средствами вызываетъ ограниченіе доступа на лекціи учащимся, въ особенности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и въ 3-й годъ это ограниченіе было значительно усилено противъ предыдущихъ годовъ.

По вѣроисповѣданіямъ посѣтители за всѣ три года дѣлились такъ: *мужчины*: православныхъ—1.661, католиковъ—99, лютеранъ—27, армяно-грегоріанъ—19, караимовъ—26, евреевъ—1.239.

Женщины: православныхъ—485, католичекъ—21, лютеранокъ—3, армяно-грегоріанокъ—9, караимокъ—28, евреекъ—1.097.

Раскольниковъ и магометанъ въ теченіе трехъ лѣтъ не было ни одного.

Если сопоставить вѣроисповѣданіе и возрасты посѣтителей и раздѣлить ихъ по возрасту на три группы, то получаются слѣдующіе выводы.

1-й возрастъ (отъ 14—16 л.) у христіанъ и нехристіанъ почти одинаковъ по количеству; во 2-мъ возрастѣ (отъ 17—20 лѣтъ) перевѣсъ на сторонѣ нехристіанъ; а въ 3-мъ (21—30 лѣтъ) и въ особенности въ 4-мъ (отъ 31—70 лѣтъ) довольно значительный перевѣсъ на сторонѣ христіанъ. Это даетъ нѣкоторое право думать, что интересъ къ научнымъ знаніямъ у христіанъ проявляется въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и лучше сохраняется почти до старости; у нехристіанъ же онъ раньше проявляется и раньше ослабѣваетъ.

Первое мѣсто среди посѣтителей, въ особенности изъ христіанъ, принадлежитъ окончившимъ народныя школы и съ домашней подготовкой, потомъ слѣдуютъ окончившіе и учащіеся въ городскихъ училищахъ и, наконецъ, остальныя категоріи. Окончившіе среднюю школу уменьшаются, но довольно вяло. Интересны графы выбывшихъ изъ городскихъ училищъ и средне-учебныхъ заведеній. Эти лица, которымъ по какой-то горькой необходимости пришлось выбыть изъ учебныхъ заведеній до окончанія курса, теперь хотятъ найти удовлетвореніе для своей пытливости въ нашихъ систематическихъ чтеніяхъ и качество ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

По занятіямъ больше всего посѣтителей даютъ ремесленники (сюда включены и рабочіе всѣхъ наименованій), затѣмъ учащіеся, служащіе и лица, обозначенныя подъ рубрикой «домашнія занятія».

Торговцевъ среди посѣтителей лекцій встрѣчается очень мало; къ сожалѣнію, магазины закрываются довольно поздно—между 9—11 и даже въ 12 часу, въ такое время, когда лекціи заканчиваются. Отъ нихъ ежегодно поступали ходатайства о болѣе позднемъ началѣ лекцій, но исполнить этого не было возможности.

Литература, физика, анатомія человѣка и химія пользовались преимущественнымъ вниманіемъ; на русскую исторію, географію и законовѣдѣніе записывалось меньше, и эти предметы не такъ аккуратно посѣщались; а также ни по одному изъ предметовъ, читанныхъ на курсахъ, не замѣчалось такого сильнаго паденія въ посѣщаемости, какъ по этимъ предметамъ. Многіе изъ посѣтителей говорили, что эти предметы всегда можно и самому безъ посторонней помощи изучить, а другіе думаютъ, что они уже и теперь въ достаточной мѣрѣ знакомы съ географіей и исторіей, хотя по образованію принадлежатъ къ лицамъ съ домашней подготовкой или изъ народныхъ школъ.

Посѣтители вели себя на лекціяхъ и послѣ нихъ съ большимъ достоинствомъ. Лекторы, желая ознакомиться со взглядами слушателей, завели особый ящикъ для опусканія туда писемъ съ заявленіями и вопросами. Боялись, что туда будутъ бросать неприличныя письма, но страхъ оказался напраснымъ.

Бывали дни, когда на лекцію собиралось болѣе 1.000 человѣкъ самаго разнообразнаго свойства и характера, и между ними не находилось ни одного, которому пришло бы въ голову опустить въ ящикъ письмо несоотвѣтствующаго содержанія. Писемъ всего вынуто 396 и часть изъ нихъ носитъ характеръ признательности и указаній на значеніе лекцій, о чемъ будетъ сказано ниже.

Среди населенія лекціи пользуются большою популярностью. Въ 1898 году разрѣшеніе запоздало до 20-го октября, въ тотъ же день записалось на лекціи свыше 100 человѣкъ, а къ 6-му ноября, дню открытія лекцій, уже было изготовлено именныхъ входныхъ билетовъ съ отобраніемъ всѣхъ статистическихъ свѣдѣній, болѣе 1.200 штукъ. Отсюда ясно, что вѣсть о разрѣшеніи курсовъ съ быстротою молніи успѣла разнестись по городу, хотя, какъ жалуется не вполнѣ справедливо составитель отчета, одесскія газеты будто бы удѣляютъ «лекціямъ» мало мѣста и не оповѣщаютъ о нихъ населеніе.

Отчетъ отмѣчаетъ, что взрослымъ посѣтителямъ лекцій, особенно изъ православныхъ, приходится преодолѣвать очень много препятствій.

Прежде всего, они должны были обладать особымъ мужествомъ, чтобы бороться со своими товарищами, преслѣдовавшими ихъ насмѣшками за посѣщеніе лекцій. Даже посѣтители воскресныхъ школъ не избѣгаютъ ѣдкихъ замѣчаній. Жалобъ на подобныя отношенія со стороны товарищей намъ приходилось выслушать очень много. Жалуются на такія преслѣдованія исключительно мастеровые изъ православныхъ. Такого рода явленіе существуетъ среди рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ другихъ многолюдныхъ мастерскихъ не только въ Одессѣ, но и въ другихъ городахъ. «Ишь, дьяволы таскаются,—все равно умнѣе лошади не будешь», такъ встрѣчаютъ сожители-артельцы своихъ товарищей, возвратившихся съ лекціи, и поднимаются дебаты и глумленіе, жалуется одинъ рабочій, приславшій лекторамъ письмо.

Затѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ отчетъ, невольно приходилось проникаться уваженіемъ къ этимъ людямъ, которые, проработавъ цѣлый день, переодѣвшись и закусивъ, къ 8-ми часамъ спѣшатъ на лекцію. Поистинѣ такіе люди заслуживаютъ широкаго вниманія, заботливости и поддержки.

Отношеніе крестьянъ къ грамотности. Сознаетъ ли крестьянинъ необходимость грамотности? Такимъ вопросомъ заинтересовалось вятское губернское земство и, чтобы рѣшить его, разослало, какъ сообщаетъ «Недѣля», опросные листы всѣмъ народнымъ учителямъ и учительницамъ въ губерніи.

Всего получено 1.405 отвѣтовъ. Если всѣ ихъ раздѣлить на три группы, то получится слѣдующая табличка:

ОТВѢТЫ.	Изъ школъ.				
	Земск. и минис.	Ц.-пр. и мисс.	Шк. грам.	Итого.	Процентъ.
Вполнѣ сознаютъ	598	324	307	1.229	87,4
Мало сознаютъ	54	39	55	148	10,6
Не сознаютъ.	5	15	8	28	2,0
	657	378	470	1.405	100

За полное сознаніе населеніемъ необходимости грамотности свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, 1.229 отвѣтовъ, о маломъ сознаніи 148 и только 28 отвѣтовъ говорятъ отрицательно, что составитъ всего 2% при 98% положительныхъ. Отвѣты первой группы (вполнѣ сознаютъ), по объясненію, учителей основаны ими на наблюденіи, что школы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе переполняются дѣтьми: приходится зачастую отказывать въ пріемѣ; что крестьяне сами идутъ на помощь школѣ; часто по общественному приговору открываютъ на свой счетъ училища. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ, напр., крестьяне, не имѣя въ селѣ школы, рѣшили выхлопотать открытіе хотя бы школы грамоты чтобы потомъ замѣнить ее земской; на этихъ условіяхъ школа не была открыта. Тогда крестьяне набрали мальчиковъ и дѣвочекъ (20) и пригласили учителя. «Крестьяне сами нанимаютъ учителя и платятъ по 30 коп. съ ученика» (Малмыжскій уѣздъ). «Смотритъ населеніе на обученіе, какъ на необходимость и полезность при заработкѣ на чужой сторонѣ, почему съ охотой отдаетъ дѣтей, по окончаніи ученія въ начальной, во второклассную и даже въ среднія учебныя заведенія» (отвѣты изъ Елабужскаго, Орловскаго, Глазовскаго и Вятскаго уѣздовъ). «Все чаще и чаще приходится слышать просьбы крестьянъ *объ открытіи двухъ-классныхъ* училищъ» (Елабужскій и Яранскій уѣзды). Послѣдняя категорія отвѣтовъ (а ихъ очень много отовсюду) свидѣтельствуетъ о сознаніи населенія необходимости не одной уже грамотности, но и настоящихъ знаній. Громадное число учителей отовсюду пишутъ: «Ранѣе учителю приходилось самому ѣздить по деревнямъ для сбора учениковъ, теперь же приходятъ сами отцы и чуть не со слезами молятъ о принятіи ребятъ». Изъ приведенныхъ отвѣтовъ видно, что крестьяне сознаютъ необходимость обученія дѣтей, главнымъ образомъ, въ виду чисто практическихъ цѣлей—торговли, записей, «легче грамотному выбраться изъ нужды» и т. п. Многіе учителя свидѣтельствуя полное сознаніе въ населеніи необходимости грамотности, указываютъ и на препятствія, не позволяющія крестьянамъ отдавать дѣтей въ школу: нужду и отдаленность школъ, не имѣющихъ общежитій. «Нужда одолѣла, потому дѣти вмѣсто того, чтобы идти въ школу, должны зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба» (Сарап. у.). «Сами работаютъ въ рудникахъ и ребятъ своихъ берутъ съ собой» (Глазовск. у.). «И надо бы отдать сынишку въ школу, да дома некого оставить» (Слободск. у.). Но кромѣ указаній учителей на матеріальныя причины, мѣшающія обученію дѣтей, имѣются еще указанія *и на самую школу и ея учителя*. Такъ: «убогое устройство школы, постоянная перемѣна учителей препятствуетъ обученію дѣтей» (о школахъ грамоты Сарапульскаго у.). И такихъ отвѣтовъ имѣется масса. Очевидно, крестьяне прекрасно понимаютъ разницу между земской и церковно-приходской школой. «Учитель окончилъ только сельскую школу, потому крестьяне не отдаютъ дѣтей, находятъ ученіе тамъ плохо и везутъ за нѣсколько верстъ въ село» (о

школ. грам. Котельнич. у.). «Школой недовольны» (о школ. грам. Уржум. у.), и т. д. безъ конца. Переходя къ отвѣтамъ второй и третьей группъ (т.-е. мало сознаютъ и не сознаютъ), невольно поражаешься ихъ категоричностью и отсутствіемъ мотивировки, вродѣ: «уводятъ учениковъ изъ школы до экзамена за нѣсколько дней; не дорожатъ свидѣтельствомъ» (Глазовск. у.), или «не сознаютъ» и только (Глазовскій, Орловск. у.). Между тѣмъ извѣстно, что въ Сарапульскомъ, Слободскомъ и др. уѣздахъ населеніе инородческое и раскольники. У послѣднихъ сильное недовѣріе къ православной и въ особенности церковно-приходской школѣ. А у вотяковъ поговорка даже создалась: «если хочешь жить богато, не учи ребятъ грамотѣ». «Если и учатъ, то только по принужденію священниковъ» (Слободск. у.). Отрицательныхъ отвѣтовъ, однако, очень мало—всего 2%, при томъ же отвѣты эти принадлежатъ, главнымъ образомъ, учителямъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты съ весьма низкимъ образовательнымъ цензомъ. Въ отвѣтахъ учителей имѣются еще интересныя указанія, какъ относится крестьянинъ къ обученію дѣвочекъ. Общее явленіе, отмѣчаемое всѣми корреспондентами, таково: если крестьянинъ мирится со многими неудобствами и даже побѣждаетъ ихъ для доставленія своему сыну возможности обученія, то относительно дочери его энергія не такъ настойчива и взгляды на грамотность не такъ опредѣленны. «При малѣйшемъ препятствіи предпочтеніе отдается сыну, а дочь оставляется дома—прясть, ткать и няньчить»—пишетъ одинъ учитель. «Польза отъ обученія дѣвочки,—пишетъ другой учитель,—будетъ получена, по убѣжденію крестьянина, не той семьей, которая ее воспитываетъ, а тою, въ которую она вступитъ послѣ замужества». Тѣмъ не менѣе при малѣйшей возможности крестьяне охотно отдаютъ и дѣвочекъ въ школы, находя, что «учившаяся дѣвочка смышленѣе неграмотной». Особенно точно по этому вопросу выраженъ взглядъ крестьянина въ отвѣтѣ одной учительницѣ Орловскаго уѣзда: «Для мальчика грамотность считается необходимой, а для дѣвочекъ лишь хорошимъ дѣломъ», это подтверждается и статистическими данными: къ 1-му января 1899 г. мальчиковъ во всѣхъ существовавшихъ школахъ обучалось—79.213, а дѣвочекъ только—25.470, т.-е. почти въ три раза меньше.

Рѣчь костромского епископа Виссаріона о школѣ, печати и театрѣ. Костромской епископъ Виссаріонъ обратился къ дворянству передъ дворянскими выборами съ рѣчью о просвѣщеніи и воспитаніи народа. Содержаніе этой рѣчи, напечатанной въ «Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, мы воспроизводимъ здѣсь со словъ «Самарской газеты».

Преосвященнаго серьезно тревожатъ современное стремленіе къ всеобщему обученію, «ибо ученіе—не только не свѣтъ какъ утверждаетъ поговорка, а наоборотъ, напускаетъ на умы непроглядную тьму, наполняетъ ихъ превратными понятіями, идущими въ разрѣзъ съ ученіемъ вѣры и нравственности, съ порядками жизни гражданской...

«Похвальна забота о всенародномъ образованіи, чтобы всѣ были книжниками; но дѣло не въ образованіи, а въ образователяхъ. Если хотите, чтобы это было истинно полезно для всѣхъ, надобно, чтобы учители были лица благонадежныя по образу мыслей и нравственной жизни. Можно ли ручаться, что всѣ они будутъ благонадежны? Судя по духу времени, никакъ нельзя ручаться».

Духъ же нашего времени—«есть духъ отрицанія и крайняго свободомыслія», что особенно сказывается въ печати, которая «съ ужасной силой» распространяетъ «зловредное вліяніе на умы».

«Многіе органы гласности, если не большинство ихъ, не скрываютъ своего нерасположенія къ церкви и даже къ гражданской власти, требуютъ безусловной вѣротерпимости, безусловной свободы въ исповѣданіи и распространеніи сво-

ихъ заблужденій раскольникамъ и прочимъ сектантамъ, сочувственно относятся къ ихъ открытымъ порицаніямъ и хуламъ противъ церкви. Вообще, органы гласности, зараженные духомъ отрицанія и вольномыслія, охотно открываютъ свои страницы для мнѣній людей, предубѣжденныхъ противъ церкви и даже государственнаго устройства.

«Трудно услѣдить за ними, трудно усмотрѣть, какъ они отравляютъ народъ ядомъ своихъ нечестивыхъ мудрованій. Сами ни во что не вѣруютъ и въ народѣ посѣваютъ сѣмена невѣрія. Они растлѣваютъ народъ не словами только, но и поведеніемъ. Они не скрываютъ своего неуваженія къ церкви, не соблюдаютъ постовъ, не говѣютъ, въ храмы Божіи не ходятъ и своимъ примѣромъ соблазняютъ особенно молодое поколѣніе, ввѣряемое ихъ руководству. Строгій отвѣтъ дадутъ наши начальники народнаго просвѣщенія, если будутъ пользоваться услугами неблагонамѣренныхъ учителей, если этихъ козлищъ будутъ пускать въ свой огородъ, если дадутъ себя имъ въ обманъ. Горе не только обманщикамъ, но и тѣмъ, которые имъ довѣряютъ. Соблазняющіе вѣрующихъ во Христѣ заслуживаютъ потопленія въ морской пучинѣ съ камнемъ на шеѣ.

«Помилуй Богъ,—восклицаетъ далѣе преосвященный,—если нашъ народъ, не привыкшій къ театральнымъ представленіямъ, будетъ развлекаемъ ими съ цѣлью отучить его отъ пьянства. Это значило бы отъ одного зла отвлечь народъ къ другому, не менѣе тяжкому и паскудному. Пьянство есть отвратительный порокъ, но онъ вредитъ больше всего тѣлу, и отрезвленіе сопровождается нерѣдко стыдомъ и раскаяніемъ. Привычка же къ развлеченіямъ, доставляемымъ безнравственными сценическими представленіями, растлѣваетъ душу, пріучаетъ къ безстыдству и зрителя уподобляетъ скомороху, ибо и въ дѣйствительной жизни онъ начинаетъ уснащать свою рѣчь словами, слышанными на сценѣ, и такъ же легко смотрѣть на преступленія, какъ легко къ нимъ относится скоморохъ».

Баптизмъ и штунда. 19-го февраля въ новочеркасскомъ съѣздѣ мировыхъ судей слушалось дѣло по обвиненію крестьянъ пос. Большой Казинки, Ростовскаго округа: Александроыхъ, Воропаевыхъ, Гамагоновыхъ и др. по 29 ст. улож. о наказаніяхъ.

Въ засѣданіе съѣзда явились двое обвиняемыхъ за себя лично и по довѣренности остальныхъ. Въ качествѣ эксперта былъ вызванъ преподаватель семинаріи г. Овсянниковъ.

Изъ доклада дѣла выяснилось, какъ передаетъ «Донская Рѣчь», что подсудимые, называющіе себя баптистами, обвиняются въ томъ, что вопреки запрещеніямъ сельской и окружной полиціи и отобранныхъ отъ нихъ подписокъ собирались въ частныхъ домахъ для молитвы. Обстоятельства эти установлены шестью протоколами, составленными за сравнительно короткій промежутокъ времени въ 1897 г. Протоколы эти и послужили матеріаломъ для настоящаго уголовнаго дѣла. Мировой судья 5 уч. Ростовскаго округа, къ которому поступило на разсмотрѣніе это дѣло, нашелъ, что хотя баптизмъ и пользуется покровительствомъ законовъ, тѣмъ не менѣе, тотъ же законъ требуетъ отъ баптистовъ, чтобы они испрашивали надлежащее разрешеніе на право собираться въ частныхъ домахъ для молитвословій. Въ данномъ же дѣлѣ мировой судья усмотрѣлъ упорное нежеланіе со стороны привлеченныхъ къ отвѣтственности подчиниться этому закону, и потому, признавъ обвиненіе доказаннымъ, приговорилъ большинство обвиняемыхъ заочно къ штрафу въ 50 р. каждаго. Послѣдніе просили вновь пересмотрѣть дѣло и признать ихъ по суду оправданными. При вторичномъ разборѣ дѣла обвиняемые представили доказательства того, что они уже давно, хотя и безуспѣшно, добиваются разрѣшенія собираться въ частныхъ домахъ для моленій. Въ виду этого, г. судья

нашелъ возможнымъ смягчить наказаніе и уменьшилъ штрафъ до десяти рублей съ каждаго. Однако, обвиняемые остались недовольны приговоромъ судьи и перенесли дѣло въ ростовскій на-Дону съѣздъ мировымъ судей. Въ своемъ апелляціонномъ отзывѣ обвиняемые доказывали, что разъ они оффиціально признаются за баптистовъ, то, въ силу существующихъ узаконеній, они и не обязаны испрашивать разрѣшеній, о которыхъ говоритъ въ своемъ приговорѣ судья; что судья неправильно толкуетъ законъ о сектантахъ, и что, по ихъ мнѣнію, въ силу этого закона, они имѣютъ право сходиться для моленій безъ особыхъ спеціальныхъ разрѣшеній. Въ подтвержденіе правильности своихъ выводовъ они ссылаются на цѣлый рядъ законовъ, кассаціонныхъ разъясненій по аналогичнымъ дѣламъ и на изслѣдованія ученыхъ богослововъ. Ростовскій съѣздъ утвердилъ приговоръ мирового судьи, признавъ обвиняемыхъ не баптистами, а штундистами. Обвиняемые не согласились и съ приговоромъ съѣзда и обжаловали его, въ кассаціонномъ порядкѣ, въ сенатъ. Послѣдній отмѣнилъ этотъ приговоръ, такъ какъ съѣздъ въ приговорѣ своемъ не указалъ, почему именно онъ призналъ обвиняемыхъ за штундистовъ.

На вопросъ предсѣдателя, признаютъ ли обвиняемые себя виновными въ приписываемомъ имъ поступкѣ, послѣдніе отвѣтили отрицательно и объяснили съѣзду, что себя они считаютъ и считали прежде за баптистовъ, секту, пользующуюся покровительствомъ законовъ, что распоряженіе полиціи, воспрещавшее имъ собираться для моленій, незаконно и потому для нихъ не обязательно, что они дѣйствительно баптисты,—судъ можетъ усмотрѣть изъ представляемыхъ оффиціальныхъ документовъ: отношеній канцеляріи войскового наказного атамана, донского архіепископа и Донской духовной консисторіи. Во всѣхъ этихъ документахъ ихъ именуютъ, и уже очень давно, баптистами. На вопросы предсѣдателя, въ чемъ именно заключаются ихъ религіозные взгляды, обвиняемые отвѣчаютъ охотно, хотя въ отвѣтахъ своихъ больше стараются доказать неправильность ихъ привлеченія къ суду, чѣмъ выяснить основы своего вѣроученія. По окончаніи допроса, судъ предложилъ эксперту дать свое заключеніе о принадлежности обвиняемыхъ къ той или иной сектѣ.

Экспертъ началъ съ того, что богословская наука знаетъ секту баптистовъ только на Западѣ; въ Россіи къ этой сектѣ принадлежитъ большинство жителей нѣмецкихъ колоній, выходцевъ изъ Германіи. Но подъ вліяніемъ нѣмецкаго баптизма въ 70-хъ годахъ возникло въ Россіи движеніе, извѣстное подъ именемъ штунды. До 1894 г. послѣдователи этой секты всегда называли себя штундистами. Но съ этого года, когда штунда признана была особенно вредной, штундисты исчезли съ лица русской земли и возродились подъ новой кличкой: баптистовъ, хотя вѣроученіе ихъ не претерпѣло никакихъ измѣненій. Изъ дальнѣйшихъ объясненій эксперта трудно было установить, чѣмъ именно отличается нѣмецкій баптизмъ отъ вѣроученія обвиняемыхъ, хотя, по словамъ эксперта, съ сектой штундистовъ онъ хорошо знакомъ изъ собесѣдованій съ ними. Затѣмъ экспертъ указалъ на то, что русская штунда, хотя и возникла сравнительно недавно, уже распадается на двѣ фракціи: штундо-баптизмъ и духовную штунду, называемую въ народѣ сухой штундой. Послѣдняя фракція идетъ очень далеко въ своихъ отрицаніяхъ и насчитываетъ сравнительно небольшое число послѣдователей, значительно отличаясь отъ штундо-баптизма. Экспертъ заявилъ, что законъ, признавая за баптизмомъ свободу исповѣданія, разумѣетъ исключительно нѣмцевъ баптистовъ. Въ общемъ экспертъ стремился доказать, что баптизмъ секта западная, иностранная, а «баптизированная» штунда—произведеніе чисто русское и какъ таковое не можетъ пользоваться покровительствомъ закона. Заключеніе эксперта сводилось въ общемъ къ тому, что если сектантъ носитъ иностранную фамилію,—значитъ онъ баптистъ; если же сектантъ носитъ русскую фамилію,—онъ штундистъ. Судъ послѣ долгаго

совѣщанія вынесъ резолюцію, которой обвиняемые были признаны по суду оправданными.

На Сахалинѣ. Литература, посвященная Сахалину, не отличается скудостью. Напротивъ, о немъ писали уже очень многіе, писали и такіе крупные художники, какъ А. П. Чеховъ, такъ что ужасы, которыми полна сахалинская жизнь, извѣстны чуть ли не всей грамотной Россіи. Однако, условія жизни на о. Сахалинѣ ничуть отъ этого не мѣняются. Въ оффиціальной газетѣ Приамурскаго края «Приамурскія Вѣдомости» печатаются интересные очерки г. Мержанова, въ которыхъ условія жизни сахалинскихъ арестантовъ и поселенцевъ рисуются въ самыхъ безотрадныхъ краскахъ, — настолько безотрадныхъ, что прямо таки загадочной представляется самая возможность признавать приведенные авторомъ факты безъ немедленныхъ же и рѣшительныхъ мѣръ, направленныхъ къ ихъ устраненію.

30 лѣтъ назадъ одинъ изъ начальниковъ поста, приказавъ наказать за грубость какого-то каторжника, объявляетъ заранѣе послѣднему, что онъ не останется живымъ, и тотъ въ дѣйствительности подъ розгами умираетъ; другой вызываетъ своими жестокостями побѣги ссыльныхъ къ японцамъ и безконечныя убійства; третій отдаетъ распоряженіе обратить женское отдѣленіе тюрьмы въ домъ терпимости, дѣлаетъ изъ казармъ кабакъ и вертепъ разврата,—а вотъ какія сценки можно наблюдать теперь. Начальникъ тюрьмы, обидѣвшись на завѣдомо психически-больного арестанта, выпущеннаго изъ больницы на дворъ для прогулки, за то, что онъ будто бы ему умышленно не поклонился, приказываетъ его схватить и отвести въ карцеръ. Это исполняется посредствомъ набрасыванія особой ременной петли на шею арестуемаго. Тотъ же начальникъ, стоящій во главѣ 600 каторжныхъ, разсердившись на одного изъ нихъ, приходитъ въ неистовство, ударомъ кулакомъ по лицу сшибаетъ виновнаго съ ногъ и отдаетъ приказаніе убрать въ карцеръ посредствомъ петли, которая, между прочимъ, всегда имѣется наготовѣ у надзирателей. Другой начальникъ приказываетъ привести къ себѣ на квартиру молодую женщину, прибывшую добровольно къ ссыльному мужу, и когда та не пошла, является ночью лично въ баракъ, гдѣ помѣщались прибывшія женщины, и подъ угрозою надѣть кандалы отвозитъ ее къ себѣ. Третій, преслѣдуя безбилетныхъ ссыльныхъ, схватываетъ одного изъ поселенцевъ подъ видомъ праздношатающагося, несмотря на заявленія послѣдняго, что у него есть билетъ, держитъ арестованнаго почти безъ пищи болѣе недѣли, не объясняя причинъ ареста. Арестованный повѣсился въ это время у себя въ камерѣ. Нѣкоторые начальники, проведшіе десятки лѣтъ на службѣ въ Сахалинѣ, пользуются такой репутаціей, что каторжные предпочитаютъ отказаться отъ пайка и одежды, слѣдовательно осуждаютъ себя на голодъ и холодъ, лишь бы не являться къ начальнику на глаза. Здѣсь сѣкутъ ежедневно безпощадно за всякій пустякъ; такъ, напримѣръ, высѣкли двухъ плотниковъ за то, что они во время работы въ осенній сырой день выпили рюмку водки. Отношеніе къ женщинамъ доходитъ до самаго грубаго произвола. Дикость нравовъ доходитъ до такой степени, что даже больнымъ не дѣлается никакого снисхожденія. Всецѣло зависитъ отъ администраціи принимать тяжелаго больного въ больницу или нѣтъ, т.-е. оставлять его умирать на улицѣ. Бываютъ случаи, когда беременныхъ женщинъ въ послѣдніе часы родовъ не принимаютъ въ больницу, а по приказанію начальства, гонятъ родить «къ чорту». Другую совершенно больную женщину съ груднымъ ребенкомъ за несвоевременную явку къ смотрителю отправляютъ надолго въ тюрьму.

Много такихъ фактовъ, много всякихъ и другихъ злоупотребленій по содержанію арестантовъ, превышенію власти и пр. Существуютъ по прежнему, несмотря на оффиціальное запрещеніе, насильственныя сожительства по распоряженію начальства. Прибываетъ на баржѣ партія ссыльныхъ женщинъ. Пока

идетъ разгрузка и дезинфекція, эти женщины съ дѣтьми ждутъ цѣлыми часами на морозѣ, едва прикрытыя лохмотьями. Затѣмъ ихъ ведутъ въ нежилое холодное, промерзлое зданіе, гдѣ онѣ проводятъ нѣсколько дней. Наконецъ, ихъ отправляютъ (въ томъ числѣ и добровольно-прибывшихъ женщинъ) въ отдѣльные бараки тюрьмы, куда являются «женихи» для выбора себѣ сожительницъ. Тяжелый гнетъ тюремнаго заключенія усиливается отношеніемъ администраціи, въ которой царятъ грубый произволъ, умственная неразвитость, полное непониманіе дѣла, невѣжество, злоупотребленія и нравственная распущенность.

Не лучше положеніе поселенцевъ, отбывшихъ срокъ каторжныхъ работъ. Ссыльный выходитъ изъ тюрьмы безъ денегъ, не имѣя возможности заняться какимъ-либо ремесломъ, и принужденъ обращаться къ земледѣлію, будучи часто вовсе неподготовленнымъ къ трудовой жизни хлѣбопашца. Онъ долженъ затратить много энергіи и труда для перваго обзаведенія, долженъ все это дѣлать примитивнымъ способомъ при суровой природѣ и климатѣ и почти безъ всякой поддержки со стороны администраціи, которая совершенно игнорируетъ интересы поселенцевъ. Естественно, что многіе не выдерживаютъ этой жизни, бросаютъ свои жилища, идутъ искать себѣ пропитаніе другимъ путемъ и при отсутствіи опредѣленнаго заработка становятся бродячимъ элементомъ, скитаясь по тайгѣ, промышляя убійствами и грабежами или влача жалкое существованіе нищенствующаго чернорабочаго. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ отношенія начальства, на которое возложена обязанность заботиться о благосостояніи ссыльныхъ. Часто поселенцамъ даются такіе участки, которые совершенно непригодны для обработки и жизни. Только-что поселенецъ станетъ привыкать и приспособливаться къ жизни во вновь организованномъ поселкѣ, какъ этотъ поселокъ упраздняютъ по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, а жителей перегоняютъ въ другое мѣсто, на старомъ же остаются гнить заколоченные нежилые дома. Бѣдственное положеніе поселенцевъ мѣстная администрація объясняетъ лѣностью и испорченностью послѣднихъ, а между тѣмъ извѣстны факты, когда эти поселки, учрежденные въ удобной мѣстности, скоро развивались и усовершенствовались, а у жителей, ставшихъ хорошими хозяевами, пропадали всѣ тѣ пороки, которыми отличаются ссыльные при неблагопріятныхъ условіяхъ тюремной жизни. Кромѣ выбора мѣстъ, въ отношеніяхъ администраціи къ ссыльнымъ сквозитъ во всемъ полнѣйшее отсутствіе заботъ объ ихъ нуждахъ и интересахъ. Достаточно взглянуть на такую картину поставки переселенцами хлѣба въ тюремные склады. Пріемка, напримѣръ, производится въ декабрѣ въ видахъ, будто бы, поддержки переселенцевъ въ то время, когда слышатся хроническія жалобы на безработицу и безденежье, между тѣмъ расплата производится въ мартѣ. Цѣна на хлѣбъ по закону установлена довольно высокая: 1 р.—1 р. 25 к. за пудъ. Вдругъ мѣстная администрація высказываетъ нежеланіе принимать хлѣбъ отъ поселенцевъ, послѣдніе для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей принуждены продавать хлѣбъ барышникамъ-кулакамъ за полцѣны, за 40—60 коп. Черезъ нѣкоторое время начальство принимаетъ отъ тѣхъ же купцовъ хлѣбъ по указанной ранѣе цѣнѣ (?). И такихъ примѣровъ не одинъ. Надо замѣтить, что вообще дѣятельность кулаковъ на Сахалинѣ развита въ грандіозныхъ размѣрахъ и, не встрѣчая почти никакихъ препятствій, а скорѣе поощренія, имѣетъ самыя тяжелыя и зловредныя послѣдствія. Крайне халатно относится начальство и при выдачѣ ссыльнымъ поселенцамъ пайковаго продовольствія, которое полагается по закону. Пріѣзжающіе за пайкомъ въ рабочую пору проживаютъ на посту цѣлыя недѣли, дожидаясь, какъ милости, выдачи положеннаго по закону пайка. Здѣсь процвѣтаетъ взяточничество, начиная съ высшаго начальства и кончая послѣднимъ писаремъ. Зачастую удовлетворяются просьбы о выдачѣ пайковаго про-

довольствія людей, вовсе не нуждающихся въ немъ, а дѣйствительно нуждающіеся не получаютъ его. Вотъ, напримѣръ, случай, замѣченный мѣстнымъ губернаторомъ при ревизіи Корсаковскаго поста: богатый мельникъ получаетъ паекъ, а почти нищій, имѣющій законное право на него, не пользуется имъ. Еще одинъ любопытный фактъ, касающійся продовольствія поселенцевъ. Имъ было какъ-то въ прошломъ году объявлено, что въ складахъ муки нѣтъ или есть, но плохая, непригодная для употребленія въ пищу. Склады были переполнены мукой, которую врачи при освидѣтельствованіи признали не вполнѣ доброкачественной, но все-таки годной и совѣтовали скорѣе израсходовать. Мука, однако, продолжала гнить въ складахъ, и ее не выдавали. Никуда уже негодную муку, наконецъ, стали продавать съ аукціоннаго торга по нѣсколько тысячъ пудовъ. Покупщиками являлись ссыльные, которые употребляли ее въ пищу для себя. Между тѣмъ забракованная ранѣе мука, лучшая по качеству, оставалась въ складахъ, дожидаясь того момента, когда сгніетъ и поступитъ на аукціонъ.

Изъ жизни въ Манчжуріи. Г. Левитовъ, разсказывая въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ при поѣздкѣ въ Манчжурію, даетъ, между прочимъ, и характеристику города Харбина, въ которомъ безконтрольно царитъ уральскій казачій офицеръ Казаркинъ.

«Самый достойный человѣкъ въ городѣ, имѣющій полное право на всеобщее вниманіе не только Сибири, но и Петербурга, это—замѣчаетъ г. Левитовъ—несомнѣнно, харбинскій полиціймейстеръ Казаркинъ. Это лицо достойно вниманія всего русскаго общества, и поэтому мы ему посвятимъ нѣсколько строкъ».

Г. Левитовъ удостоился даже посѣтить это достойное вниманія лицо въ полицейскомъ управленіи Харбина.

«Я бы никому не повѣрилъ,—говоритъ онъ,—если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ, что я увижу въ началѣ XX столѣтія въ русскомъ полицейскомъ управленіи то, что пришлось увидѣть на самомъ дѣлѣ. Я затрудняюсь передать все, что происходитъ въ полицейскомъ управленіи Харбина. Порютъ тамъ ежедневно. Съ 26-го іюня, послѣ возстанія манчьжуръ, не проходило дня, чтобы по распоряженію Казаркина не выпороли, по крайней мѣрѣ, 50 человѣкъ. Чтобы не быть голословнымъ, я дамъ нѣсколько примѣровъ, за что порютъ въ Харбинѣ и какъ. Дорожному мастеру Чиркову, получающему жалованья 125 р., Казаркинъ приказалъ дать 125 плетей, а старшему рабочему, получающему только 55 руб. жалованья въ мѣсяцъ, приказано дать 55 плетей. Дорожный мастеръ не могъ сидѣть двѣ недѣли отъ жестокихъ страданій. Торговцу Куянову дали въ первый разъ 125 плетей, а когда онъ вернулся изъ Хабаровска, ему дали прибавочныхъ еще 75 плетей, а винному торговцу Стрижко—125 плетей. Извѣстному торговцу въ Харбинѣ, содержателю ресторана, Щербакову, за продажу водки не въ указанное время, дали 125 плетей, а покупателю, купившему эту водку, 30. Одному казаку, уснувшему на часахъ, всыпали 75 плетей, и тѣло у него все почернѣло. Запасному солдату Тимоѳею Лебедеву за самовольную отлучку на базаръ дали 150 розогъ. Стонъ и крики отъ боли физическихъ страданій въ полицейскомъ управленіи вы слышите цѣлый день. Проходить только мимо полицейскаго управленія тяжело даже для человѣка се здоровыми нервами!»

И бравый казакъ Казаркинъ добился, повидимому, образцоваго порядка, если подъ таковымъ понимать отсутствіе протеста и критики. Г. Левитовъ пораженъ, что «входя, напримѣръ, въ ресторанъ, гдѣ сидятъ очень многіе харбинцы за обѣденнымъ столомъ, вы ни слова никогда не услышите объ этомъ, какъ будто такъ и должно быть. Напротивъ, вы услышите всегда разговоры о высокихъ матеріяхъ, о какомъ-то ультиматумѣ Вильгельма, объ англо-германскомъ соглашеніи, о Гаагской конференціи...

«Пусть не думаетъ читатель, что это происходитъ только въ одномъ Харбинѣ; нѣчто подобное происходитъ, очевидно, по всей Манчжуріи, такъ какъ Нингутѣ, когда я зашелъ къ коменданту просить охрану для проѣзда въ Шанси, онъ далъ оплеуху какому-то благовѣщенскому мѣщанину за то, что тотъ не хотѣлъ показать ему своего вида, и при мнѣ же приказалъ разложить его и дать ему 25 плетей. Комендантъ, видя, что я измѣнился въ лицѣ, сказалъ мнѣ: «знаете ли, у насъ иначе нельзя,—только такимъ путемъ можно ввести здѣсь порядокъ».

Агрономическій съѣздъ. Съ 10-го по 19-е февраля въ Москвѣ происходили собранія перваго съѣзда дѣятелей по агрономической помощи мѣстному хозяйству. Изъ общаго числа 350 членовъ съѣзда наибольшую часть его составляли мѣстные агрономы и статистики—43,4%, представители земства и сельско-хозяйственныхъ обществъ—29,6%, представители сельско хозяйственныхъ учебныхъ заведеній—11,3%; кромѣ того, на съѣздѣ присутствовали представители министерства земледѣлія и сельско хозяйственной печати. Такимъ образомъ, дѣятельность по агрономической помощи населенію Россіи была представлена на съѣздѣ съ достаточною полнотою для того, чтобы постановленія его могли пріобрѣсти крупный общественный интересъ и значеніе. Общихъ собраній съѣзда было 9, секціонныхъ—41; докладовъ сдѣлано было 92.

Красною нитью черезъ всѣ постановленія съѣзда проходитъ ясно выраженное стремленіе расширить особенно суженныя въ послѣднее время рамки общественной самодѣятельности, внѣ свободнаго проявленія которой, по признанію съѣзда, не мыслимъ прогрессъ хозяйственной жизни Россіи. Представители бюрократическихъ тенденцій неизмѣнно встрѣчали дружный отпоръ, такъ что имъ ничего больше не оставалось, какъ занять положеніе стороннихъ наблюдателей дѣятельности съѣзда.

Наиболѣе важнымъ вопросомъ, много разъ выдвигавшимся на съѣздѣ, надо признать вопросъ объ организаціи мелкой самоуправляющейся и самооблагающей земской единицѣ. Вопросъ этотъ, какъ напомнилъ съѣзду предсѣдатель Новгородской губернской земской управы Н. Н. Сомовъ, далеко не новый. Онъ былъ возбужденъ уже во время освободительныхъ реформъ, но былъ проваленъ бюрократами-либералами, опасавшимися передать общественное дѣло въ невѣжественныя руки. Черезъ двадцать лѣтъ этотъ вопросъ возбуждается снова и проваливается на этотъ разъ по тѣмъ же мотивамъ «охранителями». Но ораторъ глубоко убѣжденъ, что русскій народъ способенъ поставлять не только рабочихъ и солдатъ; народъ, привлеченный къ общественному дѣлу, сумѣетъ выдвинуть изъ среды своей и достаточно умѣлыхъ дѣятелей. Необходимо только какъ можно скорѣе дать народу эту практическую школу въ формѣ мелкой земской единицы, которая, въ свою очередь, дастъ возможность окончательно упрочиться земскимъ учрежденіямъ и ввести земское дѣло въ плоть и кровь народной жизни. Поддержанный многими другими ораторами, изъ которыхъ ярославскій земецъ кн. Д. И. Шаховской закончилъ свою краснорѣчивую защиту мелкой земской единицы твердой увѣренностью въ томъ, что «мы станемъ сильными съ той поры, какъ захотимъ быть ими», вопросъ при баллотировкѣ прошелъ всѣми голосами противъ одного голоса предсѣдателя Московской губернской земской управы Д. Н. Шипова.

Резолюція съѣзда по этому вопросу была принята въ слѣдующей формѣ: I. Для того, чтобы земство могло вполнѣ удовлетворительно выполнить лежащія на немъ задачи въ области экономическихъ и въ частности сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія, по мнѣнію съѣзда, является безусловно необходимымъ образованіе новой, меньшей, чѣмъ уѣздъ, земской единицы. II. Мелкая единица эта должна обладать слѣдующими основными чертами дѣйствую-

щихъ земскихъ учрежденій: 1) она должна носить характеръ обязательности, а не быть добровольнымъ союзомъ; 2) у нея должна быть точно опредѣленная территорія, на которую распространялось бы ея дѣйствіе; 3) она должна имѣть характеръ всесословный; 4) она должна пользоваться правомъ самообложенія; 5) подобно тому, какъ между нынѣ существующими земскими учрежденіями,— губернскими, съ одной стороны, и уѣздными, съ другой,—существуетъ нѣкоторая опредѣляемая закономъ связь, такъ должна быть установлена связь новой мелкой земской единицы съ уѣздными и губернскими земскими учрежденіями даннаго уѣзда и губерніи, причемъ однако разсмотрѣть частности этихъ отношеній съѣздъ не нашелъ для себя возможнымъ; 6) мелкая земская единица должна имѣть выборные исполнительные органы; 7) она не должна обладать функціями полицейскими и судебными. Затѣмъ съѣздъ не нашелъ возможнымъ высказать опредѣленнаго заключенія по слѣдующимъ существеннымъ вопросамъ: а) какимъ измѣненіямъ подлежатъ для права участія въ выборахъ по мелкой земской единицѣ нынѣ дѣйствующія правила имущественнаго ценза и какой долженъ быть установленъ порядокъ выборовъ, причемъ однако ясно, что и основанія права участія въ выборахъ и порядокъ ихъ подлежатъ существеннымъ измѣненіямъ; б) какъ велика должна быть эта новая, болѣе мелкая, чѣмъ уѣздъ, земская единица; в) должно ли ей принадлежать право самообложенія, ограниченное или неограниченное; г) долженъ ли ея исполнительный органъ быть единоличнымъ или коллегіальнымъ; д) долженъ ли быть и въ чемъ именно ограниченъ кругъ предметовъ ея вѣдѣнія противъ круга предметовъ вѣдѣнія существующихъ земскихъ учрежденій; е) должны ли быть допущены къ участію въ рѣшеніи дѣлъ въ мелкой земской единицѣ всѣ пользующіеся правомъ голоса или же ихъ выборные представители; ж) представляется ли необходимымъ при учрежденіи мелкой земской единицы измѣнить земское представительство въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ путемъ составленія его изъ выборныхъ отъ мелкихъ единицъ, или же порядокъ избранія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ слѣдуетъ сохранить по существующему земскому положенію и, наконецъ, з) должна ли организація мелкой земской единицы быть одинаковой повсюду или же различной по губерніямъ. III. Съѣздъ признаетъ существенно важнымъ, чтобы вопросъ о своевременности учрежденія подобной мелкой земской единицы, а также о подробностяхъ ея организаціи былъ переданъ на заключеніе земскихъ собраній. Кромѣ того, по предложенію В. И. Яковенко, съѣздъ высказался относительно сохраненія гласнаго веденія дѣлъ въ собраніяхъ и исключенія числа участниковъ собраній всѣхъ лицъ, исправляющихъ судебныя и административныя должности на территоріи данной единицы.

Въ интересахъ правильной постановки агрономической помощи населенію въ не-земскихъ губерніяхъ съѣздъ рѣшительно высказалъ пожеланіе о распространеніи и на эти губерніи земскаго положенія.

Необходимость въ широкомъ развитіи общественной самодѣятельности въ области сельско хозяйственныхъ мѣропріятій подчеркнута была съѣздомъ и при обсужденіи вопроса о составѣ сельско хозяйственныхъ и экономическихъ совѣтовъ при земскихъ управахъ. Съѣздомъ выражено пожеланіе, чтобы въ ихъ составъ, помимо мѣстныхъ агрономовъ и представителей сельско хозяйственныхъ и экономическихъ организацій, допускались, по выбору земскаго собранія, и различныя лица, полезныя для дѣла, независимо отъ имущественнаго ценза и сословія, равно какъ представители крестьянскаго сословія, по возможности, отъ каждой волости.

Съ этою же цѣлью и для приданія учрежденіямъ, работающимъ въ области общественной агрономіи, большей жизнеспособности, съѣздъ намѣтилъ организаціи многочисленныхъ съѣздовъ дѣятелей въ различныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, начиная отъ періодическихъ съѣздовъ дѣятелей земскихъ и вообще

представителей агрономической помощи населенію для выясненія общеэкономическихъ вопросовъ, связанныхъ съ народнымъ хозяйствомъ, и кончая частныхъ съѣздовъ дѣятелей по мелкому кредиту, агрономовъ, представителей опытныхъ учрежденій и т. п.

Предложеніе о необходимости, помимо періодическихъ съѣздовъ, установленія постоянныхъ областныхъ организацій изъ выборныхъ представителей заинтересованныхъ земствъ и мѣстныхъ агрономовъ хотя и было внесено на съѣздъ, но съѣзду не удалось разсмотрѣть это предложеніе. По отношенію къ существующей постоянной организаціи—сельско-хозяйственному совѣту при министерствѣ земледѣлія однимъ изъ членовъ съѣзда В. А. Владимірскимъ было высказано мнѣніе, что участіе въ совѣтѣ выборныхъ представителей губернскихъ земствъ представляло бы недостойную роль для нихъ, какъ земскихъ выборныхъ. Это похоже было бы, по словамъ г. Владимірскаго, какъ если бы губернское земство было замѣнено совѣщаніемъ представителей уѣздныхъ земствъ при губернаторѣ.

Затѣмъ, въ видахъ объединенія разрозненныхъ мѣропріятій отдѣльныхъ учрежденій, намѣчены разнообразныя бюро: посредническое бюро, при какой-либо губернской земской управѣ, для сношенія земствъ при совмѣстной выпискѣ земледѣльческихъ орудій и машинъ, причемъ особою коммиссіею были выработаны инструкціонныя правила, бюро при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства для сношенія опытныхъ учрежденій между собою и для выработки одинаковыхъ методовъ изслѣдованія, и, наконецъ, изданіе «Органа общественной агрономіи», предпочтительно при Московской земской управѣ, или при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, или при вольномъ экономическомъ обществѣ, или при редакціи журнала «Хозяинъ».

По вопросамъ о проведеніи въ народную среду сельскохозяйственныхъ знаній съѣздъ прежде всего высказался отрицательно по поводу посягательствъ на общеобразовательную школу. Въ соединенномъ засѣданіи 2-й и 3-й секцій былъ поставленъ вопросъ: не отвлекаетъ-ли народныхъ учителей отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей учрежденіе при сельскихъ училищахъ хозяйствъ, садовъ, огородовъ и пасѣкъ. На этотъ вопросъ получился отвѣтъ, что учрежденіе хозяйствъ, садовъ, огородовъ и пасѣкъ при сельскихъ школахъ не должно стоять ни въ какомъ отношеніи къ учебнымъ задачамъ сельской школы. По вопросу о чтеніяхъ и бесѣдахъ по сельскому хозяйству состоялось постановленіе, что устройство такихъ чтеній и бесѣдъ желательно включить въ программу дѣятельности агрономовъ, состоящихъ при мѣстныхъ учрежденіяхъ; чтобы чтенія и бесѣды устраивались при сельскохозяйственныхъ фермахъ, при школахъ, при сельскихъ и волостныхъ правленіяхъ, но во всякомъ случаѣ всѣ эти бесѣды, чтенія и курсы не должны быть устраиваемы спеціально для учителей народныхъ школъ. Народная школа должна заботиться не о практическихъ знаніяхъ, которыя требуютъ извѣстной подготовки, а о расширеніи общеобразовательной программы, уровень которой, по признанію съѣзда, пока еще очень низокъ.

При обсужденіи поставленнаго программой вопроса: «не встрѣчаетъ ли какихъ-либо внѣшнихъ затрудненій веденіе съ крестьянами сельскохозяйственныхъ чтеній и бесѣдъ?»—весьма многими изъ ораторовъ было указано, какъ на главный тормазъ въ развитіи этого полезнаго дѣла, на многочисленныя и сложныя формальности, которыми обставлено въ настоящее время исходатайствованіе разрѣшенія на устройство и открытіе чтеній и собесѣдованій и, кромѣ того, на крайне ограниченное количество разрѣшенныхъ книгъ и брошюръ по естествознанію вообще и по сельскому хозяйству въ частности. Секціи пришли къ заключенію, что дѣло распространенія въ сельскомъ населеніи сельскохозяйственныхъ знаній путемъ чтеній и бесѣдъ значительно подвинулось бы впередъ, если бы учрежденіямъ и лицамъ, вѣдающимъ это дѣло, было облегчено

открытіе какъ чтеній, такъ и бесѣдъ, и если бы существующія правила были замѣнены простымъ обязательствомъ заблаговременно сообщать мѣстной полицейской власти о времени и мѣстѣ открытія чтеній или бесѣдъ и о предметѣ предстоящихъ занятій. Кромѣ того, было признано желательнымъ увеличить количество тѣхъ книгъ и брошюръ, которыя по нынѣ дѣйствующимъ каталогамъ допущены для прочтенія на народныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ на общемъ основаніи.

Ограничиваясь здѣсь изложеніемъ лишь нѣкоторыхъ постановленій съѣзда, имѣющихъ громадный общій интересъ, добавимъ, что и всѣ остальныя постановленія, даже тамъ, гдѣ они касались частныхъ задачъ сельскохозяйственной техники, носятъ на себѣ явный отпечатокъ живой, продуманной работы людей, живущихъ не бумажными интересами канцелярій, а дѣйствительными насущными интересами своей родины, для которой въ наше время самой существенной задачей является освобожденіе частной и общественной самодѣятельности отъ гнетущей ее опеки и увеличеніе такимъ образомъ производительности труда во всѣхъ сферахъ.

Съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія. 1-го марта, въ Москвѣ, былъ открытъ съѣздъ дѣятелей по народному образованію, въ которомъ принимало участіе болѣе 200 лицъ. Цѣль съѣзда—выяснить возможныя улучшенія въ школьномъ дѣлѣ «безъ ломки существующихъ основаній». Несмотря на то, что съѣздъ имѣлъ характеръ мѣстный и строго оффиціальный, многіе изъ поставленныхъ на немъ вопросовъ и состоявшихся рѣшеній имѣютъ настолько общій интересъ, что игнорировать ихъ нельзя.

Между прочимъ, въ общемъ собраніи членовъ съѣзда 3-го марта предсѣдателемъ, попечителемъ московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовымъ, было предложено обсудить проектъ «Наказа» училищнымъ совѣтамъ.

Въ виду того, что этотъ проектъ всѣмъ членамъ съѣзда былъ разосланъ и хорошо имъ знакомъ, постановлено его не обсуждать по пунктамъ, а только высказаться по 4-мъ вопросамъ, внесеннымъ на обсужденіе собранія распорядительной коммиссіей: 1) нуженъ ли и не желателенъ ли общій министерскій «Наказъ», и если нуженъ, то въ чемъ онъ долженъ заключаться; 2) измѣняетъ ли существенно переданный на обсужденіе съѣзда проектъ «Наказа» нынѣшнее положеніе училищныхъ совѣтовъ, предсѣдателей училищныхъ совѣтовъ, дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ, учредителей, содержателей и попечителей училищъ; 3) представляется ли въ настоящее время желательнымъ и своевременнымъ какое-либо принципіальное измѣненіе въ Положеніи 1874 года; 4) если желательно сохраненіе основныхъ началъ Положенія 1874 г., то не слѣдуетъ ли внести въ это Положеніе поправокъ и дополненій, не измѣняющихъ эти основныя начала.

Первый вопросъ рѣшенъ большинствомъ голосовъ въ отрицательномъ смыслѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что желательны мѣстныя инструкціи, составляемыя самими училищными совѣтами. По второму вопросу собраніе единогласно рѣшило, что проектъ «Наказа» существенно измѣняетъ положеніе всѣхъ органовъ, завѣдующихъ начальнымъ образованіемъ по Положенію 1874 года. Принципіальныя измѣненія въ дѣйствующемъ Положеніи признаны нежелательными, но частичныя въ немъ измѣненія, не колеблющія основныхъ его пунктовъ, признаны необходимыми. При детальномъ обсужденіи этихъ вопросовъ выяснилось, что съѣздъ, хотя и составленный изъ оффиціальныхъ представителей министерства народнаго просвѣщенія, далеко не раздѣляетъ взглядовъ этого послѣдняго на земскія и общественныя учрежденія. Съѣздъ каждый разъ, когда представлялся къ тому поводъ по существу поставленнаго на его обсужденіе вопроса, рѣшительно высказывался въ пользу расширенія зем-

скаго вліянія въ дѣлѣ народнаго образованія. Точно также отнесся съѣздъ и къ частному почину въ этой области, а по вопросамъ внѣшкольнаго образованія съѣздъ принялъ слѣдующія резолюціи. 1) признать желательнымъ возможно широкое развитіе обществъ, имѣющихъ цѣлью внѣшкольное народное образованіе,—въ губернскихъ городахъ съ уѣздными отдѣленіями, съ тѣмъ, чтобы эти общества могли дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Желательно, чтобы въ составъ правленія этихъ обществъ входили представители министерства народнаго просвѣщенія, которые служили бы связующимъ звеномъ между школьнымъ и внѣшкольнымъ образованіемъ; 2) возбудить чрезъ предсѣдателя съѣзда ходатайство о томъ, чтобы въ разъясненіе существующихъ узаконеній законоучителю и учащимъ начальныхъ училищъ предоставлено было вести въ стѣнахъ школы бесѣды и чтенія для народа, по примѣру виленскаго учебнаго округа лишь съ вѣдома ближайшаго начальства, т.-е. инспектора народныхъ училищъ для министерскихъ училищъ и училищнаго совѣта для школъ, существующихъ на основаніи Положенія 1874 г.; 3) возбудить ходатайство о томъ, чтобы народныя чтенія въ городахъ и селеніяхъ московскаго учебнаго округа по просьбамъ частныхъ лицъ, частныхъ обществъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, обществъ и попечительствъ трезвости и т. п. по книжкамъ, одобреннымъ для этой цѣли, разрѣшались мѣстнымъ начальствомъ, причемъ наблюденіе за чтеніями могло бы быть возложено, напримѣръ, на мѣстныхъ священниковъ, учащихъ, членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, попечителей школъ и т. п. по усмотрѣнію губернатора; 4) возбудить ходатайство о томъ, чтобы книги, одобренныя министерствомъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ, устраиваемыхъ по правиламъ 15-го мая 1890 г., были допущены къ произнесенію въ народныхъ аудиторіяхъ; 5) ходатайствовать о разрѣшеніи вести на народныхъ чтеніяхъ устныя бесѣды и объясненія по содержанію картинъ, показываемыхъ при помощи волшебнаго фонаря; 6) необходимо, чтобы было возстановлено во всемъ объемѣ право открытія воскресныхъ школъ по п. 3 ст. 2 Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 года, ограниченное распоряженіемъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія 4-го сентября 1891 г.; 7) ходатайствовать о томъ, чтобы въ уствновленномъ порядкѣ было предоставлено разрѣшить воскресныя школы по программамъ 2-хъ-классныхъ министерскихъ училищъ съ введеніемъ въ нихъ дополнительныхъ предметовъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіональныхъ, по усмотрѣнію; 8) ходатайствовать о томъ, чтобы при воскресныхъ школахъ было разрѣшено имѣть библіотеки для учащихся по каталогу безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ и 9) ходатайствовать чрезъ г. предсѣдателя съѣзда передъ правительствомъ о томъ, чтобы въ народныя библіотеки и читальни допускались всѣ книги и произведенія періодической печати, допускаемыя къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ (п. 3 примѣч. къ ст. 1754 о цензурѣ и печати),

---

За мѣсяцъ. Съ четырехъ газетъ,—съ «Гражданина», «Новаго Времени», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Московскихъ Вѣдомостей»,—снята сила объявленныхъ имъ въ прежніе годы предостереженій. Издателю-редактору «Виленскаго Вѣстника», статскому совѣтнику Бывалькевичу, разрѣшено выпускать газету безъ предварительной цензуры.

— Въ Сибири и на югѣ Россіи послѣдствія неурожая въ теченіе истекшаго мѣсяца сказывались съ особенною силой. Правительственная помощь, помощь Краснаго Креста и земскихъ учрежденій далеко не могла удовлетворить растущей потребности въ продовольствіи, и на почвѣ голода въ послѣднее время возникло множество очаговъ всевозможныхъ инфекціонныхъ заболѣваній, среди которыхъ тифъ занимаетъ первое мѣсто. Частная помощь, которой въ теченіе

прошлыхъ неурожайныхъ лѣтъ приходилось непроизводительно тратить массу энергіи только для того, чтобы устранять множество разставленныхъ на ея пути административныхъ препонъ, теперь проявляетъ себя очень слабо, несмотря на непрерывные призывы мѣстныхъ дѣятелей и прессы. Тамъ же, гдѣ общественная доброжелательность, забывая прежніе свои неудачные опыты, идетъ на встрѣчу вопіющей нуждѣ, сплошь и рядомъ возникаютъ недоразумѣнія непріятнаго и даже нерѣдко грубаго свойства. Вотъ что сообщаетъ, напримѣръ, «Россіи» ея херсонскій корреспондентъ: «Елисаветградская земская управа, не принявъ своевременно необходимыхъ мѣръ, начала хлопотать объ усиленіи медицинскаго персонала уже тогда, когда очаги заразы раскинулись широкою сѣтью по всему уѣзду. Но врачей найти было не такъ-то легко. Тогда предсѣдатель управы г. Скляревичъ, желая выйти изъ затруднительнаго положенія, обратился въ Пироговскій комитетъ, организовавшій на югѣ лѣчебно-продовольственную помощь нуждающемуся населенію. Пироговскій съѣздъ охотно откликнулся на этотъ призывъ и немедленно командировалъ туда д-ра Богомольца, который по указанію Елисаветградской земской управы отправился въ Нечаянскую волость, гдѣ свирѣпствовалъ въ ужасающихъ размѣрахъ сыпной тифъ, и приступилъ къ устройству изоляціонныхъ больничекъ. Но ни лѣчить больныхъ, ни кормить ихъ голодающія семьи, сидѣвшія буквально безъ куска хлѣба, земскій начальникъ Шофонскій не дозволилъ. Д-ръ Богомолецъ вынужденъ былъ покинуть больныхъ, лежавшихъ въ нетопленныхъ избахъ безъ всякаго медицинскаго пособія, и уѣхать въ Одессу. Пироговскій комитетъ недоумѣвалъ: какая такая причина столь неожиданнаго инцидента? Для выясненія недоразумѣній былъ командированъ комитетомъ въ Елисаветградъ д-ръ Діатрокто, но и эта поѣздка не оказала никакого воздѣйствія на положеніе дѣлъ. Г. Скляревичъ заявилъ, что теперь медицинскаго персонала вполнѣ достаточно въ уѣздѣ, и что въ сторонней поддержкѣ со стороны частныхъ обществъ елисаветградское земство не нуждается. То же самое г. Скляревичъ повторилъ въ оффиціальномъ письмѣ на имя предсѣдателя Пироговскаго комитета П. А. Зеленаго. Насколько были согласны съ дѣйствительностью успокоительныя завѣренія г. Скляревича, не замедлили показать факты. Эпидемія росла, а врачей не хватало. Земская управа не медля телеграфировала въ Херсонъ о присылкѣ врачей отдѣленіемъ «Краснаго Креста», но эта командировка не удалась. Ѣхать на эпидемію никто изъ врачей не соглашался. Тогда послѣдовало предписаніе — увольнять тѣхъ врачей, которые откажутся отъ командировки. Это распоряженіе повело къ тому, что 10 врачей, служившихъ «Красному Кресту» безплатно въ теченіе многихъ лѣтъ, подали заявленіе объ отставкѣ. Волей-неволей приходилось добывать врачей въ другомъ мѣстѣ. И вотъ, желая помочь горю, Херсонская губернская управа прибѣгаетъ къ совершенно экстраординарной мѣрѣ — снаряжаетъ на эпидемію свой собственный медицинскій персоналъ: ординатора психіатрической больницы Шрейбера, завѣдывающаго земскимъ пріютомъ Пуколова и врача губернской земской больницы Андреевскаго. Этимъ самымъ губернская управа ослабила и безъ того уже слишкомъ незначительный составъ служащихъ своихъ врачебныхъ учрежденій. И все это ради того, что гг. земскіе начальники не хотѣли допустить сторонней помощи, въ лицѣ Пироговскаго комитета. Все, молъ, обстоитъ благополучно у насъ въ уѣздѣ. Мы въ чужихъ подачкахъ не нуждаемся. Но, несмотря на эту командировку трехъ врачей, въ уѣздѣ медицинскаго персонала совершенно недостаточно. Сыпной и брюшной тифы распространяются съ ужасающей быстротой. Приближается весна, а по свойству своему эта страшная заразная болѣзнь чрезвычайно развивается и распространяется подъ вліяніемъ тепла. Кто же теперь приметъ на себя отвѣтственность за устраненіе весьма существенной и полезной лѣчебно-продовольственной помощи, которую хотѣлъ оказать бѣдствующему люду Пироговскій комитетъ?!»

Народная школа въ Сѣверо западномъ краѣ.

(Письмо изъ Вильны).

Школьное дѣло въ Сѣверо-западномъ краѣ, въ силу цѣлаго ряда мѣстныхъ условій, влачитъ жалкое существованіе. По даннымъ 1899 года во всемъ Сѣверо-западномъ краѣ насчитывалось около 5.110 низшихъ учебныхъ заведеній съ 192.000 учащимися (около 160.000 мальчиковъ и слишкомъ 32.000 дѣвочекъ), такъ что одна школа приходилась почти на 2.000 человѣкъ населенія и на 60 кв. верстъ, въ то время, какъ въ Имперіи одна школа приходилась, приблизительно, на 1.700 чел. Но картина народнаго образованія въ нашемъ краѣ представится въ гораздо болѣе печальномъ видѣ, если изъ общаго числа городскихъ и сельскихъ школъ (5.110) исключить городскія и уѣздныя училища, частныя, еврейскія (ешеботы, хедеры...) и др. Тогда мы получимъ, что собственно народныхъ школъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова въ краѣ насчитывается не болѣе 1.600. По даннымъ же директоровъ народныхъ училищъ сельское сословіе края составляло въ 1899 г. свыше 8.000.000 чел. Слѣдовательно, одна народная школа приходилась въ среднемъ на... 5.000 чел. Въ отдѣльности, по губерніямъ края, отношеніе количества школъ и учащихся къ общему числу населенія значительно колеблется и, по даннымъ попечителя виленскаго учебнаго округа, выражается слѣдующими цифрами: въ Виленской губ. одна школа приходится на 4.800 чел. и одинъ учащійся на 63 чел.; въ Гродненской губ.—на 2.700 чел. и на 37 чел.; въ Минской—на 6.680 чел. и на 87 чел.; въ Витебской—на 5.509 чел. и на 92 ч.; въ Могилевской—на 5.270 ч. и на 86 ч. и, наконецъ, въ Ковенской губ. одно училище приходится на 7.400 чел. и одинъ учащійся на 108 чел.

Въ смыслѣ административной подвѣдомственности всѣ низшія школы въ краѣ распредѣляются на министерскія и синодальныя, которыя всецѣло находятся въ вѣдѣніи духовенства. Кромѣ того, въ краѣ, какъ населенномъ, главнымъ образомъ, инородцами, существуетъ масса (около 2.000) инородческихъ училищъ, какъ-то: еврейскіе ешеботы, хедеры (школы грамоты), караимское нар. училище, лютеранскія и проч. Въ учебно-административномъ отношеніи всѣ училища въ краѣ подчиняются попечителю виленскаго учебнаго округа и духовенству.

Въ цѣломъ краѣ значительно преобладаетъ типъ синодальныхъ школъ. Достаточно указать на то, что въ то время, какъ министерскихъ школъ насчитывается всего лишь 1.600, число школъ вѣдомства Св. Синода доходитъ до 6.400, составляя около 80% общаго числа школъ. Въ этомъ отношеніи виленскій учебный округъ стоитъ выше почти всѣхъ остальныхъ округовъ и превосходитъ, напримѣръ, варшавскій округъ почти въ 30 разъ, одесскій въ 3 раза, петербургскій въ $2^1/_2$ раза и т. д. Въ особенности отличаются въ краѣ по количеству церковныхъ школъ губерніи Могилевская, Минская и Виленская, и только въ Ковенской губ. преобладаетъ министерская школа. Одна синодальная школа въ Могилевской, Минской, Виленской губ. въ среднемъ приходится на 1.500 чел., между тѣмъ какъ въ Ковенской губ. она приходится на 15.000 чел. Такая рѣзкая разница въ соотношеніи школъ различныхъ вѣдомствъ въ Ковенской губ. объясняется преобладаніемъ тамъ литовскаго населенія. Исключительно церковный характеръ школы отталкиваетъ отъ нея всѣхъ иновѣрцевъ, а въ особенности католиковъ, недовѣрчиво относящихся вообще къ русской школѣ, даже министерской. Попечитель виленскаго учебн. округа, говоря вообще о недостаткахъ народной школы, указываетъ на ту ненависть, которую питаютъ къ школѣ литовцы. «Нѣкоторые изъ ксендзовъ, наприм., обнаруживаютъ явное неповиновеніе требованіямъ училищнаго начальства, уклоняясь отъ

посѣщенія школъ для преподаванія Закона Божія р.-католическаго исповѣданія»,—добавлю отъ себя, на русскомъ языкѣ. Различныя недоразумѣнія на религіозной почвѣ здѣсь весьма не рѣдки.

Въ отчетѣ по учебному округу за 1899 г. разсказывается слѣдующее: «Въ Кавколишскомъ народномъ училищѣ, открытомъ въ концѣ 1898 г., съ 27-го января 1899 г. стало значительно уменьшаться число учащихся. Произведеннымъ по просьбѣ директора нар. училищъ негласнымъ разслѣдованіемъ, по порученію начальника Ковенскаго губ. жандармскаго управленія, установлено, что причиной оставленія училища учащимися была агитація проживающей при шатскомъ костелѣ девотки (мѣстное выраженіе), которая по наущенію ксендзовъ С. и Т. ходила по деревнямъ и уговаривала крестьянъ не посылать дѣтей въ училище подъ угрозой не получить прощенія грѣховъ»...

Суть, однако, не въ девоткахъ и не въ ксендзахъ, а въ общемъ настроеніи населенія, которое существующая школа не въ состояніи объединить, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ и попечитель виленскаго учебнаго округа, посѣтившій много школъ въ Сѣверо-зап. краѣ. «...Учащіеся въ школахъ раздѣлены на отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая отстраняется отъ другихъ, замыкаясь въ свой тѣсный кружокъ. При наблюденіяхъ не трудно было замѣтить, что учащіеся, раздѣляясь на отдѣльные кружки, группируются по исповѣданіямъ и, соотвѣтственно этому, по національностямъ. Такимъ образомъ, уже на школьной скамьѣ, гдѣ дѣтское сердце болѣе всего способно отрѣшиться отъ разнаго рода недоразумѣній и склонно съ довѣріемъ и любовью отнестись къ каждому изъ товарищей, зарождаются и зрѣютъ сѣмена религіознаго и племенного сепаратизма, крайне вреднаго въ школѣ въ отношеніи воспитательномъ»... Здѣсь, кажется, должны умолкнуть всѣ прекрасныя слова о воспитательномъ значеніи школы, объ основныхъ задачахъ русской школы на окраинѣ и проч. Церковная школа породила этотъ антагонизмъ, который проникъ теперь и въ свѣтскую школу. Увеличеніе же числа церковныхъ школъ, идущее въ разрѣзъ съ желаніями населенія, можетъ повести только къ еще большему обостренію отношеній между православнымъ и иновѣрческимъ населеніемъ края. Но жизнь съ каждымъ годомъ усложняется, создаются новыя потребности, потребности научиться грамотѣ, и вотъ въ результатѣ является, такъ наз., «недозволенное обученіе», характерное для окраинъ. Отчетъ по учебн. округу констатируетъ 58 случаевъ «недозволеннаго обученія» въ пяти губерніяхъ Сѣверо-зап. края (кромѣ Могилевской губ.) за 1899 г. Въ Ковенской губ. «обнаруженныя въ 1899 г. тайныя школы по своей организаціи имѣли въ большинствѣ видъ правильно-организованныхъ школъ. Въ нихъ обучались мальчики и дѣвочки въ возрастѣ 7—15 лѣтъ. За обученіе взималась плата или наличными деньгами, или продуктами сельскаго хозяйства, а также предоставленіемъ готовой квартиры и стола производившему обученіе. Предметами занятій въ «тайныхъ» школахъ были: русская, польская и еврейская грамоты, катихизисъ и католическія молитвы на жмудскомъ и польскомъ языкахъ, ариѳметика и чистописаніе. Изъ всѣхъ 12 школъ одна была передвижная и занятія въ ней производились, поочередно, въ домахъ родителей обучавшихся дѣтей».

Прочія школы имѣли постоянныя помѣщенія. Изъ обнаруженныхъ «тайныхъ» школъ 1 существовала въ городѣ, 6—въ мѣстечкахъ и 5—въ деревняхъ Въ 9 школахъ занимались мужчины, въ трехъ женщины. Въ школахъ этихъ обучалось *7 православныхъ*, 72 католика и 26 евреевъ, всего 105 человѣкъ. Въ Гродненской губ. «недозволеннымъ образомъ» обучалось 121 чел. Самъ попечитель виленскаго учебн. округа признаетъ, что «тайное» обученіе далеко не исчерпывается указанными случаями. Много есть основаній полагать въ виду того, что почти всѣ дѣти-католики поступаютъ въ училища грамотными по-польски, что «тайное обученіе производится въ широкихъ размѣрахъ». При-

веденные факты вполнѣ ясно доказываютъ, что потребность въ начальн. образовании у насъ велика и удовлетворять ее приходится «тайнымъ» образомъ. Конечно, когда школа утратитъ свой церковный характеръ и станетъ свѣтскимъ общеобразовательнымъ учрежденіемъ, антагонизмъ на религіозной почвѣ исчезнеть. Насколько церковная школа отталкиваетъ отъ себя инородческое населеніе, можно судить по слѣдующимъ даннымъ, касающимся, наприм., Виленской губ., гдѣ въ 1899 г. церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты насчитывалось 729 съ 15.000 учащихся дѣтей, которыя по вѣроисповѣданіямъ распредѣлились такъ: православныхъ около 88%, католиковъ—10%, евреевъ—0,2%, лютеранъ вовсе нѣтъ, и т. д. Министерскихъ же школъ свыше 200 почти съ 20.000 учащимися. И тутъ православные составляютъ лишь 42%, католики почти 52%, евреи около 4% и протестанты около 2%. Слѣдовательно, въ то время, какъ синодальныхъ школъ въ губерніи почти въ *4 раза больше*, нежели министерскихъ, число учащихся неправославныхъ въ первыхъ составляетъ лишь 12%, а въ послѣднихъ 58%!..

Много писалось и говорилось о преимуществахъ министерской школы передъ церковно-приходской. Поэтому я не буду вдаваться въ новую оцѣнку. Скажу только, что въ Сѣверо-западномъ краѣ каждая министерская школа стоитъ почти въ 4 раза дороже синодальной; библіотекъ при церковныхъ училищахъ почти въ 7 разъ меньше, нежели при министерскихъ. Собственныхъ зданій духовное вѣдомство имѣетъ весьма мало, не болѣе 30%; всѣ почти школы находятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ, мало отвѣчающихъ потребностямъ современной гигіены. Образовательный цензъ учащихъ духовнаго вѣдомства гораздо ниже учащихъ въ министерскихъ школахъ. Такимъ образомъ, современное положеніе церковной школы въ Сѣверо-западномъ краѣ не сулитъ никакихъ надеждъ на ея будущее. Попечитель учебн. округа находитъ, что «въ мѣстностяхъ съ иновѣрнымъ населеніемъ на помощь народной школѣ не можетъ придти школа церковно-приходская», и потому полагаетъ, что насущнѣйшая потребность края—открытіе новыхъ народныхъ министерскихъ школъ.

Посмотримъ теперь, на сколько послѣднія удовлетворяютъ нуждамъ населенія. Всего въ краѣ двухклассныхъ училищъ 55 и одноклассныхъ около 1.550. По свѣдѣніямъ директоровъ народныхъ училищъ, въ 1899 г. въ школахъ обучалось дѣтей школьнаго возраста: въ Виленской губ.—9%, Ковенской—6,6%, Гродненской—18,5%, Минской—8%, Витебской—8% и въ Могилевской—8%. Такимъ обрзэомъ, въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ пользованію народными школами находится одна Гродненская губ. Поразительно малымъ количествомъ школъ отличаются губерніи Виленская, Ковенская и Могилевская. Въ Виленской губ., какъ это ни кажется страннымъ, число школъ съ каждымъ годомъ замѣтно уменьшается. Изъ отчета виленскаго губернатора можно усмотрѣть, что въ 1887 г. было 326 школъ, затѣмъ число ихъ постепенно начало сокращаться, такъ что къ 1900 году осталось всего лишь около 200 школъ. Подобное же уменьшеніе замѣчается и по отношенію къ спеціальнымъ евр. училищамъ. Такъ, въ 1887 году ихъ насчитывалось 173, затѣмъ число это падаетъ до 134 въ 1893 г. Въ слѣдующемъ году сразу открывается свыше 500 хедеровъ (школъ грамоты), число коихъ съ каждымъ годомъ увеличивается; количество же народныхъ училищъ, напротивъ, уменьшается. Что касается прочихъ заведеній, то за весь 13-лѣтній періодъ времени число ихъ осталось почти безъ измѣненія. Населеніе же Виленской губ. за этотъ промежутокъ времени возрасло на 424.851 чел. Естественно поэтому, что процентъ непринятыхъ въ школы съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивается. Виленской губернаторъ въ своемъ отчетѣ приходитъ къ такому неутѣшительному выводу: «...въ виду недостатка школъ и отсутствія *обязательнаго* элементарнаго образованія, огромное большинство дѣтей лишено благъ просвѣщенія, обречено кос-

нѣть въ невѣжествѣ и существовать при условіяхъ, невозможныхъ для ихъ нормальнаго развитія въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Если бы женское образованіе стояло у насъ хотя немного выше, то недостатокъ школьнаго образованія восполнялся бы хотя отчасти домашнимъ образомъ, но при настоящемъ положеніи дѣла невѣжественная семья безпомощна не только научить грамотѣ, но и создать болѣе благопріятныя условія для сохраненія жизни и здоровья своихъ дѣтей—будущихъ гражданъ». А между тѣмъ эта сторона вопроса, т.-е. открытіе народныхъ министерскихъ школъ теперь-то и заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ среди крестьянскаго населенія за послѣднее время замѣчается большое стремленіе къ грамотѣ. По свидѣтельству попечителя виленскаго учебн. округа, «...училища переполнены учащимися, крестьяне охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, часто жребіемъ рѣшая вопросъ о томъ, кому изъ многихъ желающихъ поступить въ училище слѣдуетъ отдать предпочтеніе, въ виду невозможности удовлетворить всѣхъ. Свои симпатіи къ школѣ крестьяне выражаютъ ассигнованіемъ значительныхъ суммъ на постройку новыхъ и ремонтъ старыхъ училищныхъ зданій и вообще на приведеніе въ лучшій видъ училищъ въ хозяйственномъ отношеніи, а также уступкою учебному вѣдомству надѣловъ земли подъ училищныя зданія въ случаѣ открытія новыхъ училищъ. Нѣкоторыя народн. школы продолжаютъ оставаться центрами особенныхъ симпатій крестьянъ; эти послѣдніе охотно посѣщаютъ ихъ во время воскресныхъ и праздничныхъ чтеній, охотно посѣщаютъ училищные литературно-вокальные вечера и елки, интересуются школьными порядками и жизнью школы во всѣхъ ея проявленіяхъ». И дѣйствительно, сумма, расходуемая крестьянскими обществами на содержаніе народныхъ училищъ въ краѣ (450,113 руб.) въ общемъ превосходитъ сумму, ассигнуемую на ту-же надобность изъ государственнаго казначейства (214.173 р.), болѣе чѣмъ въ два раза. Наибольшіе расходы по содержанію училищъ несутъ крестьяне Витебской, Минской и Ковенской губ. Но здѣсь часто наблюдается одно печальное явленіе, которое парализуетъ благія намѣренія крестьянъ по отношенію къ народной школѣ. Директоры народныхъ училищъ Минской и Могилевской губ. заявляютъ, что отпускъ лѣса на постройку училищъ, по закону 12-го мая 1897 года, сопряженъ съ громадными затрудненіями. Не смотря на неоднократныя просьбы дирекцій, мѣстныя управленія государственныхъ имуществъ, куда и поступаютъ всѣ ходатайства объ отпускѣ лѣса на постройку школъ, придерживаютъ ихъ у себя цѣлые мѣсяцы и даже года, прежде чѣмъ дадутъ отвѣтъ, подчасъ отрицательный. Такъ, наприм., 14-го іюля 1898 г. было возбуждено передъ управленіемъ государственныхъ имуществъ ходатайство объ отпускѣ изъ казенныхъ дачъ лѣса на постройку вновь открываемыхъ въ предѣлахъ Могилевской губ. 23 народн. училищъ, для которыхъ казною уже отпущено было 15.000 руб. Но до 1900 г. никакого отвѣта дирекція не получила.

Другимъ важнымъ условіемъ, задерживающимъ развитіе народной школы, служитъ составъ учительскаго персонала. Въ нашемъ краѣ встрѣчаются города, гдѣ чувствуется сильный недостатокъ въ учителяхъ, получившихъ педагогическое образованіе, напримѣръ, въ Виленской губ. свыше 9% общаго числа учителей не имѣютъ учительскаго званія. Недостатокъ же учителей, главнымъ образомъ, зависитъ отъ слишкомъ ничтожнаго обезпеченія ихъ. Оклады содержанія учителемъ въ школахъ Сѣверо-западнаго края весьма незначительны, 150—200 руб. въ годъ. Это очень неблагопріятно отражается на устойчивости педагогическаго персонала въ народныхъ школахъ; ежегодно многіе изъ учителей оставляютъ свою малообезпеченную службу и переходятъ въ другія вѣдомства, не исключая даже полиціи.

Значительно ослабляетъ дѣятельность школы въ нашемъ краѣ позднее начало и раннее окончаніе учебныхъ занятій въ школахъ. Въ краѣ имѣется не мало народныхъ

школъ, куда дѣти являются только по выпаденіи перваго снѣга и съ первыми лучами весенняго солнца оставляютъ ихъ. Учебный годъ, такимъ образомъ, сокращаться до 5—6 мѣсяцевъ. Становится прямо невозможнымъ наверстать потерянное время и приходится, вслѣдствіе этого, сокращать программу. Объяснить приведенный фактъ не трудно. Селенія и деревни во многихъ губерніяхъ края разбросаны; школы, вслѣдствіе ограниченнаго числа ихъ, расположены на громадномъ разстояніи другъ отъ друга [одна школа (народная) въ среднемъ приходится на 188 кв. верстъ] и поэтому сообщеніе съ мѣстомъ нахожденія училища является весьма затруднительнымъ. Пришлось прибѣгнуть къ устройству при народныхъ училищахъ ученическихъ квартиръ, для помѣщенія и ночлега приходящихъ изъ дальнихъ деревень учениковъ. Квартиры эти помѣщаются или въ особо устроенныхъ домахъ, или въ отдѣльныхъ комнатахъ при училищахъ, или же, наконецъ, въ приспособленныхъ для того училищныхъ кухняхъ. Всѣхъ такихъ квартиръ при народныхъ училищахъ въ 1899 г. было 792. Многія изъ этихъ квартиръ неудобны главнымъ образомъ по тѣснотѣ помѣщеній. Во всѣхъ губерніяхъ края, за исключеніемъ Гродненской, существуютъ ученическія квартиры съ общественнымъ продовольствіемъ для учениковъ. Въ Ковенской губ. на такихъ квартирахъ живутъ дѣти русскихъ поселенцевъ и на каждую изъ квартиръ отпускается въ распоряженіе мировыхъ посредниковъ изъ суммъ генералъ-губернатора по 600 руб. На другихъ квартирахъ продовольствіе производится на общественный счетъ. Учащіеся получаютъ или полный столъ, или приварокъ, а хлѣбъ они должны имѣть свой. За правильностью расхода по продовольствію учениковъ наблюдаютъ особо избранныя волостью лица, а также и учащіе. Въ остальныхъ квартирахъ учащіеся продовольствуются на свой собственный счетъ, получая припасы изъ дома своихъ родителей. Въ большей части училищъ, гдѣ имѣются общеученическія квартиры, наняты кухарки для приготовленія пищи ученикамъ. Но и такое значительное число ученическихъ квартиръ не можетъ удовлетворить населеніе края и вотъ многія тысячи дѣтей, единственно только за недостаткомъ школъ, лишаются возможности научиться грамотѣ. Въ особенности скверно поставлено у насъ образованіе женской половины населенія. Процентъ учащихся дѣвочекъ почти въ 5 разъ меньше числа учащихся мальчиковъ.

Еще хуже обстоитъ дѣло въ нашемъ краѣ съ школами для взрослыхъ. По отношенію къ нимъ города нашего края, съ оживленной, торгово-промышленной дѣятельностью, съ громаднымъ количествомъ ремесленниковъ, стоятъ ниже всѣхъ остальныхъ городовъ Россіи. На все десятимилліонное населеніе края имѣются лишь 3 школы для рабочихъ, 7 воскресныхъ школъ и 5—6 школъ для ремесленниковъ. (Я говорю исключительно объ общеобразовательныхъ школахъ). Всѣ изложенныя выше данныя, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ отчетовъ, даютъ возможность сдѣлать выводъ, что народная школа, пользующаяся симпатіей большей части населенія, въ настоящее время далеко не удовлетворяетъ потребностямъ его. Какія мѣры приняты къ развитію и улучшенію школьнаго дѣла? Увы, въ этомъ отношеніи сдѣлано пока очень мало. Открываются новыя училища весьма туго. Такъ въ теченіе 1899 г. вновь открыто только, 28 народныхъ училищъ во всѣхъ шести губерніяхъ края. Наплывъ же желающихъ учиться съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и % непринятыхъ. Достаточно указать на то, что въ отдѣльности въ каждой губерніи края число дѣтей школьнаго возраста, не посѣщающихъ училища, составляетъ 80—90%!!...

Оффиціальные отчеты указываютъ на то, что библіотеки при школахъ «отличаются бѣдностью и страдаютъ недостаткомъ книгъ». Въ цѣломъ краѣ въ библіотекахъ при народныхъ училищахъ было всего около 3.000 томовъ книгъ.

Это на 1.600 школъ!!.. *). Особенно бѣдны библіотеки для учащихъ. Только въ самое послѣднее время поднятъ вопросъ объ открытіи такъ называемыхъ центральныхъ библіотекъ для учащихъ. Количество книжныхъ складовъ при училищахъ почти не измѣняется. Кромѣ того, при 51 народномъ училищѣ Ковенской губ. находятся склады съ жмудскими книгами и, какъ показалъ опытъ, совершенно безполезно. Изъ оффиціальнаго отчета видно, что «...продажа жмудскихъ книгъ, напечатанныхъ русскимъ шрифтомъ, идетъ очень туго, такъ какъ жмудины-католики, для которыхъ предназначаются эти книги, относятся къ нимъ съ предубѣжденіемъ и обыкновенно предпочитаютъ книги, напечанныя латино-польскимъ шрифтомъ»... Въ теченіе 1899 г. жмудскихъ книгъ, напечатанныхъ русскимъ шрифтомъ, изъ всѣхъ складовъ при училищахъ было продано на... 1 руб. 7 коп.!!..

Всѣ почти школы, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, страдаютъ большимъ недостаткомъ въ учебныхъ пособіяхъ. Помѣщенія школъ во многихъ случаяхъ не отвѣчаютъ требованіямъ гигіены. Многія училища находятся въ наемныхъ помѣщеніяхъ, нѣкоторыя въ зданіяхъ волостныхъ правленій, другія въ частныхъ домахъ безплатно, въ домахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и проч. Наемныя помѣщенія, по заявленію директоровъ народныхъ училищъ, чрезвычайно неудобны, тѣсны и т. д. Училищная коммиссія, состоящая при виленской городской думѣ, осмотрѣвъ помѣщенія училищъ, пришла къ заключенію, что всѣ они не отвѣчаютъ самымъ скромнымъ требованіямъ гигіены. Сами крестьяне охотно жертвуютъ суммы на постройку новыхъ зданій и ремонтъ старыхъ. Въ теченіе 1899 г. крестьянскія общества на эту надобность ассигновали 75.628 рублей.

Таковы данныя о положеніи школы въ нашемъ краѣ, указывающія на то, что начальное образованіе стоитъ такъ низко, главнымъ образомъ, изъ за недостаточныхъ усилій, направляемыхъ на это дѣло, а не изъ за матеріальной необезпеченности населенія, которое громадныя суммы жертвуетъ на дѣло народнаго образованія и въ настоящее время. Училищъ мало, поразительно мало, что сознаетъ и само учебное вѣдомство, проектирующее въ ближайше время открыть въ губерніяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской 170 училищъ (50—въ Виленской губ., 100—въ Ковенской и 20—въ Гродненской).

М.

Изъ русскихъ журналовъ.

Королева Викторія. Дутое военно-патріотическое настроеніе современной Англіи пользуется всѣми средствами для своихъ шовинистическихъ цѣлей. Хвалебный хоръ прессы и поэтовъ, воспѣвающій необычайныя доблести королевы Викторіи, переходитъ всѣ реальныя границы и вырождается въ настоящій культъ покойной королевы, но только въ этомъ культѣ поклоненіе божеству носитъ чисто-военный характеръ, выражается въ бряцаніи оружія и грохотѣ пушекъ; самыя похороны королевы напоминали военный парадъ. Вообще, образъ Викторіи сталъ символомъ и военнаго могущества Англіи, и ея внутренняго преуспѣянія. И вотъ изъ-за этой искусственно-возвеличенной героической фигуры г. Діонео («Рус. Богатство», февраль) рисуетъ настоящій портретъ покойной

*) Въ теченіе 1899 года для библіотекъ при народныхъ училищахъ въ краѣ пріобрѣтены: «Евангеліе на славянскомъ яз., псалтирь учебная, часословъ учебный», «Книгъ для чтенія въ народныхъ училищахъ Сѣверо-западнаго края Россіи», «Обученіе церковно-славянскому языку», «Азбука» Бунакова, «Наше родное» Баранова, «Обиходъ» Бахметьева и журналы: «Плодоводство», «Деревня» и «Читальня народной школы».

королевы со всѣми живыми и непосредственными чертами ея личности. Въ первые годы правленія королева Викторія была очень непопулярна, чему особенно содѣйствовалъ безтактный, узкій и грубый супругъ ея, пытавшійся насильственно добиться вмѣшательства въ государственныя дѣла. Страшный голодъ въ Ирландіи въ 1847 г. и ужасающая смертность ещё болѣе увеличили непопулярность королевской четы: несмотря на жестокія бѣдствія, принцъ Альбертъ продолжалъ относиться къ ирландцамъ, какъ къ «бунтовщикамъ», и за время голода правительство королевы допустило двумъ милліонамъ ирландцевъ погибнуть отъ голодной смерти. Чѣмъ же объяснить поразительную популярность королевы, которая начала складываться въ шестидесятыхъ годахъ? Въ какой степени королева дѣйствительно отражаетъ въ себѣ блестящую эпоху англійской исторіи, какъ отзывалась она на великія событія своего времени? Очень любопытнымъ показателемъ отзывчивости королевы на жгучія злобы дня служатъ ея дневники, доведенные до 1882 г. Первая часть посвящается «дорогой памяти того, кто сдѣлалъ жизнь автора свѣтлой и счастливой» (т.-е. принцу-супругу). И вотъ въ бурную и грозную эпоху ирландскаго голода, чартистскаго движенія, крымской кампаніи и возстанія сипаевъ, королева Викторія старательно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ не только часъ, но и минуты прогулки, цвѣтъ платьевъ гостей, вообще рядъ внѣшнихъ мелочей — и ничего больше. Вотъ, напр., выдержка изъ путешествія въ Ирландію. Королева и принцъ-супругъ прибыли туда послѣ ужасныхъ событій голода. «Море было неспокойно. Гавань очень велика и въ ней нѣсколько острововъ. Противъ насъ островъ Спайкъ, а на немъ каторжная тюрьма... Нѣкоторые ирландцы носятъ голубые чулки и короткіе панталоны... Нѣкоторые ирландцы говорятъ на своемъ языкѣ, который совсѣмъ не то, что шотландскій», и т. д., и т. д. Это языкъ досужей туристки, заносящей въ свою записную книжку внѣшнія впечатлѣнія пріятной прогулки, но никакъ не наблюденія великаго государственнаго ума, какъ прославляютъ королеву безчисленные некрологи. При полученіи извѣстія о паденія Севастополя королева больше всего интересуется смоляной бочкой, которую зажегъ ради этого торжественнаго момента ея принцъ-супругъ. Какъ отразились другія великія событія въ дневникѣ, можно судить по перечню главъ: «Постройка Кэрна въ память принца», «Посѣщеніе Ольдъ-Кэрна въ день рожденія принца», «Первое посѣщеніе Кэрна послѣ окончанія его», «Случай съ каретой», «Стрижка овецъ», «Открытіе памятника принцу въ Эдинбургѣ» и т. п. Какъ аккуратная и заботливая англичанка средняго класса, королева очень интересуется мелочами хозяйства, входитъ во всѣ детали, отлично изучила характеръ своихъ лакеевъ и горничныхъ. Повидимому, ее гораздо больше интересуетъ, что станетъ дѣлать въ извѣстныхъ случаяхъ Браунъ (ея любимый лакей), чѣмъ вся политика лорда Росселя. Г. Діонео приводитъ еще цѣлый рядъ необычайно характерныхъ выдержекъ изъ дневника, указывающихъ, что кипучая, величавая жизнь англійскаго народа катилась мимо королевы, ея бурныя волны не замутили безмятежнаго покоя и буржуазнаго довольства этой типичной женщины среднихъ классовъ—отличной матери и заботливой хозяйки. Литературные и эстетическіе вкусы королевы были очень мало развиты: она считала Марію Корелли величайшей англійской романисткой, а Остина — знаменитѣйшимъ поэтомъ. Больше всего она цѣнила двѣ вещи—блестящую армію и церковныя проповѣди. И по своему темпераменту, и по умственному складу Викторія не обнаруживала претензій вмѣшиваться въ дѣла страны, она предоставила ей свободно развиваться, а сама удалилась отъ дѣлъ и въ теченіе сорока лѣтъ жила исключительно въ своей семьѣ, вдали отъ общества. Въ это-то время, и именно благодаря бездѣйствію королевы, и сталъ складываться «культъ Викторіи»: съ ея именемъ стали связывать все хорошее, въ безсодержательный текстъ ея рѣчей и депешъ легко можно было вкладывать все,

что угодно. Итакъ, имя королевы стало символомъ всего, чѣмъ въ данный моментъ жила страна,—символомъ, тѣмъ болѣе удобнымъ, что за нимъ не было никакой сильной государственной личности.

Итоги буржуазной культуры. Въ послѣднее время періодическая печать не разъ касалась этой темы. Дѣйствительно, за долгое время своего господства буржуазный строй успѣлъ развернуть всѣ свои силы, онъ успѣлъ изжить и исчерпать всѣ свои принципы, онъ сказалъ всѣ свои послѣднія слова, и въ настоящее время, когда такъ настоятельна жажда обновленія и возрожденія, бужуазная культура обнаруживаетъ полное безсиліе сказать новое слово, дать міру живительный творческій принципъ. Г. Андреевичъ («Жизнь», февраль) въ своихъ «Очеркахъ текущей русской литературы» и задается опредѣленіемъ того, въ чемъ состоитъ «геній мѣщанства»,—этотъ геній, который въ началѣ своей карьеры провозгласилъ принципъ свободы, и теперь все настойчивѣе сводитъ всѣ свои усилія къ задачѣ самосохраненія. «Странный геній, точно огромная фабрика, выбрасывающій на улицу тюки товаровъ, тысячи мыслей, тысячу изобрѣтеній и нисколько не заботящійся объ ихъ участи! Странный геній, разжигающій аппетитъ людей до страсти, до умопомраченія лишь затѣмъ, чтобы, не удовлетворивъ его, оставить на душѣ человѣка злобу и раздраженіе! И, право, когда читаешь старыя книги и лѣтописи, вдумываешься въ старыя преданія,—видишь, что всегда и вездѣ людямъ жилось въ достаточной степени скверно, что всегда и вездѣ большинство ихъ были незванными гостями на землѣ, но, кажется, никогда большинство людей не чувствовало себя такими одинокими и озлобленными и не мучилось такъ глубоко сознаніемъ пустоты и безсмысленности окружающей ихъ жизни, какъ въ наше высоко-культурное мѣщанское время». Трагическое одиночество людей является несомнѣннымъ фактомъ нашего времени, особенно подчеркиваемымъ такими художниками-поэтами, какъ Верлэнъ, Гауптманъ, Чеховъ. Это тяжелое состояніе душевной пустоты и оброшенности является, между прочимъ, источникомъ всѣхъ исканій забвенія, всѣхъ этихъ наркотическихъ явленій въ литературѣ—стоновъ декадентства, гашиша символизма, странныхъ новыхъ религій, вродѣ возрожденнаго буддизма, и т. п. Чѣмъ же создается это душевное одиночество? Несомнѣнно, разъединяющимъ принципомъ буржуазнаго строя — принципомъ конкуренціи, который является господствующимъ и въ экономическихъ, и въ общественныхъ, и въ политическихъ отношеніяхъ нашего времени. Хищническій инстинктъ наживы, выгоды, воспитанный буржуазнымъ складомъ жизни, вноситъ вражду и зависть въ среду людей: успѣхъ одного покоится на неудачѣ другого, и, наоборотъ, устраненіе кого-нибудь съ жизненнаго пира очищаетъ мѣсто его сопернику. «Надо *накоплять*—вотъ единственное, что знаетъ и проповѣдуетъ мѣщанство, вотъ его верховный догматъ, къ защитѣ и прославленію котораго сводятся всѣ его усилія. Но процессъ накопленія безконеченъ, онъ все растетъ, не зная предѣловъ и не достигая удовлетворенія. Эта противообщественная страсть къ накопленію заставляетъ смотрѣть на другихъ людей, какъ на простыя орудія и средства, которыя могутъ помогать, могутъ и мѣшать: этимъ и опредѣляется отношеніе къ нимъ. Забота о завтрашнемъ днѣ, отсутствіе обезпеченнаго будущаго, сосредоточивая всѣ помыслы человѣка на добываніи, отдавая его во власть принижающему страху нужды и лишеній, тоже дѣлаетъ его существомъ противообщественнымъ, неспособнымъ ни на какой порывъ, ни на какое свободное душевное движеніе, ни на какую «щедрость» жизни. Итакъ, въ итогѣ продолжительнаго буржуазнаго развитія мы находимъ одиночество, отсутствіе солидарности, вмѣсто обѣщаннаго сто лѣтъ тому назадъ братства; буржуазный строй упирается въ глухую стѣну одичанія и человѣконенавистничества. Въ нашей литературѣ представителемъ «интеллигентной тоски, невѣрія и жизненнаго одиночества» является Чеховъ. Сильное общественное теченіе 70-хъ годовъ, да-

*

вавшее жизни смыслъ и возбуждавшее энергію,—народничество—не охватило собой Чехова. Онъ пришелъ уже послѣ краха этой созидательной работы, онъ пришелъ на голое мѣсто, опустошенное грабительскимъ хозяйствомъ хищника, и онъ былъ пораженъ унылымъ однообразіемъ жизни, слѣдами разрушенія, нищетою, невѣжествомъ. «И это-то «разореніе» и есть та соціологическая почва, на которой Чеховъ рисуетъ свои жизненныя драмы». Онъ превосходно разработалъ психологію людей, которымъ пришлось работать на голомъ мѣстѣ, разоренномъ хищниками; основными чертами ея являются усталость, надломленность, переутомленіе и одиночество, доводящее до самоубійства; жизнь не даетъ осмысленнаго служенія идеѣ и душитъ своимъ тоскливымъ, гнетущимъ однообразіемъ. Впечатлѣніе ненужности, безцѣльности жизни остается послѣ всякаго его разсказа. «До ужаса, до содроганія ясно вы видите, какъ тина нищей, безъидейной жизни затягиваетъ человѣка, какъ все глубже и глубже погружается онъ въ предательское болото житейскихъ мелочей, дрязгъ, сплетенъ, пересудовъ. Сначала онъ барахтается, кричитъ о помощи, проклинаетъ, но понемногу тупое равнодушіе начинаетъ овладѣвать имъ. И тутъ онъ погибъ, и тутъ уже нѣтъ силы на землѣ, которая могла бы спасти его... Нѣтъ просвѣта и нѣтъ дороги, не за что ухватиться, не на что надѣяться, не во что вѣрить, такъ какъ вся жизнь отдана во власть хищника, его подвиговъ и его растлѣвающаго человѣконенавистничества». Реальную обстановку своихъ жизненныхъ драмъ Чеховъ находитъ въ провинціальной скукѣ: однообразіи провинціальнаго существованія, его уныніи и безъидейности. Провинцію онъ изображаетъ съ удивительнымъ мастерствомъ и относится къ ней съ полной безнадежностью. Но Чеховъ слишкомъ большой художникъ, чтобы замыкать себя въ рамки времени и пространства: отъ безвыходности современной жизни онъ восходитъ къ вѣчнымъ противорѣчіямъ человѣческаго существованія между мечтами и дѣйствительностью, между гордыми и возвышенными замыслами и ничтожествомъ человѣческихъ силъ, и, такимъ образомъ, тина провинціальной русской жизни является у него, въ сущности, символомъ общихъ непреложныхъ законовъ человѣческаго бытія.

Сорокалѣтіе крестьянской реформы. Въ то время, какъ сорокалѣтняя годовщина 19-го февраля вызвала въ ежедневной печати, особенно провинціальной, не мало историческихъ обзоровъ, восторженныхъ воспоминаній, оцѣнокъ ея значенія,—въ толстыхъ журналахъ ей посвящено было гораздо менѣе вниманія; да и тѣ немногія страницы, которыя удѣлены воспоминанію о великой реформѣ 1861 г. въ журналахъ «Вѣстникѣ Европы» (мартъ) и «Русскомъ Богатствѣ» (февраль), отличаются грустнымъ, пессимистическимъ тономъ. Авторы ихъ, очевидно, находятся подъ властью одной угнетающей мысли: крестьянская реформа къ сорокалѣтнему своему юбилею могла бы принести гораздо болѣе богатыхъ плодовъ и благихъ результатовъ; юбилей этотъ долженъ бы былъ застать крестьянскую массу болѣе счастливой, болѣе матеріально обезпеченной, болѣе просвѣщенной. Современная же картина положенія крестьянства съ его періодическими голодовками и административнымъ закрѣпощеніемъ наводитъ постоянно мысль на искаженіе великихъ началъ реформы, освободившей крестьянъ отъ первоначальной хозяйственной и административной опеки. Дальнѣйшее прогрессивное развитіе народной жизни въ томъ же направленіи съ самаго начала встрѣтило множество препятствій, но вмѣсто поправокъ и облегченій выросли новыя формы опеки. Такимъ образомъ, съ одной стороны, всякій неурожай до очевидности раскрываетъ полную непрочность экономическаго положенія современной деревни, съ другой—все увеличивается неполноправность, обособляющая крестьянство отъ другихъ сословій. Авторъ «Общественной хроники» въ «Вѣстн. Евр.» останавливается особенно на послѣднемъ явленіи и отмѣчаетъ всеобъемлющій ростъ опеки, учрежденной надъ крестьянствомъ Положеніемъ 1889 г. о земскихъ начальни-

кахъ. Онъ обращается къ свидѣтельству компетентныхъ наблюдателей деревенской жизни, которые констатируютъ въ ней господство системы *упрощеннаго* правосудія, торжествующаго какъ надъ бытовыми обычаями, такъ и надъ началами права и постановленіями дѣйствующаго законодательства. Деревенскій людъ судятъ теперь «безъ обсужденіевъ», какъ выражаются крестьяне. Результатами такого упрощенія являются, съ одной стороны, ослабленіе чувства долга и права въ сознаніи крестьянской массы, а съ другой—повсемѣстно наблюдаемое равнодушіе къ мірскимъ дѣламъ: «чего на сходъ ходить, когда земскій начальникъ рѣшаетъ». Такимъ образомъ замираетъ деревенская жизнь, а гдѣ замираетъ жизнь, говоритъ обозрѣватель, тамъ грозитъ разложеніе. Вотъ какіе безотрадные выводы встрѣчаешь въ поминкахъ великой реформы! Особенно рѣзкое обособленіе крестьянской массы отъ другихъ сословій создается карательной властью земскихъ начальниковъ и существованіемъ тѣлеснаго наказанія. Правда, власти этой полагаются извѣстные предѣлы сенатомъ, за что послѣдній удостоивается постоянныхъ нападокъ со стороны газетныхъ приверженцевъ произвола. Но и при существованіи ограниченій цифра административныхъ каръ очень высока. Такъ, изъ отчетовъ о дѣятельности земскихъ начальниковъ въ Тульской губерніи хроникеръ «Вѣстн. Евр.» приводитъ цифру 2. 673 на губернію, или въ среднемъ 47 наказаній на участокъ въ годъ.—Что касается тѣлесныхъ наказаній, то въ печати, въ земскихъ собраніяхъ, въ ученыхъ обществахъ приводилась масса возраженій противъ этого позорнаго обломка крѣпостной системы, представлялась масса ходатайствъ объ ея отмѣнѣ. И чѣмъ болѣе распространяется въ народѣ грамотность, тѣмъ тяжелѣе переносится эта кара населеніемъ. Налагается же она вполнѣ произвольно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ неравномѣрность числа тѣлесныхъ наказаній по губерніямъ. Констатировавъ на этихъ фактахъ печальное положеніе крестьянства, обозрѣватель предлагаетъ обратиться къ глубокому и продуктивному изслѣдованію нуждъ населенія путемъ сенаторскихъ ревизій, которыя провѣрили бы на мѣстѣ добытые уже изслѣдователями и печатою факты. «Настала пора,—говоритъ онъ,—привести въ извѣстность, что дали сельской жизни и что отняли у нея судебно-административные порядки, созданные 12 лѣтъ тому назадъ».

Еще гораздо большей горечью и страстными упреками дышитъ статейка Пѣшехонова въ «Рус. Богатствѣ» «Крестьянскій вопросъ», написанная по поводу сорокалѣтія реформы. Этого писателя и подавно не удовлетворяетъ современная народная жизнь; настоящее рисуется ему въ еще болѣе мрачныхъ краскахъ, нежели хроникеру «Вѣстн. Евр.», такъ какъ онъ не останавливается исключительно на фактахъ и нуждахъ деревни, а ставитъ крестьянскій вопросъ въ широкія общественныя рамки. Для г. Пѣшехонова крестьянскій вопросъ, обнимающій реальные интересы крестьянской массы, долженъ занимать центральное мѣсто въ государственной дѣятельности. Интересы многомилліонной массы во все продолженіе нашей исторіи были приносимы въ жертву росту государственности, которая обезпечивала народу внѣшнюю безопасность; теперь когда цѣль эта достигнута, пора бы дать мѣсто внутреннему развитію. Реформа 1861 г. была только началомъ разрѣшенія этой задачи, но она не обезпечила за свободнымъ трудомъ тѣхъ условій, при которыхъ онъ развивался бы на пользу самого народа, а не одной выдѣлившейся изъ него группы. Самоуправленіе съ самаго начала попало подъ власть полиціи; недостаточность крестьянскихъ надѣловъ открыла доступъ въ деревню самымъ грубымъ формамъ экономической эксплуатаціи, тяжесть податной системы легла опять-таки на плечи крестьянства. Если прибавимъ къ этому, съ одной стороны, сохранившіеся остатки крѣпостной системы—тѣлесное наказаніе, административную ссылку, а съ другой—ничтожные по размѣрамъ расходы государства на удовлетвореніе духовныхъ потребностей народа, то становится ясно, до какой степени еще

закрѣпощенъ освобожденный 40 лѣтъ тому назадъ отъ власти помѣщика крестьянинъ.

Къ біографіи Т. Гр. Шевченка. («Рус. Богатство», февраль). Съ сорокалѣтіемъ крестьянской реформы, какъ извѣстно, совпадаетъ сорокалѣтіе со дня смерти Тараса Григорьевича Шевченка, умершаго какъ разъ наканунѣ освобожденія крестьянъ. Жизнь многострадальнаго малорусскаго поэта тѣсно связана съ крестьянскимъ вопросомъ, а характеръ и значеніе его поэзіи принадлежатъ освободительной литературѣ.

Въ исторіи литературы трудно найти болѣе трагическую судьбу, нежели судьба Шевченка, трудно найти писателя, болѣе его истерзаннаго жизнью. Послѣдній періодъ дореформенной эпохи какъ разъ на немъ отразилъ всѣ свои мрачныя, жестокія стороны: въ первой половинѣ жизни—крѣпостная зависимость даровитаго мальчика и юноши, чуть не задавившая его богатую духовную природу и способности и державшая его въ своихъ когтяхъ до 24-хъ-лѣтняго возраста; во вторую половину жизни новое, чуть не горшее лишеніе свободы: отдача въ солдаты съ ссылкой въ Закаспійскія степи, съ запрещеніемъ писать и рисовать. И это уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда поэтъ достигъ славы и почетнаго имени въ литературѣ, имѣлъ много друзей и почитателей, когда онъ всецѣло жилъ духовными интересами! Онъ сразу былъ оторванъ отъ всего этого и долженъ былъ на краю культурнаго свѣта тянуть лямку солдата Николаевскихъ временъ—въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Матеріалы къ біографіи Шевченка, предлагаемые въ «Рус. Богатствѣ», относятся именно къ этой ужасной эпохѣ въ жизни поэта. Надо признать, что вообще матеріаловъ для біографіи Шевченка, къ счастью, до сихъ поръ собрано довольно много; опубликовано много писемъ, воспоминаній и разныхъ документовъ, такъ—что напечатанные въ «Рус. Бог.». матеріалы не открываютъ чего-либо неизвѣстнаго, особливо цѣннаго. Это оффиціальные документы батальоннаго архива Оренбургскаго корпуса, предписанія начальства, секретныя распоряженія и т. п., относящіяся ко времени ссылки Шевченка рядовымъ въ Оренбургскій корпусъ. Тѣмъ не менѣе они, не лишены интереса нѣкоторыми своими подробностями и, не смотря на канцелярскую сухость изложенія, способны возстановить въ воображеніи читателя всю ту душевную пытку, которую переживалъ безотвѣтный объектъ этихъ донесеній и предписаній. Мало того, что Шевченко не могъ писать и получать писемъ иначе, какъ черезъ руки корпусного командира,—его непосредственному начальству предписывалось: «за рядовымъ Шевченкою въ ротѣ поручить, сверхъ баталіоннаго и ротнаго командировъ, имѣть надзоръ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями, и если что-либо замѣтятъ предосудительное, или неповиновеніе, то доводили бы о томъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія баталіоннаго командира»... и т. д. Шевченко былъ особенно счастливъ на доносчиковъ; нѣсколько разъ подобные шпіоны-добровольцы изъ «порядочнаго» общества ломали его жизнь.

То же случилось съ нимъ и въ Оренбургѣ: послѣ ссоры съ однимъ офицеромъ, послѣдній сдѣлалъ на него доносъ, что Шевченко ходитъ иногда въ партикулярномъ платьѣ, получаетъ письма, рисуетъ и пишетъ стихотворенія. Полетѣли бумаги, предписанія. Одно изъ нихъ гласитъ: «Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: рядового Шевченка, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ... всѣ ближайшіе начальники подлежать должны законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно этого рядового»... Словомъ, заварилась каша,—у Шевченка сдѣлали строжайшій обыскъ, засадили его подъ арестъ на гауптвахту, нарядили слѣдствіе. И оказалось, что «стихи и пѣсни въ двухъ альбомахъ на малороссійскомъ нарѣчіи—не его

сочиненія, а записаны имъ только, какъ пѣсни народныя, во время бытности его въ 1846 г. въ Кіевской, Каменецъ-Подольской и Волынской губ.,—которыя были на разсмотрѣніи въ III Отд. Собств. Его Величества канцеляріи и ему возвращены; рисунки, найденные въ тѣхъ альбомахъ сдѣланы по приказанію капитанъ-лейтенанта Бутакова, какъ виды гидрографическіе, копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральскаго моря». Такъ гласитъ подлинный документъ слѣдствія. Тѣмъ не менѣе, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ на гауптвахтѣ подъ арестомъ, Шевченко изъ Орской крѣпости, гдѣ онъ провелъ три года въ сравнительно лучшихъ условіяхъ, былъ отправленъ въ дальнѣйшую ссылку, въ глухое Ново-Петровское укрѣпленіе. Тамъ опять предписывалось имѣть за нимъ строжайшій надзоръ, поручивъ наблюдать за его поведеніемъ, кромѣ ротнаго командира; «благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, и если замѣтятъ что-либо предосудительное» и т. д. Тамъ провелъ Шевченко цѣлыхъ семь лѣтъ своей жизни. Военные ревизоры докладывали кому слѣдуетъ, что рядовой Тарасъ Шевченко «въ поведеніи оказываетъ себя хорошимъ, но по фронтовому образованію слабъ»... Два раза ближайшее начальство представляло его къ повышенію, выражаясь въ рапортахъ о немъ: «Свидѣтельствуя объ отлично-усердной службѣ рядового ввѣреннаго мнѣ батальона Тараса Шевченко, я имѣю честь почтительнѣйше просить ходатайства Вашего Превосходительства объ облегченіи его участи производствомъ въ унтеръ-офицеры». Но ходатайства эти такъ и не были уважены, и Шевченко до конца ссылки остался «рядовымъ изъ крестьянъ». Можно себѣ представить, какова была жизнь, каково душевное настроеніе поэта за эти семь лѣтъ! Со словъ очевидца составитель «Матеріаловъ» передаетъ, что поэтъ жилъ въ общей казармѣ и «при всѣмъ извѣстномъ добродушіи и мягкости характера, отличался, однако, крайней замкнутостью и необщительностью и производилъ впечатлѣніе человѣка, погруженнаго въ свои невеселыя думы». Шевченко особенно любилъ слушать декламированіе лермонтовскаго «Гладіатора», которымъ его развлекалъ одинъ молодой казакъ. «А ну, прочитай, мій голубе»!—просилъ онъ, и тотъ декламировалъ:

Ликуетъ буйный Римъ, торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...

Шевченко слушалъ, понурившись, и качалъ въ тактъ головой...

Наши книжные склады. Г. *Н. Тулуповъ* («Русская Мысль», февраль) характеризуетъ дѣятельность провинціальныхъ книжныхъ складовъ на основаніи матеріаловъ, собранныхъ однимъ московскимъ просвѣтительнымъ обществомъ. Это общество годъ тому назадъ разослало по всѣмъ губерніямъ и областямъ Россіи печатныя программы съ вопросами о положеніи дѣла книжныхъ складовъ. Отвѣты были получены изъ 69 губерній и областей; оказалось, что въ этомъ районѣ, куда вошли, между прочимъ, всѣ земскія губерніи, къ началу 1900 года насчитывалось 868 складовъ. Наибольшее количество изъ зарегистрированныхъ складовъ—205—приходится на Олонецкую губ.; есть губерніи, напр. Кіевская, Орловская, Архангельская, въ которыхъ складовъ совсѣмъ нѣтъ. Большая половина всѣхъ складовъ находится при училищахъ, остальные—при земскихъ управахъ, библіотекахъ, читальняхъ, больницахъ и т. д. Наибольшая заслуга въ дѣлѣ открытія складовъ принадлежитъ, безспорно, земствамъ, и не только по количеству организованныхъ ими складовъ, но и по стараніямъ изыскать новые пути и средства къ широкому распространенію книгъ среди населенія. Самымъ поучительнымъ типомъ склада является складъ саратовскаго земства, который обслуживаетъ широкій районъ, главнымъ образомъ благодаря слѣдующимъ особенностямъ: во-первыхъ, объявленной складомъ десятипроцентной уступкѣ на книги; удешевленіе книги является настолько серьезной при-

манкой среди неимущаго крестьянскаго населенія, что въ складъ притекаютъ массами покупатели, достигая 400—800 человѣкъ въ день. Во-вторыхъ, складъ притягиваетъ мѣстное населеніе рекомендаціей и выборомъ книгъ. Дальнѣйшее расширеніе дѣятельности склада произошло путемъ устройства филіальныхъ отдѣленій по уѣздамъ. Но чтобы еще больше приблизить книгу къ населенію, понадобилось сдѣлать еще шагъ на пути къ децентрализаціи: губернская управа пришла къ мысли вводить книгу въ народъ черезъ посредство собственныхъ книгоношъ. Обычныя условія для книгоношъ слѣдующія: жалованья ему опредѣлено по 20 руб. въ мѣсяцъ; если же онъ продаетъ книгъ болѣе, чѣмъ на 100 р. въ мѣсяцъ, то получаетъ еще 15% со всей вырученной сверхъ 100 рублей суммы. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что книгоноши, переходя изъ деревни въ деревню, всюду встрѣчаютъ самый радушный пріемъ со стороны мѣстныхъ жителей: «каждый зоветъ книгоношу къ себѣ на ночлегъ, предлагаетъ ему квартиру и конюшню для лошади. Если книгоноша не такъ скоро пріѣзжаетъ въ то село, гдѣ уже былъ ранѣе, то крестьяне встрѣчаютъ его съ претензіями за долгое отсутствіе». Наконецъ, въ послѣднее время саратовскій складъ открылъ новую дѣятельность—издательство книгъ. Общій оборотъ саратовскаго склада въ 1898 г. равнялся 85 тысячамъ рублей. Гораздо шире и систематичнѣе поставлено издательское дѣло въ вятскомъ складѣ, который издаетъ картины для школъ по удивительно низкимъ цѣнамъ—12—15 к. вмѣсто 1 р. 20 к. заграничнаго изданія, кромѣ того, предполагаетъ въ скоромъ времени издать сборникъ сочиненій Гоголя. Владимірское губернское земство произвело чрезвычайно цѣнное изслѣдованіе книжной торговли офеней. Офеня былъ первымъ, а до появленія земскихъ книжныхъ складовъ и единственнымъ проводникомъ печатнаго слова въ народныя массы. Главнымъ товаромъ въ его коробѣ является икона, затѣмъ книги и картины и, наконецъ, на третьемъ мѣстѣ стоитъ такъ называемая «галантерея». «Появившись среди офенскаго товара, какъ нѣчто случайное, мало нужное и не ходкое, книга съ теченіемъ времени завоевала и завоевываетъ все болѣе и болѣе мѣста. Въ настоящее же время большая часть офень не можетъ уже обходиться безъ книжнаго товара, подчиняясь настоятельному спросу, идущему отъ населенія». Въ послѣднее время офенскій промыселъ вообще падаетъ, но при этомъ наблюдается слѣдующее интересное явленіе: падаетъ торговля всѣми товарами, за исключеніемъ лишь книгъ, — торговля этими послѣдними, наоборотъ, неуклонно развивается годъ отъ году. Недостатокъ сбыта книгъ у нѣкоторыхъ офень прямо объясняется плохимъ подборомъ книгъ; это, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что офени не обладаютъ денежными средствами и принуждены забирать книги въ кредитъ: въ такомъ случаѣ они лишаются права выбора, и торговцы снабжаютъ ихъ, чѣмъ хотятъ. Такимъ образомъ, на земствахъ лежитъ обязанность не только руководить офенями въ выборѣ книгъ, но и освободить ихъ отъ притѣсненій кредиторовъ и открыть имъ кредитъ на болѣе льготныхъ условіяхъ. Кромѣ того, земства же должны возбудить ходатайства объ упрощеніи формальностей, которыми обставлено въ настоящее время разрѣшеніе книжной торговли въ разносъ и которыя стѣсняютъ ея успѣхи; далѣе, въ видахъ конкурренціи съ лубочными изданіями, земства должны принять мѣры къ удешевленію книгъ, путемъ ли собственнаго издательства или путемъ массовыхъ закупокъ книгъ у издателей, дѣлающихъ въ такихъ случаяхъ большую скидку. Что касается книжныхъ складовъ уѣздныхъ земствъ, то успѣхъ дѣятельности ихъ зависитъ, во-первыхъ, отъ величины ассигновки, назначаемой земствомъ въ распоряженіе склада, и, во-вторыхъ, отъ разнообразія въ выборѣ книгъ. Въ этомъ отношеніи очень поучительна исторія елисаветградскаго книжнаго склада. Въ первые два года, когда изъ склада разрѣшено было продавать только книги, одобренныя министерствомъ, торговля шла очень тихо: въ 1895 г. было продано лишь

на 8 р. 81 к., въ 1897 г., когда земствомъ было исходатайствовано право на продажу изъ склада всѣхъ дозволенныхъ цензурою книгъ, обороты склада быстро возросли и достигли въ 1898 г. слишкомъ 12 тысячъ рублей. Дѣятельность сельскихъ книжныхъ складовъ, которыхъ у насъ насчитывается до 700, является довольно вялою: главными причинами служатъ бѣдность и малокультурность сельскаго населенія. «Книгъ покупаютъ очень мало, такъ какъ почти всѣ, за исключеніемъ учащихся, неграмотны Народъ еще не привыкъ тратиться на покупку книгъ. Книги покупаютъ только ученики школы, такъ какъ взрослые, при своей темнотѣ и бѣдности, не рѣшаются затратить даже нѣсколько копѣекъ на такую вещь, какъ книга». Замѣчаній, подобныхъ этимъ, въ полученныхъ отвѣтахъ очень много. Ради успѣха дѣла, во главѣ склада должно стоять лицо, не только преданное этому дѣлу, но и хорошо знакомое съ духовными запросами народа и съ народной литературой. Этимъ условіямъ лучше всего удовлетворяютъ учителя, поэтому настоятельно важно въ настоящее время добиться разрѣшенія въ складахъ, устраиваемыхъ при школахъ, производить торговлю не только одобренными министерствомъ книгами, но всѣми вообще книгами, дозволенными общей цензурой. Авторъ указываетъ еще на склады, устроенные разнаго рода просвѣтительными обществами.

«Литературный Вѣстникъ», №№ 1 и 2. Передъ нами двѣ книжки новаго журнала. Задачи, которыя можетъ ставить себѣ подобное изданіе, какъ органъ библіологическаго общества, вполнѣ ясны. Оно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ должно отражать въ себѣ положеніе книжнаго дѣла, т.-е. сообщать списокъ вновь выходящихъ книгъ, о болѣе крупныхъ новинкахъ давать по возможности точные и безпристрастные отзывы, и, наконецъ, вести широкую хронику всего, что дѣлается и предпринимается въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Приблизительно такъ и понимаетъ цѣль своего изданія редакція «Литературнаго Вѣстника», съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями: не считая возможнымъ слѣдить за новой литературой по всѣмъ отраслямъ знаній, редакція заявляетъ, что она будетъ удѣлять главное вниманіе изученію родной исторіи и литературы. Что касается выполненія намѣченныхъ задачъ, то по многимъ справочнымъ отдѣламъ нужно отмѣтить вполнѣ удовлетворяющее веденіе дѣла: въ рецензіяхъ даются краткіе обзоры книгъ съ указаніемъ наиболѣе существеннаго содержанія, въ отдѣлѣ «Rossica» получаемъ сообщенія о новыхъ иностранныхъ переводахъ русскихъ писателей и вообще свѣдѣнія, касающіяся литературныхъ отношеній къ Россіи другихъ народовъ; въ отдѣлѣ «Изъ русской печати» находимъ перепечатку наиболѣе интересныхъ библіографическихъ статей; въ «Хроникѣ» имѣемъ отчеты о дѣятельности ученыхъ и литературныхъ обществъ и наконецъ некрологи дѣятелей литературы и печати. Казалось бы, журналу слѣдовало довольствоваться этою почтенною, хотя и скромною ролью чисто справочнаго изданія, но редакція почему-то нашла нужнымъ въ серьезное, дѣловое содержаніе своего журнала впустить зазывательныя статейки, развязныя и безшабашныя. Къ такимъ относятся, напр., обзоры русскихъ журналовъ г. М. Н. М. Вмѣсто того, чтобы познакомить читателей съ содержаніемъ главныхъ журнальныхъ статей за мѣсяцъ, обозрѣватель съ большимъ апломбомъ раздаетъ журналамъ аттестаты. Обозрѣвателю не мѣшало бы помнить, что онъ пишетъ въ спеціальномъ журналѣ, который можетъ попасть только въ руки людей, дѣйствительно и серьезно интересующихся книжнымъ дѣломъ,—что̀ этимъ людямъ могутъ дать его словесныя упражненія фельетоннаго характера съ претензіей на остроуміе и еще болѣе странной претензіей—въ нѣсколькихъ строчкахъ представить историческій очеркъ русской журналистики? Смѣемъ увѣрить автора, что то, что онъ говоритъ, не нужно подписчикамъ «Литературнаго Вѣстника», а того, чего они въ правѣ искать въ его журнальныхъ обзорахъ отчета о содержаніи журналовъ — онъ не даетъ. Подобный же характеръ но-

ситъ и статья г. Кораблева «Иностранцы о русской литературѣ»: тѣ же крупные штрихи, тѣ же набѣги въ исторію, наконецъ, тотъ же развязный тонъ; авторъ съ особеннымъ смакомъ и детально разбираетъ всѣ несообразности, которыя наговорилъ о русской литературѣ Валишевскій въ своей новой книгѣ: г. Кораблевъ недоумѣваетъ, иронизируетъ, пишетъ какія-то отрывистыя нервныя фразы, прерываемыя многоточіями, между тѣмъ какъ достаточно было бы заклеймить эту нестоющую вниманія книжонку однимъ-двумя рѣзкими словами. Изъ спеціальнаго справочнаго изданія нельзя дѣлать арены для литературнаго спорта. Пожелаемъ же этому симпатичному и въ высшей степени полезному изданію очиститься отъ ложныхъ претензій и обратиться въ строгій и дѣльный спеціальный органъ.

За границей.

Общественная жизнь въ Германіи. Въ одной изъ самыхъ большихъ залъ въ Берлинѣ состоялась грандіозная демонстрація, устроенная клубомъ германскихъ студентовъ съ цѣлью выраженія сочувствія бурамъ. За часъ до открытія собранія публика начала стекаться толпами и болѣе четырехъ тысячъ берлинскихъ обывателей и студентовъ наполнили залу, такъ что для остальныхъ уже не оказалось мѣста и многія сотни опоздавшихъ должны были отправиться домой. Въ собраніи находилось довольно много депутатовъ рейхстага, духовныхъ лицъ и не мало рабочихъ, но главный контингентъ составляли все-таки студенты. Когда собраніе было открыто, одинъ изъ членовъ комитета объявилъ, что въ Берлинъ только что прибыли два представителя бурской арміи. Тотчасъ же зала огласилась самыми неистовыми апплодисментами, затѣмъ начали произносить рѣчи, причемъ нѣкоторые изъ ораторовъ вызывали взрывъ негодованія въ публикѣ своими описаніями, какъ ведутъ войну англичане въ южной Африкѣ. Одинъ изъ бурскихъ ораторовъ, командиръ Іостъ, сказалъ при этомъ: «Мы сражались противъ Англіи и будемъ сражаться до послѣдняго человѣка, но когда Англія начала дурно обращаться съ нашими бѣдными женщинами и дѣтьми, то мы рѣшили обратиться къ помощи Европы. Неужели никто не поможетъ намъ? Мы вовсе не хотимъ, чтобы кто-нибудь начиналъ изъ-за насъ войну, но неужели не найдется никого, кто бы тронулся слезами нашихъ женщинъ и дѣтей и, наконецъ, сказалъ бы Англіи: «Довольно такой цивилизаціи!»

Извѣстный докторъ Штёкеръ, бывшій депутатъ рейстага и придворный капеланъ, объявилъ при громѣ рукоплесканій, что «изъ 56 милліоновъ нѣмцевъ 55 милліоновъ 999 тысячъ находятся на сторонѣ буровъ!»—«Кровь не только гуще воды, но и теплѣе чернилъ дипломатовъ», заявилъ другой ораторъ. Въ такомъ же родѣ говорили и остальные ораторы и толпа съ энтузіазмомъ выражала сочувствіе ихъ рѣчамъ, затѣмъ рѣшено было послать двѣ телеграммы, одну Крюгеру, а другую въ Гаагу для передачи Штейну.

Собраніе кончилось безъ всякихъ безпорядковъ, несмотря на громадную толпу народа, и на другой день состоялось другое собраніе, на которомъ присутствовали делегаты буровъ и рѣчи произносили члены рейхстага. Это послѣднее собраніе въ особенности обратило на себя вниманіе англійской печати, такъ какъ оно было организовано парламентскими дѣятелями, рѣчи которыхъ носили такой же характеръ осужденія дѣйствій англичанъ въ южной Африкѣ, какъ и рѣчи ораторовъ на предшествовавшемъ собраніи. Кромѣ того друзья буровъ собираютъ подписи во всѣхъ концахъ Германіи для петиціи, которая будетъ подана въ германскій парламентъ. Въ этой петиціи, между прочимъ, говорится слѣдующее: «Въ высшей степени печально, что великая держава, состоящая въ

дружбѣ съ Германіей, ведетъ войну съ небольшимъ родственнымъ народомъ, съ цѣлью лишить его независимости и свободы. Величайшее негодованіе вызываетъ къ тому же и способъ Англіи веденія войны, нарушающій всѣ принципы гуманности. Нижеподписавшіеся обращаются въ германскій парламентъ съ просьбою выразить чувства, господствующія въ сердцахъ германскаго народа и потребовать чтобы канцлеръ употребилъ всѣ мирные способы къ прекращенію этой войны».

Общественное мнѣніе Германіи, во всякомъ случаѣ, очень настроено противъ Англіи и чувства эти отражаются въ печати и въ преніяхъ рейхстага, не взирая на офиціальный союзъ, заключенный обѣими державами въ Китаѣ. Англіи приходится выслушивать много непріятныхъ истинъ и при этомъ надо замѣтить, что именно съ тѣхъ, поръ какъ заключенъ этотъ союзъ, германскія газеты начали печатать особенно рѣзкія статьи противъ Англіи и вообще осуждать ея поступки, совершенно игнорируя союзныя дружескія отношенія, которыя оффиціально существуютъ между Германіей и Англіей.

Много толковъ въ германской печати возбудилъ недавно поступокъ великаго герцога Гессенскаго, который на парламентскомъ вечерѣ у президента палаты депутатовъ сѣлъ рядомъ съ соціалистскимъ депутатомъ Ульрихомъ и разговаривалъ съ нимъ почти цѣлый часъ о разныхъ политическихъ вопросахъ дня. Конечно, консервативная германская печать тотчасъ же подняла по этому поводу шумъ и объявила, что великій герцогъ идетъ наперекоръ политикѣ императора Вильгельма II, разговаривая такимъ дружественнымъ образомъ съ однимъ изъ членовъ оппозиціонной партіи. Одна изъ газетъ даже заговорила объ опасности, которая угрожаетъ государству. Всѣ единомышленники депутата Ульриха могутъ увидѣть въ этой простой любезности великаго герцога одобреніе своихъ взглядовъ и подданные герцога могутъ усмотрѣть въ этомъ поощреніе подавать голоса за кандидатовъ оппозиціонной партіи. Вообще великій герцогъ не пользуется теперь симпатіями германской консервативной печати, которая также мало стѣсняется въ своихъ нападкахъ на него, какъ и въ своихъ нападкахъ на англофильскую политику императора Вильгельма и на его внезапно проснувшіяся симпатіи къ англичанамъ.

Въ Гамбургскомъ университетѣ, какъ сообщаютъ нѣмецкія газеты, возникъ проектъ университетскаго движенія, образцомъ для котораго служитъ «University Extension» въ Англіи. До сихъ поръ казалось, что Гамбургъ совершенно погрязъ въ меркантильныхъ интересахъ, стремленіяхъ къ наживѣ, въ торговыхъ и промышленныхъ спекуляціяхъ, и чуждъ всякимъ соціальнымъ начинаніямъ, поэтому трудно было себѣ представить, что въ гамбургскомъ обществѣ, занятомъ исключительно только коммерческими соображеніями, найдутся люди, которые будутъ стремиться къ различнымъ соціальнымъ идеаламъ. Между тѣмъ, починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ недавно избранному въ гамбургскій сенатъ доктору Трауну, владѣльцу одной изъ большихъ фабрикъ. На своей фабрикѣ докторъ Траунъ давно уже ввелъ разныя учрежденія, способствующія улучшенію быта рабочихъ классовъ и поэтому пріобрѣлъ репутацію передового соціальнаго мыслителя. Въ гамбургскомъ сенатѣ до этого времени исключительно властвовали крупные купцы и юристы, совершенно не раздѣлявшіе взглядовъ Трауна, но постепенно его взгляды начали пріобрѣтать сторонниковъ въ обществѣ и избраніе его въ сенатъ послужило доказательствомъ, что число единомышленниковъ доктора Трауна въ Гамбургѣ значичительно возрасло. Въ настоящее время, вслѣдствіе настоянія Трауна избранъ комитетъ для выработки плана устройства такого же образовательнаго учрежденія для рабочихъ, какое существуетъ въ Лондонѣ подъ названіемъ «Toynbee-Hall». Цѣль этого учрежденія исключительно идеальная; оно должно служить источникомъ свѣта и знанія для рабочихъ, пріобрѣсти ихъ довѣріе въ инте-

ресахъ соціальнаго мира и оказать имъ поддержку на жизненномъ пути. Никакихъ религіозныхъ и политическихъ цѣлей это учрежденіе не будетъ преслѣдовать. Для большаго удобства въ рабочихъ кварталахъ будутъ устроены университетскія поселенія, гдѣ еженедѣльно будутъ устраиваться публичныя лекціи, а по воскресеньямъ—концерты съ пѣніемъ и декламаціей и др. развлеченія. Докторъ Траунъ надѣется привлечь къ этому дѣлу образованныхъ женщинъ и уже заручился содѣйствіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вмѣстѣ съ ними онъ проектируетъ устроить читальню для рабочихъ, снабженную газетами и журналами и наивозможно лучшимъ выборомъ книгъ, а также устроить для рабочихъ справочное бюро.

Въ гамбургскихъ торговыхъ кружкахъ отнеслись къ широкимъ планамъ новаго сенатора, сверхъ ожиданія, довольно сочувственно и это даетъ поводъ надѣяться, что планы эти увѣнчаются успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что въ средствахъ для ихъ выполненія нѣтъ пока недостатка. Гамбургскія газеты говорятъ, что нѣмецкая основательность, благоразуміе и методичность служатъ наилучшимъ залогомъ успѣха каждаго предпріятія и въ данномъ случаѣ нѣмцы, конечно, также окажутся на высотѣ современныхъ требованій.

Ирландцы въ англійскомъ парламентѣ; недостатокъ жилищъ и другіе вопросы англійской современной жизни. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики въ Англіи — ирландскій отступившій на задній планъ въ послѣдніе годы царствованія королевы Викторіи, теперь снова напоминаетъ о своемъ существованіи англійскимъ депутатамъ. Въ первый разъ, за много десятковъ лѣтъ, протестантскіе депутаты сѣверной Ирландіи, англофилы и уніонисты, говорили и вотировали въ палатѣ общинъ въ томъ же духѣ, какъ и католическіе депутаты южной Ирландіи, страстные англофобы и націоналисты. Такимъ образомъ, объединенная Ирландія еще разъ бросила вызовъ англійскому правительству и объединеніе это совершилось на почвѣ экономическаго вопроса. Аграрная война, которая продолжается въ Ирландіи уже сотни лѣтъ, до сихъ поръ не привела къ разрѣшенію ирландскаго вопроса, но, тѣмъ не менѣе, она создала такое положеніе вещей въ Ирландіи, которое заставило теперь бывшаго секретаря «Local Government Board» въ министерствѣ Салисбюри, Русселя, протестантскаго и уніонистскаго депутата ирландскаго Ульстера, высказаться въ пользу аграрной реформы, предложенной лидеромъ ирландскихъ націоналистовъ Редмондомъ, и заключающейся ни болѣе не менѣе, какъ въ экспропріаціи въ пользу крестьянъ всѣхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ. Эта экспропріація должна совершиться посредствомъ обязательной продажи земли ирландскимъ арендаторамъ, которые такимъ образомъ сами превращаются въ землевладѣльцевъ.

Разумѣется, трудно было предположить, чтобы такое предложеніе не встрѣтило большой оппозиціи со стороны англичанъ. Оно не прошло въ палатѣ общинъ, но было отвергнуто лишь незначительнымъ большинствомъ всего 25 голосовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, безъ сомнѣнія, оно было бы отвергнуто подавляющимъ большинствомъ, но теперь времена измѣнились и даже исконные враги ирландцевъ начинаютъ сознавать необходимость рѣшенія аграрнаго вопроса въ Ирландіи. Конечно, такая массовая экспропріація владѣльцевъ, утвердившихся въ странѣ послѣ ея завоеванія и владычествовавшихъ въ ней въ теченіе столькихъ вѣковъ, была бы въ своемъ родѣ единичнымъ явленіемъ въ области экономической исторіи. Слѣдящіе за развитіемъ ирландскаго вопроса и англоирландскими отношеніями не сомнѣваются въ конечной побѣдѣ ирландцевъ, несмотря на то, что и на этотъ разъ ихъ постигло пораженіе, какъ это неоднократно бывало.

Антагонизмъ, существующій между англичанами и ирландцами, даетъ себя

чувствовать въ англійскомъ парламентѣ при всякомъ удобномъ случаѣ и недавно привелъ къ весьма бурнымъ сценамъ, которыя должны были заставить содрогнуться самыя стѣны Вестминстерскаго дворца, никогда не бывшія свидѣтелями ничего подобнаго. Двѣнадцать ирландскихъ депутатовъ были удалены силой изъ палаты общинъ. при помощи полицейскихъ, которые вытащили ихъ на рукахъ. Депутаты отказались учавствовать въ голосованіи бюджета и всячески старались препятствовать голосованію, оставивъ безъ вниманія требованіе спикера (президента палаты общинъ) удалиться. Полицейскіе вынесли ихъ на рукахъ и послѣ этого бюджетъ былъ вотированъ. Конечно, англичане пришли въ ужасъ отъ подобнаго посрамленія чести и достоинства британскаго парламента. На замѣчаніе относительно такого безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ парламента факта, одинъ изъ ирландскихъ депутатовъ, не принимавшій, впрочемъ, самъ участія въ этомъ скандалѣ, возразилъ: «Да, это правда. Но мы, ирландцы, смотрѣли на себя какъ на чужеземцевъ въ палатѣ общинъ,—чужеземцевъ, добивающихся справедливости для своего народа и поэтому достоинство британскаго парламента для насъ вещь совершенно второстепенная».

Такая точка зрѣнія начинаетъ преобладать въ ирландскомъ народѣ. Джонъ Редмондъ, въ своихъ рѣчахъ въ Ньюкэстлѣ и Брадфордѣ, высказалъ ее, пожалуй, еще рѣзче и опредѣленнѣе: «Мы покажемъ англійскому парламенту и англійскому народу,—сказалъ онъ,—что ирландскіе представители составляютъ совершенно посторонній элементъ въ британскомъ парламентѣ и пока ихъ будутъ вынуждать, за неимѣніемъ собственнаго парламента, появляться въ палатѣ общинъ, до тѣхъ поръ самое существованіе парламентскихъ учрежденій будетъ постоянно подвергаться опасности». Вождь ирландскихъ націоналистовъ заявляетъ самымъ категорическимъ образомъ, что ирландскіе представители будутъ игнорировать «достоинство британскаго парламента», пока ихъ справедливымъ требованіямъ не будетъ оказано должное вниманіе. Конечно, такого рода угрозы англичане уже слышали не разъ отъ ирландской партіи, но въ данную минуту они получаютъ болѣе серьезное значеніе, въ виду несомнѣнно начинающагося въ Ирландіи народнаго броженія. «Мы, конечно, воспользуемся уроками прошлаго,—говоритъ Джонъ Редмондъ,—и постараемся избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя сдѣланы были нашими предшественниками». Первымъ грознымъ признакомъ является, какъ мы уже говорили, объединеніе ирландскихъ католиковъ и протестантовъ на почвѣ аграрнаго вопроса. Это обстоятельство можетъ создать Англіи въ высшей степени серьезныя политическія затрудненія и Редмондъ, конечно, не такой человѣкъ, чтобы не воспользоваться выгодами такого положенія. Еще большаго вниманія заслуживаетъ смѣлость, съ которою ирландцы возвѣстили о новомъ способѣ борьбы, который они намѣрены примѣнять въ англійскомъ парламентѣ. «Мы силою вынудимъ англичанъ, ради сохраненія достоинства собственнаго парламента, дать намъ самоуправленіе!»—восклицаютъ самые непримиримые изъ членовъ ирландской партіи. Борьба такимъ образомъ обостряется, но приведетъ ли она къ желаннымъ результатамъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ — предвидѣть трудно. Редмондъ твердо увѣренъ, что та или другая изъ парламентскихъ партій Англіи вынуждены будутъ все-таки, въ концѣ концовъ, прибѣгнуть къ поддержкѣ ирландской партіи. Тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго. Врядъ ли теперешній составъ парламента можетъ долго продержаться и кто бы ни вышелъ побѣдителемъ изъ разныхъ партій, все равно тому придется прибѣгнуть къ помощи ирландской партіи. Ни одна изъ англійскихъ партій не можетъ располагать подавляющимъ большинствомъ въ англійскомъ парламентѣ, такъ что объединенные ирландцы легко могутъ снова сдѣлаться господами положенія въ парламентѣ. Разумѣется, они дорого продадутъ свою поддержку той или дру-

гой партіи, находящейся у власти, такъ какъ въ ихъ власти будетъ совершенно нарушить правильный ходъ парламентской машины. Англичане понимаютъ, что въ данномъ случаѣ Джонъ Редмондъ строитъ свои разсчеты не на пескѣ и призракъ ирландскаго «Homerule'я» не даетъ спокойно спать почтеннымъ бриттамъ.

Въ знаменитомъ своими трущобами Уайтъ-чэпельскомъ кварталѣ Лондона состоялось на-дняхъ торжественное открытіе картинной галлереи, въ присутствіи лорда Розберри и многихъ членовъ парламента и высшаго лондонскаго общества; галлерея эта находится по близости Тойнби-Голля и смѣло можетъ быть названа продуктомъ этого замѣчательнаго учрежденія. Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла былъ каноникъ Барнеттъ, собравшій для устройства картинной галлереи 16.000 ф. ст. Двадцать лѣтъ тому назадъ онъ основалъ въ своей приходской школѣ въ Уайтъ-чэпелѣ маленькую картинную галлерею для народа и это было первое учрежденіе въ такомъ родѣ. Идея каноника имѣла успѣхъ и болѣе 50.000 посѣтителей перебывало на его выставкѣ картинъ, не смотря на ея весьма скромные размѣры. Изъ такого скромнаго начала возникла теперь большая постоянная выставка картинъ, помѣщающаяся въ просторномъ красивомъ зданіи, составляющемъ рѣзкій контрастъ съ окружающими мрачными и грязными домами, переполненными рабочимъ населеніемъ. Основатели картинной галлереи возлагаютъ много надеждъ на то, что великія произведенія искусства пробудятъ высшія и лучшія чувства въ душѣ людей, не совсѣмъ еще погрязшихъ въ порокѣ и не лишившихся способности чувствовать и понимать прекрасное. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы одинъ видъ хорошей картины сразу превратилъ грубаго бродягу въ цивилизованнаго человѣка, но цивилизующее и смягчающее вліяніе искусства не можетъ всетаки, въ концѣ концовъ, не отразиться благотворнымъ образомъ даже на такомъ человѣкѣ. Исходя изъ этой идеи, организаторы картинной галлереи постарались обставить ее какъ можно лучше въ отношеніи качества и количества картинъ и другихъ произведеній искусства. Залогомъ успѣха служитъ то, что картинная галлерея всегда переполнена посѣтителями и публика, ее наполняющая, рѣзко отличается по своему внѣшнему виду отъ той, которая обыкновенно встрѣчается на всѣхъ такихъ выставкахъ въ фешенебельной части города.

Новое учрежденіе въ Брюсселѣ. Въ паркѣ Леопольда, въ Брюсселѣ, гдѣ уже возвышается великолѣпный физіологическій институтъ, основанный крупнымъ промышленникомъ и сенаторомъ Эрнстомъ Сольвеемъ, скоро будетъ открытъ соціологическій институтъ также обязанный своимъ происхожденіемъ Сольвею. Этотъ институтъ совершенно независимый отъ всякихъ политическихъ вліяній и теченій, исключительно предназначается для свободныхъ научныхъ изслѣдованій въ области соціальныхъ вопросовъ и будетъ открытъ для всѣхъ. Въ сущности онъ является лишь грандіознымъ расширеніемъ и дополненіемъ уже основаннаго раньше Сольвеемъ института соціальныхъ наукъ. Въ новомъ институтѣ будутъ собраны всѣ пособія для изученія соціальныхъ наукъ и для практическихъ изслѣдованій въ области экономическихъ вопросовъ. Прежде всего, разумѣется основатель института позаботился объ устройствѣ библіотеки соціальныхъ наукъ, которая ничего не оставляла бы желать въ отношеніи полноты. Вообще, Сольвей, главнымъ образомъ, стремится къ тому, чтобы основанный имъ институтъ сдѣлался центромъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій на почвѣ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ. Кромѣ библіотеки въ институтѣ будетъ основанъ техническій музей по плану, предложенному на послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Парижѣ. Цѣлый рядъ комнатъ, вполнѣ приспособленныхъ для занятій, будетъ предоставленъ въ распоряженіе студентовъ для экспериментальныхъ и другихъ цѣлей, но принципъ свободнаго изслѣдованія будетъ поставленъ въ

основу всѣхъ занятій въ институтѣ. Каждый ученый имѣетъ право пользоваться лабораторіями института и всѣми пособіями для своихъ работъ, никому не отдавая отчета въ своихъ занятіяхъ. Если онъ пожелаетъ, то можетъ сообщить комитету о полученныхъ результатахъ своего изслѣдованія; въ противномъ же случаѣ это остается его тайной. Въ противоположность соціальному музею, существующему въ Парижѣ, брюссельскій соціологическій институтъ не будетъ давать никакихъ справокъ постороннимъ лицамъ. Сольвей желаетъ, чтобы новый институтъ сохранилъ во всѣхъ отношеніяхъ характеръ университетской коллегіи, но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ обыкновенныя коллегіи, и поэтому онъ по возможности ограничилъ число офиціальныхъ должностей въ институтѣ.

Консерваторомъ института избранъ начальникъ рабочей и промышленной статистики профессоръ Ваксвейлеръ, а директоромъ Гильомъ де Греефъ, проф. Гекторъ Дени, Демаре, Водонъ и Эмиль Вандервельдъ.

Черезъ 25 лѣтъ зданіе института поступаетъ въ собственность города.

Школа буровъ. Трансваальскія школы какъ по своему внутреннему характеру, такъ и по внѣшнему виду нисколько не похожи на европейскія школы, часто напоминающія своимъ видомъ казарменныя зданія. Буры любятъ просторъ и поэтому школы ихъ устроены такъ, чтобы ученики могли пользоваться свободою движеній. Большею частью всѣ сельскія школы, которыя посѣщаются дѣтьми окрестныхъ фермъ, выстроены среди луговъ и полей и, школьники имѣютъ тутъ достаточно простора для своихъ игръ и занятій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, школы не имѣютъ постояннаго помѣщенія и устраиваются гдѣ-нибудь на фермѣ, въ какомъ-нибудь просторномъ сараѣ, который приспособливается для школьныхъ занятій. Такъ какъ фермы разбросаны на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, то школьники являются издалека, вооруженные ружьями на случай нападенія дикихъ звѣрей или кафровъ. Сильные и здоровые, они приносятъ съ собою въ школу запахъ луговъ и полей и необыкновенную потребность движенія, такъ что учителю постоянно приходится сдерживать ихъ порывы и напоминать имъ о необходимости сосредоточить свое вниманіе на урокѣ. Обязанность учителя въ бурской школѣ, такимъ образомъ, не изъ легкихъ, тѣмъ болѣе, что истые буры-фермеры не придаютъ большого значенія школьному образованію и даже многіе неохотно посылаютъ въ школу своихъ дѣтей, такъ какъ это отрываетъ ихъ отъ хозяйственныхъ занятій. Поэтому бурское правительство сочло даже необходимымъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ, чтобы заставить буровъ обучать своихъ дѣтей. Въ Оранжевой республикѣ введено было обязательное обученіе и назначены школьные инспекторы для наблюденія за этимъ и провѣрки знаній учащихся. Въ Трансваалѣ же духовенство стало на сторону правительства въ его стараніяхъ распространить образованіе и постановило требовать для конфирмаціи не только знанія Библіи и Катехизиса, но и умѣнья *подписывать* свою фамилію.

Старанія трансваальскаго правительства все-таки принесли плоды и въ 1898 г. насчитывалось 97 школъ въ селахъ и городахъ и 462, устроенныя на фермахъ въ разныхъ мѣстахъ республики. Разбросанность населенія, сравнительно небольшого по численности, по очень обширной территоріи, конечно, служила до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ тормазовъ школьнаго дѣла въ Трансваалѣ.

Что касается высшаго образованія, то, въ южно-африканскихъ республикахъ оно находится еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Существующія въ Трансваалѣ высшія школы, конечно, не могутъ быть даже сравниваемы съ подобными же учрежденіями въ Европѣ. Умъ бура всегда направленъ на чисто практическія цѣли и отъ него трудно ожидать, чтобы онъ сталъ изучать науку ради науки. Въ Трансваалѣ нѣтъ высшихъ учебныхъ заведеній

въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ въ Европѣ; высшими школами тамъ называются среднія учебныя заведенія. Въ Преторіи есть правительственная гимназія, помѣщающаяся въ прекрасномъ зданіи, среди роскошнаго сада. Это учебное заведеніе состоитъ изъ двухъ отдѣленій, реальнаго и классическаго, и къ нему примыкаетъ учительская семинарія съ нормальною школою для мальчиковъ, подготовляющихся къ поступленію въ гимназію. Въ этихъ школахъ преподаваніе ведется на голландскомъ языкѣ и въ прошломъ году происходилъ первый выпускной экзаменъ въ гимназіи, существующей уже шесть лѣтъ и имѣвшей въ 1898 году 88 учениковъ. Кромѣ этихъ учебныхъ заведеній въ Преторіи передъ самымъ началомъ войны была открыта горная академія, насчитывавшая въ 1898 г. четырехъ учениковъ, но вспыхнувшая война, конечно, отразилась неблагопріятнымъ образомъ на ея развитіи.

Въ послѣдніе годы Трансваальская республика обратила вниманіе также и на женское высшее образованіе, т. е. высшее въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ буры. Въ Преторіи была устроена женская гимназія, прекрасное зданіе которой англичане обратили въ лазаретъ, когда взяли Преторію. Кромѣ этой гимназіи въ Преторіи была учреждена женская семинарія съ примыкающей къ ней нормальною школою для дѣвочекъ. Война остановила въ зародышѣ развитіе этого дѣла.

Эти старанія бурскаго правительства поднять уровень образованія въ народѣ, должны окончательно уничтожить установившійся взглядъ на буровъ, какъ на враговъ просвѣщенія. Противъ такого взгляда лучше всего говорятъ цифры бюджета народнаго просвѣщенія; они возрасли слѣдующимъ образомъ: въ 1895 г.—63.500 ф. ст.; въ 1896 г.—76.000 ф. ст.; въ 1897 г.—140.000 ф. ст. и въ 1898 г.—226.241 ф. ст. Цифра, во всякомъ случаѣ, довольно почтенная.

Въ скандинавскихъ странахъ. Изъ Христіаніи сообщаютъ, что въ бюджетѣ народнаго просвѣщенія на этотъ годъ красуется довольно изрядная сумма, предназначенная для выдачи единовременныхъ пособій какъ постоянной стипендіи писателямъ. Число писателей, получающихъ такое пособіе отъ государства, особенно сильно возрасло за послѣдній годъ, послѣ того какъ въ парламентѣ было въ принципѣ принято предложеніе выдавать стипендій и пособія не только авторамъ, стяжавшимъ себѣ имя и способствовавшимъ усовершенствованію языка и улучшенію нравовъ, но и молодымъ писателямъ, только что выступившимъ на это поприще, но подающимъ надежды, что въ будущемъ ихъ дѣятельность будетъ очень плодотворна. При назначеніи субсидіи рѣшено также не принимать во вниманіе, на какомъ нарѣчіи написаны произведенія автора, который состоитъ кондидатомъ на ея полученіе. Такъ годъ тому назадъ была назначена годовая субсидія нувеллисту Арне Гарборгу, который пишетъ свои произведенія на старинномъ мѣстномъ нарѣчіи «maal». Въ нынѣшнемъ стортингѣ поднятъ вопросъ о назначеніи государственной стипендіи одной изъ писательницъ, Альвильдѣ Придзъ. Эта писательница недавно выпустила въ свѣтъ культурно-историческій романъ, который сразу сдѣлалъ ея имя извѣстнымъ во всѣхъ скандинавскихъ странахъ, тогда какъ до сихъ поръ ее знали только въ болѣе тѣсныхъ норвежскихъ литературныхъ кружкахъ.

Высота содержанія, выдаваемаго писателямъ, весьма колеблется .Обыкновенно впрочемъ стараются не выходить изъ извѣстной рамки. Сперва назначаются 1.200—1.500 кронъ, не болѣе, а затѣмъ это число возрастаетъ до 4.000, если заслуги автора будутъ признаны достаточно значительными и окажется что доходъ съ его сочиненій не можетъ обезпечить ему вполнѣ приличнаго существованія.

Вообще, норвежскій стортингъ очень покровительствуетъ журналистикѣ и писатели находятся у него въ большомъ уваженіи. Уже нѣсколько лѣтъ тому

назадъ стортингъ сдѣлалъ постановленіе, въ видахъ поощренія журнализма и пользы дѣла, выдавать даровой проѣздъ по всѣмъ государственнымъ желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ линіямъ всѣмъ журналистамъ и газетнымъ репортерамъ, отправляющимся для собиранія справокъ и свѣдѣній. Кромѣ того Стортингъ предполагаетъ выдавать государственныя стипендіи тѣмъ изъ молодыхъ и талантливыхъ журналистовъ, которые хотятъ научиться газетному дѣлу. Получая степендію, они могутъ пристроиться безплатно для изученія редакціоннаго и типографскаго дѣла къ которой-нибудь изъ большихъ газетъ и напрактиковаться такимъ образомъ въ публицистической дѣятельности. Стортингъ ассигновалъ на это пока только 2.000 кронъ, но предполагаетъ увеличить эту сумму впослѣдствіи.

Норвежскій стортингъ и въ другихъ направленіяхъ выказываетъ свой прогрессивный характеръ. На-дняхъ онъ единогласно принялъ законопроектъ, внесенный правительствомъ и предлагающій внести въ конституцію новую статью, разрѣшающую принимать женщинъ на государственную службу. Еще въ 1882 году двѣ женщины добились разрѣшенія держать экзаменъ на атестатъ зрѣлости, а два года спустя было уже рѣшено, что студентки, сдавшія университетскіе экзамены, получаютъ право на ученую степень. Этими правами женщина конечно не замедлила воспользоваться и до конца 1900 г. уже 297 женщинъ сдали студенческіе экзамены и 26 государственный. Попытки открыть женщинамъ доступъ на государственную службу дѣлались нѣсколько разъ, но до сихъ поръ безуспѣшно. Министерство юстиціи, напр., высказалось противъ занятій женщинами нѣкоторыхъ должностей, находя, что онѣ для этого непригодны и что говорить о равныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ получать мѣста и поступать на государственную службу, еще слишкомъ рано, По мнѣнію этого министерства лишь очень незначительное число должностей можетъ быть занято женщинами. Однако норвежское правительство повидимому не раздѣляетъ этого взгляда юристовъ и внесенный законопроектъ лучше всего доказываетъ это. Вотированіе этого законопроекта разрѣшитъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о допущеніи женщинъ на государственную службу. Женщины будутъ занимать мѣста чиновниковъ и т. д. и такимъ образомъ Норвегія въ области женскаго вопроса опередитъ всѣ другія страны и сразу уравняетъ права мужчинъ и женщинъ, лишивъ первыхъ тѣхъ преимуществъ и привилегій, которыя освящены обычаемъ.

Колонія плѣнныхъ буровъ на Цейлонѣ. Какъ извѣстно, англичане взяли въ плѣнъ за время Южно-африканской войны 15.000 буровъ; изъ нихъ 10,000 заключены на островѣ св. Елены и остальныя 5.000 въ колоніи Діоталава на Цейлонѣ. Корреспондентъ «Neue Freie Presse» докторъ Коллеръ посѣтилъ этотъ лагерь плѣнныхъ буровъ, лежащій въ необыкновенно живописной горной долинѣ и дѣлится съ читателями своими впечатлѣніями. Лагерь окруженъ оградой изъ колючей проволоки, вышиною въ человѣческій ростъ, около которой расхаживаютъ англійскіе часовые, вооруженные заряженными ружьями съ надѣтыми на нихъ штыками. Конечно, впускъ въ лагерь обставленъ всевозможными предосторожностями. Корреспондентъ долженъ былъ предъявить свой паспортъ и полученный пропускъ, но по выполненіи этой формальности англійскій офицеръ очень любезно предложилъ ему сопровождать его и показать лагерь.

Около самаго входа устроенъ почта и телеграфъ. Буры отправляютъ множество писемъ и, главнымъ образомъ, карточекъ съ видами, такъ что учрежденіе почтоваго бюро въ самомъ лагерѣ было безусловно необходимо; телеграфъ же устроенъ со спеціальною цѣлью немедленно извѣщать всѣ желѣзнодорожныя станціи въ случаѣ побѣга плѣннаго. За поимку каждаго бѣглеца правительство назначаетъ сто рупей награды.

Бараки, выстроенные для помѣщенія плѣнныхъ, производятъ довольно выгодное впечатлѣніе, но буры проводятъ цѣлые дни на воздухѣ. Привыкшіе къ постоянному и тяжелому труду на своихъ фермахъ, буровъ, конечно, очень скучали сначала и тяготились своимъ ничегонедѣланіемъ. Но теперь каждый изъ нихъ нашелъ себѣ занятіе по вкусу; одни стираютъ, другіе стряпаютъ, третьи колятъ дрова или занимаюся какимъ-нибудь ремесломъ, портняжнымъ, слесарнымъ или столярнымъ и т. п. Одинъ плѣнный нѣмецъ занялся приготовленіемъ трубокъ и дѣло у него пошло такъ успѣшно, что онъ не успѣваетъ удовлетворять спросъ на свои произведенія; на свободной площадкѣ, посреди лагеря, устроенъ настоящій базаръ. Въ особенности бойко идетъ торговля писчебумажными товарами; почтовыя карточки съ видами раскупаются въ огромномъ количествѣ. Тутъ же продаются различные съѣстные припасы и напитки, но только не спиртные, которые запрещены и только офицеры получаютъ свою порцію ежедневно, бурамъ же предоставляется пить чай или кофе. Такъ какъ невозможно распивать эти напитки съ шести утра до шести вечера, то торговля ими идетъ довольно слабо. Добытый контрабанднымъ путемъ виски продается, конечно, на вѣсъ золота, но чаще всего онъ конфискуется въ свою пользу англійскими солдатами.

Посрединѣ находится большой шалашъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Это клубъ или «Recreation-Hall». Тамъ устроена сцена для театральныхъ представленій. Плѣнные сдѣлали все сами; кулисы и занавѣсъ рисовалъ одинъ буръ, мистеръ Бактье, который считается въ лагерѣ художникомъ. Онъ очень гордится своею работою и объявилъ корреспонденту, что на занавѣси изображена битва при Маджерефонтейнѣ, въ которой онъ самъ участвовалъ. «Впрочемъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—картина эта могла бы съ успѣхомъ изображать и всякую другую битву, напр., битву при Плевнѣ или Кёниггрецѣ. Но художникъ, явно гордящійся своимъ произведеніемъ, съ большимъ апломбомъ указывалъ мнѣ, гдѣ на этой картинѣ находятся гайлендеры и гдѣ стоятъ буры; признаюсь, я бы не могъ самъ угадать этого... Сопровождавшій меня англійскій солдатикъ очень расхваливалъ мнѣ театральныя представленія буровъ. Одна бѣда, трудно найти актеровъ на нѣкоторыя роли среди этихъ бородатыхъ плѣнныхъ! Оркестръ справляется со своею задачею очень хорошо и состоитъ изъ струнныхъ инструментовъ, неизбѣжнаго барабана, трубъ и рояля».

«Меня поразило,—продолжаетъ корреспондентъ,—какъ мало молодыхъ людей среди плѣнныхъ буровъ. Большинство изъ нихъ серьезные, пожилые люди, въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ, и очень много стариковъ. Повидимому, все это—фермеры, попавшіе на Цейлонъ; одѣты они въ простое, крестьянское платье, поражающее своею чистотой и опрятностью. Даже офицеры носятъ крестьянское платье и отличаются отъ солдатъ только тѣмъ, что на шляпѣ у нихъ повязана красная лента. Лагерь оставилъ бы хорошее впечатлѣніе, еслибъ не то, что, какъ я узналъ, госпиталь переполненъ больными. Для тяжело больныхъ устроенъ спеціальный госпиталь и тамъ, въ качествѣ сестеръ милосердія, ухаживаютъ за больными англичанки, пріѣхавшія вмѣстѣ съ плѣнными изъ Южной Африки. Надо отдать англійскому правительству справедливость, что оно дѣлаетъ все, что возможно, чтобы облегчить положеніе больныхъ, и госпитали снабжены всѣмъ необходимымъ. Медицинская помощь организована превосходно, но, тѣмъ не менѣе, число больныхъ не уменьшается, а все увеличивается. Впрочемъ, большинство плѣнныхъ уже пріѣхало на Цейлонъ съ разстроеннымъ здоровьемъ, вслѣдствіе лишеній походной жизни и тяжелаго путешествія; тоска по родинѣ довершила остальное».

«Къ сожалѣнію, англичане далеко не такъ гуманны въ Южной Африкѣ, какъ на Цейлонѣ!» такъ резюмируетъ корреспондентъ свои впечатлѣнія.

Новая книга о дѣлѣ Дрейфуса. Въ Парижѣ много говорятъ о готовящейся къ выходу книги бывшаго депутата Іосифа Рейнака «Histoire de l'Affaire Dreyfus», нѣкоторыя главы которой были напечатаны во французскихъ газетахъ и въ «Revue Blanche». Судя по этимъ главамъ и по отзывамъ журналистовъ, познакомившихся съ его трудомъ, Іосифъ Рейнакъ стремится дать наивозможно болѣе полное и безпристрастное историческое изслѣдованіе, на основаніи фактовъ и документовъ, этого знаменитаго дѣла, волновавшаго не только Францію, но и всю Европу. Не только онъ не позволяетъ себѣ никакихъ смѣлыхъ гипотезъ, никакихъ субъективныхъ утвержденій, но оставаясь всегда на почвѣ фактовъ, Іосифъ Рейнакъ въ то же время подвергаетъ строгому критическому изслѣдованію свои собственные источники, сопоставляетъ факты и сравниваетъ встрѣчающіяся противорѣчія оставляя только то, что выдержало всѣ эти испытанія.

Книга Рейнака охватываетъ событія съ 1895—99 г. до того момента, когда Дрейфусъ покинулъ островъ Ре и отвезенъ былъ на Чортовъ островъ, но въ этомъ періодѣ времени Рейнакъ сгруппировалъ тѣ факты, которые были открыты потомъ, такъ что передъ читателемъ раскрывается полная картина этого знаменитаго дѣла, составляющаго одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ современной исторіи Франціи съ одной стороны и съ другой—служащаго доказательствомъ великой силы печатнаго слова и общественнаго мнѣнія. Авторъ мастерски очерчиваетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы: Казиміра Перье, Анри, Дрюмона со своими клевретами, Мерсье и др. и, наконецъ, самого Альфреда Дрейфуса, составляющаго центръ тяжести всего повѣствованія

Молодой капитанъ, Альфредъ Дрейфусъ, на основаніи своихъ особенно хорошихъ отмѣтокъ, попадаетъ въ генеральный штабъ, въ совершенно чуждую ему среду, и притомъ такую, въ которой онъ считался незваннымъ пришельцемъ. Генеральный штабъ пополняется не одними только выдающимися офицерами, и протекція тутъ, несомнѣнно, играетъ выдающуюся роль; для многихъ служба въ генеральномъ штабѣ представляла лишь средство жить въ Парижѣ, вмѣсто того чтобы томиться скукой въ какой-нибудь глухой провинціи. Офицеры генеральнаго штаба составляли замкнутый кругъ. Одна группа этихъ офицеровъ читала «Libre parole» и поддерживала уже въ теченіе двухъ лѣтъ, походъ, начатый противъ офицеровъ-евреевъ. Самые ярые антисемиты въ этой группѣ были: маіоръ Бартенъ, старавшійся заставить забыть свое происхожденіе изъ еврейской семьи и поэтому выказывавшій фанатическую ненависть къ евреямъ, и полковникъ Зандгерръ, Эльзасецъ, для котораго антисемитизмъ представлялъ родъ спорта; когда Дрейфусъ былъ прикомандированъ изъ военной школы къ генеральному штабу, то Зандгерръ отправился къ генералу Мирибэлю и умолялъ его не пускать «въ священную обитель одного изъ сыновъ проклятой расы». Пикаръ, на обязанности котораго было распредѣлять молодыхъ офицеровъ по разнымъ секціямъ генеральнаго штаба, прекрасно зналъ настроеніе умовъ въ генеральномъ штабѣ и поэтому онъ назначилъ Дрейфуса въ секцію маневровъ, гдѣ никакихъ тайнъ не было и гдѣ начальникомъ былъ непредубѣжденный офицеръ Мерсье Милонъ. Такимъ образомъ. Дрейфусъ въ генеральномъ штабѣ очутился во враждебной средѣ и, безъ сомнѣнія чувствовалъ это самъ. Но гордый и увѣренный въ себѣ и своихъ знаніяхъ, онъ замкнулся въ себѣ. Онъ былъ честолюбивъ и ради военной профессіи пожертвовалъ многими удобствами, которыми могъ обставить свою жизнь, такъ какъ имѣлъ хорошія средства. Служба и семья составляли для него все въ жизни и онъ дѣлилъ себя между ними. Но пропасть между нимъ и его товарищами по службѣ увеличивалась по мѣрѣ того, какъ обнаруживались его познанія. Однажды, во время одной учебной поѣздки, совершенной подъ руководствомъ Буадефра, за ужиномъ въ Шармѣ, разговоръ коснулся нѣкоторыхъ техническихъ вопросовъ. Дрейфусъ настолько поразилъ Буадефра своими знаніями, что Буадефръ взялъ его послѣ ужина

подъ руку и цѣлый часъ прогуливался съ нимъ по мосту, перекинутому черезъ Мозель. «Этотъ разговоръ оставилъ въ душѣ Дрейфуса добрую память и чувство благодарности къ Буадефру,—говоритъ Рейнакъ,—но надо было послушать, что говорили другіе молодые офицеры, слѣдовавшіе въ нѣкоторомъ отдаленіи за своимъ начальникомъ, прогуливающимся подъ руку съ Дрейфусомъ!» И вотъ въ такую среду, гдѣ Дрейфуса ненавидѣли только за то, что онъ еврей, попадаетъ пресловутое бордеро. Исторію этого бордеро Рейнакъ старается возстановить самымъ тщательнымъ образомъ. На основаніи строго провѣренныхъ фактовъ и сопоставленія разныхъ данныхъ, Рейнакъ отвергаетъ утвержденія Анри, Гонза, Лота и Грибемна, что бордеро попало въ бюро справокъ «обычнымъ путемъ» и подтверждаетъ показанія Кордье, утверждавшаго, что Эстергази сдалъ бордеро на почту въ Руанъ одновременно съ перечисленными въ немъ документами, предназначавшимися для Шварцкоппена (германскаго агента). Но письмо было похищено изъ ложи портье и не дошло до назначенія. Агентъ, доставившій его въ бюро, былъ Брюкеръ—шпіонъ, навлекшій на себя подозрѣніе и разсчитывавшій, благодаря такому смѣлому поступку, снова попасть въ милость къ своему начальнику Анри, Брюкеръ вскрылъ письмо, но конвертъ съ адресомъ уничтожилъ. Онъ узналъ такимъ образомъ содержаніе бордеро и такъ какъ имѣлъ сношенія съ полковниковъ Зандгерромъ и маіоромъ Кордье, то всегда могъ узнать о судьбѣ своей находки. Анри достаточно было взглянуть на бордеро, чтобы узнать, кто его авторъ. Онъ уже двадцать лѣтъ былъ знакомъ и друженъ съ Эстергази и они часто оказывали другъ другу взаимныя услуги и одолженія. Если бы Эстергази было только другомъ Анри, то этотъ послѣдній не рѣшился бы утаить бордеро, такъ какъ опасность была слишкомъ велика. Но они были, кромѣ того сообщниками и въ интересахъ Анри было уничтожить этотъ компрометирующій документъ. Быть можетъ, дѣйствительно, первымъ движеніемъ Анри было разорвать бордеро, но потомъ онъ вспомнилъ о Брюкерѣ и побоялся скрыть этотъ документъ. Впрочемъ, онъ вспомнивъ также, что агентъ Валь Карлосъ докладывалъ Буадефру будто Шварцкоппенъ хвастался, что онъ получаетъ свѣдѣнія отъ генеральнаго штаба. Слѣдовательно искать преступника будутъ въ генеральномъ штабѣ, а Эстергази тамъ не было. Тогда Анри, перемѣнивъ свое первоначальное рѣшеніе, склеилъ бордеро и передалъ его Занд-герру. «Такимъ образомъ, дѣло началось съ неправды»!—заключаетъ Рейнакъ первую главу своей книги, но, пожалуй, вѣрнѣе было бы сказать, что оно началось со преступленія и продолжалось среди моря лжи и подлоговъ.

Въ генеральномъ штабѣ, какъ только было получено бордеро, приступили къ поискамъ преступниковъ и стали сравнивать почерки. Конечно, ничего не нашли сначала, такъ какъ настоящій виновникъ былъ въ Руанѣ. Стали искать среди прикомандированныхъ офицеровъ, имѣвшихъ доступъ во всѣ секціи. Когда ихъ переименовывали, Зандгерръ, при имени Дрейфуса, вдругъ вскочилъ со своего мѣста и, хлопнувъ себя по лбу, вскрикнулъ: «И какъ это мнѣ не пришло сейчасъ же въ голову!» Всѣ почувствовали облегченіе. Преступникъ былъ найденъ, и, конечно, онъ не могъ быть никѣмъ инымъ, какъ евреемъ! Съ этого момента, словно по волшебству, всѣ улики обратились противъ Дрейфуса. Многіе даже противъ воли поддались этому убѣжденію, которое охватило весь генеральный штабъ, всю армію. Анри, разумѣется, былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣлъ. Онъ постарался еще больше запутать слѣдствіе, и такъ какъ никому и въ голову не приходило критиковать его дѣйствія, то онъ становился все болѣе наглымъ. Такимъ образомъ, подозрѣніе превратилось въ увѣренность, и весь генеральный штабъ, армія и вся страна поддались ему, словно внушенію. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться, провѣрить факты.

Рейнакъ описываетъ, какъ Дю Пати явился къ женѣ Дрейфуса послѣ его ареста.

— Madame, я долженъ сообщить вамъ печальную вѣсть,—сказалъ онъ.

— Мой мужъ умеръ!—вскричала бѣдная женщина.

— Нѣтъ, но это хуже.

Не понимая въ чемъ дѣло, госпожа Дрейфусъ начинаетъ допрашивать Дю Пати: «Онъ упалъ съ лошади? разбился?»—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Дю Пати— онъ въ тюрьмѣ».

Несчастная женщина заволновалась еще сильнѣе. Она умоляла Дю Пати сказать ей въ чемъ обвиняютъ ея мужа, для того, чтобы увѣдомить его брата, Матье Дрейфуса, объ этомъ. Но вмѣшательство этого послѣдняго было бы неудобно для генеральнаго штаба и поэтому Дю Пати холодно сказалъ ей: «Одно слово, одно единственное слово—и вы погубите вашего мужа! Единственное средство спасти его—молчаніе».

Бѣдняжка повѣрила негодяю, и Дю Пати ушелъ успокоенный; Матье Дрейфусъ не будетъ знать ничего! Хитрость эта была придумана не самимъ бравымъ полковникомъ, а была рѣшена наканунѣ, на совѣщаніи у Мерсье, на которомъ присутствовалъ и Буадефръ.

Госпожа Дрейфусъ быстро овладѣла собой и, высказавъ убѣжденіе, что мужъ ея—жертва страшной ошибки, сама проводила Дю Пати, который произвелъ у нея обыскъ и во все это время онъ не услышалъ отъ нея ни одной жалобы, не увидѣлъ ни одной слезы!

«Несчастье имѣетъ одно благое свойство: оно часто возвышаетъ человѣка, дѣлаетъ его героемъ,—говоритъ Рейнакъ. Скромное, незамѣтное и отчасти пассивное существо,—жена Дрейфуса, кругозоръ которой ограничивался ея счастливою семейною жизнью, нашла въ себѣ такія душевныя силы, какія и не подозрѣвала. Она превратилась въ героиню, сознавъ, что только ея вѣра можетъ спасти его и заставить жить!»

Описаніе того, какъ госпожа Дрейфусъ удержала своего мужа отъ самоубійства, составляетъ одну изъ самыхъ трогательныхъ главъ книги.

Книга Рейнакъ, конечно, должна произвести сенсацію во Франціи, и хотя знаменитый процессъ отошелъ уже въ область прошедшаго и пересталъ волновать французскую публику, поглощенную другими злобами дня, тѣмъ не менѣе напоминаніе о дѣлѣ Дрейфуса въ самый разгаръ партійной борьбы, какая происходитъ теперь во Франціи, не можетъ пройти безслѣдно. Во всякомъ случаѣ, это указываетъ, что всѣ старанія заглушить, изгладить воспоминаніе объ этой трагедіи, тщетны. Исторія Дрейфуса до сихъ поръ составляетъ больное мѣсто французскаго общества и все, что теперь происходитъ, націоналистская пропаганда, борьба съ министерствомъ Вальдека Руссо, съ военнымъ министромъ, пытающимся почистить французскую армію,—все это составляетъ только эпилогъ къ дѣлу Дрейфуса и пока не будетъ удовлетворена общественная совѣсть, пока армія не перестанетъ быть разсадникомъ антисемитизма и источникомъ интригъ противъ республики, до тѣхъ поръ Франція не успокоится.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Во что обходится имперская война? — Космополитизмъ и націонализмъ. — Интервью съ Крюгеромъ и воспоминанія о немъ.—Газетный синдикатъ.

Въ органахъ англійской печати, не сочувствующихъ войнѣ, не разъ высказывались опасенія, что Южно-африканская война должна очень вредно отразиться на финансовомъ положеніи страны. Рафаэль-Жоржъ Леви подтверждаетъ это въ своей статьѣ, въ «Revue des deux Mondes», въ которой онъ очень тщательно и подробно изучаетъ положеніе, созданное войной. Дѣйствительные

доходы страны,—говоритъ онъ,—въ 1899—1900 г. достигли 3 милліардовъ франковъ, слѣдовательно они превысили на 225 милліоновъ предварительную смѣту... Но увы! несмотря на этотъ излишекъ, равновѣсіе бюджета было все-таки нарушено, такъ какъ расходы государства къ 31-му марта 1900 г. достигли внушительной цифры трехъ милліардовъ 350 милліоновъ. На будущій годъ бюджетъ достигъ уже четырехъ милліардовъ 125 милліоновъ; изъ нихъ на долю флота и арміи приходилось 2 милліарда 225 милліоновъ.

Эти цифры получаютъ особенно поучительное значеніе, если сравнить прежніе англійскіе бюджеты, съ 31-го марта 1899 г. по 31-е марта этого года Англія израсходовала на армію и флотъ больше 8 милліардовъ 750 милліоновъ. Доходы казны, вычисляемые въ 3 милліарда 450 милліоновъ въ 1900—1901 г., не превышали 2 милліардовъ 550 милліоновъ въ 1894 — 1895 г.; слѣдовательно, они увеличились съ тѣхъ поръ на 35%.

Въ октябрѣ канцлеръ казначейства объявилъ, что Южно африканская война обойдется Англіи въ 250—275 милліоновъ. Въ мартѣ этого года онъ уже заявилъ, что расходы на эту войну потребуютъ 1,100 милліоновъ. По словамъ нѣкоторыхъ статистиковъ, расходы на веденіе войны достигаютъ 75 милліоновъ въ недѣлю, но въ эту предварительную смѣту не включены экстренные расходы, которые могутъ также достигать весьма внушительной цифры.

Авторъ указываетъ на главные результаты такого положенія дѣлъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Англія была кредиторомъ Соединенныхъ Штатовъ, а теперь она вынуждена занимать у нихъ. Онъ твердо убѣжденъ, что, въ концѣ концовъ, Англія въ состояніи будетъ совладать съ этими затрудненіями, но, во всякомъ случаѣ, нельзя же оспаривать того факта, что менѣе чѣмъ въ одинъ годъ англійскіе финансы сильно пошатнулись. Ни разу въ теченіе всего этого столѣтія имъ не было нанесено такого чувствительнаго удара и теперь еще невозможно съ точностью опредѣлить экономическіе результаты Южно-африканской войны и ея вліянія на лондонскій рынокъ и на торговлю Соединеннаго королевства.

Въ томъ же журналѣ Де Вогюэ обсуждаетъ два важныхъ явленія современной жизни: космополитизмъ и націонализмъ. Столкновеніе между этими двумя, діаметрально противоположными теченіями составляетъ важнѣйшую проблему цивилизаціи, которая должна поддерживать между ними равновѣсіе. Но Вогюэ употребляетъ эти два термина не въ томъ узкомъ смыслѣ, какой придается имъ на языкѣ политиковъ. Онъ говоритъ, что національное чувство начало принимать опредѣленную форму отчасти съ образованіемъ великихъ государствъ; война же только содѣйствовала его укрѣпленію. Религіозная схизма, возникшая въ XVI вѣкѣ, много способствовала изоляціи отдѣльныхъ національностей, англійской, германской, испанской и итальянской. Благодаря этому, космополитизмъ потерялъ въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII вѣка то, что онъ пріобрѣлъ въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія. Во Франціи въ послѣднее время національное чувство чрезмѣрно обострилось, такъ что даже радушный пріемъ, оказываемый иностранцамъ въ области искусства, науки и т. д., вызываетъ крики негодованія. Этимъ объясняются, напр., яростные нападки на музыку Вагнера, поэзію Броунинга, драматическія произведенія Ибсена и философію Ницше, являющіяся только результатами повышеннаго національнаго чувства въ извѣстной части французскаго общества. Однако, хотя авторъ статьи и не сочувствуетъ такимъ выходкамъ, но онъ все-таки говоритъ, что «хозяинъ, дающій ключъ отъ своихъ дверей сомнительнымъ посѣтителямъ, поступаетъ, какъ безумецъ». Исходя изъ этой точки зрѣнія, Вогюэ находитъ, что космополитское нашествіе съ теченіемъ времени захватило всѣ области французской жизни: народное образованіе, администрація, финансы, дипломатія и т. д.—все

это было заражено космополитизмомъ, и естественно такое положеніе вещей должно было вызвать реакцію, которая выражается теперь во взрывѣ національизма. Современная исторія представляетъ намъ два весьма поучительныхъ примѣра такого столкновенія двухъ теченій. Въ Китаѣ космополитское нашествіе породило страстный національизмъ, съ которымъ державамъ будетъ трудно совладать, если только вообще имъ удастся восторжествовать надъ нимъ. Въ Трансваалѣ происходитъ то же самое: космополитское нашествіе уитлендеровъ побуждаетъ къ возмущенію и борьбѣ расу, которая рѣшила скорѣе умереть, нежели покориться. Вогюэ приходитъ къ выводу, что націоналистское движеніе во Франціи вовсе не единичный фактъ, но оно находится въ связи съ пробужденіемъ національизма и подобными же демонстраціями во всей остальной Европѣ. Такое общее движеніе, конечно, имѣетъ и общія причины, кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ особенность каждой страны.

«Review of Rewiews» печатаетъ interview мистриссъ Луденъ съ Крюгеромъ. Кто незнакомъ съ наружностью «Оомъ Поля»!—восклицаетъ мистриссъ Луденъ.— Его такъ часто изображаютъ въ каррикатурѣ, такъ много распространяется его портретовъ, что врядъ ли найдется въ Европѣ человѣкъ, который бы не могъ узнать его, еслибъ ему пришлось съ нимъ встрѣтиться. Его широкополая шляпа, длинная трубка, Библія и широкіе сапоги хорошо извѣстны всѣмъ и также популярны, какъ моноколь Чэмберлена и «три волоска» Бисмарка. Но тѣмъ не менѣе въ Крюгерѣ есть нѣчто, что не поддается каррикатурному изображенію. Люди называютъ это силою, вдохновеніемъ, даже геніемъ... Каждое его слово дышетъ глубокимъ убѣжденіемъ, твердою вѣрою. При ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ вы забываете о его невзрачной наружности, о его костюмѣ и угловатости его манеръ... Еслибъ онъ пріѣхалъ въ Англію, то народъ сталъ бы слушать его. Мысль о необходимости добиться во что бы то ни стало третейскаго суда, поглощаетъ всѣ его помыслы и отодвигаетъ на задній планъ всѣ другіе интересы. Онъ думаетъ и говоритъ только объ этомъ.

— Неужели за насъ никто не заступится? — сказалъ онъ мнѣ, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Гаагѣ.—Неужели намъ не дадутъ возможности высказаться и защитить себя? Можетъ быть, мы поступали неправильно, можетъ быть мы надѣлали ошибокъ; мы объявили войну, но насъ вынудили къ этому, мы можемъ представить доказательства. Пусть кто-нибудь разсудитъ между Англіей и нами! Неужели никого не найдется?

— Но Англія не хочетъ и слышать о третейскомъ судѣ,—прерывисто возразила я.—Мы же не хотимъ европейской войны.

— О какъ же можетъ справедливость вызвать войну! — воскликнулъ съ жаромъ старикъ.—Мы просимъ только о пролитіи свѣта. Намъ нуженъ приговоръ нейтральнаго судьи, нужна справедливость, справедливость!

Его голосъ звучалъ, словно колоколъ, призывавшій къ правосудію. Въ немъ отражалась его потрясенная душа и когда онъ говорилъ о помощи «погибающей странѣ», то звукъ его голоса смягчался и принималъ нѣжный оттѣнокъ, словно голосъ матери, убаюкивающей больного ребенка. «Господь поможетъ намъ! Господь поможетъ намъ! — говорилъ онъ, складывая руки, точно для молитвы. — Въ концѣ концовъ мы побѣдимъ! О, я увѣренъ въ этомъ! Я не знаю, какъ и когда это будетъ, но я увѣренъ въ этомъ. Господь наша сила. Съ точки зрѣнія людей, война эта находится въ рукахъ двухъ правительствъ, нашего и англійскаго, но рѣшеніе ея въ рукахъ Господа. Мы побѣдимъ!»

«У меня не хватаетъ словъ описать, какимъ пламеннымъ убѣжденіемъ дышала его рѣчь, вся его коренастая и неуклюжая фигура. Эта дѣтская вѣра производила сильное и неизгладимое впечатлѣніе. Я спросила его о его женѣ.

— У меня болитъ душа за нее. Да, мнѣ жаль ее, очень жаль, но мнѣ

еще больше жаль «умирающую страну», — сказалъ онъ.—У моей жены есть ея дѣти; шестеро находятся вмѣстѣ съ нею и англичане къ ней очень добры, онѣ оставили ее въ ея собственномъ домѣ. Но умирающая страна!.. — его голосъ дрогнулъ и я ясно видѣла, какъ его больные глаза наполнились слезами. Онъ закрылъ ихъ на мгновеніе и потомъ сказалъ:—«я не имѣю извѣстій о своей женѣ послѣдніе шестнадцать дней, но съ нею ея шестеро дѣтей! Во всякомъ случаѣ, она не такъ достойна сожалѣнія, какъ «умирающая страна»...

Онъ прижалъ молитвенникъ къ своему сердцу и черты лица его исказились болью. — «О, еслибъ только насъ захотѣли выслушать! — воскликнулъ онъ.—Неужели намъ никто не поможетъ? Неужели никто, никто не захочетъ оказать намъ справедливость? Мы,—маленькій народъ, но мы вѣдь успѣли во многомъ... Мы много дали Англіи; она хотѣла захватить монополію на все и получила ее, но развѣ она можетъ взять монополію на свободу? Развѣ она можетъ отнимать у насъ свободу?»

Двое его сыновей умерли; двое находятся въ плѣну на островѣ св. Елены и одинъ на Цейлонѣ. Крюгеръ думаетъ, что, кромѣ того, умерли еще двое, но еще 31 внукъ и правнукъ Крюгера остаются на полѣ сраженія.

Мистриссъ Луденъ заключила свою статью слѣдующими словами: «Какая судьба ожидаетъ Крюгера? Быть можетъ, онъ ослѣпнетъ и оглохнетъ и умретъ, не увидѣвъ больше родной земли и не услышавъ радостной вѣсти! Быть можетъ, онъ еще цѣлыми годами будетъ взывать къ справедливости! Мы не беремся предрѣшать этого. Но когда, спустя многіе годы снова взростутъ сѣмена на африканскихъ поляхъ, напоенныхъ теперь кровью, дѣти будутъ спрашивать своихъ родителей: «отчего была война?» Пусть тогда матери разскажутъ имъ исторію человѣка, которому надо простить всѣ его ошибки и слабости за его горячую любовь къ «умирающей странѣ» и пламенную вѣру въ ея силы!»

Въ «Revue de Paris» тоже напечатана статья о Крюгерѣ — воспоминанія о пріемѣ, сдѣланномъ ему во Франціи. Какъ извѣстно, пріемъ этотъ носилъ безпримѣрно восторженный характеръ. Но Крюгеръ не только прислушивался къ привѣтственнымъ крикамъ толпы; ему хотѣлось знать, что говоритъ объ немъ правительство и французскій народъ. Онъ обратился къ Ванъ Гомелю (автору статьи), который вызвался служить ему переводчикомъ.—«Я учился,—сказалъ онъ ему, — но я не ученый. Я составляю фразы по своему, какъ понимаю ихъ, и даже не всегда кончаю ихъ. Вообще, грамматику я плохо знаю, потому что мнѣ нѣкогда было заниматься ею. Вы ужъ постарайтесь округлить мои фразы».

Крюгеръ говорилъ Ванъ Гомелю, что онъ пріѣхалъ во Францію просить объ окончаніи войны почетнымъ образомъ, при помощи тройственнаго суда. По его словамъ, жестокость англичанъ переходитъ всякія границы; даже кафры не были такъ жестоки, какъ англійскіе солдаты, которые сжигаютъ фермы и оставляютъ женщинъ и дѣтей безъ крова и часто безъ куска хлѣба! Буры, по словамъ Крюгера, вынуждены были отступить; но вынудило ихъ къ этому не военное искусство англичанъ, а превосходство ихъ численности. «Мы не были побѣждены,—сказалъ Крюгеръ,—но мы потонули въ этомъ потокѣ, который нахлынулъ на насъ. Я жалуюсь на жестокость англичанъ, но не какъ глава семьи, потому что лордъ Робертсъ обращался всегда очень хорошо со мною и съ моею семьею, а какъ глава народа».

Ванъ Гомель разсказываетъ, что въ разговорѣ съ Крюгеромъ онъ однажды замѣтилъ ему, что благодарное потомство, вѣроятно, поставитъ его статую въ Преторіи, если англичане будутъ изгнаны оттуда. «Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнулъ Крюгеръ.—Мнѣ статую? Никогда! Вы знаете, они вѣдь хотѣли поставить мнѣ статую въ Преторіи, но только и былъ сдѣланъ пьедесталъ. Мы чтимъ людей, но славимъ только Бога!»

«North American Review» помѣщаетъ любопытную статью о газетахъ XX-го вѣка, въ которой авторъ излагаетъ свою идею образованія великаго газетнаго синдиката (Newspaper trust), который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ все газетное дѣло въ странѣ, призвавъ на службу журналистики лучшія литературныя силы, всѣ усовершенствованія техники газетнаго дѣла. Конечно, такой синдикатъ могъ бы имѣть свои собственные кабели, телеграфы, почтовые пароходы, специальные поѣзда, бумажныя и иныя фабрики, мастерскія и т. д. Въ одно и то же время и одна и та же газета можетъ печататься въ нѣсколькихъ городахъ сразу. Такъ поставленное дѣло доставитъ, по мнѣнію автора, громадное могущество журналистикѣ. Періодическая печать достигнетъ тогда такой высоты, какой она никогда не можетъ достигнуть при иныхъ условіяхъ. «Подумайте только, — восклицаетъ увлекающійся американецъ, — какую силу получитъ печатное слово, если одновременно во всей странѣ будутъ высказываться одни и тѣ же принципы, одни и тѣ же взгляды, и всѣ газеты, издаваемыя синдикатомъ, будутъ представительницами одного и того же направленія въ политикѣ! Какая сила въ борьбѣ со зломъ! Какая сила проповѣди добра, преслѣдованія злоупотребленій и т. д.!»

Авторъ не забываетъ и оборотную сторону медали — зло, которое можетъ принести подобная монополія печатнаго слова, но онъ упоминаетъ объ этомъ только вскользь, не придавая значенія этой сторонѣ. Его, какъ американца, прельщаетъ идея грандіознаго могущественнаго синдиката, покоряющаго міръ.

Рабочій вопросъ у антиподовъ.

А. Метэна. Перев. съ франц.

Рабочее законодательство Австраліи и Новой Зеландіи очень недавняго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ своей теперешней, болѣе радикальной формѣ. Тѣ законы о защитѣ труда, которые существовали тамъ до 1890 г., являлись лишь эхомъ подобныхъ же англійскихъ законовъ (признаніе трэдъ-юніоновъ юридической личностью, ограниченіе работы женщинъ и дѣтей, введеніе фабричной инспекціи). Но съ 1890 г. законы эти становятся все многочисленнѣе и превосходятъ во многомъ самые передовые законы Европы; такъ, напримѣръ, тамъ введено во всѣхъ колоніяхъ сокращеніе рабочаго дня приказчиковъ, въ Новой Зеландіи учрежденъ, кромѣ того, обязательный третейскій судъ, въ Викторіи—минимумъ заработной платы. Съ этихъ поръ Австралія, а особенно Новая Зеландія и Мельбурнъ называются не безъ нѣкоторой ироніи «раемъ рабочихъ».

Законодательство это является результатомъ эволюціи, начавшейся въ Австраліи съ половины этого вѣка, съ вызванной открытіемъ золотыхъ розсыпей громадной иммиграціи въ эту страну. Иммигрировавшіе рабочіе выносили изъ Англіи привычку къ коалиціи. Въ 1856 г. трэдъ-юніонъ рабочихъ по постройкѣ, добился 8-ми-часоваго рабочаго дня, и вообще довольно долгое время рабочіе синдикаты очень успѣшно добивались путемъ переговоровъ и сдѣлокъ почти всѣхъ желаемыхъ ими уступокъ; въ эту эпоху они полны вѣры въ силу корпоративнаго дѣйствія и относятся пренебрежительно къ политикѣ. Но вотъ и хозяева начинаютъ соединяться въ свою очередь и одерживаютъ въ 1890 г. значительную побѣду надъ рабочими, подавивъ почти все общую стачку. Тогда тактика мѣняется, образуется политическая партія, и рабочимъ удается въ парламентахъ почти всѣхъ колоній поддерживать равновѣсіе между двумя, оспаривавшими доселѣ власть другъ у друга, политическими партіями. Участія въ управленіи они не принимаютъ и случаи, когда рабочій лидеръ принимаетъ министерскій портфель, являются исключеніемъ; таковымъ

надо считать недавнее вступленіе въ министерство Викторіи представителя рабочаго класса. Но и безъ непосредственнаго участія рабочіе вліяютъ на правительство, во всѣхъ колоніяхъ, кромѣ недавно заселенной Восточной Австраліи, маленькой Тасманіи и Куенслэнды, не позволяя ему дѣйствовать помимо, а тѣмъ болѣе противъ нихъ.

Представляя какой-нибудь законъ, касающійся рабочихъ,—объ ограниченіи рабочаго дня, фабричной инспекціи и т. п., они должны всегда почти уступать рабочему большинству. Въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ министерство не выставляло систематической оппозиціи рабочей партіи, рабочее законодательство, представлявшееся частями, составляетъ теперь очень полный и всесторонній кодексъ.

Политика Австраліи—политика прежде всего дѣловая. Если правительства предпринимаютъ тамъ самостоятельно постройку желѣзныхъ дорогъ, страхованія, устройство богадѣленъ и пріютовъ и т. п., то надо видѣть въ этомъ просто колоніальныя мѣры. Такъ, напримѣръ, Викторія принялась строить желѣзныя дороги потому что частныя компаніи не выполняли своихъ обязательствъ, а другія колоніи стали подражать ей въ этомъ. Новая Зеландія предприняла устройство государственнаго страхованія, чтобы оказать услугу колонистамъ и извлечь изъ этого выгоду. Управляемая самымъ передовымъ австралійскимъ министерствомъ, колонія эта не взяла на себя вывозъ аграрныхъ продуктовъ, какъ это сдѣлалала Южная Австралія, и не проводила такихъ мѣръ для поощренія мелкой культуры, какъ болѣе консервативный Куенслэндъ. Наконецъ, мы видимъ, что государственные бюджеты сокращены, а число чиновниковъ не увеличивается, даже уменьшается мѣстами; однимъ словомъ, ничто не даетъ намъ права считать, чтобы Австралія шла по пути систематическаго расширенія общественныхъ учрежденій. Эволюція въ этомъ смыслѣ видна только въ молчаливомъ признаніи права на трудъ, въ ограниченіяхъ правъ собственности, учрежденіяхъ пенсій для стариковъ и многихъ другихъ, вполнѣ современныхъ соціальныхъ мѣрахъ,—и то всѣ эти мѣры мы видимъ только въ Новой Зеландіи.

Но ни она, ни другія колоніи не поглощены исключительно рабочимъ вопросомъ. Главной цѣлью ихъ является поощреніе агрикультуры и заселенія страны; въ прогрессистскихъ колоніяхъ аграрныя мѣры проникнуты, конечно, демократическимъ духомъ, покровительствуя мелкимъ и среднимъ собственникамъ на счетъ крупныхъ; во время финансоваго кризиса (1892—1894 гг.) безработнымъ были предоставлены особо выгодныя условія поселенія на землѣ. Но мѣры эти, если они удадутся, должны привести къ созданію прочнаго класса крестьянъ-собственниковъ, которые могли бы оказывать противовѣсъ городскимъ рабочимъ.

Вообще, вліяніе рабочихъ въ Австраліи обусловлено совсѣмъ исключительными условіями. Страна эта не промышленная и пока не подаетъ надежды стать таковой, заводовъ и фабрикъ въ ней мало и они незначительны. Все это, казалось бы, не должно было благопріятствовать усиленію вліянія рабочихъ. Но во время золотой горячки, цѣны на рабочія руки сильно поднялись; затѣмъ англійскіе капиталисты производили много улучшеній на землѣ, требовавшихъ массы рабочихъ рукъ. Предприниматели перебивали ихъ другъ у друга, предлагая имъ неслыханныя въ другихъ странахъ условія.

Конечно, легендарныя въ эпоху золотой горячки заработки пали затѣмъ, но и стоимость жизненныхъ припасовъ нѣсколько понизилась.

Заработная плата стоитъ все еще на исключительно высокомъ уровнѣ въ Восточной Австраліи, гдѣ открыты новыя розсыпи. Но все-таки положеніе рабочихъ въ австралійскихъ колоніяхъ лучше, чѣмъ въ Европѣ: они пользуются тамъ всѣми преимуществами ограниченнаго числа рукъ въ новой, быстро развивающейся странѣ; имъ удалось добиться отмѣны поощренія иммиграціи изъ

другихъ странъ и почти полнаго запрета ввоза рабочихъ желтой расы или полинезійцевъ.

Относительно Австраліи можно сказать, что борьба между рабочимъ классомъ и его противниками шла преимущественно на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Насъ, привыкшихъ къ европейской полемикѣ, поражаетъ бѣдность теорій съ обѣихъ сторонъ. Хозяева стоятъ за непримиримую оппозицію, основанную на защитѣ своихъ барышей,—они не выставляютъ аргументовъ, а прямо объявляютъ войну. Публицисты ихъ стоятъ на этой же почвѣ, если же пускаются въ область теоріи, то показываютъ, что они новички тамъ. Такъ, во время моего пребыванія въ Мельбернѣ одинъ консервативный органъ, критикуя новыя мѣры въ пользу рабочихъ, особенно только что введенный передъ тѣмъ законъ о минимумѣ заработковъ, ссылался на давно оставленную всѣми теорію «фонда заработной платы». Теоретическіе аргументы другой стороны не выше, или лучше сказать, они совсѣмъ отсутствуютъ,—они неизвѣстны, ихъ избѣгаютъ. Слово «соціализмъ», которое нравится европейскимъ реформаторамъ своимъ общимъ и философскимъ характерамъ отталкиваетъ австралійскихъ рабочихъ именно этой широтой своей. Когда я попросилъ одного изъ нихъ резюмировать мнѣ свою программу, онъ отвѣтилъ: «Моя программа?— *Ten bobs a day*!» (10 шиллинговъ въ день). Конечно, я не обобщаю этого отвѣта, но привожу его, какъ очень характерный для австралійскаго рабочаго. Онъ такъ ясно видитъ свою выгоду, съ такимъ постоянствомъ стремится къ ней, что боится даже всего того, что выказало бы ее менѣе рѣзкой и узкой. Здѣсь, какъ и въ англійскомъ рабочемъ мірѣ, стремленіе быть практичнымъ преобладаетъ надъ остальными; здѣсь добиваются отъ правительства, главнымъ образомъ, серьезныхъ уступокъ, а не удовлетворенія принциповъ. Западная Европа богаче теоріями, Австралія—фактическими результатами. Болѣе развитые изъ антиподовъ, желающіе обосновать теоретически предлагаемыя ими мѣропріятія, ѣдутъ за этими теоріями въ Англію. Намъ, наоборотъ, слѣдуетъ изучать въ Австраліи приложеніе тѣхъ смѣлыхъ мѣръ, которыя часто предлагались у насъ, но не могли войти въ практику. Австралія бѣдна соціальной философіей, но она далеко опередила всякую другую страну на пути опыта.

Результаты, достигнуые тамъ рабочимъ классомъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ главнымъ: 1) сокращеніе рабочаго дня и 2) увеличеніе заработковъ.

Что касается перваго, то терминъ 8-ми-часовой рабочій день недостаточно характеризуетъ его; лучше указать число рабочихъ часовъ въ недѣлю: оно составляетъ отъ сорока восьми до пятидесяти двухъ часовъ съ отдыхомъ въ субботу послѣ обѣда и въ воскресенье; приказчики пользуются тѣми же льготами, но свободное послѣ обѣда время дается имъ не въ субботу, а въ другой день,—обыкновенно въ среду. Работа начинается позже, чѣмъ у насъ, около семи съ половиною часовъ утра, и оканчивается къ ужину, между пятью и шестью часами дня. Съ этой стороны положеніе австралійскихъ рабочихъ и приказчиковъ лучше, чѣмъ въ какой-либо иной странѣ міра. А что сокращеніе рабочаго дня является благомъ какъ для отдѣльнаго индивидуума, такъ и для всей націи, это утверждается такъ единогласно всѣми реформаторами, что я считаю излишними всякія пренія по этому поводу.

Увеличеніе заработковъ не такъ легко указать цифрами, какъ сокращеніе рабочаго дня. Заработная плата различна въ разныхъ колоніяхъ и въ разныхъ мѣстностяхъ одной и той же колоніи; затѣмъ она иногда поденная, иногда сдѣльная, иногда, въ деревняхъ, выдается натурою. Поэтому трудно представить общую картину высоты заработной платы. Но колоніальная статистика даетъ намъ по этому поводу очень интересныя данныя. Въ Новой Зеландіи заработная плата

колеблется отъ 4—12 шилл. въ день для городскихъ рабочихъ и отъ 15—30 шилл. въ недѣлю, не считая харчей для сельскихъ. По введеніи обязательнаго третейскаго суда, средній заработокъ квалифицированныхъ рабочихъ поднялся въ Христчерчѣ и Денденѣ до 10 шилл. въ день (около 5 р.).

Въ другихъ колоніяхъ заработная плата нѣсколько ниже. Въ Южной Австраліи первый министръ, говоря о той платѣ, которую онъ хотѣлъ бы обезпечить для рабочихъ, опредѣлилъ ее въ 6 шилл., какъ она требовалась и биржей труда. Въ Бризбанѣ биржа труда отмѣчаетъ, что заработокъ составляетъ лишь отъ 5 — 6 шилл. въ день. Въ Сиднеѣ и Мельбурнѣ заработокъ квалицифированнаго рабочаго составляетъ отъ 8 до 9 шилл., а послѣдніе законы устанавливаютъ его въ Мельбурнѣ и еще выше.

Однимъ словомъ, заработная плата въ Южной Австраліи и Куенслэндѣ — земледѣльческихъ колоніяхъ, равна приблизительно англійской, — нѣсколько выше въ Сиднеѣ и Мельбурнѣ, а въ Новой Зеландіи достигаетъ, послѣ введенія обязательнаго третейскаго суда, уровня Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Капиталисты возстаютъ противъ высокихъ заработковъ, увѣряя, что выгоды ихъ обманчивы и для рабочихъ, такъ какъ хозяева, якобы видя, что трудъ обходится имъ слишкомъ дорого, перенесутъ свои предпріятія въ другое мѣсто и рабочіе своими излишними требованіями убьютъ курицу, несущую золотыя яйца. Эта все та же, уже упомянутая нами выше, теорія фонда заработной платы. Если бы она была вѣрна, то сумма, опредѣляемая хозяиномъ на плату за трудъ, должна бы быть неизмѣнной и увеличеніе ея отражалось бы тотчасъ гибелью на прибыли. Однако, опытъ показалъ, что это невѣрно, и хотя хозяева угрожали вездѣ, гдѣ заработная плата выростала, перенести свои предпріятія въ иное мѣсто, они этого нигдѣ не сдѣлали.

И мы видимъ, что высокіе заработки не только не помѣшали развитію американской промышленности, но что она является побѣдительницей въ борьбѣ со странами съ низкой заработной платой и что ей удается производить дешевые хлопчатомумажныя ткани, машины, матеріалъ для желѣзныхъ дорогъ, велосипеды и т. п. Тамъ хозяева, не имѣя возможности выколачивать прибыли изъ низкихъ заработковъ, употребляютъ всѣ усилія на поднятіе производительности труда. Высокая заработная плата позволяетъ хозяину удержать наиболѣе энергичныхъ и способныхъ рабочихъ и пользоваться наряду съ усовершенствованными машинами и лучшими рабочими руками.

Между тѣмъ, въ странахъ съ низкой заработной платой,—въ Индіи, Мексикѣ, Египтѣ,—рабочіе неловки и небрежны, работа ведется неумѣло; машины тамъ плохи, ибо хозяева не считаютъ нужнымъ улучшать ихъ, работа часто останавливаетъ изъ-за порчи машины, изъ-за неаккуратности рабочихъ. И если капиталисты не высказываютъ желанія повышенія заработной платы, то мексиканскіе инженеры сожалѣли, что заработки такъ низки, что за подобную плату нельзя найти хорошихъ рабочихъ, а слѣдовательно и поднять производство до высоты европейскаго, что выгодно не для однихъ рабочихъ, но и для интеллигентныхъ силъ, и для самихъ капиталистовъ, какъ это видно опять-таки на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Правда, австралійская промышленность далеко отстаетъ отъ американской, число заводовъ и фабрикъ тамъ не велико и они незначительны. На основаніи этого, противники законовъ для защиты рабочихъ указываютъ, что высокіе заработки не даютъ развиваться тамошней промышленности. Но аргументація эта не выдерживаетъ критики, ибо промышленность Австраліи Новой Зеландіи все время возрастаетъ, она только добывающая по преимуществу: земледѣльческая и металлургическая. И если мы обратимъ вниманіе на то, что австралійскіе масло и сыръ успѣшно конкурируютъ на англійскомъ рынкѣ съ бре-

тонскими и нормандскими, не смотря на дальность разстоянія, на переѣздъ черезъ тропики и на высоту заработковъ, то мы придемъ къ заключенію, что низкая заработная плата далеко не обезпечиваетъ еще большей выгодности производства.

Есть еще и другое возраженіе противъ высокихъ заработковъ; намъ говорятъ, что они повышаютъ соотвѣтственно цѣны на предметы первой необходимости, ссылаясь при этомъ на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ. Но ни статистика, ни личный опытъ жившихъ тамъ не подтверждаетъ этого мнѣнія. Относительно Австраліи оно также совершенно невѣрно. Если мы возьмемъ колонію съ самыми высокими заработками, Новую Зеландію, то увидимъ, что цѣны на предметы первой необходимости тамъ, и вообще невысокія, сильно понизились за послѣдніе двадцать лѣтъ. Такъ цѣна фунта хлѣба упала съ 20 сант. (1878 г.) до 12½ сант. (1899 г.). Мясо понизилось за это время съ 55 до 20 сант., сахаръ — съ 50 до 27½ сант., чай съ 3 фр. 40 сант. до 2 фр. 35 сант., сыръ—съ 1 фр. до 55 сант. и т. д.

Въ другихъ колоніяхъ цѣны на предметы первой необходимости и еще ниже. Особенно обращаетъ на себя вниманіе дешевизна мяса. Въ деревняхъ странствующимъ рабочимъ, являющимся просить ночлега, даютъ даромъ часто полъ-барана; а въ самыхъ дорогихъ австралійскихъ центрахъ, какъ въ Мельбурнѣ и Сиднеѣ, можно получить въ рабочихъ ресторанахъ обѣдъ, состоящій изъ мясного блюда съ овощами, сладкаго блюда и чая, за 60 сант. (20 к.), и обѣдъ этотъ очень хорошій и сытный. Вслѣдствіе дешевизны жизни, гораздо меньшій процентъ заработка уходитъ у рабочихъ на пищу. Онъ составляетъ 34,4% въ Австраліи, въ то время, какъ въ Англіи поднимается до 42,2%, а во Франціи до 44%. Между тѣмъ, ежегодный расходъ на жителя въ Австраліи выше, чѣмъ въ этихъ странахъ, около 33 ф. ст. въ то время, какъ въ Англіи онъ—29 ф., а во Франціи—23 ф.,—онъ выше даже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ онъ составляетъ 32 ф. ст. Австраліецъ потребляетъ мяса больше, чѣмъ человѣкъ какой-либо иной національности,— 254 англ. фунта въ годъ на жителя, въ то время, какъ въ Великобританіи приходится 109 ф. на жителя, а во Франціи—77 ф.; то же замѣчается и относительно сахара (95 ф. въ то время, какъ въ Великобританіи его приходится 75 ф., а во Франціи 20 ф.), а послѣ Голландіи, Соединенныхъ Штатовъ, Скандинавскаго полуострова и Бельгіи всего болѣе чаю и кофе. Кофе не въ большомъ ходу въ Австраліи,—ихъ національнымъ напиткомъ является чай. Что касается до спиртныхъ напитковъ, то австралійцы употребляютъ ихъ меньше, чѣмъ другіе народы *).

Что касается цѣнъ на платье, на предметы роскоши,—вообще на всѣ предметы, требующіе квалифицированнаго труда, то они выше, чѣмъ въ Европѣ; дороже также въ Австраліи и прислуга. Это то же явленіе, которое замѣчается и въ Соединенныхъ Штатахъ и на основаніи котораго поверхностный наблюдатель заключаетъ, что жить тамъ дороже, не провѣривъ своего наблюденія на цѣнности предметовъ первой необходимости.

Вообще австралійскій рабочій живетъ широко, также какъ англійскій или американскій, онъ мало обращаетъ вниманія на стоимость предмета, который можетъ доставить удовольствіе ему или его семьѣ, поэтому то и расходы на жителя тутъ выше, чѣмъ гдѣ-либо. Тамъ рабочій не откажетъ сѣбѣ въ интересующихъ его книгахъ и журналахъ, во всемъ, что можетъ способствовать его большему развитію; поэтому онъ тамъ болѣе сознателенъ, болѣе стоитъ за организацію, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ долженъ быть по необходимости строго бережливымъ.

---

*) Всѣ эти цифры заимствованы изъ «Dictionary of Statistics» Мюлльгаля и изъ работъ извѣстнаго австралійскаго статистика Колана.

Равнымъ образомъ, и то возраженіе, что излишняя опека государства сдѣлаетъ рабочаго непредусмотрительнымъ, заставитъ полагаться черезчуръ на эту опеку, не подтверждается примѣромъ Австраліи; наоборотъ, мы видимъ, что вклады въ сберегательныя кассы, въ общества взаимопомощи все возрастаютъ тамъ, а цифры рожденій уменьшаются. Такъ, мы видимъ, что за послѣдніе 9 лѣтъ, съ 1890 по 1899 годъ, они упали во всѣхъ австралійскихъ колоніяхъ на 10 – 8%, а въ Новой Зеланіи на 4 съ лишнимъ процента (съ 29,44 до 25,12 на 1.000 жизней). Это явленіе опять-таки обще Австраліи со многими изъ американскихъ штатовъ, гдѣ процентъ рождаемости опустился тоже ниже 30 на 1.000,—только въ Австраліи паденіе это еще замѣтнѣе. И это тѣмъ значительнѣе, что цифра браковъ все возрастаетъ; женщины вступаютъ въ бракъ въ болѣе позднемъ возрастѣ, что такъ естественно въ странѣ, гдѣ они могутъ просуществовать всегда на самостоятельный заработокъ. Въ Новой Зеландіи теперь одна мать приходится на четыре замужнихъ женщины; въ 1878 году одна приходилось на три. Вообще на примѣрѣ Новой Зеландіи, Австраліи и болѣе давнишнихъ Соединенныхъ Штатовъ приходится заключить, что рождаемость уменьшается въ странахъ съ болѣе равномѣрно распространеннымъ благосостояніемъ.

Такое развитіе благосостоянія сопровождается также и общимъ прогрессомъ, и если прогрессъ рабочаго класса состоитъ въ томъ, чтобы подняться на уровень буржуазіи, то австралійскій рабочій поднялся уже до него. Онъ считается тамъ среди такъ называемой приличной публики — *respectable people*, онъ держится какъ джентльменъ, что такъ важно повсюду въ жизни, а въ странахъ съ англійскимъ нарѣчіемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Онъ одѣвается и ведетъ себя, какъ человѣкъ изъ хорошаго общества; на собраніе онъ придетъ въ чистой сорочкѣ, свѣже-выбритый, будетъ говорить лишь въ очередь и уважать авторитетъ президента; отправляясь делегатомъ въ парламентъ, онъ возьметъ себѣ мѣсто въ спальномъ вагонѣ, помѣстится въ самой приличной гостинницѣ, и его избиратели одобрятъ всѣ расходы, обезпечивающіе ихъ представителю лучшее поддержаніе своего достоинства. Однимъ словомъ, внѣшнее различіе между рабочимъ и буржуа, за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ работы, сглаживается все болѣе и болѣе.

Вмѣстѣ съ манерами австралійскій рабочій заимствуетъ и мнѣнія средняго англійскаго общества почти по всѣмъ пунктамъ, за исключеніемъ *factory acts* и всеобщаго избирательнаго права. Хотя онъ не хотѣлъ бы, чтобы рѣшенія его парламента шли на высочайшее утвержденіе, но онъ относится очень почтительно къ монарху и его семьѣ; на собраніяхъ трэдъ-юніоновъ первый тостъ поднимается за здоровье короля или королевы и одинъ англійскій соціалистъ сильно уронилъ себя въ ихъ глазахъ, сказавъ, что онъ уважаетъ королеву, какъ женщину, но не видитъ, чѣмъ обязаны ей рабочіе. Съ большимъ уваженіемъ относятся они также къ религіи и всѣмъ ея обрядамъ: они читаютъ молитвы прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, ходятъ по праздникамъ въ церковь и строго чтятъ воскресный отдыхъ; они не потерпѣли бы сомнѣнія въ догматахъ христіанской церкви и, какъ истые пуритане, не дозволяютъ въ разговорахъ никакихъ вольностей.

Развлеченія свои австралійцы заимствовали также у англійской буржуазіи. Это—крокетъ, мячъ, вообще спортъ разнаго рода. Надо видѣть матчъ крокета въ Мельбурнѣ, чтобы понять, съ какой страстью относятся австралійцы къ этой народной игрѣ; лучшіе игроки ихъ ѣздятъ ежегодно бороться съ англійскими крокетистами и огромныя толпы народа ожидаютъ у дверей редакцій опубликованія результатовъ этой борьбы. Охотно также посѣщаются скачки: поѣзда бываютъ переполнены, хотя число ихъ удваивается обыкновенно въэти дни; среди публики бываетъ много рабочихъ, которые любятъ держать пари и имѣютъ

карманныя деньги на это. Вообще они держатся очень самостоятельно, и члены нѣкоторыхъ синдикатовъ были, видимо, скандализированы, когда я разсказалъ, что муниципалитеты въ Марселѣ и Лиллѣ посылаютъ иногда даромъ рабочихъ въ театръ.

Многіе изъ австралійскихъ рабочихъ горячіе приверженцы обществъ трезвости и хотѣли бы запретить совершенно производство и продажу спиртныхъ напитковъ; особенно замѣчается это въ Новой Зеландіи, гдѣ винодѣліемъ не занимаются; въ тѣхъ же колоніяхъ, гдѣ вино производится, отношеніе къ спиртнымъ напиткамъ менѣе строгое.

Почти всѣ австралійцы—горячіе приверженцы расширенія Великобританіи, колоніальнаго захвата. Для подтвержденія этого я приведу слѣдующій характерный фактъ: въ Мельбурнѣ передъ зданіемъ парламента возвышаются двѣ статуи, одна посвящена Гордону, другая знаменуетъ собою достиженіе восьмичасоваго рабочаго дня. Мнѣ говорили, что первая имѣетъ главной цѣлью протестъ противъ Гладстона, который слишкомъ медлилъ придти на помощь Хартуму. Этотъ представитель мирной политики, программа котораго: «*Reace*, *Retrenchement*, *Reform*», создана, казалось бы, нарочно для демократическихъ, слабо вооруженныхъ колоній, совсѣмъ не популяренъ у антиподовъ, симпатизирующихъ больше политикѣ завоеваній. Правда, нѣкоторыя рабочія группы протестовали недавно противъ политики завоеваній, но и то, главнымъ образомъ, потому, что финансисты, сторонники ея, являлись въ то же время главными эксплуататорами негровъ,—*block labour*, непріятныхъ для нихъ конкурентовъ; да и тутъ манифестаціи были недружны и довольно вялы. Вообще я не замѣтилъ, чтобы среди австралійскихъ рабочихъ стремленія къ всеобщему миру были такъ распространены и прогрессировали бы такъ сильно, какъ въ Европѣ.

Идея международной солидарности рабочихъ развита среди австралійцевъ также слабѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ; они слишкомъ удалены отъ другихъ народовъ, исключая англичанъ, отъ которыхъ они получаютъ исключительно книги, депеши, свѣдѣнія, они связаны съ англичанами прочнѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было, и понятно, что всѣ ихъ взгляды и идеалы формируются также на манеръ англійскихъ; даже тѣ изъ нихъ, которые принуждены были уѣхать изъ Англіи, чтобы искать счастья въ новой странѣ, не возстаютъ противъ общества, выбросившаго ихъ за бортъ, а стараются возстановить его приблизительно въ прежнихъ формахъ на своей новой родинѣ.

Итакъ, мы находимъ у антиподовъ то же англійское общество, но съ двумя крупными нововведеніями: рабочими законами и демократическими учрежденіями, дающими людямъ привычку къ независимости и чувство равенства. Можно ожидать, что австралійцы создадутъ въ этихъ новыхъ рамкахъ новыя общественныя и этическія формы,—мы имѣемъ всѣ основанія ожидать этого потому, что они сумѣли улучшить такъ быстро матеріальныя формы своего существованія, а матеріальный прогрессъ вездѣ и всегда сильно предшествуетъ интеллектуальному.

Общій взглядъ на новое столѣтіе.

Генриха Фогеля.

Переводъ съ нѣм. Эл.

Развитіе культуры искони находилось въ тѣсной связи съ воздѣлываніемъ нѣкоторыхъ полезныхъ растеній и прежде всего злаковъ съ мучнистыми пло-

дами (Cerealicae). Египетъ, Китай, а позже — земледѣльческія страны Европы свидѣтельствуютъ объ этомъ. Съ усовершенствованіемъ возникшей впослѣдствіи индустріи и международныхъ сношеній преобладающее значеніе земледѣльческихъ странъ отступило на задній планъ. Развитіе культуры постепенно становилось въ зависимость отъ другихъ факторовъ, въ особенности отъ наличности въ странѣ угля и желѣза. Именно благодаря своимъ минеральнымъ богатствамъ, Англія такъ опередила въ промышленномъ и торговомъ отношеніи континентальныя страны и достигла впослѣдствіи господствующаго положенія на морѣ.

То же самое можно сказать и про континентальныя страны: тѣ изъ нихъ, которыя владѣли значительными минеральными богатствами, въ культурномъ и политическомъ отношеніи всегда стояли выше другихъ, болѣе бѣдныхъ странъ. И во всѣхъ передовыхъ странахъ индустрія всегда преобладала надъ сельскимъ хозяйствомъ. Англія, напримѣръ, лишь въ незначительной степени можетъ культивировать полезныя растенія въ предѣлахъ своей территоріи и разводить домашнихъ животныхъ на убой, такъ что для удовлетворенія потребностей населенія въ мясѣ и хлѣбѣ она нуждается въ ввозѣ ихъ изъ-за границы. И, однако, этотъ недостатокъ въ сельскохозяйственныхъ продуктахъ сторицею покрывается сильно развитою промышленностью. Точно также и другія промышленныя страны, въ которыхъ не хватаетъ собственнаго хлѣба и убойнаго скота, восполняютъ недостатокъ въ этихъ продуктахъ ввозомъ изъ странъ съ большею земледѣльческою производительностью. Но въ тѣхъ странахъ, которыя въ настоящее время еще вывозятъ свой хлѣбъ за границу, въ недалекомъ будущемъ экспортъ долженъ будетъ сократиться. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки вывозъ хлѣба уменьшится, какъ можно ожидать, въ самомъ непродолжительномъ времени, ибо тамъ параллельно съ ростомъ народонаселенія увеличивается также въ значительной степени «внутреннее потребленіе» (т.-е. потребленіе въ самой странѣ), и въ то же время развивающаяся индустрія ограничиваетъ тамъ количество земли, которое могло бы быть употреблено подъ пашню. И несомнѣнно, недалеко то время, когда большая часть производимыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ продуктовъ—хлѣба и мяса—сдѣлается предметомъ собственнаго потребленія. Того же самаго слѣдуетъ ожидать и въ Россіи, хотя это случится, можетъ быть, нѣсколько позже. Правда, въ настоящее время въ сельскохозяйственной культурѣ находитъ себѣ широкое примѣненіе искусственное удобреніе (именно въ видѣ азотистыхъ и кали и фосфоръ содержащихъ соединеній), благодаря которому жатва дѣлается богаче и обильнѣе. Но несмотря на это, производительность хлѣба даже съ помощью удобренія не на столько возрастаетъ, чтобы удовлетворять въ промышленныхъ странахъ потребности населенія, которое увеличивается въ гораздо большей пропорціи. Да къ тому же запасы гуано и чилійской селитры, которыми въ настоящее время преимущественно пользуются для удобренія полей, могутъ быть исчерпаны въ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ. Тогда придется подумать о другихъ средствахъ пропитанія. Можно было бы, между прочимъ, попытать улучшить культуру бобовыхъ растеній, поглощающихъ азотъ прямо изъ воздуха, и тѣмъ самымъ восполнить недостатокъ азотъ содержащихъ питательныхъ веществъ, вмѣсто того, чтобы приготовлять изъ картофеля водку. А о всеобщемъ питаніи химическими препаратами (въ родѣ искусственнаго бѣлка, о которомъ такъ много говорили) въ настоящее время нечего, понятно, и думать; скорѣе же, можетъ быть, удастся превратить целлюлезу въ вещество, ассимилируемое (усвояемое) человѣческимъ организмомъ.

Въ то время, какъ въ наступающемъ столѣтіи промышленности европейскихъ государствъ предстоятъ затрудненія относительно обезпеченія населенія питательными веществами,—быстрое истощеніе имѣющихся въ наличности запасовъ

угля въ рудникахъ угрожаетъ, въ свою очередь, самой индустріи. 20 лѣтъ тому назадъ знатоки дѣла полагали, что существующихъ залежей угля хватитъ еще на 500—1.000 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ мнѣніе относительно этого существенно измѣнилось. Цюрихскій технологъ профессоръ George Lunge, вполнѣ компетентный въ области фабрикаціи соды и амміака, держалъ, по приглашенію Ливерпульской секціи «Society of chemical industry», 4-го октября 1899 года рѣчь, въ которой онъ изложилъ свои взгляды на ожидаемыя въ двадцатомъ столѣтіи измѣненія въ развитіи индустріи вообще и химической въ особенности. Такъ какъ выводы Lunge представляютъ общій интересъ, то мы считаемъ нужнымъ принять ихъ во вниманіе при дальнѣйшемъ изложеніи. Во введеніи къ своему докладу Lunge подчеркиваетъ ту мысль, что сравнительно близкое истощеніе англійскихъ каменноугольныхъ залежей не голое предположеніе, а фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться. Въ этомъ случаѣ Lunge стоитъ на точкѣ зрѣнія Mr. I. A. Longden'a, предсѣдателя ферейна британскихъ горныхъ инженеровъ, который на генеральномъ собраніи этого общества также высказался, что въ нѣкоторыхъ англійскихъ рудникахъ лучшіе сорта угля уже теперь использованы. А о томъ, чтобы распространить эксплуатацію до большихъ глубинъ, какъ это вѣроятно находятъ возможнымъ несвѣдующіе люди,—не можетъ быть и рѣчи. Ибо разработка большинства англійскихъ копей уже достигла песчаника, который представляетъ, такъ сказать, дно каменноугольныхъ залежей. Притомъ же въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ эксплуатація угля въ Англіи поднялась до 120—150 милліоновъ тоннъ. Если такъ будетъ продолжаться и дальше, то эксплуатація достигнетъ 1.925.280 милліоновъ тоннъ. Одинъ изъ богатѣйшихъ обладателей каменноугольныхъ англійскихъ рудниковъ высчиталъ, что, если потребленіе останется неизмѣннымъ въ теченіе 50 лѣтъ, въ Middlesborough перестанутъ функціонировать всѣ доменныя печи, а послѣ того, какъ большая фирма въ Cleveland'ѣ превратилась въ акціонерную компанію, можно съ увѣренностью утверждать, что ея минеральныя богатства будутъ исчерпаны въ 40 лѣтъ. Болѣе богатыя угольныя жилы по Mr. Longden'y будутъ, несомнѣнно, совсѣмъ использованы въ теченіе 40 лѣтъ, а эксплуатація болѣе бѣдныхъ будетъ стоить двойныхъ издержекъ. Эти соображенія приводятъ Longden'a къ тому заключенію, что черезъ 50 лѣтъ Англія въ отношеніи угля, желѣза и стали окажется въ зависимости отъ Соединенныхъ Штатовъ, и уже потому, что для ея флота необходимо топливо, она будетъ принуждена заключить союзъ съ Сѣверной Америкой.

Впрочемъ, эти выводы не такъ ужъ мрачны, какъ это рисуетъ Mr. Longden, такъ какъ, вѣдь, Англія можетъ покрывать потребность въ углѣ для флота изъ колоніальныхъ владѣній Канады, Австраліи, Новой Зеландіи, Борнео, Бирмы и Цейлона; однако же его вычисленія, касающіяся другихъ сторонъ вопроса, остаются совершенно вѣрными. Lunge также думаетъ, что *тѣ преимущества Англіи и другихъ передовыхъ странъ, которыми онѣ обязаны своимъ каменноугольнымъ богатствамъ, есть лишь вопросъ сравнительно короткаго времени*. Это и понятно. Вѣдь уже недалеко то время, когда у Франціи истощатся запасы ея угля, и Бельгія использует свои мощные угольные флецы въ Котловинахъ Lüttich'a, Namur'a, и Hennegau, какъ это доказываетъ Raphael Georg Levy въ «Revue des deux mondes». То же самое можно сказать и про большинство нѣмецкихъ копей. Только Россія располагаетъ большею частью нетронутыми еще залежами угля на ряду съ богатыми запасами нефти. Соединеннымъ Штатамъ тоже надолго хватитъ ихъ угля, а съ другой стороны въ Китаѣ хранятся большіе запасы этого вещества. Но издержки транспорта дѣлаютъ слишкомъ дорогимъ этотъ уголь для тѣхъ отраслей промышленности, которыя требуютъ большаго количества топлива, особенно для металлургической и химической.

Итакъ, государства, которыя раньше, благодаря богатству угля, играли первенствующую роль, должны теперь отступить на задній планъ. Этотъ процессъ долженъ ускориться еще вслѣдствіе другихъ факторовъ (кромѣ вышеприведенныхъ) и прежде всего, благодаря необыкновенно быстро распространяющейся въ настоящее время эксплоатаціи силъ воды съ помощью электричества. Раньше громадной силой водопадовъ пользовались лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ; только послѣ того какъ на электрической выставкѣ во Франкфуртѣ въ 1891 г., было доказано, что электрическая энергія посредствомъ сильныхъ токовъ можетъ быть отведена и эксплуатируема далеко отъ того мѣста, гдѣ она была произведена, только послѣ этого энергія водопадовъ и сила горныхъ потоковъ пріобрѣла для индустріи совершенно новое значеніе. Въ то время, какъ единица *) силы пара, по вычисленіямъ Lunge, стоитъ въ годъ отъ 220—240 марокъ, сила воды при благопріятныхъ обстоятельствахъ обходится на мѣстѣ производства немного больше 20 марокъ, сумма, которая при большихъ разстояніяхъ увеличивается вслѣдствіе издержекъ проведенія электричества; но при разстояніи 60 миль такое производство приноситъ все еще очень хорошій доходъ. По имѣющимся за 1899 г. даннымъ для химической и металлургической промышленности было примѣнено свыше 100.000 произведенныхъ водою лошадиныхъ силъ; а именно въ химической индустріи при фабрикаціи щелочей, перекиси марганца и красокъ, а въ металлургіи при добываніи аллюминія, никкеля, мѣди и золота. Измѣненіямъ въ этихъ производствахъ много способствуетъ также вытѣсненіе свинцовыхъ камеръ при фабрикаціи сѣрной кислоты и замѣна ихъ каталитическими пріемами. Будущія изобрѣтенія и открытія, во всякомъ случаѣ, дадутъ возможность пересылать электрическую энергію помимо проволокъ еще въ формѣ какого-нибудь «собирателя силъ»; и такую форму уже въ настоящее время представляетъ углеродистый кальцій (C_2 Ca). Это открываетъ широкія надежды для тѣхъ странъ, въ которыхъ или вовсе нѣтъ залежей угля или же только ничтожное количество ихъ, но которыя за то владѣютъ безграничными богатствами силъ воды, какъ напр., Швейцарія, Норвегія, Тироль, Италія и Баварія. Въ остальной Германіи, также какъ и въ Великобританіи, имѣется только немного даровыхъ силъ воды. Въ Германіи электротехника доведена до высокой степени совершенства: она служитъ тамъ цѣлямъ сообщенія (напр., при электрическихъ конкахъ), и освѣщенія, а кромѣ того примѣняется въ широкихъ размѣрахъ и въ промышленности, напр. въ пивовареніи, въ кожевенномъ дѣлѣ, въ текстильной индустріи и т. д., но источникомъ силы для нея здѣсь служитъ почти исключительно уголь. Соединенные Штаты Сѣверной Америки, напротивъ того, богаты какъ угольными залежами, такъ и силами падающихъ водъ. Одинъ только Ніагарскій водопадъ доставляетъ уже въ настоящее время количество силы, равняющееся нѣсколькимъ сотнямъ тысячъ лошадиныхъ силъ. На ряду съ Соединенными Штатами стоитъ Россія съ ея 130 милліоннымъ населеніемъ и обширными еще недостаточно изслѣдованными природными богатствами,— факторъ, значеніе котораго для міровой индустріи возрастаетъ все болѣе и болѣе. Англійскіе, бельгійскіе и нѣмецкіе капиталисты легко приспособятся къ предстоящему въ новомъ столѣтіи довольно существенному измѣненію въ промышленности. Вѣдь уже въ настоящее время они вкладываютъ излишекъ своего капитала въ предпріятія за границей, и именно въ Россіи. Для большой массы населенія это приспособленіе совершится не такъ легко.

---

*) За единицу силы въ механикѣ принимаютъ лошадиную силу, исполняющую работу въ 75 kdm. въ одну секунду.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О цвѣтной фотографіи.

I.

Начало фотографіи относится къ концу тридцатыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтія. Открытіе Дагерра и Ньепса—дагерротипія, первый по времени способъ запечатлѣнія изображеній, получаемыхъ въ камерѣ-обскурѣ—встрѣчено было какъ людьми науки, такъ и широкой публикой съ рѣдкимъ, небывалымъ въ исторіи наукъ энтузіазмомъ. Араго и Гэ-Люссакъ въ восторженныхъ словахъ славятъ «новое искусство» и пророчатъ ему блестящую будущность въ примѣненіи къ наукѣ. Художники, во главѣ съ Полемъ Деларошемъ, восторгаются «точностью формъ, силою и правильностью рисунка». Оптики едва успѣваютъ готовить дагерротипные приборы—таковъ спросъ на нихъ; каррикатуристы въ забавныхъ рисункахъ осмѣиваютъ добровольныхъ мучениковъ новаго искусства; однимъ словомъ, фотографія изъ лабораторіи вышла въ жизнь и увлеченіе ею было общее, необыкновенное. Скоро, однако, привыкли къ новому искусству, оно сдѣлалось неотъемлемою принадлежностью жизни и лишь медленно и незамѣтно для широкой публики шелъ дальнѣйшій прогрессъ его. Въ настоящее время, благодаря изобрѣтенію изумительныхъ по чувствительности своей сухихъ броможелатиновыхъ фотографическихъ пластинокъ и благодаря чрезвычайному упрощенію всѣхъ связанныхъ съ фотографіей манипуляцій, фотографія сдѣлалась достояніемъ буквально всѣхъ. Она отвѣтила на художественные инстинкты и стремленія толпы и явилась дешевымъ суррогатомъ искусства.

Все же, даже при настоящемъ высокомъ развитіи фотографической техники, результаты фотографіи насъ не удовлетворяютъ—имъ недостаетъ красокъ, того безконечнаго разнообразія цвѣтовъ и оттѣнковъ, которое плѣняетъ нашъ глазъ въ самомъ простомъ, самомъ монотонномъ ландшафтѣ. Ни геометрически правильная передача перспективы, ни абсолютно точный рисунокъ не могутъ искупить этого недостатка фотографіи; чувствительная пластинка передаетъ весь внѣшній міръ такимъ, какимъ онъ кажется тѣмъ несчастнымъ, страдающимъ дальтонизмомъ *), для которыхъ нѣтъ міра цвѣтовъ и которые все видятъ въ однотонныхъ сѣрыхъ оттѣнкахъ. Неудивительно, что съ первыхъ же шаговъ фотографіи усилія многихъ были направлены на то, чтобы найти способъ фотографіи, передающій и цвѣта снимаемыхъ предметовъ. Возникающая такимъ образомъ задача «*цвѣтной фотографіи*» представляетъ однако своеобразную трудность: требуется, вѣдь, создать систему фотографіи, которая передавала бы безконечное разнообразіе цвѣтовъ *такъ, какъ его воспринимаетъ и чув-*

*) Дальтонизмъ—цвѣтная слѣпота—названъ по имени англійскаго химика Дальтона, страдавшаго цвѣтной слѣпотой и подробно описавшаго эту болѣзнь.

ствуетъ человѣкъ. Дѣйствительно, для физической науки цвѣтовъ не существуетъ, и то, что мы называемъ цвѣтами, обусловлено лишь различіями въ частотѣ колебаній эфирныхъ волнъ, которыя, ударяя въ нашъ глазъ, производятъ впечатлѣніе свѣта. То, что мы называемъ краснымъ свѣтомъ, для физики есть рядъ такихъ, волнъ въ эфирѣ что каждая эфирная частица совершаетъ въ секуну около 497.000.000 милліоновъ колебаній; зеленый свѣтъ для нея— тотъ же рядъ эфирныхъ волнъ, но съ частотой колебанія въ 529.000.000 милліоновъ; фіолетовому соотвѣтствуетъ еще большее число колебаній — около 728.000.000 милліоновъ. Восприятіе же этихъ разнородныхъ волнъ въ видѣ цвѣтовъ есть явленіе чисто субъективное, явленіе внутри человѣка; это тотъ языкъ, на который нервныя окончанія въ сѣтчатой оболочкѣ глаза переводятъ получаемые ими извнѣ разнородные свѣтовые стимулы, для того чтобы они сознаніемъ человѣка восприминались, какъ разнородные. Разсмотрѣніе явленія восприятія цвѣтовъ не входитъ даже въ рамки точной науки—физики,—это область другой науки—физіологіи органовъ чувствъ, которая до сихъ поръ еще почти безплодно пытается разобраться въ хаосѣ отдѣльныхъ наблюденій, относящихся къ зрѣнію цвѣтовъ, наблюденій, окрашенныхъ къ тому же той рѣзкой субъективностью, которою отличается почти все, основанное исключительно на не поддающемся измѣренію чувствованіи человѣка. Такимъ образомъ цвѣта, воспринимаемые глазомъ, не представляютъ какого-нибудь свойства свѣта, и если бы даже удалось создать такую систему фотографіи, чтобы эфирныя волны различной частоты колебаніи (для глаза—различнаго цвѣта) оставляли на фотографическомъ изображеніи слѣды, различные по физическимъ своимъ свойствамъ, то этого не было бы еще всегда достаточно, для того, чтобы глазъ видѣлъ на фотографическомъ изображеніи цвѣта и въ особенности правильную передачу ихъ. Мы обыкновенно разсматриваемъ фотографіи либо въ отраженномъ свѣтѣ (обыкновенные отпечатки на бумагѣ), либо въ пропущенномъ свѣтѣ (прозрачныя фотографіи на стеклѣ—діапозитивы). Для того, чтобы возможна была фотографія въ цвѣтахъ необходимо, слѣдовательно, еще, чтобы физическія различія слѣдовъ, оставленныхъ на изображеніи волнами различной частоты, были таковы, чтобы мѣста изображенія, подвергшіяся дѣйствію, напр., краснаго свѣта, способны были отражать или пропускать только красный свѣтъ.

Мы видимъ изъ вышесказаннаго, какъ трудна задача цвѣтной фотографіи. Несмотря на эти трудности, мы имѣемъ уже въ настоящее время довольно удачныя попытки рѣшенія ея, существуютъ даже два способа, могущихъ болѣе или менѣе удачно передавать цвѣта изображаемыхъ предметовъ. Результаты, получаемые по этимъ способамъ, еще не вполнѣ удовлетворительны; но не должно забывать, что мы имѣемъ въ настоящее время дѣло лишь съ первыми страницами будущей исторіи цвѣтной фотографіи, и что содержаніе этихъ первыхъ страницъ уже столь многообѣщающе, что даетъ полное право надѣяться въ будущемъ на всестороннее рѣшеніе этой трудной задачи.

Какимъ же образомъ эта задача можетъ быть рѣшена? Первый, наиболѣе естественный путь ея былъ намѣченъ еще Франсуа Араго (7-го января 1839г.) въ докладѣ его Парижской академіи наукъ объ изобрѣтеніи Дагерра. «Невольно возникаетъ вопросъ,—говоритъ Араго,—не удается ли когда-либо съ помощью дагерротипіи передать и цвѣта, не удастся ли получать настоящія картины, вмѣсто тѣхъ гравюрныхъ изображеній, которыя даетъ теперь фотографія? Эта задача будетъ разрѣшена въ тотъ день, когда откроютъ вещество, обладающее такими свойствами, что подъ вліяніемъ красныхъ лучей оно окрасится въ красный цвѣтъ, подъ вліяніемъ желтыхъ въ желтый, подъ вліяніемъ синихъ въ синій и т. д.». Далѣе знаменитый академикъ указываетъ на нѣкоторыя наблюденія Зеебека, Гершеля и другихъ, въ которыхъ замѣчалась слабая передача цвѣтовъ, и заключаетъ: «въ присутствіи этихъ фактовъ несомнѣнно было - бы

слишкомъ смѣлымъ утвержденіе, что естественные цвѣта предметовъ никогда не будутъ переданы съ помощью фотографіи».

Интересно то, что путь, намѣченный Араго, и былъ первый, по которому удалось получить передачу цвѣтовъ при помощи фотографіи. Еще за долго до открытія дагерротипіи въ 1810 г. Іоганъ Зеебекъ, профессоръ физики въ Іенѣ, одинъ изъ выдающихся германскихъ физиковъ того времени, произвелъ слѣдующій опытъ. На бумагу, смазанную влажнымъ хлористымъ серебромъ, Зеебекъ бросилъ солнечный спектръ и съ удивленіемъ замѣтилъ, что свѣточувствительная бумага неодинаково измѣнилась въ мѣстахъ, подвергавшихся дѣйствію различныхъ цвѣтовъ. Въ фіолетовой части спектра бумага сдѣлалась коричневатой, въ синей части пріобрѣла яркую синюю краску, въ красной части бумага сдѣлалась замѣтно розовой. Цвѣта эти сохранялись долгое время, если бумага не подвергатась дальнѣйшему дѣйствію солнечныхъ лучей; подъ вліяніемъ же дневного свѣта цвѣта скоро блекли и бумага пріобрѣтала однообразный грязно-коричневый оттѣнокъ. Свое интересное наблюденіе Зеебекъ тотчасъ сообщилъ Гете, который собиралъ тогда матеріалы для своего «Ученія о цвѣтахъ». Въ этомъ сочиненіи Гете съ необыкновенною страстностью нападаетъ на ученіе Ньютона о происхожденіи цвѣтовъ при преломленіи свѣта; по мнѣнію Гёте, все ученіе Ньютона—сплетеніе лжи, цвѣта же происходятъ отъ дѣйствія на свѣтъ мутныхъ срединъ, сквозь которыя свѣтъ проникаетъ; въ скрытомъ видѣ это то же ученіе Аристотеля, по которому цвѣта образуются отъ смѣшенія «тьмы со свѣтомъ». Гёте обрадовался наблюденію ученаго Зеебека, которое, по мнѣнію Гёте, подтверждало его теорію, и обнародовалъ его впервые во второмъ томѣ своей «Исторіи ученія о цвѣтахъ». Сочиненіе Гете, глубоко несправедливое и пристрастное, не прибавило ничего къ славѣ «великаго парнассца»; ученіе Гете о цвѣтахъ забыли и вмѣстѣ съ нимъ и интересное наблюденіе Зеебека. Только 30 лѣтъ спустя, въ 1841 г. Джонъ Гершель, знаменитый физикъ и астрономъ, сынъ не менѣе знаменитаго астронома Вильяма Гершеля, снова открылъ замѣчательное свойство хлористаго серебра передавать цвѣта. Онъ старательно изслѣдовалъ его, нашелъ, что и нѣкоторыя другія соли серебра обладаютъ тѣмъ же свойствомъ. Въ 1848 г. Эдмондъ Беккерель, неутомимый и кропотливый изслѣдователь, посвящаетъ себя этому вопросу и достигаетъ скоро замѣчательныхъ результатовъ; но такъ какъ способы Беккереля имѣютъ только внѣшнее сходство съ методомъ Зеебека и причина появленія цвѣтовъ въ снимкахъ Беккереля совершенно иная, то мы оставимъ пока работы этого ученаго и перейдемъ къ Пуатевену. Въ 1865 г. Пуатевенъ представляетъ на судъ Парижской академіи наукъ свои снимки, поразившіе всѣхъ правдивостью передачи цвѣтовъ, и детально описываетъ свой методъ. Довольно сложнымъ путемъ Пуатевенъ покрываетъ бумагу опять-таки хлористымъ соединеніемъ серебра; выставляя ее на свѣтъ подъ цвѣтными картинами, рисованными прозрачными красками на стеклѣ, онъ получаетъ на бумагѣ почти безукоризненную передачу оригинала. Особенно заинтересовывается способомъ Пуатевена берлинскій физикъ Вильгельмъ Ценкеръ, который совершенствуетъ его и подробно излагаетъ въ своемъ «Lehrbuch der Photochromie», вышедшемъ въ 1868 году *). Въ этой интересной книгѣ, трактующей подробно и о предшествующей Пуатевену исторіи цвѣтной фотографіи (фотохроміи), Ценкеръ даетъ и теорію цвѣтной фотографіи, теорію, которая удивительно точно оправдалась дальнѣйшими изслѣдованіями и принесла богатѣйшіе плоды въ видѣ открытія Липманомъ новаго способа цвѣтной фотографіи (см. ниже). Къ книгѣ былъ приложенъ и образецъ фотохроміи по способу Пуатевена-Ценкера—именно букетъ цвѣтовъ, о богатствѣ

---

*) Второе изданіе этой любопытной книги вышло послѣ смерти Ценкера въ 1900 г. подъ редакціей проф. Швальбе.

и блескѣ красокъ котораго много писали въ свое время. Теперь краски поблекли и еле выступаютъ на желтоватомъ фонѣ бумаги; отсюда видно, какъ не стойки эти краски даже при отсутствіи свѣта. Ценкеру столь же мало, какъ и Пуатевену удалось закрѣпить эти изображенія, сдѣлать ихъ неизмѣняемыми подъ вліяніемъ освѣщенія.

Такимъ образомъ, казалось бы, найдено было то вещество, о которомъ мечталъ Араго, вещество, которое подъ вліяніемъ краснаго свѣта становится краснымъ, подъ вліяніемъ синяго — синимъ и т. д. Достаточно отбросить на бумагу, покрытую такимъ веществомъ, изображеніе, даваемое фотографическимъ объективомъ, чтобы черезъ нѣкоторое время изображеніе запечатлѣлось на этомъ веществѣ со всѣми его цвѣтами и оттѣнками цвѣтовъ. Это цвѣточувствительное вещество—то неопредѣленное соединеніе хлора съ серебромъ, которое возникаетъ подъ вліяніемъ свѣта въ свѣточувствительномъ слоѣ Зеебека и Пуатевена, и которое американскій химикъ Кэри Ли назвалъ *фотохлоридомъ*. Что же происходитъ въ такомъ фотохлоридѣ подъ вліяніемъ освѣщенія и отчего онъ способенъ принимать цвѣтъ того освѣщенія, которое на него падаетъ? Этотъ вопросъ задалъ себѣ лейпцигскій профессоръ физики О. Винеръ и далъ на него въ 1895 г. остроумнѣйшій и убѣдительнѣйшій отвѣтъ. Вотъ какъ разсуждаетъ Винеръ: фотохлоридъ, какъ доказали опыты Ли, можетъ получаться всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ цвѣтовъ, и мы, искусственно добывая его, не можемъ даже напередъ предсказать, какого цвѣта онъ получится; это зависитъ, очевидно, отъ того молекулярнаго строенія, въ которомъ фотохлоридъ выдѣлится. Почему же подъ вліяніемъ краснаго освѣщенія получится именно красный фотохлоридъ? Современныя теоріи химіи учатъ насъ, что разъ нарушено равновѣсіе и это нарушеніе равновѣсія вызываетъ появленіе новаго вещества, то это вещество должно выдѣлиться вначалѣ во всѣхъ возможныхъ для него молекулярныхъ видахъ. Слѣдовательно, и при освѣщеніи краснымъ свѣтомъ, подъ вліяніемъ свѣтового стимула должны выдѣлиться фотохлориды всевозможныхъ цвѣтовъ. Это соображеніе заставляетъ насъ измѣнить постановку вопроса и спросить себя: отчего изъ всѣхъ выдѣленныхъ фотохлоридовъ сохраняется только красный? Въ чемъ состоитъ его преимущество по отношенію къ красному свѣту? Преимущество его то, — отвѣчаетъ Винеръ, — что красный фотохлоридъ отражаетъ красный свѣтъ, не поглощаетъ его. Фотохлориды всѣхъ другихъ цвѣтовъ, выдѣлившіеся совмѣстно съ краснымъ, поглощаютъ красные лучи, поглощаютъ въ себѣ энергію падающихъ на нихъ эфирныхъ волнъ. Но фотохлориды представляютъ свѣточувствительныя вещества, которыя разлагаются на составныя части при поглощеніи свѣтовой энергіи; отсюда слѣдуетъ, что всѣ фотохлориды, кромѣ краснаго, будутъ разлагаться подъ вліяніемъ падающаго на нихъ краснаго цвѣта и сдѣлаются въ концѣ концовъ бѣлыми—безцвѣтными; красный же фотохлоридъ выживетъ, не поглощая свѣтовой энергіи краснаго свѣта, онъ будетъ продолжать существовать, не разлагаясь. Въ синемъ свѣтѣ, отражаемомъ только синимъ фотохлоридомъ, выживетъ только этотъ послѣдній, въ желтомъ—желтый, въ зеленомъ — зеленый. Это объясняетъ намъ возможность существованія *цвѣто*чувствительнаго вещества въ немъ какъ въ борьбѣ за существованіе, выживаютъ лишь тѣ молекулярные индивидуумы, которые приспособились къ существованію въ окружающихъ свѣтовыхъ условіяхъ.

Краски такого цвѣточувствительнаго вещества Винеръ удачно называетъ «*приспособляющимися красками*». Подобно тому, какъ въ органическомъ мірѣ ученіе Дарвина знакомитъ насъ съ біологическимъ приспособленіемъ, основаннымъ на естественномъ подборѣ, точно также теорія Винера рисуетъ намъ картину чисто механическаго приспособленія міра молекулъ къ условіямъ окружающей среды. Невольно возникаетъ вопросъ: не встрѣчаются-ли подобные случаи механической приспособляемости окраски и въ животномъ царствѣ, столь

богатомъ цвѣтами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Винеръ нашелъ въ богатой зоологической литературѣ, посвященной возникновенію видовъ и въ частности окраскѣ различныхъ видовъ. Зоологамъ хорошо извѣстны многіе случаи подражательной окраски съ цѣлью самозащиты (мимикрія); но кромѣ этого явленія, имѣющаго лишь болѣе отдаленное отношеніе къ вопросу о приспособляющихся краскахъ, въ зоологической литературѣ оказались многіе интересные факты, стоящіе въ непосредственной связи съ указаннымъ вопросомъ. Такъ, по наблюденіямъ Вуда и Поультона, многія гусеницы (въ особенности гусеницы березовой пяденицы) обладаютъ свойствомъ принимать окраску тѣхъ предметовъ, среди которыхъ ихъ помѣстили. Моррису удалось воспитать при разноцвѣтномъ освѣщеніи гусеницъ Danais chrysippus бѣлаго, краснаго, оранжеваго, чернаго и синяго цвѣтовъ, между тѣмъ какъ въ природѣ онѣ бываютъ обыкновенно либо зеленыя, либо розовыя. Нужно предположить, что въ кожѣ этихъ гусеницъ находится цвѣточувствительное вещество, можетъ быть значительно болѣе совершенное въ отношеніи приспособленія къ цвѣтамъ, чѣмъ фотохлориды.

Итакъ, цвѣтоперемѣнныя, приспособляющіяся по окраскѣ къ цвѣту падающаго на нихъ свѣтового стимула, вещества существуютъ. Винеръ объяснилъ намъ, какъ нужно себѣ представлять дѣйствіе этихъ веществъ и рядомъ убѣдительныхъ и остроумныхъ опытовъ доказалъ, что въ методахъ Зеебека и Пуатевена мы имѣемъ дѣйствительно дѣло съ приспособляющимся къ цвѣту веществомъ. Винеръ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи и о томъ, какъ можно было бы усовершенствовать цвѣтную фотографію на приспособляющихся краскахъ, но заключаетъ неутѣшительными словами *): «Кажется, однако, что самый характеръ образованія этихъ красокъ принципіально исключаетъ возможность закрѣпить ихъ (сдѣлать ихъ неизмѣняемыми подъ вліяніемъ свѣта). Дѣйствительно, способность этихъ веществъ передавать цвѣта неразрывно связана съ способностью ихъ разлагаться подъ вліяніемъ свѣта».

II.

Невозможность фиксировать (закрѣпить) цвѣтныя изображенія, полученныя по методамъ Зеебека и Пуатевена, надолго пріостановила прогрессъ цвѣтной фотографіи. Всѣ, вдумывавшіеся въ эти задачи, ясно сознавали, что дальнѣйшій успѣхъ возможенъ только на основаніи примѣненія къ этому вопросу какого-либо новаго принципа. Такой принципъ и былъ указанъ въ 1891 г. Габріэлемъ Липпманномъ, профессоромъ физики въ Сорбоннѣ, въ Парижѣ, весьма извѣстнымъ въ наукѣ дѣятелемъ, составившимъ себѣ заслуженную славу остроумнѣйшего ученаго и экспериментатора. Принципъ метода Липпманна до того глубокъ и, если можно такъ выразиться, деликатенъ, что a priori трудно было бы себѣ представить, что этотъ остроумнѣйшій теоретическій вымыселъ осуществимъ на практикѣ; нужно было ту «дерзость экспериментатора», которую рекомендуетъ Фарадэй, чтобы рѣшиться испытать его.

Чтобы понять основы метода Липпмана, намъ нужно начать издалека. Всѣмъ извѣстны тѣ прекрасные радужные цвѣта, которые возникаютъ въ тонкихъ пленкахъ мыльныхъ пузырей, въ тонкихъ слояхъ масла, расплывшихся по водѣ, въ тончайшихъ стекляныхъ листочкахъ, выдутыхъ на паяльномъ столѣ. Мыльная вода, масло, стекло сами по себѣ вещества безцвѣтныя, неокрашенныя; слѣдовательно, цвѣта эти не принадлежатъ самимъ этимъ веществамъ, а возникаютъ въ нихъ только при опредѣленныхъ условіяхъ; опытъ показываетъ, что цвѣта возникаютъ лишь тогда, когда вещества эти являются въ видѣ тончайшихъ пленокъ или листочковъ, толщина которыхъ не болѣе нѣ-

*) «Wiedemann's Annalen der Physik» 1895 г., т. 55, стр. 225.

сколькихъ тысячныхъ долей миллиметра. Цвѣта эти и называютъ поэтому «*цвѣтами тонкихъ пластинокъ*». Отчего же они возникаютъ? Причина ихъ возникновенія указана была еще во второй половинѣ XVII столѣтія Гукомъ и Ньютономъ, но вполнѣ выяснена была лишь въ началѣ XIX столѣтія трудами геніальнаго Огюстена Френеля, создавшаго все современное ученіе о свѣтѣ. Мы уже упоминали, что, согласно этому ученію, свѣтовыя явленія вызываются распространеніемъ волнъ въ предполагаемой всепронизывающей средѣ—эфирѣ. Волны эти въ свободномъ эфирѣ распространяются съ огромною скоростью—около 300.000 километеровъ въ секунду; эфирныя частички въ волнѣ эфирной совершаютъ колебанія вокругъ своихъ положеній равновѣсія, колебанія столь частыя, что цифры, дающія число колебаній въ одну секунду, выражаются сотнями милліоновъ милліоновъ. Ввиду этой едва постижимой умомъ частоты колебаній, путь, проходимый волной въ теченіе одного полнаго колебанія эфирной частицы или «*длина волны*» колебанія весьма мала; эта длина волны всего

$^1/_{1650}$ миллиметра—для краснаго свѣта.
$^1/_{2000}$ » » желтаго »
$^1/_{2500}$ » » фіолетоваго свѣта.

Предположимъ, что на тоненькую пластинку изъ какого-либо прозрачнаго вещества падаетъ пучекъ, напр., желтаго свѣта; часть его—назовемъ ее *A*—отражается отъ передней стороны пластинки, часть—назовемъ ее *B*—входитъ въ пластинку, отражается отъ задней стороны ея и выходитъ параллельно *A*. Въ нашъ глазъ, смотрящій на пластинку, попадаетъ и часть *A* и часть *B*. Эти части отличаются тѣмъ, что часть *B* прошла болѣе значительный путь, пока достигла до нашего глаза, чѣмъ часть *A*; дѣйствительно, она два раза—туда и назадъ—прошла черезъ толщу прозрачной пластинки; мы говоримъ, что между пучками *A* и *B* существуетъ «*разность хода*». Каждая эфирная частичка, находящаяся на совокупномъ пути *A* и *B* колеблется подъ вліяніемъ импульсовъ, даваемыхъ ей системой волнъ *A* и системой *B*. Можетъ случиться, что эфирныя частицы подъ вліяніемъ *A* получаютъ импульсы совершенно противоположно направленныя, чѣмъ подъ вліяніемъ *B*. Въ этомъ случаѣ частицы эфира, подверженныя двумъ противоположно направленнымъ силамъ, останутся въ покоѣ, не будутъ колебаться и распространеніе свѣта отъ пластинки прекратится. Пластинка какъ будто бы перестанетъ отражать свѣтъ и будетъ казаться глазу черной. Въ теоріи свѣта доказывается, что это произойдетъ всегда тогда, когда толщина пластинки равняется 1, 2, 3—вообще цѣлому числу длинъ волнъ падающаго на пластинку желтаго свѣта. Наоборотъ, если толщина пластинки будетъ равняться $^1/_2$, $1^1/_2$, $2^1/_2$—вообще нечетному числу полуволнъ, то обѣ системы волнъ *A* и *B* не будутъ противодѣйствовать другъ другу—не будутъ «интерферировать», какъ говоритъ физика, и пластинка покажется намъ ярко освѣщенной. При промежуточныхъ толщинахъ пластинокъ, напр., при толщинѣ болѣе полуволны, но менѣе цѣлой волны или болѣе цѣлой волны, но менѣе полутора волнъ, желтаго свѣта пластинка будетъ отражать лишь часть падающаго на нее свѣта. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ пластинку, толщина которой какъ разъ полъ-волны желтаго свѣта; освѣтимъ ее бѣлымъ свѣтомъ, состоящимъ вообще, какъ всѣмъ извѣстно, изъ смѣси лучей всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, отъ краснаго до фіолетоваго, или, какъ говоритъ, физика всевозможныхъ длинъ волнъ, отъ сравнительно длинныхъ волнъ краснаго свѣта (0.0006 мм.) до короткихъ волнъ фіолетоваго свѣта (0.0004 мм.). Желтая составная часть бѣлаго пучка свѣта вполнѣ отразится отъ этой пластинки, такъ какъ толщина послѣдней какъ разъ равняется полуволнѣ желтаго свѣта. Для болѣе короткихъ волнъ зеленыхъ, синихъ и фіолетовыхъ толщина пластинки будетъ больше полуволны и менѣе цѣлой волны; слѣдовательно, эти составные элементы бѣлаго свѣта отразятся

только частью, тѣмъ меньшей, чѣмъ короче ихъ длина волны. Для болѣе длинныхъ волнъ—оранжевыхъ и красныхъ—пластинка будетъ представлять толщину меньшую полуволны и поэтому и эти части бѣлаго свѣта отразятся лишь слабо. Такимъ образомъ въ отраженномъ пластинкой свѣтѣ будетъ доминировать желтый цвѣтъ и пластинка покажется намъ желтоватой. Если мы наложимъ другъ на друга цѣлую стопку такихъ пластинокъ, то, какъ доказывается въ ученіи о свѣтѣ, желтый часть отраженнаго отъ стопки пучка будетъ все болѣе и болѣе доминировать и при достаточномъ числѣ листочковъ въ стопкѣ отраженный свѣтъ покажется намъ ярко желтымъ. Точно такъ же стопка изъ листочковъ, толщина которыхъ равна полуволнѣ краснаго свѣта, покажется намъ ярко красной, стопка изъ болѣе тонкихъ листочковъ, съ толщиною, равною полуволнѣ синяго цвѣта, покажется намъ ярко синей.

Изложенное выше и дастъ объясненіе тѣмъ прекраснымъ цвѣтамъ, которые мы наблюдаемъ въ мыльныхъ пузыряхъ, въ каплѣ масла, расплывшейся по водѣ, въ наслоеніяхъ многихъ жемчужныхъ раковинъ, въ побѣжалой окраскѣ старинныхъ стеколъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тончайшими пластинками, въ различной степени отражающими различныя цвѣтныя составныя части бѣлаго солнечнаго луча.

Эти-то цвѣта тонкихъ пластинокъ Липпманнъ и примѣнилъ къ цвѣтной фотографіи. Вотъ какъ разсуждалъ Липпманъ. Если бы удалось заставить свѣтъ дѣйствовать такъ на свѣточувствительный слой, чтобы этотъ слой подъ вліяніемъ свѣта разбился на стопку наслоенныхъ другъ на друга тонкихъ листочковъ, толщина которыхъ равнялась бы какъ разъ длинѣ полуволны свѣта, падающаго на пластинку, то задача цвѣтной фотографіи была бы рѣшена. Дѣйствительно, часть слоя, подвергшаяся дѣйствію краснаго свѣта, разслоилась бы на листочки такой толщины, что эта часть отражала бы только красный свѣтъ, часть слоя, освѣщенная желтымъ свѣтомъ пріобрѣла бы способность отражать только желтый свѣтъ. Подобный свѣточувствительный слой, поставленный на мѣсто матоваго стекла въ фотографической камерѣ, далъ бы въ концѣ концовъ изображеніе, которое въ отраженномъ свѣтѣ представляло бы всѣ предметы, запечатлѣвшіеся на пластинкѣ, въ ихъ естественныхъ цвѣтахъ.

Какимъ же образомъ получить подобное разслоеніе свѣточувствительнаго слоя подъ вліяніемъ освѣщенія? Еще до обнародованія открытія Липпмана нѣмецкій ученый Винеръ, о которомъ мы уже говорили выше, показалъ (въ 1890 г.), какъ можно получить такое разслоеніе. Покроемъ кусокъ посеребреннаго стекла какимъ-либо прозрачнымъ свѣточувствительнымъ слоемъ и направимъ на пластинку стекла пучемъ параллельнаго, напр., краснаго свѣта. Пучекъ пройдетъ чрезъ свѣточувствительный слой отразится отъ посеребренной поверхности стекла и снова проникнетъ, но уже обратнымъ путемъ, чрезъ всю толщу свѣточувствительнаго слоя. Отдѣльныя частички эфира въ свѣточувствительномъ слоѣ будутъ колебаться подъ совокупностью импульсовъ, получаемыхъ ими отъ падающей и отъ отраженной волны; обѣ эти системы волнъ будутъ интерферировать. Математическое изслѣдованіе вопроса о томъ, каково будетъ результирующее дѣйствіе обѣихъ системъ на эфирныя частицы, показываетъ, что на нѣкоторыхъ опредѣленныхъ разстояніяхъ отъ зеркала конфликтъ между волновыми системами приведетъ къ сложенію дѣйствія ихъ на эфирныя частицы, и въ этихъ мѣстахъ эфирныя частицы придутъ въ сильныя колебанія; въ другихъ промежуточныхъ разстояніяхъ дѣйствія на эфирныя частицы отъ двухъ системъ волнъ будутъ прямо противоположны по направленію и въ этихъ мѣстахъ эфирныя частицы останутся въ покоѣ. Анализъ явленія показываетъ, что мѣста наибольшаго колебанія эфирныхъ частицъ будутъ лежать на разстояніи одной, трехъ, пяти—вообще нечетнаго числа четвертей длинъ волнъ отъ отражающей поверхности; мѣста покоя эфирныхъ частицъ расположатся въ

промежуткахъ между ними. Весь свѣтовой пучекъ какъ бы разслоится плоскостями, параллельными отражающему зеркалу, на мѣста наибольшаго свѣта—свѣтовыя *пучности* и мѣста полной тьмы—свѣтовые *узлы*; въ пучкѣ образуются такъ называемыя «*стоячія свѣтовыя волны*». Разстояніе между двумя ближайшими свѣтовыми пучностями равняется, какъ видно изъ вышесказаннаго, длинѣ полуволны свѣта, падающаго на пластинку, т.-е. даже въ случаѣ краснаго свѣта пучности будутъ находиться на разстояніи всего около $^1/_{3000}$ миллиметра другъ отъ друга. Отсюда мы видимъ, что даже въ самомъ тонкомъ свѣточувствительномъ слоѣ уложится много сотенъ такихъ плоскостей свѣтовыхъ пучностей; въ слоѣ только въ $^2/_{10}$ мм. толщиной уложится такихъ плоскостей

при освѣщеніи	краснымъ	свѣтомъ	около 650
» »	желтымъ	»	» 800
» »	фіолетовымъ	»	» 1.000

Если слой, въ которомъ образуются эти стоячія свѣтовыя волны свѣточувствительный, то во всѣхъ плоскостяхъ наибольшаго дѣйствія свѣта слой долженъ претерпѣть всѣ тѣ измѣненія, которыя обыкновенно дѣйствіемъ свѣта въ немъ вызываются. Если, напр., дѣйствіе свѣта вызываетъ въ свѣточувствительномъ веществѣ, содержащемъ соли серебра, выдѣленіе металлическаго серебра, то послѣ проявленія такой слой долженъ почернѣть вездѣ внутри, гдѣ были свѣтовыя пучности и оставаться прозрачнымъ тамъ, гдѣ были свѣтовые узлы. Вся чувствительная пленки будетъ какъ бы разслоена черными плоскостями, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи длины полуволны того свѣта, который образовалъ въ слоѣ стоячія волны.

Если мы направимъ на такую пластинку пучекъ свѣта, то онъ отразится отъ нея, какъ отъ стопки наложенныхъ другъ на друга тонкихъ листочковъ и пластинка покажется намъ окрашенной въ тотъ цвѣтъ, длина полуволны котораго равна толщинѣ элементарныхъ листочковъ, а слѣдовательно, въ цвѣтъ того свѣта, которымъ пластинка была до проявленія освѣщена!

Теперь намъ уже ясна въ общихъ чертахъ идея остроумнаго метода Липпманна. Помѣстимъ на мѣсто матоваго стекла фотографической камеры прозрачный свѣточувствительный слой, т.-е. слой желатины или альбумина, содержащій въ мельчайшемъ раздробленіи какую-либо соль серебра, разлагающуюся подъ вліяніемъ свѣта, напр., хлористое или бромистое серебро. Расположимъ этотъ слой такъ, чтобы онъ опирался на какую-либо хорошо отражающую свѣтъ блестящую зеркальную поверхность. Отбросимъ на этотъ слой изображеніе внѣшнихъ предметовъ, даваемое фотографическимъ объективомъ. Пучки свѣта, падающіе на слой изъ объектива, и пучки, отраженные отъ зеркальной поверхности дадутъ въ слоѣ стоячія свѣтовыя волны. Проявимъ этотъ снимокъ закрѣпимъ его (фиксируемъ) обычнымъ путемъ—и выдѣленное въ пластинкѣ серебро окажется расположеннымъ слоями; оно расположилось ввидѣ ряда тончайшихъ серебряныхъ отложеній, равноотстоящихъ другъ отъ друга и раздѣляющихъ желатинъ или альбуминъ, служащій носителемъ серебра, на рядъ наслоенныхъ другъ на друга тонкихъ пластинокъ. Тамъ, куда падалъ красный свѣтъ, разстояніе между двумя сосѣдними отложеніями серебра, или толщина желатиноваго слоя, раздѣляющаго ихъ, равна половинѣ длины волны краснаго свѣта; тамъ, гдѣ дѣйствовалъ синій свѣтъ, толщина этихъ пластинокъ меньше—всего половина длины волны синяго свѣта. Подобный снимокъ, разсматриваемый въ отраженномъ свѣтѣ, долженъ дать, благодаря этому разслоенію чувствительной пленки, полную передачу всѣхъ цвѣтовъ снимаемаго оригинала.

При практическомъ выполненіи придуманнаго имъ способа, Липпманнъ встрѣтилъ, однако, какъ и можно было ожидать, множество трудностей чисто техническаго характера. Пришлось разыскать свѣточувствительный слой достаточ-

ной прозрачности и равномѣрности; таковымъ оказался слой альбумина (яичнаго бѣлка), въ который особеннымъ образомъ были введены соли серебра. Единственной годной на практикѣ зеркальной поверхностью оказалась поверхность чистой ртути, къ которой прижимался свѣточувствительный слой, налитый на стекло. Ртуть наливалась въ четырехугольный плоскій ящикъ, одну изъ боковыхъ сторонъ котораго представляла свѣточувствительная пластинка, обращенная слоемъ внутрь.

Въ началѣ 1891 г. Липпманнъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усидчивой работы достигъ, наконецъ, результатовъ и 2-го февраля 1891 г. доложилъ Парижской академіи наукъ о своемъ методѣ и демонстрировалъ чудный снимокъ спектра, который по яркости и правдивости цвѣтовъ оставлялъ далеко за собой всѣ снимки, кѣмъ-либо полученные по методу Пуатевена. Остроумнѣйшій способъ Липпманна и необыкновенные результаты, достигнутые самимъ изобрѣтателемъ, произвели сенсацію. Многіе пытались тотчасъ примѣнять этотъ способъ, но лишь немногимъ искуснымъ экспериментаторамъ удалось повторить опытъ французскаго ученаго и затѣмъ усовершенствовать его. Такими оказались раньше всего извѣстные изслѣдователи теоретической фотографіи и фабриканты свѣточувствительныхъ пластинокъ братья А. и Л. Люмьеры въ Ліонѣ; имъ удалось изготовить пленку, значительно болѣе чувствительную, чѣмъ пленка Липпманна, и снять на ней не только спектръ, но и цвѣты, фрукты, ландшафты, даже портреты. Въ Германіи замѣчательнныхъ результатовъ достигъ докторъ Нейгауссъ въ Берлинѣ; снимки его со спектровъ, цвѣтовъ и т. п. прямо поражаютъ необыкновеннымъ блескомъ цвѣтовъ; напр., металлическій блескъ опереныя чучела попугая, снятаго Нейгауссомъ (снимокъ имѣется у пишущаго эти строки), прямо поражаетъ своею жизненностью.

Можно задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли окраска на снимкахъ Липпманна является результатомъ цвѣтовъ тонкихъ пластинокъ; не представляетъ ли она цвѣта приспособляющихся красокъ, которые вѣдь тоже возникаютъ изъ солей серебра? Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно цвѣта тонкихъ пластинокъ даютъ окраску снимкамъ Липпманна. Въ этомъ убѣждаютъ насъ многіе факты. Раньше всего, цвѣта эти слегка мѣняются, если снимокъ поворачивать передъ глазомъ такъ, чтобы свѣтъ, отражаемый отъ снимка, падалъ на него подъ все большими и большими углами. Въ снимкахъ по способамъ Зеебека и Пуатевена ничего подобнаго произойти не можетъ, такъ какъ цвѣта ихъ вызваны настоящими красками, лежащими на бумагѣ. Въ случаѣ же снимковъ по способу Липпманна, это и должно произойти: дѣйствительно, чѣмъ наклоннѣе свѣтъ падаетъ на стопку тонкихъ пластинокъ, изъ которыхъ состоитъ свѣточувствительный слой, тѣмъ длиннѣе будетъ путь лучей въ каждой пластинкѣ, тѣмъ толще будутъ эти пластинки для падающихъ лучей. Но вѣдь отъ толщины пластинокъ зависитъ окраска отраженнаго отъ слоя свѣта; чѣмъ толще пластинки, тѣмъ ближе цвѣта ихъ къ красному концу спектра; чѣмъ тоньше, тѣмъ ближе къ синему концу его. На упомянутомъ выше снимкѣ попугая желтое опереніе шейки поэтому мало-по-малу переходитъ въ желто-оранжевое и, наконецъ, въ оранжевое, когда мы наклоняемъ снимокъ такъ, чтобы онъ все болѣе и болѣе косо стоялъ къ линіи глазъ. Эта измѣняемость цвѣтовъ, представляющая одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ слоистости строенія свѣточувствительнаго слоя, является въ то же время однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ методы Липпманна. Такое же измѣненіе цвѣтовъ наблюдается также, если дохнуть на пленку; альбуминный или желатиновый слой отсырѣваетъ, разбухаетъ, пластинки становятся толще и цвѣта измѣняются; любопытно наблюдать на снимкѣ спектра, какъ, если дохнуть на него, всѣ цвѣта какъ бы сползаютъ къ красному концу спектра и, по мѣрѣ высыханія слоя, вновь возвращаются на свои мѣста. Такимъ образомъ, лицо

на портретѣ можетъ, дѣйствительно, покраснѣть, если на него косо взглянуть или дохнуть на него.

Нейгауссъ пошелъ еще дальше: чтобы доказать, что слой дѣйствительно разсѣченъ серебряными отложеніями на тонкія пластинки, онъ осторожно снялъ чувствительный слой (толщиной всего $^1/_{150}$ миллиметра) со снимка спектра, срѣзалъ съ него ленточку, перпендикулярно къ плоскостямъ серебряныхъ отложеній, ленточку, ширина которой равнялась толщинѣ слоя, т.-е. $^1/_{150}$ мм., и толщина которой была еще меньше, разсмотрѣлъ эту ленточку подъ микроскопомъ при огромномъ увеличеніи, и дѣйствительно увидѣлъ рядъ параллельныхъ черточекъ—слѣдовъ разрѣза плоскостей серебряныхъ осажденій. Онъ даже снялъ фотографію съ того, что видно было въ микроскопѣ; на снимкѣ, имѣющемся у пишущаго эти строки, снятаго при огромномъ, предѣльномъ въ настоящее время увеличеніи въ 4.000 разъ, можно ясно отличить 10—12 отдѣльныхъ слоевъ; разстояніе между ними около 1,2 мм., слѣдовательно дѣйствительное разстояніе между отложеніями въ оригинальномъ снимкѣ было въ 4.000 разъ меньше, т.-е. 0,00030 мм., а это какъ разъ полудлина волны краснаго свѣта; слѣдовательно, изъ разсмотрѣнія фотографіи мы прямо можемъ сказать, что часть пленки была срѣзана съ красной части снимка спектра.

Можно задать и обратный вопросъ: не возникаютъ ли цвѣта въ методѣ Зеебека и Пуатевена тоже вслѣдствіе какого-либо образованія тонкихъ пластинокъ? Можно сказать a priori, что это мало правдоподобно, такъ какъ грубый шероховатый свѣточувствительный слой бумаги Пуатевена врядъ ли даетъ возможность образоваться тонкимъ пластинкамъ. Чтобы окончательно разсѣять эти сомнѣнія, Винеръ предпринялъ рядъ опытовъ, съ помощью которыхъ убѣдительно доказалъ, что краски, получаемыя по методамъ Зеебека и Пуатевена, дѣйствительно тѣлесныя краски (Körperfarben) и не имѣютъ ничего общаго съ кажущейся окраской тонкихъ пластинокъ. Его изслѣдованія привели, однако, къ заключенію, что все же одинъ изъ старыхъ методовъ, о которыхъ мы уже упоминали выше, именно методъ Беккереля основанъ, подобно методу Липпманна, на разслоеніи свѣточувствительной массы на тонкія пластинки. Возможность этого высказывалъ еще Ценкеръ, который, однако, неправильно полагалъ, что цвѣта тонкихъ пластинокъ являются причиной передачи красокъ во всѣхъ способахъ цвѣтной фотографіи. Въ методѣ Беккереля чувствительный слой былъ расположенъ на блестящей посеребренной поверхности, которая, очевидно, служила зеркаломъ, отражавшемъ лучи. Стоячія волны образовывались въ сплошномъ слоѣ хлористаго соединенія серебра; при этомъ слой разбивался на тонкія пластинки, передававшія всѣ цвѣта. Снимки Беккереля теряли, однако, цвѣта при закрѣпленіи снимковъ, между тѣмъ какъ на окраску снимковъ Липпманна закрѣпленіе (фиксированіе) никакого вліянія не имѣетъ.

Это обстоятельство легко, однако, понять, если вспомнить, что закрѣпленіе (фиксированіе) снимка состоитъ всегда въ раствореніи неразложенной серебряной соли въ растворѣ сѣрноватисто-кислаго натра.

Въ снимкахъ Беккереля весь слой состоитъ изъ соли серебра и при фиксированіи растворялись всѣ промежутки между серебряными отложеніями; крѣпость слоя нарушалась и онъ спадался, теряя способность окрашивать отраженный свѣтъ. Между тѣмъ, въ снимкахъ Липпманна соли серебра расположены въ желатинѣ или альбуминѣ, который является крѣпкой прослойкой, сдерживающей отдѣльные слои отъ спаденія.

III.

Мы бѣгло разсмотрѣли тѣ способы запечатлѣванія цвѣтовъ на фотографическихъ снимкахъ, которые дѣйствительно заслуживаютъ названія «цвѣтной

фотографіи». Существуютъ въ настоящее время и другіе способы, начало которымъ положили Дюко ди-Горонъ и Кросъ, способы, тоже передающіе цвѣта снимаемаго оригинала. Они всѣ основаны на томъ, что съ оригинала снимаютъ три обыкновенныхъ одноцвѣтныхъ снимка черезъ три цвѣтныхъ стекла и затѣмъ съ этихъ снимковъ печатаютъ соотвѣтственными красками, или на соотвѣтственно окрашенныхъ слояхъ три одноцвѣтныхъ окрашенныхъ отпечатка, которые, будучи наложены другъ на друга, передаютъ съ достаточною точностью всѣ цвѣта оригинала. Хотя результаты такого «трехцвѣтнаго печатанія» обыкновенно значительно красивѣе снимковъ по описаннымъ въ этой статьѣ методамъ, но эти способы все же нельзя назвать «цвѣтной фотографіей», такъ какъ и въ выборѣ окрашенныхъ стеколъ, и въ выборѣ красокъ для печатанія допустимъ всегда извѣстный произволъ и результаты будутъ зависѣть отъ умѣлаго выбора ихъ. Трехцвѣтное печатаніе такъ же далеко отъ настоящей цвѣтной фотографіи, какъ картинка, зарисованная въ камеръ-обскурѣ, далека отъ настоящей фотографіи.

Если мы теперь подведемъ итоги тому, что сдѣлано пока по вопросу о цвѣтной фотографіи, то придемъ къ заключенію, что настоящаго, практическаго рѣшенія этого вопроса мы еще не имѣемъ. Дѣйствительно, примѣненіе приспособляющихся красокъ приводитъ къ снимкамъ, закрѣпить которые невозможно; кромѣ того, извѣстные до настоящаго времени цвѣтоперемѣнные вещества столь мало свѣточувствительны, что о непосредственномъ полученіи изображеній въ фотографической камерѣ пока нечего и думать. Способъ Липпманна даетъ, правда, чудные по красотѣ снимки, но пользованіе имъ пока затруднительно; кромѣ того, этотъ способъ совершенно не допускаетъ размноженія снимковъ путемъ печатанія, и для полученія каждаго отдѣльнаго снимка требуется и отдѣльная съемка. Не таковъ долженъ былъ бы быть идеальный способъ цвѣтной фотографіи: онъ долженъ былъ бы давать (можетъ быть, по способу, аналогичному способу Липпманна) цвѣтной негативъ, съ котораго возможно было бы печатать на закрѣпляющихся цвѣтоперемѣнныхъ веществахъ произвольное количество цвѣтныхъ снимковъ. Когда это будетъ достигнуто? и какъ это будетъ достугнуто? Объ этомъ мы, понятно, ничего не знаемъ; одно только можно увѣренно сказать: то, что теперь уже сдѣлано по вопросу о цвѣтной фотографіи, даетъ право надѣяться на полное рѣшеніе этого вопроса въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Прив. доц. **А. Гершунъ**.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Этнографія. Истерія и боксеры въ Китаѣ.—**Геологія.** Химическая и геологическая исторія атмосферы.—**Біологія.** Новыя изслѣдованія надъ сезоннымъ диморфизмомъ.

Этнографія. *Истерія и боксеры въ Китаѣ.* Французскій врачъ I. Matignon, авторъ недавно вышедшей книги «Суевѣріе, преступность и нищета въ Китаѣ»—близко ознакомившійся не только съ соціальнымъ строемъ этой страны, но и съ физическимъ и психологическимъ типомъ китайца, сообщаетъ въ «Revue Scientifique» много любопытныхъ наблюденій надъ характеромъ, темпераментомъ и складомъ ума обитателей Небесной Имперіи.

Характеръ китайцевъ, говоритъ онъ, намъ мало знакомъ и, что еще важнѣе, мы имѣемъ о немъ неправильное представленіе. Множество путешественниковъ, писавшихъ о Китаѣ, мнѣніе которыхъ къ тому считается авторитет-

нымъ, удовлетворились лишь поверхностнымъ наблюденіемъ его обитателей, недостаточно проникли въ сущность ихъ характера, оставивъ множество чертъ его вовсе не выясненными.

Мнѣ неоднократно приходилось высказывать мнѣніе, что истерія очень распространена въ Китаѣ и что болѣе детальное изученіе этой болѣзни въ Китаѣ позволило бы намъ глубже проникнуть въ душу китайца, чѣмъ это намъ удавалось до сихъ поръ. На эту гипотезу, которая съ тѣхъ поръ превратилась для меня въ увѣренность, я неизмѣнно получалъ отъ наблюдателей всегда одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «Китаецъ гистериченъ? Перестаньте... китаецъ, столь терпѣливый, спокойный, трудолюбивый, выносливый—не *нервный* человѣкъ». Этотъ отвѣтъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ характеромъ китайца.

Китайцы—большія дѣти; ихъ довѣрчивость превосходитъ всякія границы; ихъ сужденія чрезвычайно наивны. И эта характеристика примѣнима ко всѣмъ ступенямъ соціальной лѣстницы: отъ императора до послѣдняго чернорабочаго. Три черты поражаютъ наблюдателя: это наивность, довѣрчивость и воспріимчивость китайца. Есть еще одна черта, которая также быстро поддается наблюденію—это его импульсивность. Этотъ азіатъ, съ виду столь смирный и апатичный, способенъ къ гнѣву рѣдкой силы, къ необузданной вспышкѣ изъ за пустяковъ. Это наблюдается у дѣтей, женщинъ и мужчинъ. Изъ за факта, часто ничтожнаго по существу, мальчики пяти или шести лѣтъ впадаютъ въ состояніе дикаго бѣшенства, лишаются сознанія и падаютъ съ конвульсивно искаженными чертами лица. Это состояніе на обычномъ языкѣ носитъ названіе «чернаго гнѣва». У взрослыхъ китайцевъ обоего пола этотъ гнѣвъ можетъ выразиться даже въ самоубійствѣ. Особенно часто это наблюдается у женщинъ. У послѣднихъ нерѣдко ничтожная непріятность вызываетъ часто спазмы въ горлѣ, рвоту, ложную грудную жабу и т. п. Всѣ эти явленія хорошо уступаютъ леченію внушеніемъ. Сколько же аналогичныхъ случаевъ болѣе слабаго проявленія нервныхъ заболѣваній, не слишкомъ безпокоящихъ паціента, ускользаетъ отъ наблюденій врача.

Не менѣе любопытная черта—неустойчивость характера, въ особенности у женщинъ. У нихъ смѣхъ и слезы слѣдуютъ другъ за другомъ съ изумительною легкостью. Къ этому непостоянству характера нужно прибавить полное отсутствіе точности въ мысли. Для китайца, кромѣ конечно финансовой области, дважды два—пять, три или четыре. Въ отвѣтѣ китайца никогда нѣтъ точности, которая для насъ является потребностью. Это отсутствіе точности дѣлаетъ для насъ понятной распространенность лжи: китаецъ зачастую лжетъ, не отдавая себя въ томъ отчета.

Воспріимчивость, импульсивность, непостоянство—явленія чисто психическаго характера. Но вотъ наблюденіе, которое я имѣлъ случай провѣрять ежедневно въ госпиталѣ, чисто физіологическаго рода: китаецъ по сравненію съ европейцемъ нечувствителенъ. Онъ, повидимому, легче переноситъ жару, холодъ и боль. Сотни разъ мнѣ приходилось наблюдать на улицѣ нищихъ, носильщиковъ, спавшихъ въ такомъ положеніи, что голова ихъ опустилась ниже туловища, съ открытымъ ртомъ, причемъ мухи свободно ползали въ ротовой полости, не нарушая сна раздраженіемъ слизистой оболочки. Въ госпиталѣ Пекина я часто оперировалъ кисты и опухоли, не примѣняя вовсе анэстезирующихъ веществъ, и паціенты не дѣлали ни одного жеста, не испускали ни одного крика. Почти у всѣхъ даже поверхностное наблюденіе обнаруживало признаки гистеріи. Такія явленія психологическаго и соматическаго характера давно уже заставляли меня подозрѣвать, что истерія должна быть сильно распространена въ Китаѣ. Въ началѣ весны 1900 года я предпринялъ изслѣдованіе этого вопроса; въ миссіяхъ я наблюдалъ дѣтей обоего пола, въ госпиталѣ взрослыхъ и стариковъ. Уже болѣе трехъ сотъ субъектовъ были под-

вергнуты наблюденію, но я воздерживался отъ заключеній, желая провѣрить ихъ на большемъ числѣ случаевъ, когда внезапныя грозныя событія въ Пекинѣ не только прервали мои наблюденія, но и уничтожили мои документы, погибшіе при пожарѣ госпиталя миссій. Поэтому я не могу дать статистическихъ цифръ и документовъ точныхъ наблюденій, но мои впечатлѣнія и память говорятъ мнѣ, что неврозъ очень распространенъ среди обитателей Китая. Это мнѣніе раздѣляютъ и мои товарищи, занимавшіеся медицинской практикой въ Китаѣ. Раньше на этомъ пунктѣ медицинской географіи Китая еще не останавливалось вниманіе изслѣдователей.

Разспросы китайскихъ врачей показали мнѣ, что имъ неизвѣстна истерія, какъ явленіе болѣзненное. Повидимому, сильные припадки болѣзни съ конвульсіями—рѣдки, такъ какъ при разспросахъ о нихъ ничего не сообщили, зато слабая форма заболѣванія очень широко распространена. Тотъ фактъ, что на большей части населенія можно наблюдать грубые признаки истеріи, имѣетъ, по моему, серьезное значеніе и поможетъ мнѣ освѣтить съ новой точки зрѣнія нѣкоторыя стороны моральной исторіи знаменитыхъ боксеровъ, предавшихъ огню поселенія Сѣвернаго Китая и пролившихъ столько крови его обитателей. У боксеровъ внушеніе и истерія сыграли главную роль въ пропагандѣ доктрины и наборѣ приверженцевъ.

Нельзя конечно видѣть въ движеніи боксеровъ исключительно проявленія истеріи: неврозъ былъ лишь вторичнымъ факторомъ, оказавшимся очень благопріятной почвой для пробужденія китайскаго національзма. Программа боксера состоитъ въ ненависти къ иностранцу, его изгнаніи и уничтоженіи. Главари движенія, по большей части искренніе и убѣжденные люди, нашли въ довѣрчивости и воспріимчивости китайца очень благопріятную почву, для эксплоатаціи которой они не пожалѣли средствъ. Иностранецъ, а съ нимъ и туземецъ, принявшій отъ перваго вѣру,—единственныя отвѣтственныя лица за тѣ бѣдствія, которыя обрушились на Китай; эти бѣдствія не что иное, какъ выраженіе гнѣва неба. Да и какъ бы оно было иначе, когда «варвары съ рыжими волосами» профанируютъ землю, вскрывая ея внутренности, чтобы достать каменный уголь, ставятъ телеграфные столбы, бросающіе предосудительную тѣнь на могилы мертвыхъ, не щадятъ культа предковъ, духъ которыхъ взываетъ о мщеніи и не можетъ простить подобнаго нечестія. Но на иностранцевъ возводится еще цѣлый рядъ другихъ обвиненій: они крадутъ дѣтей, вырываютъ у нихъ сердце и глаза для приготовленія фотографическихъ препаратовъ; они отравляютъ колодцы, отчего происходятъ опасныя эпидеміи.

Подобныя обвиненія распространяются афишами и циркулярами, по городамъ и селамъ. Мистическія прокламаціи проповѣдуютъ крестовый походъ противъ общаго врага. Нужно соединиться для борьбы съ иностранцами и за это небо не оставитъ своими милостями. Да и само небо поможетъ доброй волѣ народа. Тьма духовъ, вооруженныхъ саблями и копьями, снизойдетъ на землю; они воплотятся въ тѣхъ энтузіастовъ, которые, вслѣдствіе этого, будутъ цѣлы и невредимы въ сраженіи. Во всѣхъ воззваніяхъ много мистическаго, непонятнаго, но это тѣмъ лучше, чтобы подѣйствовать на простыя души: китаецъ вѣритъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше онъ понимаетъ, Когда онъ ничего не въ состояніи понять, его вѣра становится непоколебимой. Суевѣріе, свойственное китайцамъ, было въ этомъ году къ тому же доведено до крайнихъ предѣловъ: вся имперія была въ состояніи боязливаго ожиданія, сходнаго съ ожиданіемъ 1000 года въ Европѣ. Воображеніе разыгрывалось, каждый испытывалъ внушеніе отъ массы и реагировалъ, въ свою очередь, на нее. Каждый день подготовлялъ почву руководителямъ движенія, которые въ явныхъ и тайныхъ собраніяхъ вербовали участниковъ секты «Согласія и гармоніи».

Для посвященія въ секту, судя по полученнымъ мною отъ миссіонеровъ и китайцевъ свѣдѣніямъ, пользовались внушеніемъ и истерической анэстезіей, быть можетъ, даже случаями гипнотическаго состоянія. Народная молва передавала, что боксеры, достигшіе полнаго посвященія, пріобрѣтаютъ сверхестественныя качества: они становятся неуязвимыми для пуль и снарядовъ. На общественныхъ собраніяхъ вербовщики имѣли соучастниковъ, которые стрѣляли въ нихъ изъ оружія, либо вовсе не заряженнаго, либо плохо заряженнаго, такъ что пули не причиняли имъ никакого вреда. Увѣренность въ неуязвимости была очень распространена среди китайцевъ: христіане съ ужасомъ передавали объ этомъ своимъ священникамъ, разсказывая о собраніяхъ, на которыхъ они присутствовали. Народное мнѣніе тѣмъ болѣе укрѣпилось въ этомъ сознаніи, когда во время первыхъ стычекъ боксеровъ съ регулярными войсками Китая у боксеровъ не было убитыхъ, несмотря на выстрѣлы. Причина кроется либо въ зломъ умыслѣ, либо въ страхѣ и неловкости китайскихъ регулярныхъ войскъ.

Случаи гистерической анэстезіи явились драгоцѣнными помощниками. Посвященные позволяли колоть свою кожу булавками и пронзать остріемъ ножа. При этомъ они, повидимому, не только не испытывали боли, но изъ пораненыхъ мѣстъ даже не вытекала кровь. Было чѣмъ смутить особенно юныя души! Интересно, что боксеры набирали своихъ адептовъ среди юношества и дѣтей: всегда впереди атакующихъ колоннъ шли дѣти 12—15 лѣтъ.

Обряды посвященія совершались въ храмахъ, таинственно и въ полумракѣ; цѣль обрядовъ—достигнуть нечувствительности къ боли и неуязвимости. При этомъ постъ соединяется съ заговорами, кабалистическими пассами и чтеніемъ непонятныхъ молитвъ.

Кандидатамъ даютъ таинственное лѣкарство, обладающее могущественной цѣлебной силой. Сожигаются заклинанія и молитвы, написанныя на красной или желтой бумагѣ, и пепелъ проглатывается съ чаемъ. Мало-по-малу субъекты ощущаютъ воплощеніе въ себѣ «небесныхъ воиновъ», которые дадутъ имъ силу и неуязвимость. Но иногда послѣ этого появляются сильные припадки истеріи. Мнѣ передавали, что иногда юные китайцы, продѣлавъ цѣлый рядъ тѣлодвиженій и обрядовъ, внезапно падали на спину съ закрытыми глазами, оставались нѣсколько моментовъ какъ бы въ окоченѣломъ состояніи, затѣмъ вдругъ поднимались, корчились въ странныхъ судорогахъ, съ неподвижнымъ взоромъ широко раскрытыхъ глазъ, произносили несвязныя слова и въ состояніи маніакальнаго возбужденія лазили по деревьямъ и вообще обнаруживали силу и подвижность, далеко не обычную. Иной разъ, болѣе спокойные, въ состояніи экстаза они слышатъ и передаютъ мистическія слова и фразы о будущемъ боксеровъ и ихъ блаженствѣ. Пришедши въ сознаніе, они не помнятъ болѣе ничего изъ того, что они дѣлали или говорили. Во всемъ этомъ много общаго съ фазами сильнаго истерическаго припадка. Принявъ во вниманіе заразительность истеріи, понятно, что подобные сеансы были очень благопріятны для набора новыхъ членовъ секты.

Боксеры вѣрили въ себя и были храбры, какъ фанатики. Мнѣ случилось видѣть много нападеній боксеровъ и могу только удивляться смѣлости этихъ несчастныхъ, которые съ старыми саблями, копьями и даже съ простыми палками съ надписью «этимъ можно убить 10.000 иностранцевъ», съ головою повязанною краснымъ платкомъ, наступали, совершая предписанныя регламентами тѣлодвиженія, и подставляли свою грудь подъ наши ружья. Ихъ экзальтація была такъ велика, что нерѣдко боксеръ, насквозь прострѣленный одной или двумя пулями малаго калибра, не падалъ тотчасъ, но обладалъ еще энергіей, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ, потрясая оружіемъ или своимъ знаменемъ, и вовсе не имѣлъ вида человѣка, сознающаго, что онъ раненъ. Часто

боксеры увлекали въ атаку регулярныя войска, которыя вовсе не обнаруживали того же увлеченія и инстинктъ самосохраненія заставлялъ ихъ быстро отступать. Не всѣ боксеры обнаруживали одинаковую храбрость. Нужно различать настоящихъ и не настоящихъ боксеровъ: первые—фанатики, не отвѣтственные за свои поступки, жертвы внушенія и всякаго рода самовнушеній. Другіе—отбросъ общества, готовые подъ знаменемъ національной революціи грабить, убивать и воровать на свободѣ.

Распространеніе истеріи съ одной стороны, сильная впечатлительность—съ другой могутъ отчасти дать ключъ къ пониманію быстраго развитія боксерскаго движенія на сѣверѣ; тѣ же обстоятельства позволяютъ предвидѣть его будущую опасность и высказать убѣжденіе, что десятки тысячъ европейскихъ войскъ, которыя посланы въ Китай, не способны уничтожить это движеніе. Корни его глубоки въ настоящее время: оно можетъ уменьшиться съ виду, даже прекратиться, но оно будетъ жить въ скрытомъ состояніи, ожидая случая вспыхнуть съ новою силой. Противъ внушенія нужно дѣйствовать тоже внушеніемъ и убѣжденіемъ. Только тогда, когда дворъ и мандарины не будутъ поддерживать движенія, не будутъ сами вѣрить въ свою сверхъестественную силу и объявятъ, что иностранцы вовсе не приносятъ съ собою народныхъ бѣдствій, тогда только и народъ Китая поддастся убѣжденію.

Но на это, по мнѣнію автора, нѣтъ особенной надежды, по крайней мѣрѣ, для недалекаго будущаго.

Геологія. *Химическая и геологическая исторія атмосферы.* Геологи пришли къ убѣжденію, что углеродъ каменнаго угля происходитъ отъ углекислаго газа, который находился или въ свободномъ состояніи въ атмосферѣ, или же въ растворѣ въ водѣ океановъ въ древнія геологическія эпохи; если бы весь этотъ углекислый газъ находился въ настоящее время въ нашей атмосферѣ, она была бы значительно богаче содержаніемъ углекислаго газа, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности. Очевидно что разложеніе углекислаго газа растеніями должно было въ теченіе геологическихъ эпохъ освободить количество кислорода, соотвѣтствующее количеству свободнаго углерода всѣхъ нашихъ горючихъ матеріаловъ. Въ результатѣ атмосфера должна была обогатиться кислородомъ.

Извѣстны, съ другой стороны, факторы, которые обогащаютъ воздухъ углекислымъ газомъ, а также процессы, ведущіе къ уменьшенію количества атмосфернаго кислорода—вотъ почему химики могли спорить о томъ, уравновѣшиваютъ ли эти процессы другъ друга и въ какой мѣрѣ, такъ какъ они діаметрально противоположны другъ другу. Тѣмъ не менѣе, первое высказанное выше положеніе неоспоримо и потому вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ, каково же общее количество горючихъ веществъ подобнаго происхожденія во всей толщѣ земной коры и каково отношеніе дѣйствительно существующаго въ нашей атмосферѣ кислорода къ тому количеству, которое соотвѣтствовало бы запасамъ углерода? Понятно, что весьма затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ хотя бы съ приблизительною точностью. Вотъ одна изъ попытокъ подобнаго подсчета, сдѣланная I. Stevenson'омъ въ «Philosophical Magazine».

Область, наилучше изслѣдованная въ отношеніи минеральныхъ своихъ богатствъ, говоритъ авторъ, есть, по всей вѣроятности, Англія. Оффиціальный отчетъ даетъ намъ слѣдующія цифры: одни слои угля толщиною болѣе одного фута, находящіеся на глубинѣ 4.000 футовъ, соотвѣтствуютъ 146 билліонамъ тоннъ и болѣе глубокіе слои—48 билліонамъ тоннъ—въ цѣломъ 200 билл. тоннъ въ круглыхъ цифрахъ. Если прибавить сюда слои, имѣющіе меньше одного фута, толщины, а также другія карбонизированныя вещества, разбросанныя повсюду въ горныхъ породахъ, и оцѣнить все это количество въ 100 билл.

тоннъ, то количество угля для Англіи выразится въ цифрѣ 300 билліоновъ тоннъ. Англія представляетъ одну 1.630 часть земной поверхности. Общая масса угля по этому подсчету при прочихъ равныхъ условіяхъ достигла бы 489 трилліоновъ тоннъ. Съ другой стороны, общая масса атмосферы вычисляется приблизительно въ 5.200 трилліоновъ тоннъ и она содержитъ 1.200 трилл. тоннъ кислорода. Количество углерода, которое посредствомъ этого кислорода могло бы быть превращено въ углекислый газъ равнялось бы 450 трилліонамъ тоннъ. Замѣчательно, что эта цифра близко подходитъ къ подсчету, только что произведенному для залежей каменнаго угля земной коры.

Нѣтъ, конечно, надобности подчеркивать, насколько это совпаденіе цифръ можетъ быть необосновано и случайно, но нельзя не признать, что авторъ останавливаетъ наше вниманіе на очень важномъ и достойномъ серьезнаго отношенія предметѣ.

Не было бы абсурднымъ предположеніе, что въ эпоху, когда образовались самыя древнія отложенія, земная атмосфера почти не заключала или заключала очень мало кислорода и что нынѣшнее количество кислорода въ атмосферѣ происходитъ исключительно отъ дѣйствія солнца на зеленыя части древнихъ растеній, отъ разложенія которыхъ образовались пласты каменнаго угля и другихъ горючихъ матеріаловъ. Можно къ тому же замѣтить, что неполное окисленіе первичныхъ породъ было бы трудно совмѣстимо съ существованіемъ атмосферы, столь же богатой кислородомъ, какъ наша современная.

Метеориты—остатки тѣлъ, средняя плотность которыхъ немногимъ отличается отъ плотности земли и которыя въ солнечной системѣ имѣютъ орбиты, мало удаленныя отъ нашей орбиты. Они состоятъ изъ веществъ, всегда очень неполно оксидированныхъ. Газы, которые въ нихъ заключаются въ небольшихъ количествахъ—водородъ или углеводороды; но въ нихъ никогда не находятъ свободнаго кислорода. Тѣ-же замѣчанія справедливы и относительно первичныхъ породъ. Всѣ эти аргументы сводятся къ одному общему выводу, который Стевенсонъ формулируетъ въ своемъ мемуарѣ: «атмосферный кислородъ главнымъ источникомъ своего происхожденія имѣетъ хлорофильную реакцію древнихъ растеній и его масса находится въ ближайшемъ отношеніи къ массѣ углеродистыхъ горючихъ веществъ залегающихъ въ толщѣ земной коры». («Revue Scientifique», № 10. 1901).

Біологія. *Новыя изслѣдованія надъ сезоннымъ диморфизмомъ.* Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, Вейсманъ доказалъ, что куколки бабочекъ, подвергнутыя во время ихъ развитія болѣе низкимъ температурамъ, даютъ бабочекъ съ иной окраской и инымъ рисункомъ, чѣмъ тѣ, которыя развивались въ нормальныхъ условіяхъ; онъ показалъ далѣе, что разница въ лѣтней и зимней генераціи нѣкоторыхъ мотыльковъ, которая заходитъ иногда такъ далеко, что ихъ принимали за разные виды, зависитъ только отъ той температуры, при которой онѣ развились. *Сезонный диморфизмъ* такихъ формъ могъ быть воспроизведенъ искусственно; стоило только помѣстить куколки лѣтняго поколѣнія во время ихъ развитія въ ледяной шкапъ и вмѣсто лѣтняго поколѣнія развивалось весеннее. Уже тогда было указано, что въ полярныхъ областяхъ нѣкоторыя изъ бабочекъ, являющихся въ нашихъ широтахъ въ двухъ различныхъ формахъ, существуютъ лишь въ формѣ нашей весенней генораціи.

Изслѣдованія эти были впослѣдствіи подтверждены цѣлымъ рядомъ наблюденій и недавно повторены въ Цюрихѣ Штандфусомъ, который напечаталъ результаты своихъ десятилѣтнихъ работъ надъ вліяніемъ температуры, причемъ изслѣдовано было около 42.000 индивидуумовъ. Заимствуемъ изъ этого матеріала лишь наиболѣе существенное. Въ общемъ подтверждается тотъ фактъ, что, измѣняя среднюю температуру, можно получить искусственно особей, свой-

ственныхъ отдаленнымъ другъ отъ друга странамъ. Куколки обыкновенной бабочки Vanessa urticae, выведенныя въ ледяномъ шкапѣ при темп. 4—6°, давали отъ той же швейцарской матери видъ Vanessa polario, свойственный Лапландіи и другимъ полярнымъ странамъ. Если куколки въ теченіе нѣсколькихъ дней подвергались темп. 37—39°, получался видъ Vanessa Ichnusa, характерный для Корсики и Сардиніи. Подвергая тѣ же куколки темп. 42—45° въ теченіе всего 2-хъ часовъ въ день подъ-рядъ дня 3 или 4, получалась разновидность V. ichnusoides. Ясно, что такая разновидность можетъ возникнуть случайно и у насъ, если, напр., гусеница окуклилась возлѣ ярко освѣщаемой полуденнымъ солнцемъ стѣны или если стояло очень жаркое лѣто. Любители-коллекціонеры очень цѣнятъ подобныя рѣдкія отклоненія и Штандфусъ доказалъ намъ теперь, что ихъ легко получить искусственно. Подобнымъ образомъ были получены рѣдкія разновидности многихъ бабочекъ: траурницы, павлиньяго глаза и др. Вышеописаннымъ способомъ были получены даже совсѣмъ новыя, нигдѣ на свободѣ не встрѣчавшіяся и неописанныя формы, которыя позволяли сдѣлать важные выводы относительно генеалогической связи между отдѣльными видами, представляя какъ бы переходныя формы между ними.

Штандфусъ предпринялъ также рядъ поучительныхъ наблюденій надъ наслѣдственностью такихъ искусственно, на холоду полученныхъ формъ. Онъ помѣстилъ въ стеклянный ящикъ 32 самца и 10 самокъ искусственно выведенной формы Vanessa polaris и наблюдали за ихъ потомствомъ. Семь спариваній дали бабочекъ, которыя вернулись къ обыкновенной формѣ т.-е. у нихъ полученныя на холоду отклоненія не унаслѣдовались. Только единственная пара, самка которой обнаруживала особенно сильное отклоненіе, дала среди своихъ 43 потомковъ отклоненіе въ 4 случаяхъ въ той или иной степени, а 39 вернулись къ основной формѣ. Цѣлесообразная постановка дальнѣйшихъ опытовъ, можетъ дать много существенныхъ данныхъ въ особенности для вопроса о наслѣдственности, если потомки будутъ поставлены въ теченіе многихъ поколѣній подъ одинаковыя внѣшнія вліянія съ ихъ родителями для закрѣпленія наслѣдственныхъ признаковъ. Не лишено, напр., вѣроятности, что многія формы нашихъ бабочекъ — наслѣдіе отъ особей, жившихъ въ ледниковую эпоху, которыхъ мы не знаемъ и о внѣшнемъ видѣ которыхъ мы, слѣдуя указанному пути, могли бы получить данныя. Быть можетъ, въ начатыхъ Вейсманомъ опытахъ найдется лучшее доказательство противъ новѣйшихъ воззрѣній, отрицающихъ наслѣдственность измѣненій, полученныхъ путемъ воздѣйствія внѣшней среды. («Prometheus» № 591).

Н. М.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль. 1901 г.

Содержаніе: Исторія литературы.—Исторія культуры.—Соціологія.—Философія.—Естествознаніе.—Медицина и гигіена.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина».—*Полевой.* «Исторія русской словесности».—*Петерсонъ.* «Сервантесъ и его произведенія».—*Ватсонъ.* «Джузеппе Джусти».

Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга XV-ая. Спб. 1901. in-8-vo. Стр. XIV+522. Ц. 2 руб. 50 коп. Книга г. Барсукова, надъ которою работать онъ началъ въ концѣ 1882 года и первый томъ которой выпустилъ въ свѣтъ къ началу 1888 года, съ XIV-го тома пріобрѣтаетъ особенный интересъ для нашей читающей публики *). Всѣмъ хорошо извѣстно, что это не ученое изслѣдованіе о жизни и трудахъ Погодина, а лѣтописное повѣствованіе, порою совершенно упускающее изъ виду героя, которому оно посвящено, и выставляющее на первый планъ время, въ которое жилъ этотъ своеобразный герой не менѣе своеобразной русской дѣйствительности. Томъ XIV-ый открывается манифестомъ 18-го февраля 1855 года о вступленіи на престолъ императора Александра Второго, томъ XV-й—манифестомъ 17-го апрѣля 1856 года о коронованіи въ Москвѣ Александра Второго; оба акта нашъ усердный лѣтописецъ приводитъ цѣликомъ, едва успѣвая на протяженіи 33 печатныхъ листовъ XV-го тома добраться до начала 1858 года. Передъ читающею публикой является такимъ образомъ *лѣтописный сводъ* о времени великихъ реформъ прошлаго вѣка съ горячимъ сторонникомъ крестьянскаго освобожденія во главѣ Погодинымъ, который самъ вышелъ изъ среды крѣпостного крестьянства и на московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 года въ честь извѣстнаго рескрипта 20-го ноября того же года на имя виленскаго генералъ-губернатора В. И. Назимова, отстранивъ на время и ради «*порядка*» дрожащею рукой кубокъ въ честь «дорогого нашего кормильца, дорогого нашего поильца, православнаго мужичка» (стр. 479), предложилъ «поднять бокалы въ честь и благодарность достойнаго историческаго русскаго дворянства» (стр. 481). Въ своемъ «Дневникѣ» ораторъ самъ признался, что его «рѣчь имѣла успѣха менѣе всѣхъ», ибо «обѣдъ имѣлъ значеніе, какъ первое выраженіе свободы чувствъ мимо правительства и проч.» (стр. 483), и читателю невольно припоминаются выдержки г. Барсукова изъ удивительной статьи Константина Аксакова «Публика—Народъ», появившейся въ «Молвѣ» того же 1857 года и возбудившей противъ себя раздраженіе тогдашнихъ оффиціальныхъ сферъ по части народнаго просвѣщенія. «И въ публикѣ есть золото и грязь,—писалъ К. Аксаковъ,—и въ народѣ есть золото и грязь; но въ публикѣ грязь въ золотѣ; въ народѣ—золото въ грязи. Публика и народъ имѣютъ эпитеты: публика у

*) См. «М. Б.», 1900 г., іюль, библіогр. отдѣлъ.

насъ—почтеннѣйшая, а народъ—православный. Публика, впередъ! Народъ, назадъ!—такъ воскликнулъ многозначительно одинъ хожалый» (стр. 284).

Реформа раскрѣпощенія крестьянства, съ ея непосредственными и необходимыми производными—вся въ прошломъ, скоро минетъ полстолѣтія съ момента ея осуществленія, все больше и больше заволакиваетъ ее отъ нашего поколѣнія туманъ, и надо думать, что наступаетъ время для свободнаго научнаго изученія хода этой реформы среди современныхъ ей началъ тупой реакціи. Тѣмъ большую цѣну получаютъ въ виду этого новѣйшіе томы лѣтописи г Барсукова, не безъ удовольствія цитирующаго взгляды старичковъ «временъ Очакова и покоренія Крыма» въ литературѣ, наукѣ, публицистикѣ. Книга г. Барсукова, какъ извѣстно, рядъ разнообразныхъ выписокъ изъ старыхъ журналовъ, книгъ, сборниковъ, дневниковъ, писемъ и т. д.; выписки едва связаны между собой, но всѣ онѣ относятся и къ интереснымъ людямъ, и къ интереснымъ моментамъ, характеризуя прошедшую злобу дня, обрисовывая общественные кружки въ лицѣ представителей научно-литературнаго міра среди ихъ взаимныхъ отношеній и отношеній къ администраціи; здѣсь найдется матеріалъ для мартиролога русской литературы и, если хотите, для мартиролога нѣкоторыхъ представителей старой интеллигенціи. Самъ лѣтописецъ довольно печально выглядываетъ изъ этой массы выписокъ, и впечатлѣнія читателя во многихъ отношеніяхъ складываются не въ его пользу: въ книгѣ очень много лишняго, на многое не мѣшало бы обратить побольше вниманія, желательно было бы побольше научной вдумчивости, поменьше проявленій черезчуръ отсталой лѣтописной манеры. Несомнѣннымъ достоинствомъ книги является предпочтеніе автора говорить непосредственно словами источника, и мы очень не посѣтовали бы на автора, если бы онъ нѣсколько расширилъ кругъ своихъ первоисточниковъ. Критикѣ по существу нечего дѣлать съ книгою г. Барсукова; нѣтъ ни возможности, ни нужды подробно излагать ея содержаніе; для цѣлей общаго журнала достаточно отмѣтить наиболѣе интересные пункты, которые въ данномъ случаѣ сосредоточиваются прежде всего вокругъ вопроса о ходѣ реформы крестьянскаго раскрѣпощенія, а частью вокругъ вопросовъ о дѣятельности тогдашней печати, тѣхъ или другихъ представителей интеллигенціи, московскаго университета и формулировки общественныхъ теченій, поскольку послѣднія могли отражаться въ затронутыхъ повѣствователемъ сферахъ.

Отъ вѣчно неудачныхъ и безплодныхъ попытокъ славянофиловъ обосновать свой собственный и сколько-нибудь вліятельный среди читающей публики органъ г. Барсуковъ переходитъ къ полемикѣ, возгорѣвшейся изъ-за статьи *Б. Н. Чичерина* о сельской общинѣ въ Россіи и его же магистерской диссертаціи объ областныхъ учрежденіяхъ XVII вѣка въ Россіи. Основныя идеи Б. Чичерина рѣшительно и сильно врывались въ нашу литературу, касались не деталей, не частностей, а обрисовывали цѣлое міровоззрѣніе, цѣльный взглядъ на русское прошлое и столь основные вопросы послѣдняго, какъ сельская община, превознесенная Гакстгаузеномъ и славянофилами, а въ иномъ смыслѣ и въ иной формулировкѣ позднѣйшими либералами, если только употребленіе этого термина въ виду его сбивчивости еще позволительно въ нашей литературѣ. Цѣльность взглядовъ Б. Чичерина колебала старину, и Н. И. Крыловъ, дѣльно указывавшій на недостатокъ эмпирическаго элемента въ его работахъ, впадалъ въ явныя пошлости, когда относился по принципу отрицательно къ попыткѣ теоретическихъ построеній и риторически восклицалъ, что «лучшій образецъ нашъ въ историческомъ изученіи,—безсмертный Карамзинъ: по его стопамъ мы должны идти, а не придумывать путей, строптивыхъ и косныхъ, ведущихъ къ заблужденіямъ» (стр. 220). Но въ 1857 году Карамзинъ уже отжилъ свой вѣкъ и могъ служить лишь образцомъ отрицательнаго характера. Цѣльный въ своемъ міровоззрѣніи, Б. Чичеринъ сказался не менѣе

рѣшительно въ вопросахъ общественнаго характера, въ отношеніи хода реформы. Съ захватывающимъ интересомъ читается въ лѣтописи г. Барсукова (стр. 246 и слѣд.) разсказъ о свиданіи А. И. Герцена и Б. Н. Чичерина въ Лондонѣ въ 1858 году и о результатѣ этого свиданія—письмѣ Чичерина Герцену, внесшемъ нежелательный и вредный расколъ въ мыслящіе круги русскаго общества. Герценъ не былъ вовсе не правъ, когда, намекая на Б. Чичерина, замѣтилъ, что его органъ «упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомысліи и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ,—на жару» (стр. 249). Въ свое время Б. Чичеринъ, конечно, сдѣлалъ бы лучше, если бы не напечаталъ у Герцена своего письма, но одно мѣсто этого письма до сихъ поръ сохраняетъ всю свою силу и значеніе. Б. Чичеринъ жалуется на отсутствіе въ Россіи «независимаго общественнаго мнѣнія» и на то, что у насъ «всѣ бранятся, отъ малаго до великаго, во всѣхъ сферахъ, на всѣхъ ступеняхъ общества, вездѣ слышишь одно и то же—критику безцѣльную, безплодную, безтолковую» (стр. 255). Больше сорока лѣтъ прошло со времени опубликованія письма Б. Чичерина, а у насъ все еще нѣтъ ни независимаго общественнаго мнѣнія, ни серьезной и дѣловитой критики, ни прочной положительной программы, ни глубины общественнаго захвата; мы все еще остаемся ко всему равнодушными, совершенно безпечными... Въ ходѣ реформъ письмо Б. Чичерина любопытно постановкою вопроса о формѣ отношеній тогдашней мыслящей части русскаго общества къ дѣятельности правительственныхъ органовъ. Письмо Чичерина вызвало основательные протесты, и самый блестящій изъ нихъ принадлежитъ перу К. Д. Кавелина (см. стр. 268).

Послѣднія десять главъ книги г. Барсукова посвящены «началу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Матеріалъ, здѣсь заключающійся, любопытенъ преимущественно съ одной стороны—со стороны тогдашняго бытового положенія вопроса въ обѣихъ столицахъ. 3-го января 1857 года былъ учрежденъ Секретный Комитетъ по крестьянскому дѣлу: смутные толки объ освобожденіи давно уже распространились и производили серьезныя волненія. Съ самаго начала было ясно, что стройность реформы потерпитъ значительный уронъ вслѣдствіе привлеченія къ дѣлу крѣпостниковъ вродѣ Панина или безразличныхъ вродѣ Брока, а также вслѣдствіе удаленія изъ Петербурга такихъ лицъ, какъ Киселевъ. Что касается научно-литературныхъ сферъ, то открыто онѣ заволновались въ выраженіи своихъ мыслей лишь со времени упомянутаго выше рескрипта 20-го ноября 1857 года, когда, по словамъ одного современника (стр. 470), «крестьянскій вопросъ поднялъ все на ноги, все заглушилъ, затмилъ и поглотилъ собою; многіе съ ума сошли, многіе умерли; нѣтъ ни палатъ, ни дома, ни хижины, гдѣ бы днемъ и ночью не думалъ, не безпокоился, не робѣлъ большой и малый владѣлецъ». *К. Д. Кавелинъ* пріѣхалъ въ Москву съ спеціальною миссіей устроить обѣденную манифестацію въ честь названнаго рескрипта: составъ присутствующихъ на обѣдѣ опредѣлился дѣятельностью въ этомъ направленіи Кавелина, Погодина и Каткова. Погодинъ принялъ участіе въ обѣдѣ, но славянофилы отказались отъ приглашенія въ полномъ составѣ. Отказываясь отъ участія въ обѣдѣ, Юрій Самаринъ писалъ, что онъ «дается безъ вѣдома мѣстнаго начальства» (стр. 474), что этимъ можно повредить дѣлу и т. д. Обѣдъ состоялся, но къ нему, помимо выходки славянофиловъ, присоединилась еще исторія съ Кокоревскою рѣчью. Читатели книги г. Барсукова только что разстались съ В. А. Кокоревымъ, какъ авторомъ новыхъ затѣй въ потемкинскомъ стилѣ, котораго Погодинъ въ публичной, дружески обращенной къ нему рѣчи назвалъ «человѣкомъ съ козлиной бородкой» (XIV, стр. 517). Отъ превознесенія черноморцевъ Кокоревъ бросился къ превознесенію освобожденія съ такимъ же пыломъ, съ такими же потемкинскими затѣями и

даже съ баснословными рѣчами. Г. Барсуковъ приводитъ въ своей книгѣ рѣчь Кокорева, изготовленную для обѣда 28-го декабря, напечатанную въ «Русскомъ Вѣстникѣ», сильно нашумѣвшую, отпечатанную въ количествѣ десяти тысячъ отдѣльныхъ оттисковъ и задержанную въ типографіи Закревскимъ, который сумѣлъ содѣйствовать отученію Москвы отъ всякой «самостоятельности», какъ выражено въ рѣчи Кокорева (стр. 487). Не съ этого ли времени Москва начала идти не впереди, а въ самомъ хвостѣ всякаго хорошаго начинанія?

Впрочемъ, всѣхъ выходокъ крѣпостниковъ, которыми обставлены были первыя минуты разработки вопроса о прекращеніи рабства въ Россіи, не выпишешь изъ книги г. Барсукова. Самое упоминаніе о нихъ цѣнно не для осужденія направленія, давно осужденнаго самою жизнью, а для характеристики реальной обстановки быта, среди которой происходила мучительная разработка великаго дѣла, положившаго начало существованію русскаго народа въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ книгѣ г. Барсукова найдется не мало намековъ на причины столь застарѣвшихъ у насъ крѣпостническихъ тенденцій. Описанія Белюстина, съ которымъ былъ въ очень энергичной одно время перепискѣ Погодинъ, даютъ матеріалъ для сужденія объ умственномъ и моральномъ уровнѣ тогдашняго областного духовенства, объ отсутствіи слѣдовъ образованности среди него; выдержки изъ дневника князя Вяземскаго, товарища министра народнаго просвѣщенія, говорятъ объ отсутствіи науки вообще. Такъ, подъ 18-е октября 1857 года Вяземскій записалъ въ своемъ дневникѣ, что «вообще преподаваніе у насъ бездушно, особенно въ гимназіяхъ, все мертвая буква, а живой мысли нѣтъ» (стр. 456). Съ интересомъ прочитаютъ въ настоящее время и тѣ строки, которыя г. Барсуковъ посвятилъ знаменитому въ лѣтописяхъ московскаго университета происшествію 29-го сентября 1857 года (стр. 458).

Не имѣя возможности останавливаться подробнѣе на содержаніи книги г. Барсукова, мы усердно рекомендуемъ читающей публикѣ, не стѣсняясь нѣсколько страшнымъ ея заголовкомъ и порою чуднымъ тономъ, обратиться къ внимательному ея чтенію (съ XIV-го тома); она невольно возбудитъ запросъ на болѣе основательное ознакомленіе съ эпохой, изъ которой можно почерпнуть массу поучительнаго для нынѣшняго поколѣнія. Авторъ пишетъ въ предисловіи, что покойный Леонидъ Майковъ былъ для него «*разумнымъ цензоромъ*»; отъ души желаемъ, чтобы г. Барсуковъ не выбралъ себѣ для дальнѣйшихъ томовъ своей лѣтописи цензора неразумнаго, если только вообще ему нужно выбирать себѣ какого нибудь цензора: дальнѣйшіе томы должны быть одинъ интереснѣе другого, чѣмъ объективнѣе будетъ авторъ, тѣмъ лучше, и если онъ подчинится какому-либо тусклому вліянію, то пусть онъ тогда не сѣтуетъ, если современники и потомство лишатъ его всякой благодарности за его многолѣтній и, безспорно, интересный, не смотря на всѣ недостатки, трудъ.

Василій Сторожевъ.

П. Н. Полевой. Исторія русской словесности. Спб. 1900 г. Изд. А. Ф. Маркса. 3 тома. Въ концѣ 1899 года г. Марксъ, издатель «Нивы», въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ распространилъ по всей Россіи объявленіе о подпискѣ на роскошно-иллюстрированное изданіе «Исторіи русской словесности» съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, полной, подробной и т. д. Въ этомъ объявленіи было дано такъ много разнаго рода обѣщаній, что даже и самъ издатель забылъ, что обѣщалъ. Прежде всего необходимо отмѣтить, что изданіе оказалось дѣйствительно роскошно-иллюстрированнымъ, даже черезчуръ роскошнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Но все-таки даже и относительно иллюстрацій не всѣ обѣщанія исполнены. Обѣщаны были, напримѣръ, «всѣ достовѣрнѣйшіе портреты русскихъ авторовъ отъ царя Іоанна Грознаго до дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ». На самомъ же дѣлѣ въ книгѣ г. Полевого нѣтъ портретовъ многихъ не только нынѣ здравствующихъ, но и покойныхъ писа-

телей. Между прочимъ, нѣтъ портретовъ Герцена, Каткова, Надсона, нѣтъ даже помѣщеннаго въ объявленіи портрета историка С. Соловьева. Были обѣщаны портреты главнѣйшихъ представителей русской словесности — на отдѣльныхъ листахъ. Обѣщаніе это совсѣмъ забыто. Было бы гораздо лучше, если бы издатель позаботился исполненіемъ своего обѣщанія относительно портретовъ вмѣсто того, чтобы вносить въ «Исторію русской словесности» такія иллюстраціи, которыя иногда имѣютъ довольно отдаленное отношеніе къ исторіи литературы, и для которыхъ наиболѣе подходящее мѣсто—въ исторіи архитектуры, живописи, театра, книгопечатнаго дѣла и т. п.

Обѣщанія относительно содержанія «Исторіи русской словесности» также исполнены далеко не всѣ. Первое и главное обѣщаніе состояло въ томъ, что «вся исторія русской словесности... будетъ изложена... отъ первыхъ шаговъ на русской почвѣ до *настоящаго времени*». — «Весь трудъ — говорилось дальше въ объявленіи—закончится *обзоромъ текущей русской литературы и журналистики, столь богатыхъ произведеніями талантливыхъ авторовъ, еще живущихъ и дѣйствующихъ.*» (Все набранное курсивомъ въ объявленіи напечатано жирнымъ шрифтомъ). Обѣщаніе это исполненно довольно курьезно. Читатель найдетъ въ книгѣ г. Полевого «Вѣстникъ Европы» Карамзина и Каченовскаго, но не найдетъ «Вѣстника Европы» г. Стасюлевича, встрѣтитъ характеристику русской журналистики XVIII и первой половины XIX вѣка и почти полное молчаніе о позднѣйшемъ ея развитіи. Нельзя же считать обзоромъ текущей журналистики бѣглое упоминаніе о произведеніяхъ, напечатанныхъ въ томъ или другомъ журналѣ. Такое же странное отношеніе и къ исторической наукѣ, и къ публицистикѣ второй половины XIX вѣка. Цѣлый рядъ историковъ и публицистовъ или вовсе не упоминается или упоминается мимоходомъ. Даже о литературной дѣятельности Герцена, и какъ беллетриста, и какъ публициста, въ «Исторіи русской литературы» ничего не говорится. И да не подумаетъ читатель, что въ этомъ умолчаніи объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей повинны «независящія обстоятельства». Если оказалось возможнымъ помѣстить портретъ и біографическій очеркъ Чернышевскаго, то не было бы никакихъ препятствій для того, чтобы говорить о Герценѣ, покрайней мѣрѣ, какъ о беллетристѣ.

Не только пропущенъ рядъ русскихъ историковъ и публицистовъ, въ «полной» и «подробной» исторіи русской литературы не оказалось мѣста для многихъ представителей изящной словесности, иногда довольно замѣчательныхъ и во всякомъ случаѣ заслуживающихъ болѣе вниманія, чѣмъ многіе изъ прежнихъ и современныхъ писателей, о которыхъ счелъ нужнымъ говорить г. Полевой. Особенно не посчастливилось въ новѣйшемъ трудѣ по исторіи русской литературы русскимъ писательницамъ и писателямъ-народникамъ. Въ «Исторіи» г. Полевого читатель не найдетъ ни слова о Жадовской, о Кохановской (Сохaнской), о Марковичъ (Марко-Вовчекъ), даже о Хвощинской (Заіончковской), не говоря уже о нѣкоторыхъ современныхъ писательницахъ. Изъ писателей-народниковъ пропущены Даль, Н. Успенскій, Слѣпцовъ, Каронинъ, г. Наумовъ и друг.

Кромѣ полноты и подробности, объявленіе объ «Исторіи» г. Полевого обѣщало и пропорціональность въ распредѣленіи историко-литературнаго матеріала. «Болѣе важнымъ, выдающимся явленіемъ и дѣятелямъ—говорилось въ объявленіи—будетъ отведено, мѣсто и подобающее ихъ достоинству и значенію» Какъ исполнено это обѣщаніе, можно видѣть изъ того, что Жуковскому, напримѣръ, удѣлено сорокъ страницъ, Лермонтову—около сорока, Грибоѣдову — тридцать, Тургеневу—двадцать шесть, Достоевскому—четырнадцать, а Льву Толстому — всего девять страницъ. Озерову удѣлено больше вниманія, чѣмъ

Островскому, «Россіадѣ» Хераскова — больше, чѣмъ «Войнѣ и миру» Л. Толстого; Н. Полевому отведено почти втрое больше мѣста, чѣмъ Бѣлинскому и т. д.

Далѣе, въ концѣ каждаго изложеннаго періода объявленіе обѣщало приложить біографическій указатель «для болѣе подробнаго и болѣе спеціальнаго изученія даннаго періода». Обѣщаніе это совершенно забыто.

Но оставимъ перечисленіе неисполненныхъ обѣщаній и перейдемъ къ разсмотрѣнію того матеріала, который данъ въ текстѣ трехъ громадныхъ томовъ. Прежде всего бросается въ глаза масса опечатокъ въ названіяхъ литературныхъ произведеній и особенно въ хронологическихъ датахъ. Сплошь и рядомъ встрѣчаются ошибки на годъ, на два, и даже на двадцать и пятьдесятъ лѣтъ; даже годъ рожденія Пушкина указанъ невѣрно. Вообще, хронологія—больное мѣсто въ «Исторіи» г. Полевого. Если большая часть невѣрныхъ датъ и можетъ быть объяснена недосмотромъ корректора, то ничѣмъ уже, кромѣ небрежности, нельзя объяснить заявленій, что Л. Толстой выступилъ на литературное поприще *раньше* Достоевскаго (III. 510), что «Андрей Колосовъ» написанъ *послѣ* «Записокъ Охотника», что «Стихотвореніе въ прозѣ» были *послѣднимъ* произведеніемъ Тургенева и т. д. Доказательствомъ крайней небрежности, съ какою авторъ отнесся къ своему труду, является и масса противорѣчій въ разныхъ выпускахъ «Исторіи русской словесности». Въ одномъ выпускѣ екатерининскія главныя народныя училища приравнены къ уѣзднымъ училищамъ, а въ другомъ—къ гимназіямъ; въ одномъ выпускѣ говорится, что революціонное движеніе 1848 г. «не находило, да и не могло найти никакого сочувственнаго отклика въ Россіи», а въ другомъ—кружокъ Петрашевскаго называется «тайнымъ обществомъ революціоннаго характера». Въ X выпускѣ говорится, что «на мѣсто серьезной критики Бѣлинскаго явилась талантливая, все высмѣивающая, но ни съ какой логикой не согласная критика Д. И. Писарева», а въ XII вып. говорится, что у Писарева былъ «блестящій и чуткій критическій талантъ, вооруженный могучимъ, смѣлымъ и безпощаднымъ анализомъ». Переводъ Пушкина на югъ Россіи г. Полевой называетъ «первой ссылкой», а такой же переводъ Лермонтова на Кавказъ онъ отказывается назвать ссылкой.

Отъ противорѣчій перейдемъ къ фактическимъ ошибкамъ и невѣрнымъ сужденіямъ, которыхъ въ «Исторіи» еще больше, чѣмъ опечатокъ. Предъявлять особенно большія требованія къ новому труду г. Полевого нельзя, потому что въ его задачу входило написать только «популярно-научную книгу». Но и популярно-научныя сочиненія должны, по возможности, стоять на высотѣ современной науки. Относительно перваго тома «Исторіи русской словесности» было уже указано въ печати, какъ много внесено г. Полевымъ въ исторію древней русской литературы произвольныхъ, ошибочныхъ и устарѣлыхъ фактовъ и мнѣній *). Къ сожалѣнію, и послѣдніе два тома въ этомъ отношеніи нисколько не лучше. Было бы крайне утомительно перечислять ошибки, которыя бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ просмотрѣ книги г. Полевого. Но чтобы не быть голословнымъ, сдѣлаемъ нѣсколько указаній. Давно извѣстно, что Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» гораздо больше старается хвалить, чѣмъ порицать. А г. Полевой увѣряетъ, что Новиковъ относится къ писателямъ «со строгою разборчивостью» и своими «довольно строгими отзывами» возмутилъ «многихъ писателей». Давно извѣстно, что Карамзинъ путешествовалъ за границей на собственный счетъ, а г. Полевой все повторяетъ, что авторъ «Писемъ русскаго путешественника»—«и за границу уѣхалъ на счетъ Дружескаго Общества». Нечего говорить уже о томъ, что, по мнѣнію г. Полевого, «Письма» Карамзина были написаны за границей, а не по возвращеніи изъ путешествія, какъ это недавно доказано г. Сипов-

*) См. рецензію г. Суровцева въ «Русской Школѣ» 1900 г. № 7—8.

скимъ. Незамѣтно въ «Исторіи русской словесности» и новѣйшей оцѣнки Карамзина, какъ историка. Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ въ засѣданіи Арзамаса всего одинъ разъ, а г. Полевой распространяется о связяхъ, которыя завелъ молодой поэтъ въ этомъ обществѣ, и чтеніи имъ своихъ произведеній на собраніяхъ этого общества. Въ «Цыганахъ» Пушкинъ отрѣшился отъ байронизма, а г. Полевой говоритъ о вліяніи Байрона, отразившемся въ этомъ произведеніи. По формѣ «Евгеній Онѣгинъ»—сколокъ съ «Донъ-Жуана» Байрона, а г. Полевой увѣряетъ, что въ романѣ Пушкина и содержаніе и форма оригинальны. У Пушкина есть цѣлый рядъ элегій иногда проникнутыхъ полнымъ отчаяніемъ, а г. Полевой увѣряетъ что «по самой натурѣ своей Пушкинъ.... неспособенъ былъ къ нытью и хныканью и предпочиталъ молчаніе этому угнетенному, минорному настроенію, которое... онъ не считалъ достойнымъ поэзіи».

Извѣстно, что «Библіотека для чтенія» при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ свое время сослужила не малую службу русскому просвѣщенію: а г. Полевой называетъ этотъ журналъ «ни для кого не нужнымъ и менѣе всего нужнымъ для современной русской публики». Извѣстно, что Чадаевъ за свое письмо въ «Телескопѣ» былъ объявленъ сумасшедшимъ, а г. Полевой говоритъ, что «Чадаеву посовѣтовали уѣхать за границу». Такого наказанія, насколько извѣстно, въ царствованіе императора Николая I не было. Станкевичъ какъ извѣстно, оказалъ громадное вліяніе на Бѣлинскаго. У г. Полевого Бѣлинскій оказалъ вліяніе на Станкевича, неизвѣстно только, въ чемъ.

Если отъ главныхъ дѣятелей русской литературы перейти къ второстепеннымъ, то тамъ фактическихъ ошибокъ и всякаго рода неточностей окажется еще больше. А сколько въ «Исторіи русской словесности» разнаго рода странныхъ и невѣрныхъ сужденій, которыя противополагаются иногда другимъ, болѣе основательнымъ, мнѣніямъ! Извѣстно, что Пушкинъ написалъ эпиграмму и пародію на «Исторію Государства Россійскаго»; доказано, что «въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводителемъ» (Ждановъ). А. г. Полевой говоритъ, что «Пушкинъ... вдохновленный... образами Карамзина, принялъ ихъ въ основу своего творчества, не дерзнувъ примѣнить къ нимъ никакой критики».

Никто кажется, не подвергалъ сомнѣнію тотъ фактъ, что какъ на югѣ Россіи, такъ и въ псковской ссылкѣ, Пушкинъ любилъ переодѣваться въ оригинальные костюмы и разгуливать среди толпы, По мнѣнію г. Полевого, «это не похоже на Пушкина, который все же былъ прежде всего баринъ (!) и заботился о поддержаніи своего достоинства». А вотъ еще рядъ заявленій, не нуждающихся въ особыхъ оговоркахъ относительно ихъ достоинства.

Трагедіи Озерова—«оригинальныя», у Батюшкова «все свое», Пушкинъ страшился «во что бы то ни стало покончить разсчеты съ жизнью». «Едва ли не главнымъ и выдающимся достоинствомъ произведеній Соллогуба является то, что онъ самъ не придаетъ имъ никакого существеннаго значенія» (III, 382). «Главою и родоначальникомъ славянофильской партіи» признается К. Аксаковъ, и русское славянофильство характеризуется по его сочиненіямъ. Майковъ—наиболѣе талантливый поэтъ второй половины XIX вѣка. «Въ лицѣ Некрасова передъ нами поэтъ-лирикъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова» и т. д.

Нельзя также не отмѣтить пристрастія г. Полевого къ черезчуръ категорическимъ заявленіямъ: Гоголь, по его мнѣнію, былъ избалованъ *общею* любовью и вниманіемъ къ его произведеніямъ.

Поэма Козлова «Чернецъ» была переведена «на *всѣ* языки свѣта». Къ Тургеневу «*всѣ* издатели и *всѣ* журналы, наперерывъ, обращались съ просьбами дать имъ хоть что-нибудь».

Подобнаго рода ошибками, неточностями, преувеличеніями, невѣрными или

крайне сомнительными и рискованными сужденіями наполнена вся «Исторія русской словесности» г. Полевого.

Если прибавить сюда еще существенные пропуски, то будетъ ясно, что обѣщаніе издателя дать справочную книгу по русской литературѣ и намѣреніе автора сдѣлать изъ своей «Исторіи»—«шнуровую книгу современнаго капитала идей и знаній» остались неосуществленными. Для справокъ «Исторія» г. Полевого—крайне ненадежный источникъ, да и приложенный къ ней указатель не отличается достаточной полнотой. Какъ «шнуравая книга современнаго капитала идей и знаній», «Исторія русской словесности» еще неудовлетворительнѣе, потому что въ ней напичкано много маловажнаго и пропущено много существенно важнаго даже въ области изящной словесности.

Конечно, въ книгѣ г. Полевого есть много и вѣрнаго и дѣльнаго, особенно въ тѣхъ главахъ, гдѣ онъ, «не мудрствуя лукаво», излагаетъ факты, опираясь на хорошія пособія, а въ своихъ сужденіяхъ опирается на новѣйшіе труды въ области исторіи литтературы. Но и къ этому вѣрному и дѣльному трудно отнестись съ полнымъ довѣріемъ, зная, какъ небрежно составлена книга г. Полевого.

Особенно не удовлетворителенъ заключительный отдѣлъ «Исторіи русской словесности», посвященный современной литературѣ. Въ предисловіи къ своему труду г. Полевой сдѣлалъ, между прочимъ, такое заявленіе; «Исторія словесности, на нашъ взглядъ, можетъ явиться полною и законченною лишь въ томъ случаѣ, если она, занимаясь фактами литературной жизни писателей и обзоромъ ихъ произведеній, въ то же время даетъ понятіе и объ обществѣ, среди котораго писатели жили и дѣйствовали. Безъ этого необходимаго дополненія исторія словесности будетъ представлять собою сухой и скучный перечень именъ и заглавій, не имѣющій серьезнаго образовательнаго значенія; да и самая «исторія писателей» помимо своей связи съ исторіей общества, обратится въ текстъ біографическаго словаря, пригодный для справокъ, но неудобный для чтенія».

Вопреки собственному заявленію г. Полевой въ концѣ своей книги какъ разъ и даетъ такой именно «сухой и скучный перечень» современныхъ писателей съ тою только разницей, что этотъ перечень далеко не полонъ и неудобенъ не только для чтенія, но и для справокъ. Современные писатели, исключая Льва Толстого, расположены г. Полевымъ въ алфавитномъ порядкѣ, и удѣлено имъ вмѣстѣ съ портретами и автографами семьдесятъ страницъ. На этихъ семидесяти не полныхъ страницахъ—болѣе семидесяти краткихъ біографическихъ очерковъ съ указаніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній каждаго писателя. О содержаніи и значеніи этихъ произведеній, о направленіи и общемъ характерѣ литературной дѣятельности даннаго писателя говорится очень мало, а иногда не говорится ни слова. Насколько строгъ г. Полевой къ нѣкоторымъ покойнымъ писателямъ, настолько онъ снисходителенъ и мягокъ къ современнымъ литераторамъ. Каждому изъ нихъ онъ старается сказать что-нибудь пріятное, указывая на успѣхъ ихъ сочиненій и ссылаясь на «безпристрастную критику». Вообще, въ главѣ о современныхъ писателяхъ г. Полевой точно боится «свое сужденіе имѣть», хотя о покойныхъ писателяхъ онъ любитъ высказывать свои личныя мнѣнія. *С. Ашевскій.*

О. М. Петерсонъ. Сервантесъ и его произведенія. Біографическій очеркъ. С.-Петербургъ 1901 г. Эта книга можетъ служить образцомъ легкомысленнаго отношенія къ серьезнымъ сюжетамъ. На послѣдней страницѣ авторъ счелъ нужнымъ, какъ дѣлается въ ученыхъ трудахъ, перечислить тѣ книги, которыя «при составленіи этого очерка служили пособіями». Пособія эти чрезвычайно любопытны: это русскій и англійскій переводы «Донъ Кихота», статья французской «Большой Энциклопедіи», «Всеобщая исторія» Вебера, «Исторія

испанской литературы» Тикнора, еще два старыхъ нѣмецкихъ сочиненія такого же общаго характера и одна старая французская біографія Сервантеса (Chasles). Даже въ русской научной литературѣ есть прекрасныя спеціальныя статьи о Сервантесѣ (проф. Стороженка и г. Лесевича), которыми г-жа Петерсонъ не сочла нужнымъ воспользоваться. Но всего страннѣе то, что авторъ не видитъ надобности знать даже языкъ того автора, котораго онъ избралъ предметомъ своей работы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не нужно даже заглядывать въ наивный списокъ пособій,—это явствуетъ изъ безбожной транскрипціи испанскихъ словъ. Мы встрѣчаемъ нетолько такія начертанія, какъ Жуанъ вмѣсто Хуанъ, но Валладолида вмѣсто Вальядолида, Валенція вмѣсто Валенсія, наконецъ даже городъ Эчіа вмѣсто Эсиха. Само собою разумѣется, что характеристика великаго испанца не выходитъ изъ общихъ мѣстъ. Факты его біографіи, поскольку они извѣстны, сами по себѣ такъ похожи на рыцарскій романъ, что способны поддерживать интересъ читателя, при чемъ справедливость требуетъ указать, что языкъ біографіи живой и вполнѣ литературный; но самыми занимательными мѣстами остаются тѣ, гдѣ біографъ приводитъ отрывки сочиненій самого Сервантеса, какъ, напр., прекрасный разсказъ алжирскаго плѣнника изъ «Донъ Кихота». Гораздо хуже та часть, гдѣ авторъ старается очертить значеніе литературной дѣятельности Сервантеса. Здѣсь недостатокъ спеціальныхъ знаній и пользованіе устарѣвшими пособіями не даютъ ему установить сколько-нибудь удачную историческую перспективу. Между прочимъ г-жа Петерсонъ останавливается довольно подробно на драматическихъ произведеніяхъ Сервантеса, которыя имѣютъ весьма второстепенное значеніе даже съ исторической точки зрѣнія, и почти не касается его мелкихъ новеллъ, представляющихъ и теперь весьма большой интересъ и чрезвычайно важныхъ для исторіи повѣсти. Книжка украшена нѣсколькими изъ извѣстныхъ гравюръ Доре къ «Донъ-Кихоту», которыя однако не имѣютъ никакого отношенія къ тексту книги *Е. Дегенъ.*

М. Ватсонъ. Джузеппе Джусти. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ Д. Джусти. С.-Петербургъ 1900 г.

Для настоящаго третьяго выпуска своей «Итальянской библіотеки» г-жа Ватсонъ выбрала одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ итальянской литературы новаго времени, гдѣ исторія литературы почти сливается съ исторіей націи. Джусти часто сравнивали съ Беранже, но сходство этихъ писателей поверхностно, какъ справедливо указываетъ біографъ. Съ большимъ основаніемъ его можно поставить въ одинъ рядъ съ нѣмецкими поэтами 40-хъ годовъ. Въ эволюціи чисто художественныхъ образовъ ни Джусти, ни Гервегъ, ни Морицъ Гартманъ не займутъ виднаго мѣста; ихъ не занимали проблемы воспроизведенія собственной психики и внѣшняго міра, они не открыли новыхъ точекъ зрѣнія на природу, они не создали новой красоты. Историческій моментъ ставилъ имъ другую задачу, и значеніе ихъ лежитъ въ другой области. Они не могли оторвать своего вниманія отъ страданій своего народа, какъ цѣлаго. Близокъ былъ уже поворотный моментъ къ болѣе свѣтлой національной жизни, а между тѣмъ послѣ долгихъ напряженныхъ усилій передовыхъ группъ дѣйствительность казалась мрачнѣе, чѣмъ когда-либо. Всѣ порывы, всѣ героическія жертвы лучшихъ людей, казалось, ведутъ только въ репрессіи и къ торжеству враговъ свободы. Въ этихъ условіяхъ общественная роль литературы заключалась въ томъ, что она какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи не дала націи отчаяться въ великихъ цѣляхъ борьбы, огненными словами выражая общія всѣмъ чувства: одушевленіе завѣтными идеями и ненависть къ угнетателямъ. Къ нимъ съ полнымъ правомъ можно примѣнить слова древняго поэта: они «любили, ненавидя», или слова русскаго писателя (Курочкина), что «сатира есть та же молитва». Сатира Джусти это не легкомысленная и фривольная насмѣшка

скептика, не холодная, презрительная гримаса разочарованнаго созерцателя-пессимиста,—это болью вырванный крикъ затравленнаго звѣря, который, доведенный до крайности, переходитъ въ наступленіе. Выраженныя поэтомъ чувства были общи всѣмъ его современникамъ, но онъ одинъ умѣлъ дать имъ форму, воплотить ихъ въ такія образы, которые говорили уму и сердцу каждаго. Въ этомъ и заключается особенность исторической роли Джусти и ему подобныхъ поэтовъ, нерѣдко являвшихся во всѣ времена въ драматическіе моменты общественной борьбы: онъ не былъ великимъ геніемъ, котораго цѣлая пропасть отдѣляетъ отъ толпы, онъ былъ талантливымъ представителемъ лучшихъ стремленій этой самой толпы. «Главная сила Джусти,—говоритъ г-жа Ватсонъ,—есть политическая сатира, и естественно, что его произведенія часто носятъ такую сильную мѣстную окраску, которая затрудняетъ ихъ пониманіе для чуждой публики». Для возможно болѣе яснаго пониманія духа и смысла его поэзіи необходимо дать читателю возможно болѣе полное представленіе объ исторической и общественной обстановкѣ ея возникновенія. «Жизнь его (Джусти) такъ тѣсно связана съ политическими судьбами Италіи, что Гейзе (переводчикъ произведеній итальянскаго сатирика на нѣмецкій языкъ) справедливо замѣчаетъ, что біографіей поэта могла бы быть подробная исторія его времени, тѣхъ двадцати лѣтъ (1830—1850), въ теченіе которыхъ онъ облекалъ въ поэтическія формы и тайныя, и явныя движенія народнаго духа». Къ самымъ замѣтнымъ недостаткамъ очерка г-жи Ватсонъ относится именно слишкомъ отрывочное изложеніе историческихъ событій того времени и почти полное отсутствіе характеристики дѣйствовавшихъ въ тотъ моментъ общественныхъ элементовъ. Можно было бы возразить, что факты этого періода общеизвѣстны, а потому повторять ихъ излишне. Но писатель, который пишетъ не ученое изслѣдованіе для спеціалистовъ, а популярную брошюру для широкой публики, едва ли въ правѣ ожидать отъ нея систематическихъ свѣдѣній по какому бы то ни было историческому періоду и волей-неволей долженъ повторять зады, если хочетъ чтобы средній читатель оцѣнилъ всю силу его утвержденій. За этой оговоркой, слѣдуетъ признать, что этюдъ г-жи Ватсонъ заслуживаетъ вниманія какъ выборомъ сюжета, такъ и живымъ изложеніемъ содержанія лучшихъ сатиръ Джусти, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, почти ничего не переведено на русскій языкъ. *Е. Дегенъ.*

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Гюнтеръ. «Исторія культуры».—*Ратцель.* «Народовѣдѣніе».

Р. Гюнтеръ. Исторія культуры. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1901. 352+IV стр. 8° Цѣна 1 р. Чтобы правильно оцѣнить книгу, носящую такое широкое заглавіе, какъ «Исторія культуры», надо прежде всего уяснить себѣ, какія цѣли преслѣдуетъ ея авторъ, какъ онъ понимаетъ терминъ «культура» и что онъ въ дѣйствительности даетъ читателю. Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы очень трудно найти отвѣтъ въ книгѣ Гюнтера. На стр. 215 онъ называетъ свою книгу «краткимъ руководствомъ исторіи культуры», и мы должны, слѣдовательно, оцѣнивать его трудъ именно съ этой точки зрѣнія: особенной подробности въ изложеніи мы искать не должны. Посмотримъ теперь, какъ изложена эта исторія культуры. Прежде всего бросается въ глаза странная непропорціональность. Начиная свое изложеніе съ культуры первобытнаго человѣка, авторъ довольно подробно (сравнительно, конечно), излагаетъ культуру Китая, Японіи, Индіи, Вавилоніи, Ассиріи, Ирана, Финикіи, Палестины, древняго Египта, Эллады и Рима (214 стр.); затѣмъ переходитъ

къ культурѣ среднихъ вѣковъ (84 стр.) и заканчиваетъ свою книгу «культурой вѣка просвѣщенія» (53 стр.). Эта послѣдняя глава содержитъ слѣдующіе отдѣлы: «Итальянскій ренесансъ, Гуманизмъ въ Германіи и реформація, Борьба просвѣщенія съ суевѣріемъ, и Міровыя сообщенія. Сущность современной міровой торговли, развитіе новѣйшихъ средствъ сообщенія, вѣкъ естественныхъ наукъ». О «вѣкѣ естественныхъ наукъ» написано всего три странички, изъ которыхъ одна представляетъ выдержку изъ лекціи Вернера Сименса, прочитанной въ Берлинѣ на открытіи засѣданій «Общества естествоиспытателей и врачей» осенью 1868 г. Уже изъ этого видно, что изложеніе автора становится все короче и короче, по мѣрѣ приближенія къ новому времени, и у читателя можетъ явиться представленіе, что вся культура новѣйшаго времени сводится къ развитію средствъ сообщенія и къ міровой торговлѣ. Мы не склонны отрицать важности этой стороны современной культуры, но думаемъ, что такая коммерческая точка зрѣнія на современную культуру можетъ интересовать не всѣхъ читателей и не совсѣмъ умѣстна въ «краткомъ руководствѣ исторіи культуры». Авторъ является здѣсь горячимъ сторонникомъ свободной торговли, противникомъ «таможенныхъ панцырей», защитникомъ свободнаго развитія торговли, «ускоряемаго ежедневно новыми открытіями и оплодотворяемаго духомъ гуманности». Такое окончаніе «исторіи культуры» невольно наводитъ на мысль, не написана ли и вся книга только ради распространенія этихъ мыслей о свободѣ торговли. Во всякомъ случаѣ остается непонятнымъ, почему авторъ говоритъ о государственномъ устройствѣ, сословіяхъ, семьѣ, воспитаніи, военномъ строѣ, общественной жизни, театрѣ, литературѣ, искусствѣ и наукѣ въ древней Греціи и ни словомъ не оговаривается объ этихъ культурныхъ явленіяхъ новѣйшаго времени. Если авторъ не былъ въ состояніи дать читателю исторію новѣйшей культуры, то, право, было бы гораздо полезнѣе дать хотя бы исторію развитія путей сообщенія съ древнѣйшихъ временъ до нашего времени, чѣмъ оцѣнивать всю исторію культуры съ коммерческой точки зрѣнія. А склонность автора къ этому замѣтна и въ другихъ частяхъ книги. Такъ, напр., на стр. 8 онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ человѣческій языкъ: «Каждое слово подобно ходячей монетѣ въ народномъ обращеніи, которую каждый принимаетъ и выдаетъ, и происхожденіе которой остается приписать какъ бы непроизвольному соглашенію». Что можетъ читатель понять изъ этого ничего не говорящаго сравненія слова съ монетой?

Мы не станемъ разбирать всѣхъ фактическихъ неточностей и ошибокъ, которыхъ не мало въ разбираемой нами книгѣ, а приведемъ только для иллюстраціи нѣсколько примѣровъ. На стр. 14 авторъ сообщаетъ, что «лишь въ концѣ XVIII в. для освѣщенія стали употреблять *углекислый газъ*» (!?) «Простѣйшее и лучшее (?) письмо—латинское», говорится на стр. 11. А по нашему такъ русское еще лучше и проще. «Порча языка вызывается недостаткомъ истиннаго народнаго самосознанія» (10). «Человѣкъ сталъ пользоваться огнемъ съ тѣхъ поръ, какъ созналъ себя человѣкомъ» (16). На стр. 24 упомянуто о «генотеизмѣ, вѣрѣ въ единаго Бога», между тѣмъ «генотеизмомъ» (терминъ введенъ Максомъ Мюллеромъ) называется выдѣленіе изъ множества божествъ одного божества, какъ наивысшаго, а именно того, къ которому въ каждомъ данномъ случаѣ обращается молящійся: это явленіе наблюдалъ М. Мюллеръ въ индійской религіи самаго древняго періода, а вѣры въ единаго бога (монотеизма) въ Индіи никогда не существовало. Странно слышать изъ устъ историка культуры, что «большинство нравовъ и обычаевъ представляетъ или курьезы, пародіи нравовъ (?)» (24). «Семья является основою всего государственнаго строя» (25), а далѣе (29): «Основами государства является народъ, или, лучше сказать (?), нація и населяемая ею территорія». А семья уже забыта, всего черезъ 4 страницы. «Торговая дѣятельность прирождена и свойственна

человѣку», говоритъ авторъ на стр. 31, и т. д. и т. д. Серьезно полемизировать противъ всѣхъ подобныхъ положеній, которыя обыкновенно авторомъ не доказываются, нѣтъ никакой надобности. Какъ исключеніе, иногда встрѣчаются въ книжкѣ и попытки какъ будто что-то доказать, но и онѣ обыкновенно крайне неудачны даже въ томъ случаѣ, когда авторъ и правъ. Вотъ образчикъ аргументаціи автора по поводу выясненія понятія культуры (которое, между прочимъ, такъ и осталось не вполнѣ выясненнымъ): «Неоднократно наблюдали, что обезьяны, слоны и собаки могутъ объясняться между собою насчетъ нѣкоторыхъ чисто матеріальныхъ вещей. Работы муравьевъ тоже указываютъ на извѣстную умственную дѣятельность, которая можетъ казаться намъ въ своемъ родѣ изумительной. Тѣмъ не менѣе, никому не придетъ въ голову серьезно толковать о языкѣ обезьянъ, слоновъ, собакъ и муравьевъ, или же о культурѣ обезьянъ и муравьевъ,—именно по той причинѣ, что таковой въ дѣйствительности не существуетъ». Ходъ доказательства, какъ видитъ читатель, такой: есть факты, которые позволяютъ говорить о языкѣ и культурѣ животныхъ; однако серьезно объ этомъ говорить нельзя, потому что такихъ фактовъ нельзя называть культурой. Почему же нельзя?—спроситъ читатель. А потому, что тотъ, кому придетъ въ голову такая несчастная мысль, тотъ будетъ человѣкомъ не серьезнымъ. Однако мы утѣшимъ читателя: такія мысли дѣйствительно приходили и приходятъ въ голову серьезнымъ людямъ, на самомъ же дѣлѣ бѣда въ томъ, что авторъ самъ не умѣетъ говорить серьезно о серьезныхъ вещахъ и не понимаетъ тѣхъ вопросовъ, которые были поставлены серьезными изслѣдователями исторіи культуры.

Въ заключеніе нужно сказать, что авторъ самъ постарался показать, насколько онъ отсталъ отъ знающихъ людей. Его книга, пожалуй, на половину, составлена изъ выписокъ, которыя прекрасно оттѣняютъ убожество автора и заставляютъ сожалѣть о томъ, что и вся книга не составлена изъ подобныхъ же выписокъ. Отсюда ясенъ и нашъ выводъ о книгѣ г. Гюнтера: лучше и гораздо полезнѣе прочесть хоть одну изъ тѣхъ книгъ, откуда приводитъ выписки авторъ, чѣмъ читать его книгу. Особенно нужно предостеречь тѣхъ, кто думаетъ читать ее въ началѣ своихъ занятій исторіей культуры.

Д. Кудрявскій.

Фридрихъ Ратцель. Народовѣдѣніе. Переводъ съ нѣмецкаго, съ разрѣшенія издателей оригинала, съ оригинальными дополненіями и библіографическимъ указателемъ Д. А. Коропчевскаго. Выпуски 1—13. Предпринятый книгоиздательскимъ товариществомъ «Просвѣщеніе» переводъ «Народовѣдѣнія» проф. Ратцеля въ настоящее время еще далеко не доведенъ до конца. Всего обѣщано 36 выпусковъ, изъ которыхъ до сихъ поръ вышло только 13, т.-е. немного болѣе трети. Поэтому, вообще, было бы слишкомъ рано давать уже теперь отзывъ объ этой книгѣ. Однако, въ виду того, что это сочиненіе написано извѣстнымъ въ наукѣ авторомъ, имя котораго до нѣкоторой степени можетъ служить порукою за доброкачественность текста, и теперь уже можно сказать, что русская этнографическая литература сдѣлаетъ очень серьезное пріобрѣтеніе, когда переводъ будетъ законченъ. О томъ, на сколько роскошно обставлено это изданіе съ внѣшней стороны, можетъ свидѣтельствовать уже то, что оно будетъ снабжено «1.103 художественно исполненными рисунками въ текстѣ, 6 картами въ краскахъ, 26 рѣзанными на деревѣ черными картинами и 30 хромолитографіями». И это не реклама, такъ какъ при сравненіи съ подлинникомъ, воспроизведеніе всего этого въ вышедшихъ выпускахъ русскаго перевода нисколько не уступаетъ нѣмецкому изданію. Уже одно богатство иллюстрацій, бросающееся въ глаза даже при поверхностномъ просмотрѣ книги, представляетъ весьма поучительную сторону этого сочиненія: типы народовъ, домашняя утварь, оружіе, одежда, жилища, картины цѣлыхъ селеній и даже

бытовыя сцены—все это наглядно вводитъ читателя въ жизнь описываемыхъ народовъ. Если прибавить къ этому, что текстъ даетъ систематическое объясненіе рисункамъ, то легко будетъ понять, какое богатство свѣдѣній заключено въ этомъ сочиненіи.

Проф. Ратцель, повидимому, сознательно стремился дать въ своей книгѣ по возможности полный сводъ того, что мы знаемъ о жизни народовъ земного шара, конечно, въ общихъ чертахъ. Въ этомъ отношеніи его искусство поразительно: онъ умѣетъ въ связномъ, не прерывающемся разсказѣ упомянуть о массѣ мелкихъ подробностей, которыя, казалось бы, не имѣютъ между собою почти ничего общаго. Въ этомъ отношеніи его языкъ отличается крайней оригинальностью, и потому требуетъ отъ переводчика большого искусства. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи, русскій переводъ далеко не всегда можно считать удовлетворительнымъ. Нѣкоторыя фразы производятъ прямо комическое впечатлѣніе; напр.: «Костюмъ Адама у мужчинъ Банксовыхъ островõвъ, составляющій рѣзкую противоположность ихъ искусству плетенія циновокъ, находится въ глубокомъ презрѣніи у ихъ сосѣдей» (стр. 219 сл.) или: «Между тѣмъ, какъ волосы на тѣлѣ тщательно выщипываются, посыпаніе волосъ на головѣ ѣдкой известью... распространено...» (221). «Они любятъ выпрашивать у чужеземцевъ, *но* весьма искусны въ торговлѣ» (216). Подобныхъ фразъ въ переводѣ не мало. Въ такихъ случаяхъ однако легко догадаться въ чемъ заключается неловкость перевода. Но нерѣдко встрѣчаются и такіе случаи, когда приходится нѣсколько разъ перечитывать одно и то же мѣсто, чтобы наконецъ уразумѣть, въ чемъ дѣло. Приведу еще одинъ примѣръ. «Рожденіе происходитъ у полинезійцевъ съ призваніемъ боговъ мужемъ или отцомъ, между тѣмъ какъ мать или близко стоящая къ рождающей исполняетъ обязанности повивальной бабки» (263). Крайне неудачныя выраженія разсыпаны повсюду. На стр. 147 упомянуто о «бродячихъ напиткахъ», на 148 о «животномъ, изображенномъ въ видѣ высунутаго языка»; на стр. 66 идетъ рѣчь о «связываніи духовныхъ силъ», на 116—о «брахманскихъ индусахъ». На 27 стр. сказано, что «египтяне подчинялись и теперь подчиняются гиксамъ, арабамъ и туркамъ», а на стр. 5 даже въ заглавіи отдѣла жирнымъ шрифтомъ напечатано: «Положеніе, форма и величина человѣчества». Я нарочно остановился подробнѣе на неудовлетворительности перевода, чтобы показать, какъ не гармонируетъ онъ съ роскошною внѣшностью изданія, въ надеждѣ на то, что при изданіи остальныхъ двухъ третей сочиненія будетъ обращено больше вниманія и на этотъ, къ сожалѣнію, слишкомъ распространенный недостатокъ русскихъ переводныхъ книгъ.

Что касается самаго содержанія текста «Народовѣдѣнія» проф. Ратцеля, то, конечно, нѣтъ возможности разобрать всю массу фактическаго матеріала, которую даетъ его книга. Мы остановимся поэтому только на первой общей части, занимающей 140 страницъ. Желая и здѣсь разсмотрѣть предварительно всѣ стороны жизни народовъ, авторъ далъ на этихъ страницахъ довольно полный и сжатый обзоръ всѣхъ общихъ вопросовъ этнографіи. Однако онъ самъ, повидимому, сознавалъ, что этотъ слишкомъ краткій очеркъ не можетъ претендовать на стройность цѣльной системы, почему онъ и далъ ему скромное заглавіе: «Основныя понятія народовѣдѣнія». Заглавіе это не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію очерка, такъ какъ въ немъ сдѣлана попытка систематическаго свода всѣхъ сторонъ культуры въ ихъ взаимной связи. Выполненіе этой трудной задачи никогда, мнѣ думается, не можетъ удовлетворить всѣхъ, и не трудно было бы по многимъ частнымъ вопросамъ представить автору серьезныя возраженія противъ высказанныхъ имъ воззрѣній. Но такая критика неумѣстна въ журнальной рецензіи, и потому я ограничусь лишь немногими замѣчаніями, имѣющими въ виду либо отмѣтить неясности и противорѣчія

изложенія, либо нѣкоторые промахи въ самой постановкѣ вопросовъ. Нѣсколько неясенъ и слишкомъ отвлечененъ смыслъ термина «культура», какъ его употребляетъ Ратцель. Подъ словомъ «культура» онъ разумѣетъ «сумму всѣхъ духовныхъ пріобрѣтеній извѣстнаго времени» (24). Такое отвлеченное пониманіе культуры ведетъ его къ слишкомъ тонкому различенію культуры отъ культурныхъ пріобрѣтеній. «Сумма культурныхъ пріобрѣтеній всѣхъ ступеней и всѣхъ народовъ слагается изъ матеріальнаго и духовнаго достоянія», говоритъ далѣе Ратцель (25) и ниже прибавляетъ: «матеріальное достояніе культуры лежитъ въ основѣ духовнаго» (26). А на стр. 37 онъ говоритъ, что «сущность» культуры «составляетъ связь поколѣній, основанная на традиціи». Всякій внимательный читатель встанетъ втупикъ передъ этими сопоставленіями. Если культура = суммѣ духовныхъ пріобрѣтеній, а сумма культурныхъ пріобрѣтеній = матеріальному и духовному достоянію, то логика приводитъ къ тому, что матеріальное достояніе должно равняться нулю, чтобы возможно было совмѣстное существованіе этихъ уравненій. Или придется различать еще «сумму духовныхъ пріобрѣтеній» отъ «духовнаго достоянія», что, кажется, одно и то же. И потомъ оказывается, что «матеріальное достояніе» лежитъ въ основѣ культуры. Какое-либо изъ этихъ положеній нужно признать неправильнымъ. Мы склонны согласиться съ Ратцелемъ, что «матеріальное достояніе» лежитъ въ основѣ культуры, а потому не можемъ согласиться съ его опредѣленіемъ культуры, какъ суммы только духовныхъ пріобрѣтеній.

Другой примѣръ такого несоотвѣтствія мы встрѣчаемъ на первыхъ же страницахъ. Совершенно справедливо говоритъ Ратцель, что «не историческими» мы называемъ такіе народы, которые только «не оставили никакихъ писанныхъ или высѣченныхъ на камнѣ извѣстій» о своей прошлой исторіи (стр. 5), а нѣсколько раньше онъ приводитъ примѣръ народа, который болѣе 2.000 лѣтъ «все живетъ такъ же» и «ничего не прибавилъ къ тому, чѣмъ обладалъ въ тѣ времена». Опять самъ Ратцель заставляетъ насъ усомниться въ его словахъ: вѣдь мы не знаемъ исторіи этого «не историческаго народа», и изъ скудныхъ свѣдѣній Геродота и Нахтигаля опасно дѣлать такой рѣшительный выводъ о неподвижности культуры въ теченіе болѣе 2000 лѣтъ.

Затѣмъ, къ недостаткамъ изложенія нужно отнести попытки истолковать явленія жизни народовъ низшей ступени культуры, примѣняя къ нимъ политико-экономическіе термины. Особенно часто встрѣчается злоупотребленіе терминомъ «капиталъ», котораго вообще лучше избѣгать, говоря о народахъ низшей культуры. На стр. 78, напр., Ратцель говоритъ о «накопленіи капитала сохраненіемъ массъ матеріи», которая служитъ одеждой. О «накопленіи капитала» въ Мексикѣ и Перу говорится также на стр. 91. Подобныя же злоупотребленія этимъ терминомъ встрѣчаются на стр. 122 («человѣкъ становится капиталомъ»), 130 («въ собственности» земледѣльца «помѣщенъ капиталъ работы») и др. Столь же неудачной слѣдуетъ считать и такую, напр., попытку экономическаго объясненія. «Въ жаркихъ странахъ, гдѣ человѣку меньше нужно пищи и гдѣ производство ея легче, населеніе увеличивается быстрѣе. Людей становится много, а работы мало; вслѣдствіе того, заработная плата становится ненормально малой, жизнь—бѣдной и бѣдствіе—всеобщимъ» (126). Далѣе подобнымъ же образомъ объясняется, почему въ болѣе холодныхъ странахъ «является бо́льшая производительность и высшее вознагражденіе». Никто, конечно, не можетъ удовлетвориться такими экономическими объясненіями, такъ какъ въ примѣненіи къ народамъ низшей культуры термины «капиталъ», «заработная плата» и т. д. могутъ имѣть только очень условный и неопредѣленный смыслъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ оцѣнку явленій исторіи культуры Ратцель вноситъ моральный элементъ. Неумѣстность такой этической точки зрѣнія уже

давно признается всѣми серьезными этнографами, и самъ Ратцель въ теоріи высказывается противъ нея, но на практикѣ не можетъ удержаться отъ внесенія ея въ оцѣнку отдѣльныхъ фактовъ. «Сильный народъ»,— говоритъ онъ на стр. 120,—твердо держится закона, а слабый склоняется къ распущенности (Спарта — Аѳины)». Но въ развитіи культуры Спарта («сильный народъ») не дала почти ничего, а Аѳины, народъ «слабый» и распущенный, по мнѣнію Ратцеля, имѣютъ громадное всемірно-историческое значеніе. Болѣе неудачнаго примѣра, кажется, нельзя было и придумать.

Мы остановились на этихъ недостаткахъ труда Ратцеля въ виду того, что они имѣютъ большое принципіальное значеніе. Въ настоящее время уже всѣ этнографы признали, что для правильнаго пониманія явленій первобытной культуры необходимо отказаться отъ нашихъ болѣе развитыхъ представленій и взглядовъ, которые при оцѣнкѣ культурныхъ явленій древности всегда являются предразсудками и потому искажаютъ оцѣниваемые факты. Поэтому и читателя книги Ратцеля слѣдуетъ предостеречь, чтобы онъ не принималъ на вѣру всѣхъ субъективныхъ оцѣнокъ «духа» различныхъ народовъ въ «распущенности», «лѣности», «изнѣженности», и т. п. недостаткахъ, что обыкновенно прикрываетъ собою нежеланіе или неспособность дать болѣе правильную оцѣнку явленій, понять ихъ и объяснить.

На другихъ подробностяхъ мы останавливаться не будемъ. Богатый фактическій матеріалъ, искусно сгруппированный въ книгѣ Ратцеля, можетъ служить читателю источникомъ для выработки даже собственнаго взгляда на излагаемыя явленія, такъ что книгу эту можно смѣло рекомендовать всякому, интересующемуся народовѣдѣніемъ.

Объ обѣщанныхъ «оригинальныхъ дополненіяхъ и библіографическомъ указателѣ» Д. А. Коропчевскаго ничего сказать еще нельзя, такъ какъ въ 13 вышедшихъ выпускахъ никакихъ дополненій еще нѣтъ.

Что касается цѣны книги, то ее нельзя назвать высокой въ виду роскошной внѣшности изданія. Каждый выпускъ стоитъ 35 коп., или 12 р. 60 коп. за сочиненіе объемомъ около 125 листовъ. *Д. Кудрявскій.*

СОЦІОЛОГІЯ.

Лабріола. «Историческій матеріализмъ и философія».—*Обломіевская.* «Черезъ нѣсколько вѣковъ».—*Гродецкій.* «Бельгія на порогѣ XX в.».

Антоніо Лабріола. Историческій матеріализмъ и философія. (Письма къ Сорелю). Переводъ съ французскаго. Изд. Зябицкаго и Пятина. Спб. 1900 г. Сомнѣваюсь, стоило ли переводить письма Лабріола на русскій языкъ. Наврядъ ли они выяснятъ что-либо новое для читателя въ историческомъ матеріализмѣ, кромѣ развѣ того, какъ *не надо* его понимать и насколько не закончена и не развита еще эта теорія. Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ его письмахъ «рѣчь идетъ преимущественно о мысляхъ, лишь высказанныхъ, но не доказанныхъ, о положеніяхъ слабо развитыхъ, о случайныхъ наблюденіяхъ и критическихъ замѣчаніяхъ, разбросанныхъ безъ всякой системы»; онъ также сознаетъ, что прочитавшій письма, «по всей вѣроятности, скажетъ, что чтеніе ихъ не дало ему новыхъ доказательствъ въ пользу историческаго матеріализма». И это признаніе, дѣлая честь скромности автора, довольно точно характеризуетъ содержаніе писемъ. Авторъ, благодаря формѣ писемъ, не стѣсняясь, переходитъ отъ предмета къ предмету, слегка набрасывая свои мысли и нисколько не заботясь о читателѣ, который много узнаетъ о самомъ авторѣ, о его умственномъ развитіи, о его научной и професорской карьерѣ, о его спорахъ съ итальянскимъ

соціологомъ de Bella и многихъ другихъ вещахъ—очень любопытныхъ, но имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ Марксу, историческому матеріализму и философіи. Столь же отдаленное отношеніе къ темѣ имѣютъ вставочныя разсужденія о пессимизмѣ и оптимизмѣ, о криминальной антропологіи и объ итальянскихъ дѣлахъ. Конечно, это можетъ быть интереснымъ само по себѣ, но не для читателя, который ищетъ въ книжкѣ разъясненія отношенія историческаго матеріализма къ философіи.

Собственно взгляды Лабріола на историческій матеріализмъ и его философское значеніе очень неясны, что, очевидно, чувствовалъ и самъ авторъ писемъ. Во всякомъ случаѣ, IX письмо начинается слѣдующимъ признаніемъ: «Я принужденъ разъяснить нѣкоторыя мысли, высказанныя мною въ шестомъ письмѣ, ибо я сознаю, что выразилъ ихъ въ мало понятной формѣ». Шестое же письмо посвящено философской сторонѣ теоріи Маркса. Посмотримъ же, въ чемъ, по мнѣнію Лабріола, состоитъ философія марксизма.

Поговоривъ о томъ, что ни Марксъ, ни Энгельсъ не далъ систематическаго изложенія собственныхъ философскихъ воззрѣній, которыя нужно искать въ ихъ спеціальныхъ трудахъ, далѣе, о томъ, что «Капиталъ» мало понимается въ цѣломъ какъ чистыми эмпириками, такъ и утопистами; выбранивъ «современныхъ гедонистовъ», Лабріола продолжаетъ: «Если ужъ требуется какая-нибудь формула для философіи историческаго матеріализма, то ее можно выразить, какъ тенденцію къ монизму; я намѣренно употребляю слово «*тенденція*», къ которому прибавлю еще *формальная* и *критическая*. Я говорю не о метафизической интуиціи всего міра, которая путемъ трансцендентальнаго познанія можетъ привести насъ ipso facto къ пониманію основной субстанціи всѣхъ явленій и процессовъ жизни. Слово «тенденція» выражаетъ ту мысль, что генетическимъ путемъ все можетъ быть понято, что постижимое есть лишь генезисъ и что генезисъ приближается своими признаками къ непрерывности во времени. Разница между такъ понимаемымъ генезисомъ и смутными трансцендентальными интуціями (напримѣръ шеллинговскими) заключается въ критическомъ распозновании вещей, и слѣдовательно въ необходимости точно опредѣлить объектъ изслѣдованія; такимъ образомъ, въ анализѣ явленій, какъ процессовъ, мы приближаемся къ эмпиризму и въ то же время отказываемся отъ претензіи владѣть универсальной схемой матеріальнаго міра. Представители вульгарнаго эволюціонизма, разъ составивъ себѣ абстрактное понятіе о динамикѣ бытія (эволюціи), подводятъ подъ него всѣ явленія, отъ образованія туманныхъ звѣздъ до своего собственнаго тщеславія... Принимая за точку отправленія развитіе дѣятельности, историческій матеріализмъ вноситъ въ монизмъ новую критическую точку зрѣнія; являясь продуктомъ дѣятельнаго міровоззрѣнія, эта теорія разсматриваетъ науку, какъ одинъ изъ видовъ труда. Она окончательно развиваетъ идею эмпирическихъ наукъ: познавая путемъ опыта взаимодѣйствіе явленій, мы убѣждаемся, что эти явленія составляютъ лишь разновидность дѣйствія, т.-е. результатъ дѣятельнаго процесса» (52).

Если оставить въ сторонѣ крайнюю туманность и претенціозность этого опредѣленія философіи марксизма, то оно сводится къ слѣдующей старой мысли, высказанной не разъ съ гораздо большею простотою и ясностью Марксомъ и Энгельсомъ и названной ими «діалектическимъ методомъ». Мысль эта та, что всѣ вещи нужно разсматривать въ движеніи, развитіи или генезисѣ. Лабріола называетъ эту методологическую посылку, раздѣляемую, впрочемъ, съ историческими матеріалистами всѣми эволюціонистами, *критической и формальной тенденціей къ монизму*, желая, вѣроятно, подчеркнуть чисто *методологическій* и эмпирическій характеръ эволюціонизма Маркса, въ противоположность «вульгарнымъ» эволюціонистамъ, которые стремятся дать цѣльную схему эволюціи.

Собственно, взглядъ этотъ на чисто методологическое формальное значеніе

*

діалектики Маркса не совсѣмъ вѣренъ, такъ какъ Марксъ, подобно всѣмъ эволюціонистамъ, стремился перенести свое представленіе о діалектикѣ изъ чисто методологической области въ область исторической дѣйствительности, т.-е. построить объективную схему діалектически развивающейся дѣйствительности. Другими словами, монизмъ Маркса имѣетъ не только значеніе критическаго и формальнаго принципа, какъ полагаетъ Лабріола, но переносится въ самую историческую дѣйствительность, создавая монистическую схему дѣйствительнаго процесса. Разница же между монизмомъ и эволюціонизмомъ Маркса и, напр., Спенсера состоитъ въ томъ, что Марксъ, какъ болѣе осторожный научный умъ, больше остерегался дѣлать изъ своихъ наблюденій универсальные выводы, ограничивая ихъ обыкновенно сферой строго изслѣдованныхъ имъ явленій. Отсюда его *меньшій* схематизмъ и большее критическое чутье, хотя онъ далеко не былъ чуждъ ни схематизма, ни универсализма.

Большій интересъ, чѣмъ философскія разсужденія Лабріолы, имѣютъ тѣ письма, въ которыхъ авторъ говоритъ о причинахъ неразработанности историческаго матеріализма, о вредѣ, который наносятъ теоріи Маркса его послѣдователи, понимающіе его слишкомъ схематично и вульгарно, о необходимости провѣрки и критики историческаго матеріализма на фактахъ.

Переводъ въ общемъ удовлетворителенъ, но встрѣчаются досадные недосмотры и опечатки, какъ: Сенъ-Жистъ вмѣсто Сенъ-Жюстъ (4), Кантъ вмѣсто Контъ (44), Загвардтъ, вмѣсто Зигвардта (52). Есть и такія странности, какъ... «въ будущемъ обществѣ, *лучшемъ нашего»*, или какъ переводъ нѣмецкаго выраженія Lebens-und Weltanschauung словами «жизнь и міросозерцаніе» вмѣсто «жизне и міропониманіе».

С. Ш—бергъ.

О. Обломіевская. Черезъ нѣсколько вѣковъ. Замѣтки въ защиту индивидуума. Спб. 1901 г. Когда намъ попала въ руки книжка г-жи Обломіевской, то насъ заинтересовала прежде всего, идея автора отвѣтить на протяженіи 45 страницъ небольшого формата на важнѣйшіе вопросы соціологіи, политической экономіи этики, права etc. Посудите сами,—вотъ перечень главы, который указываетъ на обширность задачъ г-жи Обломіевской I. Индивидуумъ и общество. II. Природа человѣка. III. Свободная ассоціація. IV. Женщина и бракъ. V. Потребленіе и производство, причемъ вопросу объ отношеніи индивида и общества посвящены 6 страничекъ; природѣ человѣка—10 стр.; свободной ассоціаціи 12, потребленію и обществу—11. Не подумайте, что авторъ повторяетъ уже признанныя общеизвѣстныя истины, установленныя наукой и не требующія серьезнаго доказательства, обоснованія фактическаго и теоретическаго. Ни сколько. Авторъ открываетъ пути совершенно новые и съ одинаковое рѣшительностью отвергаетъ выводы современной политической экономіи, къ какой бы школѣ оно ни принадлежала,—этики права, соціологіи, ученія о народонаселеніи etc. Для характеристики его пріемовъ приведемъ, напр., его критику ученія Мальтуса о народонаселеніи. Указавъ на громадную смертность отъ недостатка воздуха, пищи и т. д., авторъ продолжаетъ: «Положеніе, повидимому печальное, но великая эволюція совершается, пророча возможность нѣкотораго будущаго... Эта эволюція заключается въ томъ, что экономическая наука, предсказывая недостатокъ условій существованія и неизбѣжную смерть голодающихъ, оказалась въ заблужденіи: страдающее человѣчество, считая себя недавно недостаточнымъ и бѣднымъ, понемногу открываетъ всѣ свои богатства, хлѣбъ для каждаго не кажется ужъ болѣе утопіей: земля достаточно велика для того, чтобы всѣхъ вынести,—она достаточно богата, чтобы всѣхъ удовлетворить: своей жатвой она можетъ каждаго насытить, своими волокнистыми растеніями она можетъ всѣхъ одѣть и у нея окажется достаточно камней, чтобы выстроить для каждаго жилище. Таковъ экономическій фактъ во всей его простотѣ». Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на громадный ростъ естественной про-

изводительности при интенсивной культурѣ, причемъ пропускается безъ всякаго вниманiя вопросъ о количествѣ труда, поглощаемаго этой культурой; на грядущiе успѣхи химiи, механики, физики, метеорологiи—и вопросъ рѣшенъ.

Не менѣе просто и легко рѣшается вопросъ о деньгахъ и вообще весь соцiальный вопросъ, причиняющiй столько хлопотъ и практическимъ политикамъ, и людямъ науки.

«Деньги,—говоритъ авторъ,—уничтожатся сами собой, постепенно, по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться производство, по мѣрѣ того, какъ всебудетъ переходить во владѣнiя сообща и будутъ уничтожаться всѣ монополiи и спекуляцiи: всѣ произведенiя будутъ тогда въ такомъ положенiи, какъ фрукты тропическихъ странъ, находящiеся въ такомъ изобилiи, что ихъ раздаютъ, вмѣсто того, чтобы продавать. Если индивидуумъ будетъ испытывать желанiе или нужду въ какомъ-нибудь предметѣ, ему остается обращаться къ своимъ способностямъ, группируясь съ другими для произведенiя или завязывая отношенiя съ тѣми группами, которыя и способны доставить необходимое». Въ другомъ мѣстѣ будущее рисуется такими розовыми красками: «Въ будущемъ обществѣ фабрики, заводы, рудники будутъ также благоустроены, также отчищены и оздоровлены, какъ въ настоящее время научныя лабораторiи; работа въ нихъ будетъ только гимнастическимъ упражненiемъ, удовольствiемъ, такъ какъ будетъ продолжаться не болѣе трехъ, четырехъ часовъ, и каждый будетъ трудиться по собственнымъ наклонностямъ и вкусамъ; работа будетъ совершаться въ прекрасно вентилированныхъ зданiяхъ, гдѣ машины не будутъ больше представлять опасностей человѣческимъ жизнямъ, гдѣ не будетъ больше ни африканской температуры, ни безконечнаго грохота и шума... все будетъ приспособлено для человѣческаго удобства»...

Счастливы люди, которые могутъ такъ легко рѣшать основные вопросы соцiальной практики и теорiи. Нѣтъ у нихъ ни мучительныхъ сомнѣнiй, ни отчаянiя передъ нищетой и слабостью человѣчества—они благодушествуютъ, упиваясь измышленiями собственной фантазiи, которыя они принимаютъ за нѣчто вполнѣ реальное.

Конечно, мечтать никому не возбраняется, если мечты такъ и выдаются за мечты. Иное дѣло, если, во имя этихъ мечтанiй, опровергается наука и попытки улучшить не будущее, а настоящее человѣчество, живущее не въ лазоревыхъ облакахъ фантазiи, а въ суровыхъ условiяхъ современности.

С. Ш—ръ.

М. Т. Гродецкiй. Бельгiя на порогѣ XX-го вѣка. Ц. 75 к. Житомiръ 1901 г. Посвященная извѣстному профессору де-Греефу, книжка г. Гродецкаго является, какъ объясняется имъ въ введенiи, первымъ выпускомъ труда о Бельгiи имѣющаго цѣлью подвести итоги соцiальной, экономической политической и культурной жизни страны. Въ настоящiй выпускъ вошли 4 статьи о народномъ образованiи (университетское движенiе въ Бельгiи, рабочiе кружки въ Бельгiи и ихъ культурная роль; какъ возникъ новый университетъ и что ему пришлось пережить; нѣкоторыя черты народнаго просвѣщенiя въ Бельгiи) и одна о бельгiйской прессѣ. Въ слѣдующiе выпуски, которыхъ предполагается три или четыре, войдутъ статьи о жизни рабочихъ въ Бельгiи, о соцiальныхъ учрежденiяхъ страны, о ея политической организацiи, объ экономической жизни, торговлѣ и промышленности.

Напечатанныя статьи раньше были помѣщены въ различныхъ журналахъ и газетахъ, и, по словамъ автора, теперь значительно измѣнены и исправлены. Намъ кажется, однако, что онъ напрасно ихъ вовсе не переработалъ, не связалъ въ общее систематическое изложенiе сообщаемыхъ имъ свѣдѣнiй. Иначе слишкомъ чувствуется отрывочность и слабая связь другъ съ другомъ отдѣльныхъ статей. Кромѣ того, не мѣшало бы мѣстами привести въ нихъ болѣе новыя

свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, данныя о политическихъ выборахъ останавливаются на выборахъ 1898 г., причемъ не упоминается вовсе о давшей столь любопытные результаты прошлогодней избирательной борьбѣ.

Вообще, очерки г. Гродецкаго читаются съ интересомъ; они даютъ много матеріала, съ достаточною полнотою характеризуютъ затрагиваемые вопросы и написаны съ правильнаго угла зрѣнія.

Наиболѣе содержателенъ очеркъ о прессѣ, гдѣ дается понятіе о газетахъ различныхъ политическихъ направленій. Въ этомъ, какъ и въ другихъ очеркахъ, авторъ ярко характеризуетъ клерикаловъ, могущественнѣйшую политическую партію въ Бельгіи, ихъ пріемы и реакціонную дѣятельность. При этомъ онъ, по нашему мнѣнію, черезчуръ отрицательно относится къ христіанскимъ соціалистамъ, которые, по его словамъ отличаются, отъ клерикаловъ не «большей чувствительностью къ вѣяніямъ времени», а лишь «разсчетливостью и пониманіемъ внѣшней стороны естественной соціальной эволюціи». Но развѣ эта разсчетливость и пониманіе не показываютъ уже вліянія вѣяній времени и не являются громаднымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ систематическимъ игнорированіемъ ихъ у клерикаловъ?

Наиболѣе слабъ г. Гродецкій въ самостоятельныхъ разсужденіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже нѣсколько курьезны. Такъ, почему то онъ думаетъ, что «University Extention въ Бельгіи далеко не такъ жизненно, какъ оно могло бы быть въ Россіи. Въ странѣ, гдѣ рабочій вопросъ говоритъ свои послѣднія слова, гдѣ населеніемъ дирижируетъ политическій митингъ и безчисленная политическая печать, въ такой странѣ университетское движеніе не можетъ пока имѣть общенароднаго характера и особенно прочныхъ корней въ жизни». Не понятно и не убѣдительно; да и что значитъ слово «пока», неужели авторъ ждетъ, что политическій факторъ въ Бельгіи утратитъ свое значеніе? О печати онъ говоритъ такъ: «Печать, какъ культурная сила, въ Бельгіи есть совершенно неизвѣстная величина. Мнѣ думается даже, что она мало возможна. Подавляющее большинство газетъ является торговопромышленными или политическими предпріятіями». Какъ будто вся наша культура и цивилизація не являются въ сущности результатомъ торговопромышленныхъ предпріятій человѣчества, и какъ будто бы политическое воспитаніе и борьба не имѣютъ первостепеннаго культурнаго значенія. Изъ взглядовъ автора должно вытекать, что наибольшее культурное значеніе имѣетъ печать въ нашемъ отечествѣ, такъ какъ едва ли гдѣ найдется столько органовъ ея, прикрывающихъ вызванную внѣшними и внутренними причинами пустоту своего содержанія громкими (слава Богу, если еще не лицемѣрными) фразами о человѣчности, гуманности, культурѣ и прогрессѣ *вообще*. *Б. В—ръ.*

ФИЛОСОФІЯ.

Дю-Буа-Реймонъ. «О границахъ познанія природы».

Э. дю-Буа Реймонъ. О границахъ познанія природы. Семь міровыхъ загадокъ. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. С. И. Ершова. Изд. 2-е Н. В. Синюшина. Москва 1901. 64 стр. Ц. 35 коп. Докладъ дю-Буа-Реймона «О границахъ познанія природы», прочитанный еще въ 1872 году на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, отмѣчаетъ поворотный пунктъ въ научномъ развитіи. Въ немъ впервые одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей естествознанія, основываясь исключительно на аргументахъ, предоставляемыхъ его наукой и не руководясь никакими посторонними мотивами, ука-

залъ на то, что естественно-научное познаніе природы имѣетъ свои границы, которыхъ оно никогда не можетъ переступить. Это указаніе имѣло тѣмъ большее значеніе, что ему непосредственно предшествовало двадцатилѣтіе полное самой глубокой вѣры во всемогущество естествознанія и самыхъ смѣлыхъ надеждъ на рѣшительныя завоеванія его въ ближайшемъ будущемъ. Взгляды дю-Буа-Реймона лучше всего выражены въ двухъ положеніяхъ его доклада. «Какъ въ пониманіи силы и матеріи,—говоритъ онъ:—точно такъ же и въ пониманіи духовной дѣятельности изъ матеріальныхъ условій человѣчество, не смотря на всѣ открытія естествознанія, не сдѣлало за два тысячелѣтія никакого существеннаго пріобрѣтенія, да и никогда не сдѣлаетъ» (стр. 25). «Наше познаніе природы заключено, слѣдовательно, между двумя границами, навѣки положенными ему, съ одной стороны нашей неспособностью постичь матерію и силу, а съ другой—невозможностью объяснить духовные процессы изъ ихъ матеріальныхъ условій» (стр. 26). Въ заключеніе знаменитый физіологъ формулируетъ сви выводы въ одномъ словѣ, сдѣлавшемся классическимъ изрѣченіемъ, «ignorabimus»—мы не будемъ знать.

Знакомясь съ воззрѣніями дю Буа-Реймонъ, читатель не долженъ забывать что авторъ рѣшаетъ вопросъ, относящійся къ познанію вообще, только какъ естествоиспытатель, т. е. исключительно съ точки зрѣнія его группы наукъ. Для своего времени такая ограниченность точки зрѣнія дю-Буа-Реймона, несомнѣнно, была преимуществомъ ,такъ какъ иначе его не захотѣли бы слушать. Но именно она обусловила теоретическую слабость доклада дю-Буа-Реймона. Приходится вполнѣ согласиться съ Ф. А. Ланге, который въ своей «Исторіи матеріализма» говоритъ, что дю-Буа Реймонъ «взявъ обломокъ изъ критики всего нашего познанія, бросаетъ его въ публику безъ достаточныхъ указаній на его связь съ дальнѣйшими вопросами» (пер. подъ ред. Вл. Соловьева, т. II, стр. 94). Затѣмъ Ланге отмѣчаетъ, какъ основную ошибку дю-Буа-Реймона, то, что онъ представляетъ себѣ границу познанія какъ «неизмѣнную преграду» которая рѣзко противопоставляется вполнѣ свободному движенію и неограниченному господству его въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ самое недавнее время Рикертъ въ своемъ изслѣдованіи «Границы естественно-научнаго образованія понятій» доказалъ, что границы нашего познанія заключаются не только въ конечныхъ проблемахъ сущности матеріи, силы и духа, но и въ каждомъ единичномъ явленіи, такъ какъ наше познаніе не можетъ обнять всѣхъ индивидуальныхъ частностей и спеціальностей, и даже наоборотъ оно по своей природѣ принуждено идти въ противоположномъ направленіи. Для большей вразумительности своихъ выводовъ Рикертъ установилъ на ряду съ понятіемъ «экстенсивной безконечности» для проблемъ міроваго цѣлаго понятіе «интенсивной безконечности» для проблемы индивидуальности.

Второй докладъ дю-Буа-Реймона «Семь міровыхъ загадокъ», который авторъ написалъ спустя восемь лѣтъ послѣ перваго для разъясненія взглядовъ высказанныхъ раньше и опроверженія своихъ критиковъ, и не прибавилъ ничего новаго къ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ первомъ. Въ теоретическомъ отношеніи онъ даже слабѣе перваго, такъ какъ авторъ считаетъ для себя возможнымъ настолько точно установить въ немъ границы нашего познанія, что опредѣляетъ ихъ въ видѣ кабалистическаго числа «семи» міровыхъ загадокъ. Вообще, каждый желающій познакомиться ближе съ труднымъ, но основнымъ вопросомъ, поставленнымъ дю-Буа-Реймономъ, долженъ не ограничиваться его брошюрой, а обратиться хотя бы къ тѣмъ страницамъ «Исторіи матеріализма» Ланге (т. II стр. 87—99), которыя авторъ посвящаетъ анализу взглядовъ дю-Буа-Реймона и сопоставленію ихъ съ мнѣніями его противниковъ; наиболѣе же полное и соотвѣтствующее современному состоянію науки разсмотрѣніе этого вопроса читатель найдетъ въ упомянутомъ выше сочиненіи Рикерта «Die

Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung», котораго, къ сожалѣнію, еще нѣтъ въ русскомъ переводѣ. *Б. К—скій*

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Вармингъ. «Ойкологическая географія растеній».—*Визнеръ.* «Физіологія растеній».—*Гербертсонъ.* «Человѣкъ и его трудъ».

Е. Вармингъ. Ойкологическая географія растеній. Введеніе въ изученіе растительныхъ сообществъ. Переводъ съ нѣмецкаго изданія подъ редакціей М. Голенкина и В. Арнольди, съ дополненіями по русской флорѣ и 100 рисунками въ текстѣ. Москва. 1901 г. Цѣна 3 р. 50 к. (въ переплетѣ). Въ современной ботанической географіи существуютъ три направленія, флористическое или систематическое, затѣмъ—физіологическое и, наконецъ, историческое. То, что проф. Вармингъ называетъ «экологической» географіей—или, какъ выражаются переводчики Варминга, «ойкологической», представляетъ смѣсь нѣкоторыхъ отдѣловъ физіологической географіи съ географіей систематической. Въ своей книгѣ Вармингъ не даетъ систематическаго обзора растительности земного шара по областямъ—это всецѣло входитъ въ задачи систематической географіи. Главную цѣль книги составляютъ изученіе состава и жизни естественныхъ растительныхъ сообществъ—лѣсовъ, луговъ, степей, а отчасти и ихъ распредѣленія по земному шару.

Въ первомъ отдѣлѣ своей книги Вармингъ останавливается на изученіи вліянія отдѣльныхъ внѣшнихъ факторовъ на растенія и этотъ отдѣлъ книги является весьма полнымъ и интереснымъ.

Далѣе Вармингъ говоритъ вообще о растительныхъ сообществахъ и ихъ раздѣленіи на классы, а въ слѣдующихъ отдѣлахъ переходитъ къ описанію отдѣльныхъ сообществъ, начиная съ гидрофитовъ или водяныхъ растеній, затѣмъ описываетъ сообщества ксерофитовъ, галофитовъ и, наконецъ, мезофитныя сообщества. Въ послѣднемъ отдѣлѣ Вармингъ останавливается на явленіяхъ борьбы между растительными сообществами.

Появленіе книги Варминга въ русскомъ переводѣ ожидалось уже довольно давно и на самомъ дѣлѣ представляетъ весьма пріятное явленіе. Къ сожалѣнію, переводъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недочетовъ, которые дѣйствуютъ на читателя очень непріятно. Отчасти эти недочеты вызваны, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что книга Варминга имѣла слишкомъ много переводчиковъ и редакторовъ—только этимъ можно объяснить, напр., то обстоятельство, что одни и тѣ же имена, напр. Rochy mountains (Скалистыя горы) передаются въ разныхъ мѣстахъ книги различно, и вездѣ неправильно.

Редакторы русскаго изданія сдѣлали нѣкоторые добавленія—такъ прибавлено 100 рисунковъ въ текстѣ, что, конечно, весьма пріятно; въ концѣ книги даны два приложенія: о почвахъ вообще и о степяхъ южной Россіи. То и другое приложеніе представляютъ краткіе, но интересно и основательно составленные конспекты по даннымъ вопросамъ. Наконецъ, редакторамъ же принадлежатъ немногочисленныя добавленія въ сноскахъ подъ страницами; въ этихъ-то добавленіяхъ и дѣлаются ими бѣглыя ссылки и отрывочныя указанія по флорѣ Россіи. Въ одномъ изъ такихъ примѣчаній утверждается, между прочимъ, что особенно часто въ Туркестанѣ и въ Тургайской области образуются заросли колючихъ кустарниковъ джидда (Elaeagnus). Нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія, такъ какъ джидда вовсе не *особенно частое* растеніе тѣхъ мѣстъ, а въ Тургайской области и встрѣчается-то лишь въ южной ея части?

Въ концѣ книги приложенъ указатель важнѣйшей литературы, а за нимъ указатели русскихъ и латинскихъ названій растеній, терминовъ и пр.

Небольшой указатель литературы приложенъ также къ статьѣ редакторовъ о степяхъ. Не хорошо, однако, что нѣкоторыя указанія являются неточными и небрежными, указываются книги несуществующія—такъ въ предисловіи редакторовъ перевода упоминается какой-то «Учебникъ географіи» проф. Бекетова. Такой книги не существуетъ. Есть и другія неточности.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Книга Варминга появляется въ серіи «Библіотеки для самообразованія», издаваемой подъ редакціей А. С. Бѣлкина, проф. П. Г. Виноградова, проф. М. И. Коновалова и др. при московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. До сихъ поръ изданіе «Библіотеки для самообразованія» было въ рукахъ фирмы И. Д. Сытина, теперь же мы видимъ на книгѣ фирму И. А. Баландина. Новая фирма не къ лучшему измѣнила дѣло изданія—такъ, въ предисловіи «отъ редакціи «Библіотеки для самообразованія» заявляется, что, благодаря содѣйствію издательскихъ фирмъ И. Д. Сытина и И. А. Баландина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки»... На самомъ же дѣлѣ, о «небольшомъ форматѣ» нѣтъ и рѣчи, переплетъ никоимъ образомъ нельзя назвать «прочнымъ», а «внѣшній видъ» книги сравнивать съ «европейскими» изданіями было бы тоже невозможно. Цѣну книги нельзя не назвать высокой.

Б. А. Федченко.

Д-ръ Юл. Визнеръ. Физіологія растеній. Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія В. Г. Бойко-Родзевича, подъ редакціей и съ дополненіями Н. С. Понятскаго. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. Съ 10 рис. въ текстѣ. Москва. 1900. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Цѣна 1 р. 20 коп. Разсматриваемая книга представляетъ часть учебника ботаники, составленнаго проф. Вѣнскаго университета Юл. Визнеромъ. Въ общемъ, конечно, можно привѣтствовать появленіе хорошаго перевода хорошей книги. Но въ частностяхъ нельзя не указать нѣкоторыхъ недостатковъ книги и недоумѣній, являющихся у читателя.

Ознакомимся прежде съ ея содержаніемъ; это является нѣсколько затруднительнымъ, такъ какъ едва ли не столько же научнаго матеріала дано въ многочисленныхъ сноскахъ и примѣчаніяхъ внизу и позади текста, какъ и въ самомъ текстѣ. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о химизмѣ растенія: о химическомъ составѣ растеній, о пищѣ растеній, о превращеніи веществъ въ растеніяхъ. Во второмъ отдѣлѣ говорится о передвиженіи веществъ въ растеніи—питаніи растеній жидкими веществами, передвиженіи жидкихъ веществъ, испареніи, передвиженіи газовъ, воды и органическихъ веществъ, а также о выдѣленіяхъ. Третій отдѣлъ посвященъ описанію явленій роста, а въ четвертомъ отдѣлѣ Визнеръ останавливается на зависимости растительныхъ процессовъ отъ внѣшнихъ условій—свѣта, теплоты, силы тяжести и пр. Въ пятомъ отдѣлѣ разсматриваются явленія движенія, наконецъ, въ послѣднемъ, шестомъ, дѣлается очеркъ ученія о раздражимости. Такимъ образомъ, вкратцѣ, на полутора сотняхъ страницъ разсматриваются всѣ явленія жизни растенія, исключая размноженіе, которое почему-то часто изгоняется изъ учебниковъ растительной физіологіи.

Въ общемъ, какъ самое изложеніе, такъ и переводъ достаточно ясны и точны, мѣстами встрѣчаются, однако, неудачныя выраженія и фразы, въ особенности въ главѣ о раздражимости. Нельзя не отмѣтить также большого недостатка въ рисункахъ—ихъ всего 10. Затѣмъ, чувствуется недостатокъ въ описаніи тѣхъ приборовъ и самыхъ опытовъ, при помощи коихъ добыты всѣ

тѣ результаты, которые излагаются часто въ черезчуръ догматической формѣ. Наконецъ, позволимъ себѣ указать еще на то обстоятельство, что въ дополненіяхъ, сдѣланныхъ редакторомъ перевода, не приняты во вниманіе многіе важные труды русскихъ ученыхъ—скажемъ, хотя бы, о проф. Палладинѣ, котораго приводится лишь одна (первая) работа, или о проф. Ротертѣ, который удостоился упоминанія лишь въ предисловіи. *Б. Федченко.*

А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Пер. съ англійскаго А. Александровой. Съ 97 рис. Изд. М. Д. Орѣхова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. Настоящая книга характеризуется въ предисловіи, какъ «попытка популярнаго изложенія основъ географіи человѣка».

Введеніе ея заключаетъ въ себѣ описаніе вліянія на человѣка различныхъ естественныхъ условій. Затѣмъ слѣдуютъ главы, изображающія жизнь его въ разныхѣ климатахъ, въ тундрѣ или ледяной пустынѣ, въ лѣсахъ умѣреннаго пояса, въ степяхъ, жаркихъ пустыняхъ, экваторіальныхъ лѣсахъ, въ горахъ, на равнинахъ и побережьи морей. Далѣе идетъ описаніе развитія человѣческой (преимущественно матеріальной) культуры, земледѣлія, искусствъ, промышленности, торговли и транспорта, правительственныхъ формъ и пр. Наконецъ, книга заканчивается краткимъ описаніемъ человѣческихъ расъ.

Объемъ захватываемыхъ изложеніемъ предметовъ, такимъ образомъ, очень великъ и касается самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія. Книжка Гербертсона и даетъ очень полную и широкую, популярно изложенную, хотя, быть можетъ, слишкомъ элементарную картину жизни рода человѣческаго въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Она очень ясно и живо написана и должна дать начинающему достаточно полную картину того въ высшей степени интереснаго предмета, который въ ней излагается. Можно поэтому желать ей всякаго распространенія.

Замѣтимъ, однако, что популярность изложенія—дѣло вообще не легко достижимое, почему и болѣе извѣстные популяризаторы науки всѣ на перечетъ. Особенно трудно удается популяризировать такой предметъ, какъ трактуемый въ настоящей книгѣ, который затрагиваетъ рядъ отраслей науки и является результатомъ совокупнаго вліянія многихъ крайне сложныхъ, переплетающихся другъ другомъ естественныхъ и соціологическихъ факторовъ. Очень легко при этомъ впасть въ излишнее упрощеніе и схематичность, въ нѣкоторый даже ущербъ научной истинѣ. Книга Гербертсона не вполнѣ свободна отъ упрека въ этомъ направленіи и нѣкоторые ея обобщенія покажутся крайне рискованными геологу, фитогеографу или соціологу.

Слѣдуетъ указать еще на одинъ довольно крупный недостатокъ настоящаго труда, а именно, на тотъ основной факторъ, который кладется авторомъ въ основаніе развитія и жизни человѣческой. Г. Гербертсонъ абсолютно не желаетъ признавать участія въ формулированіи современной человѣческой жизни условій историческихъ, общественнаго характера, и съ большой односторонностью выдвигаетъ всюду элементъ географическій. «Почти всякій политическій или историческій вопросъ, говоритъ онъ во введеніи, при тщательномъ изслѣдованіи сводится, въ концѣ концовъ, къ простымъ географическимъ условіямъ, и намъ важно выучиться смотрѣть на географію въ этомъ жизненномъ смыслѣ слова».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ этой односторонности взглядовъ. По мнѣнію автора, характеръ земли, климатъ, растенія и животныя «сдѣлали человѣческое племя тѣмъ, что оно есть: въ одномъ мѣстѣ предпріимчивымъ и идущимъ впередъ, въ другомъ—лѣнивымъ и отсталымъ»; но это утвержденіе, вѣрное, отчасти, для народовъ первобытныхъ, совершенно ложно для тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ исторію. Куда дѣлась теперь прежняя предпріимчивость испанцевъ, итальянцевъ и французовъ, и откуда, если не отъ измѣненія

естественныхъ условій, она появилась въ теченіе человѣческаго поколѣнія у непрактичныхъ ранѣе нѣмцевъ, тогда какъ мы, русскіе, при почти одинаковыхъ съ нѣмцами естественныхъ условіяхъ, являемся въ общемъ типичными представителями народа «лѣниваго и отсталаго». Далѣе, по Гербертсону, пастушескіе народы вообще чувствуютъ извѣстное пренебреженіе къ торговымъ занятіямъ, въ связи съ чѣмъ буры отказываютъ въ правахъ гражданства иноземцамъ-торговцамъ и рудокопамъ; какъ будто не имѣлась у буровъ, помимо этого, масса крайне серьезныхъ реальныхъ основаній не дѣлиться властью съ пришлымъ, враждебнымъ имъ элементомъ.

Странны также нѣкоторыя попадающіяся у Гербертсона мѣста въ главахъ о правительствѣ у различныхъ народовъ. Онъ даетъ слѣдующую классификацію: «правительство у охотничьихъ племенъ деспотическое, непрочное; у пастушескихъ—деспотическое, но прочное; у рыболовныхъ—ограниченное, прочное. Рыболовныя племена естественно склоняются къ наслѣдственной монархіи, ибо они привыкли къ тому, что сынъ наслѣдуетъ лодку своего отца». У земледѣльческихъ—либо деспотическое, либо ограниченное; наконецъ, съ развитіемъ торговли и промышленности, «правительство съ наслѣдственнымъ монархомъ легко переходитъ въ республику». Тутъ, во-первыхъ, приведена не выдерживающая критики классификація самихъ племенъ; во-вторыхъ,—связь правительствъ съ занятіями народа объясняется исключительно путемъ не историческаго развитія, а психологическаго воздѣйствія данной природы и данныхъ занятій на характеръ народа. Такъ, Гербертсонъ считаетъ монархическую наслѣдственную власть связанной съ понятіемъ о наслѣдственномъ владѣніи, напр. лодкою или землею, почему она распространена у земледѣльческихъ народовъ (а какъ же Швейцарія?); падаетъ она съ паденіемъ «святости» этого понятія «въ торгово-промышленномъ обществѣ, въ которомъ отдѣльная личность можетъ достичь высокаго положенія лишь благодаря своимъ личнымъ дарованіямъ», напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ; почтенный авторъ взводитъ прямую напраслину на торгово-промышленныя общества, которыя что-то не склонны считать право наслѣдованія менѣе священнымъ, чѣмъ прежде.

Мы считали нужнымъ указать на эту односторонность автора, но должны сказать, что она проявляется лишь въ немногихъ главахъ, и повторить, что книжка Гербертсона представляется безусловно полезной для первоначальнаго чтенія.

Б. В—ръ.

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

А. Шабанова. «Первая помощь».—«Дешевая библіотека».—*Угетти.* «Врачи и паціенты».—*Киммингсъ.* «Химія жизни и здоровья».—*Плюшкинъ* «Школьная гигіена».

Д-ръ А. Н. Шабанова. О первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. С.-Пб. 1901 г. Цѣна 60 коп. Дѣло помощи въ несчастныхъ случаяхъ находится у насъ, можно сказать, еще въ зачаточномъ состояніи. Только въ послѣдніе годы кой-гдѣ начинаетъ появляться въ этомъ отношеніи нѣкоторая организація, достигшая уже извѣстнаго развитія, если мы не ошибаемся, только пока въ одной Варшавѣ. Въ другихъ большихъ городахъ, какъ Петербургъ, Москва дѣло почти только организуется. Въ этомъ отношеніи мы далеко отстали отъ европейскихъ государствъ, гдѣ почти во всѣхъ большихъ городахъ имѣются станціи для подачи первой помощи, снабженныя экипажами, телефонами, медицинскими средствами и т. д., и гдѣ всегда есть дежурство врачей.

Мало у насъ и книгъ по этому вопросу. Къ числу этихъ немногихъ книжекъ относится и книжка г-жи Шабановой. Намъ кажется, что авторъ поступилъ бы правильнѣе, если бы иначе расположилъ весь матеріалъ своей книги. Такъ, говоря объ обморокѣ, авторъ даетъ картину этого болѣзненнаго состоянія, затѣмъ переходитъ къ описанію строенія и функціи центральной нервной системы и нервовъ и послѣ уже говоритъ о томъ, что слѣдуетъ дѣлать при обморокѣ. Такъ авторъ поступаетъ при описаніи всѣхъ болѣзненныхъ состояній, наступающихъ внезапно. Было бы лучше все, относящееся къ физіологіи и анатоміи, расположить въ одномъ отдѣлѣ, а описаніе симптомовъ болѣзненныхъ состояній и способовъ борьбы съ ними изложить въ другомъ отдѣлѣ. Тогда читателю легче было бы оріентироваться и рельефнѣе выступала бы главная цѣль книжки, которая теперь представляется нѣсколько блѣдной, не рѣзко очерченной.

Далѣе, цѣна въ 60 коп. за книжку въ 94 стр., разсчитанную при томъ на большую публику, представляется намъ нѣсколько высокой.

Врачъ *В. Б—ъ.*

Дешевая научно-популярная библіотека для всѣхъ. Подъ редакціей Н. В. Т-ва. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. 1. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. 2. Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. 3. Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. 4. Что такое хирургія или какъ лѣчатъ людей ножомъ. 5. Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. 6. Чѣмъ и для чего мы питаемся. 7. Наши пять чувствъ. 8. Отчего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. 9. Чѣмъ и для чего человѣкъ дышитъ. 10. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. Всѣ книжки составлены д-ромъ С. Фишеромъ. Цѣна книжки 5 коп. Москва. 1901 г. И выборъ темъ, и способъ ихъ обработки приходится признать вполнѣ удовлетворительными; нѣтъ поддѣлки подъ якобы народный языкъ, все изложеніе сдѣлано просто и ясно и доступно читателю безъ всякаго образованія. Люди же, вкусившіе отъ древа познанія, тоже съ пользой для себя прочтутъ многія изъ вышеназванныхъ книжекъ, такъ какъ узнаютъ въ нихъ многое такое, что знать слѣдовало бы всѣмъ и чего, къ сожалѣнію, очень многіе не знаютъ.

Врачъ *В. Б—ъ.*

Д-ръ Угетти. Врачи и паціенты. Переводъ съ итальянскаго подъ редакціей А. П. Колтановскаго. С.-Петербургъ, 1901 г. Цѣна 75 коп. Изданіе Ф. Павленкова. Подъ такимъ заманчивымъ заглавіемъ выпущенная книжка должна возбудить вниманіе и врачей, и публики, отношенія между которыми всѣми признаются ненормальными. Къ сожалѣнію, всякаго, кто дастъ себѣ трудъ прочесть книжку, ждетъ полное разочарованіе, такъ какъ вся она представляетъ собою почти сплошную пошлость. Въ предисловіи «ко второму итальянскому изданію» авторъ книжки разсказываетъ, что онъ самъ является будто бы только издателемъ записокъ своего родственника, стараго врача-философа, безпорядочно записывавшаго всякія мысли, приходившія ему въ голову по поводу врачей, паціентовъ, ихъ отношеній и т. д. Если вѣрить автору, записки имѣли огромный успѣхъ въ Италіи, чему подтвержденіемъ должно, между прочимъ, служить прилагаемое письмо къ Угетти Монтегацци, тоже, какъ извѣстно, одного изъ самыхъ неинтересныхъ и пошлыхъ итальянскихъ писателей. Для того, чтобы дать понять читателямъ, какой сумбуръ представляютъ собою эти записки, мы выписываемъ дословно содержаніе хотя бы одной главы. «Глава I. Врачи и медицина.—Представленіе въ театрѣ «Санъ-Каролино».—Какъ и почему комикъ Петито сдѣлался врачомъ.—Врачъ Массимо д'Азеліо.—Молоко ослицы. Костоправъ. Мнѣніе Литтрэ.—Фридрихъ Великій бьетъ врачей.—Александръ Великій распинаетъ ихъ.—Разрушающіеся дома.—Человѣческая машина.—Гонелла. Слуга Барчецца и швейцаръ Пейссе.—Vulgus vult decipi.—Скептики.—Другая ла-

тинская поговорка.—Языкъ Наполеона.—Сѣверный пейзажъ.—Пилюли и сиропы. Врачи и жрецы».

И такихъ главъ въ книжкѣ восемь! Пошлость книжки въ томъ именно и состоитъ, что подъ подъ видомъ остроумныхъ якобы афоризмовъ, и цѣнныхъ сентенцій высказываются самыя шаблонныя истины, сообщаются малоинтересные историческіе и современные анекдоты — и все это продѣлывается серьезно, съ большимъ достоинствомъ и въ увѣренности, что все это крайне убѣдительно. Въ главѣ «Врачи-мужчины и врачи-женщины», въ которой имѣется такой же винигретъ, какъ и въ первой, подробно нами выписанной главѣ, имѣется слѣдующее, кажущееся, вѣроятно, автору очень остроумнымъ замѣчаніе о женщинахъ-врачахъ: «Но кто никогда не можетъ сдѣлаться сельскимъ врачомъ, кто и въ городахъ въ качествѣ врача никогда не можетъ занять выдающагося положенія, такъ это, не смотря на все благое желаніе эмансипаторовъ, женщины. Какъ извѣстно, Болонскій университетъ прославился въ прошломъ вѣкѣ нѣсколькими женщинами, но было бы правильнѣе сказать, хотя и не такъ вѣжливо, что эти женщины прославились университетомъ» и т. д. въ томъ же родѣ. Русскій переводчикъ книги, устыдившись этого замѣчанія г-на Угетти, сдѣлалъ примѣчаніе, что авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду исключительно итальянокъ. Говоря о затрудненіяхъ, какія врачъ испытываетъ въ своей практикѣ, авторъ разражается слѣдующей, по его мнѣнію, остроумной тирадой: «Съ своей стороны я прибавлю лишь нѣсколько словъ, которыя увеличатъ число титуловъ, полученныхъ мною, къ моему великому удивленію, отъ женскаго пола. Именно: во всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчающихся врачу, самымъ обманчивымъ его другомъ, если не опаснѣйшимъ врагомъ, является женщина. Она приводитъ его въ домъ, она же удаляетъ его. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что въ девяти случаяхъ изъ десяти кумушки-сосѣдки и родственницы возбуждаютъ первое сомнѣніе въ его достоинствахъ» и т. д.

Говоря о врачебныхъ консиліумахъ, нашъ авторъ остритъ по поводу ихъ происхожденія слѣдующимъ образомъ: «Эта примитивная форма собраній установлена, по меньшей мѣрѣ, Адамомъ, когда онъ, чтобы вылѣчить Авеля отъ Каинова удара, держалъ совѣтъ съ Евой о томъ, нужно ли приложить къ ранѣ примочку» и т. д. И такимъ подъ-часъ совершенно безсмысленнымъ вздоромъ наполнена вся книжка. Зачѣмъ понадобилось ее переводить на русскій языкъ, мы недоумѣваемъ. Врачъ *В. Б—ъ.*

К. Кимминсъ. Химія жизни и здоровья. Съ 25 рисунками. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. В Тимофеева. Москва 1899 г. Изданіе. М. и С. Сабашниковыхъ. Цѣна 85 коп. Книгу Кимминса можно смѣло рекомендовать всѣмъ, желающимъ ознакомиться съ основными вопросами гигіены и вмѣстѣ съ тѣмъ не располагающимъ спеціальными свѣдѣніями по естествознанію вообще. Чтобы сдѣлать книгу доступной большому кругу читателей, авторъ въ популярной формѣ даетъ представленіе объ основныхъ химическихъ процессахъ, затѣмъ послѣдовательно излагаетъ физіологію дыханія, далѣе гигіену жилищъ, знакомитъ съ требованіями, какія должны предъявляться къ питьевой водѣ, говоритъ о примѣсяхъ къ водѣ и о вредѣ, какой эти примѣси могутъ принести организму, тутъ же кстати даетъ краткія свѣдѣнія о бактеріяхъ, далѣе излагаетъ физіологію пищеваренія, знакомитъ съ пищевыми средствами и даетъ указанія для опредѣленія фальсификаціи нѣкоторыхъ продуктовъ. Переводъ книжки сдѣланъ хорошимъ языкомъ, а изданіе надо назвать изящнымъ. Врачъ *В. Б—ъ.*

Бесѣды по школьной гигіенѣ. Составилъ Н. Ф. Плюшкинъ, земскій санитарный врачъ. Псковъ. 1900 г. Бесѣды велись д-ромъ Плюшкинымъ на курсахъ для учителей и учительницъ земскихъ начальныхъ школъ Псковской губ. и изданы санитарно-статистическимъ бюро псковской губернской земской

управы. Въ общемъ бесѣды эти заслуживаютъ похвалы, такъ какъ обнимаетъ собой всѣ стороны школьной гигіены и изложены простымъ и яснымъ языкомъ. Всѣхъ бесѣдъ 14 и всѣ онѣ, кромѣ первой вступительной, посвященной выясненію значенія гигіены, трактуютъ о слѣдующихъ предметахъ: почва, комната для занятій, освѣщеніе, вентиляція, отопленіе, внутренняя обстановка школъ, другія помѣщенія школъ, вода и способы ея очистки, внутренній распорядокъ въ школѣ и гигіена учебнаго времени, заразныя болѣзни, общія мѣры предохраненія, предохранительныя мѣры, рекомендуемыя для школъ и перечень заразныхъ болѣзней.

Говоря о наказаніяхъ въ школѣ, г. Плюшкинъ приводитъ мнѣніе педагога Фармаковскаго, который высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что «если необходимо иногда непріятное тѣлесное ощущеніе примѣнять къ возбужденію отупѣвшаго нравственнаго чувства долга и чести, то должно старательно избѣгать того, чтобы непріятное тѣлесное ощущеніе не переходило въ истязаніе или оскорбленіе, чтобы оно не наносило какой-либо вреда здоровью ребенка». Приведя это мнѣніе, г. Плюшкинъ, къ нашему удивленію, мало протестуетъ противъ него, ограничиваясь заявленіемъ, что «желательно избѣгать тѣлесныхъ наказаній, вредныхъ и въ воспитательномъ, и въ гигіеническомъ отношеніи».

Не желать надо, а требовать, чтобы никто изъ воспитателей нигдѣ и никогда не смѣлъ пальцемъ дотронуться до ребенка или въ другой формѣ причинить ему физическій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нравственный вредъ.

Врачъ *В. Б—ъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-ое марта 1901 г.).

М. Ю. Лермонтовъ. Избран. произвед. М. 1901 г. Библ. культ. Россіи. Ц. 65 к.

Генрихъ Ибсенъ. Врагъ народа (докторъ Штокманъ). Драма въ 5-ти дѣйств. Перев. съ норвежск. Н. Мировичъ. М. 1901 г. Изд. Скирмунта. Ц. 30 коп.

Н. Останинъ. Факторы дѣтскаго счастія. Изд. Южно-русск. Об-ва печ. дѣла. Одесса. 1901 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. Ватсонъ. Джузепе Джусти. Крит.-біогр. очеркъ. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

Ив. Бунинъ. Листопадъ (стихотв.). М. 1901 г. Изд. «Скорпіонъ». Ц. 1 руб.

Вернеръ Зомбартъ. Организація труда и трудящихся. Перев. подъ ред. Л. А. Кириллова съ предисл. М Туганъ-Барановскаго. Спб. 1901 г. Изд. Б. Н. Звонарева. Ц. 1 р. 50 коп.

Н. Денисюкъ. Начала политической экономіи. Съ примѣч. по исторіи полит. эконом. Дж. Милля. К. Маркса. Проф. Чупрова и А. Исаева. М. 1901 г. Изд. книжн. магаз. И. С. Козлова. Ц. 1 р. 75 коп.

Ф. Я. Щербина. Крестьянскіе бюджеты. Изд. Импер. вольно-эконом. Об-ва. Ц. 3 руб.

Р. Майо Смитъ. Статистика и соціологія. Перев. съ англ. М. Энгельгардта. Редакція Г. Фальборка и Чарнолускаго. Изд. Скирмунта. М. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Бухенбергеръ. Основные вопросы сельскохозяйствен. экономіи и политики. Перев. съ нѣм. А. Гурьева. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.

А. Будищевъ. Стихотвор. Изд. «Трудъ». 1901 г. Ц. 1 руб.

Dr. V. Totomjanz und E. Toptschjan. Die Social. okonomische Türkei. Berlin. 1901 г.

А. Н. Майковъ. Полное собр. соч. въ 4-хъ том. Изд. Маркса. Спб. 1901 г. Ц. 4 руб.

Дж. Рескинъ. Царь золотой рѣки. Штирійск. сказка. Перев. съ англ. Изд. «Посредника». М. 1901 г. Ц. 3 коп.

С. Семенова. Васька. Разсказъ. М. Изд. то же. 1901 г. Ц. 3 коп.

Его же. Недруги. Разсказъ. М. Изд. то же. 1901 г. Ц. $1^1/_2$ к.

О. Обломіевская. Черезъ нѣсколько вѣковъ. Спб. 1901 г. Ц. 30 коп.

В. Н. Спасскій. Летучіе пески и ихъ укрѣпленіе облѣсеніями. Изд. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 5 коп.

Докт. С. Фишеръ. Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. М. 1901. Изд. Сытина. Ц. 5 коп.

В. Н. Спасскій. Торфъ и добываніе его для топлива и т. д. М. Изд. Тихомирова. 1901 г. Ц. 8 коп.

Г. Гауптманъ. Желѣзнодорожный сторожъ Тиль. Перев. съ нѣмецк. М. Изд. то же. 1901 г. Ц. 7 коп.

Т. Рибо. Творческое воображеніе. Перев. съ франц. Предтеченскаго и Ранцева. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Томъ I. Вып. IV. Изд. Юргенсона. М. 1901 г. Ц. 40 коп.

Д. Чумакова. Основы къ разрѣшенію задачи воздухоплаванія. Асхабадъ. 1901 г. Ц. 60 коп.

А. В. Кругловъ. Домна-ректорша. Изд. Спиридонова. М. 1901 г. Ц. 50 коп.

Отчетъ Об-ва взаимопомощи учащимъ и учившимъ въ низш. учебн. завед. Калужск. губ. за 1899 г. Калуга. 1900 г.

Камилла Фламмаріона. Богъ въ природѣ. Перев. Е. Предтеченскаго. Изд. П. Луковникова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп.

А. И. Гиляровъ. Проф. унив. св. Владим. Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи. Кіевъ. 1901 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Н. Нидермиллеръ. Безъ воли. Драма въ 5-ти дѣйств. Псковъ. 1900 г. Ц. 1 руб.

М. Зеленоглазый. Въ пути. Драма въ 5-ти дѣйст. М. 1901 г.

М. М. Реабилитація Пушкина и нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901 г. Ц. 25 коп.

У. З. Араратянцъ. Вѣрованія въ сновидѣнія и ихъ ложность. Баку. 1900 г. Ц. 15 коп.

Р. Спарро. Размывы заливныхъ луговъ въ долинѣ рѣки Суры около г. Пензы. Спб. 1901 г.

Проф. Евг. Бобровъ. Философія въ Россіи. Вып. V. Казань. 1901 г. Ц. 1 руб.

Ежегодникъ импер. театровъ. Сезонъ 1899—1900 г. Спб. 1901 г.

Ѳ. А. Желтовъ. Трясина. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). М. 1893 г. Ц. 5 коп.

Ст. Филлипса. Паоло и Франческа. Траг. въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ англ. Л. и В. Андрусонъ. Спб. 1901 г. Ц. 60 коп.

Е. Лемешовъ. Письма ко всѣмъ и всюду. Письмо 1-ое и 2-ое. М. 1900 г. Ц. 50 коп.

И. Наживинъ. Убогая Русь. М. 1901 г. Ц. 1 руб.

Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. Изд. «Посредника». М. 1900 г. Ц. $1^1/_2$ коп.

М. Г. Васильева. Пѣсни сибирячки. Изд. Кобычева. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

И. Святскій. Пѣвчія птицы. (Ловля, содержаніе въ неволѣ, нравы и образъ жизни пѣвч. птицъ). 2-ое изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

Ф. Груздевъ (Волгинъ). Амуръ. (Природа и люди Амурскаго края. 2-ое допол. изд. П. П. Сойкина. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.

А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Въ горахъ боль-

шого и малаго Карачая. Тифлисъ. 1900 г. Ц. 80 коп.

П. Лахтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. Изд. книжн. маг. «Посредникъ». 1901 г. Ц. 2 руб.

Н. Покровскій. А. С. Пушкинъ въ его значеніи художествен., историч. и обществен М. 1901 г. Ц. 75 коп.

П. П. Гнѣдичъ. Комедіи. Томъ I. Спб. Изд. т-ва «Трудъ». 1901 г. Ц. 2 р. 50 коп.

К. М. Станюковичъ. Изъ жизни моряковъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Отчетъ Комитета Самарск. частн. кружка помощ. дѣт. крестьянъ Сам. губ., пострад. отъ неурож. 1898 г. Самара. 1900 г.

Труды Коммиссіи по вопросамъ земской статистики. Изд. вольно-эконом. Об-ва. Ц. 1 р. 50 коп.

Врачъ С. И. Лавровъ. Лекціи по школьной гигіенѣ. Н.-Новгородъ. 1900 г.

Уставъ Спб. Об-ва попеченія о душевнобольныхъ. Спб. 1901 г.

Эрн. Лависсъ и Алф. Рамбо. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Перев. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1901 г. Ц. 3 руб.

В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. 8-ое письмо. Спб. 1901 г.

В. Н. Коробанова. Четверть вѣка спустя. Стихотв. М. 1901 г. Ц. 20 коп.

Отчетъ о дѣятельности лекціоннаго комитета при Одесской городск. аудиторіи за 1897—1900 г. Одесса. 1901 г.

Ал. Пановъ. Всемірное тяготѣніе и его причины. Н.-Новгородъ. 1901 г. Ц. 1 руб.

Князь Эсп. Ухтомскій. Изъ китайскихъ писемъ. Спб. 1901 г.

Я. И. Линцбахъ. Универсальная стенограф., какъ запись моментовъ движенія органовъ рѣчи. М. 1901 г. Ц. 50 коп.

Отчетъ комитета Об-ва для пособія нуждающ. студентамъ Импер. Моск. университета за 1900 г. М. 1901 г.

M. Paris. Congrès international de l'enseignement téchnique. Paris. Impremerie Nationale.

Wilhelm Ostwald. Die Oberwindung des Wissenschaftlichen Materialismus. Leipzig. 1895 г.

И. М. Сибирцевъ, его жизнь и дѣятельность. Изд. журн. «Почвовѣдѣніе». Спб. 1901 г. Ц. 60 коп.

Труды совѣщанія врачебныхъ инспекторовъ Кіевск., Подольск. и Виленск. губ. Кіевъ. 1901 г.

М. Е. Ш. Стихотворенія. М. 1901 г. Ц. 30 коп.

Артуръ Шницлеръ. Трилогія. Въ перев. Венгеровой и Чюминой. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Труды прѣсноводной біологической станц. Имп. Спб. Об-ва естествоиспытателей. Томъ I. Спб. 1901 г. Ц. 3 руб.

В. А. Караваевъ. Поѣздка на островъ Яву. Кіевъ. 1900 г. Ц. 2 руб.

Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій. Учительскія семинаріи и школы. Изд. (неоф.) Т-ва «Знаніе». Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.

Ихъ же. Испытанія на званія уѣздн. домашн. городск. и начальн. учителей и на I-ый клас. чин. Изд. то же. Ц. 50 коп.

Ихъ же. Учительскія Об-ва, кассы, курсы и съѣзды. Изд. то же. Ц. 50 коп.

М. Гюйо. Собраніе сочиненій. Томъ VI. Стихи философа. Изд. то же. Ц. 1 руб.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Изъ записокъ лейтенанта Том. Глана. Перев. С. А. Полякова, съ предисл. К. Бальмонта. М. Изд. «Скорпіонъ». 1901 г. Ц. 1 руб.

А. Лихтенберже. Философія Нитцше. Перев. М. Невѣдомскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 80 коп.

Т. Барвенкова. «Раздолье». «На мели» и «По способу Коха». Изд. С. Даравтовскаго и А. Чарушникова. М. 1901 г. Ц. 80 коп.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 25 коп.

М. Бертинъ. Разсказы. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Генрихъ Ибсенъ. Женщина съ моря. Пьеса въ 5-ти дѣйст. Перев. Э. Маттерна и А. Воротникова. М. 1901 г.

Проф. Г. Ф. Шершеневича. Курсъ гражданскаго права. Томъ I. Введеніе. Вып. I. Казань. 1901 г. Ц. 2 руб.

Привислянскій календарь на 1901 г. Варшава. 1901 г. Ц. 60 коп.

Отчетъ о дѣятельн. Об-ва защиты несчастн. женщинъ за 1900 г. Казань. 1901 г.

Велизарій. Элегіи. Кіевъ. 1901 г.

Б. Уитби. Въ свѣтлую пору жизни. (Повѣсть для юношества. Перев. съ англ. Изд. В. Бекманъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Е. Фриде. Краткій обзоръ средневѣковой исторіи. Спб. 1900 г. Ц. 80 коп.

Я. К. Имшенецкій. Хуторянинъ и его читатели. Полтава. 1901 г.

Н. Рожковъ. Учебн. русск. исторіи для средн. учебн. завед. для самообразов. М. 1901 г. Ц. 60 коп.

Докторъ Г. П. Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи. Томъ II. (Конецъ). Перев. М. Бартельсонъ. Под. ред. д-ра А. Г. Фейнбергъ. Спб. 1900 г. Изд. Щепанскаго. Ц. 2-хъ том. 10 руб.

Проф. К. Э. Бокъ. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Перев. съ нѣм. под. ред. С. Орѣчкина. Томъ II, пол. I.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Grundriss des allgemeinen Volkswirtschaftslehre». Leipzig. (*Duncker u. Hurublot*) *von Gustaw Schmoller*) (*Очерки политической экономіи*). Въ предисловіи авторъ изслѣдуетъ понятіе о политической экономіи и главные принципы этой науки, а также историческое развитіе литературы предмета. Затѣмъ авторъ изучаетъ связь между географическими и этнографическими условіями и положеніемъ техники съ одной стороны и экономической жизнью съ другой. Во второй части говорится о соціальномъ устройствѣ и отношеніи его къ экономической жизни народа, распредѣленіи труда и образованіи классовъ. Авторъ касается и женскаго вопроса, въ которомъ онъ является скорѣе противникомъ женскаго равноправія и больше всего настаиваетъ на томъ, что женщина должна быть хорошею матерью и хозяйкою.

(Berliner Tageblatt).

«My Autobiography» by prof. Max Müller. With 6 portraits. (*Longmans and C°*). *Моя автобіографія.* Личность покойнаго профессора Максъ Мюллера, знаменитаго лингвиста и знатока санскритскаго языка и санскритской литературы, настолько интересна, что его автобіографія, недавно вышедшая въ свѣтъ, несомнѣнно должна привлечь вниманіе читателей. Въ ней Максъ Мюллеръ описываетъ свое дѣтство и школьные года въ Лейпцигѣ, затѣмъ поступленіе въ университетъ, переселеніе въ Англію и первое время жизни въ Оксфордѣ.

(Daily News).

«Pages from the Journal of a Queensland Squoter» by Oscar de Satge. (*Hurstand Blacketts*). (*Страницы изъ дневника австралійскаго скваттера*). Авторъ разсказываетъ правдивую исторію своей колоніальной жизни, со всѣми ея злоключеніями и удачами. Книга написана очень занимательно и заключаетъ въ себѣ многое, что не безполезно знать эмигрантамъ, отправляющимся исключительно въ Австралію. Очень много интереса придаютъ книгѣ и многочисленныя иллюстраціи.

(Daily News):

«The Romance of a Hundree Years» by Alfred Kingston (*Stock*). (*Романъ столѣтія*). Въ этой книгѣ заключается исторія развитія общества за истекшее столѣтіе, главныя событія и реформы, а также научныя открытія, оказавшія то или другое вліяніе на народную жизнь. Къ книгѣ приложены иллюстраціи, но онѣ выполнены не совсѣмъ удачно.

(Daily News).

«Annals of Politics and Culture» (*1492—1899*) *by G. P. Gosch. Cambridge.* (*Лѣтопись политики и культуры*). Идея и форма этого изданія превосходны. Оно заключаетъ въ себѣ общую хронологію съ 1492 г. по 1899 (включительно) событій въ жизни народовъ Европы и, конечно, Америки, а также нѣкоторыхъ азіатскихъ или внѣевропейскихъ странъ, принимавшихъ участіе въ міровой исторіи.

(Morning Post).

«Pantheism» par C. Amryc. (*Пантеизмъ*). Въ этой книгѣ заключается восторженное восхваленіе пантеистической доктрины, которую авторъ считаетъ единственно подходящей для научной эпохи.

(Morning Post).

«Souvenirs d'un journaliste» par Arsène Thévenot (*L. Frémont*). (*Воспоминанія журналиста*). Авторъ почти сорокъ лѣтъ проработалъ въ журналистикѣ, и его воспоминанія составляютъ очень интересную страницу изъ исторіи журнализма и современной политики во Франціи.

(Journal des Débats).

«National Life from the Standpoint of Science» by prof. Karl Pearson (*A and C. Black*). (*Національная жизнь съ точки зрѣнія науки*). Въ этой небольшой, но содержательной книгѣ авторъ изслѣдуетъ условія англійской жизни съ научной точки зрѣнія и указываетъ на опасность, которая грозитъ націи вслѣдствіе истощенія умственныхъ и физическихъ силъ. По его словамъ, силы націи въ настоящее время не столько находятся въ зависимости отъ матеріальныхъ рессурсовъ, сколько отъ ея организованной мозговой силы. Только

эта послѣдняя можетъ гарантировать ей преобладаніе какъ въ торговли, такъ и на войнѣ. Нація, у которой не хватитъ мозговыхъ силъ, непремѣнно отстанетъ въ борьбѣ расъ, которая, по мнѣнію автора, имѣетъ гораздо большее значеніе съ точки зрѣнія прогресса человѣчества, нежели борьба индивидовъ. Въ этой борьбѣ расъ побѣдитъ и переживетъ та нація, которая окажется наилучше организованной въ физическомъ и умственномъ отношеніи; поэтому гарантія существованія націи заключается въ наибольшемъ развитіи у нея соціальнаго инстинкта и соціальныхъ чувствъ.

(Review of Reviews).

«*The Suhabitants of the Philippines*» *by F. H. Sawyer* (*Sampson Low and C⁰*). (*Обитатели Филиппинъ*). Проведя четырнадцать лѣтъ на Филиппинскихъ островахъ, авторъ изучилъ жизнь обитателей этого архипелага и его природу. Онъ говоритъ, что его побудило издать эту книгу желаніе уничтожить то предвзятое мнѣніе, которое существуетъ въ Европѣ и въ Америкѣ относительно филиппинскихъ туземцевъ. Дѣйствительно, онъ доказываетъ, напримѣръ, что тагаловъ далеко нельзя назвать некультурнымъ народомъ. Они уже многіе вѣка исповѣдуютъ христіанскую религію и обращаются со своими плѣнными, кто бы они ни были, испанцы или американцы, очень гуманно. Впрочемъ, среди филиппинцевъ встрѣчаются племена всѣхъ временъ культуры, отъ цивилизованныхъ тагаловъ, визаевъ и пампангосовъ до аетосовъ и др. племенъ негритосовъ, совершенно дикихъ, у которыхъ еще существуютъ человѣческія жертвоприношенія и охота за головами. Кромѣ нихъ, на Филиппинахъ водится еще раса арабскаго происхожденія, моросы, занимающіеся пиратскимъ промысломъ. Въ общемъ авторъ отзывается очень хорошо о населеніи Филиппинъ и считаетъ его трудолюбивымъ и интеллигентнымъ, способнымъ къ дальнѣйшему развитію. Къ тагаламъ онъ въ особенности чувствуетъ большую симпатію. Книга его прочтется съ большимъ интересомъ особенно тѣми, кто слѣдитъ за борьбою между американцами и филиппинцами.

(Athaeneum).

«*The Meaning of Good*» *by G. Lowes Dickinson* (*Glasgow, Maelehose*). (*Значеніе добра*). Цѣль книги—изслѣдованіе понятія о добрѣ, написанное въ такой формѣ, которая дѣлаетъ книгу доступной обширному кругу читателей, а не однимъ только людямъ, посвятившимъ себя изученію философіи. Книга написана въ формѣ діалоговъ. Воззрѣнія автора проникнуты нѣкоторою долю мистицизма и значительнымъ пессимизмомъ, въ особенности въ томъ, что касается взгляда на жизнь.

(Daily News).

«*The Slaves of Society*» *A Satire on Social Life and Usages. 6 s. Second Edition.* (*Harper and brothers*). (*Рабы общества*). Блестящая сатира современной соціальной жизни и обычаевъ, принадлежащая перу анонимнаго автора.

(Athaeneum).

«*The Story of Nineteenth Century Science*» *by D. Henry Smith Williams.* (*Harper and brothers*). (*Исторія науки въ XIX вѣкѣ*). Въ этой книгѣ заключается очень популярно написанная исторія прогресса науки за истекшее столѣтіе. Содержаніе книги слѣдующее: наука въ началѣ столѣтія.—Прогрессъ въ астрономіи, геологіи, метеорологіи, физикѣ, химіи, органической эволюціи, психологіи и т. п. Въ заключительной главѣ говорится о неразрѣшенныхъ проблемахъ, которыя остаются въ наслѣдство новому вѣку. Книга иллюстрирована. (Athaeneum).

«*China*: *her History, Diplomacy and Commerce, from the Earliest Times to the present Day. By E. H. Parker* (*Murray*). (*Китай, его исторія, дипломатія и торговля, съ древнихъ временъ до настоящаго времени*). Авторъ обнаруживаетъ въ своемъ трудѣ глубокое знаніе азіатскаго востока, который онъ изучилъ въ бытность свою генеральнымъ консуломъ въ Кореѣ, затѣмъ въ Кіунгъ-Шоу и Бирмѣ, гдѣ онъ состоялъ совѣтникомъ бирманскаго правительства по китайскимъ дѣламъ. Авторъ старается познакомить читателей съ системою китайскаго правительства, ея администраціи и ея историческимъ развитіемъ, съ характеромъ китайскаго народа, основныя черты котораго также имѣютъ свое объясненіе въ исторіи. (Athaeneum).

«*The Romance of the Earth*» *by prof. A. W. Bickerton* (*Swan Svaneschein*) *with 56 fine Illustrations. 2 s. 6 d.* (*Романъ земли*). Эта книга можетъ быть названа прекраснымъ введеніемъ въ физіографію. Въ первыхъ главахъ говорится о движеніяхъ земли, ея происхожденіи, образованіи земной коры и т. п. Въ послѣдующихъ главахъ изслѣдуется происхожденіе жизни на землѣ, растенія и животныя, эволюція въ органической жизни и т. д. Иллюстраціи очень хороши. (Daily News).

«*The Science of Civilization*» *by C. P. Phipson* (*Swan Sonnenschein*) *10 s. 6 d.* (*Наука цивилизаціи*). Авторъ изслѣдуетъ принципы земледѣльческаго, промышленнаго и коммерческаго народнаго благополучія и обсуждаетъ тѣ вопросы соціальной экономики, которые въ особенности близко касаются земледѣльцевъ, фермеровъ, купцовъ и промышленниковъ.

(Daily News).

«*Eccentricities of Genius*» *Memoires of famous nunand Women ou Platform and Stage by I. B. Pond* (*Chatto and Windus*). (*Странности геніевъ*). Очень занимательпорядок

ная книга. Авторъ пишетъ свои воспоминанія о разныхъ знаменитостяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться въ теченіе своей почти полувѣковой карьеры, въ качествѣ антрепренера, устраивающаго публичныя чтенія и митинги въ Америкѣ. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ картинъ американской жизни. Въ своихъ очеркахъ авторъ мастерски обрисовываетъ многихъ знаменитостей, которыхъ онъ приглашалъ читать лекціи, проповѣдниковъ, писателей и т. д. Онъ не ограничивался только мужчинами и въ его поразительной галлереи находятся нѣсколько женщинъ. Многія изъ этихъ женщинъ-ораторовъ имѣли огромный успѣхъ. Къ своимъ воспоминаніямъ авторъ прилагаетъ 99 прекрасно выполненныхъ портретовъ. (Review of Review).

«A Vagabond in Asia» by Edmund Candler (*Greening and C⁰*). (*Бродяги въ Азіи*). Авторъ описываетъ свое бродяжничество, по Индо-Китаю. Онъ приходитъ въ восторгъ отъ красоты природы, но его приводятъ въ ужасъ нездоровыя условія страны. Что же касается развалинъ храмовъ и дворцовъ и вообще остатковъ исчезнувшей цивилизаціи, то авторъ прямо сознается, что у него не хватаетъ словъ, чтобы описать все ихъ великолѣпіе. По его словамъ, Сіамъ почти всецѣло подчиняется французскому вліянію, хотя французская торговля начинаетъ сильно падать въ послѣднее время. Свои описанія авторъ сопровождаетъ многочисленными иллюстраціями. (Boonseller).

«Problèmes politiques du temps présent» par Emile Faguet de l'Académie Française. (*Политическія проблемы настоящаго времени*). Интересная книга, представляющая продолженіе появившагося въ прошломъ году и обратившаго на себя большое вниманіе туда того же автора «Questions politiques», въ которомъ авторъ такимъ добросовѣстнымъ и безпристрастнымъ образомъ обсуждаетъ различные политическіе вопросы дня.

(Journal des Débats).

«Essai d'une Psychologie politique du Peuple Anglais au XIX siècle» par Emile Boutmy. Membre de l'Institut (*Armand Collin*). (*Опытъ политической психологіи англійскаго народа въ XIX вѣкѣ*). Авторъ основательно изучилъ англійскія дѣла и въ своей книгѣ обсуждаетъ англійскую политическую и соціальную жизнь съ философской точки зрѣнія.

(Journal des Débats).

«Animals of Africa» by H. A. Bryden. Illustrated by E. Cadisel (*Sands and C⁰*). (*Животныя Африки*). Эта книга входитъ въ составъ серіи, издаваемой подъ именемъ «Library for Young Naturalist». Она знакомитъ съ жизнью африканскихъ животныхъ и снабжена прекрасными иллюстраціями.

(Bookseller).

«Armenia: Traveband Studies» by H. F. B. Zynch. With Illustrations and Map (*Longwans, Green and C⁰*). (*Арменія, путешествія и очерки*). Очень хорошее и занимательное описаніе этой малоизвѣстной страны, ея природы и жителей, старинныхъ городовъ и т. д. Авторъ изучилъ эту страну во время своего продолжительнаго пребыванія и много путешествовалъ по ней. Фотографическіе снимки, сдѣланные авторомъ и прекрасная карта мѣстности дополняютъ текстъ.

(Bookseller).

«Rome» by Norwood Young. Illustrated by Nelly Erichsen (*Dent and C⁰*). *Pricè 4 s. 6 d.* (*Римъ*). Прекрасно изданная и написанная книга. Авторъ разсказываетъ исторію Рима съ древнихъ временъ до нашего времени и руководитъ читателемъ въ его странствованіяхъ по нынѣшнему Риму, возбуждая на каждомъ шагу его любопытство и указывая ему, на что онъ долженъ обратить вниманіе больше всего.

(Bookseller).

«A History of political parties in the United States» by Sames Hopkins (*Putnam Sons*). (*Исторія политическихъ партій въ Соединенныхъ Штатахъ*). Въ этой книгѣ излагается въ очень понятной, хотя и сжатой формѣ исторія американской политики и образованія правительства, а также политическихъ партій въ великой Заатлантической республикѣ. Авторъ даетъ полную картину постепенной кристализаціи политическихъ взглядовъ въ Америкѣ и ихъ дальнѣйшаго развитія.

(Athaeneum).

НЕДОБРОСОВѢСТНАЯ КРИТИКА.

(Письмо въ редакцію).

Недобросовѣстная критика существовала, конечно, искони. Но, кажется, ни въ какой области и никогда она не практиковалась такъ усердно, какъ у насъ въ приложеніи къ экономическимъ сочиненіямъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣзко обозначилось раздѣленіе либеральнаго лагеря на двѣ группы. Не буду говорить о принципахъ, раздѣляемыхъ каждой изъ этихъ группъ; скажу только, что недобросовѣстная критика, безспорно, практиковалась особенно часто представителями такъ называемаго народничества. Конечно, этотъ терминъ теперь устарѣлъ и между людьми этой партіи обнаружился очень рѣзкій расколъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ терминъ кажется мнѣ болѣе подходящимъ, чѣмъ нѣкоторые вновь изобрѣтенные, особенно по отношенію къ тому изъ представителей этой группы, съ которымъ я вынужденъ вступить въ объясненіе.

Пишущій эти строки имѣлъ несчастіе не согласиться со взглядами гг. народниковъ на многіе основные вопросы русской жизни, и потому сочиненія его приводятъ нѣкоторыхъ,—болѣе экспансивныхъ, вѣроятно,—представителей этого толка въ нѣкоторый ражъ, подъ вліяніемъ котораго они забываютъ литературныя приличія и становятся просто недобросовѣстными, выставляя его въ своихъ критикахъ и невѣжественнымъ, и смѣшнымъ и вообще стараясь показать его ничтожество передъ своимъ величіемъ. Пріемъ сочиненія такихъ «критикъ», конечно, довольно простъ: стоитъ взять изъ книги въ 10 — 20 печатныхъ листовъ нѣсколько фразъ, сочинить изъ нихъ безсмысленную кашу и потомъ осмѣять автора, будто бы проповѣдующаго такую безсмыслицу.

До сихъ поръ я всегда держался правила не возражать на такія писанія, полагая, что каждый, не совсѣмъ наивный читатель пойметъ, что подобныя критики могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что у критика не нашлось сколько-нибудь вѣскихъ аргументовъ для опроверженія положеній критикуемаго автора. Но бываютъ случаи, когда такая система неудобоприложима, и именно такой случай заставляетъ меня теперь обратиться къ печати. Недавно мною издано руководство для студентовъ («Экономика Земледѣлія», часть 1-я), и вотъ по поводу этой книги г. В. В. нашелъ нужнымъ учинить мнѣ разносъ, который заканчивается такой тирадой («Народное Хозяйство» № 2, стр. 164): «Было бы съ полъ-горя, если бы г. Скворцовъ обращался съ своими умствованіями къ ученому міру: послѣдній сумѣлъ бы отдѣлить въ нихъ плевела отъ пшеницы»: «есть въ нихъ и послѣдняя»,—снисходительно прибавляетъ въ скобкахъ мой критикъ, и затѣмъ продолжаетъ: «Но цѣлое горе заключается въ томъ, что онъ издалъ свою книгу для учащихся.... что онъ поучаетъ юношество пренебрежительному отношенію къ индукціи и къ фактамъ, вмѣсто которыхъ рекомендуетъ апріорныя соображенія, основывающіяся на половину на совершенно произвольныхъ посылкахъ. Этотъ профессоръ готовитъ, поэтому, не ученыхъ изслѣдователей, а развязныхъ фельетонистовъ не особенно серьезной экономической газеты».

Прочитавъ это заключительное слово, читатель долженъ прійти къ выводу, что г. В. В., что называется, разбилъ меня въ прахъ; доказалъ, по крайней мѣрѣ, произвольность половины тѣхъ посылокъ, на которыхъ я построилъ свои выводы.—Однако, на повѣрку оказывается, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ; ни одного изъ моихъ положеній или ни одной изъ посылокъ, на которыхъ построено изслѣдованіе, г. В. В. даже не пытается коснуться; онъ уклоняется отъ этого подъ предлогомъ краткости рецензіи. Книга, говоритъ онъ, должна бы быть разсмотрѣна со стороны того, что она даетъ слушателямъ и читателямъ, и кромѣ того, съ точки зрѣнія тѣхъ пріемовъ «трактованія научныхъ предметовъ, которые рекомендуются профессоромъ его слушателямъ». Только эту послѣднюю сторону авторъ рецензіи и желаетъ разобрать.—Это, конечно, онъ въ правѣ сдѣлать, но тогда нѣтъ основанія говорить о произвольности положеній, принятыхъ авторомъ разбираемой книги. Но, сверхъ того, если критикъ имѣетъ въ виду разобрать мой методъ, то, конечно, прежде всего слѣдуетъ требовать, чтобы онъ передалъ сущность этого метода точно, не извращая его. Г. В. В. не соблюдаетъ даже этого элементарнѣйшаго требованія и, что называется, прямо выворачиваетъ на изнанку мои разсужденія о методѣ и приписываетъ мнѣ, будто я «примыкаю къ г. Каблукову», который именно желаетъ выводить законы общественно-экономическаго развитія на основаніи данныхъ статистики, тогда какъ я указываю, что «индуктивное» (на практикѣ—статистическое) установленіе законовъ общественнаго развитія прямо невозможно. Я позволяю себѣ утверждать, что со стороны моего критика это не ненамѣренная обмолвка или недоразумѣніе, ибо г. В. В. писалъ чуть ли не по поводу каждаго изъ моихъ сочиненій, да и въ настоящей рецензіи не разъ упоминаетъ о моей книгѣ «Вліяніе парового транспорта», *) съ которой онъ очевидно, хорошо знакомъ, и потому онъ не можетъ не знать моихъ воззрѣній на этотъ вопросъ, которыя я неоднократно высказывалъ вполнѣ опредѣленно и рѣзко. Да и въ разбираемой г. В. В. книгѣ (стр. 19—20) сказано, кажется достаточно ясно: «Изученіе экономической жизни общества путемъ индукціи немыслимо, въ виду невозможности опытной провѣрки: *методъ*, слѣд., *долженъ быть дедукціей* (курсивъ подлинника)». А далѣе я прибавляю: «Основаніями, изъ которыхъ мы будемъ исходить, послужатъ для насъ, съ одной стороны положенія политической экономіи, съ другой—положенія естествознанія, на которыхъ строитъ свои выводы техника». Понимаете ли вы это, г. В. В.? Кажется здѣсь ясно, что «*основаніями*» или, если это можетъ быть... понятнѣе вамъ, *посылками* для построенія нашихъ силлогизмовъ служатъ положенія экономики и естествознанія. Ни о какой повѣркѣ выведенныхъ законовъ помощью статистики ни здѣсь, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ книги нѣтъ рѣчи, ибо, разумѣется, если говорятъ, что фактическое положеніе данной страны выясняетъ статистика, «а объясненіе причинъ этого положенія даетъ экономика земледѣлія», то это не значитъ, что фактическое положеніе служитъ провѣркой законовъ экономики. Въ чемъ мой рецензентъ могъ бы меня упрекнуть по поводу характеристики методовъ—это въ краткости: я, дѣйствительно считалъ достаточнымъ указать общеизвѣстный терминъ (дедукція) и не входилъ въ описательную характеристику самого метода, какъ дѣлаетъ это г. Каблуковъ въ своей докторской диссертаціи, избѣгая употребленія научнаго термина предлагаемаго имъ метода. Но на сколько методъ г. Каблукова разнится отъ моего, это видно между прочимъ изъ того, что г. Каблуковъ говоритъ не только о провѣркѣ, но и о *выработкѣ* законовъ экономики помощью статистики онъ выражается такъ: «Собирая и *обобщая* факты русской дѣйствительности....

*) Въ этой книгѣ авторъ подробно останавливался на вопросѣ о методѣ. См. стр. 19—28.

мы обобщаемъ тѣмъ наблюденія ученыхъ всего міра и даемъ *матеріалъ для дальнѣйшаго развитія и установленія законовъ нашей науки*» (стр. 16). Видите ли: статистическія данныя даютъ *матеріалъ* для установленія законовъ науки. Но, конечно, г. Каблуковъ московскій экономистъ, и слѣдуя примѣру своихъ учителей, искони стремился сѣсть между двухъ стульевъ; поэтому онъ далѣе (въ мѣстѣ цитированномъ г. В. В.) и сводитъ на очную ставку теоретическую экономію и статистику; но и здѣсь онъ говоритъ объ отысканіи законовъ «тѣхъ явленій, которыя еще не освѣщены теоріей»—отысканіи помощью указанной очной ставки *).

Мой критикъ, однако, приписавъ мнѣ сначала вышеуказанный методъ г. Каблукова, вслѣдъ затѣмъ (стр. 160) самъ говоритъ, что я, «къ удивленію» его, не только не призналъ «вышеописаннаго метода» (метода г. Каблукова), но «и не упомянулъ о возможности такого метода»,—что онъ опять утверждаетъ облыжно, какъ свидѣтельствуетъ вышеприведенная цитата: я именно упомянулъ о невозможности такого метода. Если я, тѣмъ не менѣе, «широко пользовался статистикой» и не только въ работѣ «Вліяніе парового транспорта», но, въ противность утвержденію моего критика, и въ разбираемой книгѣ (поскольку позволили мнѣ внѣшнія обстоятельства), то это потому, что я признавалъ и признаю статистическія данныя хорошимъ средствомъ для иллюстраціи извѣстныхъ положеній. Если мой критикъ, тѣмъ не менѣе, упрекаетъ меня, что я мало прибѣгаю къ статистикѣ, то это, съ одной стороны, просто изъ желанія придраться, а съ другой — можетъ быть, и по непониманію того, что должны иллюстрировать извѣстныя цифры. Разберу по порядку всѣ его обвиненія. Если я, говоря о ходѣ и тенденціи развитія морского судоходства, привожу послѣднюю цифру только за 1886 годъ и не ищу цифръ за послѣдніе годы, то это потому, съ одной стороны, что указываемая тенденція совершенно ясна и изъ приведенныхъ цифръ, а съ другой—живя не въ столицѣ, а въ маленькомъ городкѣ и имѣя подъ руками только одну бѣдно обставленную библіотеку, не всегда возможно и добыть тѣ статистическіе матеріалы, которыми интересно было бы воспользоваться. Послѣднее относится, между прочимъ, къ даннымъ американскаго ценза 1890 года. Невозможность воспользоваться этими послѣдними данными достаточно полно (они отчасти использованы по отношенію къ населенію городовъ) представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственный сколько-нибудь стоющій вниманія пробѣлъ изъ всѣхъ, указанныхъ моимъ критикомъ. Если я не привелъ данныхъ о развитіи міровой добычи каменнаго угля за время послѣ 1883 года, то это, конечно, имѣетъ очень мало значенія для моей цѣли, разъ предшествующій ходъ развитія достаточно рѣзко указываетъ ту тенденцію, которую мнѣ нужно иллюстрировать. Если же мой критикъ претендуетъ на то, что, «издавая книгу въ концѣ 1900 года, можно было привести свѣдѣнія и для 1899 года», то это опять только желаніе придраться: г. В. В. настолько опытенъ въ дѣлѣ изданія книгъ, что не можетъ не понимать, что если предисловіе (являющееся для автора всегда послѣсловіемъ) книги объемомъ въ 29 печатныхъ листовъ подписано въ *Новой Александріи* 21-го октября, а книга печаталась въ Петербургѣ (за 1.200 верстъ), то печатаніе должно быть начато (а тѣмъ болѣе, слѣдовательно, книга написана) не за одинъ мѣсяцъ до указаннаго числа, а чуть не за полгода, если особенно принять во вниманіе медленность нашихъ почтовыхъ сношеній. А при такихъ условіяхъ, конечно, о данныхъ за 1899 годъ просто смѣшно говорить.

---

*) Я не вхожу здѣсь въ разборъ всѣхъ этихъ якобы «опредѣленій» слишкомъ туманныхъ и нарочито затуманиваемыхъ «очными ставками» и т. п. фигурными выраженіями, ибо имѣю теперь въ виду только указать разницу моихъ воззрѣній и воззрѣній г. Каблукова. Думаю, что, сколь ни туманны «опредѣленія» г. Каблуковъ, все же ясно, что наши воззрѣнія представляютъ два противоположныхъ полюса.

Далѣе г. В. В. упрекаетъ меня, что я, говоря о стоимости транспорта по желѣзнымъ дорогамъ, пользуюсь данными семидесятыхъ годовъ, а не новыми изслѣдованіями нашего министерства путей сообщенія. Однако, упрекъ этотъ такъ же мало основателенъ, какъ и другіе. Чтобы выяснить вопросъ о значеніи различныхъ видовъ расхода желѣзныхъ дорогъ для стоимости транспорта, я пользуюсь именно извѣстнымъ сочиненіемъ проф. Чупрова («Желѣзнодорожное хозяйство»), гдѣ всѣ нужныя для моей цѣли относительныя величины даны авторомъ (или частью были вычислены по этому сочиненію мною еще для книги «Вліяніе парового транспорта»). Ничего такого я не нашелъ бы въ оффиціальныхъ изданіяхъ, гдѣ, къ тому же, группировка отдѣльныхъ видовъ расходовъ совершенно не соотвѣтствуетъ подчасъ требованіямъ научной систематики ихъ. Но, оставляя даже въ сторонѣ эту несистематичность, ужели можно требовать, чтобы я для того, чтобы написать одну главу своей книги, исполнилъ надъ новымъ матеріаломъ весь тотъ трудъ вычисленія относительныхъ величинъ и группировки статистическихъ данныхъ, за который профессоръ Чупровъ былъ награжденъ степенью магистра политической экономіи? Очевидно, такое требованіе могъ поставить bona fide только тотъ, кто совсѣмъ не представляетъ себѣ, что значитъ обработка статистическаго матеріала (особенно русскаго); но также очевидно, что это непримѣнимо къ моему критику, и для него весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы наполнить свою «критику» возможно большимъ числомъ разныхъ обвиненій, ибо г. В. В. слишкомъ опытенъ въ дѣлѣ статистическихъ работъ, чтобы не понять несообразности своего требованія.

Но самое пикантное мѣсто критики заключается въ доказательствѣ моего невѣжества «даже по вопросамъ чисто сельскохозяйственнымъ». Дѣло идетъ именно о томъ мѣстѣ книги, гдѣ я объясняю происхожденіе латифундіальныхъ хозяйствъ и указываю причины, почему появленіе свеклосахарной промышленности должно было вызвать у насъ образованіе хозяйствъ этого типа, а въ Германіи не произошло ничего подобнаго. Объясненіе этого явленія заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, что въ моментъ появленія культуры свеклы большая часть германскихъ хозяйствъ того района, гдѣ развилось затѣмъ свеклосахарное производство, стояла на такомъ высокомъ (технически) уровнѣ, что заводскимъ хозяйствамъ не было надобности (а часто и возможности, въ виду высокой цѣны земли) для расширенія производства прибѣгать къ скупкѣ земли, ибо всякое сосѣднее хозяйство легко могло сдѣлаться поставщикомъ свеклы, плантаторомъ ея. Въ русскихъ же свеклосахарныхъ районахъ (исключая Польшу), такая скупка земель вынуждалась именно тѣмъ, что культура въ хозяйствахъ, окружающихъ заводъ, была настолько примитивна, что нельзя было и думать сдѣлать ихъ поставщиками свеклы для завода. По поводу этого мѣста г. В. В. разражается рядомъ статистическихъ цифръ, долженствующихъ опровергнуть утвержденіе мое (будто бы заключающееся въ приведенномъ разсужденіи), что наши сахарные заводы не перерабатываютъ плантаторской свеклы, а только ту, которая выращена на поляхъ, принадлежащихъ заводскому хозяйству. Это положеніе г. В. В., конечно, блистательно опровергаетъ цифрами, *относящимися къ производству 1895—1897, а потомъ и 1898—1899 годовъ*. Комизмъ этого опроверженія заключается въ томъ, что тотъ процессъ, о которомъ я говорю, происходилъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ XIX вѣка, а мой критикъ противопоставляетъ мнѣ то, что происходитъ 20-ю—30-ю и даже почти 40 годами позже. (Но, сверхъ того, замѣчу въ скобкахъ, чего я, разумѣется, не имѣлъ основанія говорить въ указанномъ мѣстѣ книги: приводимыя моимъ критикомъ цифры плантаторскихъ посѣвовъ именно въ юго-западномъ краѣ страшно преувеличены, или, если угодно, онѣ вѣрны, но подъ плантаторской свеклой здѣсь разумѣютъ не то, что разумѣетъ г. В. В. Въ этомъ краѣ,—именно въ очень обширныхъ латифундіяхъ,—часто значительная доля

земель латифундіальнаго владѣнія не эксплуатируется за счетъ землевладѣльца, а сдается арендаторамъ съ обязательствомъ поставлять свеклу съ извѣстнаго числа десятинъ на заводъ владѣльца латифундіи. Эта свекла, выростая, слѣдовательно, на земляхъ, принадлежащихъ владѣльцу завода, но не въ хозяйствѣ, ведомомъ за его счетъ, тоже считается плантаторской и региструється, какъ таковая. Фактъ этотъ извѣстенъ мнѣ изъ личныхъ сообщеній во многихъ хозяйствахъ этого типа).

Послѣ этого пассажа едва ли нужно говорить, на сколько основательны остальныя возраженія моего критика. Я, впрочемъ, ихъ почти и исчерпалъ. Остается еще одно замѣчаніе. Поставивъ себѣ задачей придираться ко всякой неточности,—или ко всему тому, что можно выставить въ качествѣ таковой, г. В. В. усматриваетъ удобный къ этому случай въ моемъ указаніи, что наше «льняное волокно уходитъ почти цѣликомъ за границу». Подчеркивая слова «почти цѣликомъ», мой критикъ съ торжествомъ цитируетъ книгу «Россія въ концѣ XIX вѣка», въ которой сказано, что «уходитъ льна за границу половина». Это опять такое возраженіе, за которое слѣдовало бы студенту поставить двойку, ибо показываетъ, что авторъ его совершенно не усвоилъ себѣ, о чемъ идетъ рѣчь. А рѣчь шла именно о льнѣ, какъ матеріалѣ для изготовленія предметовъ роскоши или комфорта, т.-е. о льнѣ только извѣстныхъ сортовъ,—какъ это видно изъ самой цитаты, приведенной г. В. В. Но я вѣдь и не говорилъ, что весь произведенный нами ленъ годенъ для такого употребленія; точно такъ же, какъ не утверждалъ нигдѣ, что вся Россія уже стоитъ подъ вліяніемъ парового транспорта, когда именно въ полной силѣ проявится дѣйствіе указаннаго закона. Равно не утверждаю я также, что въ Россіи вездѣ уничтожилось натуральное хозяйство (что находится въ связи съ указаннымъ выше), а потому и не отрицаю наличность существованія кустарнаго производства разнаго рода.

Однако, допустимъ, что указанная сейчасъ ошибка относительно льна — дѣйствительная ошибка,—подрываетъ ли это обстоятельство вѣрность того положенія, въ подтвержденіе котораго приводится это указаніе, т. е. положенія, что страны бѣдныя, производя дорогіе матеріалы для одежды, должны посылать ихъ сырьемъ въ страны болѣе богатыя? Конечно, нѣтъ, такъ какъ въ подтвержденіе этого положенія можно привести массу фактовъ и нѣкоторые изъ таковыхъ указаны.

Въ концѣ концовъ, къ чему же сводится критика г. В. В.? Къ ряду мелочныхъ замѣчаній, изъ которыхъ, притомъ, одни если и свидѣтельствуютъ о чьемъ-либо невѣжествѣ, то никакъ не о моемъ, а другія — представляютъ плодъ недоразумѣній рецензента; остальныя же, во всякомъ случаѣ, не доказываютъ негодности принятаго мною метода изслѣдованія. А вѣдь мой критикъ именно эту негодность и хотѣлъ доказать. Повидимому, онъ даже думаетъ, или притворяется, что думаетъ, будто онъ доказалъ это. Но я смѣю думать, что если такое заблужденіе у моего критика и было, когда онъ писалъ свою рецензію, то, прочитавъ сказанное здѣсь, онъ увидитъ, что заблуждался, и я надѣюсь, что ему станетъ стыдно. Стыдно, конечно, не потому, что заблуждался, а потому, что легкомысленно выступилъ съ обвиненіями, на которыя не имѣлъ никакого права.

А. Скворцовъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

названіе «Ванъ-ка», т.-е. «княжескаго», и насчитываетъ не болѣе двухсотъ семействъ. Всѣ они очень бѣдны, да и у князя, который, конечно, богаче остальныхъ, все имущество, какъ мнѣ говорилъ его управляющій, состоитъ изъ 1.000 штукъ овецъ, сорока верблюдовъ и 40—50 лошадей.

Человѣкъ, имѣющій 200—300 овецъ, 8—9 верблюдовъ и нѣсколько лошадей, считается у нихъ уже богачомъ, и, дѣйствительно, ихъ потребности столь ограничены и такъ легко могутъ быть удовлетворены, что обладателя перечисленнаго выше имущества въ самомъ дѣлѣ можно считать богатымъ человѣкомъ. Они носятъ свои зимніе овчинные тулупы и свою лѣтнюю одежду—войлочные халаты, до тѣхъ поръ, пока тѣ совсѣмъ не изорвутся и не превратятся въ лохмотья; ихъ войлочныя юрты оцѣниваются каждая около десяти ланъ серебра, да немногимъ больше стоитъ и все ихъ остальное имущество—сѣдла, уздечки, ружья, сабли, кухонная посуда и проч. Они засѣваютъ столько ячменя, сколько имъ требуется, чтобы приготовить нужное количество дзамбы; ихъ козы, овцы и полупородистые яки даютъ имъ молоко и масло, а шерсть, которую они съ нихъ собираютъ, и шкуры нѣсколькихъ ягнятъ и овецъ—матеріалъ для обмѣна у купцовъ «шарба» на чай. Ихъ единственная роскошь, это—нюхательный табакъ, который мужчины и женщины потребляютъ въ огромномъ количествѣ. Они растираютъ сухіе листья табака въ порошокъ, къ которому примѣшиваютъ немного золы отъ пережженнаго навоза, чтобы нѣсколько ослабить крѣпость табака. Эту смѣсь, которую они предпочитаютъ высшимъ сортамъ ароматнаго китайскаго нюхательнаго табака, они носятъ въ рогѣ, имѣющемъ форму пороховницы, и безпрестанно забираютъ изъ него лѣвой рукой и втягиваютъ въ носъ щепотку за щепоткой. Кислое молоко (таракъ) и перегнанное кобылье молоко (араки) [1]) представляютъ два другихъ, менѣе распространенныхъ предмета роскоши. Монголы не такъ любятъ спиртные напитки, какъ тибетцы, и пьянаго монгола видѣть можно не часто.

Гюкъ, а за нимъ Пржевальскій [2]) изображаютъ цайдамскихъ монголовъ угрюмыми, меланхолическими и молчаливыми людьми; судя по ихъ описанію, они мало чѣмъ отличаются отъ животныхъ.

Я съ удовольствіемъ однако отмѣчаю тотъ фактъ, что дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ такой характеристикѣ монголовъ. Всѣ тѣ монголы, которыхъ я встрѣчалъ въ Цайдамѣ, не только охотно исполняли мои просьбы, но всячески старались сдѣлать мнѣ пріятнымъ пребываніе у нихъ: приглашали меня въ свои юрты, угощали меня, чѣмъ только могли, и пѣли для меня хоромъ подъ аккомпанементъ банджо, родъ грубой самодѣльной гитары. Почти всѣ они говорятъ по тибетски, такъ что я могъ свободно объясняться съ ними. По моему мнѣнію, они живы и веселы настолько же, насколько и всѣ другія племена ихъ расы.

Они несомнѣнно отличаются честностью; по крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ ни у цайдамскихъ монголовъ, ни у монголовъ восточной

---

[1]) Это такъ называемая калмыцкая водка — мутный хмѣльной напитокъ, извѣстный у калмыковъ подъ названіемъ «ирэкъ» и «молымъ арки». *Прим. Гр.-Гр.*

[2]) Гюкъ, op. cit, II, 212, пишетъ: «Унылый и мрачный колоритъ этихъ печальныхъ странъ, повидимому, отразился и на характерѣ жителей: всѣ они, кажется, страдаютъ сплиномъ... Они очень молчаливы»... У Пржевальскаго, «Монгол. и страна танг.», I, 285, читаемъ: «Общее выраженіе ихъ лица крайне глупое; глаза тусклые, безсмысленные, характеръ мрачный и меланхолическій»... Въ описаніи своего третьяго путешествія онъ характеризуетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «Они лѣнивы, лживы, бесчестны и глупы, хотя и не лишены нѣкоторой хитрости».

Монголіи той лживости и лукавства, которыя Пржевальскій считаетъ ихъ характерными чертами. Ихъ честность, простодушіе и довѣрчивость вошли въ пословицу, и всякій китаецъ, который имѣлъ съ ними какія-либо дѣла, можетъ подтвердить это.

Въ Дуланъ-го мнѣ понадобилось сшить кое-что, а именно, подбить мой плащъ бараньей шкурой, и за эту работу взялись двѣ женщины, сестры, изъ коихъ одна была женой начальника этого мѣстечка, а другая—женой его помощника. Въ назначенное время обѣ явились ко мнѣ въ палатку и принялись за работу; когда же она была почти окончена и оставалось пришить къ плащу лишь одинъ воротникъ, онѣ неожиданно встали и возвратились не много спустя заканчивать взятое на себя дѣло разодѣтыми въ свои лучшія одежды. По ихъ словамъ, въ этомъ случаѣ онѣ строго сообразовались съ обычаемъ, предписывающимъ имъ поступать такимъ образомъ всякій разъ, когда шьется верхнее платье кому-либо изъ старшинъ, а онѣ хотѣли оказать мнѣ такой же почетъ. Когда плащъ былъ окончательно готовъ, женщины попросили меня одѣть его и пройти съ ними въ ихъ юрту, гдѣ меня уже ждало угощеніе.

У стѣны юрты, противуположной входу, стоялъ обращенный къ двери лицомъ низенькій алтарь, а на немъ помѣщались домашніе боги. Меня посадили на почетное мѣсто, вправо отъ алтаря, послѣ чего тотчасъ же подали чай и дзамбу. Потомъ принесли небольшую бутылку водки, въ горлышкѣ которой торчалъ кусочекъ масла; масло положили на алтарь, а вино вылили въ чашку и подали мнѣ. Омочивъ въ винѣ указательный палецъ, я покропилъ имъ на всѣ четыре стороны, отпилъ нѣсколько глотковъ и затѣмъ передалъ чашку обратно моему хозяину. Тотъ поднесъ чашу ко лбу и, не прикасаясь къ вину, передалъ ее своему сосѣду налѣво, который сдѣлалъ то же самое, и такимъ образомъ чаша обошла всю палатку и вернулась опять ко мнѣ. Тогда меня попросили, чтобы я выпилъ все вино; такъ они всегда чествуютъ, говорили они мнѣ, почетнаго гостя.

Хозяинъ мой оказался врачемъ, и во время моего визита къ нему пришла за совѣтомъ молодая дѣвушка, очевидно страдавшая лихорадкой. Онъ взялъ ее за обѣ руки, одновременно щупая пульсъ на обѣихъ, посмотрѣлъ ей пристально въ лицо, задалъ нѣсколько вопросовъ, а потомъ вытащилъ множество маленькихъ кожаныхъ мѣшечковъ съ лѣкарствами, вывезенными изъ Лхассы и, выбравъ тѣ, которыя были нужны, при помощи маленькой серебряной ложечки отдѣлилъ изъ нихъ опредѣленныя количества различныхъ порошковъ и, смѣшавъ, далъ ихъ больной, которую затѣмъ и отпустилъ, не взявъ съ нея ничего ни за совѣтъ, ни за свои снадобья. Вообще, я замѣтилъ, что цайдамскіе монголы чрезвычайно любятъ лечиться и употребляютъ при этомъ исключительно тибетскія лѣкарства, какъ извѣстно, приготовляемыя почти исключительно изъ различныхъ растеній. Въ тибетской фармакопеѣ особенно видное мѣсто, какъ мнѣ часто говорили, занимаетъ слоновое молоко; его привозятъ въ Лхассу изъ Индіи и продаютъ по очень высокой цѣнѣ, въ видучаго Мои хозяева были очень удивлены, когда я сказалъ имъ, что никогда не слышалъ объ его цѣлебныхъ свойствахъ.

На слѣдующій день въ Дуланъ-го пріѣхалъ тунъ-ши изъ ямыня сининскаго амбаня въ сопровожденіи большого отряда китайцевъ и тибитцевъ. Это меня очень обезпокоило, такъ какъ я боялся, что его послали или для того, чтобы задержать меня, или для того, чтобы

постараться, по возможности, затруднить мое путешествіе, возбудивъ противъ меня мѣстное населеніе.

Для того, чтобы вывѣдать о цѣли его прибытія въ Дуланъ-го, я тутъ же приказалъ одному изъ моихъ людей зайти къ нему, и, распросивъ его о томъ, благополучно ли прошло его путешествіе, отъ моего имени пригласить на чашку чая. Онъ принялъ приглашеніе охотно и немного спустя, дѣйствительно явился ко мнѣ и былъ со мной крайне любезенъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ мнѣ, что его послали въ Восточный Тибетъ въ качествѣ сборщика подати, и что обратно онъ разсчитываетъ вернуться черезъ Да-цзянь-лу. Въ свою очередь я сказалъ ему, что думаю осмотрѣть Цайдамъ, послѣ чего направлюсь въ Са-чжоу, а оттуда въ Хотанъ и Кашгаръ. Въ разговорѣ мы коснулись, между прочимъ, и вопроса объ условіяхъ путешествія въ Лхассу, причемъ мой собесѣдникъ передалъ мнѣ, что многіе изъ его сослуживцевъ по ямыню бывали тамъ, избирая для сего обыкновенно сѣверный путь, проходящій чрезъ хребетъ Бурханъ-будда; ѣздили они туда небольшими партіями въ 20—25 человѣкъ, и, несмотря на это, успѣшно отражали нападенія разбойниковъ, да и вообще совершали свое путешествіе безъ особыхъ затрудненій. Къ этому онъ добавилъ, что путешествіе отъ Донкыра до Лхассы требовало обыкновенно не болѣе 60—70 дней.

Такъ какъ отъ Дуланъ-го до южнаго Цайдама намъ предстояло ѣхать по одной и той же дорогѣ, то мы и рѣшили путешествовать вмѣстѣ. Это мнѣ было очень пріятно по разнымъ причинамъ: во-первыхъ, при такихъ условіяхъ я легко могъ вывѣдать, не даны-ли ему его начальствомъ какія-либо порученія по моему адресу, а во-вторыхъ, я надѣялся войти съ нимъ въ дружескія отношенія и воспользоваться, благодаря этому, тѣмъ весьма большимъ вліяніемъ, какое, какъ мнѣ казалось, онъ имѣлъ среди монголовъ и тибетцевъ.

Вскорѣ послѣ этого визита я послалъ небольшіе подарки какъ ему, такъ и его людямъ, и этимъ легко пріобрѣлъ его расположеніе; а въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль мы съ нимъ совсѣмъ подружились, и впослѣдствіи онъ оказывалъ мнѣ услуги въ двухъ очень серьезныхъ случаяхъ; я сомнѣваюсь даже, удалось ли бы мнѣ пробраться чрезъ восточный Тибетъ, если бы онъ не помогъ мнѣ въ этомъ.

За четыре дня, которые я провелъ въ Дуланъ-го, мои верблюды совсѣмъ не поправились. Пастбища вокругъ селенія были давно вытравлены, да къ тому-же и стаи сорокъ неотступно преслѣдовали бѣдныхъ животныхъ, бередя ихъ далеко еще не зажившія раны. Мы закутали ихъ въ войлочныя попоны, я нанялъ даже нарочито мальчика для того, чтобы отгонять проклятыхъ птицъ, но, несмотря на всѣ наши заботы о нихъ, верблюды наши все же никуда не годились, и мнѣ поневолѣ пришлось принанять еще трехъ, на которыхъ мы и навьючили большую часть нашего багажа. Въ Баронъ-Цайдамѣ я разсчитывалъ совсѣмъ отдѣлаться отъ этихъ безпокойныхъ животныхъ. Въ Дуланъ-го я нанялъ также двухъ проводниковъ, которые взялись проводить насъ до названнаго мѣста. Одинъ изъ нихъ былъ управляющимъ князя, другой—омонголившимся китайцемъ [1]); оба они были очень ловкіе и

---

[1]) Въ области Куку-норъ такіе китайцы, живущіе среди монголовъ и тибетцевъ и совершенно ассимилировавшіеся съ ними, представляютъ довольно обычное явленіе. Ни въ образѣ жизни, ни въ одеждѣ они не отличаются отъ своихъ новыхъ сородичей; они только не женятся на тибетянкахъ и монголкахъ, такъ какъ слишкомъ свободные семейные нравы, царящіе у этихъ народовъ, имъ не по вкусу.

свѣдущіе люди; оба были мнѣ очень полезны въ пути и сообщили мнѣ много цѣнныхъ данныхъ.

8-го апрѣля мы покинули, наконецъ, маленькую гостепріимную деревушку. Нашъ караванъ имѣлъ теперь довольно внушительный видъ: около двадцати человѣкъ и до тридцати верблюдовъ и вьючныхъ лошадей.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Дуланъ-го мы вышли изъ того лога, по которому шли раньше, и направились дальше по довольно широкой, верстъ 15, въ равнинѣ. Здѣсь мы встрѣтили два небольшихъ озерка: на востокѣ Дуланъ-норъ, въ которое впадаетъ рѣчка, протекающая возлѣ Дуланъ-го, и на западѣ Дабасунъ-норъ [1]), принимающее двѣ рѣчки, изъ коихъ впадающая съ юга въ озеро носитъ названіе Качу-усу. Сѣверная часть этой равнины обработана повсюду, гдѣ для сего имѣется пригодная почва; оросительныя канавы бороздятъ ее по всѣмъ направленіямъ; песокъ однако быстро затягиваетъ плодородную землю, и монголамъ, повидимому, уже скоро придется перейти къ вспашкѣ дѣвственной почвы въ болѣе отдаленныхъ боковыхъ долинахъ. Южная часть описываемой равнины, наоборотъ, покрыта топкими болотами, въ которыхъ нога вязнетъ на каждомъ шагу, или сыпучими песками, такъ что путешествовать здѣсь можно лишь съ великимъ трудомъ, да и то по очень узенькимъ тропинкамъ, знакомымъ лишь мѣстнымъ жителямъ. Горы, окаймляющія съ юга описываемую равнину и извѣстныя подъ названіемъ Тимуртэ [2]) ,представляютъ сѣверную границу бассейна Цайдама, лежащаго на 600—800 футовъ ниже, чѣмъ бассейны Куку-нора и Дуланъ-нора. Политическая граница между владѣніями Цинъ-хайвана и сосѣдняго цайдамскаго князя (Куку-бейлэ) проходитъ къ сѣверу отъ этой горной цѣпи, между двумя вышеупомянутыми озерками. Въ холмистой-же странѣ къ востоку отъ горъ—живутъ тибетцы (панака), принадлежащіе къ отдѣлу южно-кукунорскихъ родовъ.

Мы перевалили черезъ эти горы и вошли въ пустыню Куку-бейлэ. Она покрыта пескомъ, который образуетъ здѣсь цѣпи холмовъ, тянущихся по направленію къ горамъ Тимуртэ и мѣстами столь же высокихъ, какъ и самыя горы. Почти единственное здѣсь растеніе, это—Nitraria Schoberi, по мѣстному—харамагу [3]); его особенно любятъ верблюды, да и монголы употребляютъ его ягоды вареными въ пищу. Здѣсь живутъ только стада дикихъ ословъ и антилопъ, такъ какъ страна слишкомъ бѣдна даже для жизни монголовъ. По ней протекаетъ рѣка Цзацза-голъ, которая теряется въ большомъ болотѣ, лежащемъ во внутренней части Цайдама.

Слово Цайдамъ, кажется, тибетскаго происхожденія: «*цай*» по тибетски значитъ «соленый», а «*дамъ*»—равнина. «Соленая равнина»—очень подходящее названіе для этой забытой Богомъ страны, главнымъ, а пожалуй, и единственнымъ продуктомъ которой является соль. Впрочемъ, я ошибся: кромѣ соли, Цайдамъ изобилуетъ москитами; ихъ

---

[1]) Оба эти озера лежатъ приблизительно на высотѣ 10.600 футовъ надъ уровнемъ моря, Дуланъ-го же на высотѣ 11.100 футовъ.

[2]) Въ строеніи сѣверной части этой горной цѣпи главную роль играетъ долеритъ, а въ средней и южной конгломераты (пуддинги). Объ этомъ хребтѣ замѣчу еще, что его главныя вершины поднимаются футовъ на 1.200 надъ уровнемъ равнины, и что сѣверные его склоны поросли кое-гдѣ древовидимъ и кустарнымъ можжевельникомъ.

[3]) По китайски бэй-цзы. Пржевальскій это растеніе называетъ «хармыкъ», а A. D. Carey, «Proc. Roy. Geog. Soc.». IX, 745—«хармо».

здѣсь такъ много и они такъ кровожадны, что ежегодно монголы и ихъ скотъ должны отъ нихъ спасаться въ близлежащія горы. Другіе производятъ названіе Цайдамъ отъ монгольскаго слова [1]) tsayidam, обозначающаго «широкое, обширное пространство земли», что также вполнѣ подходитъ къ этой обширной равнинѣ, протянувшейся отъ востока на западъ почти на тысячу верстъ и имѣющей въ ширину отъ 150 до 225 верстъ. Китайцы называютъ ее «Ву Цайдамъ», что значитъ—«пять Цайдамовъ», каковое названіе произошло отъ того, что страна эта раздѣлена на пять областей, а именно: Курлыкъ, Куку, Тайчжинеръ, Дзунъ и Баронъ [2]). Каждая изъ этихъ областей подчинена

Тибетецъ «панака».

особому начальнику—джасаку; въ Куку же ихъ два, одинъ съ титуломъ бейлэ, а другой—бейсэ, причемъ и тотъ, и другой утверждаются въ своемъ званіи китайскимъ императоромъ.

Населеніе Цайдама исчисляется разно—отъ 1.000 до 4.000 юртъ, или отъ 4.000 до 16.000 человѣкъ. Тайчжинеръ считается самой большой и наиболѣе населенной областью, тогда какъ Баронъ [3]) меньше

---

[1]) Я говорю, что это слово—монгольское, основываясь единственно на авторитетѣ китайскаго географическаго словаря «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи».

[2]) Баронъ (по монгольскому словарю I. I. Schmidt'а пишется барагонъ) значитъ «правая сторона или югъ»; Дзунъ (дзегöнъ)—«лѣвая сторона или востокъ».

[3]) Пржевальскій—«Третье путешествіе по Центральной Азіи», стр. 148—149, опредѣляетъ цифру населенія въ 1.000—2.000 семействъ, Тунъ-ши же, съ которымъ я

всѣхъ другихъ областей. Баронъ, пожалуй, богаче другихъ областей, хотя все же населеніе его живетъ въ условіяхъ, граничащихъ, по нашимъ понятіямъ, съ крайней нищетой.

Повсюду, гдѣ цайдамскіе монголы живутъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ тибетцами, они принуждены ютиться въ обнесенныхъ какъ въ Дуланъ-го, оградой селеніяхъ, представляющихъ имъ все же нѣкоторую защиту отъ внезапныхъ нападеній сосѣдей, но въ Тайчжинерскомъ хошунѣ имъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ этому.

Къ востоку отъ Баронъ-Цайдама лежитъ еще одна область, которая въ географическомъ отношеніи должна быть отнесена къ Цайдаму, хотя политически она съ нимъ и не связана. Эта область, называющаяся Шанъ, была выдѣлена изъ Цайдама монгольскими князьями и преподнесена ими въ даръ далай-ламѣ по всѣмъ вѣроятіямъ еще въ 1697 г., незадолго предъ тѣмъ, какъ обстоятельства вынудили ихъ признать надъ собой верховную власть пекинскаго правительства. Она населена также монголами, числомъ до 300 семействъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я подробнѣе остановлюсь на описаніи этой мѣстности.

Четыре дня шли мы, держась юго-западнаго направленія, по этой пустынной странѣ, мѣстами покрытой песками, мѣстами болотистой; на ночлегъ мы останавливались или на берегу какого-нибудь маленькаго ручья, или близъ солоноватаго озерка, окруженнаго порослью изъ низкой осоки. Днемъ стояла обыкновенно невыносимая жара, ночью же, наоборотъ, было очень свѣжо [1]). Верблюды подымали своими тяжелыми ногами цѣлыя облака ѣдкой, щелочной пыли, отъ которой не было никакого спасенія. Вскорѣ все тѣло наше было покрыто ею и кожа наша потрескалась до крови. Возлѣ рѣченки Шара-галъ мы встрѣтили первое небольшое монгольское стойбище, второе такое же возлѣ Цзо-гола. Это, стойбище прочемъ, было и послѣднимъ на всемъ пути между Дуланъ-го и Барономъ, куда мы прибыли 14-го апрѣля. Не доходя уроч. Эргецзы, на рѣкѣ Цзацза-голъ, мы оставили вправо прямую дорогу на Баронъ, пригодную для ѣзды только зимой, когда почва достаточно промерзаетъ и становится твердой, и направились въ обходъ, по пути, который и привелъ насъ къ рѣкѣ Баянъ-голу, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Баронъ.

Баянъ-голъ самая большая рѣка въ Цайдамѣ; въ то время, когда мы переправлялись черезъ нее, она имѣла около 86 саженъ въ ширину. Это—очень мелкая рѣка, съ вялымъ, медленнымъ теченіемъ; дно ея затянуто красноватой, очень вязкой глиной, что весьма затруднило намъ переправу. Она беретъ начало въ двухъ озеркахъ, которыя лежатъ въ дальней части высокой горной гряды, служащей южной окра-

---

путешествовалъ, управляющій куку-норскаго князя и управляющій джасака Баронъ-Цайдама даютъ слѣдующія цифры:

Тайчжинеръ	1.000 семействъ (ва-ка)
Курлыкъ	1.000 »
Куку	1.000 »
Баронъ	300 »
Дзунъ	1.000 »
Всего	4.300 семействъ (ва-ка).

Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще до 500 ламъ. Цифры эти мнѣ кажутся слишкомъ высокими, и мы будемъ ближе къ истинѣ, если общую цифру монгольскаго населенія Цайдама уменьшимъ на 1.500 семействъ.

[1]) 11-го апрѣля въ 5 ч. 30 м. утра 22° по Фаренгейту, въ 2 часа дня 81° въ тѣни, а въ 6 час. вечера—39°; 15-го апрѣля въ 6 час. утра 32°, въ 1 часъ дня 81° въ тѣни, въ 8 час. вечера 33°.

иной Цайдаму, затѣмъ, подъ именемъ Іохурэ или Іоханъ-голъ, пересѣкаетъ Шанъ, и, пройдя немного сѣвернѣе Барона, подобно всѣмъ другимъ рѣкамъ этой страны, теряется въ большомъ внутреннемъ болотѣ.

Судя по всему тому, что мнѣ говорили въ Дуланъ-го о селеніи Баронъ, я представлялъ его себѣ оживленнымъ торговымъ мѣстечкомъ, гдѣ можно встрѣтить и китайцевъ, и тибетцевъ, и гдѣ найдутся въ изобиліи, по крайней мѣрѣ, необходимѣйшіе припасы и предметы обихода. Въ дѣйствительности, же я нашелъ здѣсь небольшое, состоявшее, къ тому же, на половину изъ развалинъ, жалкое поселеніе, которое было расположено въ самой серединѣ болота; да и въ самомъ селеніи подпочвенная вода была такъ близка къ поверхности, что просачивалась наружу, когда мы стали забивать колья для укрѣпленія нашихъ палатокъ.

Въ ту минуту, когда мы прибыли въ Баронъ, все населеніе его составляли нѣсколько старухъ да около полудюжины мужчинъ; сверхъ того, по улицѣ бродило нѣсколько жалкихъ собакъ и около полусотни козъ и овецъ. Впослѣдствіи оказалось, что остальные жители, въ расчетѣ спастись отъ ненавистнаго «ула», бѣжали изъ мѣстечка при первомъ извѣстіи о приближеніи сининскаго тунъ-ши. Но этотъ маневръ имъ не удался, такъ какъ тунъ-ши не замедлилъ разослать своихъ монголовъ, чтобъ разыскать бѣглецовъ и вытребовать отъ нихъ слѣдуемое ему продовольствіе, а за неимѣніемъ его—другіе предметы, годные для продажи, на равную стоимость.

Это мѣстечко расположено въ 12 верстахъ къ сѣверу у подножія горной цѣпи, составляющей сѣверную окраину высокаго Тибетскаго плоскогорія. Изъ за густого тумана, который все время висѣлъ въ воздухѣ, мнѣ только одинъ разъ удалось увидѣть эту горную цѣпь: прямо къ югу отъ селенія я различилъ просвѣтъ долины, ведущей къ переваламъ Номоранъ [1]) и Хато, и западнѣе ея—другую долину, ведущую перевалу къ Бурханъ-бода, черезъ который пролегаетъ дорога на Лхассу.

То обстоятельство, что мы нашли это селеніе столь бѣднымъ и заброшеннымъ, причинило мнѣ не мало огорченій: здѣсь нельзя было достать ни провизіи для насъ самихъ, ни фуража для нашихъ животныхъ; нечего было также надѣяться на возможность найти здѣсь проводниковъ. Во всякомъ случаѣ, оно совершенно не оправдываетъ даваемаго ему на нѣкоторыхъ картахъ названія «торговаго пункта». Тунъ-ши долженъ былъ пробыть здѣсь еще нѣсколько дней, пока его

---

[1]) Номорхунъ—согласно Пржевальскому. *Прим. Гр.-Гр.*

[2]) На нашихъ картахъ эта цѣпь горъ фигурируетъ подъ цѣлымъ рядомъ различныхъ названій, но всѣ они неизвѣстны туземцамъ. Наиболѣе часто у насъ встрѣчается названіе «Кунь-лунь», но новѣйшіе китайскіе географы обозначаютъ этимъ именемъ другую горную цѣпь, по всѣмъ вѣроятіямъ—Нань-шань Пржевальскій даетъ ей названіе Бурханъ-Будда, на другихъ картахъ она называется Angirtakshia, но и то, и другое названіе неправильны. Бурханъ-Будда надо въ сущности читать Бурханъ-бода (какъ правильно указано это уже, у Гюка, op. cit. II, 215), что значитъ «Котелъ Будды». Бурханъ-бода въ дѣйствительности есть названіе не всей горной цѣпи, а одного изъ горныхъ проходовъ, такъ же, какъ Angirtakshia Номоранъ и Хато. Пржевальскій, который такъ охотно придумывалъ новыя имена для горныхъ вершинъ, озеръ и мѣстностей, имѣющихъ мѣстныя, всѣмъ хорошо извѣстныя названія, здѣсь упустилъ прекрасный случай создать новое названіе: эта горная цѣпь, дѣйствительно, не имѣетъ у туземцевъ одного общаго названія. Почему бы не дать ей имени этого перваго европейскаго изслѣдователя сѣвернаго Тибета или; по крайней мѣрѣ, имени Гюка, котораго Пржевальскій такъ несправедливо питъ ооснвъ своей книгѣ?

люди рыскали по странѣ, выколачивая изъ жителей «ула»; для меня же остановка здѣсь была безполезна, а потому я и рѣшилъ отправиться отсюда, не теряя времени, въ селеніе Шанъ. Селеніе это, лежащее верстахъ въ сорока пяти къ востоку, было, по словамъ моихъ спутниковъ, настоящей землей обѣтованной, текущей млекомъ и медомъ.

Хотя я былъ теперь весьма низкаго мнѣнія о «природныхъ богатствахъ» Цайдама, но во всякомъ случаѣ было несомнѣнно, что Шанъ не можетъ быть хуже того мѣста, гдѣ я находился.

Дорога въ Шанъ шла у самаго подножія горъ—сначала по высохшему ложу рѣки Хоръ-голъ, а потомъ по берегу Баянъ-гола. На всемъ пути мы не встрѣтили ни одного человѣческаго жилья, хотя, несомнѣнно, что кочевниковъ жило не мало въ сосѣднихъ горахъ.

Внезапно сдѣлалось очень холодно: пошелъ сильный снѣгъ, который и падалъ цѣлый день. Такія неожиданныя и рѣзкія колебанія температуры мы наблюдали впрочемъ неоднократно и въ послѣдующіе дни, проведенные нами въ этой негостепріимной странѣ.

Шанъ доставилъ намъ весьма пріятное разочарованіе: мы увидѣли предъ собой селеніе довольно значительныхъ размѣровъ, домовъ въ сто, которое было расположено въ обширной котловинѣ, окруженной отовсюду высокими горами; вся земля въ ближайшихъ его окрестностяхъ была распахана, причемъ пашни перемежались съ прекрасными пастбищами.

Мы вступили въ большой дворъ, на которомъ стояло около полудюжины шалашей, и укрылись въ одномъ изъ нихъ отъ снѣга, который все еще продолжалъ падать. Нашъ проводникъ, не теряя ни минуты и прихвативъ съ собой лишь нѣсколько мелкихъ подарковъ и хадакъ, отправился къ мѣстному правителю—сообщить о нашемъ пріѣздѣ и попросить, чтобы намъ отвели какое-нибудь помѣщеніе. Немного спустя онъ вернулся въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, которые принесли съ собой составныя части большой монгольской юрты; они быстро поставили ее во дворѣ, причемъ мнѣ было сообщено, что въ настоящее время, къ сожалѣнію, всѣ удобные дома были заняты, а потому-де мнѣ лучше будетъ устроиться въ юртѣ. Вмѣстѣ съ симъ мнѣ переданы были и подарки правителя: сосудъ съ горячимъ чаемъ, немного дзамбы, сыръ (шура), масло и т. д. Камбо (таковъ былъ титулъ правителя) велѣлъ также передать мнѣ, что онъ разсчитываетъ, что я обращусь прямо къ нему въ томъ случаѣ, если мнѣ понадобится что-либо купить или продать. Дѣлая такое предложеніе, камбо не составилъ исключенія: въ этой странѣ монгольскіе и тибетскіе главари давно уже монополизировали торговлю и притомъ настолько полно, что даже мѣстные жители во всѣхъ случаяхъ купли или продажи обращаются только къ нимъ. Такимъ образомъ они съ избыткомъ вознаграждаютъ себя за то, что несутъ свою службу безъ всякаго вознагражденія. Монголъ не посмѣетъ продать кому-нибудь свою лошадь или верблюда, если знаетъ, что у его начальника есть животное на продажу, а если онъ и осмѣлится совершить такую сдѣлку, то обязательно принесетъ послѣднему часть полученныхъ денегъ, въ качествѣ вознагражденія за то, что осмѣлился нарушить его всѣми признанныя права.

Шанъ, или по-китайски Шанъ-цзя, представляетъ, какъ я уже говорилъ выше, ленное владѣніе далай-ламы, которому принесли въ даръ эту область монгольскіе князья. Для управленія ею далай-лама назначаетъ одного изъ настоятелей (камбо) большого монастыря въ

Трашилумбо на срокъ пяти и не свыше шести лѣтъ. Населеніе, числомъ около 300 семействъ, состоитъ здѣсь исключительно изъ монголовъ, но приближенные камбо—обыкновенно тибетцы.

Камбо, управлявшій Шаномъ во время моего пріѣзда туда, имѣлъ также двухъ приближенныхъ тибетцевъ; одинъ изъ нихъ былъ его управителемъ, другой — поваромъ, и въ то же время оба были его главными министрами и совѣтниками. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у него однако старый монголъ, проживщій нѣсколько лѣтъ въ Лхассѣ и побывавшій въ Сининѣ и Пекинѣ; попалъ же онъ на свой высокій постъ, благодаря знанію китайскаго и тибетскаго языковъ.

Шанъ не подчиненъ сининскому амбаню и, благодаря своему положенію въ сторонѣ отъ большой дороги въ Тибетъ, избавленъ отъ необходимости платить ула.

Въ Шанѣ я засталъ пять или шесть человѣкъ китайскихъ купцовъ изъ Ласа, селенія, находящагося по сосѣдству съ Туба. Они были въ большомъ волненіи, такъ какъ приняли было меня за сининскаго тунши; они собрались даже бѣжать въ горы, чтобы переждать тамъ мой отъѣздъ, когда недоразумѣніе разъяснилось къ ихъ благополучію. Дѣло въ томъ, что срокъ ихъ торговыхъ паспортовъ давно уже истекъ, и теперь они боялись попасться на глаза китайскому чиновнику, чтобы не быть вынужденными заплатить значительной суммы въ качествѣ взятки. Въ минувшемъ году одинъ изъ нихъ такимъ же образомъ попался въ лапы тунши и вышелъ изъ нихъ съ значительно облегченнымъ карманомъ, такъ какъ долженъ былъ отдать ему нѣсколькихъ лошадей и около двадцати кусковъ шерстяной и бумажной матеріи [1].

Когда они убѣдились, что я совсѣмъ не то лицо, котораго они такъ опасались, они быстро сошлись со мной, а нѣкоторые изъ нихъ оказали мнѣ даже впослѣдствіи не мало услугъ. Между прочимъ, они какъ-то сказали мнѣ, что всѣ китайскіе купцы, торгуя съ монголами и тибетцами, волей-неволей, должны прибѣгать къ всевозможнымъ обманамъ: къ обвѣшиванію, къ сбыту имъ негодной монеты и низшихъ сортовъ товара, къ подмѣшиванію къ пшеницѣ известки и проч. Это вызывается, будто бы, тѣмъ, что туземцы настолько уже привыкли къ фальсифицированнымъ товарамъ, къ дешевкѣ, что по установившимся нынѣ въ Цайдамѣ на все цѣнамъ нѣтъ возможноети сбывать хорошій доброкачественный товаръ.

Какъ среди жителей Шана, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Цайдама я встрѣчалъ не мало восточныхъ монголовъ, которые врядъ-ли ушли на западъ въ цѣляхъ составить себѣ состояніе. Я большею частью легко узнавалъ ихъ по болѣе свѣтлому цвѣту кожи и по болѣе мягкому произношенію. Тибетцы называютъ ихъ «маръ-сокъ» и за такого «маръ-сокъ» они не разъ принимали меня. У мѣстныхъ монголовъ и тибетцевъ большіе носы и уши считаются признакомъ красоты. Я, помнится, спросилъ какъ-то у одного тибетца, пошелъ ли бы мнѣ, по его мнѣнію, тибетскій костюмъ, на что получилъ отвѣтъ, что изъ меня

---

[1]) Старшина этой маленькой купеческой компаніи, состоявшей изъ восьми или десяти человѣкъ, говорилъ мнѣ, что годовой его заработокъ, притомъ только въ особенно удачные годы, не превышаетъ 35 лановъ. За верблюдовъ, которыхъ онъ нанималъ, чтобы отправлять товары въ Донкыръ, онъ платилъ по семи паръ сапоговъ, цѣнностью до 2 ланъ верблюдъ же поднималъ до шестнадцати шкуръ яка, цѣною въ Донкырѣ 0,7 лана каждая. Онъ скупалъ шкуры дикихъ яковъ и дикихъ ословъ, козъ, барановъ, ягнятъ и проч., а также въ небольшомъ количествѣ мѣха, главнымъ образомъ, рысьи, вымѣнивая ихъ на сапоги, вермишель, пшеничную муку, шертингъ, иголки, нитки и проч.

вышелъ бы красивый тибетецъ, такъ какъ у меня большой носъ и большія уши.

Монголы относятся къ своимъ родителямъ и вообще старикамъ безъ всякаго почтенія и не признаютъ никакихъ обязанностей по отношенію къ нимъ. Многіе старики горько жаловались мнѣ на то, что имъ приходится жить въ крайней нищетѣ въ то время, какъ ихъ сыновья и дочери пользуются полнымъ довольствомъ. Зачастую они попросту выгоняютъ изъ юрты своихъ престарѣлыхъ родителей, которымъ приходится тогда жить въ буквальномъ смыслѣ слова на навозной кучѣ, довольствуясь кускомъ изорванной овчины для защиты отъ холода и плохимъ чаемъ да заплѣсневѣлой дзамбой для утоленія голода. И напрасно старики искали бы защиты у начальства: это у нихъ прочно установившійся, хотя и не особенно симпатичный обычай.

Во время моего пребыванія въ Шанѣ я постарался ознакомиться поближе съ брачными обычаями, существующими у этого народа, такъ какъ еще въ Дуланъ-го меня увѣряли, что въ этой странѣ имѣетъ мѣсто поліандрія, т.-е. многомужество, когда нѣсколько мужчинъ имѣютъ одну общую жену. Но разсказы эти не только не подтвердились, но даже, наоборотъ, въ Шанѣ меня стали увѣрять, что обычай этотъ довольно обыкновенное явленіе повсюду въ Цайдамѣ, но только не у нихъ. У нихъ же онъ запрещенъ, да и вообще въ Шанѣ строго блюдется нравственность; такъ, когда мужъ собирается въ отъѣздъ, онъ поручаетъ свою жену какой-нибудь семьѣ, которая уже и является отвѣтственной передъ нимъ за ея хорошее поведеніе. Однако и здѣсь допускаются своего рода «временные браки». Всѣ тибетцы и купцы, пріѣзжающіе сюда на болѣе или менѣе продолжительное время, обзаводятся женами монголками. Когда же такой купецъ уѣзжаетъ, то прижитыя имъ дѣти остаются съ матерью; однако при этомъ обычай требуетъ, чтобы въ обезпеченіе покидаемой имъ иногда на всегда семьи онъ оставлялъ домъ, всю при немъ обстановку, а также весь скотъ, который ему служилъ для хозяйства. Въ другихъ частяхъ Цайдама такіе браки также извѣстны; иногда они заключаются здѣсь даже на болѣе короткіе сроки — на годъ, даже на двѣ недѣли и на недѣлю. Добродѣтельные настоятели, не вступая въ рѣзкую борьбу съ этимъ исконнымъ монгольскимъ обычаемъ, все-таки въ значительной степени уменьшили позорное явленіе—гетеризмъ, господствующій въ сосѣднихъ областяхъ. Къ изложенному мнѣ остается еще прибавить, что такъ называемый «праздникъ выбора шапокъ», о которомъ я говорилъ выше, въ Шанѣ празднуется съ большой помпой.

Въ надеждѣ, что камбо поможетъ мнѣ составить караванъ, я послалъ ему нѣсколько красивыхъ вещицъ въ подарокъ; и дѣйствительно, послѣ этого я получилъ приглашеніе на обѣдъ. Онъ принялъ меня въ своей кухнѣ, гдѣ сидѣлъ въ углу, на кучѣ ковровъ и подушекъ; это былъ человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, крайне нечистоплотный и одѣтый въ очень грязное красное платье. Онъ пригласилъ меня и моихъ спутниковъ сѣсть на коверъ, разостланный у стѣны, приходившейся противъ его сидѣнія. Усѣвшись, мы безъ церемоніи протянули повару наши деревянныя чашки, которыя онъ и наполнилъ чаемъ. Затѣмъ приступили къ бесѣдамъ. Насъ разспросили о нашемъ путешествіи, о лѣтахъ каждаго изъ насъ и проч., и, когда первое любопытство было такимъ образомъ, удовлетворено, передъ нами поставили нѣсколько деревянныхъ блюдъ, на которыхъ грудой навалены были куски вареной баранины. Мы отдали должную дань этому незатѣйливому, но

здоровому блюду, послѣ чего намъ подали чашки съ вареннымъ рисомъ и «чома», блюдомъ очень жирнымъ и сладкимъ. Когда мы съѣли и это блюдо и вдобавокъ вылизали до чиста наши чашки, ихъ вновь наполнили, но уже вермишелью и рубленой бараниной; это блюдо приготовили спеціально для насъ, чтобы угодить нашему «китайскому» вкусу. Въ заключеніе намъ поднесли по большой кружкѣ ячменнаго вина (нэ-чанъ). Это довольно пріятный напитокъ, напоминающій китайскій самшу съ водой.

Послѣ обѣда я завелъ рѣчь о поѣздкѣ въ Лхассу, но мой хозяинъ напрямикъ отвѣтилъ мнѣ, что ничѣмъ не можетъ мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ: жители Шана совершаютъ подобное путешествіе только въ большой компаніи, и ни одинъ изъ нихъ не осмѣлится присоединиться къ такому малочисленному каравану, какъ мой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ и меня отказаться отъ моего намѣренія, при чемъ приводилъ все тѣ же, давно мнѣ знакомые аргументы о трудностяхъ и опасностяхъ предстоявшаго мнѣ пути. Между прочимъ однако онъ разсказалъ мнѣ и легенду о страшной судьбѣ, постигшей, будто бы, русскаго амбаня (Пржевальскаго), который нѣсколько лѣтъ тому назадъ также пытался проѣхать черезъ восточный Тибетъ, но, не достигнувъ цѣли, погибъ въ борьбѣ съ голоками, а можетъ быть, и просто не вынесъ «ядовитыхъ» испареній въ горахъ, такъ какъ о возвращеніи его черезъ Цайдамъ на сѣверъ никто уже и ничего не слыхалъ [1]).

При этомъ камбо не стѣснялся увѣрять меня въ томъ, что отъ души желаетъ полнаго успѣха моему предпріятію [2]), которое еще можетъ осуществиться, если мнѣ захочетъ помочь дзасакъ Баронъ-Цайдама, черезъ земли котораго проходятъ всѣ караваны, идущіе какъ въ Тибетъ, такъ и обратно; въ его владѣніяхъ, говорилъ онъ далѣе, большинство монголовъ успѣло побывать, и притомъ не разъ, въ Лхассѣ, а потому тамъ и не можетъ встрѣтиться затрудненій въ подысканіи знающихъ проводниковъ. Что касается засимъ той части моего маршрута, которой намѣчалось изслѣдованіе истоковъ рѣки Баянъ-голъ, то и въ этомъ направленіи онъ не совѣтовалъ углубляться далеко въ горы, такъ какъ дорога туда идетъ по мѣстности крайне пустынной и дикой, посѣщаемой только сунпаньскими купцами да шайками тибетскихъ разбойниковъ — долго ли до грѣха! Когда же я всталъ и началъ прощаться, Камбо преподнесъ мнѣ въ подарокъ штуку прекраснаго краснаго сукна (пуло), нѣсколько ящиковъ сахарнаго песку (привезеннаго изъ Индіи, черезъ Тибетъ), и нѣсколько другихъ мелкихъ вещицъ. Онъ просилъ извинить его за незначительность подарковъ, ссылаясь въ оправданіе на бѣдность и заброшенность страны. Затѣмъ онъ еще разъ повторилъ мнѣ предложеніе, сдѣланное имъ раньше черезъ управляющаго, обращаться непосредственно къ нему со всякой торговой сдѣлкой, которую онъ совершитъ «на лучшихъ и выгоднѣйшихъ условіяхъ», и я откланялся.

---

[1]) Въ этомъ разсказѣ вѣрно лишь то, что Пржевальскій имѣлъ стычку съ голоками. *Прим. Гр.-Гр.*

[2]) Я разсказалъ ему, что живу всегда въ западной части Индіи, и могу добраться до дома не иначе, какъ только проѣхавъ черезъ весь Тибетъ, въ которомъ я уже прежде жилъ нѣкоторое время. На это онъ сказалъ мнѣ, что и безъ моихъ словъ былъ въ этомъ совершенно увѣренъ, такъ какъ, не будь я раньше въ Тибетѣ, откуда же могъ бы я знать тибетскій языкъ вообще, а діалектъ Лхассы въ особенности?

Монголы въ сущности довольно вѣжливы, но у нихъ нѣтъ общепринятыхъ словъ для выраженія благодарности и даже для привѣтствій при встрѣчѣ. Когда монголъ получаетъ какую нибудь вещь въ подарокъ, онъ беретъ ее обѣими руками и подноситъ ко лбу, не произнося при этомъ ни одного слова. При встрѣчѣ самой вѣжливой формой привѣтствія считается слѣдующее: вытянуть руки ладонями впередъ и, слегка наклонивъ корпусъ, произнести «амуръ самбэнэ» [1]). Обращаясь къ лицу, которое выше его по общественному положенію, монголъ употребляетъ слово «абреу», соотвѣтствующее приблизительно нашему «сэръ», къ лицамъ же высокопоставленнымъ онъ обращается со словомъ «нойонъ».

Во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ между монголами царитъ полнѣйшее равенство. Самый бѣдный изъ нихъ можетъ войти безъ зова въ юрту своего князя и быть увѣреннымъ, что ему нальютъ чашку чаю и предложутъ щепотку нюхательнаго табаку изъ рога хозяина, и что, вообще, съ нимъ будутъ обращаться такъ, какъ и со всякимъ другимъ членомъ племени. Единственно, на что онъ не въ правѣ разсчитывать—это, что князь предложитъ ему мѣсто въ почетномъ углу возлѣ себя. Но онъ это уже знаетъ, къ этому готовъ, а потому скромно и усаживается на корточкахъ у входа въ юрту.

Монгольскаго князя можно зачастую застать въ юртѣ бѣднѣйшаго изъ его подданныхъ: онъ пьетъ и куритъ съ нимъ, вымѣниваетъ у него лошадь или пытается втянуть въ какое-нибудь торговое предпріятіе, въ прибыляхъ котораго и предлагаетъ ему участіе.

Цайдамскіе монголы очень ревностные буддисты; они гораздо набожнѣе тибетцевъ Куку-нора, причемъ внѣшнія проявленія этой набожности свидѣтельствуютъ объ ихъ искренней и глубокой религіозности. Тибетцы Куку-нора не затрудняютъ себя молитвами: они считаютъ, что вполнѣ исполняютъ свой долгъ, аккуратно платя ламамъ за читаемыя послѣдними за спасеніе ихъ души молитвы; монголы же постоянно бормочутъ свои молитвы и вертятъ молитвенные цилиндры или дѣлаютъ то и другое сразу. Одинъ изъ моихъ проводниковъ никогда не ложился спать, не прочитавъ своихъ молитвъ и не сдѣлавъ три земныхъ поклона. Въ Шанѣ почти въ каждомъ домѣ вдѣланъ въ крышу шестъ, къ концу котораго прикрѣплена пара молитвенныхъ цилиндровъ, приводимыхъ въ движеніе вѣтромъ при помощи очень простого механизма. Онъ состоитъ изъ деревянныхъ чашечекъ, которыя прикрѣплены къ концамъ палочекъ, придѣланныхъ въ горизонтальномъ направленіи къ продѣтому сквозь цилиндръ стержню, и напоминаетъ нашъ анемометръ. Четки, по которымъ они отсчитываютъ прочитанныя молитвы, они употребляютъ какъ счеты для гаданья и въ качествѣ украшенія.

Число ламъ, живущихъ въ Цайдамѣ, очень не велико, не болѣе 300—400, а такъ какъ безграмотные монголы низшихъ классовъ постоянно приглашаютъ ихъ въ свои юрты читать за нихъ молитвы, то у нихъ всегда много работы. Такія чтенія называются у тибетцевъ «барабаннымъ боемъ» и это названіе даетъ довольно ясное представленіе о характерѣ самой церемоніи. Каждый день видѣлъ я кого-либо изъ ламъ ѣду-

[1]) Бранныя выраженія почти неизвѣстны тибетцамъ и монголамъ Куку-нора и Цайдама. Единственное «сильное выраженіе», которое, и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, можно услышать отъ нихъ, это «ахъ лама, кончокъ ченбо» Протестантскіе миссіонеры въ Лэхѣ перевели слово «Богъ»—словомъ «кончокъ», но тибетцы никогда не употребляютъ его въ этомъ смыслѣ.

шимъ по направленію къ болѣе отдаленнымъ юртамъ: за спиной у него всегда оказывался большой плоскій барабанъ, а въ рукахъ книги, колокольчики, трубы и другіе предметы, необходимые для службы; а вечеромъ я видѣлъ его уже возвращающимся съ различными приношеніями, служащими платой за его молитвы и за «битье въ барабанъ», а именно, бараньимъ желудкомъ, наполненнымъ масломъ и нѣкоторыми количествами дзамбы, баранины, или мяса яка.

Старики и старухи въ Шанѣ выводили меня изъ себя своимъ «Ом-мани-пад-ме-хум», знаменитой въ буддійскомъ мірѣ, обращаемой къ владыкѣ міра, молитвенной формулой, которую онѣ повторяли сотни, тысячи разъ, буквально безъ всякой передышки. Съ утра до поздняго вечера торчали онѣ возлѣ моей палатки въ надеждѣ на какую-либо подачку, въ видѣ хотя бы лѣкарствъ отъ одной изъ своихъ многочисленныхъ немочей, и бормотали эту пресловутую формулу, лишь изрѣдка останавливаясь на минутку, чтобы перевести духъ и затѣмъ съ новой энергіей приняться за причитанія.

Теперь, когда мы были у самаго подножія великаго Тибетскаго плоскогорія, нервность моихъ людей расла съ каждымъ днемъ, такъ какъ они отовсюду слышали самые ужасные разсказы о томъ, какъ дѣйствуетъ на путешественниковъ горный воздухъ. Тунъ-ши разсказалъ имъ какъ-то, что во время одного изъ его путешествій въ эту страну двое изъ его спутниковъ умерли отъ «янь-чжана» (горной болѣзни), и они уже рисовали себя въ своемъ воображеніи трупами, покинутыми гдѣ-либо въ пустынѣ, и истерзанными орлами, медвѣдями и волками.

Китайцы и всѣ другіе народы, живущіе въ Средней Азіи, приписывають головокруженіе, учащенное дыханіе, тошнота и другія явленія, вызываемыя разрѣженнымъ воздухомъ, на значительной высотѣ, дѣйствію ядовитыхъ испареній или газовъ, подымающихся изъ почвы [1]). Всякій, кто побывалъ на высокихъ плоскогорьяхъ, легко пойметъ, почему эти невѣжественные люди такъ охотно принимаютъ указанное объясненіе, которое на первый взглядъ кажется такимъ искусственнымъ и натянутымъ: дѣло въ томъ, что дѣйствіе разрѣженнаго воздуха особенно болѣзненно отражается на людяхъ и даже на животныхъ не на самыхъ возвышенныхъ точкахъ пути, а ниже, въ логахъ, напримѣръ, и вслѣдствіе этого туземцы не замѣчаютъ связи между высотой и чжанъ-чи.

Когда мы были въ гостяхъ у шанскаго камбо, его «министръ иностранныхъ дѣлъ» и другіе придворные, т.-е. поваръ и управляющій, наговорили моимъ людямъ такихъ ужасовъ про путешествіе въ Тибетъ, что они явились ко мнѣ съ пожелтѣвшими и вытянувшимися отъ страха лицами и заявили мнѣ, что ни за что не пойдутъ со мной дальше. Я упросилъ ихъ отложить свой отъѣздъ и остаться со мной

---

[1]) Гюнъ, op. cit, II, 214, описываетъ дѣйствіе янь-чжана на человѣческій организмъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя могъ бы употребить и китаецъ. Въ пров. Сы-чуань гористая болѣзнь называется «чжанъ-чи». И «янь-чжанъ», и «чжанъ-чи» означаютъ одинаково — «ядовитые пары». Тибетцы называютъ ее ла-ду (ла-дугъ), что также значитъ «ядъ горнаго прохода». Они приписываютъ ее дѣйствію ревеня, въ обиліи растущаго по склонамъ мѣстныхъ горъ, и утверждаютъ, что испаренія этого растенія особенно ядовиты лѣтомъ. Въ видѣ противоядія они совѣтуютъ курить табакъ и ѣсть чеснокъ. Даже животнымъ, страдающимъ горною болѣзнью, даютъ чеснокъ. Д-ръ Bellew,—во время своего путешествія въ Кашгаръ при переходѣ черезъ Каракорумскій перевалъ, нашелъ, что значительное облегченіе приносятъ частые пріемы хлорноватокислаго кали. См. его «Kashmir and Kashghar».

до тѣхъ поръ, пока я буду въ Цайдамѣ и не изслѣдую источниковъ р. Баянъ-голъ. При этомъ я имѣлъ въ виду не только ознакомиться съ тою частью страны, которая не была изслѣдована Пржевальскимъ, но и преслѣдовалъ другую цѣль: я зналъ, что во время этой поѣздки намъ придется пройти черезъ нѣсколько высокихъ переваловъ, гдѣ пресловутаго «янь-чжана» будетъ достаточно и надѣялся, что, познакомившись съ нимъ лично, мои люди перестанутъ вѣрить смертоносности этого «яда». Они согласились на мое предложеніе, и мы быстро приготовились къ этой экскурсіи, которую я рѣшилъ обставить, по возможности, наименьшимъ комфортомъ: мы взяли провизіи въ обрѣзъ, палатки совсѣмъ не взяли, а люди вдобавокъ забыли захватить съ собой даже мѣшокъ съ чаемъ, благодаря чему непріятныя стороны поѣздки, конечно, возрасли въ значительной степени.

Эта экскурсія казалась мнѣ очень интересной еще по слѣдующей причинѣ. Какъ-то вечеромъ одинъ монголъ разсказалъ мнѣ о поѣздкѣ, которую онъ предпринялъ однажды къ озерамъ, лежащимъ въ верховьяхъ рѣки Баянъ-голъ, вмѣстѣ съ китайскимъ купцомъ, пожелавшимъ скупить ревень у тамошнихъ тибетцевъ. По пути они видѣли огромныя стада дикихъ яковъ, дикихъ ословъ, антилопъ и «гэрэсунъ бамбурчи», что значитъ буквально «дикіе люди». Разсказчикъ настаивалъ на томъ, что это были дѣйствительно люди, дикари, покрытые длинными волосами, такъ какъ они и стояли прямо, какъ люди, и слѣды ихъ ногъ совершенно напоминали человѣческіе; онъ думалъ только, что они не обладали человѣческою рѣчью. Потомъ, взявъ шарикъ дзамбы, онъ вылѣпилъ изъ него *«гэрэсунъ бамбурчи»*, по правдѣ сказать, очень похожаго на медвѣдя. Какъ будто для того, чтобы еще подчеркнуть это сходство, онъ разсказалъ мнѣ, что китайцы, при видѣ его, кричали: сянъ, сянъ, т.-е. медвѣдь, медвѣдь! А по-тибетски, прибавилъ онъ, его называютъ дрэ-монъ. Монголы считаютъ медвѣдя не обыкновеннымъ животнымъ, а чѣмъ-то вродѣ «недостающаго звена» въ цѣпи живыхъ существъ: по внѣшнему виду онъ похожъ на человѣка, а по своимъ наклонностямъ на звѣря. Медвѣдя монголы и тибетцы считаютъ царемъ звѣрей, такъ какъ онъ страшнѣе всѣхъ животныхъ, когда на него нападаютъ, и, кромѣ того, онъ настоящій людоѣдъ! Несомнѣнно, что онъ-то и является первобытнымъ дикимъ человѣкомъ восточнаго Тибета, который, помимо своего вѣдома, служитъ героемъ безчисленныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ Китаѣ [1]).

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, какъ нагло эксплоатируютъ монголовъ ихъ сосѣди—тибетцы, я приведу слѣдующіе факты. За день или за два до моего отъѣзда изъ Шана, ко мнѣ пришелъ монголъ съ просьбою помочь ему вернуть обратно лошадь, которую у него отнялъ тибетецъ, живущій верстахъ въ пятидесяти отъ селенія. Онъ одолжилъ ему свою лошадь—отвезти домой кое-какіе съѣстные припасы, а когда потребовалъ ее обратно, то тотъ прехладнокровно отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ о его лошади и никогда не бралъ ея у него. Простодушный монголъ былъ убѣжденъ въ томъ, что если я дамъ ему красную кисть, которая украшала узду моей лошади, и онъ покажетъ ее тибетцу въ доказательство того, что я приказалъ ему возвратить животное, то тотъ не посмѣетъ ослушаться. Я согласился

[1]) Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что вполнѣ интеллигентные и образованные китайцы, хорошо знакомые съ внѣшнимъ видомъ медвѣдей, ихъ привычками и т. д., увѣрены, что въ горахъ восточнаго Тибета, дѣйствительно, живутъ первобытные дикари.

исполнить его просьбу, хотя и сомнѣвался въ дѣйствительности моей «ци-сюнь» для этой цѣли. Я снялъ кисть, обернулъ ее кусочкомъ шерсти, закрѣпилъ сверточекъ воскомъ, который припечаталъ своею печатью, и отдалъ его бѣдному монголу [1]). Онъ ушелъ отъ меня въ прекрасномъ настоеніи духа, но черезъ нѣсколько дней вернулся съ одною только кистью, безъ лошади. «Ужъ если это не помогло,—сказалъ онъ мнѣ при этомъ,—то, стало быть, я долженъ оставить всякую надежду получить свою лошадь обратно, тѣмъ болѣе, что и камбо оказался не въ силахъ помочь мнѣ!».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, шайка тибетцевъ, приблизительно въ сто человѣкъ, напала на Шанъ, захватила здѣсь скотъ и другое имущество и ушла въ горы, къ озеру Тосунъ-норъ. Въ это время въ Шанѣ находилось нѣсколько купцовъ китайцевъ, которые рѣшили погнаться за грабителями; они взяли съ собой около пятнадцати монголовъ, нагнали тибетцевъ, убили нѣсколько человѣкъ и отняли назадъ все награбленное имущество. Это, казалось бы, должно было показать монголамъ, что они не только могутъ сопротивляться своимъ заклятымъ врагамъ, но даже и побѣждать ихъ въ томъ случаѣ, если будутъ дѣйствовать дружно и быстро, въ дѣйствительности же случай этотъ не пробудилъ въ монголахъ энергіи, и они попрежнему позволяютъ себя грабить тибетцамъ.

Въ Шанѣ я вымѣнялъ у камбо моихъ верблюдовъ на лошадей, и въ первый разъ въ моей жизни, и то, конечно, случайно, всѣ выгоды отъ торговой сдѣлки оказались на моей сторонѣ, такъ какъ на слѣдующій же день послѣ того, какъ я отослалъ верблюдовъ къ ихъ новому владѣльцу, тотъ, который, казалось, былъ крѣпче другихъ, издохъ. Другого мнѣ пришлось бросить на произволъ судьбы еще въ пустынѣ, возлѣ Шара-гола, но въ Цзу-ху я встрѣтилъ купцовъ, которые оказались настолько довѣрчивыми, что согласились дать мнѣ лошадь взамѣнъ этого верблюда, котораго они надѣялись поймать, когда пойдутъ дальше, къ сѣверу. Позднѣе мнѣ передавали, что они дѣйствительно нашли его, но уже мертваго; впрочемъ, мы съ ними поквитались, такъ какъ и ихъ лошадь сыграла со мною скверную шутку: она подохла прежде, чѣмъ мы дошли до истоковъ Желтой рѣки.

24-го апрѣля я покинулъ Шанъ. Съ двумя болѣе молодыми и надежными изъ моихъ слугъ я отправился къ истокамъ Баянъ-гола, двухъ же другихъ со всѣми вьючными лошадьми отправилъ къ Баронъ-дзасаку, приказавъ имъ поджидать меня тамъ. Мы взяли себѣ въ проводники китайскаго купца, который говорилъ мнѣ, что уже два раза былъ на Тосунъ-норѣ и прекрасно знакомъ съ окрестной страной.

Дорога шла по берегу рѣки, которая протекаетъ къ востоку отъ Шана въ узкой долинѣ, заключенной между высокими и крутыми горами. По пути намъ то и дѣло попадались небольшія стойбища монголовъ, въ окрестностяхъ коихъ мужчины и женщины были заняты полевыми работами.

Верстахъ въ 45 вверхъ по р. Баянъ-голу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ съ восточной стороны маленькая рѣчонка Кату-голъ долина внезапно поворачиваетъ къ югу. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько монголовъ, возвращавшихся съ озера и гнавшихъ яковъ,

---

[1]) Такія кисти въ Китаѣ употребляютъ только офицеры, а въ Монголіи и Тибетѣ—всѣ чиновники вообще. Описанный выше способъ передачи полномочія третьимъ лицомъ—очень употребителенъ въ этихъ краяхъ.

нагруженныхъ мясомъ и кожами рязультатомъ ихъ десятидневной охоты. Какъ только они насъ увидѣли, они загнали свой скотъ въ небольшую рытвину, зажгли фитили у своихъ ружей и приготовили намъ жаркую встрѣчу, по нашей одеждѣ принявъ насъ за тибетцевъ. Одинъ изъ моихъ людей тотчасъ же поскакалъ къ нимъ, крича имъ по-монгольски, что мы изъ Шана, и черезъ нѣсколько минутъ мы если и не были въ объятіяхъ другъ друга, то во всякомъ случаѣ, въ знакъ совершенной дружбы, курили изъ трубокъ, помѣнявъ ихъ другъ у друга. Они разсказали мнѣ, что два каравана, встрѣчаясь въ этой дикой странѣ, всегда держатъ ружья наготовѣ, такъ какъ въ высшей степени невѣроятно, чтобы сильнѣйшая партія прошла мимо болѣе слабой, не попытавшись ограбить ее. Мнѣ неоднократно приходилось впослѣдствіи видѣть, что они говорили совершенную правду: много разъ мнѣ лишь съ большимъ трудомъ удавалось удержать моихъ людей отъ удовольствія пострѣлять въ какой-нибудь небольшой караванъ, попадавшійся намъ на пути, причемъ единственной причиной для этого у нихъ была мысль, что они, можетъ быть, наши враги.

Такимъ образомъ, слѣдуя все на югъ вдоль рѣки, мы прошли приблизительно половину дороги, ведущей черезъ горный хребетъ, когда нашъ проводникъ уклонился въ сторону и, повернувъ въ боковую лощину, заставилъ насъ карабкаться по склону крутой горы, вершина которой была покрыта глубокимъ снѣгомъ. Здѣсь въ первый разъ мы увидѣли яковъ; они паслись на противоположномъ склонѣ долины, гдѣ почва была настолько густо покрыта ихъ пометомъ, что напоминала скотный дворъ. На нашемъ пути дорога была усыпана обломками сланцевыхъ скалъ и на столько вязка, благодаря насквозь ее пропитавшей воды, которая со всѣхъ сторонъ струилась сюда изъ-подъ таявшаго снѣга, что мы съ трудомъ подвигались впередъ, держась за хвосты лошадей. Съ послѣднихъ намъ пришлось слѣзть, такъ какъ они совершенно задыхались отъ усталости и были бы не въ силахъ нести насъ на себѣ дальше. Потомъ дорога пошла по снѣгу, и къ вечеру мы добирались уже до вершины перевала, когда вдругъ проводникъ огорошилъ насъ признаніемъ, что онъ ошибся, что мы сбились съ пути и что намъ слѣдуетъ вернуться обратно для того, чтобы перевалить черезъ другой перевалъ, виднѣвшійся отъ насъ вправо. Времени на разсужденія терять было нечего. И вотъ, мы снова двинулись въ путь, на каждомъ шагу проваливаясь въ снѣжные сугробы почти по самую шею; пронзительный вѣтеръ дулъ намъ въ лицо и побуждалъ насъ съ новой энергіей идти дальше, чтобы добраться до болѣе защищеннаго мѣста. Около часу шли мы такимъ образомъ, пока, наконецъ, съ превеликимъ трудомъ не добрались до вершины другого горнаго прохода Амуни-Коръ, лежащаго на высотѣ 16.220 фут. н. ур. ок. [1]). Отсюда дорога пошла круто книзу, благодаря чему мы вскорѣ оставили за собой снѣга, и, выбравъ, наконецъ, поукромнѣе мѣстечко, бросились на голые камни. Измученные усталостью, мы не помышляли даже объ ужинѣ и, не разводя огня, томились ожиданіемъ разсвѣта. Этотъ памятный переходъ былъ поистинѣ суровымъ испытаніемъ для моихъ слугъ, и я увѣренъ,

---

[1]) Мой проводникъ называлъ этотъ перевалъ Дуринъ-ола, но одинъ очень хорошо знающій эту мѣстность человѣкъ увѣрялъ меня впослѣдствіи въ томъ, что это Амуни-Коръ, принадлежащій къ числу самыхъ трудныхъ горныхъ проходовъ во всей этой цѣпи.

что если бы они провели въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ хотя бы одну недѣлю, они перестали бы бояться пустынь Тибета и нашли бы, что жизнь въ нихъ по сравненію съ этой—куда привлекательнѣе.

Какъ только разсвѣло, мы двинулись дальше, и притомъ прямо на югъ. Намъ пришлось нѣсколько часовъ спускаться по узкому, крутобокому ущелью, которое, наконецъ, и вывело насъ снова въ долину Баянъ-гола, обратившуюся здѣсь въ потокъ чистой прозрачной воды, имѣвшій не больше 7 саженъ ширины и до трехъ футовъ глубины и протекавшій по красивой долинѣ широтнаго простиранія. Только впослѣдствіи узналъ я, что это та самая рѣка, по берегу которой я прошелъ черезъ Шанъ: она такъ грязна въ своемъ нижнемъ теченіи, что признать ее въ томъ горномъ потокѣ, который несъ теперь у моихъ ногъ свои прозрачныя воды было рѣшительно невозможно.

Въ то время, какъ мы приготовляли чай и сушили платье, стадо яковъ спустилось къ рѣкѣ на водопой. Мнѣ захотѣлось подстрѣлить одного изъ нихъ, и, вскинувъ свою винчестерскую винтовку на плечи, я направился къ нимъ. На разстояніи приблизительно 85 саженъ отъ стада я нашелъ себѣ хорошую позицію за скалой, выбралъ самаго большого быка, тщательно прицѣлился въ него, затѣмъ выстрѣлилъ, но, какъ мнѣ казалось тогда, не причинилъ никакого вреда огромному черному звѣрю, который пробѣжалъ нѣсколько шаговъ по направленію ко мнѣ, затѣмъ повернулъ въ сторону и спустился къ рѣкѣ. Когда я хотѣлъ снова зарядить ружье, то оказалось, что я позабылъ захватить патроны; тогда, вспомнивъ слова Пржевальскаго, что охота на яка такъ же интересна, какъ и опасна, я рѣшилъ, что благоразумнѣе будетъ отказаться отъ этого спорта, и поползъ обратно къ мѣсту нашей стоянки, причемъ сдѣлалъ крюкъ, чтобы не попасться на глаза стаду яковъ.

Черезъ часъ или около того, по пути къ Тосунъ-нору, мы вновь проходили по этому мѣсту, и къ моему величайшему удивленію я увидѣлъ своего яка мертвымъ: моя пуля пробила его на вылетъ. Удовольствіе при видѣ результата моего единственнаго выстрѣла заставило меня совершенно позабыть о страхѣ, который я испыталъ раньше. Мои люди, какъ мусульмане, не ѣли мяса яка, и потому я отрѣзалъ себѣ, въ видѣ трофея, лишь его хвостъ, а тушу оставилъ въ добычу хищнымъ птицамъ и волкамъ; и, надо отдать имъ справедливость, они быстро покончили со своей задачей, такъ какъ, возвращаясь на слѣдующій день по этому же пути, мы нашли здѣсь одни только кости.

Въ Іохурэ (верхнее теченіе Баянъ-гола) впадаетъ одна только рѣчка Цзельдумъ, верстахъ въ 12 выше того мѣста, близъ котораго мы вышли въ долину. Въ 9 верстахъ далѣе къ востоку находится западный край Тосунъ-нора—«маслянаго озера». У меня не было времени обойти его вокругъ, но судя по тому, что для этого требуется нѣсколько дней, я заключаю, что окружность его равна шестидесяти—семидесяти пяти верстамъ. Лѣтомъ южно-кукунорскіе панака располагаются стойбищами вдоль его береговъ, представляющихъ въ это время года прекрасныя пастбища; сверхъ того, этихъ панака привлекаютъ сюда массы растущаго здѣсь ревеня и стада кабарги. Шарба изъ Сунъпаня также проходятъ мимо него, направляясь въ Цайдамъ или возвращаясь оттуда. Въ остальное же время страна эта совершенно необитаема.

Горы, сопровождающія верхнее теченіе Баянъ-гола, значительно положе тѣхъ, которыя тянутся вдоль его нижняго теченія. Здѣсь онѣ покрыты лёссомъ и поросли травой до самаго гребня. Изрѣдка только

виднѣются то тамъ, то сямъ на этомъ послѣднемъ скалистые пики или голыя остроконечныя сопки. Высшая точка той горной цѣпи, которая подымается на лѣвомъ берегу рѣки, находится нѣсколько къ западу отъ того мѣста, гдѣ въ Баянъ-голъ впадаетъ Аланъ-голъ [1]). Этотъ пикъ или, вѣрнѣе, скалистый массивъ кончается тремя остроконечными вершинами, подымающимися на нѣсколько тысячъ футъ надъ снѣговой линіей; я опредѣлилъ его высоту въ 17—18.000 футовъ и назвалъ горою Каролины.

Вся эта страна буквально кишѣла животными: особенно много было яковъ и дикихъ ословъ, но, кромѣ нихъ, мы видѣли также множество антилопъ оронго и дзереновъ, дикихъ козъ, медвѣдей, волковъ, зайцевъ, и изъ птицъ—утокъ, гусей и куропатокъ.

Охота на дикаго осла оказалась очень трудной: эти красивыя животныя обладаютъ удивительно острымъ зрѣніемъ и слухомъ, и когда ихъ что-нибудь испугаетъ, они убѣгаютъ съ поразительной быстротой на огромныя разстоянія, преимущественно направляясь по склонамъ горъ. Но все-таки ихъ было такъ много между устьемъ Аланъ-гола и озеромъ Аланъ, что мнѣ удалось, безъ особаго къ тому же труда, подстрѣлить нѣсколько штукъ. Если животное это ранено не очень серьезно, то ему обыкновенно удается убѣжать отъ охотника; такъ, напримѣръ, я перебилъ одному изъ нихъ переднюю ногу, но принужденъ былъ гнаться за нимъ нѣсколько верстъ, прежде чѣмъ смогъ выстрѣлить во второй разъ. Каждое стадо изъ десяти или двѣнадцати штукъ ведетъ самецъ; они движутся обыкновенно гуськомъ, съ поднятыми головами и вытянутыми хвостами. Кричатъ они рѣдко, и крикъ ихъ похожъ скорѣе на лай, чѣмъ на ту музыку, которою насъ угощаютъ ихъ прирученные родичи. Въ тѣ немногіе разы, когда мнѣ приходилось его слышать, онъ ни разу не былъ ни такимъ громкимъ, ни такимъ длительнымъ, какъ у домашнихъ ословъ. На ночь ихъ табунки собираются въ кучи; они становятся въ кругъ, головами, обращенными къ центру, держа свои копыта наготовѣ для какого-нибудь волка или другого врага, который вздумалъ бы напасть на нихъ, пользуясь ихъ сномъ. Они имѣютъ въ вышину отъ $3^1/_2$ до $3^3/_4$ фута, тѣло у нихъ короткое, голова довольно большая и некрасивая, хвостъ короткій и покрытый рѣдкими волосами. Шея, брюхо и ноги у нихъ бѣлыя, остальной же корпусъ бураго цвѣта, переходящаго въ темнокоричневый вдоль спиннаго хребта. Между Тосунъ-номомъ и Аланъ-номомъ, т.-е. на разстояніи отъ 100 до 120 верстъ, мы встрѣтили ихъ по меньшей мѣрѣ 1.000 головъ. Во многихъ мѣстахъ мы должны были крѣпко-на-крѣпко привязывать нашихъ лошадей, чтобы не дать имъ возможности убѣжать и присоединиться къ огромнымъ табунамъ ихъ, которые со всѣхъ сторонъ окружали нашу стоянку.

Дорога отъ Тосунъ нора до Аланъ-нора, озера, лежащаго къ западу отъ перваго, отняла у насъ два съ половиною дня. Рѣчонка, вытекающая изъ этого небольшого озера, проходитъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ по топкому мѣсту, покрытому красной глиной. По выходѣ оттуда она уноситъ съ собою такую массу грязи, что совершенно загрязняетъ прозрачныя воды Іохурэ, въ которую впадаетъ. Впрочемъ, и воды, стекающія съ холмовъ, расположенныхъ къ югу отъ Іохурэ и сложен-

---

[1]) На нашихъ картахъ эта рѣка носитъ названіе Бай-гола, но здѣсь я никогда не слышалъ этого названія. По всѣмъ вѣроятіямъ, это неточная транскрипція слова Баянъ-голъ.

ныхъ изъ такой же красной глины, также приносятъ съ собою въ рѣку массу ила.

Въ самомъ широкомъ мѣстѣ озеро это имѣетъ не болѣе 12 верстъ, и притокъ воды въ него, по крайней мѣрѣ большую часть года, по всѣмъ вѣроятіямъ, незначительный. Озеро это извѣстно подъ различными именами: Аланъ, Алакъ, Ари или Ареки [1]).

Въ Шанѣ наиболѣе употребительно названіе Ареки-норъ, въ Баронъ-Цайдамѣ—Аланъ-норъ.

Осмотрѣвъ это озеро, мы направились къ сѣверу и, поднявшись въ горную область, отыскали тропинку, ведущую къ перевалу Номоранъ, по другую сторону котораго была расположена ставка князя Баронъ-Цайдама.

На южномъ склонѣ дорога представляла нѣкоторыя трудности только у самой вершины, гдѣ почва была покрыта такъ же, какъ и на перевалѣ Амуни-Коръ, крупными обломками сланца.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней шелъ снѣгъ; дорогу замело сугробами, перебираться черезъ которые было крайне утомительно; но затрудненія наши еще болѣе увеличились, когда мы перевалили на сѣверный склонъ хребта, гдѣ снѣгъ лежалъ сплошной массой, скрывъ всякіе слѣды нашей тропинки [2]). Ночь опять застигла насъ въ горахъ, причемъ на этотъ разъ намъ пришлось остановиться на узкомъ выступѣ скалы, у подошвы которой съ ревомъ несся горный потокъ, и провести вторую ночь въ такомъ несчастномъ положеніи—безъ ужина и безъ сна. Когда же разсвѣло, то оказалось, что намъ оставалось пройти не болѣе версты до долинки, гдѣ были въ изобиліи—вода, трава и топливо [3]).

Въ тотъ же самый день мы добрались до ставки дзасака, расположенной въ урочищѣ Наримъ, близъ р. Номоранъ-гола. Наши люди уже поджидали насъ тамъ, расположившись, какъ могли удобнѣе, въ долинкѣ, поросшей, какъ и сосѣдніе склоны горъ, прекрасной высокой травой, которой и наслаждались наши лошади.

Дзасакъ жилъ въ двухъ небольшихъ юртахъ, которыя ничѣмъ не отличались отъ жилищъ его подданныхъ. Это былъ здоровый, полный человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми; онъ унаслѣдовалъ этотъ санъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ своего отца, который потерялъ зрѣніе и отказался отъ власти въ пользу сына. Онъ сказалъ мнѣ, что мы два года тому назадъ встрѣчались съ нимъ въ Пекинѣ, и разказалъ нѣ-

---

[1]) Въ «Си-юй-тунъ-вэнь-чжи» Алакъ переводится «пестрый», а Ареки тотъ же источникъ объясняетъ такимъ образомъ, что это испорченное «хайарики»—крупный песокъ; послѣднее названіе, вѣроятно, стоитъ въ связи съ почвой русла этой рѣки. Озеро находится на высотѣ около 13.800 футовъ.

[2]) Я опредѣлилъ высоту перевала въ 16.521 футъ, по Пржевальскому же высота его равняется 16.100 футамъ.

[3]) Какъ оказалось, спускаясь съ перевала, мы сбились съ дороги, а потому я ничего не могу сказать объ удобствахъ или недостаткахъ этого горнаго прохода, который имѣетъ, однако, большое значеніе, такъ какъ именно здѣсь чаще всего проходятъ путешественники, направляясь въ Восточный Тибетъ, и по этой же дорогѣ въ прежнія времена ѣздили въ Лхассу. Его названіе, означающее въ переводѣ «легкій, удобный», очевидно указываетъ на то, что его предпочитаютъ другому перевалу, лежащему къ востоку и носящему названіе Хато-кутулъ—«каменистаго перевала», между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, второй гораздо лучше. Дороги, ведущія черезъ оба эти перевала, сливаются на сѣверномъ склонѣ перевала Бордза-кэра. Протекающую здѣсь рѣчку Номоранъ-голъ не должно смѣшивать съ рѣчкой того же имени, упоминаемой Пржевальскимъ въ его книгѣ «Третье путешествіе въ Центральной Азіи», которая находится много западнѣе.

*

сколько мелкихъ эпизодовъ, которые и въ моей памяти освѣжили воспоминаніе объ этой встрѣчѣ,—и вотъ мы сразу же стали «старыми друзьями», хотя, кажется, ранѣе и двухъ словъ не сказали другъ другу. Онъ не говорилъ ни по-китайски, ни по-тибетски, такъ что мнѣ приходилось говорить по-тибетски, и мои слова переводилъ ему на монгольскій языкъ человѣкъ, который сидѣлъ на полу возлѣ него. Это былъ его управляющій—довэ, человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, съ очень энергичнымъ лицомъ; мнѣ говорили о немъ уже раньше въ селеніи Баронъ, гдѣ всѣ трепетали предъ нимъ вслѣдствіе его черезчуръ рѣшительнаго характера и тѣхъ радикальныхъ пріемовъ, которые онъ пускалъ въ ходъ, чтобы привести въ исполненіе приказанія своего повелителя. Два или три года тому назадъ дзасакъ обложилъ жителей этого селеньица налогомъ, въ размѣрѣ нѣсколькихъ лошадей и нѣсколькихъ штукъ матеріи пуло. Они не хотѣли, да, пожалуй, и не могли исполнить этого требованія; тогда довэ, въ видѣ наказанія, снесъ половину домовъ въ деревушкѣ и запретилъ построить ихъ снова; этимъ и объясняется тотъ жалкій видъ, который она имѣетъ теперь.

Дзасакъ сказалъ, что охотно мнѣ поможетъ; но его, видимо, нѣсколько смутило то обстоятельство, что у меня не было паспорта отъ сининскаго амбаня,—его мало удовлетворялъ выданный мнѣ въ Пекинѣ «паспортъ дракона» (лунъ-бяо), къ которому монголы и тибетцы питаютъ весьма слабое уваженіе, такъ какъ не могутъ прочесть его и провѣрить его содержаніе. Я попросилъ у него разрѣшенія нанять нѣсколько человѣкъ, которые приняли бы участіе въ моемъ путешествіи въ Тибетъ; а кромѣ того, я хотѣлъ купить или нанять у него нѣсколько вьючныхъ животныхъ.

Вышеупомянутый довэ сразу согласился отправиться со мною, куда я захочу: онъ три раза былъ въ Лхассѣ, разъ въ Батанѣ, и, сверхъ того, однажды проникъ въ Сунъ-пань и Сы-чуань чрезъ страну голоковъ. Его опытность и всѣмъ извѣстная храбрость и ловкость дѣлали для меня весьма цѣннымъ его согласіе сопутствовать мнѣ, въ виду чего я наобѣщалъ ему золотыя горы и такъ заинтересовалъ своимъ предпріятіемъ, что онъ сразу же вошелъ во всѣ мои планы и старался, по мѣрѣ силъ, быть мнѣ полезнымъ. Вскорѣ, однако, я понялъ, что мое намѣреніе отправиться въ Лхассу встрѣтитъ непреодолимыя трудности. Дзасакъ настаивалъ на томъ, что путешествіе, подобное моему, которое должно продолжиться около пятидесяти дней, не можетъ быть предпринято съ малочисленнымъ караваномъ и что меня должны сопровождать по меньшей мѣрѣ человѣкъ 20. Между тѣмъ, кромѣ довэ, охотникомъ сопровождать меня выступилъ всего лишь одинъ человѣкъ, да и тотъ требовалъ за это сорокъ ланъ серебра.

Конечно, это была невысокая плата, если принять во вниманіе, что наше путешествіе могло продолжиться пять или даже шесть мѣсяцевъ; но, къ сожалѣнію, я не могъ дѣлать подобныхъ затратъ, иначе мои скромныя средства изсякли бы прежде, чѣмъ я выѣхалъ бы изъ Цайдама. Надо было также пріобрѣсти достаточное число вьючныхъ животныхъ, такъ какъ на всемъ пути отъ Цайдама до Нагчука, находящагося въ 11 переходахъ отъ Лхассы, нельзя достать никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Сверхъ того, надо было разсчитывать и на неизбѣжный при такой дальней дорогѣ падежъ вьючныхъ животныхъ и, стало быть, на необходимость имѣть запасныхъ лошадей, а это, даже въ случаѣ найма таковыхъ, потребовало бы затраты такой значитель-

ной суммы, какой въ то время вовсе не находилось въ моемъ распоряженіи.

Итакъ, всѣ обстоятельства складывались такимъ образомъ, что я долженъ былъ отказаться отъ мысли идти въ Лхассу. Мои китайцы, не отказываясь сопутствовать мнѣ въ томъ случаѣ, если составится большой караванъ, и слушать не хотѣли объ иныхъ условіяхъ путешествія. Къ чести дзасака я долженъ замѣтить, что онъ ничуть не мѣшалъ мнѣ въ моихъ сборахъ; онъ только просилъ меня, чтобы я, по возможности, берегъ его людей и не подвергалъ ихъ ненужной опасности.

Я давно ужъ рѣшилъ, если мнѣ что-нибудь помѣшаетъ попасть въ Лхассу, попытаться, взамѣнъ этого, проѣхать чрезъ восточный Тибетъ въ Чамдо, а оттуда въ Ассамъ или Да-цзянь-лу, если дорога на Ассамъ окажется для меня невозможной. Поэтому я предложилъ довэ направиться къ первому тибетскому городу на югъ отъ р. Дрэ-чу (верхняго теченія р. Янъ-цзы-цзяна). Это путешествіе стоило бы гораздо дешевле, такъ какъ намъ можно было запастись провизіей всего лишь на двѣ недѣли.

Тунъ-ши, съ которымъ мнѣ довелось сдѣлать путь отъ Дуланъ-го до Барона, поѣхалъ именно по этой дорогѣ, и я надѣялся, что смогу еще догнать его. Я именно надѣялся, что, во вниманіе къ установившимся между нами хорошимъ отношеніямъ, онъ дастъ мнѣ надлежащій эскортъ до Батана или даже до Дя-цзянь-лу и тѣмъ поможетъ довести до конца мое путешествіе.

Когда я зашелъ опять къ дзасаку и разсказалъ ему объ этомъ новомъ планѣ дальнѣйшаго путешествія, то онъ и его нашелъ совершенно невыполнимымъ: по его мнѣнію, мнѣ ни за что не удастся переправиться черезъ Дрэ-чу. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорилъ онъ мнѣ, олоссу амбань (Пржевальскій) прошелъ черезъ Баронъ-Цай дамъ въ сопровожденіи восемнадцати русскихъ солдатъ; онъ хотѣлъ пройти черезъ восточный Тибетъ (Камдо) и дойти до Батана. Все шло хорошо, пока они ни дошли до рѣки и не принялись переправляться черезъ нее. Тогда ламы, которые живутъ на противоположномъ берегу, при помощи своихъ молитвъ и заклинаній подняли вѣтеръ, по рѣкѣ пошли страшныя волны, и переправа оказалась невозможной. На обратномъ пути въ Цайдамъ на него напали голоки и отняли у него весь его багажъ и нѣсколько верблюдовъ. Никто безъ позволенія ламъ не можетъ переправиться черезъ эту ужасную рѣку. Вообще же, лишь очень немногіе отваживались на это путешествіе, такъ какъ во всей этой странѣ, по которой надо было проѣхать, чтобы добраться до перваго тибетскаго города Жіэкундо, путники на каждомъ шагу встрѣчаютъ всевозможныя опасности. Довэ соглашался однако быть моимъ проводникомъ и обѣщалъ уговорить еще одного человѣка присоединиться къ намъ; а такъ какъ съ этимъ послѣднимъ нашъ караванъ составляло уже семь человѣкъ, то онъ и надѣялся, что намъ удастся благополучно добраться до Жіэкундо. Заручившись его согласіемъ, я немедленно принялся за приготовленія къ отъѣзду: мы закупали масло, мясо, баранину, изготовляли вьючныя сѣдла для нашихъ животныхъ и проч.

Дзасакъ ежедневно присылалъ мнѣ большой кувшинъ арэки. Этотъ хмѣльной напитокъ былъ гораздо вкуснѣе и крѣпче тибетскаго нэчана. Бесѣдуя съ нимъ однажды по поводу этого напитка, я разсказалъ ему, что у насъ распространено убѣжденіе, что если среди монголовъ и не существуетъ чахоточныхъ, то, главнымъ образомъ, именно благодаря

употребленію ими арэки или, вѣрнѣе, кумыса, но онъ мнѣ возразилъ, что такое мнѣніе совершенно неосновательно, такъ какъ въ его странѣ чахотка довольно распространенная болѣзнь, да и умираютъ отъ нея иногда заправскіе пьяницы.

Въ его юртѣ для меня всегда было готово особымъ образомъ приготовленное кислое молоко—таракъ, единственный предметъ роскоши у этого сановника. Старая служанка ежедневно приготовляла ему огромный котелъ этого кушанья: уже скисшее козье молоко или молоко яка она ставила на огонь и нѣкоторое время кипятила, не переставая ни на минуту его размѣшивать. Это очень вкусное блюдо, въ особенности, если его немного подсластить; оно въ большомъ употребленіи какъ у монголовъ, такъ и у тибетцевъ, называющихъ его джо.

Въ юртѣ дзасака я постоянно заставалъ ламу, который читалъ съ медленнымъ и однообразнымъ напѣвомъ толстую тибетскую книгу и, не прерывая своего чтенія, старался прислушаться къ нашему разговору. Здѣсь очень распространенъ между богатыми людьми обычай приглашать къ себѣ ламу для того, чтобы тотъ читалъ во спасеніе ихъ души священныя книги. И у дзасака жилъ такой лама, гыгэнъ, а вмѣстѣ съ нимъ шесть другихъ монаховъ пребендаріевъ, изъ коихъ каждый получалъ ежегодно отъ князя въ вознагражденіе за свои труды четыре пары башмаковъ и пару овецъ. На ихъ обязанности лежало постоянное чтеніе канджура и, сверхъ того, каждый мѣсяцъ или каждыя двѣ недѣли они должны были отправлятъ особое богослуженіе, въ случаѣ же нужды читать заклинанія и производить другія тому подобныя шарлатанскія штуки.

Довэ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать визитъ этому перерожденцу, такъ какъ, по мнѣнію монголовъ, это былъ великій святой, одаренный божественнымъ даромъ безусловно вѣрно предсказывать судьбу; его поэтому не лишне было бы вопросить и объ успѣхѣ нашего предпріятія.

Я взялъ съ собой нѣсколько подарковъ, въ томъ числѣ мой самый лучшій хадакъ, и отправился въ его юрту вмѣстѣ съ моими китайцами, довэ и монголомъ, который незадолго предъ симъ изъявилъ согласіе присоединиться къ нашему каравану. Гыгэнъ былъ красивый мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, родомъ изъ восточнаго Тибета. Онъ былъ одѣтъ въ платье изъ желтой шелковой матеріи и носилъ на лбу повязку изъ конскаго волоса. На низенькомъ столикѣ передъ нимъ лежала большая толстая книга, которую онъ читалъ. Монголы преклонили колѣна, и онъ благословилъ ихъ, прикоснувшись рукой къ ихъ обнаженнымъ головамъ. Затѣмъ мы усѣлись на подушкахъ по обѣ его стороны, и я изложилъ ему главную цѣль нашего посѣщенія. Тогда онъ взялъ маленькій золотой ящичекъ, съ украшеніями изъ бирюзы и кораллловъ, въ которомъ лежали игральныя кости, и, поднеся его ко лбу и пробормотавъ какую-то молитву, онъ встряхнулъ его и поглядѣлъ на кости. Потомъ онъ взялъ маленькую книжку, нашелъ въ ней нужную страницу, по всѣмъ вѣроятіямъ соотвѣтствующую числу, которое выпало на костяхъ, поглядѣлъ на нее минутку и произнесъ, наконецъ, слѣдующее глубокомысленное предсказаніе: «Вы хотите отправиться въ Камдо; трудно добраться до этой страны; дорога туда полна опасностей. Вы дойдете до береговъ Дрэ-чу, но на пути вы можете столкнуться съ голоками; могутъ также случиться съ вами и другія непріятности, напримѣръ, пасть животныя. Что же касается переправы черезъ рѣку, то это дѣло трудное и невѣрное: можетъ быть вы и совершите ее, но можетъ быть и нѣтъ. А о путешествіи вашемъ че-

резъ весь восточный Тибетъ я теперь ничего не могу вамъ сказать,— это превосходитъ мои познанія. Во всякомъ случаѣ, будьте осторожны, будьте осторожны». Когда онъ окончилъ свою умную рѣчь, я нарочно посмотрѣлъ на моихъ монголовъ, чтобы увидѣть, какое произвела она на нихъ впечатлѣніе. Къ моему величайшему удовольствію, я увидѣлъ, что ихъ лица сіяли отъ удовольствія: по ихъ мнѣнію, предсказаніе это предвѣщало нашей поѣздкѣ полный успѣхъ. Они, очевидно, относились къ этому тибетскому «Джеку Бёнсби» съ вѣрой «капитана Кёттля».

Послѣ этой комедіи лама превратился въ любопытнаго мальчика, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, и попросилъ меня дать объясненія тѣмъ предметамъ, которые получилъ отъ меня въ подарокъ, а именно: бритвы, вогнутаго и выпуклаго зеркалъ и куска мыла Пэрса. Его особенно интересовало мыло, употребленіе котораго было ему совершенно неизвѣстно. Я прочелъ ему лекцію о мылѣ вообще и о мылѣ Пэрса въ частности и прибавилъ, что оно является вполнѣ подходящимъ подаркомъ для такого святого, какъ онъ, такъ какъ его употребляютъ всѣ наши коронованныя особы и наши богини музыки и пѣнія. Это совершенно покорило его сердце и на прощанье онъ обѣщалъ мнѣ молиться за успѣхъ моего предпріятія. Кромѣ того онъ строго-на-строго приказалъ мнѣ говорить всѣмъ людямъ, съ которыми мнѣ придется встрѣтиться въ Тибетѣ, что я одинъ изъ тунъ-ши изъ ямыня сининскаго амбаня, такъ какъ только такія особы могутъ путешествовать безнаказанно въ этой дикой и не управляемой никакими законами странѣ безъ всякой помѣхи и безъ всякихъ препятствій.

Хотя предсказаніе будды Лабъ-Жіалсэрэ [1]) и было благопріятно для нашего путешествія, но довэ этимъ не удовольствовался и устроилъ, сверхъ того, торжественое богослуженіе въ своей юртѣ. Двое ламъ цѣлый день били въ барабанъ и набивали себѣ ротъ самыми отборными кушаньями, а потомъ жгли бараньи лопатки и внимательно изслѣдовали трещины, которыя на нихъ сдѣлались отъ огня. Результаты гаданія говорили безусловно въ пользу нашего предъпріятія, и довэ заявилъ, что такъ какъ счастье мое выдержало и это «крестное испытаніе» (testimonium crucis), то онъ готовъ отправиться въ путь.

Не смотря на то, что новый маршрутъ имѣлъ много привлекательнаго, я все же долго еще не могъ помириться съ мыслью, что моя завѣтная мечта побывать въ Лхассѣ рушилась окончательно. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ мнѣ послужилъ разсказъ дзасака, что прошлою зимою большой караванъ русскихъ, человѣкъ около семидесяти пяти, совершилъ это путешествіе. Ему передавали это паломники, которые недавно вернулись изъ Лхассы. Предводитель русскаго отряда, говорилъ онъ, былъ старый человѣкъ съ длинной бѣлой (русой) бородой. Тогда я думалъ, что рѣчь идетъ объ экспедиціи Пржевальскаго, такъ какъ еще въ Пекинѣ знали, что хотя Пржевальскій и умеръ, но отрядъ его продолжалъ путь подъ руководствомъ его лейтенанта. Теперь же я положительно не знаю, къ какой экспедиціи относился этотъ разсказъ. Несомнѣнно только то, что онъ былъ широко распространенъ въ южномъ Цайдамѣ и сѣверовосточномъ Тибетѣ, такъ какъ мнѣ передавалъ

---

[1]) Лабъ-гомба—мѣстечко, находящееся по близости къ Тумбумдо, въ восточномъ Тибетѣ, дало Цайдаму множество великихъ святыхъ. Хотя перерожденецъ Кабъ-Жіалсэрэ былъ только гыгэнъ, о немъ говорили, что онъ вполнѣ достоинъ быть хутухтой. Баронъ-Цайдамъ не могъ позволить себѣ такой роскоши, такъ какъ за святого въ такомъ санѣ было надо заплатить приличную сумму въ пекинскомъ министерствѣ колоній.

его впослѣдствіи—и притомъ безъ всякихъ измѣненій—старшина племени Намцо, населяющаго долину Дрэ-чу

Такъ какъ за время нашего пребыванія въ Наримѣ выпало довольно много снѣга, то довэ рѣшилъ перевалить черезъ горную цѣпь по перевалу Хато [1]), на которомъ снѣгъ не собирается въ такихъ массахъ, какъ на сосѣднемъ Номоранѣ. Тропинка, по которой мы двинулись въ путь, шла вверхъ по р. Ихэ-голу, сливающейся ниже Нарима съ Номоранъ-голомъ и образующей при этомъ Цаганъ-голъ—рѣку, протекающую къ востоку отъ селенія Баронъ. «Хато» значитъ «каменистый» и, дѣйствительно, послѣдняя часть перевала—его вершина—вполнѣ оправдываетъ это названіе. Но все-таки, въ общемъ, дорога здѣсь была несравненно легче, чѣмъ черезъ тѣ два перевала, по которымъ я раньше перебирался черезъ эту горную цѣпь. Спускъ по южному склону былъ очень крутой, но короткій, и въ скоромъ времени мы опять очутились въ долинѣ Аланъ-гола, возлѣ одной изъ моихъ прежнихъ стоянокъ.

IV.

Истоки Желтой рѣки.—Сѣверовосточный Тибетъ.—Племя Намцо.

При выходѣ изъ владѣній Баронъ-дзасака мой караванъ состоялъ изъ двухъ монголовъ, четырехъ китайцевъ, семнадцати лошадей и двухъ тибетскихъ собакъ, которыя по храбрости стоили четверыхъ китайскихъ. Изъ всѣхъ моихъ лошадей только шесть были вполнѣ здоровы, тѣ же, которыхъ я досталъ въ Цайдамѣ, имѣли очень жалкій видъ; такъ выглядятъ впрочемъ всѣ лошади въ этой странѣ. У нихъ вогнутыя спины и такія длинныя копыта, что на каменистой почвѣ они постоянно спотыкаются. Печально было конечно отправляться съ такими животными въ большое путешествіе, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что все же это были самыя лучшія животныя, какихъ я могъ здѣсь достать. Мы везли съ собою около пятнадцати пудовъ ячменя, большой кожанный мѣшокъ дзамбы, пудъ масла и $2^1/_6$ пуда баранины.

Переправившись черезъ Аланъ-голъ, верстахъ въ 15 къ востоку отъ озера, мы направились къ ущелью, ведущему черезъ южную горную цѣпь; по этому ущелью протекаетъ небольшая рѣчка Юкту-голъ, при выходѣ коей изъ горъ мы и раскинули свой первый лагерь на плоскогоріи Тибета. Это урочище, извѣстное подъ именемъ Юкту-Уланъ-булакъ—«Красный ключъ Юкту», служитъ крайнимъ предѣломъ лѣтнихъ экскурсій, предпринимаемыхъ тибетскими золотоискателями, уроженцами Камбо. Два или три раза сюда для той же цѣли приходили партіи китайцевъ, но дзасакъ Баронъ Цайдама, на территоріи котораго находится это урочище, не находилъ возможнымъ разрѣшить имъ заниматься здѣсь золотымъ промысломъ по совершенно формальнымъ причинамъ: ихъ паспорты выданы были имъ для торговыхъ-де цѣлей, а не для занятій золотымъ промысломъ. Сами же монголы никогда не моютъ золото, такъ какъ не знаютъ какъ это слѣдуетъ дѣлать.

Пріемъ, промывки золота, практикуемый тибетцами, въ высшей степени простъ, и единственное орудіе, которое они при этомъ употребляютъ, представляетъ небольшое корытце, выдолбленное изъ деревянной колоды фута, въ три длиною и менѣе фута шириною. Получаемое при этомъ шлиховое золото они продаютъ китайскимъ купцамъ, которые

[1]) Приблизительная высота этого перевала 15.290 футовъ.

платятъ за него серебромъ или, вѣрнѣе, рупіями по вѣсу серебра въ двѣнадцать, тринадцать разъ болѣе, чѣмъ золота.

Плоскогоріе, на которое мы затѣмъ вышли, пройдя горную гряду, съ юга окаймляющую долину Аланъ-нора, простирается до истоковъ Желтой рѣки, въ ширину же имѣетъ приблизительно верстъ девяносто. Средняя высота этого плоскогорія составляетъ около 14.500 футовъ. Его пересѣкаетъ рядъ холмовъ, сложенныхъ изъ песку, гравія и глины. Вдоль всей нашей дороги я не видѣлъ ни одной сколько нибудь значительной вершины, кромѣ горы Акта, да нѣсколькихъ, смежныхъ съ нею пиковъ, вершины которыхъ были покрыты снѣгомъ. Всѣ они находились верстахъ въ тридцати къ западу отъ нашей дороги и представляли собою небольшую цѣпь, на склонѣ которой повидимому, беретъ начало одинъ изъ притоковъ Желтой рѣки.

Страна, по которой теперь пролегалъ нашъ путь, поражала своей безплодностью: она была почти совершенно лишена растительности, на ней совершенно не было текучей воды. Даже яки и ослы забросили ее, такъ что мы на всемъ пути видѣли всего лишь нѣсколько экземпляровъ этихъ животныхъ. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ хуже и хуже становилась погода. Снѣжныя бури съ градомъ, съ рѣзкимъ сѣвернымъ и сѣверозападнымъ вѣтромъ смѣняли другъ друга съ такой быстротой, что мы буквально не успѣвали высушивать платья въ тѣ короткіе промежутки, когда небо хоть нѣсколько прояснялось. На этой значительной высотѣ наши лошади страшно быстро уставали; даже собаки, которыя тащились въ хвостѣ каравана, часто должны были ложиться и отдыхать. Мы тоже были далеко не въ блестящемъ состояніи: одежда наша, казалось, вѣсила пуды, мы сгибались подъ тяжестью нашихъ ружей, а ходить, даже по ровному мѣсту, было намъ такъ трудно, что мы безпрестанно—въ буквальномъ смыслѣ слова—обливались потомъ.

Девятаго мая мы расположились наконецъ лагеремъ возлѣ Дзацзу-хошо, гдѣ нашли въ разсѣлинѣ какъ разъ столько воды, чтобы приготовить себѣ чай: для нашихъ несчастныхъ лошадей ея не хватило. Это побудило насъ идти въ тотъ же день дальше. Мы направились вверхъ по высохшему ложу рѣки, которое тянулось у подножія цѣпи низкихъ холмовъ, и такимъ образомъ дошли до того мѣста, гдѣ источникъ вырывается изъ своего подпочвеннаго русла наружу и течетъ по направленію къ Желтой рѣкѣ. Водораздѣлъ между бассейномъ Цайдама и истокомъ Желтой рѣки, представляющій цѣпь низкихъ холмовъ изъ рыхлаго, еле сцементированнаго галечника, находится верстахъ въ двадцати къ сѣверу отъ этого мѣста и имѣетъ около 15.650 футовъ высоты. Перевалъ, ведущій черезъ эту цѣпь, извѣстный подъ именемъ Бордзакэра-кутулъ, составляетъ пограничный пункъ между Тибетомъ и Цайдамомъ. Вышеупомянутый истокъ Желтой рѣки, который мы увидали въ первый разъ, когда были верстахъ въ 15 къ западу отъ озера Дзаринъ-норъ, течетъ въ широкой, до двухъ верстъ, долинѣ, покрытой пескомъ и гравіемъ, среди котораго въ обиліи попадаются блестящія зерна кварца; ширина же самой рѣки не превосходитъ семи саженъ; къ тому же была мелка и имѣетъ медленное теченіе.

Въ то время, какъ мы приближались къ рѣкѣ, я ѣхалъ впереди, во главѣ своего каравана. Вдругъ возлѣ небольшой лужи я замѣтилъ большого бураго медвѣдя, который пожиралъ мертваго яка. Я знаками приказалъ моимъ людямъ подать мнѣ ружье; но когда принесшій его увидѣлъ для чего оно мнѣ потребовалось, то тотчасъ же обратился

вспять и вмѣшался въ толпу остальныхъ слугъ, изъ коихъ никто не рѣшился подойти ближе. На этотъ разъ, къ счастью, магазинъ моей винтовки былъ полонъ и двумя или тремя выстрѣлами я положилъ на мѣстѣ этого «дикаго человѣка». Но даже когда онъ былъ убитъ, я не могъ заставить своихъ монголовъ подойти къ нему ближе, такъ глубоко вкоренился въ нихъ страхъ предъ «людоѣдомъ» и отвращеніе къ нему. Медвѣдь этотъ принадлежалъ къ разновидности, которую Пржевальскій описалъ подъ именемъ *Lagomyarius*. Онъ имѣлъ болѣе семи футовъ въ длину и вѣсилъ, вѣроятно, отъ 15 до 18 пудовъ. Вокругъ Желтой рѣки медвѣдей очень много; они здѣсь не прячутся въ горахъ, но очень часто встрѣчаются и на равнинѣ. На каждомъ шагу намъ попадались вырытыя ими ямы, имѣющія около пяти футовъ въ глубину и столько же въ ширину. Монголы говорили, что это ихъ логовища, но гораздо вѣроятнѣе, что эти ямы были вырыты ими во время охоты на пищухъ, которыя составляютъ ихъ любимѣйшую пищу.

Къ югу отъ этого притока Желтой рѣки идетъ рядъ низкихъ холмовъ, а за нимъ тянется болото, имѣющее около пятнадцати верстъ въ ширину и около тридцати въ длину. По этому болоту протекаютъ двѣ рѣчки, впадающія въ озеро Царинъ (Дзаринъ). Мѣсто это извѣстно подъ именемъ Карматанъ «равнины звѣздъ».

Ежегодно въ седьмомъ мѣсяцѣ на сѣверномъ берегу главнаго истока Желтой рѣки совершаются отъ имени императора жертвоприношенія въ честь божества этой рѣки; въ жертву приносятъ бѣлую лошадь и семь или восемь бѣлыхъ овецъ. Черезъ каждые три года сининскій амбань посылаетъ для этой цѣли спеціальнаго чиновника, а въ остальные годы жертвоприношеніе лежитъ на обязанности дзасака Баронъ-Цайдама. Мнѣ говорили, что китайскій чиновникъ обыкновенно жертвы вовсе не приноситъ, а попросту кладетъ себѣ въ карманъ деньги, назначенныя для этого; и я подозрѣваю, что и дзасакъ поступаетъ не лучше, тѣмъ болѣе, что амбань на всѣ расходы, т.-е. на покупку лошади и овецъ и на покрытіе путевыхъ издержекъ, даетъ ему только десять ланъ серебра. Хотя все это, несомнѣнво, хорошо извѣстно всѣмъ тѣмъ, кому сіе вѣдать надлежитъ, тѣмъ не менѣе это ничуть не мѣшаетъ амбаню ежегодно посылать императору сообщеніе слѣдующаго содержанія: «Богослуженіе у истоковъ Желтой рѣки въ Одонтола и на двухъ снѣжныхъ вершинахъ Аланъ-нора и Аміѣ Малцзинь (Amyé Malchin) было должнымъ образомъ совершено: въ установленномъ порядкѣ были прочитаны соотвѣтствующія молитвы» и т. д., и т. д. [1]).

У подножья холмовъ, къ югу отъ Карматана, проходитъ тропа по которой совершаютъ дикія племена голоковъ изъ Камба свои паломничества въ Лхассу, и обратно этою же дорогой двигаются они и тогда, когда хотятъ напасть на какой-нибудь караванъ, направляющійся въ священный городъ. Мой проводникъ, боясь встрѣчи съ ними, изо всѣхъ силъ старался, чтобы мы какъ можно скорѣе подвигались впередъ, и не хотѣлъ ничего слышать о поѣздкѣ въ сторону, къ озеру, которое виднѣлось въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ насъ. Такъ какъ это озеро осмотрѣлъ Пржевальскій въ 1884 году, и экскурсія эта не могла уже представить интереса новизны, то я и не

---

[1]) «Пекинская Газета» 15-го сентября 1885 г. Я ничего не слышалъ о жертвоприношеніяхъ на горахъ вблизи Аланъ-нора или на Аміѣ Малцзинѣ. Въ китайскихъ географическихъ сочиненіяхъ указано, что послѣдняя гора тожественна съ священной горой Ци или Ги, на которой, по преданію, императоръ Юй приносилъ жертвы. См. Legge «Shu-king», стр. 71, въ Sacred Books of the East», III.

трудъ. Вотъ чѣмъ объясняется ея вниманіе къ необдуманнымъ требованіямъ этой старухи!

Мало того, въ Тэбитѣ зародилось желаніе открыть душу этому новому, но такому родственному ей элементу, который, быть можетъ, положилъ бы конецъ разлада, поселившемуся въ ея душѣ, помогъ ей заставить улечься мятежный духъ и страсти, овладѣвшія въ послѣднее время ея сердцемъ, умомъ и чувствами. Ей вспомнилась Феба; но та не годилась для этого. Въ Фебѣ было слишкомъ много случайнаго—еще не вполнѣ разгаданнаго, необычнаго—для такой раціональной цѣли. Отъ этой же женщины вѣяло здоровою силою, любящей властностью, сулящими душѣ исцѣленіе и успокоеніе. Правда, она требуетъ платы; но не придаетъ ли это сугубой силы ея методу лѣченія.

Прежде, чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе, Тэбита снова поглядѣла на свою спутницу, и на этотъ разъ очень пристально.

— Я помогу вамъ, миссиссъ Чикори.

— Поможете? Въ чемъ?

— Помогу возвратить себѣ своего сына.

— Что вы хотите сказать?—вскричала старуха, схвативъ ея руку.—Вѣдь этому вы можете помочь только однимъ способомъ.

— Какимъ, по вашему?

— Взявъ его себѣ... Ахъ, Тэбита! лучше быть любимой женою горбуна, чѣмъ рабой стройнаго человѣка.

Тэбита высвободила свою руку и приложила ее къ сердцу.

— Нѣтъ, миссиссъ Чикори, я не то хочу сказать,—проговорила она задыхаясь.—Не налагайте на меня такихъ обязательствъ, или я уйду туда, гдѣ меня никто никогда болѣе не найдетъ. Я попытаюсь.

Она остановилась, не зная, что сказать.

— А вы вызвались помочь мнѣ,—печально вымолвила мать Теда.—Зачѣмъ же вы подали мнѣ пустую надежду?

Тэбита снова приняла рѣшительный тонъ.

— Не говорите этого. Я знаю, что можно сдѣлать, и сдѣлаю это. Васъ страшитъ его... его глупое увлеченіе; въ этомъ вся бѣда. Я постараюсь выискать случай, чтобы поговорить съ нимъ и выбить у него это изъ головы. Удовольствуетесь вы этимъ.

— Придется удовольствоваться, если лучшаго вы не можете сдѣлать для меня,—медленно проговорила м-ссъ Чикори.—Только мой путь былъ бы вѣрнѣе...

— Если вамъ нужна моя помощь, то надо принять ее на моихъ условіяхъ.

— Я согласна, согласна,—поспѣшила увѣрить старуха.—Дѣлайте, какъ знаете. Я прошу васъ обѣщать мнѣ только одно.

— Что именно?

— Сдѣлать дѣло основательно, не останавливаясь на полъ-дорогѣ. Возьмите Теда въ руки и говорите ему все, что нужно, лишь бы выбить себя изъ его головы. И дѣлайте это не разъ, не два, если понадобится, а пока я не скажу вамъ: «Спасибо; теперь все исправлено». Обѣщаете вы это, Тэбита?

Та обѣщала, довольная сдѣлкой, сулившей утѣшеніе этой бѣдной женщинѣ, отъ которой она сама ждала теперь многаго, и надѣялась получить это многое, не принося въ жертву своихъ чувствъ. О томъ, сколько времени и какихъ усилій надъ собою потребуетъ исполненіе ея обѣщанія, Тэбита не думала въ эту минуту. Гдѣ ей было узнать, что хитрость лисы ничто въ сравненіи съ хитростью материнскаго сердца, доведеннаго до отчаянія?

— Когда вы приступите къ этому?—спросила м-ссъ Чикори.

— Скоро. Я не могу еще назначить день.

— Отчего же не теперь?

— Какъ? сегодня?—Тэбита покачала головой.

— Не сегодня, а скажемъ завтра. Воскресенье—лучшій день для этого.

— Завтра не могу. Я пойду со двора.

— По особенной надобности?—освѣдомилась разочарованная м-ссъ Чикори.

— Нѣтъ; я хочу прогуляться за городъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я еще ни разу не дѣлала такой прогулки.

— Съ кѣмъ нибудь?—робко освѣдомилась мать Теда.

Тэбита хотѣла разсердиться. Съ какой статьи отдавать себя въ руки этой женщины? Однако, у нея какъ-то самъ собою вырвался отвѣтъ:

— Нѣтъ, совсѣмъ одна.

Какъ и слѣдовало ожидать, м-ссъ Чикори попросила для Теда позволенія сопровождать ее; и тутъ вліяніе этой женщины сразу дало себя знать. Тэбита ѣхала въ Теддингтонъ въ надеждѣ встрѣтиться тамъ съ Дакромъ. До этой минуты ей не приходило въ голову, что, при неопредѣленности ея свѣдѣній, она можетъ и не встрѣтиться съ нимъ. Но разговоръ съ м-ссъ Чикори почему-то навелъ ее на это сомнѣніе, перешедшее вслѣдъ затѣмъ въ увѣренность, что надежда ея построена на пескѣ.

А если такъ, то не лучше ли, вмѣсто безцѣльнаго слоненья, попытаться сдѣлать доброе дѣло, возвратить сына матери? Такимъ образомъ м-ссъ Чикори удалось провести свой планъ, состоявшій въ томъ, чтобы на слѣдующій день, послѣ полудня, Тедъ зашелъ за Тэбитой и та приступила бы безотлагательно къ исцѣленію его отъ ненормальнаго увлеченія. При этомъ, по мысли Тэбиты, между двумя женщинами было условлено, что онѣ будутъ отъ времени до времени видѣться, чтобы обмѣниваться своими наблюденіями надъ ходомъ лѣченія.

Послѣ этого онѣ разстались. М-ссъ Чикори и въ голову не приходило, что Тэбиту связало съ нею взаимное влеченіе, и что за нею признаны великія врачевательныя способности; иначе она была бы въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ оправдать присужденіе ей докторскаго диплома. Она знала только, что половина ея дѣла сдѣлана, остальное сдѣлается само собою, и спѣшила вернуться въ радостномъ возбужденіи человѣка, несущаго добрыя вѣсти. Но вернувшись въ «Фальстафъ», гдѣ оставалось теперь мало народа, она уже не нашла тамъ Теда. Онъ поручилъ сторожу сказать ей, что онъ ушелъ домой. Досадуя на отсрочку, мать поспѣшила за нимъ вслѣдъ и застала его уже въ передней помогающимъ старухѣ-сосѣдкѣ, которая была нанята на этотъ вечеръ для прислуживанія гостямъ кофейни.

Онъ не взглянулъ на мать, когда она вошла, и отвѣтилъ короткимъ кивкомъ на ея слова:

— Приходи въ гостиную, когда освободишься.

Черезъ пять минутъ онъ пришелъ все такой же мрачный, какъ и при встрѣчѣ.

— Ты сердишься на меня за то, что я отъ тебя ушла?—спросила мать, улыбаясь.

— Нѣтъ,—былъ короткій отвѣтъ.

— Ты перестанешь сердиться, когда я скажу тебѣ, зачѣмъ я ушла.

Она остановилась, снимая шляпку, и потомъ обратила къ сыну сіяющее радостью лицо.

— Я ушла съ *нею* вдвоемъ, разговаривала.

— Нечего и говорить мнѣ это,—рѣзко перебилъ Тедъ.—Вѣдь я зналъ, зачѣмъ ты идешь въ «Фальстафъ» Надѣюсь, что ты не станешь болѣе докучать мнѣ этимъ, убѣдившись, что дичь улетѣла.

— Она не улетѣла,—съ живостью сказала мать.—Она обѣщала мнѣ.

— Обѣщала?—перебилъ Тедъ, вспыхнувъ негодованіемъ.—Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до ея обѣщаній тебѣ. Нѣтъ, мама, я еще не такъ низко палъ, и не стану пресмыкаться, какъ червь. Моя любовь и мое горе, касаются меня одного, и я не нуждаюсь ни въ чьей помощи. Если я не могу войти въ ея сердце въ лицевую дверь, то не стану пытаться пробраться заднимъ ходомъ. Это рѣшено, мама. И что она должна думать о человѣкѣ, который подсылаетъ къ ней свою маменьку умолять согласиться изъ любви къ Богу на то, на что она не согласна изъ любви къ человѣку? Да если бы она десять разъ обѣщала тебѣ, я и тогда не повѣрю. Конечно, она и обѣщала-то изъ желанія какъ-нибудь отдѣлаться отъ тебя.

Миссиссъ Чикори тяжело опустилась на стулъ и растерянно глядѣла на сына, не произнося ни слова. Даже послѣ того, какъ его вспышка улеглась, она еще долго молчала. Наконецъ, она заговорила:

— Быть можетъ, ты правъ во многомъ, Тедъ, кромѣ одного: Тэбита не лгала; я угадала бы ложь. Ты самъ убѣдишься въ этомъ завтра, при свиданіи съ нею.

— — — —

— Завтра, при свиданіи, но кто тебѣ сказалъ, что я пойду къ ней?

— Она сама. Ты долженъ зайти за нею послѣ обѣда, чтобы сопровождать ее на прогулку.

— Видно, ты на колѣняхъ вымолила у нея согласіе на это,—съ горечью сказалъ Тедъ.—Посуди сама, мама, можетъ ли эта прогулка быть мнѣ пріятной, когда я знаю, какъ она подготовлена?

— Ну, положимъ; но ты поѣдешь съ нею не для своего удовольствія, а для моего.

— Не понимаю, — сказалъ Тедъ коротко.

— Я сказала тебѣ все, что тебѣ нужно знать. Что за удовольствіе было бы жить на свѣтѣ, если бы мы столько же знали сегодня, сколько будемъ знать завтра? Пойдешь ли ты за нею, Тедъ?

— Пойду, мама, если это нужно тебѣ. Я долженъ загладить чѣмъ-нибудь мою вину передъ тобою.

— Какую вину?

— Мои рѣзкія слова. Справедливо ли вымещать на тебѣ мое несчастье? Ты не заслуживаешь этого.

Миссиссъ Чикори, молча, предоставила ему поглаживать ея руку; это было ласка ангела для ея души.

— Я должна предупредить тебя, Тедъ, будь ты остороженъ завтра. Пожалуй, она будетъ говорить тебѣ что-нибудь такое, что ты не сразу возьмешь въ толкъ. Быть можетъ, она станетъ уговаривать тебя не вѣрить самому себѣ, выкинуть вздоръ изъ головы; но ты не уступай, не отказывайся отъ нея, держись своего, какъ слѣдуетъ мужчинѣ. Увидимъ, что будетъ далѣе.

— Да что же все это значитъ, мама?

— Это значитъ, что она обѣщала сдѣлать для меня одну вещь, и я хочу, чтобы она сдѣлала ее такъ, какъ мнѣ нужно. Вотъ и все! — повторила старуха почти свирѣпо, когда Тедъ открылъ ротъ для новаго вопроса. — Не скажу болѣе ни слова сегодня. Довольно; надо идти прислуживать гостямъ.

XV.

М-ссъ Чикори настояла на своемъ рѣшеніи; это было тѣмъ легче для нея, что Тедъ покорно подчинился ея требованію. Онъ не старался поднять завѣсу тайны, даже оставшись наединѣ съ самимъ собою; не задавалъ себѣ въ эту безсонную ночь никакихъ вопросовъ, которые могли бы помочь ему приподнять завѣсу тайны. Равнодушіе его не было апатіей, скорѣе оно проистекало изъ какой-то необъяснимой увѣренности, что дѣла идутъ такъ, какъ должны идти. Онъ спрашивалъ себя, чувствовалъ ли бы онъ себя такъ спокойно, если бы въ концѣ этой безсонной ночи не сіяла увѣренность въ предстоящемъ свиданіи. Онъ сравнивалъ съ нею прежнія ночи и спѣшилъ отогнать эти воспоминанія. Нѣтъ, теперь лучше!

Разбуженный солнцемъ отъ предъутренняго забытья, Тедъ привѣтствовалъ его, какъ заботливаго друга, пришедшаго освѣдомиться, какъ онъ вынесъ долгое, тяжелое испытаніе. Утро тянулось необыкновенно долго и ни завтракъ, ни чистка сапогъ и другія туалетныя приготовленія не могли скоротать его; обѣдъ же казался Теду высокимъ барьеромъ, котораго ни съ какого разбѣга не перескочишь.

Однако пришелъ, наконецъ, часъ, когда все это осталось позади и Тедъ, простившись съ матерью, въ лицѣ и манерахъ которой не было и намека на событія предшествовавшаго дня, пришелъ въ домъ Монтега. Онъ поднимался по безконечной лѣстницѣ съ чувствомъ грѣшника, поднимающагося въ рай, ожидая на каждой ступени, что его низвергнутъ въ адъ.

Джимъ и Тоузеръ сдѣлали ему восторженную встрѣчу и Тедъ самъ не понималъ, отчего ему такъ пріятно было убѣдиться изъ словъ Джима, что его ждали. Изъ встрѣчи его Тэбитой также можно было заключить, что приходъ его не былъ неожиданностью, что разсѣяло его послѣднія сомнѣнія въ подлинности порученія, переданнаго ему матерью.

— Вы стали рѣдкимъ гостемъ у насъ, Тедъ; того и гляди, скроетесь отъ насъ совсѣмъ,—замѣтилъ Джимми.

Тедъ пробормоталъ какое-то объясненіе и взглянулъ на Тэбиту, ожидая,

что она объяснитъ за него, зачѣмъ онъ пришелъ въ этотъ день. Къ удивленію его, она уже объясняла дѣйствіемъ, надѣвъ шляпу и надѣвая перчатки. Тедъ почти робко посмотрѣлъ на Джима.

— О! я знаю, что сегодня вы не мой гость,—сказалъ тотъ со смѣтливой улыбкой.—Тэбита намѣрена похитить васъ, или вы ее—это то же самое, не правда ли?

— Пожалуй,—отвѣтилъ Тедъ, краснѣя отъ сознанія, что говоритъ ложь. Вѣдь все значеніе этой прогулки вдвоемъ заключалось именно въ томъ, кому принадлежитъ инициатива.

Черезъ двѣ минуты Тэбита была готова. Джимми съ удовольствіемъ замѣтилъ, что на этотъ разъ нарядъ ея былъ скроменъ и въ общемъ отвѣчалъ его вкусамъ.

— Проваливайте, дѣтки!—весело кричалъ Джимъ. Вы мнѣ мѣшаете. Мнѣ нужно сегодня обдумывать важныя дѣла.

Онъ выпроваживалъ ихъ жестомъ руки въ отвѣтъ на поклонъ Теда, оставлявшаго его съ виноватымъ видомъ. Въ сущности эта прогулка сильно интересовала Джимми. Хотя Тэбита и предупредила его о ней, но въ тонѣ, какимъ она сдѣлала это, было что-то такое, что удержало его отъ дальнѣйшихъ распросовъ, изъ опасенія услышать что-нибудь неблагопріятное для своего оптимизма.

Тэбита съ Тедомъ сѣли въ омнибусъ, который шелъ въ Сити. Въ ночь послѣ разговора съ м-ссъ Чикори, Тэбита почти отказалась отъ мысли избрать цѣлью прогулки Теддингтонъ, признавъ надежду на встрѣчу съ Дакромъ совершенно несбыточной. Правда, по мѣрѣ того, какъ время отдаляло ее отъ этого разговора, ей снова начинало казаться, что встрѣча возможна, но теперь эта мысль скорѣе пугала ее, чѣмъ радовала. Ну что въ томъ, если она и встрѣтитъ его? Развѣ мало ей еще доказательствъ его власти надъ нею, что она домогается новыхъ своимъ непростительнымъ легкомысліемъ.

Но болѣе здравый внутренній голосъ говорилъ ей, что главная опасность для нея кроется именно въ этой боязни, которая, укоренившись въ ея душѣ, будетъ точить ее какъ ракъ, болѣе злокачественный, чѣмъ даже безнадежная любовь. Не лучше ли идти на встрѣчу этой опасности, чѣмъ бѣжать отъ нея, тѣмъ болѣе, что какъ она утѣшала себя теперь — шансы встрѣтиться были очень невелики?

— Застанемъ ли мы поѣздъ? — прервалъ Тедъ ея размышленія.

— Будемъ надѣяться.

— Вы считаете это за лучшее?—мрачно спросилъ Тедъ.

— Такъ люди говорятъ.

— Оттого, должно быть, такъ и много на свѣтѣ людей разочарованныхъ.

— Можетъ быть. А что же по вашему надо дѣлать противъ этого?

Но философія Теда не поднималась до изобрѣтенія такихъ лѣкарствъ. Во всякомъ случаѣ, надежда Тэбиты на этотъ разъ не была обманута и, послѣ минутнаго ожиданія на платформѣ, поѣздъ задымилъ у станціи.

— Какъ! Второй классъ? — вскричала Тэбита.

— Второй. А вы думаете, что я сломаюсь въ немъ? — спросилъ Тедъ почти сердито.

Онъ сѣлъ противъ нея, но упорно глядѣлъ въ окно. Первый разъ въ жизни она принадлежала всецѣло ему. До вчерашняго дня онъ былъ бы на небесахъ отъ этой мысли, но теперь онъ припрятывалъ ее въ дальній уголокъ своего сердца, зная, что онъ обязанъ этой привилегіей не себѣ, а своей матери. Онъ ежеминутно ждалъ теперь отъ Тэбиты объясненія цѣли этой прогулки.

Но та молчала, или говорила о ничего не значущихъ вещахъ. На третьей станціи уединеніе ихъ было нарушено двумя вошедшими дамами аскетическаго вида, которымъ, повидимому, было не совсѣмъ пріятно раздѣлять купе съ такой неинтересной четой. На слѣдующихъ станціяхъ купе наполнилось и Тедъ всталъ, чтобы предложить свое мѣсто одиннадцатой пассажиркѣ, одѣтой по модѣ молодой дамѣ. Но, взглянувъ на него, она отказалась и сейчасъ же приняла предложенное ей мѣсто элегантнымъ кавалеромъ въ гребномъ костюмѣ. Тедъ покраснѣлъ, какъ свекла, и взглянулъ на Тэбиту; но та изучала руко-

ятку своего зонтика и, повидимому, не замѣтила инцидента.

— Ричмондъ — пересадка! — прокричалъ кондукторъ.

— Я совсѣмъ одеревенѣла,—замѣтила Тэбита, когда они шли по людной улицѣ.—А вы?

— И я также; вы очень добры, что спрашиваете.

— Можно подумать, что я спросила о вашемъ здоровьи, — замѣтила она съ полуулыбкой.

— Я считаю за доброту, что вы спрашиваете меня о чемъ бы то ни было,—отвѣтилъ онъ упрямо.

— Такъ я еще подбавлю доброты: любите вы воду?

— Да, для питья и мытья.

— Я подразумѣваю катанье въ лодкѣ.

Тедъ опустилъ голову.

— Я никогда не пробовалъ грести.

— А дойдете вы до Теддингтона?

— Дойду вдвое далѣе.

— Посмотримъ.

Когда они шли берегомъ рѣки, сердце Теда забило тревогу. Здѣсь уединеніе было полнымъ и онъ былъ увѣренъ, что открытіе таинственной цѣли этой прогулки не заставитъ себя ждать.

— Вотъ денекъ-то выпалъ!—замѣтила Тэбита, озираясь вокругъ жадными глазами.

— Да,—согласился Тедъ, думая, не служитъ-ли это невинное замѣчаніе вступленіемъ къ какому-нибудь важному сообщенію. Ему казалось, что надъ головой его виситъ мечъ.

— Какъ хороша рѣка!—продолжала Тэбита.—Кажется, взяла бы ее въ свои объятія и укачивала.

Тедъ искренно пожалѣлъ, что онъ не похожъ на рѣку, и замѣтилъ:

— По крайней мѣрѣ, здѣсь она имѣетъ болѣе джентельменскій видъ, чѣмъ около Лондонскаго моста.

— Она знаетъ, гдѣ ей чѣмъ быть. Въ городѣ она служанка, безропотно исполняющая всякую грязную работу; а по выходѣ изъ городскихъ улицъ она принаряжется и вступаетъ въ деревню барыней, съ сознаніемъ, что и она въ правѣ наслаждаться жизнью, какъ всякій, кто добросовѣстно исполнилъ свое дѣло... Что это?—слышите?

— Кажется, дроздъ,—отвѣтилъ Тедъ, прислушиваясь къ раздавшейся возлѣ нихъ музыкѣ полей.

— Можете вы разобрать, что онъ поетъ?

— Нѣтъ; какъ же это?

— А я могу. Онъ поетъ, что ему веселѣе живется, чѣмъ его братьямъ на птичьемъ рынкѣ въ Шордичѣ.

Тедъ взглянулъ на нее сбоку. Онъ не понималъ, что съ нею сдѣлалось: болтаетъ, какъ малое дитя, и лицо стало такое молодое. Онъ еще никогда не видалъ ее такою. Пожалуй, еще придумаетъ какую-нибудь проказу.

И она въ самомъ дѣлѣ придумала.

— Если бы не народъ, я пустилась бы съ вами взапуски.

— Или полѣзли бы на дерево,—замѣтилъ Тедъ.

— А что вы думаете?—И полѣзу!— отвѣтила она обернувшись и наступая на него; а потомъ расхохоталась, замѣтивъ, что удивленіе Теда перешло въ страхъ.

— Кажется, я напугала васъ,—проговорила она сквозь смѣхъ.

— Я перестаю понимать васъ, — признался онъ.

Да, онъ не понималъ ея. Озабоченный своими опасеніями, онъ не могъ понять въ эту минуту, что солнечный свѣтъ, — самый опьяняющій напитокъ, и самый старый, потому что хранится въ погребахъ у Бога. А Тэбита жадно пила его; вотъ онъ и бросился ей въ голову.

— Сколько счастливыхъ людей есть на свѣтѣ! — сказала она, немного погодя.

— Да, есть таки,—промолвилъ сквозь зубы Тедъ, глядя на пеструю флотилію лодокъ съ пассажирами, полными жизнерадостнаго возбужденія.

— Мнѣ кажется, однако, что счастливые люди достойны сожалѣнія,—въ раздумьи продолжала Тэбита. — Какъ имъ должно быть страшно за свое счастье! Какъ должна мучить ихъ мысль, что оно не будетъ такъ продолжительно, какъ бы имъ хотѣлось!

Она неопредѣленно думала о самой себѣ, о томъ, что она будетъ чувствовать, когда солнце зайдетъ.

Пессимистъ Тедъ съ готовностью подхватилъ эту мысль и соревнованіе его направилось къ осужденію недальновидныхъ глупцовъ, забывающихъ о непрочности всего земнгоо. По странному противорѣчію, пессимизмъ его возвратилъ Тэбитъ ея жизнерадостное настроеніе. Быть можетъ, онъ напомнилъ ей, что благоразумнѣе брать счастье, когда оно встрѣчается, не размышляя, надолго ли его хватитъ. Она заговорила о Джимѣ, о томъ, какъ онъ наслаждался бы картинами природы, о вандализмѣ провинціальнаго совѣта по отношенію къ «Фальстафу», о звѣрскомъ убійствѣ, совершенномъ въ Лондонѣ въ прошлую ночь и взволновавшемъ весь околотокъ. Разъ только къ ней опять вернулось ея пессимистическое настроеніе: это, когда она остановилась нарвать нарциссовъ—«потому, объяснила она, что ей жаль видѣть, какъ эти прелестные цвѣты склоняютъ головки, словно прося милостыни».

И во все это время ни слова о дѣлѣ, даже ни малѣйшаго упоминанія о матери Теда, что могло бы послужить такимъ удобнымъ переходомъ къ дѣлу. Разумѣется, и Тедъ, благодарный судьбѣ за отсрочки, не наводилъ на него ни малѣйшимъ вопросомъ. Вотъ показался въ виду и Теддингтонъ, и Теду пришло въ голову, что онъ выдвинулся, чтобы встрѣтить ихъ на полдорогѣ. Не ожидала, повидимому, и Тебита, что онъ появится такъ скоро, и казалось даже, что близость его привела ее въ нѣкоторое безпокойство. Она стала пытливо озираться и разговоръ спутниковъ, въ сущности бывшій монологомъ, ограничивался теперь отрывистыми фразами.

Практическое предложеніе напиться чаю, сдѣланное Тедомъ, облегчило натянутое положеніе.

— По шиллингу съ головы, — сказала Тэбита сомнѣвающимся тономъ, просмотрѣвъ выставленный въ окнѣ прейсъ-курантъ.

— Я очень радъ, что кто-нибудь оцѣниваетъ мою голову въ цѣлый шиллингъ,—сухо замѣтилъ Тедъ.

Тэбита засмѣялась и вошла за нимъ въ ресторанъ, гдѣ они заняли отдѣльный столикъ въ углу. Чай оказался замаскированнымъ нектаромъ, хлѣбъ и масло свѣжими, молока и сахара въ волю; тортъ не старше одной недѣли. Тэбита сдѣлала честь угощенію, но Тедъ, несмотря на ея поощренія, одобрилъ его только теоретически. Онъ попользовался только умывальникомъ за два добавочныхъ пенса.

— Идемъ посидѣть на берегъ,—предложила Тэбита, когда они снова сошлись.

Тедъ былъ на все согласенъ. Они выбрали удобное мѣстечко на травѣ, съ котораго только что сошла другая парочка и откуда видѣнъ былъ клокочущій водоворотъ около плотины. Солнце дошло до высшей точки, какъ бы желая бросить послѣдній взглядъ на свое дѣло во всей его полуденной красѣ, прежде чѣмъ заклятый врагъ его, ночь, накинетъ на все свой темный покровъ. Рѣка сіяла и, какъ казалось Тэбитѣ, бросала вызовъ всѣмъ случайностямъ будущаго... А что будетъ послѣ заката солнца?.. думалось Тэбитѣ.

Тихое восклицаніе Теда прервало ея мысли.

— Глядите! — воскликнулъ онъ и обративъ глаза, куда онъ указывалъ, она увидѣла неподалеку причалившую къ берегу лодку, изъ которой мужчина помогалъ высаживаться молодой дѣвушкѣ. Мужчина стоялъ спиною къ Тэбитѣ и солнце было у нея передъ глазами, тѣмъ не менѣе она сейчасъ же узнала фигуру мужчины, а по хохоту дѣвушки, когда лодка его неожиданно покачнулась, угадала, кто его спутница.

Тэбита почти безсознательно поднялась на ноги и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Тедъ послѣдовалъ за нею, и оба остановились на дорогѣ приближающейся четы.

— Тэбита!.. Кто бы могъ ожидать?.. И Тедъ съ нею!—вскричала Модъ Мэршаль и побѣжала къ нимъ на встрѣчу.

Дакръ послѣдовалъ за нею, не спѣша, и благодушно улыбаясь.

— Пріятно время проводите, миссъ Вентноръ? Здѣсь получше, чѣмъ въ «Фаль-

стафѣ», не такъ ли? И простора, и воздуха поболѣе.

— Много болѣе, мистеръ Дакръ,— отвѣтила Тэбита, глядя ему прямо въ глаза.

— Ты меня совсѣмъ забыла,—дружески сказала Модъ.

— Собиралась не разъ, но вѣдь я не могу уходить со двора во всякое время.

— Знаю,—братъ твой... Какъ онъ себя чувствуетъ?

— Все такъ же.

— А что съ вашимъ братомъ?—спросилъ Дакръ.

— Братъ Тэбиты расшибся года два тому и съ тѣхъ поръ не встаетъ,— пояснила Модъ.—Онъ повредилъ себѣ спину.

— Въ самомъ дѣлѣ?—въ раздумьи проговорилъ Дакръ.

— Онъ очень хорошій малый, сэръ, и хорошо рисуетъ картинки,—засвидѣтельствовалъ Тедъ, выступивъ впередъ.

— Да?—вымолвилъ Дакръ съ возрастающимъ участіемъ.—Однако намъ надо спѣшить—вонъ нашу лодку ведутъ черезъ прибой. Добраго вечера, миссъ Вентноръ! Прощайте, Тедъ!

— Приходи же ко мнѣ, — сказала Модъ Тэбитѣ.—Я живу все тамъ же.

— Приду при первой возможности,— отвѣтила та.

Она не провожала ихъ глазами и глядѣла въ другую сторону, но минуту спустя услышала, что Дакръ кликнулъ Теда. Тотъ поспѣшилъ на зовъ.

— Не пригодится ли вамъ долларъ?

— Нѣтъ, сэръ, благодарю васъ. Не принимайте отказа въ обиду,—отвѣтилъ Тедъ.

— Нисколько, мнѣ нравится ваша самостоятельность. Но въ случаѣ надобности, не стѣсняйтесь—во всякое время.

Вернувшись къ Тэбитѣ, Тедъ нашелъ ее сидящею на прежнемъ мѣстѣ; онъ послѣдовалъ ея примѣру.

— Отчего вы не взяли денегъ?—спросила она, не глядя на него и не замѣчая, что онъ покраснѣлъ при этомъ вопросѣ.

Тедъ медлилъ отвѣчать, пока она не повторила вопроса.

— Вы не разсердитесь, если я скажу правду?

— Конечно, нѣтъ.

— Я хотѣлъ, чтобы вы знали, что мы дѣлаемъ эту прогулку на мой счетъ, а не на счетъ кого нибудь другого.

Тэбита кивнула головой, видимо находя это объясненіе вполнѣ естественнымъ, и у Теда отлегло отъ сердца. Несмотря на ея обѣщаніе не сердиться, онъ сказалъ правду не безъ страха. Ему казалось однако, что она не разсердилась лишь потому, что не дала себѣ труда вникнуть въ смыслъ его словъ. Безъ сомнѣнія, она думаетъ теперь о пассажирахъ невидимой уже лодки по ту сторону плотины. Теду стало жаль ея больше, чѣмъ самого себя, и въ своемъ желаніи утѣшить ее онъ поднялся до героизма.

— Я слышалъ, что между ними нѣтъ ничего такого,—сказалъ онъ, указавъ жестомъ въ сторону, гдѣ скрылась лодка.

— Я и не спрашиваю, есть ли,— мягко возразила Тэбита.

Это поощрило его продолжать.

— Какъ-то разъ вы спросили и я отвѣтилъ, что есть. До сихъ поръ никто ничего не слыхалъ, а вѣдь они уже довольно давно знакомы. Что же касается до ихъ прогулки въ лодкѣ, то вѣдь сотни другихъ молодыхъ людей катаются такъ съ дѣвушками, и это ровно ничего не означаетъ.

Тэбита съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Можно подумать, Тедъ, что я утверждаю противное. Право, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до этого.

Лицо Теда вытянулось; онъ проклялъ себя за неловкость, явно повредившую его цѣлямъ. Понятно, Тэбита притворяется; вѣдь она не знаетъ, что ему извѣстно. Теперь она разсердилась и, конечно, отплатитъ ему тѣмъ, что сейчасъ же заговоритъ о дѣлѣ его матери и откажетъ въ ея просьбѣ. Но вмѣсто того, она сказала;

— Я готова бы всю жизнь просидѣть на этомъ мѣстѣ.

— А какъ же на счетъ закуски?

Она слегка разсмѣялась, и Тедъ радъ былъ и этому тихому смѣху.

— Ну, вотъ, вы все испортили! Я только что начала было чувствовать—какъ бы это выразить?—«романтическое» настроеніе, какъ сказала бы Феба.

Въ словарѣ Теда не было такого слова, и онъ попросилъ объясненія.

— Это родъ пріятной истомы.

— А! знаю! это въ родѣ того, что мы чувствуемъ, когда читаемъ о привидѣніяхъ.

— Не совсѣмъ то—не холодокъ на спинѣ, а наоборотъ: ощущеніе чего-то теплаго, пріятнаго; вамъ хорошо, но вы все-таки чувствуете желаніе чего-то лучшаго, чего никакъ не можете опредѣлить.

Передъ такимъ сложнымъ ощущеніемъ Тедъ почувствовалъ благоговѣйный страхъ.

— Значитъ, я лишилъ васъ удовольствія. Очень сожалѣю. А все же не мѣшало бы закусить, какъ вы думаете?

Передъ такимъ упорнымъ матеріализмомъ Тэбита не сочла возможнымъ продолжать отвлеченные разговоры и перешла къ болтовнѣ о вседневныхъ дѣлахъ. Между тѣмъ рѣка у ногъ ихъ порозовѣла и тихій ропотъ ея напоминалъ лепетъ дремлющаго ребенка. Солнце уже заходило.

Тэбита слегка содрогнулась.

— Какъ быстро начинаетъ смеркаться!—сказала она, вставая.

— И свѣжо становится,—добавилъ Тедъ.—Вотъ у меня шелковый носовой платокъ — совсѣмъ чистый, — не хотите ли?

— Благодарю,—отвѣтила она, не ломаясь, и надѣла платокъ на шею. Ей стало совсѣмъ тепло. Она поняла теперь, отчего она содрогнулась; минутой раньше она не знала, отъ вечерней ли свѣжести, или отъ страха, что день кончается; но вотъ солнце зашло и отъ его возбудающей силы остался только осадокъ—темнота. И однако, Тэбита чувствовала себя лучше, чѣмъ ожидала. Жизнерадостный подъемъ ея духа не повлекъ за собою самоуничиженія или, что еще хуже, дряблаго отупѣнія, потери способности взвѣшивать причины и послѣдствія. Умъ ея былъ совершенно ясенъ и спокоенъ; она хорошо сознавала, что послѣ перваго, судорожнаго толчка, испытаннаго ея сердцемъ при видѣ Дакра, въ ней все вдругъ улеглось и успокоилось. Она могла даже спокойно представлять себѣ, какъ онъ и его спутница скользятъ теперь въ лодкѣ по гладкой поверхности рѣки, и ночь смотритъ на нихъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Ей думалось и о другомъ: не было ли вызвано ея жизнерадостное настроеніе въ этотъ день сознаніемъ, что въ ея жизни что-то восполнилось? Она снискала любовь, по крайней мѣрѣ, одного мужчины и сравнялась такимъ образомъ со всѣми другими женщинами.

И однако она намѣрена отказаться отъ этого пріобрѣтенія и остаться бѣднѣе, чѣмъ она была. Зачѣмъ же? Она не знаетъ, что съ нимъ дѣлать? Но со временемъ можетъ узнать, а до тѣхъ поръ не лучше ли попридержать его? Правда, это отзывается грубымъ эгоизмомъ; но какъ не быть эгоистичной, когда представившійся случай, разъ упущенный, уже не встрѣтится болѣе никогда въ жизни.

Такимъ образомъ обѣщаніе, данное матери Теда, осталось неисполненнымъ, хотя онъ ждалъ исполненія до самой послѣдней минуты, когда надо было садиться въ омнибусъ. Тэбита попросила не провожать ее далѣе, желая избавить Теда отъ долгаго обратнаго пути изъ Вальворта домой.

— Окажите мнѣ одну милость,—пробормоталъ онъ, запинаясь.

— Хорошо, если это не очень затруднительно,—отвѣтила она съ улыбкой.

— Позвольте поцѣловать вашу руку.

Она вошла подъ тѣнь ближнихъ воротъ и, молча, протянула ему руку.

. . . .

Миссиссъ Чикори была женщина осторожная: она ни о чемъ не разспрашивала сына, разсчитывая на то, что скажетъ ей его аппетитъ. Онъ далъ свѣдѣнія вполнѣ удовлетворительныя. Но самъ Тедъ все еще оставался въ недоумѣніи.

— Мама,—спросилъ онъ,—о какомъ дѣлѣ она должна была говорить со мною? Она не говорила ничего подобнаго.

— Не говорила?—Въ глазахъ м-ссъ Гликори блеснулъ торжествующій огонекъ.—Такъ и не разспрашивай. Узнаешь все въ свое время.

XVI.

Погода не сдержала обѣщанія и, сдѣлавъ съ своей стороны все, что могла для успѣшности экскурсіи Теда и Тэбита, вдругъ обнаружила полное невниманіе къ удобствамъ другихъ гуляющихъ. На рѣкѣ и озерахъ произошла сумятица, а въ городѣ многія сердца исполнились признательности судьбѣ за своевременное возвращеніе ихъ подъ кровъ съ рѣкъ, озеръ и морей.

Извѣстно, что нѣтъ худа безъ добра; это испытывалъ на другой день и Джимми, коротавшій время въ разговорахъ съ безгласнымъ Таузеромъ. Дождь пригналъ къ нему Фебу, а главное, Фебу въ «натуральномъ» видѣ.

— Я не ропталъ бы на дождь,—сказалъ онъ,—если бы онъ не отнялъ у меня свѣта.

Передъ нимъ лежалъ картонъ съ портретомъ Тэбиты. Это была уже пятая попытка, впрочемъ, обѣщавшая быть удачнѣе другихъ, благодаря тому, что Тэбита, не знавшая о назначеніи этого портрета, согласилась раза два позировать.

— Отложите ненадолго; погода прояснится,—сказала Феба, поднявъ повыше стору.—Теперь всего десять часовъ. У васъ цѣлый день впереди.

— Не могу, Феба; что-то толкаетъ меня продолжать. Этотъ день впереди, а много ли другихъ?

— Тысячи двѣ,—наугадъ сказала Феба.

— Сохрани Боже!—съ ужасомъ вскричалъ Джимъ.—Единственная вещь, которая меня еще поддерживаетъ, это надежда, что я перейду въ лучшій міръ прежде, чѣмъ успѣю совсѣмъ разложиться здѣсь.

— Джимми! дурной мальчикъ!

— А если дурной, такъ и заслужу свою репутацію,—и онъ выпалилъ цѣлый залпъ проклятій.

Феба зажала себѣ уши.

— Джимми, перестаньте! Мои уши не сорные ящики.

— Не думайте, что это я впервые; я только при слушателяхъ сдерживался до сихъ поръ.

— Что пользы въ этомъ, Джимъ?

— Ахъ, Феба, Феба! вы такъ хорошо знаете свѣтъ, а не можете заглянуть въ душу такого бѣдняка, какъ я. Вы думаете, если я лежу смирно и не бронюсь, то значитъ я спокоенъ, какъ младенецъ съ соской во рту. Нѣтъ, Феба, много борьбы видѣла эта комната!

— И никто не знаетъ и никогда не узнаетъ этого,—сказала Феба, у которой навернулись слезы на глазахъ.—Вы могли бы служить нравственнымъ урокомъ для милліоновъ людей. Развѣ эта мысль не утѣшаетъ васъ, Джимми?

— Нисколько, Феба; напрасно стараетесь. Я хотѣлъ бы быть человѣкомъ, а не нравственнымъ урокомъ. Вы не знаете: я чувствую себя иногда такимъ эгоистомъ, что если-бы всѣ люди были со сломанными спинами, а я одинъ ходилъ на двухъ ногахъ и работалъ за всѣхъ, то, кажется, я не испугался бы такой обузы.—Что это?

— Что такое?—спросила Феба, удивленная внезапнымъ перерывомъ.

— Развѣ вы не слышите, что на лѣстницѣ разговариваютъ? Мнѣ послышалось наше имя.

Феба сомнительно покачала головой, но Джимъ настаивалъ; ничто такъ не изощряетъ чувствъ, какъ постоянное уединеніе. Феба отворила дверь.

— Боже это бобби *) пришелъ за паспортомъ Таузера! Кто-нибудь насплетничалъ на насъ,—прошепталъ Джимми, торопливо пряча подъ одѣяло удивленную собаку.

— Не думаю,—возразила Феба, поглядѣвъ черезъ перила лѣстницы. Это двое мужчинъ въ цилиндрахъ.

— Быть можетъ, судейскіе—пришли описывать наше имущество за неуплату ренты за послѣднюю недѣлю,—сказалъ Джимми, съ облегченіемъ вздохнувъ.

Феба услышавъ поднимающіеся по

*) Bobby—прозвище полицейскихъ.

лѣстницѣ шаги, прихлопнула дверь со смутнымъ намѣреніемъ дать отпоръ осаждающимъ. Шаги остановились за дверью и кто-то постучался въ нее твердой рукой, хотя и не громко.

— Это стучитъ джентльменъ,—прошептала Феба, обернувшись къ коменданту крѣпости, Джимми.—Отворить?

— Высуньте голову,—былъ отвѣтъ.

— Мнѣ сказали, что миссъ Тэбита Джупъ здѣсь живетъ, — проговорилъ одинъ голосъ.

— Ея нѣтъ дома,—коротко отвѣтила Феба.

— Намъ не она нужна, сударыня,—учтиво продолжалъ тотъ же голосъ.—Мы пришли къ ея больному брату. Онъ, конечно, дома.

И говорившій мягкимъ давленіемъ отворилъ дверь. Но Джимъ запротестовалъ.

— Не пускай ихъ, Феба! Они изъ больницы, чтобы рѣзать меня. Ужъ они приходили разъ въ началѣ моей болѣзна. Неужели вы не можете подождать, пока я превращусь въ трупъ? Тогда и рѣжьте сколько хотите.

Посѣтители однако вошли и Джимми выпалилъ имъ въ лицо свое негодованіе.

— Голосъ-то у него здоровый, Ольджи!—сказалъ одинъ изъ нихъ, который казался значительно старше другого.

— Очень радъ, что вы такъ думаете, Макъ,—отвѣтилъ Дакръ и добродушно обратился къ онѣмѣвшему Джимму.

— Позвольте, мистеръ Джупъ, объяснить вамъ причину нашего прихода. Я узналъ о вашей болѣзни отъ нашего общаго пріятеля и позволилъ себѣ привести къ вамъ доктора Эндрю Макъ-Микэля изъ Гарвей Стрита. Я надѣюсь, что вы не откажетесь полѣчиться у него.

— Сэръ Эндрю Макъ-Микэль первый англійскій спеціалистъ по спиннымъ болѣзнямъ,—съ живостью обратилась Феба къ Джимму.

— А вы почему знаете это?—спросилъ Дакръ, пристально глядя ей въ лицо.

Отъ этого взгляда и неожиданнаго вопроса Феба вспыхнула и потомъ поблѣднѣла.

— Я... я читала въ газетахъ.

Но Джимми продолжалъ пытливо глядѣть на посѣтителей.

— Скажите, Бога ради, правду, джентльмены: вы не шутите надо мною?

Вмѣсто отвѣта, сэръ Эндрю попросилъ Фебу отвернуться ненадолго лицомъ къ стѣнѣ и приступилъ къ осмотру больного, не переставая разспрашивать о подробностяхъ случившагося съ нимъ несчастія. По временамъ онъ одобрительно кивалъ на его разумные отвѣты. Когда осмотръ кончился, Фебѣ разрѣшили повернуться.

— Простая костоѣда, но осложненная небрежностью и безсовѣстнымъ лѣченіемъ,—сказалъ вполголоса сэръ Эндрю Дакру, вниманіе котораго дѣлилось между больнымъ и Фебою.

— Надежды нѣтъ?—шепнулъ тотъ.

— Напротивъ, много; за это я ручаюсь. Слушайте, милый мой,—обратился онъ къ Джиму,—приготовьтесь снова владѣть вашими обрубками, какъ вы ихъ называете. Нужна легкая операція—конечно, не совсѣмъ пріятная—а потомъ дополнительное лѣченіе хорошей пищей и прочимъ. Затѣмъ, вы сами увидите, что вамъ нужно дѣлать, чтобы наверстать два потерянныхъ года.

— Да неужели, сэръ, вы хотите сказать...—началъ Джимъ хриплымъ голосомъ.

— Именно это; но первое условіе—не волноваться. Я уѣзжаю на вакацію и вернусь не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. До тѣхъ поръ...

— Погодите минуту, Макъ,—перебилъ Дакръ.

Онъ поднялъ съ полу упавшій картонъ съ портретомъ Тэбиты и поднесъ его къ свѣту.

— Это вы рисовали?—спросилъ онъ.

— Я, сэръ,—отвѣтилъ Джимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Это ваша сестра? Очень удачная попытка. Посмотрите, Макъ.

Сэръ Эндрю подошелъ. Отецъ его былъ великій художникъ. Поглядѣвъ на рисунокъ, докторъ обратился къ Джиму, говоря:

— Я вернусь черезъ недѣлю. Ради этого—стоитъ.

Феба, раскаиваясь въ своей неосто-

рожности, которая могла возбудить нежелательное лыбопытство, держалась въ глубинѣ комнаты. Ей пришлось однако выйти изъ своего угла, когда Дакръ сталъ прощаться съ нею; но пристальный взглядъ его заставилъ ее снова попятиться назадъ.

— Я очень радъ, что вы привели меня сюда,—сказалъ сэръ Эндрю, когда они сѣли въ экипажъ, изгнавъ изъ него предварительно полдюжины мальчишекъ, воспользовавшихся дремотой толстаго кучера.—Право, очень радъ. Кто знаетъ, быть можетъ, мнѣ удастся подарить Англіи втораго Лейтона.

— Ужъ вы хотите слишкомъ крупнаго гонорара, — со смѣхомъ сказалъ Дакръ.—Серьезно, мы сдѣлали доброе дѣло, что пріѣхали сюда; и не одному этому больному парню послужитъ оно на пользу.

— А кому еще?

— Этой женщинѣ; замѣтили вы ее?

— Да, это что-то не мѣстное, красивый обломокъ разбитаго судна.

— Я видѣлъ, какимъ оно было до бури.

— Какимъ образомъ? Вы не могли ее знать въ то время.

— Я видѣлъ въ послѣдніе два года ея портретъ, писанный масляными красками. Онъ выставленъ въ конторѣ нотаріуса Прескота, который ведетъ мои дѣла съ кліентами. У нотаріуса лежитъ для нея куча денегъ, завѣщанныхъ ей однимъ родственникомъ—не мужемъ, кстати сказать—и вотъ фирма выставила въ своей пріемной ея портретъ, написанный тридцать лѣтъ назадъ, въ надеждѣ, что изъ многихъ сотенъ ея кліентовъ кто-нибудь признаетъ оригиналъ и укажетъ, гдѣ его найти. Однажды они напали на ея слѣдъ, гдѣ-то въ Бермондсеѣ, гдѣ ее знаютъ подъ именемъ Фебы—Фебы Галлаганъ.

— Ну, и что же?

— Но она ускользнула отъ нихъ и съ тѣхъ поръ, какъ сквозь землю провалилась. Эта женщина, что мы видѣли у Джупа, несомнѣнно она. Каррикатура слишкомъ похожа на портретъ, чтобы не узнать. Да и Джупъ называлъ ее Фебой—обратили вы вниманіе? Къ тому же, ея акцентъ и тотъ фактъ, что она знаетъ васъ, ясно говорятъ о близости ея къ высшимъ общественнымъ слоямъ. Воображаю, какъ обрадуется этой находкѣ старикъ Прескотъ! Завезите меня въ первую почтовую контору; я телеграфирую ему. Я могъ бы зашибить сотню-другую на этомъ дѣлѣ, но не хочу—это было бы похоже на Христопродавство.

— Удивительное совпаденіе!—вскричалъ сэръ Эндрю.

— Ну, вотъ и почта! Благодарю за услугу.

— Не за что, Ольджи. Вы знаете, что я готовъ все сдѣлать для сына вашей матери, — сказалъ сэръ Эндрю, когда экипажъ остановился.

Докторъ былъ холостякъ.

Телеграмма Дакра произвела свое дѣйствіе, пріуготовивъ въ тотъ же самый день для обитателей мансарды дома Мантэга новый сюрпризъ. Онъ явился въ видѣ толстаго джентльмена, краснаго и потнаго, который вошелъ въ комнату Джуповъ, оставивъ двухъ человѣкъ своей свиты на лѣстницѣ.

— Прескотъ, отъ фирмы Прескотъ и Гиндъ, душеприказчиковъ полковника Мэрчбанка,—отрекомендовался онъ Фебѣ, чистившей очагъ.—Вы, если не ошибаюсь—гм!—миссиссъ Феба Галлаганъ?

Феба прислонилась къ спинкѣ кровати Джима, чтобы не упасть.

— Ну, положимъ, что это я; что же изъ этого?—рѣзко отвѣтила она.

— Феба Галлаганъ — это, конечно, ваше *alias*,—вкрадчиво сказалъ нотаріусъ.

— Господь съ вами! Съ чего это вамъ вздумалось со мною по-французски говорить,—сказала Феба, искусно подражая простонародному жаргону.

Но Прескотъ былъ опытенъ въ своей профессіи, и зналъ, когда надо дѣйствовать прямо.

— Напрасное притворство, миссисесъ Тальботъ—да, миссиссъ Тальботъ; вѣдь вамъ, вѣроятно, извѣстно, что вы въ правѣ носить это имя, такъ какъ мужъ вашъ свернулъ себѣ шею на охотѣ раньше, чѣмъ прошеніе о разводѣ полу-

чило ходъ... Какъ видите, мнѣ извѣстна ваша не совсѣмъ веселая исторія, и съ вашего позволенія, я объясню подробнѣе то дѣло, по которому пришелъ.

Феба молчала; у нея кружилась голова. Однако, она ясно понимала, что ей не устоять передъ рѣшимостью этого человѣка.

— Итакъ, — продолжалъ нотаріусъ, принявъ ея молчаніе за согласіе,—вашъ братъ, Джонъ Мэрчбанкъ, о смерти котораго, два года тому назадъ, вы, вѣроятно, извѣщены...

— Да, Ллойдомъ,—прошептала Феба, кивнувъ.

— Оставилъ вамъ наслѣдство въ знакъ прощенія васъ за... ну, вы знаете, за пятно на фамильномъ гербѣ и прочее. Простите, но дѣло требуетъ констатированія фактовъ. Далѣе: въ завѣщаніи выговорено, что душеприказчики обязаны искать васъ впродолженіи пяти лѣтъ, послѣ чего—или ранѣе, въ случаѣ несомнѣнныхъ доказательствъ вашей кончины, наслѣдство должно перейти въ казну. Нѣсколько времени тому назадъ мы напали на слѣдъ вашъ въ юго-восточномъ Лондонѣ, но успѣли только узнать, подъ какимъ именемъ вы скрываетесь. Дальнѣйшихъ объясненій вамъ надо подождать до завтра. Въ удостовѣреніи вашей личности не встрѣтится затрудненій—у васъ должны быть какіе-нибудь фамильные документы, а не то можно прибѣгнуть къ очной ставкѣ.

— У меня есть всѣ нужныя бумаги,—съ живостью перебила Феба.

— И прекрасно. Я полагаю, что возвращеніе вамъ достатка будетъ очень кстати для васъ, особенно при слабомъ, повидимому, здоровьи вашего сына.

— Моего сына?—повторила Феба и, понявъ взглядъ нотаріуса на Джимми, сдѣлала отрицательный жестъ.

— А я все время былъ увѣренъ въ этомъ,—въ смущеніи промолвилъ Прескотъ,—иначе я не говорилъ бы о вашихъ дѣлахъ такъ откровенно. Сдѣлайте мнѣ честь побывать завтра въ четыре часа въ нашей конторѣ,—позвольте вручить вамъ мою карточку,—тамъ мы потолкуемъ основательно. А пока вотъ маленькій задатокъ—ахъ! Какая досада! При мнѣ одинъ соверенъ, я спрошу у моихъ клерковъ.

— Не трудитесь спрашивать,—остановила Феба,—соверена достаточно.

Повторивъ свое приглашеніе на завтрашній день, Прескотъ ушелъ и въ комнатѣ наступило долгое молчаніе. Феба крѣпко задумалась, а Джимъ чувствовалъ, что нарушать ея думы было бы нѣкотораго рода святотатствомъ. Прошло, однако, нѣкоторое время, прежде чѣмъ мысли ея пришли въ порядокъ; въ головѣ ея все перевернулось отъ избытка сильныхъ ощущеній. Это было первое прямое извѣстіе изъ того міра, которому она измѣнила; ее окликнулъ оттуда голосъ покойнаго брата Джэка. Какъ строго, хотя бы и по дѣломъ, тамъ осудили ее, если даже онъ, горячо любившій ее въ былое время, простилъ ее только на краю могилы.

Но счастье, которое могло бы дать ей неожиданное наслѣдство,—пока она еще не чувствовала этого счастья,—состояло бы не въ сознаніи, что она высвободится, наконецъ, изъ грязи, въ которой увязла, покончитъ съ презрѣнной и нищенской жизнью, которую вела столько долгихъ лѣтъ; ее радовала не перспектива физическаго комфорта, отъ котораго тѣло ея уже отвыкло,—нѣтъ, ее радовала мысль, что искупленіе, быть можетъ, приближается. Богъ шлетъ ей средства подготовиться къ нему среди внѣшней опрятности и съ чувствомъ самоуваженія, которое, можетъ быть, вернется къ ней, когда она перестанетъ вести свою настоящую собачью жизнь. И во всѣхъ ея размышленіяхъ проходило красною нитью странное довольство собою отъ того, что инстинктъ увелъ ее изъ Бермондсея, подсказалъ ей, что ее ищутъ лазутчики, подосланные ея старыми друзьями, состраданія которыхъ она боялась пуще всего въ мірѣ. Этотъ страхъ и побудилъ ее прибѣгнуть къ притворству передъ Прескотомъ.

Но теперь она застрахована противъ всего. Она возьметъ съ собою Джима и Тэбиту, или, по крайней мѣрѣ, Джима въ какой-нибудь здоровый сельскій уголокъ, гдѣ она будетъ экономно пользоваться своимъ богатствомъ, и Богъ дастъ...

— Что вы думаете объ этомъ, Джимми?—вдругъ спросила она.

— Я думаю, Феба, что если вамъ достанется въ наслѣдство больше пяти совреновъ, то вы, быть можетъ, не откажете ссудить намъ семь шиллинговъ на внесеніе налога за Тоузера и на покупку ему намордника для того, чтобы онъ могъ иногда побѣгать по улицѣ. Онъ что-то блѣденъ. Надѣюсь, что не боленъ.

XVII.

На слѣдующій день, въ кухнѣ м-ра Бонкера снова происходило дѣловое совѣщаніе между нимъ и Джошуа. Опять явились на сцену его топографическія замѣтки.

— Вотъ маленькая вилла въ Вандевортской общинѣ. Рядомъ пустой сарай. Самое легкое дѣло изъ всѣхъ, какія мнѣ встрѣчались. Ты—то бишь, мы войдемъ въ сарай, перелѣземъ черезъ заборъ на задній дворъ и войдемъ въ первую дверь,—вотъ и все. Одно только: заборъ каменный и высокій: футовъ семь вышины. Такому пудовику, какъ я, черезъ него рискованно перелѣзать; кирпичи могутъ осыпаться и нашумѣть. Но у тебя ноги паука; ты перелѣзешь, какъ пухъ. А въ домѣ, кажется, только однѣ женщины, да нѣсколько ребятишекъ, и—онъ значительно поднялъ къ носу палецъ,—нѣтъ собакъ. Какъ я узналъ это? Я постучался и сказалъ, что продаю патентованные намордники для собакъ, чтобы предохранить бѣдныхъ животныхъ отъ жестокости парламента. Ребятишки захихикали и объявили мнѣ, что у нихъ нѣтъ собакъ, а есть только семь злющихъ кошекъ. Ты видишь изо всего этого—что? Что ты хочешь сказать?

Бонкеръ, преодолѣвъ главное затрудненіе въ своемъ планѣ—доказать свою неспособность перелѣзать черезъ заборы, продолжалъ изливать потокъ своего краснорѣчія; но его вдругъ остановило какое то странное выраженіе глазъ Джошуа.

— Что я хочу сказать? — началъ тотъ,—а вотъ что: я вижу вашу игру; вы хотите, чтобы я за васъ каштаны таскалъ изъ печи, а вы мнѣ поможете,—такъ? Вы, я вижу, давно носитесь съ этой мыслью и стараетесь умаслить меня, въ надеждѣ, что я пойду ломать себѣ ноги за заборомъ, пока вы будете стоять за угломъ и ждать своего куска ветчины. Нѣтъ, старый котъ, ошибаетесь! Если понадобится перелѣзать черезъ заборы, то перелѣземъ не иначе, какъ вдвоемъ. Поэтому, чѣмъ скорѣе вы постараетесь избавиться отъ лишняго жира, тѣмъ скорѣе мы примемся за дѣло.

Бонкеръ нѣсколько разъ пытался протестовать, но Джошуа всякій разъ прерывалъ его оглушительными ударами кулака по столу. Когда же онъ кончилъ и настала очередь говорить обвиняемому, Бонкеръ предпочелъ замкнуться въ величественное молчаніе и скромный кухонный стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, превратился въ пьедесталъ оскорбленнаго достоинства.

Джошуа почувствовалъ невольное благоговѣніе и дальнѣйшія горькія истины удержалъ про запасъ. Постепенно лицо Бонкера приняло выраженіе горькой укоризны.

— Онъ думаетъ, что я хочу прятаться за его спиной,—бормоталъ онъ въ видѣ монолога,—онъ считаетъ меня подлымъ трусомъ, сребролюбцемъ,—меня, Берти Бонкера! Да! видно ужъ такова моя судьба—оставаться непонятымъ, какъ и всѣ великіе люди. Но что касается до сребролюбія, то...

— Ну, ладно, Бонкеръ, я погорячился,—сознаюсь. Но зачѣмъ же вы такъ долго тянете съ этимъ дѣломъ?—оправдывался Джошуа, боясь, что онъ зашелъ слишкомъ далеко.

— Долго ли, коротко ли, а горько и тяжко, когда намъ наноситъ смертельный ударъ дружеская рука. Ужъ я не говорю о благодарности за голодные дни и безсонныя ночи, которые мнѣ приходится переживать, чтобы обезпечить тебѣ въ жизни честный кусокъ хлѣба, какъ будущему мужу моей дочери. Вмѣсто благодарности—недовѣріе; и къ кому же? ко мнѣ, который готовъ ввѣрить

тебѣ лучшую часть своего сердца—свою единственную дочь!

Послѣднія слова были сказаны слезливымъ голосомъ. Хотя Бонкеръ и чувствовалъ, что упоминаніе о Нэнси звучало нѣсколько фальшиво, но все же надѣялся, что патетическая тирада окажетъ свое дѣйствіе. Во всякомъ случаѣ, она заставила Джошуа мрачно стиснуть зубы. Онъ посовѣтовалъ Бонкеру не разстраивать себя и забыть его слова, но тотъ, разъ сѣвъ на своего любимаго конька—роли оскорбленной невинности, уже не могъ такъ скоро остановиться.

— Ты думаешь, я меньше тебя теряю отъ этихъ отсрочекъ? Ты думаешь, мнѣ легко перебиваться на гроши? Какъ я сводилъ до сихъ поръ концы съ концами,—я и самъ не знаю. Вѣдь бывало и то, что я открою мѣсто, гдѣ есть золотая руда, и копну лопатой, а оказывается, что тамъ уже успѣлъ кто-то побывать до меня, и все повыбралъ.

Бонкеръ погрузился въ мрачныя размышленія, а тѣмъ временемъ въ умѣ Джошуа мелькнулъ неожиданный свѣтъ: онъ вдругъ понялъ, откуда Бонкеръ бралъ средства на такую продолжительную политику выжиданія. Какъ-то разъ въ разговорѣ онъ намекнулъ, что у него было гнѣздо съ яйцами, которое кто-то разорилъ. Но Джошуа зналъ, что найти что-нибудь спрятанное Бонкеромъ могъ бы одинъ Богъ. Жалобамъ его на скудное питаніе противорѣчили сытные обѣды, за которыми Джошуа заставалъ его раза два въ сосѣднемъ трактирѣ; а качество сигаръ, которыя онъ постоянно курилъ, никакъ не могло быть объяснено даже заработками Нэнси.

Въ груди Джошуа закипало бѣшенство отъ двоедушія этого человѣка, и у него мелькнула мысль сдѣлать его жертвой его же собственныхъ наставленій; но, разумѣется, эта нелѣпая мысль, тотчасъ же покинутая, служила только доказательствомъ крайности, въ которой онъ находился.

Онъ обѣщалъ взять Нэнси въ этотъ вечеръ смотрѣть новую мелодраму, и не исполнить этого обѣщанія—особенно теперь, послѣ такого откровеннаго разговора съ ея отцомъ—значило бы рисковать непоправимымъ разрывомъ. Между тѣмъ, въ карманѣ у Джошуа было всего-на-всего восемь пенсовъ, то-есть не хватило бы даже на два мѣста въ райкѣ, не говоря уже объ угощеніи въ антрактахъ. Чтобы добыть нужную сумму, онъ позанималъ деньги гдѣ только могъ; его связи съ товарищами вообще состояли теперь только въ прошеніи ссудъ. Впрочемъ, долги не слишкомъ безпокоили его, такъ какъ онъ твердо рѣшился разбить челюсть первому, кто заикнется объ его долгѣ въ присутствіи Нэнси. Каковы бы ни были послѣдствія этого, ему все равно.

Бонкеръ продолжалъ жужжать, перемѣшивая самооправданія съ укорами, а Джошуа потѣлъ всѣми порами, думая, какъ мало времени остается ему на рѣшеніе мучающей его финансовой задачи. Было по меньшей мѣрѣ пять часовъ. Въ половинѣ шестого должна была вернуться домой Нэнси, чтобы переодѣться; а въ шесть уже надлежало быть въ театрѣ, чтобы занять мѣсто получше, такъ какъ въ этомъ театрѣ мѣста были ненумерованныя.

Вдругъ Джошуа такъ неожиданно вскочилъ съ мѣста, что Бонкеръ чуть не захлебнулся своею рѣчью. И какъ это раньше не пришло ему въ голову? Впрочемъ, бормотанье этого стараго шута хоть кого отуманитъ.

— Слушайте, Бонкеръ,—сказалъ онъ уже у двери,—я приду завтра утромъ, и тогда махнемъ. Да чтобъ безошибочно! Понимаете?

Бонкеръ понялъ и торжественно обѣщалъ, что завтрашній день будетъ началомъ важныхъ событій. Джошуа уже на улицѣ сообразилъ, что времени остается слишкомъ мало, и вернулся сказать Бонкеру.

— Врядъ ли я успѣю вернуться къ шести часамъ, поэтому скажите Нэнси, чтобы она пришла встрѣтить меня на вокзальномъ мосту въ половинѣ седьмого. Не забудете?

Бонкеръ увѣрилъ, что не забудетъ, и Джошуа выступилъ въ путь, который привелъ его въ домъ Монтэга.

Джимъ былъ не особенно удивленъ его появленіемъ, такъ какъ въ послѣднее

время Джошуа былъ не рѣдкимъ гостемъ у брата и сестры. Но посѣщеніе его въ такой часъ, когда онъ зналъ, что Тэбиты нѣтъ дома, показывало, что онъ пришелъ не для вымогательства денегъ у нея, и такое безкорыстіе понравилось Джиму. Вѣроятно, Джошуа пришла разъ въ жизни мысль навѣстить больного брата ради него самого. Въ признательность за это Джимъ передалъ ему радостную вѣсть, принесенную наканунѣ докторомъ.

— Поправишься? Давай Богъ! — искренно сказалъ Джошуа.—Вѣдь, поправившись, Джимми начнетъ что нибудь зарабатывать и тогда у него, Джошуа, будетъ, въ случаѣ нужды, на одномъ лукѣ двѣ тетивы.

— Да, представь себѣ, Джошъ. Когда я сказалъ объ этомъ Тэбитѣ, она цѣлыхъ полчаса лежала въ обморокѣ — вѣдь она слабая, ты знаешь; а потомъ хотѣла сейчасъ же бѣжать къ тому джентльмену, который приводилъ ко мнѣ доктора; но потомъ она одумалась и написала ему письмо. А я, Джошъ, всю ночь не спалъ послѣ того, и самъ не знаю отъ радости ли, или оттого, что думалъ о тебѣ.

— Обо мнѣ?—рѣзко спросилъ Джошуа.

— Да, о тебѣ,—подтвердилъ Джимъ съ чувствомъ нѣкоторой неловкости.— Вѣдь не въ обиду тебѣ сказать, Джошуа, ты ведешь не совсѣмъ такую жизнь, какую я не желалъ бы, чтобы велъ мой братъ. Быть можетъ, отецъ съ матерью смотрятъ на тебя сверху и сокрушаются, что сынъ ихъ сбился съ дороги. Я такъ долго лежалъ, ничего не дѣлая, что мнѣ всякія мысли лѣзли въ голову...

Джошуа глядѣлъ въ окно словно высматривая, не глядятъ ли въ самомъ дѣлѣ на него откуда-нибудь съ неба его родители; а потомъ тряхнулъ головой, не то въ знакъ отчаянія въ себѣ, не то въ знакъ вызова.

— Нѣтъ, Джимъ, не спорю, ты въ правѣ немножко стыдиться за меня, и, пожалуй, для меня было бы полезно, если бы твои ноги позволяли тебѣ слѣдить за мною; но теперь уже поздно— поздно, Джимъ!

— А я готовъ поклясться, что не поздно, Джошъ. Попытайся самъ попридержаться, пока я не буду въ состояніи помогать тебѣ, и между нами...

На этотъ разъ Джошуа злобно засмѣялся.

— Ты думаешь сдѣлать для меня то, чего я самъ не могу сдѣлать для себя; а вотъ посмотри-ка, да полюбуйся, какую кривую палку ты надѣешься выпрямить.

И Джошуа рѣшительно направился къ платяному шкапу, сильнымъ дерганьемъ сломалъ запертый замокъ и сталъ снимать висѣвшее въ шкапу платье, перекидывая его себѣ черезъ плечо. Потомъ онъ стащилъ со стола скатерть и завязалъ въ нее платье.

Джимъ смотрѣлъ на него, окаменѣвъ отъ ужаса.

— Ради всего святого, что ты дѣлаешь, Джошъ?

— Развѣ не видишь, глупышъ? Я дѣлаю первый шагъ къ исправленію. Все это тряпье я сейчасъ же заложу у дяди *), чтобы мнѣ и подругѣ моей сердца было на что сходить въ театръ. Вѣдь платить долженъ я, какъ и всякій свободный бриттъ.

— Но это лучшія вещи Тэбиты; она глаза себѣ выплачетъ.

— Лучше выплакать, чѣмъ ждать, когда ихъ выцарапаютъ, а мой добрый ангелъ сдѣлалъ бы это за меня. Прощай, Джимъ!

— Постой минуту, Бога ради! — крикнулъ ему вслѣдъ Джимъ.

Джошуа обернулся, держа руку на замкѣ. Джимъ, послѣ минутной борьбы съ самимъ собою, сказалъ:

— Слушай, вчера Феба получила деньги.

— Будто? — съ живостью спросилъ Джошуа.

— Право, — легкомысленно продолжалъ Джимъ.—Не знаю, много ли она получила, но возможно, что совереновъ пять, если не болѣе, и я полагаю, что если бы ты подождалъ ее здѣсь, то могъ бы заложить эти вещи у нея вмѣсто того, чтобы нести ихъ къ дядѣ. Можетъ

*) Ростовщикъ.

быть, она дала-бы тебѣ довольно для этого вечера; вѣдь она добрая женщина.

— Знаю, что добрая,—согласился Джошуа, забывъ оскорбленія, которыя онъ столько разъ наносилъ Фебѣ.—А вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, хорошая мысль! Одно только: пожалуй, Феба, до завтра не придетъ.

— Она пошла въ четыре часа къ нотаріусу и сказала, что вернется въ шесть, чтобы напоить меня чаемъ; а ужъ на обѣщаніе Фебы можно положиться.

Джошуа стоялъ въ раздумьи, свѣсивъ голову на грудь. Постепенно вся фигура его опустилась, какъ бы удрученная раскаяніемъ, и онъ тихими шагами вернулся въ комнату.

— Джимми, ты тронулъ меня въ самое чувствительное мѣсто; ты заставилъ меня понять, какой я негодяй. показавъ мнѣ, что совсѣмъ чужой человѣкъ былъ-бы добрѣе къ моей сестрѣ, чѣмъ я. Ты исправилъ меня.

Онъ положилъ узелъ на полъ.

— Не возьму я денегъ и отъ этой доброй души—Фебы. Бѣдной старухѣ самой нужны онѣ. Я ухожу. Мнѣ совѣстно глядѣть тебѣ въ глаза. Объ одномъ прошу тебя, не говори никому ни полъ-слова, что я былъ здѣсь. Поклянись, какъ христіанинъ, что не скажешь.

Джимъ съ готовностью далъ требуемую клятву, находя вполнѣ естественнымъ, что Джошуа хочетъ скрыть отъ Тэбиты свое покушеніе на ея имущество; Джимъ даже увидѣлъ въ этомъ новое доказательство его обращенія на путь добродѣтели.

— Повѣсь платья на мѣсто,—надоумилъ онъ;—тогда она ничего и не узнаетъ.

— Умный парень!—похвалилъ Джошуа, исполняя его совѣтъ.

Сломанный замокъ можно было приписать собственной неловкости Тэбиты.

Послѣ этого Джошуа поспѣшно ушелъ, крикнувъ брату:

— Прощай, Джимми! Помни обѣщаніе!

Джимъ былъ радъ, что онъ ушелъ; ему очень не хотѣлось сообщить брату о счастьи, выпавшемъ на долю Фебы, но обстоятельства принудили его этому; впрочемъ, онъ былъ доволенъ оборотомъ дѣла съ Джошуа. Онъ боялся, что дождавшись ее, онъ не устоялъ бы передъ случаемъ вовлечь ее въ слишкомъ невыгодную для нея сдѣлку.

Въ простотѣ своего сердца Джимми и не подозрѣвалъ, какой предательскій замыселъ созрѣлъ въ умѣ его хитраго брата. Онъ очень удивился бы, если бы узналъ, что тотъ бродитъ около дома Монтэга, вмѣсто того, чтобы бѣжать сообщить дамѣ своего сердца, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, посѣщеніе театра пришлось отложить. Джошуа замышлялъ совсѣмъ другое: онъ рѣшился на смѣлый, отчаянный шагъ. Что выйдетъ изъ него—объ этомъ онъ не думалъ, онъ рѣшился—и конецъ!

Бродя около дома Монтэга, онъ напряженно всматривался въ сгущавшіеся сумерки; отъ дождя стоялъ въ воздухѣ туманъ. На сосѣднихъ часахъ било шесть. Джошуа весь дрожалъ отъ нетерпѣнія; гдѣ ему успѣть придти на Вокзальскій мостъ во-время; когда остается такъ много дѣла?.. Вдругъ онъ подпрыгнулъ, она идетъ! Онъ узналъ ее только по походкѣ, такъ какъ на ней былъ ватерпруфъ и въ рукахъ зонтикъ. Значитъ правда, что она разбогатѣла.

Въ ту минуту, когда она поворачивала въ ворота, онъ подбѣжалъ къ ней и задыхаясь проговорилъ:

— Я всюду ищу васъ; забѣгалъ на минуту въ № 16—Джимми спалъ, я не хотѣлъ будить его—ахъ! Это ужасно!

— Что ужасно?—съ испугомъ спросила Феба.

— Тэбита—умираетъ. Она приходила сегодня въ обѣденное время къ мистеру Бонкеру, отцу моей невѣсты; мы хотѣли уговориться на счетъ дня свадьбы, и едва она вышла отъ насъ, какъ съ нею сдѣлался обморокъ; она упала замертво. Мы призвали доктора и онъ говоритъ, что это отъ переутомленія; что ее могутъ спасти только хорошій уходъ и хорошая пища. Вотъ я и побѣжалъ искать васъ, Феба.

— Подождите минуту,—сказала она,—я только сбѣгаю наверхъ.

— Пока вы будете лѣзть по этой про-

клятой лѣстницѣ, Тэбита можетъ отдать Богу душу. Нѣтъ, идемъ сейчасъ!—рѣзко сказалъ Джошуа.

— Возьмемъ кэбъ,—предложила она.

— Пока мы будемъ искать его, пройдетъ полчаса, а намъ недалеко идти. Идемъ, ради самого Бога!

Феба бѣжала, чтобы не отстать отъ быстро шагающаго спутника. Она не разбирала, куда онъ ведетъ ее, готовая идти за нимъ всюду, лишь бы вырвать изъ когтей смерти свою милую Тэбиту.

Переутомленіе—нужда въ хорошей пищѣ и уходѣ. Боже! какъ она рада, что можетъ все это дать ей! Какъ горько упрекала она себя за то, что отпустила ее въ это утро на работу, послѣ бывшаго съ нею вчера обморока!.. Скоро ли они дойдутъ? Какія страшныя улицы! словно лица безъ глазъ; все какіе-то склады съ фасадами на другую сторону. Почему-то Феба съ радостью вспомнила въ эту минуту, что она, не взирая на совѣтъ нотаріуса повременить, немедленно завѣщала свои пять тысячъ фунтовъ любимцу своему Джимми.

Спустя минуту, голова ея тяжко ударилась о каменную плиту и словно разбилась на-двое; что-то затрещало въ вискахъ, милліоны искръ запрыгали передъ глазами, а въ это время чья-то безчеловѣчная рука шарила въ ея платьѣ; конечно, ища свертка совреновъ, который вручилъ ей, прощаясь, нотаріусъ.

Въ разбитомъ мозгу еще дрожала послѣдняя нить сознанія и умирающіе уста еще внятно промолвили:

— Джошуа, поцѣлуй... Тэбиту... отъ меня!

. . . .

Двадцать минутъ спустя, когда городовой № 205 навелъ на трупъ свѣтъ своего фонаря, онъ подумалъ, прежде чѣмъ подать свистокъ! «Ну, сдѣлавшій это молодчикъ не годится въ преподаватели Библіи въ воскресной школѣ».

XVIII.

Нэнси вернулась домой ровно въ половинѣ шестого. Она приняла извѣстіе о перемѣнѣ въ планахъ Джошуа такъ же равнодушно, какъ вообще принимала жизнь въ послѣднія двѣ-три недѣли. Наскоро выпивъ чашку жидкаго чая и умывшись подъ краномъ, она сѣла передъ обломкомъ зеркала и распустила свои длинныя золотистыя косы, прежде чѣмъ собрать ихъ въ артистическія петли. Отецъ глядѣлъ на нее, любуясь.

— По правдѣ сказать, Нэнси, я и въ половину такъ не горжусь тобою, какъ могъ бы гордиться.

Нэнси равнодушно пожала плечами въ отвѣтъ на комплиментъ; другого отвѣта она и не могла бы дать: ротъ ея былъ полонъ шпилекъ.

— Ты прехорошенькая дѣвушка и, безъ сомнѣнія, отлично знаешь это. Женщина, не знающая своей красоты, то же, что курица, снесшая яйцо и не дающая знать объ этомъ клохтаньемъ.

— Много мнѣ пользы отъ моей красоты!—процѣдила Нэнси сквозь шпильки.

— Да, правда твоя, денегъ у него немного,—сказалъ Бонкеръ, полагая, что онъ угадалъ ея мысль.—Однако, все же попридержи его ради меня еще нѣкоторое время.

— Конечно, попридержу; вѣдь никто не умираетъ отъ желанія отнять меня у него.

Горечь, съ которою были сказаны эти слова, прошибла даже толстокожее сердце Бонкера; онъ подошелъ къ дочери, говоря:

— Послушай, Нэнси, я понимаю, что есть вещи, которыя дочь охотнѣе скажетъ матери, чѣмъ отцу; и знаю, что я плохой замѣнъ матери; но все-же лучше, чѣмъ ничего. Скажи, что у тебя на душѣ? Я вижу, что не все мѣсто занято въ твоемъ сердцѣ Джупомъ.

Отвѣтомъ былъ такой пароксизмъ истерическихъ рыданій, что отецъ въ испугѣ отступилъ и вся прическа Нэнси сбилась. Бонкеръ глядѣлъ на свое дѣло съ чувствомъ человѣка, обронившаго искру въ пороховую мину. Однако, когда первый взрывъ миновалъ, у виновника его не хватило мужества повторить свой вопросъ.

— Нѣтъ, не Джошуа люблю я, а Билля Претти,—отвѣтила на этотъ разъ Нэнси, мгновенно переставъ рыдать.

— Билля?

— Да, я сошлась съ нимъ, когда—когда тебя не было здѣсь,—объясняла она почти дѣловымъ тономъ,— и мы любили другъ друга два года, а потомъ онъ бросилъ меня.

— Скотъ!—проговорилъ отецъ.

— Но между нами не все кончилось. Недѣли три тому, онъ вернулся ко мнѣ, прислалъ мнѣ разъ вечеромъ записку, просилъ простить его, обѣщалъ опять любить, а съ тѣхъ поръ я его и въ глаза не видала. Три раза я писала ему—и никакого отвѣта; а пойти искать его я боюсь; пожалуй, Джошуа пронюхаетъ и тогда Богъ вѣсть, что произойдетъ. У меня сердце изныло,—заключила она, не въ видѣ жалобы, а въ видѣ простого констатированія жестокаго факта.

Бонкеръ задумался.

— Въ это дѣло надо вмѣшаться мужчинѣ,—проговорилъ онъ.

— Что ты хочешь сказать, папа? Надѣюсь, что ты не сдѣлаешь ему никакой непріятности?—съ безпокойствомъ сказала Нэнси.

— О, нѣтъ, не бойся. Я только вѣжливо попрошу у него объясненія. Вѣдь я въ правѣ сдѣлать это, не такъ ли?

— Я увѣрена, что это не его вина,—сказала въ полъ голоса дѣвушка.

— Такъ надо узнать, чья.

— Ты не обидишь его, папа?—просила Нэнси.

— Не бойся. Я подожду сначала объясненія — это я тебѣ обѣщаю. Но пока что, а ты примирись съ Джупомъ еще недѣли на двѣ, тогда я совсѣмъ развяжусь съ нимъ.

— Папа, не затѣвай худого; не оставляй меня сиротой опять на нѣсколько лѣтъ. Теперь, пожалуй, будетъ на девять.

— Успокойся, дитя; если и влетитъ кому, то не мнѣ, а другому, — ты можешь угадать, кому. Скажу одно: самая главная шутка, какую чоловѣкъ можетъ сыграть съ собою—это втереться въ чужую игру; а если къ тому же человѣкъ такъ возгордится тѣмъ, что его приняли въ эту игру, то его, какъ надутый мячъ, толкай куда хочешь.

Получивъ отъ дочори желаемое обѣщаніе, Бонкеръ ушелъ со двора, будто бы отыскивать невѣрнаго Билля, но въ дѣйствительности, чтобы служить третейскимъ судьей въ дракѣ натравленныхъ собакъ. За этимъ занятіемъ онъ скоро забылъ всѣ сердечныя горести своей дочери.

Впрочемъ, Нэнси суждено было получить свѣдѣнія о Биллѣ раньше, чѣмъ она разсчитывала, и получить изъ совершенно непредвидѣннаго источника. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода ея отца, дверь кухни отворилась и въ нее заглянуло хорошенькое личико мальчишки.

— Если вы дома, — сказалъ онъ, — то выходите сейчасъ на улицу; васъ спрашиваютъ.

Нэнси была такъ занята возстановленіемъ своей прически, что не сразу разобрала, что говоритъ посланецъ.

— Кто спрашиваетъ?—спросила она съ закравшейся въ сердцѣ надеждой, когда мальчикъ повторилъ порученіе.

— Мнѣ не велѣно сказывать, кто,—отвѣтилъ онъ таинственно.—Мнѣ дали фартингъ и обѣщали дать другой, если не скажу.

Нэнси поспѣшно кончила свой туалетъ; надежда ея выросла въ увѣренность. Конечно, ее зоветъ Билль; этимъ и объясняется таинственность. Безъ сомнѣнія, онъ видѣлъ, какъ вышелъ изъ дому ея отецъ; теперь для нея стала ясной и причина его молчанія: онъ опасался, что письмо его попадетъ въ чужія руки. Быть можетъ, онъ уже не разъ караулилъ около ея дома... Если бы она знала это!..

Таинственный посланецъ въ припрыжку бѣжалъ къ воротамъ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ вышла и Нэнси.

Выйдя за ворота, она окинула быстрымъ взглядомъ улицу по обѣ стороны, но не примѣтила ничего похожаго на Билля. Но пройдя нѣсколько шаговъ, она увидала молодую женщину, закутанную въ шаль и приближавшуюся къ ней съ замѣтной нерѣшимостью.

— Пегги! — вскричала Нэнси, поблѣднѣвъ отъ горя, что надежда ея не оправдалась.

— Да, только я,—скромно отвѣтила Пегги.

— Отчего ты запретила мальчику говорить, что ты зовешь меня?

— По двумъ причинамъ: во-первыхъ, я думала, что отецъ твой дома; во-вторыхъ, я боялась, что ты не выйдешь, узнавъ, что я зову. Вотъ тебѣ второй фартингъ, мальчуганъ,—обратилась она къ своему вѣрному коммиссіонеру.

— Должно быть, у тебя очень важное дѣло до меня, если ты такъ соришь деньгами, — иронически замѣтила Нэнси.

— Да, довольно важное,—отвѣтила Пегги, съ лукавымъ блескомъ въ глазахъ. — Меня мучила совѣсть въ послѣднее время за то, что я причинила тебѣ такое огорченіе.

— О!—равнодушно сказала Нэнси.

— Я бранила тебя, думая, что ты отняла у меня моего Билля.

— Что же, милая, если и такъ? Вѣдь я только взяла обратно то, что мнѣ принадлежало, — сказала Нэнси съ притворнымъ довольствомъ.—Вѣроятно, ты пришла поздравить меня съ тѣмъ, что Билль вернулся ко мнѣ. Очень благодарна.

— Нѣтъ, голубушка, онъ достался не тебѣ,—ядовито отвѣтила Пегги.

— А кому же?—спросила Нэнси, едва устоявъ на ногахъ.

— Другой.

Нэнси оправилась, заключивъ, что все это хитрость Пегги.

— Да, я уступила его не надолго другой, какъ уступала въ свое время тебѣ.

— Въ томъ-то и бѣда, что онъ ушелъ отъ тебя не на время, а навсегда. Онъ женился, — съ торжествомъ объявила Пегги и, отодвинувшись отъ Нэнси на надежное разстояніе, наблюдала за дѣйствіемъ своихъ словъ. Оно превзошло ея ожиданія. Губы Нэнси задрожали; она сложила руки съ умоляющимъ видомъ и жалобно проговорила:

— Пегги, это неправда?

— Неужели я пріѣхала бы сюда изъ Кроудона и растранжирила столько денегъ ради удовольствія надуть тебя?

У Нэнси вырвался стонъ; она медленно подняла глаза, чтобы прочесть на лицѣ Пегги, правду ли она говоритъ, и вдругъ выпрямилась и сжала кулаки. Ей легче было бы перенести коварство, чѣмъ состраданіе...

Пегги поспѣшно ретировалась.

— Прошу не драться, Нэнси! Довольно съ меня и прежняго. У меня до сихъ поръ еще лысина не заросла. Что это была бы за жизнь, если бы нельзя было сказать правду безъ того, чтобы тебя не оскальпировали?

— Но я не могу повѣрить этому.

— Не вѣрила и я, однако все же это правда. Хочешь я сведу тебя въ такое мѣсто, гдѣ ты убѣдишься собственными глазами?

— Куда же это?

— Къ нему.

— Пегги, спаси тебя Богъ, если ты дурачишь меня! Гдѣ онъ?

— Должно быть, тамъ же, гдѣ я видѣла его часъ тому назадъ: въ тавернѣ «Pig and Whistle», въ Бридли Стритѣ. Онъ взялъ ее въ приданое за женой.

— Идемъ!

Дорогой Пегъ разсказала, какъ она узнала всѣ эти подробности. Источникомъ свѣдѣній послужилъ для нея Нэдъ Крокеръ,—тотъ же самый Крокеръ, который оказалъ ей важную услугу при другомъ случаѣ. По праву родства она поручила ему разузнать, кто отнялъ у нея Билля, и въ это самое утро получила отъ него извѣщеніе, что Билль покорилъ себѣ сердце миссъ Луизы Бэчеръ, дочери владѣльца таверны «Pig and Whistle» и другихъ подобныхъ заведеній. Въ пылу страсти и боясь потерять такого завиднаго кавалера, миссъ Луиза настояла на бракѣ, который и состоялся въ послѣднюю среду. Теперь Билль Претти сталъ собственникомъ очень доходной таверны «Pig and Whistle».

Разсказавъ все это, Пегги предложила Нэнси прочесть бывшее при ней письмо Крокера, но та сдѣлала отрицательный жестъ.

— Увижу своими глазами,—сказала она устало.

Повернувъ за уголъ, онѣ очутились какъ разъ передъ таверной Билля.

— Гляди, вотъ онъ!—указала Пегги.

*

Нэнси, не желая показываться передъ отворенною дверью, поднялась на цыпочки, глядя въ окно.—Да, въ тавернѣ находился онъ, ея хорошенькій Билль...

Она была не въ силахъ долѣе сдерживаться и быстрымъ движеніемъ проскользнула въ дверь. Вечеръ былъ ранній и таверна была почти пуста. Нэнси остановилась передъ Биллемъ, прежде чѣмъ онъ узналъ ее.

— Билль, голубчикъ, вѣдь это неправда, ты не женился на другой?—спросила она шопотомъ.

Билль съ минуту пристально глядѣлъ на нее, потомъ взглядъ его окаменѣлъ.

— Развѣ вы не знаете, Джэкъ, прислужите этой дамѣ,—сказалъ онъ половому и, отвернувшись, неторопливо ушелъ въ заднюю комнату.

— Кажется, ей уже достаточно прислужили,—подумалъ половой, провожая глазами Нэнси, которая, пошатываясь, выходила изъ таверны.

— Ну, что? убѣдилась?—спросила Пегги послѣ того, какъ онѣ прошли нѣсколько шаговъ въ молчаніи.

— Убирайся къ чорту! Оставь меня въ покоѣ, уйди!—вскрикнула Нэнси, свирѣпо повернувшись къ ней.

Однако, на этотъ разъ Пегги не струсила.

— Неужели ты такъ и оставишь это?—спросила она.

— А что же дѣлать?

— Слушай, Нэнси,—начала Пегги довѣрчивымъ тономъ,—ты можешь спросить меня, зачѣмъ мнѣ понадобилось огорчать тебя этимъ дѣломъ, когда ты уже давно разсталась съ Биллемъ и весь стыдъ и горе приходятся на мою долю. Но я думала, что такъ какъ онъ обидѣлъ насъ обѣихъ, то я была бы эгоисткой, если бы не подѣлилась съ тобой удовольствіемъ наказать его. Вѣдь онъ отзывался о тебѣ нехорошо, хотя ты, конечно, никогда не давала ему повода жаловаться на тебя. Онъ постоянно говорилъ мнѣ, что стоитъ ему только поманить тебя пальцемъ, и ты сейчасъ же прибѣжишь къ нему, какъ покорная собака.

Нэнси слушала, шагая, какъ автоматъ. За что сердиться? Вѣдь это правда. Вѣдь она въ самомъ дѣлѣ прибѣжала къ нему, лишь только онъ поманилъ.

Пегги нетерпѣливо поглядывала на нее сбоку.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросила она наконецъ.

— Да, что же дѣлать?—повторила Нэнси, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ сказала это Пегги, а какъ выраженіе своего безысходнаго горя.

— Я слышала, что во Франціи прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ къ купоросу,—въ раздумьи проговорила Пегги.

— Для чего это?—разсѣянно спросила Нэнси.

— Чтобы онъ выѣлъ глаза, содралъ кожу съ лица...

Она не договорила и невольно содрогнулась, встрѣтивъ взглядъ Нэнси. Та глядѣла на нее расширенными отъ ужаса зрачками. Минуты двѣ она молчала, задыхаясь, потомъ простонала:

— Ахъ, ты гадина! дьяволъ! вотъ зачѣмъ ты подъѣхала ко мнѣ! Ты думала, я соглашусь выжечь глаза моему голубчику—его красивые темные глазки! Ты думала, я скажу себѣ: «Если они на меня не будутъ болѣе съ любовью смотрѣть, то пускай же не смотрятъ ни на кого»! Нѣтъ, Билль, хорошенькій Билль мой! пускай лучше другая женщина цѣлуетъ твои губы, чѣмъ стереть съ нихъ моею рукою хотя каплю ихъ краски! Вѣдь никто не можетъ отнять тебя у меня, потому что никто не можетъ помѣшать мнѣ любить тебя до могилы.

— Дура!—пробормотала Пегги.

— Дура, ты говоришь? Нѣтъ, Пегги, я не такъ глупа, какъ ты думаешь. Уйди лучше отъ меня, Пегги Джонсъ! Если не уйдешь, то, пожалуй, жизнь твоя будетъ короче, чѣмъ ты ожидаешь.

Пегги приняла совѣтъ къ свѣдѣнію. Она сдѣлала головой вызывающій жестъ и, насмѣшливо пожелавъ Нэнси «лучшей удачи будущій разъ», скрылась за первымъ угломъ улицы.

Нэнси побѣжала, куда глаза глядятъ, безъ всякой цѣли. Въ первую минуту

она готова была позвать Пегги назадъ, хотя бы для того только, чтобы проявить какую-нибудь дѣятельность. Что ей, въ самомъ дѣлѣ, остается дѣлать?.. Ничего, кажется. А вѣдь міръ все такъ же великъ, и все такъ же полонъ всякой всячины какъ и былъ. Быть можетъ, у нея разсудокъ помутился, оттого она и не знаетъ, что ей дѣлать, чтобы заглушить гложущую боль въ сердцѣ. Она навѣрное сойдетъ съ ума, если у нея еще долѣе будетъ такой туманъ въ головѣ. Что бы сдѣлать отъ этого... вѣдь надо же что-нибудь дѣлать...

Ахъ! она вспомнила: она должна встрѣтить Джошуа и тянуть съ нимъ вечеръ въ театрѣ. Она спросила у встрѣчнаго прохожаго дорогу на Вокзальскій мостъ и съ удивленіемъ узнала, что до него всего пять минутъ ходьбы; таверна «Pig and Whistle» лежала на дорогѣ къ нему. Безъ сомнѣнія, Джошуа бѣсится теперь и клянетъ ее за то, что она заставила его прождать нѣсколько часовъ. Между тѣмъ, взглянувъ на ближніе часы, она убѣдилась, что еще всего тридцать пять минутъ седьмого. Какія странныя шутки шутятъ съ нею ея чувства!..

Она дошла до моста, гдѣ, какъ передалъ ей отецъ, она должна была ждать своего кавалера, и безучастно оглядѣлась вокругъ; Джошуа нигдѣ не было видно,— значитъ, онъ еще не приходилъ.

Нэнси пошла по мосту и, дойдя до средины его, облокотилась на парапетъ и стала глядѣть въ темную, клубящуюся воду. Вотъ, какъ эта вода, будетъ и ея будущее: темное, полное борьбы и бездоннаго страданія. А тутъ еще этотъ Джошуа—ненавистный, требовательный, ненасытный въ своихъ поцѣлуяхъ, пожирающій ее огнемъ своей омерзительной страсти, между тѣмъ какъ она холодѣетъ и корчится отъ нѣмого отвращенія... Да, Джошуа—ея суженый; если и не этотъ самый Джошуа, то другой подъ другимъ именемъ и видомъ. Но сведется на то же самое: она никогда болѣе не будетъ чувствовать себя живою, какъ чувствовала себя въ присутствіи своего хорошенькаго Билля; а безъ этого стоитъ ли жить?..

Размышленія ея были прерваны громкимъ окликомъ. Она подняла голову и поглядѣла. Да вотъ онъ—вотъ этотъ суженый, котораго она такъ боится и ненавидитъ. Онъ идетъ завладѣть ею и радость, написанная на его лицѣ, показываетъ, что ему извѣстно о несчастіи, разбившемъ ея сердце. Онъ спѣшитъ подобрать его куски своими безжалостными руками.

— Нѣтъ! она не дастся ему!..

Порывъ отчаянія поднялъ ее надъ парапетомъ какъ будто безъ всякаго усилія съ ея стороны, и она полетѣла внизъ головой туда, гдѣ ее никто не могъ догнать, къ той свободѣ, которой она такъ жаждала... Но какъ холодна эта свобода, какъ она душитъ, какъ смертельно холодна!..

Джошуа добѣжалъ до того мѣста, гдѣ она стояла, какъ разъ въ то время, когда послышался всплескъ воды. На мгновеніе ноги его словно приросли къ землѣ. Нѣтъ, она не ускользнетъ отъ него, особенно теперь, когда у него столько золота, что онъ можетъ исполнить всѣ ея желанія, ослѣпить ее настолько, чтобы добиться ея любви хотя на одинъ часъ, хотя неполной...

Вотъ и онъ въ водѣ, и съ отчаяніемъ хватается въ темнотѣ за обманчивые отблески волны. Однако, вѣдь она упала какъ разъ на этомъ мѣстѣ, такъ отчего же? Торжествующее клокотанье вырвалось изъ его рта: онъ поймалъ руку. Это была Нэнси. Она захлебываясь просила спасти ее... Но въ это самое мгновеніе Джошуа замѣтилъ надвигавшееся на нихъ изъ темноты огромное чудовище; оно пыхтѣло, дрожало, фыркало и испускало пронзительные крики изъ своего воронкообразнаго горла. Еще мгновеніе и оно налетѣло на нихъ; ихъ закружило въ водоворотѣ и все провалилось въ какую-то пустоту...

Буксирный пароходъ неуклюже продолжалъ свой путь, и рулевой, открывая сигнальный клапанъ, съ содроганіемъ всматривался въ дождливую мглу, благодаря небо за то, что, по крайней мѣрѣ, его жена и дѣтки не подвергаются тревогамъ и непріятностямъ этого вечера.

XIX.

Лѣто шло къ концу и люди начинали подумывать, продержится ли еще одну зиму ихъ двухлѣтнее теплое пальто. Въ мрачный осенній вечеръ шла по Сити-Родъ Тэбита, вся въ черномъ, но съ замѣтною бодростью въ походкѣ и выраженіи лица.

Она вошла въ кофейню миссиссъ Чикори. Увидѣвъ ее на порогѣ двери, хозяйка встала и быстро пошла къ ней навстрѣчу.

— Ну, что?—спросила она озабоченно.

— Отлично!—отвѣтила Тэбита, вся сіяя.—Доктора говорятъ, что имъ еще не случалось дѣлать такой удачной операціи въ подобной болѣзни. Всякая опасность миновала и теперь надо только потерпѣть нѣсколько недѣль, пока здоровье не возстановится.

— Слава Богу!—проговорила м-ссъ Чикори, благоговѣйно сложивъ руки.—Какъ Тедъ будетъ радъ! Онъ долженъ былъ рано уйти въ «Фальстафъ» сегодня. Я думаю послать кого нибудь къ нему съ доброй вѣстью.

— Не безпокойтесь, миссисъ Чикори, я сама пойду туда попозже.

— Это еще лучше, Тэбби. Онъ узнаетъ изъ первыхъ рукъ. Но вы посидите у меня полчасика—не правда ли?

— Цѣлый часъ посижу. Мнѣ не къ спѣху. Я пойду не раньше половины девятаго или девяти.

— И прекрасно! Подождите минутку, я сбѣгаю за сосѣдкой, м-ссъ Бэтсъ, и попрошу ее замѣнить меня въ кофейнѣ.

Черезъ минуту она вернулась вмѣстѣ съ своею замѣстительницей, дала ей необходимыя инструкціи, а сама сѣла съ Тэбитой въ задней комнатѣ.

— Я не пеняю на васъ за то, что вы стали такой рѣдкой гостьей у насъ въ послѣднее время,—сказала она.—Я испытала при моемъ бѣдномъ мужѣ — упокой Боже его душу! — что значитъ имѣть больного на рукахъ, и понимаю, что вы не могли удѣлять и Теду болѣе минуты — двухъ, когда онъ приходилъ справляться о здоровьѣ Джима. Но теперь вы должны разсказать мнѣ все по порядку.

Тэбита начала свой разсказъ съ таинственнаго убійства Фебы и со смерти брата своего Джошуа, геройски пожертвовавшаго собою для спасенія любимой дѣвушки. Тѣло его было найдено спустя два дня, но совершенно обобранное какимъ-то негодяемъ, который оставилъ на немъ только то, по чему можно было признать его. Потомъ, по настоянію сэра Эндрю, братъ съ сестрой перемѣнили квартиру, такъ какъ этого требовало здоровье Джимми. Когда ихъ извѣстили о наслѣдствѣ, завѣщанномъ ему Фебой, Тэбита оставила на время работу въ мастерской, чтобы всецѣло отдаться уходу за братомъ, которому необходимо было набраться силъ для предстоявшей операціи. Мѣсяцъ спустя, она была сдѣлана и черезъ три недѣли послѣ того Тэбита явилась сообщить своимъ друзьямъ радостную вѣсть, полученную ею отъ врачей.

Миссиссъ Чикори внимательно слушала. Когда Тэбита кончила, она посмотрѣла на нее и спросила:—Это все?

— Все, — отвѣтила та съ довольствомъ, смахивая пушинку со своего рукава.

Мать Теда казалась разочарованной.

— Я полагала, что вы скажите мнѣ въ заключеніе еще кое-что, — проговорила она протяжно.

Тэбита вздрогнула, угадавъ ея мысль.

— Слушайте, милая моя Тэбби,—начала старуха,—вы подумаете быть можетъ, что я не во-время пристаю къ вамъ съ нашими горестями. Я понимаю, у васъ было столько своихъ заботъ и радостей въ эти послѣднія недѣли, что вамъ было не до насъ. Но, право, я не въ силахъ долѣе терпѣть. Тэбита, вы ничего не имѣете сказать мнѣ?

— Миссиссъ Чикори, — начала дѣвушка.

— Подождите минутку,—горячо перебила ее старуха, — прежде чѣмъ вы отвѣтите мнѣ, не мѣшаетъ напомнить вамъ, въ чемъ дѣло. Вы хотѣли сдѣлать кое-что для меня: вы обѣщали возвратить мнѣ сына — вашимъ способомъ. Но первый же случай къ этому, который представился, вы упустили, и я была очень рада этому. Послѣ того

вы видѣли его раза два, — правда, не долго, но достаточное время для того, чтобы положить начало дѣлу; но вы опять не сдѣлали этого. Можно было даже заключить, что вы относитесь къ нему нѣсколько благосклоннѣе. Вѣдь только этимъ и можно объяснить себѣ то выраженіе робкой надежды, которое появилось на его лицѣ. Но оно тревожитъ меня даже болѣе, чѣмъ его отчаяніе. Что же должна я думать, Тэбита? Если вы только забавляетесь имъ, такъ ужъ лучше скажите ему это прямо. Я предпочту, чтобы онъ лишилъ себя жизни, чѣмъ сошелъ съ ума.

— Нѣтъ, я не забавляюсь имъ, — отвѣтила Тэбита безъ колебаній.—Если я не сдержала моего обѣщанія, то это потому—потому—я сейчасъ скажу вамъ почему. Въ долгіе часы, которые я провела у постели Джимми, я имѣла довольно времени думать, и я думала о Тедѣ, — думала только хорошее, очень хорошее, и почти рѣшилась помочь ему сдѣлаться прежнимъ Тедомъ—такъ какъ вы желаете.

— Тэбита!—вскричала м-ссъ Чикори, бросаясь къ ней.

Та остановила ее мягкимъ жестомъ.

— Я говорю «почти», поэтому не ожидайте моего отвѣта тотчасъ же.

— Когда же? — прошептала мать Тэда.

— Быть можетъ, завтра.

Она встала.

— Не хотите ли и вы пойти со мною?—спросила она.

М-ссъ Чикори покачала головой.

— Нѣтъ; я останусь дома и буду думать о томъ, что вы мнѣ сказали, а потомъ опущусь на колѣни и помолю Бога благословить васъ за эти слова.

— Оставимъ это до завтра.—возразила Тэбита съ нервной улыбкой.—Что, если я воспользуюсь вашими молитвами не по праву?

— Можетъ быть; но тѣмъ болѣе причины молиться за васъ,—сказала миссиссъ Чикори, глядя на не съ безпокойствомъ.

Тэбита поспѣшно ушла, чтобы не разбивать надеждъ своей собесѣдницы. Она имѣла свои причины медлить окончательнымъ отвѣтомъ. Ей предстояло сдѣлать еще одинъ опытъ, прежде чѣмъ связать себя обѣщаніемъ. Въ этотъ вечеръ она увидитъ Дакра въ первый разъ послѣ нѣскольких недѣль. Она испытаетъ себя, узнаетъ, насколько еще сильна его тайная власть надъ ея сердцемъ, одно время грозившая подчинить себѣ всю ея жизнь. Видитъ Богъ, что она боролась въ послѣднее время, старалась не думать о немъ. Даже въ порывѣ признательности за его вниманіе къ Джимми она выразила ему эту признательность письменно и не воспользовалась предлогомъ увидѣть его. Она изорвала двѣ-три записки, въ которыхъ онъ освѣдомлялся о ходѣ лѣченія, такъ какъ боялась скрытаго въ нихъ магнетическаго вліянія ихъ автора.

И вотъ теперь она съ трепетомъ сознавалась себѣ, что усилія ея увѣнчались успѣхомъ. Но если остаются еще какія-нибудь сомнѣнія, она должна разсѣять ихъ, и она разсѣетъ теперь же, сейчасъ. Она обязана этимъ передъ самой собою и передъ Тедомъ; она слишкомъ честна, чтобы поступить иначе. Если она отдается Теду, то отдается всецѣло, не оставляя мѣста въ своемъ сердцѣ для другого мужчины.

Придя къ «Фальстафу», она нашла у входа толпу, такъ какъ это былъ день возобновленія спектаклей и публика интересовалась узнать, насколько точно выполнены владѣльцемъ предписанія коммиссіи.

Тэбита, какъ одна изъ *своихъ*, безъ труда была пропущена бдительнымъ сторожемъ. Представленіе уже началось. Протискиваясь въ задній рядъ скамеекъ, чтобы занять удобное мѣсто на дорогѣ къ правому выходу, Тэбита встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Тедомъ, хлопотливо исполнявшимъ свои обязанности. Она замѣтила, что глаза его не заблестѣли радостью при встрѣчѣ съ нею, какъ обыкновенно бывало.

— У меня есть къ вамъ порученіе,— сказалъ онъ, не здороваясь.—Мистеръ Дакръ желаетъ повидаться съ вами. Онъ придетъ поговорить съ вами во время антракта.

— Поговорить со мною? О чемъ?— съ удивленіемъ спросила Тэбита.

— Это онъ вамъ самъ объяснитъ. Извините, я спѣшу.

Прежде чѣмъ Тэбита успѣла подавить удивленіе, вызванное порученіемъ Дакра и страннымъ тономъ Теда при передачѣ его, на нее налетѣли три сестры Джингль, привѣтствовавшія ее дружескими изліяніями, хотя на лицахъ ихъ не выражалось обычной веселости. Джэнъ первая излила ей свое горе.

— Мы годимся только тогда, когда залъ наполненъ вонючимъ простонародьемъ. А когда публика чистая, и съ газетными репортерами, которые могли бы принести намъ пользу, тогда извольте слушать, какъ вамъ говорятъ: «Очень жаль, но вы лишняя сегодня!» Ахъ! Золушка, какъ люди злы!

— Положительно позоръ!—вмѣшалась Бетси.—Скажу вамъ по секрету: я купила новой краски для волосъ, думая: вотъ произведу эффектъ! а вмѣсто того м-ръ Уиттэкеръ объявляетъ: «Сегодня, дѣвицы, участвуютъ только профессіональные артисты». Вотъ погоди же! я выйду замужъ за графа и приду выколоть глаза этому Уиттэкеру моей графской короной.

Эмма не отставала отъ сестеръ въ выраженіяхъ негодованія.

— А вы совсѣмъ бросили это дѣло, какъ говорилъ намъ Тедъ?—спросила Джэнъ.

Тэбита отвѣтила утвердительно, желая въ душѣ, чтобы эти тараторки поскорѣе отстали отъ нея. Но онѣ вовсе не были склонны упустить терпѣливаго слушателя ихъ жалобъ.

Наконецъ, опустившійся занавѣсъ и топотъ хлынувшей изъ залы публики возвѣстили о наступленіи антракта. Тэбитѣ не пришлось долго ждать. Тедъ привелъ Дакра къ ея мѣсту и на него тотчасъ накинулись сестры Джингль со своими укорами. Но Дакръ отдѣлался отъ нихъ быстро, отвѣтивъ, что всѣ распоряженія на этотъ вечеръ сдѣланы самимъ Уиттэкеромъ.

— Можете вы удѣлить мнѣ минуту времени?—спросилъ онъ, обращаясь къ Тэбитѣ.

Она, не отвѣчая, послѣдовала за нимъ въ корридоръ, ведущій за сцену.

— Прежде всего позвольте поздравить васъ съ выздоровленіемъ вашего брата. Я видѣлъ вчера сэра Эндрю и онъ сказалъ мнѣ, что больной почти совсѣмъ поправился.

— Я знаю, кому я этимъ обязана,— начала Тэбита.

— Не въ томъ—дѣло, перебилъ онъ.— У меня свободна одна минута, поэтому я долженъ быть коротокъ. Видите ли, смотрительница при моей конторѣ въ Стэмфордъ-Стритѣ скоропостижно умерла и я затрудняюсь найти ей преемницу. Мнѣ пришла мысль, не возьмете ли вы это мѣсто? Обязанности легкія, вознагражденіе хорошее,—двадцать пять шиллинговъ въ недѣлю при даровой квартирѣ въ двѣ удобныя комнатки. Это было бы очень удобно для васъ, особенно теперь, когда и братъ вашъ можетъ заниматься. Съ помощью его маленькаго наслѣдства вы можете устроиться вдвоемъ очень хорошо. Во всякомъ случаѣ, я рѣшился не упускать изъ вида вашего брата и поставить его на такую дорогу, которая позволила бы развиться его несомнѣнному таланту. Не смущайтесь, пожалуйста, я не требую отъ васъ сейчасъ же рѣшительнаго отвѣта. Быть можетъ, у васъ имѣется въ виду что-нибудь другое. Приходите ко мнѣ въ понедѣльникъ утромъ и тогда мы рѣшимъ дѣло тѣмъ или другимъ способомъ. Меня ждутъ. До свиданія.

Тэбита машинально отвѣтила на рукопожатіе и осталась одна, лишь смутно сознавая, гдѣ она находится. Кто-то прошмыгнулъ мимо нея. Это былъ Тедъ. Казалось, онъ хотѣлъ что то сказать ей, но, взглянувъ на нее, почти убѣжалъ.

Тэбита вернулась на свое прежнее мѣсто. Сестры Джингль бѣгали по залѣ, ища безсердечнаго Уиттэкера. Среди шума и сутолоки въ залѣ Тэбита чувствовала себя какъ-то странно равнодушной и уравновѣшенной, и благодарила за это судьбу; ей предстояло бороться съ опасностью, противъ которой нужно было вооружиться всѣмъ своимъ хладнокровіемъ. Ей предлагается исполненіе того, что еще недавно было самымъ горячимъ

желаніемъ ея сердца, предлагаютъ жить подъ одной кровлей съ *нимъ*, дышать почти однимъ съ нимъ воздухомъ; имѣть съ нимъ вседневное общеніе, услуживать ему; всегда имѣть случай видѣть его, говорить съ нимъ... Ей предлагаютъ все это,—и она спрашиваетъ себя, что ей дѣлать!.. Событія запоздали, явились не во время, а все же это опасные гости; они нашептываютъ ей лукавыя рѣчи, сулятъ счастье, за которое еще недавно она отдала бы половину жизни. Они умалчиваютъ, коварные, о тѣхъ уколахъ и жалахъ, о той безсильной агоніи, которыя прячутся за ними! Все это она должна сама предусматривать.

Тэбита оглядѣлась вокругъ, какъ бы ища совѣта и опоры. Залъ снова наполнился; сестры Джингль опять сидѣли возлѣ нея въ твердой рѣшимости дождаться конца, чтобы атаковать Уиттэкера. Длинная программа шла къ концу и въ рядахъ публики замѣчалось нетерпеніе, словно она ждала какого-то апофеоза. Ровно въ 11 часовъ мистеръ Дакръ поднялся съ мѣста и обратившись къ публикѣ объявилъ:

— Леди и джентельмены, къ большому моему удовольствію, я имѣю сообщить вамъ, что миссъ Модъ Маршаль перемѣняетъ свою фамилію.

Громъ рукоплесканій прервалъ это заявленіе, и Дакръ, переждавъ минуту, съ улыбкой прибавилъ:

— И будетъ впредь называться миссиссъ Ольджернонъ Дакръ.

Сестры Джингль глядѣли другъ на друга, не пытаясь говорить, такъ какъ онѣ знали, что не могли бы сказать ничего понятнаго. Наконецъ, Джэнъ обратилась къ Тэбитѣ, говоря:

— Что это значитъ?

— Только то и значитъ, что онъ женится на Модъ,—отвѣтила та, словно очнувшись.

— По настоящему? Навсегда?

— Навсегда,—отвѣтила Тэбита торжественно. Руки ея были сложены, какъ на молитвѣ. Теперь она можетъ принять свое рѣшеніе.

Она ничего болѣе не сознавала, пока выходившая изъ залы толпа не захватила ее въ свой водоворотъ. Она понимала, что искать Теда въ этой толкотнѣ было бы напрасно, и поэтому дала нести себя къ выходу. На улицѣ она остановилась, вспомнивъ, что она еще не рѣшила, что ей теперь дѣлать: идти ли домой или вернуться къ м-съ Чикори. Послѣднее въ такой поздній часъ, казалось невозможнымъ; однако, если она вернется домой, то Тедъ узнаетъ то, что ему нужно знать, отъ своей матери—изъ вторыхъ рукъ. А ей не хотѣлось, чтобы такую важную новость, которая рѣшала судьбу ихъ обоихъ, онъ узналъ не изъ ея устъ. Въ ней заговорила женская ревность. Она рѣшилась подождать его на улицѣ, хотя полагала, что онъ освободится позже въ этотъ вечеръ по случаю особенно людного спектакля. Однако, черезъ минуту онъ былъ возлѣ нея.

— Я поджидала васъ,—сказала она.

— А я поджидалъ васъ,—сказалъ онъ все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ, какой онъ имѣлъ весь этотъ вечеръ.— Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что.

— Говорите, — промолвила она съ улыбкой.

— Вы можете дать мнѣ пощечину, если захотите,—началъ онъ, идя рядомъ съ нею,—но я не могу не сказать вамъ того, что думаю. Ни одна уважающая себя женщина не пойдетъ въ служанки къ мужчинѣ—или хотя бы и въ домоправительницы или смотрительницы, какъ онъ это называетъ, имѣя возможность быть полной хозяйкой въ собственномъ домѣ. Я думалъ, что мы съ вами останемся друзьями навсегда, что бы ни случилось, пока меня не задушитъ клубокъ, который становится у меня поперекъ горла всякій разъ, когда я говорю съ вами. Но у меня не хватитъ духа глядѣть вамъ въ лицо, разъ я буду знать, какъ мало вы уважаете себя. Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать, Тэбита.

— Тэбита?—повторила она, продолжая улыбаться.

Тедъ вспыхнулъ.

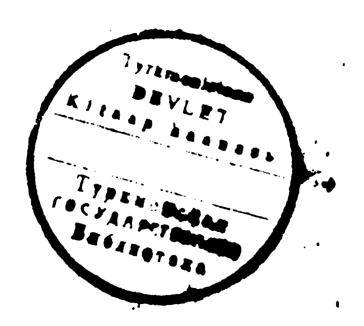
— Я забылъ—я не въ правѣ такъ называть васъ. Но это въ первый и послѣдній разъ.

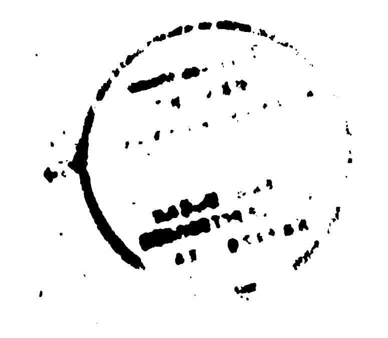
— Не въ послѣдній, Тедъ,—если вы не хотите этого,—сказала она, останавливаясь.

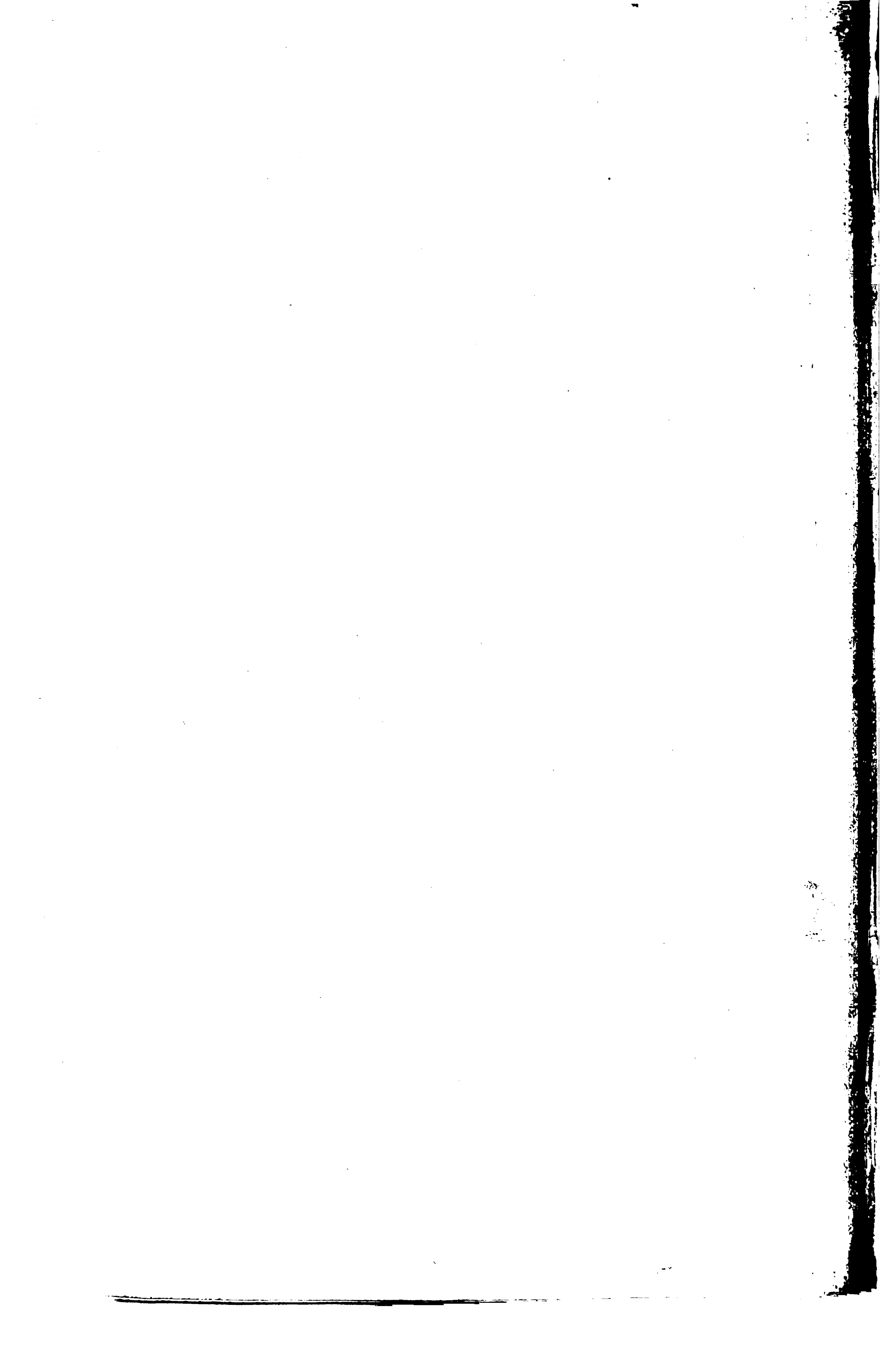
— Не въ послѣдній?—повторилъ онъ разсѣянно.—Что вы хотите сказать?

— Только вотъ это,—отвѣтила она и, наклонившись, поцѣловала его прямо въ губы. Она уже рѣшила, что онъ узнаетъ великую новость изъ ея собственныхъ устъ.

КОНЕЦЪ.

AP 50 Mir Bozhiĭ.
.M67
v.10
no.4
Apr
1901

UNIVERSITY OF CHICAGO
100 835 105